ТУРКМЕНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Проф. Гаиб НЕПЕСОВ

ПОБЕДА СОВЕТСКОГО СТРОЯ В СЕВЕРНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ (1917—1936 гг.)

А Ш Х А Б А Д
1950 г.

ОТ АВТОРА

В работе «Победа советского строя в Северном Туркменистане» понятие «Северный Туркменистан» или «районы Северного Туркменистана» соответствуют тому географическому положению, которое ныне занимают районы Ташаузской области в северо-восточной части Туркменистана.

Эти районы Туркменской ССР в прошлом (до 1920 года) находились в составе и на территории бывшего Хивинского ханства, а поэтому и туркмены, населяющие эти районы, в литературе обычно назывались **«хивинскими (или хорезмскими) туркменами»** в отличие от **«бухарских туркмен»**, населяющих ныне восточные и юго-восточные районы республики и находившихся в прошлом в составе и на территории бывшего Бухарского эмиратства, а также в отличие от **«закаспийских туркмен»**, населяющих ныне южные и западные районы Туркменистана и находившихся в прошлом в составе Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства.

Поэтому, когда в книге говорится «хивинские туркмены», «районы хивинских туркмен», речь идет о туркменах и населяемых ими районах бывшего Хивинского (или Хорезмского) оазиса, расположенных ныне в Северном Туркменистане.

Предлагаемая работа, по которой автор защитил в 1947 году докторскую диссертацию, является результатом 10-летнего труда автора. Основные архивные источники, использованные в работе, собраны автором в среднеазиатских и московских архивах. Автор в течение многих лет на месте, в районах хивинских туркмен и прилегающих к ним районах, собирал необходимый для работы материал. Он беседовал и записал воспоминания сотен старожилов, участников и очевидцев описываемых в работе событий.

В работе над книгой автору пришлось испытать огромные трудности. Самым главным затруднением, которое повседневно давало себя знать, было то, что вопросы революции, гражданской войны, басмачества и социалистического строительства в Хиве и Северном Туркменистане, рассматриваемые в данной работе, почти никем еще из советских историков не разрабатывались. Можно считать, что историческая литература, освещающая эти вопросы, совершенно отсутствует. Несколько журнальных и газетных статей, разновременно опубликованных по этим вопросам, чрезвычайно поверхностно освещали лишь отдельные эпизоды из интересующих нас вопросов и содержали немало серьезных принципиальных ошибок.

Это обстоятельство значительно осложняло ориентировку в весьма сложном и обширном историческом материале, на основе которого автор должен был делать правильные марксистские выводы и обобщения, особенно по таким вопросам, как межнациональные и межплеменные взаимоотношения в Хиве накануне победы социалистической рево-

люции. Единственно верной и самой надежной путеводной звездой для автора в разрешении этих сложных вопросов служили марксистско-ленинское мировоззрение, высказывания классиков марксизма-ленинизма.

Основная задача данной работы состояла в том, чтобы показать процесс объединения разноплеменных масс трудящихся Хивы под руководством партии большевиков в ходе революционной борьбы за свое национальное и социальное освобождение, показать решающую роль партии большевиков и помощи великого русского народа в сплочении разноплеменных народов Хорезма и Туркмении, в организации и успешном ходе их борьбы против своих и чужеземных врагов советской власти в Хорезме и Туркмении. В этой работе автор стремился дать правильное представление о деятельности отдельных партий, группировок, лиц, участвовавших в описываемых событиях в Хиве и Туркмении, показать политическую, экономическую и культурную жизнь хивинских туркмен такой, какой ее застала советская власть; показать обновление и прогресс жизни туркменского народа при советской власти, под руководством партии большевиков, вопреки бешенному сопротивлению контрреволюционного байства и его буржуазно-националистических союзников.

Основное внимание в этой работе уделяется показу роли трудящихся масс туркмен в революции, гражданской войне, в борьбе с басмачеством, в борьбе со всеми внутренними и внешними врагами, за победу социалистического строя в Хиве и Туркмении.

Вместе с тем, автор ставил перед собой проблему показать на конкретном примере хивинских туркмен ведущую роль великого революционного русского народа в сравнительно легком и быстром переходе туркменского народа в целом от отсталого патриархально-феодального уклада жизни к бурному социалистическому развитию, минуя стадию капитализма.

Неправильным будет предполагать, что эта работа составляет лишь новейшую историю какой-нибудь отдельной изолированной части Туркмении и туркменского народа. Невозможно дать научную историю народа или племени изолированно от окружающей среды. Автор старался, насколько позволяло наличие фактического материала, изложить новейшую историю хивинских туркмен не изолированно, а на фоне событий, происходивших как в Средней Азии в целом, так и в Хорезме и Туркмении.

Из экономических вопросов в работе уделяется особое внимание ирригации, определению ее места и значения в жизни народов Хорезма, так как проблема орошения для Туркмении являлась ключевой, от разрешения которой зависили дальнейший экономический расцвет Хорезма и Туркмении, преодоление тяжелейшего политического и экономического наследия многих веков.

Из политических вопросов советского периода в работе значительное место занимает борьба с басмачеством, ибо для туркменского народа и его партийно-советских организаций вооруженная борьба с байским басмачеством, с этой агентурой иностранных империалистов, главным образом Англии, явилась подлинной школой гражданской войны. В ожесточенных битвах со своими классовыми врагами туркменский народ получил революционную, большевистскую закалку, проявил верность своей родной советской власти, верность братскому союзу народов Советских Социалистических Республик.

Именно поэтому автор поставил перед собой задачу как можно глубже показать борьбу с басмачеством. Многие товарищи, недостаточно разобравшись в сущности басмачества, часто смешивали средневековое туркменское аламанство с байским басмачеством советского периода. Из этого ошибочного, глубоко неверного, взгляда вытекала вражеская легенда о том, что «туркмены любят безвластие», что «туркмены всегда были басмачами». Чтобы показать неправильность такого взгляда, автор нашел необходимым вкратце остановиться на истории средневекового туркменского аламанства.

Имеющиеся печатные материалы ограничиваются лишь поверхностным, общим, а иногда лишь попутным сообщением об отдельных сторонах жизни хивинских туркмен. Следует отметить, что все, или почти все, исследователи истории Туркмении и туркмен, хотя они свою работу обычно и называют историей туркменского народа или Туркмении в целом, ограничивались описанием только жизни туркмен бывшей Закаспийской области, почти не касаясь жизни прикаспийских, бухарских и хивинских туркмен.

Вопросы экономической структуры хивинских туркмен менее всего интересовали исследователей. Большинство напечатанных работ посвящено лишь политическим событиям. Но не раскрыв экономической основы социального антогонизма, политической борьбы, нельзя понять и оценить эти события. К тому же политические события, взятые изолированно от экономики, историками излагались крайне поверхностно, в виде хроники. При этом, в имеющихся работах допускались не только фактически наверное изложение, но подчас и искажение в характеристике лиц, событий и т. д.

Примером совершенно неправильной оценки характера исторических событий в Хиве может послужить «Предисловие» от издательства к брошюре П. Алексеенкова «Хивинское восстание 1916 года». Вот что сказано здесь о характере и движущей силе туркмено-узбекского восстания 1916 года в Хиве:

«Восстание Джунаид-хана в 1916 году является как бы повторением знаменитого восстания 1875-76 года в Кокандском ханстве под руководством Абдурахмана Автобачи. Не совпадает только хронологическая дата...»[1]).

Далее П. Алексеенков пишет: «Отсталые туркменские племена, к эксплоатации которых российский капиталистический империализм имел самое слабое прикосновение, впервые подняли знамя восстания против российского господства...»[2]).

И еще: «Туркменская молодая торговая буржуазия, и известная часть знати стояла во главе этого движения. Придя в Хиву, чтобы свергнуть хана и выгнать русских, она, таким образом, принесла сюда знамя национально-освободительной революции...

В то время, когда знать узбекская и верхние слои узбекской (хивинской) торговой буржуазии были агентами русского империализма и в значительной мере реакционной силой, туркменская торговая буржуазия и знать еще были силой революционной»[3]).

Все эти выводы и оценки абсолютно неверны и не соответствуют исторической действительности. Больше того, в 1925—1930 г.г. наши некоторые историки или пытающиеся быть советскими историками, не-

---

[1]) П. Алексеенков. «Хивинское восстание 1916 г.». Ташкент, Узгосиздат, 1930, стр. 3.

[2]) Там же, стр. 5.

[3]) Там же, стр. 5.

достаточно изучившие социальную, экономическую и политическую жизнь трудящихся народностей Хорезма (в частности, хивинских туркмен), совершенно неправильно характеризовали деятельность партии, групп, личностей, участвовавших в хивинских событиях. Одни из них восхваляли и идеализировали «младохивинцев», превращая этих буржуазных реформаторов в «революционеров»; другие незаслуженно объявляли «разбойниками» таких народных героев борьбы с ханско-царской властью, как Шамми-Кель; третьи не обратили внимания на деятельность таких крупных фигур в новейшей истории Хорезма, как Гочмамед-хан и т. д.

И в то же время такой отъявленный враг туркменского народа и руководитель феодальной реакции, как Джунаид-хан, у того же П. Алексеенкова, превращался в «народного вождя»[1]).

Надо полагать, что П. Алексеенков знал, что трудовая масса хивинских туркмен уже с 1912 года презрительно прозвала Джунаида «ханбайталом» (ханом-кобылой) за изменническое, предательское поведение в народных восстаниях туркмен против своих поработителей. Несмотря на это, П. Алексеенков старается в своей работе обелить Джунаид-хана, найти объяснения позорного поведения Джунаид-хана в восстании 1916 года. Эти попытки автора оказались, конечно, безуспешными.

И в работе В. Березкина «В Гюргенской долине» Джунаид-хан показан «объединителем» туркменских родов и племен, «вождем» их национально-освободительного движения. В. Березкин пишет:

«Первое проявление национально-освободительного движения среди русских туркмен относится к 1912 г., когда хивинские туркмены, во главе с Джунаидом, восстали против российского империализма и хивинского хана... Джунаид-хан, возглавлявший восстание, вынужден был бежать в Персию к пригюргенским туркменам, чтобы скрыться от преследований русского правительства. С этого времени были занесены национально-освободительные идеи в среду персидских туркмен»[2]).

И в статье Н. Фиолетова «Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией» Джунаид-хан также выглядит «борцом», «объединителем» и т. д.[3]).

Эти характеристики и оценки вождя туркменской реакции ничего общего не имеют с исторической действительностью и являются пересказом романтической легенды о Джунаид-хане, выдуманной и распространенной буржуазными националистами. В действительности, Джунаид-хан, как это доказывает огромное количество фактов и документов, имеющихся в нашем распоряжении, с начала до конца своей карьеры, был руководителем не туркменского народа, а блока туркмено-узбекской феодально-ишанской реакции, организатором контрреволюционных банд, агентом иноземных захватчиков, отъявленным врагом трудящихся, предателем туркменского народа.

Как мы говорили выше, наша работа написана, главным образом, на основе до сих пор еще не опубликованных и мало кем использованных, документальных материалов, извлеченных из фондов: Центрального

---

[1]) П. Алексеенков, указанная работа, стр. 11.

[2]) В. Березин. «В Гюргенской долине» (очерк туркмено-курдского восстания в 1924—1926 года). Москва, Ташкент, 1931 г., стр. 14—15.

[3]) См. «Исторический журнал», № 3, 1941, стр. 77.

Архива Красной Армии в Москве, Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции (ЦГАОР) в Москве, Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции Туркменской ССР (ЦГАОР ТССР), Архива Туркменского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) (Архив ТФ ИМЭЛ), Центрального Государственного Исторического Архива Узбекской ССР (ЦГИА УзССР), Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции Узбекской ССР (ЦГАОР УзССР) и его Военного Отдела (ВО ЦГАОР УзССР), Архив Узбекского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) (Архив УзФ ИМЭЛ), Ташаузского Областного исторического архива. В работе использованы также материалы фондов Института Истории Компартии (ИИКП) при ЦК КП(б) Узбекистана и Института истории, языка и литературы Туркменского филиала Академии наук (ИИЯЛ ТФАН).

Многочисленные материалы, привлеченные для работы, чрезвычайно разнообразны. Архивные документы, касающиеся Хивы и хивинских туркмен, за период 1916—1920 г.г., представляют собой материалы переписки, докладов, сообщений, донесений и т. д. ханских чиновников, агентов русского правительства и разных деятелей Хивы, или лиц приезжавших туда в качестве представителей партийно — советских и иных организаций Туркестанской АССР или РСФСР. Авторы ряды документов, повидимому, не были достаточно знакомы с излагаемыми ими фактами и вопросами, а поэтому при нашей проверке их сообщения и выводы зачастую не соответствовали действительности.

Чтобы получить достаточное и ясное представление о том, или ином факте, приходилось искать в различных архивах документы, написанные по одному и тому же вопросу. Особенно трудно было получить правильную ориентировку в случаях, когда автор архивного документа излагал события или обобщал факты с точки зрения определенных заинтересованных лиц, группировок, партий. А таких документов встречается немало.

Так, например, авторами докладов и сообщений, касающихся политических событий в Хивинском ханстве в период 1912—1916 г.г., являлись, почти исключительно, царские офицеры и чиновники. Таковы, например, материалы начальника Туркестанского районного охранного отделения полковника Волкова[1]), доклад генерала Галкина о своей экспедиции в Хиву[2]). материалы совещания 9—10 июня 1916 г., проведенного Туркестанским генерал-губернатором Мартсоном[3]),материалы дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе[4]), доклады генералов Лыкошина, Геппенера, полковника Колосовского[5]),статья неизвестного автора в газете «Туркестанские ведомости» под заголовком «Официальное сообщение о событиях в Хивинском ханстве»[6]).

Понятно, что эти авторы освещали хивинские события с точки зрения колониальной политики царизма, оправдывали эту политику и

---

[1]) ЦГИА УзССР, ф. XII, д. 1899-а под названием «Расследование о причинах восстания туркмен в Хивинском ханстве в 1915—1916 г.г.».

[2]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 110, л. 157—163.

[3]) Там же, л. 130—150.

[4]) Там же. «Переписка о волнениях среди туркмен в Хивинском ханстве в 1915—1916 г.г.».

[5]) Там же.

[6]) Газета «Туркестанские ведомости», № 54 (5399) от 9 (22) марта 1916 г.

в угоду ей освещали ряд фактов или поверхностно, или в искаженном виде. Они показывали царских представителей в Хиве в роли «нейтральных наблюдателей», или, в лучшем случае, в роли «примирителей сторон» (туркмен с узбеками). «Русская власть всемерно способствовала примирению сторон», — писал генерал-губернатор Мартсон в своем докладе в Петроград о волнениях хивинских туркмен в 1914—1916 г.г.[1]).

Перед лицом фактов многие из этих царских генералов и чиновников были вынуждены иногда говорить о тяжелом положении народной массы туркмен и узбеков Хорезма и о справедливости их жалоб на притеснения ханской власти. Но даже будучи вынужденными касаться таких моментов, авторы документов обычно ограничивались лишь поверхностной «критикой» деятельности хивинского хана Исфендияра и отдельных его министров. Так, например, говоря о причинах восстания хивинских туркмен в 1915—1916 г.г., туркестанский генерал-губернатор Мартсон 10 июня 1916 г. на упомянутом выше совещании заявил:

«Последние кровавые события в Хиве имели место почти исключительно вследствие игнорирования теперешним хивинским правительством справедливых требований туркмен, что в значительной степени обуславливалось отсутствием твердой и определенной программы нашей политики в отношении хивинских дел, причем не редко рекомендовавшееся охранение престижа хана не всегда совпадало с сохранением интересов его подданных и России»[2]).

В таком же духе писал генерал Галкин в своем упомянутом выше докладе 12 июня 1916 г., говоря о причинах восстания хивинских туркмен в 1916 году:

«Таких причин было, главным образом, три: отсутствие надлежащего порядка управления в ханстве, полное безучастие хивинских властей к насущным интересам туркменских родов и недостаточное наблюдение за действиями хивинских властей с нашей стороны»[3]).

Подобную «критику» царские администраторы позволяли себе только в узком, служебном кругу офицеров-чиновников или в секретных докладах и рапортах. При хивинском же хане Исфендияре и его министрах, от которых они получали огромные взятки, эти «нейтральные наблюдатели», царские офицеры и чиновники, не только восхваляли ханские порядки, но и жестоко подавляли народные выступления трудящихся туркмен и узбеков. В своих секретных докладах, царские генералы и чиновники (особенно в 1914—1916 годах) предлагали разные меры «для предотвращения и прекращения смуты» в Хиве, вели подготовку окончательной ликвидации внутренней полусамостоятельности хивинского ханства, превращения его в одну из областей царского Туркестана с русской администрацией.

Естественно, что при использовании таких документов необходимо было проявить особую осторожность.

Крайне недостаточны документы, отражающие события в Хиве периода февральской, а затем Великой Октябрьской Социалистической революции. Более или менее значительными (по объему) из них можно считать мемуарные записи бывшего лидера младохивинской партии и главы младохивинского правительства ХНСР Палвания Ходжа Юсу-

[1]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 107.
[2]) Там же, л. 135.
[3]) Там же, л. 161.

нова[1]), переписку полковника Зайцева с Ташкентом[2]) и его доклад атаману Дутову[3]).

Повидимому, Юсупов писал свои мемуары в 1923—1924 г.г. не по документам, а только по воспоминаниям. Поэтому, как это видно при сопоставлении его мемуаров с другими документами, ряд фактов и дат у него с действительностью не совпадают. Мемуары Юсупова написаны на узбекском языке арабским шрифтом. Перевод на русский язык сделан неудовлетворительно. Местами в переводе искажена мысль текста.

Вполне понятно, что Юсупов, будучи лидером партии младохивинцев и главой младохивинского правительства ХНСР, все события трактует с точки зрения младохивинцев, которых он выставляет «героями» хивинской народной революции и «невинными жертвами» как феодальной реакции, так и советской революции.

Поэтому в использовании мемуаров Юсупова пришлось проявить особую осторожность.

Не менее осторожного подхода требовала к себе переписка полковника Зайцева с Ташкентом и его доклад на имя атамана Дутова. Документы, написанные полковником Зайцевым отличаются чрезвычайным самохвальством их автора. При сопоставлении с другими данными обнаруживается, что приписываемая себе Зайцевым деятельность как в Хиве, так и во время его авантюрного похода против Ташкентского совдепа (через Чарджоу), во многом преувеличена.

Основными источниками для характеристики диктатуры туркменских феодалов Джунаид-хана, поход Джунаида на Советский Турткуль, победы народной революции и свержение ханской власти в Хиве и для характеристики диктатуры младохивинцев являлись:

1. Упомянутые выше мемуары П. Х. Юсупова[4]),

2. Доклад бывшего главнокомандующего хивинской группы войск Г. Скалова от 28 апреля 1920 г.[5]). к его статье (на туркменском языке) в журнале «Туркмен или»[6]).

3. Доклад бывшего командира бригады в Хиве В. Дубянского от 31 августа 1920 г.[7]).

4. Доклад бывшего председателя Турткульского совдепа и командира северного отряда хивинской группы войск Н. А. Шайдакова[8]).

5. Доклады бывших полномочных представителей РСФСР в Хиве Сафонова[9]). и Измайлова[10]).

6. Материалы бывших представителей Коминтерна и наркомнаца[11]) и Чрезвычайной следственной комиссии Туркбюро ЦК РКП(б) и Туркомиссии ВЦИК'а[12]).

7. Воспоминания бывших военных и политических работников Хивинского фронта[13])

---

[1]) ИИКП при ЦК КП(б) Уз., д. 349.
[2]) ВО ЦГАОР, УзССР, ф/с., д. 340.
[3]) ЦГАОР УзССР, ф. 147, оп. 33, д. 3, л. 32—44. Также см. журнал «Соловецкие острова», № 4, 5, 6, 1926 г.
[4]) ИИКП при ЦК КП(б) Уз., д. 349.
[5]) Там же, д. 1257, т. III, стр. 220—252.
[6]) Журн. «Туркмен или», № 2, 3, 1922 г., Ташкент.
[7]) Архив Штаба САВО, оп. 2, пачка 40, д. 22 и см. ИИКП Уз., д. 816, л. 92
[8]) ИИЯЛ ТФАН, ф. 1, д. 225.
[9]) ИИКП Уз., д. 1313, пап. 1, л. 150—165.
[10]) Архив Штаба САВО, оп. 12, пачка 39, д. 6, л. 66—69 и см. ИИКП Уз., д. 816, л. 94—98.
[11]) Москва, ЦГАОР, ф. Наркомнаца (д. 1218).
[12]) Партархив при ЦК КП(б) Уз., ф. 57, оп. 1/1, д. 16.
[13]) ИИКП при ЦК КП(б) Уз., д. 478, л. 1—29, д. 479, л. 1—44, д. 480, л. 1—69, д. 1342, л. 1—126.

Авторы первых трех документов (Юсупов, Скалов и Дубянский) по своим политическим взглядам были сторонниками буржуазного строя и, следовательно, являлись не революционерами, а реформаторами, случайно оказавшимися (Скалов и Дубянский) на командных постах в частях Красной Армии в Хиве. Скалов и Дубянский в своей деятельности всемерно поддерживали партию младохивинцев, и содействовали их приходу к власти.

Известно, что младохивинцы так же, как и бухарские джадиды (младобухарцы), никогда не возглавляли и не могли возглавить революционного выступления народных масс не только потому, что их программа была основана на догме шариата, но и потому, что их классовые интересы не совпадали с интересами народа. После победы хивинской народной революции, получив власть при поддержке Скалова, Дубянского и прочих троцкистских элементов, младохивинцы с помощью власти стремились подчинить своим классовым интересам дайханские массы. Младохивинское правительство продолжало прежнюю ханско-царскую политику угнетения национальностей Хорезма, и заняло крайне реакционную позицию по отношению к революционному движению народных масс — узбеков, туркмен, кара-калпаков и казахов. Боясь народных масс и большевизма, младохивинцы открыто начали заигрывать с феодально-ишанской реакцией, поддерживали все старые феодальные и религиозные институты.

Поддерживая младохивинцев и их буржуазно-байскую диктатуру, занимавшие в то время руководящие посты в командовании советских войск и в представительстве РСФСР в Хиве — Скалов, Дубянский и К° для того, чтобы оправдать свои контрреволюционные действия в Хиве и объяснить свои связи с реакционными элементами, в своих докладах и информациях, адресованных центральным руководящим органам, скрывали факты, искажали политическую ситуацию в Хиве, клеветали на народные массы, преувеличивали трудности и т. д.

«Отсутствие крупного промышленного хозяйства, —писал Скалов,— отсутствие среди узбеков (тем более среди туркмен) кадров фабричного пролетариата, невероятное невежество и темнота земельного полупролетариата, весьма сильная мелкая и средняя городская торговая буржуазия, при слабости в городе ремесленников, — все это не дает предпосылок для организации в Хиве советской власти... Мнение о возможности быстрого привлечения к активной политической жизни широких трудовых элементов, — я не разделяю»[1]).

А Дубянский, принимавший активное участие в расстреле младохивинским правительством в сентябре 1920 года туркменских красных добровольцев во главе с Гочмамед-ханом, характеризуя состав младохивинского правительства Юсупова, еще 31 августа 1920 года писал из Хивы:

«В правительстве сейчас собрано, за некоторым исключением, все лучшее, что может дать Хива, оно пользуется некоторой популярностью у населения. Силой, мешающей работе правительства и нашей, являются вожди Кош-Мамед, Гулям Али и Бакчи с их вооруженными шайками»[2]).

Ясно, что при использовании докладов Скалова и Дубянского нужно было соблюдать сугубую политическую осторожность.

---

[1]) ИИКП при ЦК КП(б) Уз., д. 1257, т. III, л. 223—224.
[2]) ИИКП при ЦК КП(б) Уз., д. 816, л. 92. См. также Архив Штаба САВО, оп. 2, пач. 40, д. 24, л. 45.

Для характеристики хозяйства, культуры, быта и общественно-политической жизни хивинских туркмен до советского периода (глава I) весьма важным источником явились материалы Комиссии по районированию Ташаузского округа[1]). Комиссия была образована в мае 1925 года правительством ТССР. В течение 12 месяцев члены этой комиссии собрали обширные сведения о хивинских туркменах ко времени их советизации.

Как пишет сама Комиссия, она эти сведения черпала как из показаний старожилов и местных работников-практиков, так и из личных наблюдений своих членов. Вполне понятно, что при использовании таких устных источников в сведениях Комиссии могли иметь место ряд неточностей. Это мы могли исправить данными архивных документов и дополнительным опросом очевидцев — старожил.

Кроме того, недостатки в сведениях этой комиссии восполнялись материалами последующей правительственной комиссии по обследованию Ташаузского округа в 1926—1927 г.г.[2]), а также отчетными докладами Ташаузского окружного комитета КП(б)Т и Окрисполкома за 1926—1927 и за 1928—1929 г. г.[3]). Эти последние материалы дают обширные сведения о состоянии советского строительства, о росте общественной жизни и об экономических и культурных достижениях населения Северного Туркменистана в период 1925—1930 г.г. (глава XI и XII).

Архивного фонда собственно хивинской ханской власти за 1916—1919 г.г. мы нигде не нашли. Некоторые научные работники Хорезма и Ташкента предполагают, что этот фонд сгорел в феврале 1920 года, когда бандиты Джунаид-хана при своем отступлении от Хивы сожгли там ряд домов и учреждений. От Джунаид-хана почти никаких письменных следов не осталось.

Также отсутствуют архивные фонды Хорезмской Народной Советской Республики (ХНСР) и Хорезмского Центрального Комитета Компартии (ЦК ХКП) за 1920 год, за исключением отдельных документов, сохранившихся в других фондах. Архивный фонд ХНСР за 1921—1924 г.г. хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) Узбекской ССР. Архивный фонд ЦК ХКП за те же годы хранится в Партархиве ЦК КП(б) Узбекистана. Оба эти хранилища содержат очень много документов, написанных на узбекском языке арабским шрифтом. Из них значительная часть не систематизирована и не имеет порядковой номерации.

В предлагаемой работе некоторые статистические данные, относящиеся к ханскому времени, грешат своей неточностью. Это объясняется тем, что не только в ханское время, но даже при ХНСР до 1923 года, Хорезм не имел постоянного учета и отчетности в современном смысле слова. Это видно из доклада Экономсовета ХНСР о хозяйственном плане ХНСР за 1923—1924 г.г., в котором говорилось:

«В ХНСР не существует до сего времени никакого рода отчетных данных за прошлые хозяйственные периоды. В ХНСР никогда не производилось никаких статистических работ, поэтому нет никаких точных количественных измерителей народного хозяйства: население, обрабатываемая и посевная площадь, пропорции культур, количество скота и все другие элементарные статистические данные, имеющиеся везде и всюду, здесь отсутствуют.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 5, 66 и 67; Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5
[2]) Там же, ф. 1, оп. 1, д. 66 и 67 и ф. 1, оп. 2, д. 885.
[3]) Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1042 и см. Ташаузский Облархив, д. 112.

Поэтому, при составлении хозяйственного плана на 1923/24 год у Хорезмского Экономсовета не оказалось возможности опираться на статистические сведения. Их пришлось заменять официальными данными государственных учреждений, покоющимися на шаткой основе административного опыта, а при отсутствии и последних — на сведениях опросного характера»[1]).

В ряде мест настоящей работы мы использовали материалы таких архивов, как Архив Туркменского филиала ИМЭЛ (быв. Партархив ЦК КП(б) Туркменистана), Партархив ЦК КП(б) Узбекистана и т. д. Такие фонды являются ценными источниками документов, дающих отражение партийного руководства работой местных партийно-советских и хозяйственных органов. Но, к сожалению, в силу ряда причин, автор вынужден был из этих фондов привлекать материалы не только партийного характера, но и общеисторического, попавшие в эти фонды в виде отчетов, докладов, сообщений местных государственных учреждений, общественных организаций и отдельных лиц. Конечно, было бы крайне желательно использовать в работе исключительно первоисточники из архивных фондов тех учреждений, откуда они исходили. Но мы были вынуждены широко использовать документы партархивов, главным образом, в силу того, что большое количество документов в упомянутых партийных архивах обнаруживаются в подлинниках, а в государственных архивах — они часто отсутствуют или имеются только в копиях.

В работе были также использованы фонды Института Истории Компартии (ИИКП) при ЦК КП(б) Узбекистана и Института истории, языка и литературы Туркменского филиала Академии Наук СССР (ИИЯЛ ТФАН). Как известно, в большинстве своем, такого рода фонды составляются из написанных работ или сборников и подобранных архивных документов по различным вопросам истории соответствующих областей и республик. Несомненно, исследователю необходимо использовать такие работы, сверяя их данные с первоисточниками.

В этом отношении особенно богатым является фонд Института Истории Компартии (ИИКП) при ЦК КП(б) Узбекистана. Здесь хранятся такие работы по Хиве как, например, «Сборник материалов к истории революции в Хиве» (д. 1257, в 3-х томах, в 7 папках), «Документы по истории революции в Бухаре и Хиве» (д. 816), «Материалы по истории революции в Хиве» (д. 1180) и др. Характерным для всех этих работ является то, что значительная часть содержащихся в них копий архивных документов не заверена, что безусловно снижает их ценность, и потребовало дополнительной проверки.

Здесь же, в ИИКП при ЦК КП(б) Уз., имеется такой ценный источник, как «Стенографический отчет воспоминаний участников хивинского фронта» (д. 478 и 480) и «Воспоминания старых комсомольцев — участников Октябрьской революции в Хиве» (дело 1342). Эти воспоминания были собраны в апреле и мае 1932 года тогдашним Среднеазиатским научно-исследовательским институтом в Ташкенте «для восполнения и исправления архивных материалов по истории революции и гражданской войны в Средней Азии»[2]).

Наибольшую трудность представляло изыскание архивных документов, отображающих борьбу с басмачеством. Имеющиеся на эту тему

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 17, л. 1—2.
[2]) ИИКП при ЦК КП(б) Уз., д. 1342, л. 1.

богатые материалы в архивных фондах министерств внутренних дел Туркменской и Узбекской ССР, а также в архивах военных частей (в виде специальных докладов и разведсводок) больше говорят о движениях басмаческих шаек, чем о борьбе с ними. Этот недостаток пришлось восполнить как информационными сообщениями местных партийно-советских органов, так и рассказами участников и очевидцев.

Итак мы видим, что целый ряд интересующих нас вопросов истории революции в Хорезме и Северном Туркменистане в архивной документации освещены слабо или совсем не отражены, а имеющиеся напечатанные материалы количественно очень малы, а по качеству не всегда удовлетворительны. Следовательно, для того, чтобы получить правильное и полное представление о многих событиях и фактах, надо было восполнить недостатки в архивных и печатных материалах.

Вот почему автор данной работы несколько раз (в 1936, 1937, 1941, 1943, 1945 и 1946 г.г.) объездил почти все районы, аулы и кишлаки Хивинского оазиса, прилегающие к оазису районы Кара-Кумов, посетил места, где произошли главные события и беседовал с местными жителями — со стариками, очевидцами и участниками описанных в работе событий. Таким путем автор записал и собрал рассказы и воспоминания не приводим в ссылочном аппарате, но можем сообщить. ображениям не приводим в ссылочном аппарате, но можем сообщить тому, кто ими заинтересуется.

Эти устные материалы давали богатые сведения для выяснения биографий видных лиц, для характеристики отдельных личностей, для выяснения отношения народной массы к событиям, власти, партии, группе, личности, для выяснения родовоплеменных взаимоотношений, культурно-бытового и хозяйственного уклада хивинских туркмен и узбеков. Эти сведения были нами использованы в предлагаемой работе наряду с архивными данными. Этот устный материал иногда являлся почти единственным источником для автора, вследствие недостатка или полного отсутствия соответствующих архивных документов.

Конечно, мы не упускали из виду, что свидетельства очевидцев и воспоминания участников имеют много отрицательных сторон, а именно: они часто отличаются скупостью, или, наоборот, излишней распространенностью изложения; для этих рассказов и воспоминаний характерна однородность, а иногда прямая недостоверность. Рассказ, воспоминание, предание, народный фольклор незаменим для исследователя, но они требуют большой осмотрительности при использовании, детальной и строгой сверки с данными архива, как это мы делали при использовании однородных архивных документов. Именно такой подход к источникам дал автору возможность установить подлинное лицо и классовый характер выступлений Джунаид-хана, Шамми-Келя, Гочмамед-хана и других.

Автор обратил особое внимание на деятельность одного из вождей народного движения в Хорезме — Шамми-Келя. Надо сказать, что никто из наших историков, интересовавшихся хивинскими событиями новейшего времени, не уделили внимания своеобразной и яркой исторической личности вожака туркменских дайхан. Между тем, как это автор показывает в данной работе, Шамми-Кель был подлинным народным героем, и его жизнь и борьба заслуживают детального изучения и освещения в нашей исторической литературе.

Предлагаемая работа не претендует на исчерпывающее и детальное изложение истории народов Хивы периода 1916—1936 годов. Как мы

уже отметили, одной из основных задач данной работы является стремление показать **процесс объединения** трудящихся различных, в прошлом нередко враждовавших между собою, этнографических групп и национальностей Хорезма и Туркмении в их борьбе за победу советской власти против своих общих врагов, против ханской власти, местных феодалов и торгово-ростовщической буржуазии, против иноземных империалистических захватчиков и их агентуры — байских басмачей и буржуазных националистов.

Это братское объединение стало возможным и осуществилось лишь под руководством коммунистической партии, благодаря помощи русского народа в период победоносной советской революции, гражданской войны и социалистического строительства.

В первых девяти главах работы описываются основные политические события, происходившие в Хиве в 1914—1924 годах, до национального размежевания республик Средней Азии. Последующие главы книги посвящены показу великих перемен, происшедших в жизни хивинских туркмен и всего туркменского народа при советской власти со времени образования Туркменской ССР до 1936 года — принятия великой Сталинской Конституции Союза ССР.

Автор за большую помощь, оказанную в работе над данной книгой, выражает глубокую благодарность коллективам и руководителям всех архивных учреждений, материалы коих использованы в настоящей работе, а также всем участникам и очевидцам описанных в работе событий, рассказы которых дали возможность некоторым образом восполнить отсутствующие письменные источники для освещения отдельных вопросов.

Автор обращается ко всем читателям с просьбой сообщить ему об обнаруженных в данной книге недостатках, и он с благодарностью учтет их при дальнейшей работе над затронутыми в книге вопросами.

Доктор исторических наук,
профессор Гаиб НЕПЕСОВ.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ХИВИНСКИХ ТУРКМЕН НАКАНУНЕ 1917 ГОДА

Хива (Хорезм) — оазис, отстоящий более чем на 500 километров от Средне-Азиатской (ныне Ашхабадской) железной дороги, наиболее отдаленный от торговых путей и культурного воздействия центров. В политическом отношении Хива — ханская феодальная деспотия, являвшаяся с 1873 года до Великой Октябрьской Социалистической революции колонией русского «военно-феодального империализма».

Население ханства до 1916 года исчислялось по отдельным источникам от 519 000 до 600 000 человек обоего пола[1]). Население Хивы состояло из узбеков (60%), туркмен (25%), каракалпаков, казахов и прочих (15%[2]).

Узбеки жили оседло в городах и кишлаках; занимались земледелием, ремеслами, торговлей; являлись в городах носителями книжной образованности; их феодальная верхушка, при активной поддержке царизма, держала всю политическую власть страны в своих руках. Узбеки составляли главную массу жителей в городских поселениях, территориально расположенных по нижнему (хорезмскому) течению Аму-Дарьи и у верховьев ирригационных каналов.

Туркмены обитали в западной и средней части оазиса, в районах нынешней Ташаузской области Туркменской ССР. Их хозяйство было смешанное — земледельческое-скотоводческое[3]). Основным видом скота являлись овцы и верблюды. Но в хозяйствах подавляющего большинства туркменских крупных баев (мюлькдаров), занимавшихся земледелием и скотоводством, водились большие стада крупного рогатого скота, а у некоторых имелись табуны лошадей.

Овцеводы разводили, главным образом, местную курдючную овцу и меньше — каракульскую породу овец. В крупных хозяйствах баев выращивались лошади-скакуны помудской породы, ценившиеся очень высоко; рабочим скотом являлись, преимущественно, киргизская и каракалпакская породы лошадей. Рогатый скот как молочный, так и рабочий, был низкорослый и невысокого качества.

Точных цифровых данных о состоянии скотоводства в районах хивинских туркмен за время до 1925 года мы не имеем. По приблизительным данным ханских чиновников, здесь до 1917 года было: овец и коз около 200 000 голов, рогатого скота 70 000, лошадей 40 000, верблюдов 25 000 и ослов около 10 000 голов[4]).

---

[1]) В. Лобачевский. Военно-статистическое описание. Хивинский район. Ташкент, 1912, стр. 102.

[2]) Там же, стр. 100.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 132.

[4]) Там же, л. 132.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Но главным занятием хивинских туркмен, размещенных на территории бывшего Ташауэского округа, ныне Ташауэской области, было не скотоводство, а земледелие[1]).

Здесь общая площадь земли, годной для обработки, исчислялась, по неполным данным Комиссии по районированию, приблизительно в 400 000 танапов[2]). Площадь фактически обрабатываемой земли определялась в 250 000 танапов (или 100 000 гектаров[3]).

Из этих данных видно, что свободных земель в округе имелось достаточно. Однако, вследствие несовершенства и запущенности ирригационной сети, население не в состоянии было своими силами освоить и обработать землю, пригодную для земледелия.

По климатическим условиям в округе возможно лишь исключительно орошаемое земледелие. Климат округа резко континентальный. Окружающие и теснящие его пески усиливают сухость климата и знойность лета, увеличивают огромную испаряемость, снижая и без того незначительные атмосферные осадки. Отдельные заморозки начинаются с конца октября и, хотя не часто, но встречаются даже в апреле месяце.

Почвы оазиса округа представляют преимущественно глинистые или суглинистые сероземы, сохранившие на себе следы древнего или современного орошения, а также солончаки и луговые почвы, местами чередующиеся с песками или такырами. Илистые наносы Аму-Дарьи не уступают нильским по качеству удобрения, и в этом отношении Ташауэский округ по плодородию занимает преимущественное место перед южными и западными районами Туркменистана.

Хозяйство здесь преимущественно интенсивное и все же оно не истощает почвы, так как все потери его компенсируются новыми наносами ила. Солончаки очень часты и занимают до 15% всей площади[4]).

Климатические и почвенные условия благоприятствуют произрастанию разнообразных ценных культур. Однако, в силу общей отсталости хозяйства, не вышедшего еще полностью из первобытных, замкнутых форм, круг разводимых культур ограничивался непосредственными нуждами хозяйства. Сеяли: хлопок, пшеницу, ячмень, рис, джугару (сорго), кунжут (сезам), люцерну, просо, маш (бобовая культура), зыгыр (лён); из огородно-бахчевых культур: дыни, тыквы, арбузы, а узбекская часть населения, кроме того, еще возделывала лук, морковь, картофель, табак, красный перец.

Садов было мало особенно в туркменских хозяйствах. Несколько десятков садов, находившихся в округе, принадлежали, главным образом, узбекской части населения. Это объяснялось тем, что оседлая жизнь туркмен, вследствие разрушения ирригационной сети и политической обстановки в стране, не была достаточно устойчивой. Среди древесных пород округа наиболее распространенными являлись: тут, тополь, карагач.

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 55.
[2]) 2,5 танапа равняется одному гектару.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 47.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 121.

Из сельскохозяйственных культур преобладающими, как указывалось выше, являлись культуры для собственного потребления; лишь незначительная часть их (около 20%) шла для рынка[1]).

Люцерну сеяли на корм и на семена. Специалисты писали, что «Ташаузский округ был издавна очагом семеноводства люцерны. Семена туркестанской люцерны были известны всему миру. Семена эти вывозились заграницу. На семенах туркестанской люцерны выросло люцерноводство Аргентины и даже Северной Америки. Главное качество семян люцерны, культивируемой в дельте Аму-Дарьи, — выдающаяся всхожесть и полное отсутствие кускуты»[2]).

Джугара (сорго), как продукт питания и основной корм для скота, имела в хозяйстве хорезмских земледельцев большое значение.

Земледелие в Ташаузском округе, как и во всем Хорезмском оазисе, отличалось чрезвычайно низким уровнем сельскохозяйственной техники и большой трудоемкостью. Обработка земли под посев производилась следующим образом: на площадь земли, предназначенную под посев, пускали воду из арыка самотеком или при помощи чигиря; затем, как только земля пропитывалась водой и размокала, ее вспахивали деревянной сохой, запряженной парой быков, лошадей или верблюдов; в последних случаях вспашку обслуживало одновременно два человека. Еще до поливки поле, в том случае, когда земля была тощей или же если земледелец желал увеличить урожай, унаваживалось, затем следовал сев вручную, после чего поле бороновалось деревянной бороной.

Земля требовала удобрения по нескольку раз в год. При отсутствии навоза для удобрения в большинстве случаев использовали ил, выброшенный на берег при чистке арыков. Поливы занимали первое место среди всех работ по земледелию; начиная с первых дней появления воды (появлялась она обычно в начале марта), поливы не прекращались до начала октября: в начале сезона, как указывалось выше, производилась поливка для подготовки почвы к посеву, затем—поливка культур в период вегетации и в конце лета — для подготовки почвы под озимые культуры. Кроме того, вода использовалась для поливки так называемых шудигаров (земли под паром). Работы в поле, начинались в первых числах марта, продолжались до середины ноября, почти без перерыва, приблизительно по десять — пятнадцать часов в день (часто бывало, что работали и в лунные ночи).

Календарь хорезмского земледельца был прост, работы производились по унаследованной традиции. Так, время посева распределялось примерно следующим образом:

с 1 марта сеяли яровую пшеницу, ячмень, хлопок;

с 1 мая — джугару, кунжут, дыни и огородные культуры;

с 1 июня — маш, рис, просо;

с 1 сентября — озимую пшеницу.

Время сбора урожая:

в июне происходил сбор урожая озимой пшеницы;

в июле—августе — кунжута, дыни и огородных культур;

в сентябре—октябре — хлопка, джугары. Сбор всего урожая заканчивался к концу октября — началу ноября.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 47.

[2]) Ташаузский облархив, д. 112, л. 51.

Главным орудием труда при сборе всех видов зерновых культур и люцерны являлся обыкновенный туземный кривой, короткий и зубчатый серп, крайне неудобный для быстрой жатвы. Такой архаичный инструмент позволял дайхану работать только сидя на корточках.

При хошарной[1]) и поливной работе хорезмские земледельцы обходились повсюду распространенными в Средней Азии лопатами и кетменями.

Земледельческая техника Хорезма в целом и районов хивинских туркмен в особенности, как мы видим, характеризуется: примитивностью орудий, своеобразием выработанных вековой практикой приемов сельскохозяйственного производства и громадной затратой человеческого труда. Хорезм совершенно не знал тех европейских машин, с которыми было знакомо в разной степени крестьянское население не только России, но даже и Туркестана, в частности, Закаспия.

Первобытный местный омач, ручная местная лопата, борона из сучьев, тяжелое бревно для уравнивания вспашки и раздробления земляных комьев, молотьба вручную или животными на току, примитивное водоподъемное колесо — «чигирь», приводимое в движение животными, — таковы были сельскохозяйственные орудия хивинцев.

Удобрение применялось широко, но в самых примитивных формах. Главным материалом для удобрения, как мы указывали, являлась подсыпка в шахматном порядке земли из илистых речных наносов или старых дувалов, затем навоз, наконец, всевозможные отбросы. При таких примитивных способах поля обрабатывались все же лучше, чем в других местностях Средней Азии, благодаря колоссальному приложению человеческого труда.

Напряженного труда требовал процесс молотьбы. Общепринятым с древних времен способом было обмолачивание зерна ногами животных. На огромных байских харманах (место, где производится молотьба) зерно молотилось лошадьми в упряжках. С раннего утра до поздней ночи беспрерывно кружились вокруг хармана несколько упряжек лошадей по 3—4 лошади в каждой. Дайхане-бедняки на молотьбе своих маленьких харманов использовали, в лучшем случае, ослов, а зачастую молотили вручную обыкновенными палками. Середняки на такой работе использовали своих коров и быков.

При такой отсталой, примитивной технике сельскохозяйственного труда дайхана-земледельца, несмотря на его интенсивность и активное воздействие на природу, был малопроизводительным и лишь благодаря упорному труду дайхан и благоприятным для сельского хозяйства почвенно-климатическим условиям урожайность культур местами бывала довольно высокой[2]).

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

В Хорезме с давних пор утвердилось индивидуальное право на землю. Эти индивидуальные права, в силу давности их происхождения, также защищались и обычным правом, и искусным толкованием шариата. В результате этого мы находим в Хорезме очень пестрые, но достаточно оформившиеся институты землевладения и землепользования, а именно: землевладение — частное, государственное и вакуфное и землепользование — подворно-собственническое (наследственное) и арендное.

[1]) Общественная очистка ирригационных систем от илистых наносов.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 124.

Хивинское ханство было типичной патриархально-феодальной страной. Из 400 000 десятин орошаемой земли страны большая часть принадлежала узбекским и туркменским помещикам-мюлькдарам, мусульманскому духовенству — вахымдарам и государству (так называемая «падшалыковая земля»[1]). Как мюльковые, вакуфные, так и падшалыковые земли сдавались дайханам в аренду на самых тяжелых условиях. В связи с ростом спроса русских торговцев и промышленников на хлопок и на семена люцерны, мюлькдары и вахымдары стали расширять из года в год свои земельные владения настолько, что орошаемые земли все больше и больше сосредоточивались в руках кучки феодальной аристократии как узбекской, так и туркменской национальностей.

Это расширение земельных владений мюлькдаров и вахымдаров происходило в первую очередь за счет обезземеливания дайханской массы и имело своим последствием рост бедноты и батрачества и систематическое разорение среднего дайханства.

Земледелие в Хивинском ханстве было по преимуществу мелкое, частнособственническое. Все население могло быть разбито на следующие пять групп по размеру землевладения:

1-я группа от 1 до 3 танапов — 40%.
2-я группа от 3 до 5 танапов — 25%.
3-я группа от 5 до 10 танапов — 20%.
4-я группа от 10 до 20 танапов — 10%.
5-я группа свыше 20 танапов — 5% общего числа хозяйств[2]).

Отсюда видно, что более половины всего числа хозяйств имели не свыше 5 танапов земли на хозяйство. Это землевладение следовало признать мелким, так как в среднем на хозяйство приходилось не свыше двух десятин земли и на душу населения около 0,3 десятины, то есть менее одного танапа. Крупные хозяйства составляли всего $^1/_{20}$ от общего числа хозяйств, а хозяйства в 100 танапов представляли редкое исключение.

В Ташаузском округе только лишь свободных падшалыковых земель, которые по различным причинам (недостаток рабочих рук, отсутствие воды, сельскохозяйственного инвентаря и т. д.), оставались не использованными, имелось свыше 40 000 десятин[3]).

Падшалыковые земли, которыми распоряжались хивинский хан и его приближенные (придворные чиновники, министры, районно-городские хакимы, туркменские родовые и племенные мохердары), доходили в Ташаузском округе до 50 000 десятин[4]). Владельцы этих земель сдавали в аренду за кесим, то есть за $^1/_5$ урожая, отчего и земли эти получили название «кесим ер» (кесимных). К падшалыкам относились также все пустопорожние пространства, нерегулярно используемые земли, приозерные и густотугайные (лесистые) места.

Озера разной величины (всего площадью около 29 000 гектаров[5]) с разной степенью пресности воды разбросаны по всему округу, но более тесно сгруппированы они на северо-западе от Куня-Ургенча и по южной окраине Тахтинского района.

---

[1]) В. Лобачевский. Военно-статистическое описание, Хивинский район, Ташкент, 1912, стр. 110.

[2]) Из материалов Экономического Совета Хорезмской Народной Советской Республики (ХНСР), ЦГАОР, УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 20, л. 5.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 136.

[4]) Там же, л. 107.

[5]) Ташаузский облархив, д. 112, л. 36.

Под лесом занято всего около 3 290 гектаров площади[1]). Лесонасаждения были наиболее распространены в Тахтинском и Ильялинском районах. Особенно большие (густотугайные) поросли имелись и в восточной части Порсинского района. Все лесонасаждения также эксплоатировались на правах аренды.

Вакуфные земли (или вахым ер) первоначально образовались, как мы уже говорили выше, из земель, пожертвованных ханами и всеми состоятельными лицами в пользу (на содержание) медресе (средние школы при мечетях), мектебов (начальные школы при мечетях) и прочих духовных учреждений. В Ташаузском округе в рассматриваемый период только лишь свободных (не используемых по различным причинам) вакуфных земель было свыше 12 000 десятин[2]). Они так же, как и падшалыковые земли, сдавались дайханам в аренду за кесим — $^1/_5$ урожая. Размер уплаты за арендуемые вакуфные земли определялся казиями (духовными шариатскими судьями). Раздача вакуфных земель в аренду, сбор арендной платы и распределение сборов между всеми чинами мусульманского духовенства (ахун, казий, ишан, мулла, суфи, муфти, галандар, муджевур и проч.) производилась особым должностным лицом — «мутували», который назначался на эту должность правительством из числа ахунов данной медресе. За эту службу мутували получали $^1/_{10}$ сборов[3]). Этот порядок существовал среди узбеков, а туркменские вахымдары (держатели вакуфных земель) хозяйничали без посредничества мутувалов.

Частное землевладение имело две категории: крупное и мелкое, причем обе являлись подворно-наследственными.

В аулах и кишлаках совершенно отчетливо различались четыре типа частноземлевладельцев: мюлькдар (помещик), гуруплы дайхан (или бай дайхан — кулак), орта дайхан (или гургун дайхан — середняк) и гарып дайхан (или кембагал — бедняк[4]). Мюлькдаром называли человека (главу хозяйства), имеющего в своем хозяйстве свыше двух атлыков (60 танапов) поливной земли, более пяти чигирей или отдельный (собственный) самотечный яб, более пяти арымчиев (дайхан-испольщиков) и более пяти хызматкаров (батраков). Мюлькдары составляли около 0,4 процента всего количества хозяйств (дворов) округа[5]). Гуруплы дайханом (кулаком) называли землевладельца, имеющего от 30 до 60 танапов поливной земли, от 2 до 5 чигирей, от 1 до 5 ярымчиев и от 2 до 5 хызматкаров; эта категория составляла около 2.4% всего количества хозяйств округа[6]). Орта дайханом (середняком) считали дайхана, имеющего от 5 до 10 танапов поливной и неполивной земли, от 1 до 2 чигирей и лично трудящегося на своей земле. Такие середняки составляли около 20% всех хозяйств округа[7]). Гарып дайханом (бедняком) считали дайхана, имеющего от $^1/_2$ до 2 танапов поливной и неполивной земли, имеющего 1 осла, или 1 быка, или вовсе не

---

[1]) Ташаузский облархив, д. 112, л. 37.

[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 136.

[3]) Архив ТФ ИМЭЛ. Материалы к истории КП(б)Т, д. 33, л. 36.

[4]) Первые две категории, да и вообще богатых людей (включая и городских торговых и промышленных) обычно называли одним словом «бай» — богатый; а последние две и вообще трудившихся людей называли словом «пукара».

[5]) Из отчетного доклада Ташокрисполкома за 1926-27 г.г. См. архив ТФ ИМЭЛ, ф 21, д. 9, л. 28. Дополняются рассказами старожил.

[6]) Там же, л. 28.

[7]) Там же, л 29.

имеющего рабочего скота и сельскохозяйственных орудий. Бедняков (кембагалов) было около 70%, а совершенно безземельных дайхан около 10% общего числа хозяйств округа[1]).

Большая часть поливной земли из доли частного землевладения принадлежала крупным и мелким баям-феодалам, составляющим лишь около 3% землевладельческого населения; остальные 97% населения, составляя трудовое дайханство, находились в полной экономической зависимости от байства.

Самой распространенной и главной формой феодальной, полукрепостнической эксплоатации дайханства в округе являлась так называемая ярмычилык (испольщина), которая осуществлялась посредством аренды поливной земли и сельскохозяйственного инвентаря.

Господствующей формой арендной платы являлось взимание части урожая натурой (среди туркменского населения денежная форма аренды совершенно не существовала; точно так же и всякие иные расчеты — по найму, купле-продаже и т. д. — в основном производились натурой, чаще всего хлебом).

В результате произвола и грабежа со стороны баев дайхане в большинстве лишались орудий производства (рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря), накапливавшихся в избытке у баев; последние, пользуясь этим, жестоко эксплоатировали дайхан, установив тяжелую, хищническую форму аренды. Арендаторами поливной земли являлись в большинстве случаев не дайхане (безземельные и малоземельные), а бай, имевший в избытке сельхозинвентарь. Такой бай для применения своего сельхозинвентаря нуждался в новых участках поливной земли и рабочей силе. Бай не только снимал у дайхан (не имевшего сельхозинвентаря и рабочего скота) в аренду его поливную землю, но зачастую вместе с ней приобретал и рабочую силу дайхана. Можно установить следующие четыре формы аренды:

1. Дайхан сдает баю только поливную землю. В таком случае он (дайхан) получает $^1/_5$ урожая.

2. Дайхан сдает поливную землю и с ней и свою рабочую силу. В этом случае он получает себе $^2/_5$ урожая.

3. Дайхан сдает и поливную землю и дает семена и сам нанимается, тогда он получает себе $^1/_2$ урожая.

4. Дайхан сдает поливную землю и дает семена, но сам не нанимается (по случаю нетрудоспособности), тогда он получает $^2/_5$ урожая[2]).

При такой форме аренды дайхане, оказавшись в кабале у бая, быстро лишались своих клочков земли. Бай под различным предлогом присваивал землю бедняка и безжалостно притеснял середняка. В туркменских аулах наблюдалось очень много случаев, когда дайхан-«ярымчи» (испольщик, или издольщик), потеряв право на свой земельный участок, был вынужден или арендовать у бая поливную землю (тогда он получал себе от $^1/_7$ до $^1/_{10}$ урожая), или же наняться батраком (хызматкар-дайханом) за определенное количество хлеба в год или в сезон.

Таким образом, процесс поглощения баями дайханской земли при помощи различного рода кабальных сделок шел весьма быстро.

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 28—29.

[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 118—119. Дополняется рассказами старожил.

ВОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

На Востоке вообще, а в Хорезме в частности, основу всей экономической жизни составляла вода, водная оросительная система. Хива — страна искусственного орошения, где землепользование полностью зависело от водных условий. Вода была самым жизненным вопросом для населения Хивинского оазиса; она являлась важнейшим орудием закабаления и жестокой эксплоатации дайханских масс; она определяла во многом и классовые, и национальные, и родо-племенные отношения в ханстве. Это можно видеть на примере туркменских районов Хивы.

Несколько туркменских стариков, с которыми в 1943 году мы беседовали в колхозе «8 марта» Куня-Ургенчского района Туркменской ССР, рассказывали, что они и их деды и прадеды постоянно находились во вражде с хивинскими ханами, главным образом потому, что те в далеком прошлом, завладев источниками воды — ключами жизни, — стали диктовать туркменам свою волю. За покорную службу хивинские ханы отпускали туркменам воду и выделяли по 30 танапов земли на каждого посылаемого в распоряжение хана вооруженного всадника. Такой земельный участок назывался «атлык» (от слова «атлы» — всадник). По приказу хивинских ханов, всадники-туркмены, которых называли специальным термином «нокер», почти непрерывно находившиеся в военных походах, и члены их семей освобождались от несения повинности «казу», то есть от личного участия в работах, связанных с прорытием новых каналов или очищением от наносов существующих водных магистралей. Но все же и они должны были платить в казну специальный, так называемый «сув салгыды» (водный налог). Такие отношения между хивинскими ханами и туркменами существовали с перерывами вплоть до 70-х годов XIX века до установления русского протектората над Хивой.

Хивинские ханы в течение нескольких столетий силами рабов провели из Аму-Дарьи в туркменские районы (через узбекские населенные пункты) около 12—15 больших магистральных каналов, главными из которых были:

Палван-Ата — 102 километра длины, 31 метр ширины, 2 метра глубины; канал имел 51 яб (ответвлений) общим протяжением в 913 километров[1]).

Шават (или Шах-Абад) — 160 километров длины, 44 метра ширины, 3,5 метра глубины; имел 56 ябов общим протяжением 785 километров[2]); общая площадь орошаемой им земли определялась приблизительно в 25 000 десятин[3]).

Шамурад (или Шах-Мурад) — заканчивался в урочище Уасс, обслуживая более 30 000 десятин[4]).

Сипай-Яб (или Он-Гулач) — заканчивался в урочище Сары-Камыш, орошая более 40 000 десятин[5]).

Среди других наиболее крупных каналов были: Ярмыш, Газават (или Газы-Абад), Клыч-Нияз-бай, Мангит, Урус-Яб и другие[6]).

---

[1]) Материалы по районированию Средней Азии, ч. 2, Хорезм, стр. 110.
[2]) Там же, стр. 12.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 97.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) Там же

Но наличие вод в этих магистральных каналах, а также в крупных — распределителях (числом около 138[1]) и мелкой и мельчайшей сети (исчисляемой десятками тысяч) арыков зависело от произвола хивинского хана, от его симпатий или антипатий к отдельным туркменским племенам и родам. Так, например, после удачных походов хивинского хана против Ирана или Бухары хан приказывал провести новый арык или очистить старый для того племени или того рода, отряд нокеров которого особенно отличился во время ханского похода своей удалью и геройством в битвах с врагами Хивы. И, наоборот, каждый раз после неудачных военных походов хан приказывал немедленно закрыть приток воды в ябы племени или рода, нокеры которого были заподозрены ханом в измене или трусости во время похода. Хивинские ханы так поступали и по другим причинам и поводам. Всякая перемена в ханском престолонаследии (смена ханов) также немедленно отражалась на состоянии оросительной системы в туркменских районах. Всякий хивинский хан имел среди туркмен по отношению к себе «дружественные» и «недружественные» племена и рода. Ясно, что «недружественные» всячески преследовались прежде всего по линии водопользования.

Вследствие таких причин хивинскими ханами был совершенно закрыт приток воды в старые крупные магистральные каналы Даудан, Шах-Мурад и другие, а также были закрыты многие ябы из остальных магистралей.

Старые ханы советовали своим наследникам: «Давать туркменам столько воды, чтобы они не взбунтовались от голода и не зазнались от довольства»[2]).

А русский исследователь времени правления хана Мухамед-Рахима II (1864—1909) отметил, что «...хан имеет в своих руках испытанное неоднократно его предшественниками средство заставить туркмен себе повиноваться: средство это — лишение туркмен воды, подаваемой каналами из Аму-Дарьи»[3]).

Следствием закрытия ханами туркменских каналов явилось то, что за последние 50—60 лет до Октябрьской революции большая часть территории хивинских туркмен опустела, а некоторые места ко времени революции находились на грани запустения. Один из членов Комиссии по районированию Ташаузского округа, лично объезжавший эти места в 1925 году писал:

«Ныне почти бездействующая ирригационная сеть магистральных каналов Шах-Мурада, Сипай-Яба, Галпак-Яргана с хорошо развитой мелкой сетью каналов покинута. Оставшееся в этом районе незначительное число жителей нормальных ежегодных посевов на этих каналах не делает за ненормальностью поступления воды, так как в этот район вода поступает только свободная, что бывает лишь в многоводные годы, из каналов Собета, Диван-Беги, Клыч-Нияз-байской системы»[4]).

Здесь речь идет о состоянии оросительных систем, расположенных на территории нынешнего Ленинского района.

Другой член той же комиссии, посетивший в том же году Куня-Ургенчский район, сообщал:

«При объезде района поражает большое количество прорытых за-

---

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 20, л. 2.

[2]) Из рассказов старожил.

[3]) В. Лобачевский. Военно-статистическое описание, Хивинский район, Ташкент, 1912, стр. 111.

[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 67, л. 5.

брошенных арыков, это все остатки когда-то широко развитой ирригационной сети... Хан-Яб поддерживается до города Куня-Ургенча, дальше широко развитая система заброшена, и население, переселившись на головную часть канала, прорыло массу новых арыков»[1]), «...постепенно шло переселение аулами, отдельными хозяйствами к головной части каналов Хан-Яб, Урус-Яб, Собет, Клыч-Нияз-бай, Мангит и др.; хвосты же этих каналов с широко развитой ирригационной системой забрасывались и некогда культурные места обращались в пустыню»[2]).

Таким образом, можно определенно сказать, что ко времени образования Туркменской ССР экономическая жизнь хивинских туркмен, народное хозяйство в туркменских районах Хивы, в связи с заброшенностью и запущенностью оросительных систем при ханско-царском владычестве, находилось в состоянии полного упадка. В связи с этим некоторые из туркменских племен и родов оказались на грани вымирания.

Это значит, что в экономическом отношении Советской власти досталось в наследство лишь несколько плохо действующих, полуразрушенных магистральных каналов, которые крайне нуждались в немедленной государственной помощи для их восстановления и коренной реконструкции.

Существующие арыки и их многочисленные распределители-ответвления — не только находились в весьма запущенном состоянии, но и совершенно не соответствовали инженерно-техническим требованиям. «Наличие большого количества параллельных каналов, неудачное расположение голов каналов, многоголовье, большая протяженность холостых частей, не только магистральных каналов, но и распределителей, излишняя извилистость, наличие излишне крутых поворотов, отсутствие правильной водосбросной сети и, наконец, полное отсутствие регуляторов инженерного типа,—таковы характерные признаки оросительной системы Ташаузского округа»,—так писал в 1925 году специалист—член Комиссии по районированию Ташаузского округа[3]).

А в самом докладе этой Комиссии мы читаем: «...вся оросительная система Ташаузского округа исключительно туземного типа..., в силу ряда технических условий, она с трудом удовлетворяет нужды дайхан в пределах существующей площади посевов и совершенно не стимулирует ее расширению, так как полезное действие оросительной сети ничтожно и поэтому сельское хозяйство является весьма трудоемким»[4]).

Несовершенство и запущенность оросительной системы объяснялось еще и примитивностью тех орудий производства, которыми население пользовалось в водном хозяйстве. Главным, почти исключительно единственным орудием труда, которым население пользовалось на всех участках ирригационной работы, являлась туземная лопата, изготовляемая местными кустарями-кузнецами из привозного железа или стали.

Лопата эта двух видов: пиил и кепче, из которых каждая имела свое особое назначение. Пиил — широкая лопата, железная или стальная, с деревянной рукояткой в 1,5 метра длины, используется на тяжелых работах, а кепче — железная узкая, круглая, легкая лопата с деревянной рукояткой в 2—2,5 метра длины, используется на сравнительно легких земляных работах при выбрасывании наносов из глубины яба на берег, при очистке маленьких арыков и т. д. Ясно, что при

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 67, л. 1.
[2]) Там же.
[3]) Там же, ф. 21 д. 5, л. 27
[4]) Там же, л. 65

таких орудиях труда производительность при постройке и ремонте больших ирригационных сооружений была весьма ничтожной, а труд становился каторжным.

В Ташаузском округе, кроме самотечного (аячного) орошения, имелось и так называемое чигирное орошение. Около 60% всего орошения производилось посредством чигирей. Чигирь состоит из трех больших деревянных колес, из которых два зубчатых (как в часовом механизме) приводят в движение третье, маховое, колесо. К последнему кругом привязывалось от 60 до 70 гончарных кувшинов (дигир), которые черпали воду из глубины особого арычка (дартмы), отливая ее в другой арычек (салму). Средний диаметр махового колеса не превышал 3,5 аршина, а зубчатых — по 2—2,5 аршина.

Чигирь приводится в движение быком, лошадью или верблюдом под постоянным наблюдением одного человека; в течение 10 часов он поднимает количество воды, достаточное для того, чтобы полить одну десятину. Самотеком та же площадь могла быть полита в 2,5 раза быстрее. Стоимость чигирной поливки в денежном отношении равнялась примерно 15 рублям на танап (или около 40 рублей за 1 десятину[1]).

Потребность в чигирях обусловливалась прежде всего небольшим падением Аму-Дарьи, вынуждавшим закладывать головы магистральных арыков значительно выше по течению реки от мест орошения; этим объясняется то, что арыки отходят от Аму-Дарьи не перпендикулярно к ее руслу, а уклоняются вслед за течением реки на север. Кроме того, и самый рельеф местности не позволял создать сплошного самотечного орошения, ибо вода протекала значительно ниже горизонта орошаемой земли, что и выдвигало необходимость искусственной поливки поля путем подъема воды.

Чигирное орошение, несмотря на то, что по своей примитивности само по себе не рационально и весьма трудоемко, получило большое распространение среди населения Ташаузского округа.

К началу 1916 года в Хивинском ханстве насчитывалось, по неполным данным, около 100 тысяч чигирей, требовавших для приведения их в действие 100 тысяч голов скота и 50 тысяч человек[2]), а в районах хивинских туркмен насчитывалось около 6 тысяч чигирей[3]).

«Население Хорезма, — писал уполномоченный Средне-Азиатского экономического совета по изучению хозяйства Хорезма, — пользуясь чигирем, на полив одной десятины затрачивает почти в 4 раза больше труда, чем население районов самотечного орошения, не считая, что в первом случае ему приходится тратить еще 26,6 поденщины скотского труда»[4]).

Система водопользования еще в большей степени, чем система землепользования, служила средством для эксплоатации и разорения дайхан. Вода сама не являлась предметом гражданских сделок, но она была неразрывно связана с землей и обусловливала пользование ею. Она имела решающее значение при продаже земли, наследовании, аренде и проч.

Вообще право на землю определялось здесь правом на воду и следовало за последним с той лишь разницей, что в то время, как право

[1]) По показаниям старожил и материалам Комиссии по районированию Ташаузского округа, см. ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 122.

[2]) Материалы по Истории революции в Хиве. ИИКП Уз., д. 1180, л. 16.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 103.

[4]) Материалы по районированию Средней Азии, кн. 2, Хорезм. Ташкент. 1924, стр. 46.

Таким образом, хозяйство с 10 танапов земли должно было выделять ежегодно 53 рабочих дня для ремонта и чистки ирригационной сети[1]).

Работы по очистке и исправлению ирригационной сети производились весной и частично осенью. Вся работа по поддержанию оросительной системы в порядке натуральной повинности состояла из работ на межнациональных (или межрайонных) систем — так называемый «внешний казу», и из работ по внутренней сети — «внутренний казу». Первая работа состояла в очистке и расширении головных частей (сака) магистральных арыков, прорытии новых сак, очистке и прокопке новых водосбросов и поддержании ограничительных дамб (гачы), чистке магистралей и устройстве новых каналов межнационального значения за пределами округа. Второй вид работ состоял из чистки внутрирайонных и межаульных магистралей и ябов, в борьбе с паводками, устройстве новых и чистке старых аячных самотечных арыков и чигирь-салмы, подводящих воду к полям.

Если учесть, что население же поставляло необходимые для всех этих работ материалы, можно будет считать, что общая стоимость ежегодных ирригационных работ, помимо работ над арыками в пределах своего аула и смежных участков, обходилась населению по приблизительному, но сравнительно точному подсчету, в 1 миллион рублей золотом, что составляло на одну десятину орошения земли 2 рубля 44 копейки[2]).

Число рабочих, выставляемых населением на эти работы, достигало 50 000 человек на срок от 5 до 6 недель ежегодно[3]).

Ежегодно на чистку межнациональных главных магистралей только лишь населением районов хивинских туркмен затрачивалось более 131 000 человеко-дней, не считая арбо-дней[4]). А ежегодные работы по очистке магистральной сети внутри туркменских районов выражались округленно в 171 000 человеко-дней[5]). К этому следует прибавить рабочую силу, которая затрачивалась на работу по очистке мелких оросителей, чистившихся 2—3 раза в лето, на что, примерно, тратилось до 25 000 человеко-дней[6]). «Таким образом, — заключает специалист, — ежегодная трата рабочей силы по округу на очистку выражается, примерно, в 327 000 человеко-дней»[7]).

Эти обязательные натуральные повинности особенно тяжело отражались на мелких (бедняцко-середняцких) хозяйствах, обязанных всю мужскую силу посылать на «казу». Байские элементы различным путем уклонялись от посылки казучиев в соответствии с размером поливной земли. «Тогда, — говорит старожил Ага-Дурды, — нашему господину Полат-баю, имевшему 7—8 тысяч танапов земли, пришлось бы посылать на казу ежегодно 700—800 рабочих, а он посылал (и то по своему желанию) не больше 5—6 рабочих из числа своих батраков»[8]).

Ясно и то, что мирабы, эти ставленники байства, в первую очередь направляли всю поступившую в ябы воду на поля тех же баев, а дайхан-ярымчи, на котором лежала вся тяжесть казу, должен был

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 122.
[2]) ЦГАОР УзССР, ф. 71, оп. 1, д. 20, л. 3.
[3]) Там же, л. 4.
[4]) Ташауэский облархив, д. 112, л. 31.
[5]) Там же, л. 4.
[6]) Там же.
[7]) Там же.
[8]) Из рассказа старика, бывшего бедняка-ярынчия Ашыр-Кела, Ага-Дурды оглы, жителя аулсовета № 6 Куня-Ургенчского района.

ждать получения воды, пока не удовлетворится бай-хищник. Таким образом, байство страны все больше и больше обогащалось на эксплоатации трудового дайханства.

В водопользовании существовал ряд крупных технических недостатков, главнейшими из которых являлись:

1) отсутствие гидротехнических сооружений на основных распределителях, приводившее к непрерывному заливанию системы, разрушению бортов, прорывам дамб, что ежегодно вызывало огромные затраты труда на восстановление оросительной сети;

2) отсутствие на второстепенных арыках регулирующих приспособлений, вследствие чего нормального распределения воды между отдельными группами водопользователей почти не происходило. Хозяйства, расположенные на верховьях, захватывали себе большую часть воды и, используя из забранного количества не больше половины, остальную сбрасывали в пески, обрекая тем хозяйства, расположенные в низовьях системы, на постоянный водяной голод.

Эти недостатки приводили к тому, что трудовое дайханское хозяйство терпело большие убытки вследствие недорода и непроизводительной затраты рабочей силы на ремонт и чистку арыков и т. д. Перечисленные недостатки оросительной сети создавали почву для бесконечных споров и кровавых столкновений между родами и племенами, между туркменами и узбеками.

При недостаче воды даже чигирное водопользование способствовало столкновению между узбекским и туркменским населением. В качестве примера можно указать на чигирное орошение, существовавшее по магистральному арыку Газават, берущему начало из Аму-Дарьи на территории узбеков. В головной и средней части Газавата расположено узбекское население, а в хвостовой — туркменское. Вода попадала на поля узбеков ранее, чем на поля туркмен, и в таком количестве, что уже потом в арыке нехватало воды для орошения посевов туркмен. Главным способом перекачки воды на поля узбеков, кроме самотечного орошения, являлся чигирь, приводившийся в движение силой течения и механически поливавший поля. Никакие нормы полива здесь не соблюдались, да и невозможно было их регулировать при господстве феодальных аристократов, каждый из которых имел по 10—15 таких чигирей. Естественно, что туркмены ненавидели узбекские байские чигири, отнимавшие у них воду. «Мы, туркмены, — рассказывал один старик, — дайхане Тахтинского района, не шли на казу на голову Газавата в одиночку и даже маленькими группами, а отправлялись большими партиями, да еще вооруженными огнестрельным оружием, потому что мы боялись узбеков, так как они могли нас убить за то, что наши казучи, останавливаясь на дороге, часто и в большом количестве разрушали узбекские чигири»[1]).

Таким образом, можно определенно сказать, что земельно-водные богатства края, основная масса средств производства находились в руках крупных и мелких феодалов, которые подвергали дайханскую массу беспощадной, феодальной, полукрепостнической эксплоатации и способствовали пауперизации дайханства. Маломощное дайханство не в состоянии было сопротивляться разорению и обнищанию своего хозяйства. Существовавшая средняя норма земель-

[1]) Из рассказа старожила Ораз-Гельды Пальванова, жителя аула Ходжакумет Тахтинского района.

ного надела, которым владел дайхан-середняк (не говоря уже о бедноте), являлась голодной иормой[1]). К тому же упорная борьба с солончаками, необходимость тщательного и обильного удобрения еще более усиливали трудоемкость земледельческой работы в округе и повышали цены на продукцию сельского хозяйства, что видно из следующих подсчетов, произведенных советскими специалистами в конце 1924 года:

«I. Вес снимаемой ежегодно засоленной толщи равен приблизительно на десятину 4 000 пудам, что составляет при средней грузоподъемности арбы в 20 пудов 200 арб, или в среднем 12,5 рабочих дней, беря цены на рабочие руки и рабочий скот в день по данным, полученным при статистической переписи, для первых 90 копеек, для вторых 1 рубль 50 копеек, или 2 рубля 40 копеек рабочий день, что в 12,5 дня составит 30 рублей.

II. Земля подвозимая в хозяйство для смешивания с навозом из расчета на 1 десятину весит приблизительно 4 000 пудов; вывозится на 1 десятину в поле готового навоза 6 000—10 000 пудов, что составляет пятьсот арб, или 33 × 2 р. 40 к. составит 80 рублей.

III. Стоимость рабочей силы при чигире и рабочего скота складывается из следующих расчетов, считая средний вегетационный период в 90 дней для всех культур:

а) прокорм скота, полагая в сутки 10 снопов клеверу и 8 фунтов зернофуража . . .	45 р. 80 к.
б) стоимость труда погонщика (в день 50 коп. × 90)	45 р.
в) стоимость амортизации чигиря и ремонта, считая 20% от заготовительной стоимости	15 р.
Всего	105 р. 80 коп.

IV. Обслуживание поля на одну десятину обходится:

Подготовка и чистка арыков	5 руб.
Поливка, считая в среднем пять раз в год .	5 „
Вспашка и бороньба до 10 раз	15 „
Уборка урожая	16 „
Перевозка, молотьба, веяние . . .	15 „
Посевные семена (средним весом 6 пудов по 2 руб.)	12 „
Итого	68 руб.

V. Всего обработка одной десятины в год:

Борьба с солончаками	30 руб.
Удобрение . . .	80 „
Чигирное орошение	105 руб. 80 коп.
Обслуживание поля . . .	68 „
Всего	283 руб. 80 коп.

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 122.

Доход с одной десятины среднего урожая:

150 пудов пшеницы по 1 рублю 20 копеек	= 180 руб.
Солома 250 пудов по 20 копеек	= 50 руб.
Всего	230 руб.»[1])

«Такой неблагоприятный для дайхана баланс, — заключает специалист, — может существовать лишь в условиях натурального обмена и крайней эксплоатации имущего класса.

Если приложить к этому еще налоги, то, принимая во внимание, что цены на рабочую силу взяты рыночные, минимальные, можно заключить, что трудоемкость хозяйства такова, что она не стимулирует занятия земледелием»[2]).

Состояние орошения, затраты на его содержание и восстановление определяли себестоимость продуктов сельского хозяйства и, в частности, хлопка. Перспективы экономического развития страны были неразрывно связаны с разрешением ирригационных проблем.

Отсюда и вытекало совершенно исключительное политическое значение ирригации в Хорезме.

Ведь все работы, связанные с получением воды, производились трудом и средствами народных масс, а поступавшая в арыки вода присваивалась мюлькдарами и вахымдарами, которые были почти полностью освобождены хивинским ханом от участия в производстве ирригационных работ. Руководство водопользованием сверху донизу находилось в руках узбекской и туркменской феодальной верхушки. Владение водой было огромной силой в руках баев, которые использовали ее как могучий рычаг эксплоатации дайхан.

В результате преступного отношения ханской власти и русской царской администрации в Хиве к нуждам населения из года в год запускалась очистка магистральных каналов от наносов, размер поступления воды в ябы все больше и больше сокращался, многие арыки постепенно разрушались и засыхали, и когда-то в прошлом густо населенные туркменские районы — Ак-Тепе, Буз-Гоман, Ак-Сарай, Алили-Ой, Гарагоджа-Ой и т. д. (ныне территория Ильялинского, Ленинского, Тахтинского и Куня-Ургенчского районов) — к 1916 году были почти обезлюдены и превращены в пустыню. В результате этого население стало все больше сгущаться там, где арыки еще не совсем разрушились и давали хотя бы ничтожное количество воды.

Недостаток воды, тяжелые работы, связанные с ее получением и требующие к тому же больших средств, свирепствующее в стране ростовщичество, неимоверно тяжелые налоги и повинности ханской администрации, — все это вынуждало дайханскую массу итти к баям в кабалу, а баям давало возможность подвергать дайхан жестокой крепостнической эксплоатации.

Положение туркменских дайхан оазиса ухудшилось еще тем, что их земли лежали в самом хвосте главных каналов, а в головной и средней части каналов были расположены мюльковые и вакуфные земли узбекских феодалов.

Разумеется, поступавшую в каналы воду в первую очередь присваивали туркменские мюлькдары и вахымдары и лишь незначительная ее часть попадала в туркменские аулы. Ханско-царская власть Хивы,

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 123.
[2]) Там же. Также см. ТФИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 58.

чтобы не дать возможности трудящимся узбекам и туркменам объединиться против своих общих угнетателей и чтобы создать между ними постоянную вражду и рознь из-за воды, сознательно не допускала туркменских дайхан работать совместно с узбекскими дайханами по очистке головных и средних частей каналов. Взамен этой работы каждый туркменский дайхан обязан был платить в казну специальный, так называемый «водный» налог в размере 2 тилля (3 рубля 60 копеек) в год, независимо от того, получает ли он воду или нет. Кроме того, всю работу по казу в низовых частях каналов обязаны были производить туркменские трудящиеся своими силами и средствами.

Совершенно прав был автор статьи «О Хиве», говоря о том, что «казу и бигары были главным источником обогащения ханских сановников за счет разорения народа хивинского»[1]).

В тех случаях, когда узбекские дайхане, доведенные до нищеты и разорения, выступали против своих мюлькдаров и вахымдаров, требуя воду, то их феодалы обычно отвечали им, что в этом виноваты туркмены, — они не участвуют в казу и получают воду бесплатно. А туркменские феодалы в свою очередь говорили своим дайханам, когда те приходили в отчаяние от недостатка воды, что в этом виноваты узбеки. Когда же трудящиеся туркмены, доведенные до голода и отчаяния, выступали с оружием в руках против ханско-царской власти, борясь за воду, за жизнь, против всех видов угнетения и притеснения, то ханские сановники и царские генералы пускали против них различные средства борьбы, начиная от организации карательных экспедиций и туркмено-узбекской резни и кончая закрытием тока воды в туркменские арыки.

Следовательно, в Хиве вода была издавна превращена также в орудие колониального угнетения.

Прав был представитель Наркомнаца, писавший в своем докладе о Хиве о том, что «наличность военной организации в руках групп, которые ведут борьбу за воду и землю с ранее осевшими узбеками, в руках которых сосредоточивался государственный аппарат, и было главной причиной длительной гражданской войны этих групп за последние десятилетия»[2]).

Именно вода являлась основой так называемого «туркмено-узбекского противоречия», или туркмено-узбекской национальной вражды в Хиве, существовавшей до Советской власти. Каждое новое притеснение со стороны угнетателей становилось непосредственным поводом к активным выступлениям туркменских народных масс, а такими поводами были ежедневный произвол — произвол хана и его сановников, произвол городских хакимов, казиев, аульных аксакалов, произвол туркменских мохердаров, кетхуда, сердаров, мирабов, произвол царских генералов и русских капиталистов.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Ведущую роль в промышленности и торговле Хивы играли русские капиталисты. Наиболее крупные торговые операции как по местным товарам — хлопку, семенам люцерны, каракулю, шерсти, так и по всем товарам фабрично-заводского производства велись российскими купцами а хивинским купцам (главным образом, узбекским) предоставлялось лишь посредничество между производителями и покупателями и низовая торговая сеть.

---

[1]) «Известия ТуркЦИК'а», № 138 от 24/XI—1918 г. Ташкент, стр. 2.
[2]) Москва, ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 1231, л. 3.

Царизм намеренно тормозил здесь, как во всей Средней Азии, рост местной промышленности, насильно удерживал Хорезм в роли рынка для сбыта изделий русской промышленности и поставщика сырья для фабрик и заводов русских капиталистов.

По одним данным, к началу 1917 года на территории Хивинского ханства находилось 3 маслобойных завода средней величины, принадлежавшие русским фирмам, и более 25 хлопкоочистительных заводов[1]). А по другим данным, там насчитывалось «15 хлопкоочистительных и маслобойных заводов, которыми владели агентства 24 различных торгово-промышленных фирм Центральной России»[2]). Но эти заводы были очень мелкими, с низким, технически отсталым оборудованием, и их назначение сводилось лишь к первичной очистке хлопка. Эти 24 агентства, вместе с отделением Русско-Азиатского банка в Ургенче, сосредоточивали в своих руках все торгово-ростовщические операции в городах и селах ханства и выжимали из народа огромные прибыли. Местные же «заводы» по существу служили складочными пунктами, в которых от местных купцов-посредников производилась приемка всякого рода сырья и отпускались им фабрично-заводские изделия для перепродажи населению ханства по повышенным ценам.

О масштабе капиталовложений русских капиталистов в хивинское хлопководство и семеноводство говорит автор статьи «Хива» в газете «Советский Туркестан». Он пишет: «Предпоследние годы хлопководство в Хиве весьма сильно развивалось и многие видные хлопковые деятели утверждали, что в ближайшее время Хива превзойдет даже Фергану, и это подтверждается тем, что в последние 2—3 года Хива обогатилась многими новыми заводами, в которые расчетливые предприниматели затратили миллионы денег»[3]).

Конечно, расширение посевной площади под хлопок и люцерну, при сохранении феодальных методов эксплоатации дайханства, отсталой средневековой технике, при отсутствии крупных ирригационных сооружений и агрономической помощи, происходило исключительно за счет разорения, обезземеливания и обнищания широких масс дайханства. Масса хлопкоробов была опутана всякого рода кабальными сделками, цепями ростовщичества: дайхане получали кредит под чрезвычайно высокий процент — от 150 до 200 процентов[4]).

Все прибыли от посевов хлопка и семенной люцерны попадали в руки местных баев и русских капиталистов, наживавшихся на каторжном труде дайхан. «Буржуазией, эксплоатирующей полуколониальную Хиву, — пишет представитель Наркомнаца, — была буржуазия российская в лице Саввы Морозова, Крафта, Путилова и Русско-Азиатского банка. Местной агентурой их была фирма Бакаловых и немногие другие, использованные как комиссионеры»[5]).

Несмотря на то, что Хива, в результате превращения ее в колонию царской России, в рынок сырья и сбыта для русских капиталистов, втягивалась в мировое товарное обращение, она оставалась бедной, нищей, отсталой колониальной страной со средневековой земледельческой техникой, кочевым и полукочевым скотоводством, страной с господством патриархального дайханского хозяйства и феодальных общественно-политических отношений.

---

[1]) Газета «Советский Туркестан», № 16 от 3 июля 1918 г., Ташкент.
[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 91.
[3]) Газета «Советский Туркестан», № 16 от 3 июля 1918 г.
[4]) Журнал «Новый Восток», № 11, 1923, стр. 16.
[5]) ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 1213, л. 14.

«Национальное неравенство здесь до сих пор покоилось на исторически сложившемся экономическом неравенстве. Это неравенство выражалось прежде всего в том, что эти окраины России (особенно Туркестан), находившиеся на положении колоний или полуколоний, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов»[1]).

Эти слова из резолюции X съезда РКП(б) в полной мере относятся и к Хорезму, важнейшей характерной чертой социально-экономического строя которого было именно господство докапиталистических отношений.

Ремесленное производство в Хивинском ханстве издавна славилось как своей разнообразностью, так и оригинальностью изделий. Каждая национальность, даже каждое племя имело свое специфическое кустарно-ремесленное производство.

У хивинских узбеков преобладали такие отрасли кустарной промышленности, как деревообделочная (изготовление чигирей, туземной арбы, постройка каркасных стен в жилых домах и т. д.), металлообрабатывающая (изготовление лопат, топоров, кетменей, серпов и проч.), сапожная, портняжная, ткацкая (выделка хлопчатобумажной ткани — маты, чапан), гончарная, кирпичная, ювелирная и т. д., — все они были приспособлены главным образом к обслуживанию земледельческого хозяйства и потребности кишлачно-городского байства. Совершенно другой характер имело кустарно-ремесленное производство у хивинских туркмен. Ремесленники-туркмены обслуживали потребность примитивного земледельческого хозяйства и потребности туркменского воинства и байства.

Высокого уровня достигло у хивинских туркмен знаменитое иомудское ковроделие. Не только специалисты-ремесленники, (но и почти каждое хозяйство выпускало высококачественные ковры, килим, голан и прочие предметы, необходимые как кочевому, так и оседлому хозяйству[2]). Все они отличались прочностью и изяществом. Некоторые исследователи сообщают, что ковровое производство у хивинских туркмен к 1914 году достигло довольно большого развития, выбрасывая на рынок изделий на общую сумму до 700 000 рублей в год, из коих около 20 процентов составляли курджумы (хорджумы — ковровые переметные сумки) и паласы[3]). Как известно, главной ценностью ковра и паласа является их долговечность и изящество, что достигалось в то время употреблением высококачественной шерсти и завозных, отчасти местных, растительных красок особой прочности.

Другим видом изделий у хивинских туркмен являлась выработка ткани из верблюжьей шерсти для халатов (шалчекмен). Эта прочная и изящная ткань обладала свойством не пропускать воду. Тот же автор сообщает, что производство шал-чекмена «... в довоенное время достигало в год 10 000 кусков ценою по 10 рублей кусок»[4]). Жаль, что этот исследователь не обратил внимания на такие отрасли туркменского кустарно-промышленного производства, как массовое производство кошмы различного цвета и разнообразного назначения (для покрытия

[1]) Резолюция X съезда РКП(б) в марте 1921 г. по докладу товарища Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». См. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, изд. 6-е, ч. I, стр. 386.

[2]) Килим, голан — принадлежности туркменской кибитки.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 143.

[4]) Там же.

юрты-кибитки, для застилки пола, для покрытия лошадей и верблюдов и т. д.).

Все эти и ряд других немаловажных изделий производились, главным образом, умелыми руками туркменок. С переходом к оседлости они быстро научились у соседних узбечек способам производства маты, бязи и алачи (хлопчатобумажной ткани, идущей на женское платье, мужское белье и халаты). Говоря о размерах производства таких изделий к концу 1924 года, тот же исследователь сообщает, что за один базарный день продавалось по Ташаузскому округу до 150 штук халатов или в неделю при двух базарах до 300 штук. В год это составляло около 15 000 штук, что при средней цене в 7 рублей дает цифру приблизительно 100 000 рублей. «Учитывая, что из халатов, продаваемых на рынке округа, 75 процентов является привозными из Хивы, Гурлена и Ургенча, местную продукцию можно определить цифрой приблизительно 25 0000—30 000 рублей в год»[1]).

Конечно, способ выработки всех указанных изделий как у туркмен, так и у узбеков был совершенно примитивным, полностью кустарным.

Все инструменты, которыми пользовались в ковровом и ткацком ремеслах, являлись старинными изобретениями местных кустарей.

Туркменские кузнецы изготовляли, главным образом, кривые шашки, пичак — «гаратап» (крупные ножи), ганан (капкан для охоты), лошадиные подковы и сельскохозяйственный инвентарь. Плотники-туркмены больше всего специализировались на изготовлении деревянных частей кибиток, соки (крупорушки), челек (бочки для воды), седел (лошадиных, верблюжьих), кюнде, омач (деревянной сохи) и прочих сельскохозяйственных орудий.

Туркмены мало занимались охотой, несмотря на наличие благоприятных условий, и совершенно не занимались рыболовством (в туркменских озерах рыбу ловили кара-калпаки и узбеки). Туркмены-скотоводы (особенно иомудского рода машырык) занимались выжиганием угля из мелкого хвороста или саксаула для местных нужд.

Туркменские и узбекские кустарно-ремесленные производства носили натурально-потребительский характер и имели главной целью обслуживание нужд земледельческого и скотоводческого хозяйства. Кустари-ремесленники в основной свой массе сохраняли средневековую организацию с обычным для нее подразделением на мастеров (уста), подмастерьев и учеников (шагирт) с бесплатной работой последних.

Машинизированной промышленности в Ташаузском округе не было, если не считать, как говорится в докладе комиссии по районированию Ташаузского округа, «...четырех хлопкоочистительных заводов, из коих один действующий, один годен к пуску и два совершенно разрушены»[2]). Действующим являлся хлопкоочистительный завод в самом городе Ташауз, принадлежавший до революции Большой Ярославской мануфактуре. Он производил заготовку хлопка-сырца, его очистку и прессовку. Для заготовки хлопка ташаузский хлопкозавод имел пять скупочных пунктов[3]), которыми охватывал все районы округа за исключением Куня-Ургенчского района, обслуживавшегося Ходжейлинским заводом, и Кубадагско-Карайылгынского (ныне Тельманского) района, который обслуживался Мангитским заводом.

Скупка хлопка производилась непосредственно от дайхана-производителя или через родовых сердаров, аульно-кишлачных аксакалов и

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 143.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 70.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 157.

специальных комиссионеров путем заключения персональных договоров и двухкратной выдачи задатка хлопкоробам (под посев и под окучку). Задатки под посев выдавались в размере 40 рублей на десятину, а под окучку — в размере 9 рублей[1]). Задатки выдавались также и натурой (чаем, сахаром, мануфактурой и проч.).

Торговля в Ташаузском округе, как и во всем Хивинском ханстве, получила значительное развитие после завоевания Средней Азии царизмом, под влиянием усиленного проникновения сюда русского торгово-промышленного капитала. Для того, чтобы читатель мог представить себе картину сравнительного развития в Хорезме торгово-ростовщического капитала и степени его влияния на экономическую жизнь хивинских туркмен, сделаем небольшие отступления к прошлому.

Хивинский оазис, как и вся Средняя Азия, представлял собой весьма доходный рынок для сбыта российской промышленной продукции. В одном только 1885 году на базарах Хивы и остальной части Средней Азии было реализовано товаров российской промышленности на сумму 3 880 000 рублей[2]). Большинство этих товаров составляли мануфактура (ситец), чай, сахар, пряжа бумажная, керосин, нефть, металлы. В дальнейшем этот привоз из года в год увеличивался, чему особенно способствовали постройка Закаспийской железной дороги и открытие пароходного движения по Аму-Дарье и Аральскому морю.

Так, например, из России в Хиву в 1897 году было привезено 230 000 пудов товаров общей ценностью в 7,3 миллиона рублей, в 1911-1912 годах — 2,2 миллиона пудов на сумму 18,6 миллиона рублей[3]).

Вместе с тем увеличился и вывоз из Хорезма различного рода сельскохозяйственного сырья для нужд российской промышленности. Из ханства в Россию вывозили хлопок, волокно, семена люцерны, продукты шелководства, кожу-сырье, каракуль, шерсть и ковры. Так, в 1897 году вывезено 482 000 пудов разных товаров на 3 925 000 рублей, а в 1911—1912 годах — 1 558 000 пудов на 14 760 000 рублей[4]).

Все большее место занимает вывоз хлопка и семян люцерны. Так, из районов Хивинского ханства было отправлено в Россию хлопка:

в 1899	году	150 000 пудов
в 1900	„	320 000 „
в 1905	„	450 000 „
в 1910	„	600 000 „
в 1911	„	680 000 „
в 1912—1913	г.г.	700 000 „ [5])

Лишь в один сезон 1915—1916 годов из пределов Хивы было вывезено в Россию 2 000 000 пудов хлопка[6]), а годом раньше отсюда же было отправлено на Гамбургский рынок до 400 000 пудов высокосортных семян люцерны[7]).

Эти цифры говорят о том, что население Хивинского ханства, в том числе и туркмены, вовлекались в систему международного торгового капитала. Это сильнейшим образом влияло на систему туркменского хозяйства, на социально-экономические отношения и быт.

Российский торгово-промышленный капитал проникал в туркменский аул, заставляя дайхан сеять хлопок и семенную люцерну, он

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 157.
[2]) ЦГАОР УзССР, ф. 71, оп. 1, д. 112, л. 28.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) ТФАН ИИЯЛ, д. 780, л. 4—5.
[6]) ИИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 91.
[7]) Там же, л. 9.

пробивал себе путь к скотоводам, вынуждая их продавать шерсть, кожу, ковры, паласы и соблазняя туркменское байство большими доходами от продажи этих товаров. Перед байством открывалась новая перспектива обогащения. Хивинский хан теперь не нуждался в их военных услугах, ибо его охраняло царское войско. Междоусобица феодальных государств на территории Средней Азии кончилась. Рабовладение и аламанство официально запрещены царизмом. В новых условиях байство искало путь к обогащению через расширение земледелия и скотоводства за счет обездоливания и безжалостной эксплоатации своих сородичей, туркменской дайханской и скотоводческой (чарвадарской) массы.

Теперь борьба между родовыми вождями (сердарами) сводилась к стремлению захватить новые поливные земли, увеличить количество эксплоатируемых дайхан. Быстро вырастают такие крупные торговцы-купцы, как Анна-бала (один из крупных родоначальников племени емрели Ильялинского района), Какабай-кервен-баши и Мамед-Гурбан-кервен-баши (из рода ушак Тахтинского района), Бабаджан-махрем и Пири-махрем (из рода машырык ныне Ленинского района), Баба-Джохит (из рода салак ныне Тельманского района) и другие.

Своеобразие проникновения капитализма в Хиву состояло в том, что в силу существовавшей здесь особой колониальной системы управления туркменами (о чем см. ниже) торгово-денежный капитал использовал рамки существующих родовых отношений. Глава рода зачастую, кроме функции бая-феодала, присваивал себе также и функции торговца. Процесс превращения родового вождя в бая-торговца более ярко выражен в местностях, расположенных ближе к базару, к торговым центрам. В местностях же, более отдаленных от базаров, товарность хозяйства была значительно ниже, но и здесь товарооборот происходил через главу рода и позволял ему делать значительные накопления.

До известного периода времени почти единственными посредниками между российским торгово-промышленным капиталом и туркменским дайханом-производителем являлись пришлые татарские или узбекские торговцы-скупщики. Но под влиянием усиливающейся торговли и ослабления изоляции туркменское байство, усвоившее все выгоды новых отношений, пытается само стать посредником и вытеснять из туркменского аула узбекских и татарских торговцев-посредников. Так начинается борьба между туркменскими и узбекскими торгово-ростовщическими элементами за монополию ограбления туркменских дайхан. В этой борьбе ханско-царская власть Хивы поддерживала сторону узбекской буржуазии и помогала вытеснять туркменских торговцев с внутреннего рынка.

Тем не менее туркменские торговцы (купцы, скупщики) на время захватывают в свои руки внешнюю торговлю Ташаузского округа, торговлю с рынками Закаспийской области и гюргенскими (астрабадскими) туркменами. Они наводняют базары хивинскими халатами, матой (алачой, бязью), номудскими коврами, шаль-чекменами и прочим. Туркменские торговцы связываются не только с ахалтекинскими и гюргенскими купцами, но и с иранскими и афганскими. Из Ирана и Афганистана привозили в Ташаузский округ зеленый чай, краску для ковроделия, телетин (обделанную кожу для обуви), огнестрельное оружие разного калибра, терьяк, гокнар (опиум) и прочее. Туркменские купцы вели почти исключительно оптовую торговлю (что называлось на их языке аяк совда), в мелкой розничной торговле (ханнат, или алып-сатар совда) они почти не участвовали.

Внутренняя торговля в Ташаузском округе, главным образом розничная, почти всецело находилась в руках узбекских и пришлых татаро-нагайских торговцев. Эта торговля сосредоточивалась в городе Ташаузе и в крупных населенных пунктах: Просы, Куня — Ургенч, Ильялы, Тахта, Гок-Чага, Таза-Базар, Ак-Тепе и Чюрик-Кала, которые имели свои базары.

По внешнему виду селения Ташаузского округа представляли собой группы построек типа усадьб-хуторов, тесно сомкнутые одна с другой и окруженные высокими глинобитными стенами с боевыми башнями по углам. Наиболее типичным в этом отношении был Ташауз — самый крупный узловой торговый пункт. Важнейшим транспортным нервом, оживляющим этот город, являлся магистральный арык Шават, соединяющий Ташауз с Ургенчем (на востоке) и с Ильялы (на западе).

Населенный пункт Ильялы[1]) находился на большой караванной дороге, идущей через Кара-Кумы, а поэтому он считался центром транзитной торговли и на его большом базаре можно было видеть много заграничных товаров.

Пункт Порсы[2]), расположенный на магистральном арыке Клыч-Ниаз-бай, также являлся узловым пунктом торговых путей, соединяющих его и Ильялы с Ходжейли и Мангитом и Ташауз с Куня-Ургенчем. В рассматриваемый период Порсы находился в большей своей части в полуразрушенном состоянии.

Порсы оживлялся лишь в базарные дни, а «между тем, — пишет очевидец, — еще в недавнем прошлом это был крупный базарный центр, в котором всегда кипела жизнь»[3]).

Такими же были в прошлом Тахта и Куня-Ургенч. Последний стоял на магистральном арыке Хан-Яб, соединяясь торговыми путями на севере с Кунградом и Ходжейли, на западе с полуостровом Мангишлак через степи Усть-Урт.

Торговля была сосредоточена почти исключительно на базарах, функционировавших регулярно два раза в определенные дни недели. Торговцы, как правило, имели торговые лавки на нескольких базарах, и переезжали в эти дни из города в город. На базаре все лавки открывались лишь в базарные дни, в другие дни их было очень мало. Так, по данным 1924 года, в самом городе Ташаузе в базарные дни открывалось по приблизительному подсчету от 300 до 400 регулярно действующих лавок, а в небазарные дни там функционировало, обычно, не больше 25 торговых единиц[4]).

Розничная торговля производилась в небольших, плохо оборудованных помещениях под простыми навесами или в небольших растворах, расположенных по обе стороны главных улиц, на базарных площадях или в больших дворах (караван-сараях). Каждая однородная группа предметов торговли имела на базаре свою строго определенную территорию, определенное место, получившую название по видам товаров:

мал-базар — скотный, с подразделением на группы: верблюдов, овец, рогатого скота, ослов и прочего;

галла-базар — хлебный (тоже с подразделением на отдельные виды зерна);

базаз-базар — торговля мануфактурой;

баккал-базар — торговля галантереей и бакалеей;

---

[1]) В произношении туркмен — йыланлы — «змеиное место».

[2]) Ныне Калининск.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 20. Дополняется рассказами старожил.

[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 84.

одын-базар — торговля топливом (местными дровами) и т. д.

Базары бывали настолько многолюдны, что передвигаться по ним было трудно. Хотя у хивинцев и существовала поговорка, которая гласила :«Пулсыз базара барандан копунсыз горе гирем ягшыдыр» (что значит: «Лучше итти в могилу без одежды, чем итти на базар без денег»), — все же посещение базара для каждого хивинца вошло в обычай, становилось традиционным и обязательным. Многие приезжали на базар лишь за тем, чтобы собственными ушами услышать «таза-хабар» (новости, «последние известия»), которые обычно передавались на базарах через джарчи (глашатаев).

На базарах можно было видеть, наряду с богато одетыми, беззаботно сидящими на красивых коврах баями, мюлькдарами, купцами и торговцами, множество нищих, голодных людей и беспризорных детей. Можно было видеть сотни и тысячи аульных бедняков, принесших на базар на своих полуголых спинах или, в лучшем случае, привезших на ослах траву или колючку, чтобы продать их, а на вырученные деньги купить 1—2 килограмма зерна; можно было видеть множество городской бедноты, обслуживающей с раннего утра до позднего вечера богатых торговцев. Туркменский базар давал яркую и наглядную картину имущественного неравенства, жестокой байской эксплоатации, паразитизма господствующих классов, нищеты и разорения дайхан.

«Вслед за покупкой товаров на деньги, — писал Фридрих Энгельс, — появилась денежная ссуда, а вместе с ней — процент и ростовщичество»[1]).

И действительно, ряд фактов подтверждает, что в изучаемый нами период времени в аулах хивинских туркмен значительно развивался ростовщический капитал. Аульные ростовщики-туркмены, так называемые«сютхоры», являлись выходцами из той же байско-ишанской верхушки, которые в любое время года давали дайханам в кредит («карыз») зерно на семена или на другие надобности из расчета 1 батман[2]) за 2—3 батмана или за $^1/_3$ часть урожая. А городские торговцы — ростовщики-узбеки, проникая в аул в качестве посредника между дайханом-производителем и торгово-промышленным капиталом, снабжали дайхан деньгами в виде задатков под хлопок, под семена люцерны, под ковровые изделия или продукты животноводства[3]).

Ростовщические кабальные сделки, которыми опутывали дайханскую массу, оформлялись или простым словесным свидетельством (поручительством аульного аксакала — родоначальника), или, в большинстве случаев, «кази-хатом» (так называли долговой документ, заверенный казием или ханским мохердаром). Один из таких кази-хатов мы обнаружили у старика, Артык-Ходжа оглы, бывшего бедняка, ныне члена колхоза «Магариф» Ленинского района Ташузской области. Этот документ написан староарабским шрифтом и заверен печатью мохердара иомудского рода ак-салак Гулджан-сердара. В документе говорится, что дайхан Артык-Ходжа оглы, родом ак-салак, житель аула Измикшир Ильялинского бекства Хивинского ханства для погашения долга по уплате хуна 5 января 1916 года получил от жителя той же местности Овез-бая 15 тилля деньгами сроком на 4 года под залог 3 танапов поливной земли вместе с 7-летней дочерью Айгуль: а если дайхан Артык-Ходжа оглы не сумеет вернуть полученные им деньги к сроку в

---

[1]) Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1937, стр. 220.

[2]) 1 батман = 20 кг.

[3]) Журнал «Новый Восток», № 11, 1923, стр. 10.

3-кратном размере, то земля и дочь его переходят в полную собственность Овез-бая.

Конечно, победа Великой Октябрьской социалистической революции избавила бедняка от уплаты этого тяжелого долга, указанного в данном кази-хате, но содержание этого документа свидетельствует о жестокости тех условий, по которым дайхане получали деньги у ростовщика.

Ненависть и презрение, с которыми трудовое население относилось к ростовщикам-сюткорам, свидетельствуют о той роли, которую ростовщичество играло в закабалении и обнищании масс.

«Так, вместе с расширением торговли, вместе с деньгами и денежным ростовщичеством, земельной собственностью... быстро происходила концентрация и централизация богатства в руках немногочисленного класса, а наряду с этим росло обнищание масс и возрастала масса бедняков»[1]).

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Одной из основных причин, задерживавших рост и дальнейшее развитие не только внешней и внутренней торговли, но и всей экономической, культурной и политической жизни хивинских туркмен, являлся недостаток в Хивинском оазисе путей сообщения.

Сбыт земледельческих и животноводческих продуктов внутри страны, тем более на внешнем рынке, был затруднен отсутствием в Хорезме не только железных дорог, но и вообще сколько-нибудь сносных путей сообщения. Вследствие этого страна, отдаленная от ближайшего пункта Средне-Азиатской (Ашхабадской) железной дороги расстоянием свыше 500 километров, распадалась на ряд экономически обособленных районов, вынужденных прозябать на уровне натурального хозяйства. Основные зерновые продукты (пшеница, рис и прочие), а также продукты животноводства, несмотря на их избыток в западных частях оазиса (то есть в туркменских районах), все же недостаточно вывозились в потребляющие центральные и восточные районы Хорезма ввиду чрезвычайной дороговизны гужевого транспорта.

В районах хивинских туркмен путями сообщения служили обыкновенные грунтовые дороги, проложенные в разных направлениях. Эти дороги в летнее время полны пыли; они представляют собой колеи, выдавленные тяжелыми колесами первобытной хивинской арбы. Арба — примитивная телега на двух громадных колесах диаметром более двух метров, с широким ходом, употребляется для перевозки тяжестей на небольшие расстояния между заселенными частями оазиса. Везет арбу, обычно, одна лошадь. В начале зимы, когда от продолжительных дождей «колесные дороги» («арба елы») становятся непроезжими для экипажей с европейскими колесами, арба является единственным видом транспорта. В песчаных местах важное значение имел верблюд, легко переносящий жару и песчаные бури, способный делать громадные переходы по пустыне.

Но верблюд, как средство передвижения, мало был пригоден для перевозок по арбеной дороге в сырую погоду. В период дождей (октябрь-апрель) эти дороги становились совершенно непроезжими. Намокший вязкий грунт, суглинок, превращался в мягкое, вязкое тесто; застаивавшаяся же вода образовывала болота, ямы, наполненные жидкой грязью.

---

[1]) Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1937, стр. 221.

«Можно отметить, — писал про эти дороги один из членов Комиссии по районированию Ташаузского округа в 1925 году, — что арба в период распутицы в состоянии подымать максимум 6—10 пудов груза и продвигается со средней скоростью 2.5—3 километра в час (при этом очень часто практикуется припряжка второй лошади), в то время как нормально она подымает 25—30 пудов и двигается со средней скоростью 5 километров в час»[1]).

На грунтовых дорогах почти совершенно отсутствовали удовлетворительные мосты. Вследствие искусственного арычного орошения все культурные места во всех направлениях были изрыты арыками, через которые было перекинуто множество мостов и мостиков самого первобытного устройства. На каждые десять — пятнадцать километров дороги имелось около 20—25 переездных мостов. Устройство этих мостов было простое: бревна, клавшиеся через арык, заваливались кустарником и травой, а сверху засыпались землей. Эти мосты и мостики как по своей конструкции, так и по своей прочности допускали проезд экипажей только местного типа — арбы. Эти мосты очень часто проваливались и дайхане-арбакеши предпочитали объезжать мосты вброд, разрушая берега арыка и затопляя тем самым дорогу. В ханское время никто не был обязан следить за исправностью дорог и мостов.

Сравнительно крупное экономическое значение имели в изучаемый период времени следующие колесные дороги:

Ташауз — Манак — 14 километров, соединявшая узбекские районы с центральным рынком Ташаузского округа[2]).

Ташауз — Ильялы — 34 километра, соединявшая два наиболее крупных рынка округа.

Ташауз — Тахта — 24 километра, соединявшая южный базарный центр с главным рынком округа[3]).

Ташауз — Порсы —45 километров, транзитный путь на Куня-Ургенч[4]).

Ташауз (через Порсы) — Куня-Ургенч — 95 километров, транзитный путь из Ташауза на север и Кара-Калпакскую АССР (Ходжейли — Кунград[5]).

Ильялы — Порсы — 30 километров, соединявшая северный район с конечным пунктом караванного пути Ильялы[6]).

Тахта — Газават — 32 километра, соединявшая конечный караванный путь (Тахта) с Узбекистаном[7]).

Судоходными являлись каналы: Шават до Ильялы, канал Клыч-Нияз-бай до Порсы, а иногда до озера Илла-Куль, канал Хан-Яб до Куня-Ургенча и Газават до Тахты. Судоходство возможно было лишь каючное и только во время высокого стояния воды (март — август). Но и в период подъема воды каючное движение было затруднено, так как мосты на каналах настолько низки, что проход каюков становился невозможным и требовалась перегрузка грузов[8]).

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 165.
[2]) Там же.
[3]) Там же, л. 166.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) Там же.
[7]) Там же.
[8]) Там же, л. 167.

Таким образом, мы видим, что всесторонняя отсталость Хорезмского оазиса в целом, а районов хивинских туркмен в особенности, обусловливалась и чрезвычайной оторванностью их от культурного мира и отсутствием необходимых товарообменных путей. Туркменские районы Хивы могли общаться с районами Чарджоуского, Марыйского, Ашхабадского и Красноводского округов Туркменистана только лишь посредством «кервен-елы» (караванные дороги), проходившие через океан песков Кара-Кумов. Это расстояние составляло 14—15 дней езды на верблюде, или 7—8 дней на лошади, с остановками у известных колодцев через каждые 1—2 дня езды.

Отсутствие машинного транспорта в Хорезме, за исключением Аму-Дарьинского транспорта, болезненно отразилось на народном хозяйстве страны. В годы первой мировой войны почти полностью прекратился внешний товарооборот Хивинского оазиса. Из урожая 1916 года не менее 3 200 вагонов хлопка-сырца лежало в районах Хорезма не вывезенными до 1923 года[1]).

Хивинский оазис крайне нуждался в железной дороге, которая соединяла бы его с Россией. Торгово-промышленный капитал царской России, заинтересовавшись большими экономическими перспективами в Хорезме, еще в 1899 году выдвинул предложение построить железнодорожную линию Чарджоу — Александров-Гай, имея в виду связать между собой такие пункты, как Чарджоу, Дайнау, Кабаклы, Даргап-Ата, Питняк, Хазарасп, Хива, Шах-Абад, Ташауз, Порсы, Ходжейли и дальше через Кунград, Александров-Гай[2]). Ровная местность благоприятствовала строительству, требуя минимальных затрат. По сделанным теоретическим подсчетам возможного грузооборота, эта линия вполне оправдывала бы затраты на ее постройку.

Конечно, осуществление этого проекта имело бы большое прогрессивное значение в жизни народов Хорезма. Но царская Россия оказалась неспособной осуществить данное строительство. Только Советская власть приступила к осуществлению этого важнейшего строительства.

ПЕРЕЖИТКИ ПАТРИАРХАЛЬНО-РОДОВОГО СТРОЯ В БЫТУ ХИВИНСКИХ ТУРКМЕН

В изучаемый период хивинские туркмены относились к следующим племенам: номудам, чоудорам, гарадашлы, емрели и отчасти гокленам и теке. Туркменские племена (в особенности номуды, гарадашлы и емрели) за последние несколько десятилетий находились в непрерывном движении между районами Хорезма, рекой Гюрген и Балханскими горами. Это движение происходило в результате междоусобных войн, когда победители изгоняли и оттесняли целые племена, военных походов против них иранских шахов, хивинских ханов, бухарских эмиров или царских генералов и, наконец, ухудшения условий орошения в одних местах и улучшения их в других.

В начале XX века племя гоклены откочевало из Хорезма в район Балханских гор и реки Гюрген, а незначительные его остатки в Хорезме находились (находятся и поныне) в Ильялинском и Куня-Ургенчском районах, где они, потеряв свое племенное обособление, смешались с другими племенами и родами. Из племени емрелинцев, насчитывавших в 1914 году в Ташаузском округе не менее 1 500 хозяйств (кибн-

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 266.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 171.

ток[1]) в течение последующих 10 лет более 1000 хозяйств перекочевало в пределы бывшей Закаспийской области (район Кара-Кала[2]), а оставшиеся здесь емрелинцы обитают в низовьях магистрального арыка Шавата в районе Ильялы.

Племя гарадашлы, насчитывавшее, по неполным, данным до 1 200 хозяйств[3]), занимало территорию между магистральными арыками Ярмышом и Шаватом в Ильялинском районе. Чоудоры расположены вдоль магистрального арыка Клыч-Нияз-бая, составляя основное население Порсинского района. Иомуды населяли сплошь весь Тахтинский и Куня-Ургенчский районы, отчасти Ильялинский и Порсинский районы.

Из опросов старожилов выяснилось, что в изучаемый период каждое из этих племен (тайпа) делилось на несколько (от 5 до 7) больших колен (улы тире), а эти в свою очередь делились на малые колена или подколена (кичи тире), а эти последние делились на множество родов (уруг) и т. д. Еще и сейчас старики хивинских туркмен и даже туркмены средних лет хорошо помнят (и наизусть перечисляют) родословные лестницы, которые имело каждое племя. Каждая лестница состояла в основном из восьми ступеней, каждая ступень имела свое особое название и должностное лицо, которое руководило людьми, принадлежавшими к данной ступени.

Вот схема построения одной родословной лестницы большого колена «салак» иомудского племени:

Название каждой ступени лестницы сверху вниз	Общее название группы людей, образующих данную ступень	Название должности главаря данной ступени
тайпа (племя)	иомуд	хан
улы тире (большое колено)	салак	баш сердар, или баш мохердар (главный вождь или предводитель, мюхердар[4])
кичи тире (малое колено или подколено)	ак-салак	яш сердар, или кичи мохердар (младший)
уруг (род)	овнук	бег (бек, военный начальник)
ковум (подгруппа рода)	гок гушак	кетхуда
гандушер (кровное родство)	мурзелер (или мурзанинкилер)	аксакал
гарындаш	атамырадлар	яшулы
оджак, или чагарак (кибитка, хозяйство)	машгала (семья)	ата, или кака (отец-глава семьи)

Такая схема может иметь до сотни ответвлений, если бы мы попытались представить родовые деления хотя бы одного лишь иомудского племени, составляющего подавляющее большинство не только хивинских, но и гюргенских и балханских туркмен. Одни лишь хивинские

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 75.
[2]) Там же.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 101.
[4]) Мюхердар — носитель ханской власти.

иомуды, насчитывавшие, по неполным данным, к концу 1924 года 117 000 человек[1]) делятся в основном на пять крупных улы тире (или согласно легенде, на пять «братьев»), которые по старшинству имеются: салак, окуз, ушак, орсукчи и гарачука; каждый из них делится на несколько (от 2 до 3) кичи тире. Так, салак делится на ак-салак и гара-салак; окуз — тоже на ак-окуз и гара-окуз; ушак делится на три: гарабоюн-гарсак, хаджи-барак и тебеле-темеч; орсукчи делится на две: кор и говере; гарачука делится на три: чоны, шереп и годжук, и каждый из послених делится на несколько (в основном от 6 до 10) уруг (родов), а каждый уруг в свою очередь образует по 5 —6 родословных лестниц. Так, например, один из 10 родов чоны (из ветви орсукчи), носящий название машырык, состоит из 8 основных частей, каждая из которых также имеет по нескольку мелких и мельчайших подразделений[2]).

Названия этих мелких и мельчайших подразделений иомудских родов еще до настоящего времени прочно сохранились в памяти многих стариков-иомудов, которые без особых затруднений могут наизусть перечислить имена не только своих, но и чужих родовых звеньев.

Некоторые товарищи, интересующиеся патриархально-родовыми пережитками в быту хивинских туркмен, считают, что родовое подразделение прочнее и сильнее сохранилось у иомудов лишь потому, что иомуды позже других перешли к оседлой (земледельческой) жизни вследствие того что они долго сохраняли свой родовой воинственный характер, присущий периоду кочевничества и аламанства.

Такое объяснение причин видимой устойчивости родовых связей иомудов нельзя считать правильным. Чем же тогда объяснить наличие родовых связей и прочих патриархально-родовых пережитков у остальных племен хивинских туркмен, в частности, у племени чоудор и емрели, которые, по показаниям стариков и по сведениям некоторых исследователей, живут оседлыми в Хивинском оазисе уже 250—300 лет? Эти племена «...настолько прочно сели на земли, что потеряли весь свой боевой пыл, спокойны и ... по своему образу жизни почти не отличаются от узбеков, от которых постепенно перенимают и быт и приемы ведения хозяйства»[3]).

Несмотря на все это, чоудоры в возрасте старше 25—30 лет, не совсем оторванные от аула, тоже, как иомуды, хорошо знают свои родовые подразделения, вплоть до мелких и мельчайших звеньев.

Хивинские чоудоры делятся, так же как иомуды, на 5 крупных улы тире: гара-чоудор, абдал, бурунджик, игдир и бозоджи, каждый из которых подразделяется на 2—3 тире, а эти на рода и т. д.

Так, например, улы тире гора-чоудор делятся на 2 кичи тире: ушоган и галым, а последний (галым) делится на 7 родов: хиват, хомай, майда, малаш, дышки, галдау и гечи-гоз.

То же самое можно сказать и о племенном разделении емрели и гарадашлы. Все это говорит о том, что в рассматриваемый период все туркменские племена, населявшие Ташаузский округ, несмотря на некоторое существенное различие в культуре, в хозяйственном и политическом облике их, имели в быту почти одинаковые пережитки патриар-

---

[1]) Доклад Ташаузского окрревкома, Центрогосархив ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 669, л. 121.

[2]) В нашем распоряжении имеются списки родовых делений самых крупных племен хивинских туркмен, эти списки были составлены автором путем тщательной проверки показаний туркменских стариков из различных районов Ташаузской области.

[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 108.

хально-родового строя. Это можно объяснить следующими особенностями развития их экономической и политической жизни в Хивинском ханстве:

1. Туркменские племена выросли в степи и пустыне. В условиях постоянной борьбы за колодцы, за пастбища они привыкли все спорные вопросы разрешать силой оружия. Туркмены, позже осевшие или переселявшиеся в культурные полосы Хивинского ханства, в процессе перехода к земледельческому быту очутились перед тяжелым вопросом водной проблемы и в порядке разрешения этого вопроса вели упорную борьбу с хивинской узбекской ханской властью. После ряда лет борьбы они вошли в соглашение с хивинским ханом, по которому обязались нести особого рода воинскую повинность — «нокерство» (образовав нечто вроде русского казачества). Взамен, как указывалось выше, туркмены получали от хана земельные наделы в низовьях главных ирригационных систем по 30 танапов (1 атлык) на каждого всадника. Хивинский хан заключал такую сделку не с каждым туркменом в отдельности, а с вождями (сердарами — родоначальниками) определенной родо-племенной группы туркмен. Эти сердары брали от хивинского хана землю и воду для определенного рода, для определенного племени по числу выставляемых хану всадников (нокеров) от данного рода или данного племени. Следовательно, земли и воды, полученные таким путем, первоначально считались общинно-родовой собственностью, хотя уже тогда ими фактически распоряжались родоначальники — сердары.

Привлечение туркмен, как военной силы, способствовало распространению власти хивинского хана на всю степь, вплоть до Мангышлака и Каспийского моря на западе, туркменских оазисов на юге и Чарджоу на юго-востоке. В обстановке почти непрерывных военных походов хивинские туркмены не могли заниматься строительством и ремонтом ирригационных систем. На эту работу привлекались, главным образом, рабы (военнопленные иранцы, бухарцы и другие). Туркмены, взамен натуральной повинности, были обложены по 12 тилл (180 рублей) за каждый атлык земли в год.

Это положение распространялось лишь на магистральные арыки, а внутренние (межродовые) ябы туркмены должны были рыть, очищать и ремонтировать своими силами. Трудоемкая работа требовала приложения коллективного труда, — труда всего рода для больших ябов и родового подразделения для меньших ябов и салм.

Общинно-родовое владение землей и водой, а также необходимость коллективно-родового труда по содержанию и устройству оросительных систем — вот те основные причины, которые создали производственные связи между членами родо-племенных группировок туркмен.

Необходимость защиты своей поливной земли и оросительных систем от покушений враждебных родов и племен, необходимость быть всегда наготове для отражения нападения со стороны ханской власти приводили к дальнейшему укреплению как производственных, так и политических связей между сородичами.

2. Основой общественного строя и управления в туркменских родах было самоуправление, с родовой ответственностью всех за одного и вызываемой таким укладом необходимостью каждому бороться за интересы рода, отвечать за род, беспрекословно подчиняться его серда-

ру. Это усиливало авторитет сердара, его влияние, что соответствовало интересам хивинского хана. Ханская власть строго требовала родовой ответственности за сборы и внесение налогов, за выполнение воинских и прочих повинностей, проводя свое распоряжение исключительно через сердаров.

И наказание, и поощрение осуществлялось только руками сердаров. Неповиновение же самого сердара перед ханом могло служить поводом для того, чтобы все члены его рода лишились поливной воды на время или навсегда. Такая политика ханской власти также консервировала родо-племенные взаимоотношения среди туркмен.

3. Хивинские ханы, опасаясь объединения туркмен, постоянно проводили политику разжигания родовой вражды, внедрения раскола между родами путем натравливания одних родов и племен против других. Часто бывало, что ханы снабжали оба враждующие рода оружием; экономические нужды одного рода «разрешались» путем ограбления других родов.

Эта политика разжигания родовой вражды, политика поощрения взаимного грабежа также способствовала закреплению родовых отношений среди туркмен.

4. Все эти обстоятельства еще более обостряются с завоеванием Хивы русским царизмом. Царизм поддерживал политику ханской власти в отношении туркмен. Колониальная политика царизма и заключалась в искусном использовании как межродового, так и межнационального противоречия.

Итак, борьба за колодцы и пастбища, борьба за поливную воду, чрезвычайная трудоемкость земледельческого и ирригационного хозяйства, требовавшая коллективного труда, колониальная политика хивинских ханов и царизма, постоянная необходимость сплочения сил рода и родовых подразделений как для внутренней (межродовой) борьбы, так и для борьбы против «внешнего» врага, против притеснения и насилия чужой власти — вот те факторы, те обстоятельства, которые являлись причиной того, что у всех туркменских племен Ташаузского округа почти в одинаковой мере консервировались патриархально-родовые взаимоотношения. Конечно, изменения социально-экономических отношений сильнейшим образом сказались на патриархально-родовых пережитках. К моменту революции они уже находятся в стадии распада и разложения, уступая место феодальным отношениям в экономике и феодальным формам эксплоатации.

Этот процесс феодализации туркменского аула происходил прежде всего под влиянием развития торговли, развития рынка.

С увеличением спроса на хлопок, на семена люцерны, на продукты животноводства растет стремление больших и малых родоначальников (сердаров) и духовных лиц к личному обогащению, к присвоению общинно-родовой земли и воды, колодцев и пастбищ.

Первыми крупными феодалами-мюлькдарами и жестокими эксплоататорами в ауле становятся сердары и представители духовенства.

В период наиболее «чистого» родового быта, когда племена и их рода были более или менее спаяны, жили тесными группами на одной территории, вели полукочевой, полуоседлый образ жизни и являлись воинами хивинского хана, сердары были предводителями на войне, организаторами хозяйства, носителями и выразителями интересов рода или племени.

В период, последовавший после прихода русских, в связи с дальнейшим развитием торговли и изменениями политической обстановки (прекращением феодальной войны между среднеазиатскими феодальными государствами и значительным ослаблением аламанства), сердары приобретают новое значение — они становятся первыми среди других мюлькдаров в экономическом отношении и ставленниками и слугами ханско-царской власти Хивы в политическом отношении.

Теперь сердару нужно было иметь много денег, во-первых, для содержания и вооружения своей дружины (нокерев), которая необходима ему, чтобы держать в повиновении подвластных ему трудящихся сородичей и для межродовой борьбы; во-вторых, для того, чтобы удовлетворять вымогательства ханских сановников и царских генералов; в-третьих,, на покупку для себя предметов роскоши.

Сердары обогащались в новых условиях прежде всего через реализацию на рынке все большего количества продуктов земледелия и скотоводства, что достиглось лишь путем обездоливания и жестокой эксплоатации трудящихся масс туркмен. Поэтому очень быстро шел процесс превращения общинно-родовой собственности на землю и воду в индивидуальную — мюльковую собственность по ярлыку (петек). Хивинский хан и его сановники за взятку или за особую услугу давали знати «дружественных» хану племен или родов ярлыки на право присвоения (полностью или частично) поливной земли и оросительной сети (ябов) как своего рода, так и «враждебных» хану родов. Такой земельный участок, полученный по ярлыку, назывался «ярлыклы-ер» или «петекли-ер», а оросительная сеть «ярлыклы-яб».

Так, например, в Куня-Ургенчском районе огромный земельный участок в 10 000 танапов, принадлежавший когда-то иомудскому роду гарабелем и называвшийся по имени этого рода «гарабелем-ер», был превращен в мюльковую собственность дома родоначальника — сердара этого рода Сапар (отсюда переименование территории в «Сапар-кул», а потом «овшик-ер»); также общинно-родовая земля рода ак-окуз была присвоена его сердаром Камыджик-баем и т. д.[1]).

Наряду с землей в индивидуальную (мюльковую) собственность переходит также и оросительная сеть. Сотенный и тысячный ябы, называвшиеся раньше по имени рода или племени, стали именоваться по имени родоначальников, что сохранилось во многих местах до последнего времени.

Так, например, накануне русского завоевания Хивы в системе магистрального арыка Хан-Яба в районе Куня-Ургенча насчитывалось более 50 больших родовых ябов, каждый из которых принадлежал определенной родовой общине и носил ее название. Ко времени Октябрьской революции они уже носили имена или прозвища определенного родоначальника — сердара[2]). То же самое произошло с колодцами и пастбищами в зоне пустыни Кара-Кум, прилегающей к оазису.

В результате этого процесса масса членов родовой общины или попадает в кабалу сердара и подвергается полукрепостнической эксплоатации в порядке издольщины, или откочевывает в другие места. Борьба двух родоначальников за объект эксплоатации также заставляет более слабого из них или перекочевать в другое место, или же покорно слу-

[1]) Из рассказов старожил.

[2]) Из рассказов старожил, а также см. Центрогосархив ТССР, ф. I, оп. 4, д. 67, л. 3.

жить победителю, занимая подвластное положение аксакала или кетхуда. Так образуется и разрастает феодальная (байская) верхушка, состав которой дополняется и представителями мусульманского духовенства

На мюльковых землях сердаров и их приспешников (аксакалов, кетхуда, ишанов и мулл) работают путем принуждения целые аулы подвластных дайхан, земли которых находятся в полном распоряжении сердара, регулирующего землепользования; сердар взимает поборы за пользование озерами и тугайными зарослями, а за пользование сельскохозяйственным инвентарем взимает в свою пользу значительную часть урожая. Кроме того, у сердаров широко практиковался также обычай взимания долгов путем обработки. Подвластное население принуждается также к выполнению всевозможных феодальных повинностей для сердаров: регулярной очистке и ремонту его оросительной сети, постройке крепости («кала») и т. д. Все эти работы выполнялись в порядке «бигар», то есть принудительной мобилизации рабочей силы. Другие виды повинностей (окучка посевов, уборка урожая, заготовка кормов и дров на зиму и т. д.) выполнялись для сердара по обычаю старой родовой общины в порядке «ёвар».

В обоих случаях дайхане должны были работать своими собственными орудиями производства и даже являться со своими продуктами питания (в случае бигара).

Ко времени революции чистота родовых обособлений теряется не только на крупных территориях. Даже нередко на незначительных кибах не было однородного населения, а жили представители многих родов и племен. С ростом классовых противоречий внутри рода авторитет родовой эксплоататорской верхушки был сильно подорван. Старики рассказывают, что баи стали отгораживаться от своих бедных сородичей и родственников и, наоборот, бедняки старались бежать подальше от своих богатых сородичей, ибо последние гораздо тяжелее эксплоатировали «своих», чем «чужих» бедняков. Об этом же говорит следующее место в докладе Комиссии по районированию Ташаузского округа по состоянию к концу 1924 года:

«Всюду в населении экономические интересы преобладают над родовой традицией, которой население гораздо легче поступается, чем хозяйственной целесообразностью. Так наблюдалось в Тахтинском районе, где население оторванной части рода при выполнении всякого рода повинностей охотней примыкало к соседнему роду, чем к своему, далеко отстоящему, причем наблюдались колена отдельных родов, которые на почве выполнения общих натуральных повинностей слились почти совершенно; иначе говоря, необходимо признать, что в сознании масс экономические факторы гораздо сильнее, чем тяготение его к родовой традиции, а потому при благоприятных экономических условиях родовой фактор может быть изжит в кратчайшее время точно так же, как и неблагоприятные условия могут привести к обратному»[1]).

Таким образом, как пишет современник, «...еще в дореволюционный период, в связи с проникновением торгового капитала, родовой быт был подорван и авторитету родоначальника был нанесен существенный удар»[2]). Даже такие, весьма живучие законы адата[3]), как кровная месть, запрещение женитьбы на чужеродке и т. д., претерпели серьезные изменения

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 3, л. 214.
[2]) Центрогосархив ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 425, л. 7.
[3]) «Адат» — обычное право, обычай.

Так, например, если раньше кровная месть требовала только «кровь за кровь», то теперь все больше входит в обычай денежный выкуп (хун) в размере 1 000 тилл за кровь мужчины (независимо от возраста[1]) и от 500 до 1 500 тилл за кровь женщины[2]).

В силу этих новых обычаев богатый мог спокойно убивать бедных членов общины, и общины отвечали за это только деньгами, тогда как бедняк-убийца, не имея возможности платить такой хун, мог лишь бежать к сердару или ишану («изгойство»), который закабалял у себя убийцу в качестве батрака на несколько лет.

Процесс феодализации среди хивинских туркмен отражается и на положении женщины. Женщина не имела доли в собственности. Она не имела права жаловаться. Адат заставлял ее закрывать рот — носить «яшмак» — особый головной платок. Рост производства, а вместе с ним и производительности труда повышал ценность человеческой рабочей силы. Отсюда все возрастающее повышение цены на жену — «калым» и рост многоженства у баев. Получает все большее распространение женитьба на девушке чужого рода[3]), которую легче было заставить работать, которую можно было безжалостно избивать и убивать. Широкое распространение имели среди туркменок женские песни «ляле», выражающие протест против выдачи замуж в чужой род. Вот что говорится в одной из этих песен, которую автор записал из уст одной пожилой туркменки Акджа Кулиевой из Куня-Ургенчского района:

1. Чунгур гуя даш атсан
Батар гидер, эджеджан,
Ят иллере гыз сатсан
Иитер гидер, эджеджан.

Перевод: Коль в колодец камень бросишь, эджеджан[4]),
Он уйдет на дно колодца, эджеджан,
Коль продашь чужому дочку, эджеджан,
Дочка сгинет, точно камень, эджеджан.

2. Чилим чеке, чилим чек,
Одыны: сондир, кулини чек,
Гызыны яда беренин
Енсесинден дилини чек.

Перевод: Курите чилим, курите,
Огонь погаси, а пепел развей...
Тому, кто отдал дочку, отдал чужим,
Вырви язык, чтобы навек онемел!

3. Узак гитдим ят билен
Деним дэл хем ят билен,
Есер менин манлайым
Язылыпдыр ят билен.

Перевод: С нелюбимым, неравным связали меня,
Далеко увезли к чужим!
Ох, как горька, печальна судьба моя,
Сердце рвется назад к родным и т. д.

---

[1]) Журнал «Этнография», № 4, 1930, кн. XII, стр. 17.

[2]) Из рассказов старожил.

[3]) Женщины чужого рода у некоторых родов составляли, по неполным подсчетам, 59%, а остальные 41% браков — внутриродовые. См. журнал «Этнография», № 4, 1930, кн. XII, стр. 16.

[4]) Мамочка-душенька.

Таким образом, можно считать, что Октябрьская революция и Советская власть застали хивинских туркмен на феодальной стадии общественного развития. Но феодализм у хивинских туркмен отличался от феодализма узбекских и иных народностей тем, что он здесь переплетался со значительными пережитками патриархально-родового уклада. Эти пережитки старины сохранились не столько в экономических, сколько в общественных отношениях.

Такой полуфеодальный, полупатриархальный строй гораздо тяжелее угнетал дайхана, чем чисто-феодальный порядок. Характерным является, например, в этом смысле биография отца автора данной работы, который долго, до старости лет, батрачил (был пастухом) у кетхуда, крупного бая из рода мадрейм-овнук. Бай ему ничего не платил потому что отец был ему единородный, дескать, «свой человек». А когда отец потерял трудоспособность, бай его вытолкал вон. Чтобы прокормить малолетних детей своих, отец стал заниматься нищенством, и в 1915 году переселился из района Куня-Ургенча в город Ходжейли, где жил среди казахов, кара-калпаков и узбеков. Ходжейлинский бек (хаким) заставлял отца каждый раз ходить в Куня-Ургенчский район к «своему» родоначальнику, чтобы платить ему ханские налоги и отбывать ханские повинности; бек отказывался сделать все это на месте, в Ходжейли, наравне с людьми других народностей лишь потому, что мой отец принадлежал к определенному роду туркмен и должен был по ханскому закону находиться под властью своего родоначальника. А когда мой отец умер от голода, то родоначальник, конечно, и не заинтересовался, как он умер и где он погребен...

Таких фактов много; они убеждают нас в том, что одной из важнейших причин значительного наличия патриархально-родовых пережитков в общественно-политической жизни хивинских туркмен являлась не столько ограниченность поливных земель, трудоемкость земледелия, отсталость сельскохозяйственной техники, сколько колониальная политика хивинской ханской власти, подкрепленная влиянием русского царизма.

Непрерывные интриги, заговоры, междуродовые войны, разделение племен и родов на «дружественных» и «недружественных», создание родо-племенного самоуправления во главе с мохердарами и кетхудами, установленне родовой ответственности перед законом и т. д. — все это искусственно, насильственно задерживало и замедляло темпы роста феодальных отношений и классовой борьбы у хивинских туркмен, культивировало и укрепляло у них родовые чувства и связи.

Насколько сильны были эти связи, показывают частые случаи, когда туркмены, проживающие в чужих местах, с чужими родами, немедленно перекочевывали к месту нахождения своего родоначальника, если он чувствовал, что его роду угрожает внешняя опасность, то есть опасность со стороны ханской власти. Со своей стороны ханская администрация, в силу закона о родовой ответственности, преследовала всех членов данного «враждебного» рода, где бы они ни жили.

Колониальная политика ханско-царской власти объективно укрепляла и развивала у туркмен их традиционные стремления к поголовному вооружению огнестрельным оружием, к приобретению лошадей-скакунов, то есть ко всему тому, что надо было иметь на войне, в боевой обстановке.

В основе этих воинственных традиций лежало то, что туркмены выросли в своих степях в непрерывной борьбе за колодцы, за пастбища, за плодородные долины рек. В этой борьбе как между собою, так

и с иноземными захватчиками — хивинским, бухарским и иранским государствами, — они могли решать свою судьбу почти исключительно силой оружия.

Следовательно, возникновение и развитие воинственного духа, ношение оружия у хивинских туркмен было непрерывно связано с их историей, с условиями их экономической и политической жизни.

Для хивинского туркмена оружие было экономически неизбежной необходимостью, оно служило одним из важнейших средств существования, оно было нужно при кочевом образе жизни для охраны пастбищ и колодца от нападения других; оно было нужно для сопровождения торговых караванов; оно было нужно для защиты родины от иноземных завоевателей; оно было нужно для службы хивинским ханам, чтобы за эту службу получать землю и воду; оно было нужно для охраны земли, воды и прав рода от покушения со стороны других родов; оно было нужно для сопротивления насилиям ханско-царской власти; оно было нужно каждому для самозащиты в пути следования на базар или в другие отдаленные места, так как власть не гарантировала личной безопасности. А несколько позже, в период развития классовой борьбы, в годы революции и гражданской войны, оружие у хивинских туркмен приобрело еще большее значение.

Все это, естественно, способствовало развитию у хивинских туркмен особой любви и привязанности ко всем видам оружия и закалке воинственного характера. В 1911 году В. Лобачевский писал: «Хивинские туркмены представляют внушительную, хотя и неорганизованную, вооруженную силу, так как могут выставить в поле до 30 000 хорошо вооруженных и сидящих на отличных лошадях всадников, прекрасно владеющих холодным и огнестрельным оружием»[1]).

У другого автора мы читаем: «Туркменское население... не растеряло еще старую военную организацию и представляет собой силу, могущую диктовать законы царям... Постоянные экспедиции карательного характера против туркмен заставляли последних усиливать вооружение и способствовали укреплению их воинственности»[2]). Сотрудник советского полпредства в Хиве писал в 1920 году: «Общее впечатление туркмены производят такое: народ воинственный, всей душой любящий оружие»[3]). О том же мы читаем в докладе Комиссии 1924 года по районированию, где говорится: «Многие черты их воинственности сохранились до сих пор и выявляются на почве взаимных отношений»[4]).

Из общей массы туркменских племен, населяющих Ташаузский округ, иомуды выделялись, как наиболее воинственные. «У большинства племен, — пишет Комиссия по районированию, — на почве изменения экономических и политических условий угас их боевой пыл, и они занялись хозяйством. Наиболее склонными к хозяйственной жизни и миролюбивыми являются човдуры... емрали и кара-дашлы. Наиболее сохранившими черты боевой отваги..., наиболее энергичными из всех туркменских племен, населяющих Ташаузский округ, являются иомуды»[5]).

О том же говорят наблюдения другого автора: «Национальными или

---

[1]) В. Лобачевский. Военно-статистическое описание. Хивинский район. Ташкент, 1912, стр. 110.
[2]) Хивинское восстание 1916 г., Ташкент, 1930, стр. 13.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 49.
[4]) Там же, ф. 21, д. 5, л. 101.
[5]) Там же, л. 102.

вернее племенными чертами являются у иомудов дерзость, свободолюбие, презрение к торговле. Иомуды производят впечатление более жизненного и энергичного племени, но на самом деле они менее работоспособны и склонны к труду, чем узбеки. Узбеки в высшей степени выносливы и трудолюбивы»[1]).

Эти особенности иомудов объясняются тем, что они, составляя большинство хивинских туркмен, в прошлом долгое время являлись привилегированной гвардией в составе ханских войск, но в силу особенности своего характера (непокорность) они больше других подвергались военным ударам и административным преследованиям ханско-царской власти.

До сих пор мы находим еще много общего в быту, в нравах, в обычаях всех племен хивинских туркмен. Так, например, «сохранился обычай, — пишет Комиссия по районированию, — коллективной помощи при обработке полей, в чистке второстепенных арыков»[2]). Такого рода взаимная помощь называется на языке местного населения «ёвар». Этот благородный обычай получил свое достойное развитие в наши дни при Советской власти, но раньше им пользовалась байская верхушка для зверской эксплоатации трудящихся.

Почтение к старшим, беспрекословное подчинение отцу в семье и старшине или старосте в родовых подразделениях, или в ауле, большое гостеприимство, строгое соблюдение принципа, гласящего «гость — старше отца», проявление каждым величайшего чувства ответственности за свои проступки и за проступки своих близких и дальних родственников и сородичей, независимо от их места жительства, — все эти черты патриархально-родового уклада почти в полной мере сохранились в быту хивинских туркмен.

Все наблюдатели отмечали чрезвычайную честность и доверчивость массы хивинских туркмен. Многие, работавшие среди туркмен, утверждали, что для укрепления доверия надо быть с ними всегда откровенными.

Такова общая, далеко не полная картина патриархально-родовых пережитков, имевших место в быту хивинских туркмен ко времени Октябрьской революции. Эти пережитки в значительной мере, как мы говорили выше, подкреплялись и культивировались самой системой государственного строя, административного деления и аппарата управления, существовавших в ханской Хиве.

В государственном строе Хивы царил типичный азиатский феодальный деспотизм. Во главе феодальной власти стоял самый крупный феодал в ханстве Сеид-Исфендиар-Бахадур-хан (1910—1918 г.г.) — ставленник царского правительства, жестокий, коварный, развратный человек.

Вся власть неограниченно находилась в руках хана: население никакого участия в управлении не принимало. Сколько-нибудь правильно устроенного центрального управления не было. Хан по своему личному выбору распределял среди приближенных различные придворные и государственные должности, которые были наследственными.

Ханство разделялось на 23 бекства (административные районы и города) во главе с беком, или хакимом, назначавшимся ханом. Бекства разделялись на кишлаки, или аулы, и мечетные общины (каумы) во главе с аксакалом(старшиной), назначавшимся беком. Такой порядок существовал среди узбеков.

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 118.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 45.

Административное устройство среди туркменской части населения строилось не по территориальному принципу, а по родо-племенному: во главе племени стояли мохердары (носители ханской печати), назначавшиеся ханом, во главе рода стояли кетхуды (аксакалы — старшины), признанные членами рода и мохердарами.

Все эти должности были наследственными и занимали их крупные землевладельцы (мюлькдары). Должностные лица не получали жалованья из казны, их содержал народ. Они должны были собирать с населения для хана определенное количество скота, хлеба, денег, фуража. Размер налога и сборов зависел от этих должностных лиц, что приводило к откровенному грабежу и произволу. Крупные земельные владения (мюльки) этих лиц бесплатно обрабатывались местными дайханами.

Управление страной находилось в хаотическом состоянии вследствие общей политической и культурной отсталости ханства, феодальной раздробленности и колониальной зависимости. Крупные феодалы были полными хозяевами не только в своих поместьях, но и в пределах своего района.

Туркменские и казахские кочевники, руководимые своими родо-племенными вождями (военными начальниками, имевшими свои вооруженные дружины), часто не подчинялись ханскому правительству Хивы. Ханская власть не имела достаточного авторитета и силы для поддержания порядка внутри страны. Она держалась исключительно при помощи царских войск.

Хан всем своим феодальным аппаратом власти был откровенной агентурой царизма.

«Зависимость бухарского правительства от российского, по существу, выражалась в ежегодном «бакшише» (взятке) в несколько миллионов рублей, которые раздавал эмир туркестанским и петроградским чиновникам и двору»[1]).

Это замечание по адресу феодальной Бухары в значительной мере относится и к Хиве.

Взяточничество, неприкрытая коррупция являлись важнейшим элементом государственной жизни. Они охватили собой все слои как царской, так и ханской администрации, начиная с военного министра Сухомлинова, туркестанского генерал-губернатора Мартсона и хана Исфендиара и кончая аульными мохердарами и кишлачными аксакалами. Сам Исфендиар-хан заявил 16 декабря 1916 года полковнику Волкову, начальнику Туркестанского охранного отделения, о том, что он, Исфендиар-хан, начиная с 1914 года до осени 1916 года, дал взяток только одними деньгами военному министру Сухомлинову 40 000 рублей, генералу Галкину — 3 000 рублей, генералу Цейлю (начальнику азиатской части главного штаба) — 2 000 рублей, генералу Мартсону (туркестанскому генерал-губернатору) — 10 000 рублей, Колосовскому (начальнику Аму-Дарьинского отдела в Петро-Александровске — главному представителю царской администрации при хивинском хане) — 200 000 рублей. Сам Колосовский признал, что он получил 187 000 рублей и т. д.[2]).

Все это документально подтверждается справкой директора Ургенчского отделения Русско-Азиатского банка[3]).

---

[1]) Газета «Жизнь национальностей», № 6 от 23 февраля 1919 г.,

[2]) Из следственных материалов начальника Туркестанского районного охранного отделения, ЦГИА УзССР, ф. XII, 1916 г., д. 1899-а, л.л. 1, 7—8, 85, 89 и 91.

[3]) Там же.

Этими официальными, далеко не полными цифрами, не исчерпывается список высокопоставленных взяточников. Чиновники царской администрации получали взятки не только от хана, но и от ханских сановников, хакимов, мохердаров, аксакалов и т. д. Все эти должностные лица находились в полной зависимости от царских генералов и чиновников и пользовались их поддержкой в своей политике ограбления трудящихся дайхан.

Для удовлетворения притязаний и вымогательства царских и ханских сатрапов феодальная администрация с каждым годом повышала налоговое бремя, перекладывая основную тяжесть его на трудящиеся массы Хорезма.

Ханские сатрапы во главе с Исфендиар-ханом беззастенчиво издевались над населением, грабили и насиловали своих подданных. «Было вполне узаконенным обычаем, — пишет очевидец, — когда хивинский хан среди белого дня поочередно посылал знаменитую арбу «мурдар» во все кишлаки, чтобы привозить оттуда девушек для удовлетворения похотей хана. Затем этих девушек выталкивали из дворца хана, а те, которые оказывали сопротивление, умирали в крепости хана»[1]).

В бытовой жизни ханских сатрапов было развито бачебазчество; даже официально законом хана была установлена государственная статья дохода за бачебазчество в размере 17 000 рублей золотом ежегодно[2]).

«Едва ли еще на земном шаре есть уголок, где деспотизм проявляется в такой циничной, ужасной и свирепой форме, как в Хиве. Этим и объяснялось многолетнее стремление народов Хорезма избавиться от своего кровожадного хана с его таким же правительством»[3]), — писали очевидцы-наблюдатели из России, побывавшие в те годы в Хиве.

Ханская власть, узбекская феодальная и торгово-ростовщическая буржуазная верхушка проявляли ко всем не узбекским национальностям Хорезма, в особенности к туркменам, самый жестокий шовинизм.

«Взаимная зависимость народов, — говорит товарищ Сталин, — и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другим, в порядке угнетения и эксплоатации народов менее развитых народами более развитыми»[4]).

Командное положение узбекской верхушки в управлении страной, в водопользовании и торговле давало ей возможность всячески притеснять и угнетать трудящихся туркмен, как чужую, непокорную, свободолюбивую нацию.

Царские генералы, являвшиеся непременными и авторитетными советчиками хана, отнюдь не стремились к урегулированию узбеко-туркменских отношений хотя бы по основному жизненному вопросу — распределению воды. Следуя принципу «разделяй и властвуй», они активно поддерживали угнетательскую политику хана и обостряли старые противоречия. Естественно, что к ненависти трудящихся туркмен против узбекской верхушки присоединялась еще более острая ненависть против представителей «белого царя».

---

[1]) «Воспоминания старых комсомольцев — участников Октябрьской революции в Хиве», ИИКП Уз., д. 1942, л. 10.

[2]) Там же.

[3]) «Революция в Бухаре и Хиве», ИИКП Уз., д. 816, л. 25.

[4]) И. Сталин. Сочинения, т. 5, стр. 181—182.

Когда в начале 1912 года ханское правительство сделало попытку провести «земельно-податную реформу» среди туркменской части населения страны, хан ходатайствовал перед туркестанским генерал-губернатором о посылке ему войск на случай сопротивления туркмен. Перед проведением «реформы» из пределов Хивы было предварительно выслано 20 старшин туркменских племен и родов[1]).

Испрашивая у туркестанского генерал-губернатора разрешения на увеличение налога на туркменское население, Исфендиар-хан и его представители жаловались на то, что хивинские туркмены, «владеющие почти $^1/_3$ территории ханства и составляющие приблизительно $^1/_3$ часть его населения, платят земельных податей всего лишь 55 000 рублей (то есть $^1/_6$ часть общей суммы земельной подати), получая при этом безвозмездно от ханской казны до 8 000 рабочих на 10—12 дней для чистки арыков»[2]).

Получив согласие генерал-губернатора, хивинская ханская администрация стала силой проводить среди туркмен эту новую «земельно-податную реформу». Против этой несправедливости, против произвола ханских чиновников туркменское дайханство подняло в феврале 1912 года вооруженное восстание под руководством Шамми-Келя. В 20-дневных упорных сражениях оно нанесло карательному отряду ханско-царской власти жестокое поражение[3]). После этого власти были вынуждены на время приостановить осуществление этой пресловутой новой «земельно-податной реформы» среди туркмен.

Это событие заставило царских чиновников заняться «негласным расследованием» причин волнения туркмен в Хивинском ханстве в 1912—1916 годах и деятельности представителей русской власти в этом ханстве для «предотвращения и прекращения этой смуты»[4]).

Говоря о возникновении и причинах восстания 1912 года, даже дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе вынужден был отметить в своем докладе от 4 апреля 1912 года за № 255, что истинная причина волнения хивинских туркмен в 1912 году лежала в крайне несправедливом распределении земельно-податного обложения на различные классы населения ханства.

«Так, например, — указывал дипломатический чиновник, — в то время как принадлежащие господствующему классу населения поместья, так называемые «атаи-мульки», были обложены ничтожной подворной податью (от 2 до 6 тилл), независимо от количества содержащейся в них земли, остальные землевладельцы обязаны были за свои обрабатываемые поля вносить в ханскую казну по 4 тиллы (7 р. 20 к.) салгыта с каждых 10 танапов. А туркмены, пользующиеся так называемыми «атлычными» землями, были обложены сбором «салгыт-кесме», исчисляемым в 12 тилл (21 р. 60 к.) с каждых 30 танапов, независимо от действительно обрабатываемого количества земли»[5]).

«Из вышеизложенного видно, — писал дипломатический чиновник, — что не хивинскому правительству приходится жаловаться на туркмен, якобы уклоняющихся от уплаты податей или вносящих «салгыт-кесме» не в достаточном количестве, а, напротив, туркмены имеют полное основание жаловаться на хивинское правительство, не выполня-

---

[1]) Из материалов дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе, ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 165.
[2]) Там же.
[3]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 107—161.
[4]) Там же, ф. XII, 1916, д. 1899-а и ф. 1141, л. 1, д. 1104.
[5]) Там же, л. 165—166.

ющее своих обязательств, не доставляющее им достаточного количества воды и тем лишающее их возможности возделывать их атлыки, что окончательно подрывает их благосостояние, сильно расшатанное рядом неурожайных и засушливых лет начала нынешнего столетия»[1]).

Царский генерал Лыкошин в своем секретном письме указал, что причиной волнений среди хивинских туркмен явились не только существовавшая в Хиве система водопользования, но и «систематическое игнорирование ханской властью всех туркменских нужд и справедливых притязаний»[2]).

Таким образом, даже отдельные представители царской власти были вынуждены признать справедливость требований, а, следовательно, и выступлений туркменской дайханской массы. Но они, конечно, во всем обвиняли не колониальную политику царско-ханской власти, а лишь вассальное хивинское правительство, хана Исфендиара, его отдельных министров. Представители русского царизма в Хиве делали вид, что они будто бы «не вмешиваются» во внутренние дела Хивы, они старались показать себя в качестве «примирителей» борющихся сторон. Так, например, туркестанский генерал-губернатор Мартсон писал в своем докладе в Петроград 4 июля 1916 года:

«Правление нынешнего властителя Хивы Сеида-Исфендиара-Бахадур-хана знаменуется обострением в ханстве туркменского вопроса на почве игнорирования хивинским правительством экономических интересов туркменских племен и невыполнения принятых на себя обязательств по орошению земель... Русская власть всемерно способствовала примирению сторон»[3]).

Вопреки этим лживым утверждениям, царский наместник Мартсон вместе с начальником Аму-Дарьинского отдела полковником Колосовским (официальным представителем царской администрации при хивинском хане) и другими царскими генералами и чиновниками были не «примирителями» сторон, а организаторами, вдохновителями и поджигателями межнациональных, межплеменных и межродовых усобиц и столкновений в Хорезме.

Ведь тот же генерал-губернатор Мартсон еще в ноябре 1913 года предписал начальнику Аму-Дарьинского отдела полковнику Колосовскому «непосредственно не вмешиваться в хивинско-туркменскую распрю за исключением случаев нападения на русских подданных и прямой опасности для столицы ханства и самого хана»[4]).

Не трудно понять смысл этой директивы. Ясно, что всякое выступление туркменской и узбекской народной массы против своих угнетателей представлялось царским «нейтральным» чиновникам «прямой опасностью для столицы ханства и самого хана» и, следовательно, являлось поводом для вооруженного вмешательства царских генералов.

Вся колониальная политика ханско-царской власти в Хиве вызывала естественное стремление трудящихся туркменских племен к поголовному вооружению, к объединению, что являлось сильнейшей угрозой для господства узбекской верхушки и царской администрации. Чтобы подорвать стремление туркмен к объединению, пускались в ход различные средства борьбы. Искусственно создавались поводы к межнациональным столкновениям, организовывалась резня между туркменами и узбеками, между туркменами и казахами. Туркменские рода и племена

[1]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 166.
[2]) Там же, л. 129.
[3]) Там же, л. 107.
[4]) Там же, л. 140.

натравливались друг против друга. Сам Исфендиар-хан и его сановники намеренно провоцировали выступления «непокорных» племен с тем, чтобы потом посылать карательные экспедиции царских войск в туркменские аулы.

Вся эта провокаторская, шовинистическая, колониальная политика узбекской феодально-буржуазной верхушки во главе с ханской властью, проводимая при активной поддержке царизма, приводила к консервации родо-племенных отношений в общественно-политической жизни хивинских туркмен. Происходило усиление влияния и авторитета родовых вождей, что в свою очередь давало возможность феодальной верхушке вести за собой народную массу и использовать трудящихся в своих групповых и классовых интересах.

Эта политика способствовала усилению полукрепостнической эксплоатации дайхан оседлой и привилегированной частью туркменской верхушки, сохранению в основном полупатриархального, полуфеодального уклада хозяйства у кочевых туркмен, разорению и обнищанию туркменских трудящихся дайхан. Шовинистическая политика ханских и царских чиновников отвлекала внимание широких слоев туркменских и узбекских трудящихся от социальных вопросов, от вопросов классовой борьбы в сторону вопросов национальных, вопросов «общих» для эксплоатируемых и эксплоататоров данной нации, а это создавало для верхушки обеих наций благоприятную почву для затушевывания классовых интересов трудящихся, для духовного и экономического закабаления бедноты и батрачества.

Однако же «двойной пресс угнетения,—говорит товарищ Сталин,—не может не революционизировать трудовые массы угнетенных национальностей, не может не толкать их на борьбу с основной силой угнетения — на борьбу с капиталом»[1]).

И действительно, мы видим на ряде фактов, что, начиная с 1912 года, в Хивинском ханстве почти непрерывно происходили вооруженные выступления широких народных масс туркмен и узбеков, направленные своим острием против феодальной и капиталистической эксплоатации, против ханского деспотизма и колониального гнета русского царизма. Революционные выступления туркменских и узбекских трудящихся Хивы значительно усилились в 1915—1916 годах, в период первой мировой войны.

---

[1]) И. Сталин. Сочинения, т. 5, стр. 345.

Глава II

ТУРКМЕНЫ В ВОССТАНИИ 1916 ГОДА И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ХИВЕ

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции мы находим в докапиталистическом, полуфеодально-полупатриархальном обществе Хивинского ханства ярко выраженное диференцирование на социальные группы и слои, политически и экономически резко отличающиеся друг от друга. Таковыми были — феодальная аристократия (крупные мюлькдары), духовенство, дайханство, кустари-ремесленники и торговцы.

Феодальная аристократия (мюлькдары) составляла 5% населения страны[1]). Сюда входили весьма многочисленная ханская династия, высшие чиновники, туркменские родо-племенные вожди (мохердары) и другие феодалы, владевшие от 200 до 5 000 танапов лучших орошаемых мюльковых земель.

Все органы власти находились в руках этой аристократии. Они же были наиболее верными слугами царизма в Хорезме.

Духовенство всех категорий (муллы, муфти, ишаны, ахуны, казии и т. д.), составлявшее 3% общего числа населения, владело около $^2/_3$ всего орошаемого земельного фонда страны[2]). Земли духовенства составляли, главным образом, так называемые «вакуфные» земли, пожертвованные землевладельцами или отчужденные ханским правительством на нужды духовенства и на содержание мечетей, медресе, кладбищ и т. д. «Вакуфные» земли не облагались налогами, освобождались от работы по очистке и ремонту ирригационной системы. Высшее мусульманское духовенство использовало свои богатства, как могущественное орудие власти и влияния на население и на политическую жизнь страны. В руках духовенства находилось также судопроизводство (суд казиев по шариату), в их же руках находились духовные школы (медресе, мектебы), в которых обучались преимущественно дети состоятельных родителей.

Дайханство составляло основное население страны (62%[3]). Среди дайхан было много бедняков и батраков. Мелкие дайхане, владевшие менее 10 танапов земли, составляли до 80% всего дайханства[4]). Середняки все больше разорялись и пополняли ряды бедняков. Обезземеливаемое бедняцкое дайханство уходило в батраки, увеличивало количество нищих. Ввиду отсутствия промышленности, могущей поглотить разоренное дайханство, широкой массе середняцко-бедняцкого дайхан-

[1]) Сборник материалов к Истории революции в Хиве, ИИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 117.
[2]) Там же.
[3]) ИИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 117.
[4]) ЦГАОР, ф. 1318, д. 1230, л. 1.

ства некуда было итти, оно, изнывая под гнетом баев и ханской власти, вынуждено было крепко держаться за свой клочок земли.

Не только беднота в целом, но и значительная часть середняцкого дайханства из-за недостатка воды снимала в аренду (в форме «ярымчилык» или «чайрикерства» — издольщины) участок поливной земли у феодалов. Условия аренды «ярымчилыка» были крайне тяжелыми. Дайхан-арендатор обязан был отдавать землевладельцу-баю от $^1/_5$ до $^1/_2$ части урожая, в зависимости от того, кому из сторон принадлежит рабочий скот, и от расстояния арендуемого участка земли от ирригационной сети. Не только бедняк, но и середняк не имел возможности купить нужный ему земельный участок, ибо в туркменских районах, например, один танап[1]) хорошей поливной земли, лежавший вблизи ирригационной сети, стоил от 50 до 100 тилл. Пара быков стоила 10—12 тилл[2]).

Дайханство страдало также от тяжелого налогового бремени ханской власти. С населения ханства взыскивалось ежегодно 24 различных налога. Дайхане, имевшие от $^1/_2$ до 2 танапов земли, и безземельные дайхане платили в казну ежегодно 20 тенг[3]) налога и отрабатывали от 12 до 30 дней на казу, тогда как мюлькдары платили 1 тенгу с одного танапа земли[4]). Но официально существовавшие и взимавшиеся налоги еще не дают полного представления о степени эксплоатации дайханства ханской властью, так как в Хорезме процветали произвол и взяточничество как ханских чиновников, так и представителей царской власти.

К эксплоатации со стороны баев и ханско-царской власти добавлялся еще гнет русских капиталистов и царских генералов. Российские купцы и промышленники монопольно через местных торговцев скупали за бесценок продукты сельского хозяйства.

Следующую значительную социальную группу в ханстве составляли городские и сельские **ремесленники и кустари**, которые в основной своей массе сохранили средневековую цеховую организацию, с обычным для нее подразделением на мастеров, подмастерьев и учеников.

В стране было много мелких кустарных предприятий по обработке шелка и ваты, по переработке кожи, по выработке гончарных, фарфоровых изделий, по изготовлению кибиток, чигирей, арб, седел и других деревянных изделий. На этих кустарных предприятиях молодежь — ученики, главным образом, из бедноты, работали бесплатно от 16 до 18 часов в сутки.

Но эти мелкие кустарные промыслы пришли в сильный упадок в результате конкуренции привозных изделий российской капиталистической промышленности. Многие кустари разорялись и закабалялись скупщиками.

Русский и местный торгово-ростовщический капитал, байская феодально-крепостническая эксплоатация и гнет ханского деспотизма окончательно разорили бедняцкую массу дайханства и ремесленников, которым некуда было итти ввиду отсутствия фабрик и заводов. Поэтому одна часть разорившихся дайхан уходила к сельским и городским баям и батрачила у них почти бесплатно (часто за еду и одежду), а другая часть уходила на базары, где занималась мелкой разносной торговлей, либо нищенством.

---

[1]) 1 танап — 900 кв. метров, или $^1/_5$—$^1/_6$ десятины.
[2]) 1 тилла — 1 рубль 80 копеек.
[3]) 1 тенга — 20 копеек.
[4]) ИИКП Уз., д. 1257, т. I, п. 1, л. 24.

Таким образом, русский капитал здесь, как и во всей Средней Азии, разорил дайханство и ремесленников, но не создал капиталистических фабрик и заводов и не привлек этих разорённых, распыленных и полупролетаризированных людей в качестве рабочих крупных промышленных предприятий. Поэтому-то здесь, в Хорезме, не было рабочего класса, промышленных пролетариев. Ничтожное количество рабочих хлопкоочистительных, маслобойных и кожевенных «заводов» (не больше 300 человек[1]) представляло собой полурабочих, полукрестьян, связанных с пригородным сельским хозяйством, причем почти все они были по национальности татары и русские, преимущественно казаки-уральцы.

Торговцы — мелкие, средние и крупные вместе составляли около 12% населения страны[2]). Сюда же входили и сельские ростовщики («сюткоры»), имевшие от 20 до 50 танапов поливной земли и 2—3 чигиря. Это была нарождавшаяся местная (городская и кишлачная) по национальности узбекская и татаро-нагайская буржуазия, выросшая на посреднической торговле между дайханством и российскими капиталистами.

Эта местная буржуазия в экономическом отношении была очень слабой и целиком зависимой от российского торгово-промышленного капитала. В политическом отношении она была бесправной и совершенно не участвовала в государственном управлении страны.

Туркмены находились в постоянной экономической зависимости от городских узбекских торговцев, которые обслуживали весь товарооборот между городом и аулом, между узбекским ремесленником и туркменским скотоводом.

Узбекский торгово-ростовщический капитал, проникая в туркменские районы, препятствовал возникновению туркменского торгового капитала. Узбекские торговцы всеми силами и средствами старались помешать туркменам непосредственно вести торговлю с закаспийскими туркменами, Ираном, Бухарой, Россией.

«Основной вопрос для молодой буржуазии — рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности — такова ее цель.... Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму»[3]).

Не случайно поэтому, что все известные нам весьма немногочисленные туркменские торговцы примыкали к туркменской феодальной знати в ее борьбе с узбекской верхушкой.

Бедность и разорение дайханской массы, непомерные ханские налоги и сборы с местных торгово-промышленных оборотов, отсутствие в стране благоустроенных дорог, единой меры веса, устойчивой денежной монеты, предоставление ханом больших преимуществ и льгот русским купцам и промышленникам, — все это служило серьезным препятствием для дальнейшего роста внутренней торговли. Ханская власть Хивы, опиравшаяся на крупных феодалов и высшее духовенство, всячески притесняла инициативу предприимчивых торговцев и кустарей-промышленников, экспроприировало имущество и преследовало неугодных ханской администрации представителей буржуазии.

Между мюлькдарами и вахымдарами, с одной стороны, и представителями торгово — ростовщического капитала — с другой, шла борьба за монополию в ограблении трудящихся масс.

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 117.
[2]) Там же, л. 114.
[3]) И. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 305.

В этой борьбе ханская власть обычно поддерживала сторону узбекских феодалов. Все это, естественно, вызывало среди местной буржуазии сильное недовольство существующим в стране государственным деспотическо-монархическим строем, представлявшим феодальной аристократии все преимущества.

Политическая активизация молодой узбекской буржуазии сказалась в возникновении партии «младохивинцев». Эта партия зародилась в 1905—1907 годах под влиянием первой русской революции; она оживилась в 1910—1911 годах под влиянием иранской и турецкой революций и, наконец, она подняла голову и стала открыто действовать под влиянием первой мировой империалистической войны, хивинского восстания 1915—1916 годов и русской февральской революции.

До 1917 года партия «младохивинцев» существовала нелегально, она вербовала в свои ряды крупных, средних и мелких торговцев, богатых ремесленников и кустарей, низы мусульманского духовенства (мулл и муфтиев, получивших образование в оренбургских, бухарских, тегеранских, стамбульских медресе) и низших чиновников ханской администрации.

По национальности почти все члены партии «младохивинцев» были узбеки.

В 1913—1914 годах, накануне первой мировой войны, трудовое население Хивинского ханства переживало невиданно тяжелый голод из-за засухи, явившейся следствием запущенности ирригационных систем. Голод вызвал рост смертности среди населения и уход значительной части беднейшего дайханства в хлебопроизводящие районы рек Теджена и Мургаба. Этот ужасный голодный год, до сих пор памятный всем хивинцам под названием «теджен иылы» (тедженский год), был переломным годом в развитии социального антагонизма, классового противоречия между байством и дайханством и политической борьбы в Хиве.

В этом тяжелом для трудовой массы году, как свидетельствуют старожилы, «почти все богатые люди превратились в жадных, ненасытных и безжалостных ростовщиков»[1]).

Начало первой мировой империалистической войны и вступление в нее русского царизма резко ухудшило положение трудящихся России. Началась разруха в промышленности, на транспорте. Разрывались хозяйственные связи между центром страны и ее окраинами. Еще более ухудшилось положение трудящихся в колониях царизма, в частности, в Хиве. Царскому правительству нужны были колоссальные материальные и людские резервы и спокойный тыл.

Руководимые большевиками рабочие и крестьяне России активно выступали против империалистической войны, за свержение царского правительства. В революционную борьбу, возглавляемую русским рабочим классом, стоявшим во главе борьбы с царизмом, вступили и народы Средней Азии. Усиление колониального гнета царизма в годы первой мировой войны, рост феодально-крепостнической эксплоатации, неограниченный произвол и насилие ханско-царской администрации в Хиве вызвали в 1915—1916 годах открытые вооруженные восстания широких народных масс ханства.

Одним из решающих непосредственных поводов к таким выступлениям было то, что хивинская ханско-царская власть и туркестанские

[1]) Из рассказов старожил.

генералы и чиновники с помощью местной феодально-ишанской верхушки под видом «мобилизации сил и средств на помощь фронту» стали еще больше грабить и разорять трудящихся Хорезма. Осенью 1914 года хивинская администрация приступила к насильственному сбору с голодных туркменских дайхан «штрафной» суммы в 110 000 рублей, которой туркмены были обложены за произведенные ими еще в 1912—1913 годах «беспорядки и бунт»[1]).

А в декабре 1914 года, по распоряжению туркестанского генерал-губернатора Мартсона, от хивинских туркмен потребовали 10 000 шуб для экипировки конного полка закаспийских туркмен, отправленного на фронт[2]). В то же время туркмены узнали, что ханско-царская администрация готовится сформировать из «нежелательных, неспокойных» элементов ханства войсковую часть в 30 000—40 000 человек для отправки на фронт[3]).

Туркменские трудящиеся решительно выступили против таких действий ханско-царской администрации и угрожали восстанием. Туркменские дайхане Тахтинского и Ильялинского районов, руководимые Шамми-Келем, изгнали из своих аулов хивинских представителей, а некоторых сборщиков ханских налогов убили. Повстанцы организовали нападение на узбекский районный центр Газабад, в котором разгромили резиденцию ханского хакима[4]).

В порядке репрессий против туркменских дайхан хивинский хан Исфендиар приказал не пропускать туркменам оросительной воды и закрыть головную часть (сака) туркменских арыков. По предложению туркестанского генерал-губернатора Мартсона, ханско-царская администрация Хивы в начале января 1915 года организовала карательную экспедицию в туркменские районы и обложила туркмен новым штрафом «за бунт» в сумме 611 000 тилла[5]).

В ответ на это туркменские дайхане снова поднялись на вооруженное восстание под руководством Шамми-Келя. В марте 1915 года восставшие заняли административные центры Газабадского, Ильялинского, Порсинского, и Куня-Ургенчского бекств, арестовали ханских хакимов и беков, а затем двинулись на захват столицы ханства — города Хивы[6]). Узбекские трудящиеся весьма сочувственно отнеслись к этому выступлению туркменских дайхан и в ряде мест открыто поддерживали его.

Ханский двор был охвачен паникой. Встревожилось за судьбу своего вассала и царское правительство. Засуетились царские генералы и чиновники в Ташкенте и в Закаспийской области. В самой Хиве в распоряжении хана не было достаточно сил для подавления восстания. Для борьбы с восставшими дайханами из Петро-Александровска (ныне Турткуль) в Хиву прибыл с отрядом русских войск начальник Аму-Дарьинского отдела полковник Колосовский[7]). Царский военный министр Сухомлинов 8 мая 1915 года из Казани отправил хивинскому хану 2 000 винтовок с 400 000 патронов и телеграфно приказал полковнику Колосовскому «огнем и железом подавить восстание хивинских туркмен»[8]).

---

[1]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, д. 1104, оп. 1, л. 133.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 169, л. 1.
[3]) Там же, л. 2.
[4]) Там же, л. 17.
[5]) Там же, л. 19. Также см. ЦГИА УзССР, ф. 1111, оп. 1, д. 1104, л. 130.
[6]) Там же, л. 20.
[7]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 108.
[8]) ИИКП Уз., д. 368, л. 80 и 94.

Но карательный отряд в 2 000 человек с 6 полевыми орудиями, сформированный в Хиве из ханских нукеров, 7 июня 1915 года в местности Ак-Дербент (30 километров на юго-запад от Хивы) встретил упорное сопротивление восставших туркмен, руководимых Шамми-Келем. В разыгравшемся бою ханский отряд потерпел жестокое поражение: он потерял 600 человек убитыми, 100 ранеными, 2 орудия и 1 500 винтовок[1]).

Восстание расширялось. Полковник Колосовский в докладной записке в Ташкент тревожно сообщал, что после ак-дербентской победы повстанцев размах восстания значительно увеличился за счет открыто примкнувших к нему узбеков, казахов и других[2]).

После этого полковник Колосовский и прибывший из Ташкента генерал-майор Геппенер, учитывая обстановку, изменили тактику борьбы с восставшими. Они стали вести мирные переговоры с туркменскими мохердарами и ишанами, надеясь таким образом расколоть и разложить ряды восставших и подорвать восстание изнутри. 30 июня 1915 года в Ак-Дербенте было заключено «мирное соглашение», по которому царские генералы обещали принять меры к «ликвидации» причин, вызвавших волнения среди туркменского и узбекского населения ханства, а туркменская феодально-ишанская верхушка, испуганная социальным характером восстания, обязалась удерживать народные массы от вооруженной борьбы[3]).

Однако восставшие остались недовольны этим перемирием. Они требовали изгнания царских генералов и русских капиталистов из Хивы; требовали свержения с ханского престола Исфендиар-хана, как ставленника «белого царя», грабящего и разоряющего страну; требовали отмены штрафов и контрибуций налагаемых ханско-царской администрацией за «беспорядки и бунты»; требовали прекращения насильственного сбора с населения различного рода «пожертвований» на нужды фронта; требовали коренного улучшения системы водопользования и немедленного открытия головной части туркменских арыков, закрытых в течение 1912—1914 годов по приказу Исфендиар-хана; требовали наделения безземельных и малоземельных дайхан поливными землями за счет подшалыковых, мюльковых и вакуфных земель; требовали уменьшения размера ростовщических процентов и принятия решительных мер к прекращению системы взяточничества, развитой сверху до низу в ханской администрации[4]).

Разумеется, все эти требования, предъявленные подлинными представителями народной массы (Шамми-Келем и др.) на ак-дербентском и газабадском «примирительных» совещаниях, созванных генерал-майором Геппенером в конце июня 1915 года, не были поддержаны представителями туркменской и узбекской эксплоататорской верхушки.

Предательство феодальных верхов было оплачено ханско-царской властью. По соглашению от 30 июня 1915 года, собственные аулы и кишлаки туркменских мохердаров, знатных баев и ишан немедленно получили поливные воды и были освобождены от внесения «штрафов» за «бунт».

Широкая дайханская масса получила лишь моральное удовлетво-

[1]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 108 и 142.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 169, л. 61.
[3]) Там же.
[4]) Из рассказов участников восстания.

ение от военной победы 7 июня под Ак-Дербентом. Никакие материальные улучшения ее не коснулись. Наоборот, с активных участников восстания мохердары стали в первую очередь взыскивать «штрафные» деньги. В августе 1915 года мохердары доставили в Хиву 10 000 тилл, взысканных с дайхан в счет погашения «штрафов» 1913 года в сумме 110 000 рублей и 1914 года в сумме 611 000 тилл[1]).

Кроме того, от дайхан попрежнему требовали деньги для пополнения так называемых «мохердарских фондов», предназначенных для удовлетворения вымогательства царских генералов и ханских чиновников.

Грабеж населения под видом пожертвований на нужды империалистической войны принял в 1915—1916 годах чудовищные размеры.

О том, как эти мохердарские (а у узбеков — аксакальские) «фонды взятки» передавались царским генералам, видно из записки начальника Аму-Дарьинского отдела, представителя царского правительства в Хиве, полковника Колосовского, который писал:

«Все деньги, поступающие, передавались мне ханом лично или через его доверенных сановников на разные благотворительные нужды; иногда это делалось от имени его высочества, иногда анонимно, иногда от третьих лиц, иногда от разных групп и сообществ...

С чувством невольной краски в лице должен сознаться, что не все эти пожертвования сделаны были хивинским ханом по собственному почину: иногда по указанию свыше мне приходилось делать ему любезные напоминания, граничившие, в отдельных случаях, с почти незамаскированным вымогательством»[2]).

Невыносимый произвол, грабежи, насилия, угнетение и эксплоатация, чинимые представителями ханско-царской администрации, феодально-ишанской верхушки и ростовщиками, вызвали в январе 1916 года крупное всеобщее восстание туркменских и узбекских дайхан и городской бедноты ханства.

Непосредственным поводом для хивинского восстания 1916 года послужило зверское насилие распутного хана над 40 девушками. Расспросами многочисленных старожил, очевидцев и участников восстания, автору удалось восстановить подробности этого преступления хивинского сатрапа.

Так же, как предыдущий хан Хивы Мухамед-хан, Исфендиар был известен как развратный человек, не останавливавшийся ни перед чем для удовлетворения своих низких инстинктов. К началу 1916 г. хан Исфендиар в своем ханском гареме Нуруллабай в городе Хиве имел 9 «законных» жен, а вне гарема в самой столице он имел около 50 «незаконных» жен. Не довольствуясь этим, хан рассылал «агентов», систематически доставлявших ему из всех городов и кишлаков дочерей его подданных. Тех, кто пытался протестовать, ханские агенты обычно умерщвляли.

В конце декабря 1915 года умер единственный сын Исфендиар-хана — Темир-газы-Тюре, утвержденный русским царем Николаем II наследником хивинского престола. По этому случаю хан объявил, что он в течение 40 дней не будет заниматься государственными делами, а будет справлять траур по сыну. Этот своеобразный «траур» хан решил проводить в разгуле, пьянстве и разврате.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 109, л. 65.

[2]) Хивинское восстание 1916 г. Ташкент, 1930 г., стр. 16.

По советам своих приближенных министров Матвафа Бакалова, Ишир-Махрама и Абдулла-бая, хан дал распоряжение своим агентам, чтобы каждый день доставляли в ханский двор одну девушку по следующей разверстке: от узбеков —10, каракалпаков —10, казахов —10 и туркмен —10 девушек. Следуя советам осторожных министров, опасавшихся что туркмены могут взбунтоваться, долю туркмен возложили на узбеков[1]).

Согласно данной разверстке, в первых числах января 1916 года в ханский гарем были доставлены две девушки: одна в возрасте 15 лет, по имени Энеджан, дочь мясника Досняз Юсупова, жителя города Ходжейли, кара-калпака по национальности, другая в возрасте 14 лет, по имени Айман, дочь ремесленника-кузнеца Джепбар-Темирчи Пальванова, жителя селения Мангит, по национальности узбека. Через несколько дней обе эти девушки были тайком доставлены родителям мертвыми. Обе они были умерщвлены в гареме хана, так как упорно отказывались исполнять прихоти хана. Пьяный хан одну девушку задушил собственными руками, а другая была отравлена ханским табибом — знахарем.

Услышав об этом злодеянии, население Ходжейли и Мангита 10 января 1916 года заволновалось. Толпы народа двинулись к домам своих городских хакимов с требованием всем итти на Хиву и немедленно свергнуть с престола и убить развратного хана-тирана Исфендиара. В Ходжейли образовался повстанческий отряд в 500—600 человек, во главе которого становится ходжейлинский городской хаким, младохивинец Овезджан-Ходжа, отец которого Муртаза-бай в свое время преследовался и не раз арестовывался Исфендиар-ханом[2]).

На пути к Хиве 14 января 1916 года к ходжейлинскому повстанческому отряду присоединились отряды восставших ремесленников и дайхан Кипчак-Мангитского бекства, во главе которых стоял отец зверски убитой девушки — мангитский кузнец Джепбар-Темирчи.

Восстали также ремесленники и дайхане Шабадского, Ургенчского, Манакского и Гурленского районов узбекской части Хорезма. На Хиву двинулся отряд численностью в 2 000—3 000 человек, вооруженных огнестрельным и холодным оружием[3]).

Руководители узбекских повстанцев из Ургенча отправили делегацию к туркменам (Шамми-Келю и другим) с просьбой поддержать восстание и помочь узбекским повстанцам свергнуть Исфендиар-хана и изгнать царских генералов из Хивы. Туркменские дайхане Тахтинского, Ильялинского и Куня-Ургенчского районов немедленно отозвались на приглашение узбекских трудящихся. 18 января 1916 года на Хиву двинулось под руководством Шамми-Келя 1 500 всадников, вооруженных берданками, винтовками и шашками[4]).

Так началось знаменитое хивинское восстание 1916 года, поднявшее на ноги все слои населения ханства.

Для того, чтобы читателю были ясны и понятны дальнейшие поступки и поведение групп и лиц, принимавших участие в описываемых со-

---

[1]) Из материалов Туркестанского районного охранного отделения «Расследование о причинах восстания туркмен в Хивинском ханстве в 1915—1916 г.г.», ЦГИА УзССР, ф. XII, оп. 1, д. 1899, л. 78.

[2]) Из рассказов очевидцев и участников хивинцев, также см. ТФАН ИИЯЛ, д. 778, л. 58, записка Л. М. о походе генерала Галкина в Хиву в 1916 году.

[3]) Архивный фонд Туркестанского районного охранного отделения. ЦГИА УзССР, ф. XII, оп. 1, д. 1899-а, л. 79, а также ТФАН ИИЯЛ, д. 495, л. 107.

[4]) Там же. Дополняется рассказами очевидцев и участников.

бытиях, следует кратко остановиться на характеристике этих лиц и групп.

Прежде всего наше внимание привлекают к себе личности Шамми-Келя и Джунаид-хана, наиболее известные в хивинских событиях новейшего времени.

Шамми-Кель-Клыч-Хуммаш оглы родился в 1873 году в ауле Дирегли Тахтинского района в семье дайхана-середняка из туркменского племени иомуд, колена окуз, рода гара-окуз.

По рассказам туркменских и узбекских старожил и очевидцев, подтвержденным рядом архивных материалов, Шамми-Кель был, несмотря на свою неграмотность, умным, очень храбрым и талантливым в военном деле человеком. Он пользовался глубокой любовью и большим авторитетом и среди узбеков, и среди туркменских трудящихся всех племен и родов, как защитник интересов трудовой массы, непримиримый враг ханской власти, царских генералов, узбекских купцов, туркменских ростовщиков и мохердаров. Поэтому туркменская и узбекская феодальная и торговая верхушка поддерживавшая ханскую власть и царских чиновников, ненавидела Шамми-Келя и называла его «первым разбойником» в ханстве.

В отличие от большинства туркменских военных вожаков, получивших известность грабежом и количеством отрезанных голов, Шамми-Кель выдвинулся как честный, стойкий и замечательно способный руководитель вооруженного восстания туркменских дайхан Тахтинского и Ильялинского районов в 1912—1913 годах. За руководство этим восстанием против колониального гнета ханской и царской власти он долго просидел в подземельной тюрьме Исфендиар-хана и был освобожден ханом лишь под давлением народных масс.

Шамми-Кель был одним из видных руководителей массового вооруженного восстания туркменских и узбекских трудящихся в 1915—1916 годах. После поражения повстанцев он до конца оставался преданным делу народных масс в то время, как Джунаид-хан и другие феодальные вожаки — авантюристы и изменники, награбив много всякого добра, бежали в Иран, спасаясь от народной мести за предательство восстания. Именно Шамми-Кель возглавлял недовольство и возмущение народных масс провокационными, грабительскими и предательскими действиями туркменских мохердаров и кетхуда.

Определенной программы и ясной цели борьбы у шаммикельцев не было. Являясь стихийным крестьянским движением, борьба шаммикельцев была направлена, в первую очередь, против притеснения и насилий, чинимых ханской властью и царскими генералами, против привилегированных туркменских и узбекских феодалов, против грабителей дайханской земли и воды.

В этом и состояло революционное значение борьбы шаммикельцев.

Кто же такой был Джунаид-хан. Рассказы многочисленных старожилов и очевидцев и обнаруженные архивные материалы окончательно разоблачают созданные буржуазно-националистическими и феодально-байскими элементами легенды о личности этого феодального разбойника и авантюриста.

Гурбан-Мамед-сердар (Джунаид-хан, или Джунейд-хан) происходил из семьи богатого туркменского феодала Ходжи-бая из племени иомудов, колена орсукчи, рода джунаид Тахтинского района, аула Бедеркент. В 1910 году, когда умер Ходжи-бай, четверо братьев поделили между собой богатое наследство отца. Гурбан-Мамеду, как

старшему из братьев, досталось много скота, 3—4 дайхана-хызматкара[1]), 10 атлыков[2]) земли, 5—6 ярымчиев[3]). Двоюродные братья Гурбан-Мамеда (Ходжи-Мурад-бай, Аман-Сахат-бай) и его тесть (Атабай-гырымса) были крупными мюлькдарами.

Гурбан-Мамед, хотя и был совершенно неграмотным, долгое время занимал в своем ауле должность казия (судьи) и мираба (распорядителя воды). Когда он в начале 1912 года, в возрасте 50 лет, собрав под свое начальство богатых и хорошо вооруженных родственников, сумел ограбить в Кара-Кумах несколько торговых караванов и отрезал голову своему двоюродному брату-сопернику, его стали звать «сердаром», «предводителем». Впоследствии, когда он подчинил себе несколько таких маленьких «сердаров» и стал предводителем больших отрядов, претендуя на хивинский ханский престол, его стали звать «Джунаид-ханом», по имени иомудского рода джунаид, из которого он происходил.

Джунаид-хан выступил с самого начала своей разбойничьей и военной карьеры, как способный и хитрый феодальный «сердар», защищавший и отражавший интересы иомудской, прежде всего, орсукчинской феодальной верхушки. Примкнув к восстанию трудящихся дайхан в 1912—1913, 1915—1916 годах, он во время этих восстаний со своим «избранным отрядом» — шайкой хорошо вооруженных феодальных бандитов — занимался исключительно грабежами и убийствами мирного населения городов и сел ханства. Беспощадный в своих насилиях над трудовыми массами всех национальностей и племен без исключения, Джунаид-хан пользовался поддержкой не только туркменских мохердаров, кетхудов и выхымдаров, с которыми он делился добычей, но и царских чиновников, видевших в нем союзника в борьбе с туркменской беднотой.

Трудящиеся всех национальностей и племен питали к нему глубокую ненависть и презрение, прозвав его «хан-байталом» («ханом-кобылой»[4]).

В изучаемый период времени в Хивинском ханстве имелось несколько политических группировок с противостоящими друг другу взглядами и стремлениями. К этим социально-политическим группам относились:

группа партии младохивинцев, руководимая ханским визирем Хусейн-беком, ханским комерсантом Пальван-Нияз-Ходжа Юсуповым, гурленским ишаном Баба-ахуном и другими;

группа туркменской феодальной верхушки, во главе которой стояли Джунаид-хан, мохердар иомудского рода орсукчи Дурды-вокиль, мохердар иомудского рода ушак Сеид-Мамед-бек, мохердар иомудского рода ак-окуз Джаджан-бек, мохердар иомудского рода гара окуз Шамурад-багшы, мохердар иомудского рода гора-салак Сеид-Гельди-бек, мохердар иомудского рода ак-салак Гулджан-сердар, емрелинский мохердар Шири-хан, чоудорский мохердар Пальван-Нияз-Юзбаши, крупные туркменские ишаны Мурад-казий, Хан-ишан, Али максум, Эмин-ишан, Нуретдин-ишан и другие;

группа представителей повстанческой революционной народной массы, имевшая своими руководителями Шамми-Келя, Джепбар-Темирчия и других.

---

[1]) Дайхан-хызматкар — здесь в смысле батраков.

[2]) 1 атлык — 30 танапов.

[3]) Ярымчи — дайхан-издольщик.

[4]) Так прозвали Джунаид-хана трудящиеся хивинские туркмены за трусость и предательство.

И, наконец, группа правящей узбекской феодальной верхушки в лице Исфендиар-хана и его приближенных крупных сановников Ашир-Махрама, Абдулла-бая, Ших-Назар-бая, ханских духовников Адам-ахуна, Джалал-ишана. В тесном союзе с ним находились группа представителей царского правительства в лице полковника Колосовского, генерал-майора Геппенера и других.

Национально-освободительное движение в Хиве имело перед собой двух главных противников, против которых, в первую очередь, был направлен основной удар восстания — ханскую власть узбекских феодалов и суверена Исфендиар-хана — русский царизм.

Каково было отношение указанных выше групп и группировок к этим двум главным противникам восстания 1915—1916 годов?

Младохивинцы хотели, воспользовавшись народным выступлением, заменить ненавистного всем Исфендиар-хана каким-нибудь другим, более разумным и менее скомпрометированным ханом, способным управлять страной и поддержать «национальное единство» узбекских феодалов и буржуазии против «туркменской угрозы», против политических притязаний туркменской верхушки и против социальных требований революционной узбекской и туркменской трудовой массы.

Младохивинцы вовсе не стремились к тому, чтобы уничтожить феодальную ханскую монархию. Они хотели лишь ограничить абсолютную власть хана конституцией и провести ряд реформ, которые ослабили бы засилие феодальной аристократии и усилили бы роль в Хиве узбекской буржуазии. Программа младохивинцев была умеренно-либеральной. Главным их лозунгом было «равенство по шариату», то есть равенство буржуазии с феодалами в политических правах. Не народной революцией, а реформами сверху они надеялись вывести страну из экономического и политического тупика. В национальном вопросе они целиком защищали ханскую погромную политику в отношении туркмен.

Сущность младохивинцев особо ярко выявилась в их отношении к царизму и к контрреволюционной русской буржуазии. Они не только не ставили перед собою задачу революционной борьбы против колониального гнета русского «военно-феодального империализма», но и рассчитывали на «благожелательное» отношение его к стремлениям хивинской молодой буржуазии. Руководство младохивинцев боролось против антиимпериалистических настроений, которые стихийно пробивались в народных массах, активно участвовало (например, Хусейн-бек, Юсупов и др.) в карательных экспедициях царских генералов против восставших в 1915—1916 годах туркменских и узбекских трудящихся. Младохивинцы выступали с лозунгом: «Туземное население должно жить с генералами белого царя в мире и согласии». В своей ориентации на царскую администрацию они целиком смыкались с узбекской и туркменской феодальной знатью.

Эксплоататорская сущность, умеренно либеральная программа и контрреволюционные действия младохивинцев подрывали их влияние и авторитет в народе. Трудящиеся узбеки и туркмены видели в них таких же жестоких эксплоататоров и насильников, какими были феодальная знать и ханские чиновники.

Туркменская феодально-ишанская верхушка (джунаидцы) боролись с политически господствующей в стране узбекской феодальной верхушкой за монопольную эксплоатацию «своих» туркменских дайхан. Она хотела, чтобы узбекская ханская власть не вмешивалась в дела туркмен и чтобы туркменская область Хорезма управлялась совершенно самостоятельно, независимо от хивинской узбекской ханской власти.

Так как туркменская область не может существовать без источников оросительной воды, а эти источники находились в узбекских районах, то есть в руках узбекской феодальной верхушки, то туркменские феодалы должны были бороться и действительно боролись за захват ханской власти в Хиве в свои руки, за свержение власти узбекских феодалов, за установление во всем Хорезме господства туркменских феодалов.

На страже ханской власти узбекских феодалов стоял русский царизм. Джунаидцы, воспользовавшись народным восстанием, сравнительно легко могли бы сломить сопротивление узбекских феодалов, но они были бессильны против царских войск, против фактического хозяина Хивы — царской администрации.

В специфических условиях Хорезма ни узбекские феодалы, ни туркменские феодалы, ни местная младохивинская буржуазия не могли притти к власти и удержаться у нее без военно-политической поддержки русского царизма.

Это хорошо понимали и джунаидцы, и сторонники Исфендиар-хана, и младохивинцы. Все они в борьбе друг против друга, в борьбе за власть заискивали перед царскими генералами в надежде получить от них поддержку, старались всеми силами и средствами услужить царским чиновникам. Джунаидцы приняли участие в народных восстаниях 1915—1916 годов для того, чтобы привлечь к себе внимание царского правительства, удержать массу от борьбы против царизма и нажить богатства путем грабежа.

Но представители царского правительства, в соответствии с колониальной политикой царизма и русских капиталистов, предпочитали стоять на защите ханского трона узбекских феодалов (группы Исфендиар-хана). Власть узбекских феодалов была для царизма наиболее приемлемой. При существующих порядках царские администраторы действовали и держали себя в Хиве как единственные хозяева. Приход к власти младохивинцев привел бы к проведению в ханстве различного рода буржуазных реформ и росту туземной буржуазии, могущей выступить конкурентом русской буржуазии. Царскому правительству не внушали доверия и внешне-политические связи младохивинцев с Турцией и Ираном.

Еще более враждебно отнеслись представители царского правительства к притязаниям туркменских феодалов, к джунаидцам. Они не желали, чтобы у власти находились воинственные туркменские феодалы.

Основной движущей силой хивинского восстания 1915—1916 годов являлась дайханская и городская ремесленная масса туркмен и узбеков. Ее желания и стремления были отражены в выступлениях ее руководителей Шамми-Келя, Джепбар-Темирчия и других. Шаммикельцы стремились к тому, чтобы установить в стране такую власть, которая обеспечила бы национальное и социальное равенство, защищала бы интересы трудовой народной массы. Они сами не могли сформулировать свою программу. Эти требования и стремления у шаммикельцев были стихийны, как и все их движение. Но тем не менее борьба шаммикельцев с русским царизмом и хивинской ханской властью была борьбой не только национально-освободительной, но и борьбой против «своей» туркменской феодально-ишанской верхушки и торгово-ростовщической буржуазии.

Таковы были цели главнейших лиц, групп и партий — активных участников событий 1915—1916 годов.

18—19 января 1916 года повстанцы появились в окрестностях столицы Хивы. Под влиянием нарастающего страха перед народным восстанием в Хиве организуется дворцовый заговор против Исфендиар-хана. В заговоре участвовали некоторые дальние родственники хана и многие ишаны. Заговорщики считали, что поступки Исфендиар-хана не совместимы с правилами шариата и вызывают народное волнение, а поэтому следует его отстранить от престола. 18 января заговорщики собрались на совещание в окрестностях Хивы, в доме Рахман-Куль-Инак-Тюре. На совещании участвовали также два человека от группы туркменских феодалов (Джунаид-хана).

На своем совещании заговорщики решили: восставшую народную массу не допускать к столице; принять меры к тому, чтобы повстанцы не учинили насилия ни над байскими элементами, ни над представителями ханско-царской власти; из узбекских повстанцев выделить отряд в 300 наиболее надежных человек, остальных распустить по домам; к Исфендиар-хану направить делегацию в 8 человек с тем, чтобы заставить хана отречься от престола, а в случае отказа—убить его. Совершение террористического акта над ханом было поручено Мухаметджан-Ходжи (брату ходжейлинского хакима Овезджан-Ходжи). На ханский престол заговорщики предполагали посадить одновременно двух ханов — от узбеков Сеид-Абдуллу (брата Исфендиар-хана), от туркмен — Джунаид-хана. Назначение новых ханов должно быть обязательно согласовано с представителями «белого царя», а весь государственный переворот должен был быть санкционирован «советом улемы» ишанов[1]).

Проект заговорщиков получил свое утверждение на совещании 12 видных ишанов, собравшихся 18 января в Газабаде[2]). После этого заговорщики приступили к осуществлению своих планов. Но они достигли только того, что с помощью духовенства уговорили повстанцев разойтись по своим аулам и кишлакам, обещав, что все пожелания их будут проведены в жизнь мирным путем. Попытка феодальных вождей осуществить переворот была сорвана русским командованием. 20 января полковник Колосовский со своим отрядом окружил дом Рахман-Куль-Тюре, где находились заговорщики с собранным ими отрядом в 300 человек. Руководители заговора не разрешили своему отряду оказать Колосовскому вооруженное сопротивление. Только мангитский кузнец, отец убитой ханом девушки, Джепбар-Темирчи со своими товарищами успел сделать несколько выстрелов по отряду Колосовского, да еще 83-летний каюкчи Султан-баба (из Мангита) осмелился громко произнести : «Долой белого царя! Он не должен вмешиваться в наши внутренние дела. Все равно, если не сегодня, то завтра мы расправимся с злодеем Исфендиар-ханом и со всеми нашими угнетателями»[3]).

Полковник Колосовский арестовал всех участников заговора, посадил их в ханскую подземную тюрьму, поставил у двери тюрьмы своих солдат, а большую часть повстанческого отряда разоружил, наказал кнутом и отпустил по домам[4]).

Отряды туркменских и узбекских повстанцев 21 января вновь появились в окрестностях Хивы. После событий 20 января они, уже не

---

[1]) ЦГИА УзССР, ф. XII, оп. 1, д. 1899-а, л. 79. См. также ТФАН ИИЯЛ, д. 495, л. 107 и 203. Дополняется рассказами участников.

[2]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 169, л. 108—109.

[3]) Там же. Дополняется рассказами участников.

[4]) ЦГИА УзССР, ф. XII, оп. 1, д. 1899-а, л. 79. Дополняется рассказами участников.

слушая уговоров ишанов, нападали на владения ханских сановников, крупных баев и торговцев и захватывали их имущество. Только сам Джунаид-хан со своей дружиной явившись к повстанцам, силой и угрозами заставил части дайхан уйти из окрестностей столицы и вернуться в свои аулы. 22 января Джунаид-хан вместе с мохердарами подписал два письма, полных дружественных приветствий и заявлений, и отправил их в город полковнику Колосовскому.

«Да не будет скрыто и то,—писали джунаидцы Колосовскому,—что с самого начала вы дружественно относились к нам и оказывали помощь в наших делах. Мы, также ценя такие отношения, ничего плохого против вас не имеем и считаем вас большим нашим доброжелателем»[1]).

Когда полковник Колосовский предложил джунаидцам немедленно сняться из-под Хивы и вернуть обратно в свои аулы всех повстанцев, то Джунаид-хан и его клика, выполняя приказ Колосовского, рабски доложили ему:

«Его высокоблагородию, высокоуважаемому начальнику Аму-Дарьинского Отдела.

Имеем честь доложить, что мы, согласно Вашему приказанию, вернулись обратно. Мы отлично понимаем Ваше дружественное отношение»[2]).

Полковник Колосовский, касаясь этого эпизода, с большим удовлетворением отметил в своем докладе следующее:

«22 января утром ко мне на дом привели двух иомудских кетхудов с письмом от всех своих мохердаров .К ночи те же кетхуды доставили мне вторичную записку иомудских главарей и повторили несколько раз, что хан Джунаид приходил к Хиве не с дурными намерениями, а с единственной целью забрать домой всех своих людей, которые самовольно собирались к Хиве без его ведома.

В ночь с 22 на 23 туркменские скопища действительно покинули Хиву и разошлись по своим стойбищам.

Таким образом, гроза пронеслась и благодаря обстоятельствам нам удалось одержать большую духовную победу над мятежными элементами разлагающегося Хивинского ханства»[3]).

Все эти факты говорят о том, как неправы наши некоторые историки, изображающие Джунаид-хана и его клику «борцами» против русского царизма. Наоборот, джунаидцы были верными слугами царизма и охранниками его порядка в Хивинском ханстве. Они вместе с узбекской феодальной верхушкой и младохивинской буржуазией (многие из заговорщиков были младохивинцами) в своих классовых интересах всячески задерживали и тормозили народное революционное движение и в решающие минуты предавали его, открыто переходя на сторону ханско-царской власти. Еще более ярко это видно из последующего этапа восстания 1916 года.

На первом этапе восстания инициаторами его были узбекские дайхане и ремесленно-городская беднота. Второй этап восстания характеризуется тем, что на этот раз инициаторами движения стали туркменские дайхане-шаммикельцы, а узбеки пришли на помощь туркменам. Поводом к новому подъему движения дайхан послужили распространившиеся слухи о том, что ханско-царская администрация намерена обложить участников январского выступления большим штрафом и посылает по

[1]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 80.
[2]) Там же, л. 82.
[3]) Фонд ТФАН СССР, д. 495, л. 112.

аулам, кишлакам и городам карательные отряды для наказания «бунтовщиков.» Для обсуждения ситуации I февраля 1916 года в ауле Дирегли Тахтинского района в доме Шамми-Келя собрались представители дайхан всех туркменских районов. На этом совещании шаммикельцы решили организовать поход на Хиву, захватить столицу и свергнуть ханско-царскую власть, пока в Хиве имеется немного солдат и ханский двор еще не успел оправиться от январского потрясения. Выступая на совещании, Шамми-Кель сказал своим начальникам отрядов: «Чтобы получить поддержку узбекской массы, нам надо убивать и грабить только хивинских сановников и других наиболее богатых людей»[1]).

2 февраля 1916 года шаммикельцы подняли всеобщее восстание туркменских дайхан и двинулись на Хиву, заняв на своем пути города и селения: Ташауз, Газабад, Шабад, Манак, Клычбай, Кят, Мангит, Гурлен и ряд других крупных населенных пунктов. Кишлачная и городская беднота этих районов присоединилась к отрядам восставших туркменских дайхан и вместе с ними стала громить представителей ханской администрации. По далеко не точным официальным данным царского командования, общее число туркмено-узбекских повстанцев на 3 февраля составляло 10 000 человек, из которых лишь около 6 000 были вооружены огнестрельным оружием[2]).

8 февраля повстанцы со всех сторон окружили Хиву, перерезали телеграфный провод между столицей и Ургенчем, разгромили конторы и склады русских торгово-промышленных фирм в Ургенче, Мангите, Ходжейли и Ташаузе. В ночь с 8 на 9 февраля основная масса повстанцев под командованием Шамми-Келя стала штурмовать глинобитные стены и железные ворота ханской столицы[3]).

Отличительной чертой нового этапа повстанческого движения является углубление классовой диференциации среди туркмен. Нередки были случаи, когда туркменские дайхане (бедняки и батраки) угоняли скот своих же богатых «родственников»; в ауле Ходжакумбет Тахтинского района Шамми-Кель разгромил двух туркменских баев и сжег их дома за отказ вооружить батраков, желающих участвовать в восстании. Такие же случаи имели место и в аулах Ильялинского и Куня-Ургенчского районов[4]).

Полковник Колосовский тревожно сообщал в Ташкент и Петроград о повсеместном нападении дайхан на усадьбы богатых людей и на представителей власти.

Так, например, еще 5 февраля в своей телеграмме в Ташкент полковник Колосовский писал:

«Минувшей ночью туркменскими всадниками в окрестностях Хивы и Ургенча ограблено около 12 усадьб богатых хивинцев. Сняты беки в городах Мангит и Клычбай, два аксакала и захвачены наличные нокеры. По слухам, завтра назначен разгром Ургенча. Всюду выставлены завесы сторожевых всадников»[5]).

Этой особенностью нового подъема восстания и можно объяснить то, что узбекские знатные баи и торговцы из всех городов и кишлаков собирались в столицу под защиту царских войск, а туркменская знать бежала в ставку Джунаид-хана.

---

[1]) Из рассказов очевидцев и участников.
[2]) ЦГАОР ТССР, с/б, д. 169, л. 200.
[3]) Там же, л. 202.
[4]) Из рассказов очевидцев.
[5]) ЦУАРДЕЛ УзССР, д. «Хивинское восстание 1916 г.», ф. 1141, оп. 1, д 1104, л. 34.

Туркменское байство не скрывало своего явно враждебного отношения к народному восстанию. Восстание носило классовый характер и направляло свои удары не только против ханско-царской администрации и узбекских баев, но и против «своих» туркменских эксплоататоров. Туркменские мохердары и ишаны проклинали Шамми-Келя и его товарищей, называя их «разбойниками». Но вместе с тем туркменские феодалы-джунаидцы желали использовать восстание для того, чтобы захватить в свои руки хивинскую ханскую власть. Они считали, что страх перед всеобщим народным восстанием заставит представителей русского царского правительства согласиться на свержение Исфендиар-хана и передачу престола Джунаид-хану.

С этой целью туркменские мохердары, кетхуды и ишаны со своими нокерами общей численностью в 150—200 хорошо вооруженных всадников во главе с Бурбан-Мамед-сердаром (Джунаид-ханом) 10 февраля выступили из аула Бедеркент Тахтинского района и на следующий день появились в узбекских городах Ханки и Гурлен[1]). В этих городах узбекские и кара-калпакские ишаны признали и провозгласили Джунаида хивинским ханом. С горожан, отказавшихся признать его ханом, Джунаид силой оружия в течение двух дней получил свыше 260 000 рублей штрафа, Ургенч был обложен в 261 000 рублей контрибуции[2]).

Столица ханства находилась в это время в железном кольце повстанцев; город был полон беженцами: узбекскими баями и русскими чиновниками, служащими русских торгово-промышленных учреждений, ханской администрацией. Трудовые слои населения города не скрывали своего сочувствия повстанцам, но агитаторы партии младохивинцев удерживали их от открытого восстания. В ханском дворце царила паника, суматоха и полнейшая растерянность. Исфендиар-хан со своими приближенными сановниками скрылся в женской половине дворца — гареме Нуруллабая. Оборону города и свою судьбу он поручил полковнику Колосовскому, который за эту услугу тут же получил от хана 190 000 рублей[3]).

Полковник Колосовский имел в своем распоряжении всего-навсего от 300 до 400 солдат с 4 орудиями и 4 пулеметами. Это была единственная военная сила не только в столице, но и во всем ханстве, если не считать недостаточно боеспособных и уже находившихся под влиянием восставших ханских нокеров[4]). Колосовский уже несколько раз телеграфировал в Ташкент и Петроград и просил срочно прислать в Хиву войска для подавления восстания.

Солдаты Колосовского охраняли ханский дворец, почту, тюрьму и 8 ворот города. 11 февраля повстанцы под руководством Шамми-Келя разбили у южных ворот города один из отрядов Колосовского и рано утром 12 февраля ворвались в город и окружили ханский дворец. Отряд Колосовского отступил от дворца к укреплению у северных ворот города[5]).

В докладе Колосовского по этому поводу сказано следующее:

«13 февраля, с восходом солнца, сосредоточенные силы туркмен полезли со всех сторон на русский отряд. Главные события разыгрались у ханского дворца, перед воротами которого был поставлен пулемет с нашей заставой... С рассветом охрана была осыпана целым градом пуль

---

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. XII, оп. 1, д. 1899-а, л. 80.

[2]) Там же, а также журнал «Туркменоведение», № 6—7. 1929, стр. 42.

[3]) Из следственных материалов Туркестанского районного охранного отделения, ЦГИА УзССР, ф. XII, оп. 1, д. 1899-а, л. 89.

[4]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д: 169, л. 11.

[5]) Там же, л. 202.

с крыш соседних домов, откуда стреляли не только туркмены, очевидно, проникшие туда при помощи жителей, но и самые хивинцы»[1]).

«Кто-то из близких людей хана выпустил туркмен тайным ходом через сад и они бросились тогда на нашу заставу сзади. В это же время кто-то отворил туркменам главные ворота, после чего сотник Актушин принужден был со всеми казаками, дружинниками и пулеметом очистить самый двор»[2]).

Таким образом, шаммикельцы овладели большею частью города. Многие из городской бедноты и даже из ханских нокеров присоединились к шаммикельцам, продолжавшим непрерывно обстреливать позиции войск Колосовского. Повстанцы разгромили дома ханских министров Абдулла-бая, Ших-Назар-бая, Матвафа Бакалова, многих крупных торговцев и даже Хусейн-бека Матмурадова — ханского министра и лидера партии младохивинцев[3]). Шаммикельцы долго разыскивали Исфендиар-хана и его сановников. В подвальном помещении ханского гарема они нашли начальника ханских ясаулов (полиции) Абдурахман-бая, ханских министров Матвафа Бакалова и Абдулла-бая, которых по распоряжению Шамми-Келя вывели за город и расстреляли[4]).

После этого, в полдень 13 февраля, Шамми-Кель захватил городскую ханскую подземную тюрьму и выпустил на волю всех арестованных, в том числе и январских заговорщиков, арестованных Колосовским[5]).

Успехи восставших вызвали энтузиазм трудовой части населения города, массами присоединившейся к отрядам Шамми-Келя. Было решено всеми силами штурмовать укрепленную позицию полковника Колосовского, откуда солдаты отстреливались из пулеметов и орудий.

Тем временем, к вечеру 13 февраля, в столицу прибыл Джунаид-хан со своей шайкой мохердаров и ишанов. Большинство восставших считали, что джунаидцы пришли помогать побеждающим повстанцам. В действительности, случилось другое. Остановившийся во дворце Джунаид-хан созвал совещание «улема» (духовенства), на котором он и прибывшие с ним туркменские феодалы стали ругать Шамми-Келя, обвиняя его в «бесчинстве» и «бестактности». Они потребовали, чтобы повстанцы прекратили обстрел русских солдат, немедленно покинули город и разошлись по домам[6]).

Шаммикельцы на эти требования ответили решительным отказом. Сам Шамми-Кель, обратившись к массе повстанцев, заявил, что «пока будет жив хан-байтал и наши продажные мохердары, мы никогда не будем обеспечены поливной водой и не будем избавлены от бесконечных царских штрафов и ханских обложений. Шамми-Кель призывал массу продолжать борьбу»[7]).

Предъявив восставшим требование прекратить борьбу, Джунаид-хан вызвал к себе Исфендиар-хана. Тот вышел из гарема, где он до сих пор скрывался переодетым в женское платье, и, явившись к Джунаид-хану, упал ему в ноги, поцеловал полы его халата, со слезами просил пощады и сообщил ему, что он готов исполнить все требования, изложенные

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 169, л. 203, а также ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 108.
[2]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 108—109.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 169, л. 203.
[4]) Там же, л. 204—205. См. также ЦГИА УзССР, ф. XII, оп. 1, д. 1899-а, л. 81.
[5]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 169, л. 204 и дополняется рассказами очевидцев.
[6]) Из рассказов участников.
[7]) Из рассказов очевидцев и участников.

Джунаид-ханом в письме от 11 февраля, полученном им от Джунаид-хана из Ханки[1]).

Еще 11 февраля Джунаид-хан, находясь в городе Ханки, отправил Исфендиар-хану письмо с требованием добровольно отречься от престола и получить согласие представителей царского правительства на признание Джунаид-хана ханом Хивы. Дождавшись кульминационного момента восстания, Джунаид-хан явился в Хиву, чтобы заставить узбекских сановников и русскую администрацию дать согласие на провозглашение его хивинским ханом. Узбекская феодальная верхушка, напуганная ростом народного движения, могла еще на время согласиться с притязаниями Джунаид-хана, чтобы объединить силы туркмено-узбекских феодалов в борьбе против народного восстания. Но представители царского правительства не могли согласиться с дворцовым переворотом в пользу туркменских феодалов, в пользу Джунаид-хана. Полковник Колосовский вторично ответил категорическим отказом на предложение ханского двора о принятии требования Джунаид-хана. Занимая такую решительную позицию, Колосовский, несомненно, учитывал, что личность Джунаид-хана не имела никакого влияния и авторитета в народе и что восстание туркменских дайхан происходило вопреки его желаниям.

Покорность и повиновение туркменских феодалов русскому царизму оказались настолько глубокими и полными, что даже в такой благоприятной для них обстановке они не попытались пойти против решения представителя русского правительства.

Джунаид-хан и его клика, потерпев неудачу в своих политических намерениях, решили компенсировать свои политические неудачи грабежами. Пользуясь тем, что в столице царили суматоха и беспорядок, джунаидцы, каждый в отдельности и все вместе, стали заниматься грабежом и убийствами хивинских граждан. Как выяснилось потом, разбойники Джунаид-хана поступали так не только для захвата богатств, но и для того, чтобы дискредитировать основную массу туркменских повстанцев-шамминкельцев, подорвать союз узбекских и туркменских трудящихся в борьбе против общих врагов, противопоставить их друг другу и разжечь огонь национальной вражды. Провокационная деятельность джунаидцев значительно ослабила силы восставших. Но основная масса восставших продолжала наступление на отряд царских войск Колосовского.

Сейчас же после вступления в город, утром 11 февраля, Шамми-Кель и Джепбар-Темирчи с группой смельчаков вынесли из ханского дворца старинную чугунную пушку, которая когда-то была подарена хивинскому хану русским царем Александром III. Но эта пушка была еще пригодной для стрельбы и ханские нокеры в июне 1915 года в Ак-Дербенте из нее обстреливали туркменских повстанцев. Теперь Шамми-Кель с помощью хивинских мастеров кузнечного дела и ханских пушкарей установил эту пушку на холме и стал обстреливать ею позиции Колосовского[2]).

В эти решающие часы восстания Джунаид-хан позвал к себе Исфендиар-хана и предложил заплатить 60 000 рублей за то, что он спас и сохранил ему жизнь. Тот немедленно распорядился выдать эти деньги. Ханские слуги принесли полный хорджум серебряных монет и высыпали их перед Джунаид-ханом[3]).

---

[1]) ЦГИА УзССР, ф. XII, оп. 1, д. 1899-а, л. 81.

[2]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 108. См. также ТФАН ИИЯЛ, д. 495, л. 205.

[3]) ЦГИА УзССР, ф. XII, оп. 1, д. 1899-а, л. 81. См. также ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 169, л. 205.

Грабительские «подвиги» Джунаид-хана и его сподвижников были прерваны известиями о появлении в районах Гурлена и Ургенча войск генерала Галкина. Встревоженные джунаидцы, захватив свой тяжелый груз с награбленным добром, к полудню 14 февраля вышли из города и уехали в свои аулы[1]).

Таково было «участие» Джунаид-хана и всей туркменской феодальной верхушки в хивинском восстании 1916 года. После бегства Джунаид-хана основная масса туркменских повстанцев во главе с Шамми-Келем продолжала оставаться в столице и вместе с узбекскими трудящимися до 16 февраля вела борьбу с отрядом полковника Колосовского.

Царское правительство, напуганное размерами восстания, решило наказать восставших трудящихся хивинских туркмен и узбеков. Из Туркестана в Хиву был отправлен большой карательный отряд под командованием губернатора Сыр-Дарьинской области генерал-лейтенанта Галкина. Задача и цель этого карательного отряда была определена телеграммой, отправленной из Петрограда в Ташкент 11 февраля 1916 года за подписями министра иностранных дел Сазонова и военного министра Сухомлинова. В телеграмме было сказано следующее:

«Так как настоящее выступление туркмен является, видимо, последствием проявленной к ним раньше мягкости, то представляется необходимым дать им ныне суровый урок. Само собою разумеется, что действовать надо наверняка. Какая-либо неудача с нашей стороны совершенно недопустима. Озаботиться укреплением подорванной власти хана»[2]).

Туркестанский генерал-губернатор Мартсон, передав Галкину эту телеграмму, с своей стороны предупредил его, что:

«Ввиду родственных связей туркменских племен Закаспийской области Мерва, теке, ахальцев и Астрабадской области, крайне желательно быстро подавить движение в Хиве во избежание дальнейшего распространения волнений»[3]).

Генерал-лейтенант Галкин, получив эти установки, двинулся в Хорезм и 15 февраля с боем вошел в столицу Хивы. Впоследствии сам Галкин рассказал в своем докладе от 12 июня 1916 года за № 173 о том, как он прибыл в Хиву. Он писал:

«Сбив по дороге туркменский дозор и конную заставу, обстрелянный туркменами при подходе к городской стене, 15 февраля под вечер я соединился с отрядом полковника Колосовского, в течение пяти суток напряженно отбивавшегося от беспрерывных атак мятежников. Около полуночи мятежники прекратили ружейный огонь против соединившихся войск, а к рассвету спешно начали очищать Хиву»[4]).

Действительно, повстанцы во главе с Шамми-Келем и Джепбар-Темирчием, до утра 16 февраля героически боровшиеся с превосходящими силами полковника Колосовского и генерала Галкина, ввиду явной неравности сил, вышли из столицы и остановились в крупных населенных пунктах Газабаде, Шабаде, Кошкопри, расположенных в 30—35 километрах на юг и юго-запад от города Хивы.

Генерал Галкин побоялся сразу же выступить на преследование отступавших повстанцев. Для этого ему потребовалась длительная подготовка. До 15 марта он стоял в Хиве, создав в городе режим кровавого-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 169, л. 216.
[2]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 157.
[3]) Там же, л. 158. См. также ЦГАОР, ф. с/б, д. 160, л. 132.
[4]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, д. 1104, л. 155.

го террора. По его приказанию в столице повесили свыше 500 хивинцев и около 200 пленных туркмен[1]). 14 марта Галкин, чтобы показать свою силу, устроил в Хиве военный парад, в котором участвовало свыше 5 000 пеших и конных солдат 6-го Оренбургского казачьего полка и 546-й Казанской дружины с 25 орудиями и 30 пулеметами[2]).

С этой значительной военной силой Галкин 15 марта вышел из столицы и двинулся в туркменские районы для расправы с мятежниками. Туркменские мохердары и ишаны встречали Галкина драгоценными подарками, обещали генералу всемерную помощь и содействие в успешном проведении его карательной экспедиции[3]).

Но среди них не оказалось Джунаид-хана. Нагрузив несколько верблюдов награбленными им драгоценностями, в сопровождении 15—20 всадников, неудачливый претендент на ханский престол скрылся в пустыне Кара-Кум и перешел в Иран, а затем в Афганистан. Причиной его бегства является то, что повстанцы-шамшикельцы угрожали ему расправой за изменническое и предательское поведение во время восстания[4]).

С другой стороны, Джунаид-хан, естественно, опасался репрессий со стороны царского правительства за попытку захватить власть в ханстве вопреки желанию русской администрации.

Царское военное командование не верило Джунаид-хану. Еще со времени первых волнений дайхан хивинских туркмен осенью 1914 года агенты царского правительства в своих сообщениях о хивинских событиях объявили Джунаид-хана турецко-германским агентом[5]). Однако, не взирая на это, имея в виду использовать его в своих интересах, они продолжали иметь с ним связь. Так, Колосовский еще 22 января по просьбе Джунаид-хана освободил из-под стражи двух сыновей того же самого джунаидского Хана-ишана, в «ставке» которого, как утверждал Колосовский, проживал «какой-то турок, прибывший в хивинские владения после объявления войны России с Турцией[6]).

После бегства Джунаид-хана ни генерал Галкин, ни другие представители царского командования не сделали никаких серьезных попыток к поимке беглеца. Наоборот, прибыв в Тахтинский район, генерал Галкин, беспощадно расправляясь с туркменскими дайханами и предавая их дома сожжению и грабежу, не трогал сподвижников Джунаид-хана, туркменских мохердаров и кетхудов. Галкин даже не арестовал самого Хана-ишана и его сыновей, которые отстали от Джунаида. Он не тронул семьи, хозяйства и ближайших родственников самого Джунаид-хана[7]). Можно считать, что невероятно громкая шумиха, которую царские генералы в Хиве, Ташкенте и Петрограде подняли о Джунаид-хане, как об агенте турецко-германской разведки, преследовала определенные политические цели. Объявление Джунаид-хана германо-турецким агентом должно было скрыть от общественного внимания основные причины национально-освободительного движения в колониальной Хиве и оправдать карательную экспедицию царских генералов. Этим и можно объяснить то, что генерал Галкин старался в своих официальных док-

---

[1]) Записка Л. М. о походе генерала Галкина в Хиву в 1916 г., ТФАН ИИЯЛ, д. 778, л. 11.

[2]) Записка Л. М. о походе генерала Галкина в Хиву в 1916 г., ТФАН ИИЯЛ, д. 778, л. 15. См. также газету «Туркестанские ведомости», № 54 (5399) от 9 (22) марта 1916 г., статья «Официальное сообщение о событиях в Хивинском ханстве».

[3]) Там же.

[4]) Из рассказа участников.

[5]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 121—23.

[6]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 169, л. 112.

[7]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, оп. 1, д. 1104, л. 154—155.

ладах и сведениях скрыть или значительно уменьшить число участников хивинского восстания, число повешенных, расстрелянных и зарубленных галкинцами людей, количество награбленных ими ценностей и сожженных домов и саклей, Галкин старался скрыть все, что могло опорочить и разоблачить зверскую колониальную политику царизма.

Отряды Галкина, уходя от столицы Хивы, к вечеру 15 марта натолкнулись на упорное сопротивление повстанцев, укрепившихся в районах Газабада, Шабада и Кошкопри и пытавшихся не пропустить Галкина в туркменские районы. Главная сила повстанцев во главе с Шамми-Келем стояла в Газабаде, а повстанческие отряды Джепбар-Темирчия, главным образом узбеки, укрепились в Шабаде и Кошкопри.

6-й Оренбургский казачий полк (где командиром был Бобров) вечером 15 марта в Газабаде попал в окружение шаммикельцев. Здесь произошло самое большое кровопролитное сражение за все время восстания. Повстанцы показали образцы подлинного героизма и отваги в борьбе за свое справедливое дело. Но силы были неравны. К 10 часам утра 16 марта на помощь казакам пришли другие отряды Галкина. Шаммикельцы, у которых кончились патроны, снялись из-под Газабада и отступили дальше в туркменские аулы. Царскими войсками также были разбиты и рассеяны узбекские части повстанцев в Шабаде и Кошкопри.

Поражение шаммикельцев в этих боях окончательно определило разгром хивинского восстания туркмено-узбекских дайхан и городской бедноты.

В боях 15 и 16 марта, по данным штаба Галкина, участвовало около 3 000 повстанцев (туркмен и узбеков вместе), из которых они потеряли убитыми около 400 человек[1]). По рассказам же очевидцев и участников, число повстанцев, участвовавших в этих боях, составляло около 4 000 туркмен и около 2 000 узбеков, причем они потеряли здесь убитыми, в общей сложности, около 1 500 человек[2]). Это вполне вероятно, ибо сам Галкин признает в своем сообщении о газабадской битве, что он здесь нанес «мятежникам тяжелый урон».

В течение двух с половиной месяцев, переходя из одного аула в другой, из района в район, генерал Галкин зверствовал, уничтожая все на своем пути. Недаром этот 1916 год до сих пор памятен всем хивинцам под именем «галкин йылы» (год Галкина).

Генерал Галкин, объездив все юго-западные и северные районы и города ханства, 30 апреля остановился лагерем в городе Ташаузе. Отсюда он сообщал в Ташкент:

«Чтобы доказать населению, что русский отряд останется до тех пор, пока нарушенный порядок не будет восстановлен во всем Хивинском ханстве, я прошел с отрядом через все города, за исключением отдельного и не задетого восстанием города Кунграда, посылая с главного пути движения отряда отдельные экспедиции для розыска награбленного имущества, ареста и наказания мятежников»[3]).

В городе Ташаузе галкинцы праздновали победу над восставшим народом. Туда прибыл из Хивы Исфендиар-хан со своими сановниками. Они рабски поздравили Галкина с «победой». Небезынтересна характеристика, которую дал Галкин Исфендиар-хану в своем докладе.

«Его высочество хан хивинский, свиты его величества генерал-майор Исфендиар-хан, вскоре после отхода туркменских скопищ, опра-

[1]) Записка Л. М. о походе генерала Галкина в Хиву в 1916 г., ТФАН ИИЯЛ, д. 778, л. 19.

[2]) Из рассказа участников.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. с/б, д. 169, л. 193.

вился от того нравственного потрясения, которое ему пришлось пережить за время осады мятежниками его столицы.

Придя в себя, он немедленно сделал распоряжение об оказании мне и чинам отряда полного содействия в предстоящем движении в Туркмению, для чего назначил состоять при мне на все время похода своих сановников: подполковника Хусаин-бека, придворного чина Мехтера и ханкинского бека Ходжи-бая, которым приказал всеми мерами способствовать выполнению задач, возложенных на русский отряд. Кроме того, во время нахождения наших войск в движении вне Хивы он периодически присылал в отряд одного из своих хакимов с поручением узнать, исполняются ли его приказания и не нуждаются ли в чем-либо русские солдаты.

Повидимому, он совершенно искренно осознал в настоящее время, что только полное подчинение указаниям русской власти может сохранить его положение и только в ней одной он может иметь действительную опору против всех тех превратностей судьбы, угрожающих подчас его трону, кои все еще возможны в его ханстве.

По докладу полковника Колосовского, хан Исфендиар сделался совершенно послушным исполнителем указаний русской власти.

В заключение я полагаю, что весь ход совершенных событий, по своему существу, может только укрепить преданность его высочества русскому правительству, которую он теперь открыто проявляет во всех мелочах»[1]).

Характеристика эта никаких комментариев не требует.

2 мая генерал Галкин сообщал в Ташкент:

«Прежний порядок в ханстве окончательно восстановлен. Не имеется никаких оснований предполагать, чтобы туркмены нарушили порядок управления в течение ближайших лет. Карательную экспедицию можно считать почти законченной»[2]).

Но уже через день, 3 мая, в Ташаузе Галкин и Исфендиар-хан получили новые донесения о том, что узбекское население Мангитского, Гурленского и Ургенчского районов с участием гарайылгын-губадагских туркмен (ныне Тельманского района) вновь подняло волнение с требованием удалить царские войска из пределов Хивинского ханства и свергнуть Исфендиар-хана[3]). Галкину пришлось выступить в эти районы и города и потратить там еще три дня на подавление движения. Как и в других местах, Галкин учинил зверскую расправу над населением: повесил в городе Мангите 11 человек во главе с Джепбар-Темирчием, в Гурлене — 7 и Ургенче — 14 человек[4]).

Не успели Галкин и Исфендиар-хан, вернувшись в столицу, заняться устройством трехдневного тоя (праздника) по случаю «победного» окончания экспедиции, как они получили от туркмен мохердаров сообщение о том, что Шамми-Кель, за голову которого Галкин еще в Тахте объявил большое вознаграждение, со своим партизанским отрядом, организованным им в Кара-Кумах, вступил в культурную полосу и расправляется с туркменскими баями, мохердарами и кетхудами, помогавшими Галкину. Шаммикельцы угнали скот, разгромили и подожгли дома аксалакского мохердара Гулджан-сердара, емрелинского мохердара

---

[1]) ЦГИА УзССР, ф. 1141, д. 1104, л. 162.

[2]) Там же, л. 163.

[3]) Записка Л. М. об экспедиции генерала Галкина в Хиву в 1916 г., ТФАН ЛИИЯЛ, д. 778, л. 63.

[4]) Там же.

Шири-хана, богатых родственников Джунаид-хана и некоторых других баев[1]). По приказу Шамми-Келя, дайханами аула Яглыкул Куня-Ургенчского района был убит гарансалакский мохердар и крупный феодал Махмут-хан[2]).

Одновременно шаммикельцы-партизаны в местности Измыкшир (между Тахта и Ильялы) разбили и обратили в бегство один из отрядов 6-го Оренбургского казачьего полка, оставленного там Галкиным для борьбы с партизанами[3]). Партизаны организовали налет на Дарган-Ату, имея целью освободить из-под стражи всех повстанцев, арестованных Галкиным и содержащихся в ханской тюрьме[4]).

Все эти факты говорили о том, что хотя восстание 1916 года в основном было подавлено, но народ не был приведен в состояние покорности. Восстание хивинских дайхан потерпело поражение ввиду отсутствия пролетарского руководства, вследствие предательства и измены туркмено-узбекской феодальной верхушки и младохивинской буржуазии.

Совершенно прав был представитель Наркомнаца, когда он писал:

«Ханы хивинские, не имея послушной им военной силы, вынуждены были время от времени обращаться к туркестанским сатрапам за военной поддержкой против туркмен, а туркестанские представители российского капитализма использовывали это положение для распространения своей власти на Хиву. «Военная помощь» туркестанских генерал-губернаторов происходила в форме походов, во время которых не щадилось ни туркменское, ни узбекское население»[5]).

Дайханские восстания показали, что основной революционной силой в стране являлись беднота и батрачество аула и города. Этой силе противостояли феодальная знать и верхушка мусульманского духовенства всех национальностей, создавшие с царскими администраторами тесный союз всех реакционных элементов, направленный против революционного движения в Хорезме. Этот контрреволюционный блок еще более укрепляется в период февральской и Великой Октябрьской социалистической революции. Возглавляли этот блок со стороны узбекских феодалов Исфендиар-хан, его главный духовник Джалал-ахун, со стороны туркменских феодалов — Гурбан-Мамед-сердар (Джунаид-хан) и его послушный наставник Хан-ишан.

Но хивинское восстание 1915—1916 годов не прошло даром. Оно было предвестником того грандиозного антиимпериалистического выступления народов Средней Азии (в том числе и закаспийских туркмен), которое произошло весною и летом 1916 года. Как в Средней Азии, так и в Хиве свирепые репрессии царских генералов не сломили революционного сопротивления этих колониальных народов. Борьба против ханско-царской власти в Хиве продолжалась и приняла особенно грозный для врагов характер в следующем революционном году.

Хивинское восстание 1915—1916 годов закалило и сплотило трудовые массы. Под влиянием революционной борьбы великого русского народа трудящиеся массы Хивы подымались на борьбу с ханско-царской властью, феодальными и буржуазными эксплоататорами.

---

[1]) Записка Л. М. об экспедиции генерала Галкина в Хиву в 1916 г., ТФАН ИИЯЛ, д. 778, л. 29—30. Дополняется рассказами очевидцев и участников.

[2]) Там же, л. 29.

[3]) Там же, л. 28—30.

[4]) Там же, л. 71.

[5]) ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 1231, л. 95

Восстания 1916 года в Средней Азии совершенно наглядно показали, что угнетенные народы Средней Азии могут опрокинуть гнет царизма, русских капиталистов и местных эксплоататоров и добиться своего национального и социального освобождения только с братской помощью революционного русского народа, под руководством великой партии большевиков. Народы Хорезма добились осуществления своих вековых чаяний именно тогда, когда после февральской и Великой Октябрьской социалистической революции они получили эту помощь, это руководство.

В феврале 1917 года в Петрограде поднялась волна народной революции русских рабочих и крестьян в солдатских шинелях. Рабочие и солдаты, руководимые большевиками, свергли ненавистное царское самодержавие.

Предатели революции — меньшевики и эсеры — сдали власть буржуазии, которая создала Временное правительство капиталистов и помещиков.

Народы Средней Азии, как и все колониальные народы царской России, радостно встретили весть о победе февральской буржуазно-демократической революции и свержении царя. Во многих городах и аулах состоялись митинги и демонстрации трудящихся масс. В марте 1917 года ташкентские железнодорожные рабочие, собравшись на многолюдный митинг, избрали первый в Средней Азии Совет рабочих депутатов.

Весть о победе февральской революции быстро докатилась и до самых отдаленных кишлаков и аулов Хивы. Трудящиеся Хорезма радостно встретили известие о падении власти «белого царя». На базарах Хивы дайхане оживленно обсуждали создавшееся политическое положение.

Февральская революция послужила толчком для возобновления и быстрого роста народного революционного движения в ханстве.

Первые надежды на то, что свержение царя повлечет уничтожение колониального рабства, быстро развеялись. Падение царской власти и переход власти в центре России в руки буржуазии не привели к ликвидации национального гнета. Русская империалистическая буржуазия продолжала царскую политику национального угнетения. Временное правительство не давало народам России ни мира, ни хлеба, ни земли, ни свободы.

«Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии, — говорит товарищ Сталин, — не повело, однако к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета»[1]).

Лживыми, насквозь лицемерными фразами о «свободе» и «революции» Временное правительство, меньшевики и эсеры пытались прикрыть проводимую ими в Средней Азии старую царскую политику национально-колониального угнетения.

Временное правительство не внесло никаких изменений в отношения России к Хиве. Хорезм, как и вся Средняя Азия, попрежнему оставался колонией русских капиталистов и помещиков. Неприкосновенным осталось и прежнее административное деление Средней Азии, а следовательно, и территориальная разобщенность туркмен, узбеков, кара-калпаков, казахов, таджиков и киргизов.

«В сохранении власти над национальными окраинами и в дальней-

[1]) И. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 136.

шей империалистической экспансии буржуазия видела одну из своей экономической и политической мощи, своего классового господства»[1]).

Местная национальная буржуазия активно сотрудничала с буржуазным Временным правительством. Она стремилась использовать февральскую революцию для того, чтобы взять власть в свои руки, в союзе с местной феодальной верхушкой и русской буржуазией осуществить господство над трудящимися Хивы. Созданные национальной буржуазией и духовенством во главе с джадидами в Ташкенте так называемые «шура исламия» (совет ислама) и «улема» вместе с русской буржуазией боролись против рабочих и дайхан, против дальнейшего развития революции.

Первый туркестанский съезд шура-исламистов (апрель 1917 года) выразил свое доверие Временному правительству. «Шура-исламия» и «улема» становятся руководящим центром всех контрреволюционных буржуазных националистических партий и групп Средней Азии, в том числе бухарских и хивинских джадидов (младобухарцев и младохивинцев).

Между тем в Хиве росло народное движение за свержение ненавистной ханской власти. 16 мая 1917 года в Ташкенте была получена из Ташауза телеграмма, в которой русские подданные — представители русских промышленных и торговых фирм — сообщали, что «Образовалась масса новых шаек, которые своими действиями нарушают нормальную жизнь промышленности и торговцев. Положение требует немедленной помощи. Ильялы ограблены, сожжены. Город Ташауз переполнен беженцами. Гарнизон слаб. Необходима скорейшая помощь»[2]).

19 марта начальник отряда русских войск капитан Запальский из Хивы телеграфировал в Ташкент командующему войсками Туркестанского округа о том, что «Город Порсы 17 марта в восемь утра ограблен, дом бека зажжен, бек скрылся у ишана Хабиба в восьми верстах от Порсы... Грабежи усиливаются повсеместно»[3]).

При отсутствии промышленного пролетариата основной революционной силой в Хорезме, естественно, являлись батрацко-бедняцкие полупролетарские массы дайханства. Но эти последние не имели ни организации, ни руководства, их движение носило стихийный характер и осложнялось еще межнациональными и межродовыми противоречиями, использовавшимися в своих интересах феодальными и буржуазными элементами.

Под давлением масс оживились и стали действовать младохивинцы. Младохивинцы хотя и стремились к захвату власти, но, напуганные ростом дайханского движения, они предпочли действовать втихомолку и секретно от народа договориться с Исфендиар-ханом о конституционных реформах.

В момент февральской революции Исфендиар-хан находился на курорте в Крыму (в Ялте). Младохивинцы не предпринимали никаких действий, ожидая его приезда. О том, каким образом они хотели осуществить свои политические цели, свидетельствует следующее место в записи одного из виднейших руководителей младохивинцев Пальван-Нияз-Ходжа Юсупова: «В это время (во время отсутствия Исфендиар-хана — Г. Н.) мы говорили себе: «О, аллах! Снизошли свою милость,

[1]) История гражданской войны в СССР, том. I, стр. 205.

[2]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 1-с, д. 370 л. 17 Архивный фонд Туркестанского военного округа.

[3]) Там же, л. 40.

устрани с нашего пути тирана хана и даруй для нашей страны свободу»[1]).

Буржуазные реформаторы надеялись на аллаха, на петроградское Временное правительство, даже на «добрую волю» и «светлый разум» хана, но только не на силу революционного движения народных масс.

Хан вернулся в марте с отрядом русских войск под начальством генерал-майора Ходжа Мир-Бадалова, посланного из Ташкента в качестве уполномоченного Временного правительства для борьбы с революционным движением в Хиве.

Прибыв в Хиву, Мир-Бадалов уехал в туркменские районы Ташауз и Тахту для совещания с туркменскими мохердарами и кетхудами о совместном действии против революционного движения туркменских дайхан[2]). Его отряд остался в городе Хиве и присоединился к гарнизону русских войск.

Среди солдат, оставленных генералом Галкиным под начальством полковника Курова, были сильны революционнные настроения. Революционные солдаты горячо сочувствовали страданиям народных масс Хорезма. Создав у себя в гарнизоне Совет солдатских депутатов, они стремились помочь местным трудящимся в их борьбе против ханской власти и колониальной политики Временного правительства.

Ввиду отсутствия в Хиве промышленного пролетариата и оформленных революционных организаций, революционные солдаты решили толкнуть на решительное действие против ханской власти младохивинцев, обещая им со своей стороны всяческую помощь. В первых числах апреля представители революционных солдат, нелегально связавшихся с комитетом младохивинцев, заявили им что «Завтра войска начнут присягать Временному правительству. Время это очень благоприятно для вас. Хорошо было бы вам притти к солдатам, да попросить их, чтобы они помогли вам свергнуть хана и объявить свободу»[3]).

Но младохивинцы боялись неизбежного при этом народного подъема и новой революционной волны дайханского движения. Они предпочитали договориться с ханской властью о проведении конституционных реформ.

С этой целью младохивинский комитет собрал в хивинской мечети мулл, муфтиев, казиев, келямов, аксакалов, представителей торговцев и богатых ремесленников города.

После молитвы собравшимся в мечети было предложено избрать 16 человек делегатов для участия в демонстрации русских войск. «В числе 16 избранных человек делегатов для переговоров с солдатами на демонстрации были даже друзья и близко стоящие к хану люди.

Эти лица в список делегатов были включены для того, чтобы скрыть от народа нашу цель», — пишет сам Юсупов[4]).

Делегация, возглавляемая ханским сановником и видным руководителем младохивинцев Хусейн-беком Матмурадовым, вместо того, чтобы обратиться к солдатам, начала переговоры с начальниками гарнизона, заявив при этом от имени населения Хивы: «Угнетенное, забитое и бедное население Хорезма обращается к доблестным русским

---

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 26.

[2]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 127—136. Архивный фонд Туркестанского военного округа.

[3]) ИИКП Уз., д. 349, л. 28.

[4]) Там же, л. 29.

войскам с просьбой... помочь провозгласить конституционную монархию[1]).

Генерал Мир-Бадалов все еще находился в Ташаузе и Тахте в ставках мохердаров. Весьма умеренное требование либеральной буржуазии — младохивинцев, конечно, не испугало находившихся в Хиве гарнизонных начальников. Но все же потребовалось давление со стороны солдат для того, чтобы начальники согласились поддержать просьбу младохивинской делегации. После этого делегаты в сопровождении нескольких прапорщиков направились к хану во дворец Нуруллабай. Все эти события происходили совершенно изолированно от народной массы, не подозревавшей о том, что делают младохивинцы от ее имени.

Когда Исфендиар-хан вышел к делегации, глава делегатов Хусейн-бек Матмурадов заявил ему: «Великодушный мой царь! Пришедшие к тебе твои подданные просят дать им свободу согласно шариату»[2]), и подал ему манифест, составленный комитетом младохивинцев.

Этот манифест, подписанный тут же ханом и обнародованный 5 апреля 1917 года на собрании казиев, муфтиев, келямов, аксакалов и других представителей верхушки населения столицы, является первым программным документом партии младохивинцев. В то же время он является первой и последней политической победой хивинской молодой буржуазии. Согласно этому манифесту в Хиве устанавливается конституционная монархия во главе с ханом. В делах управления страной участвует меджлис («собрания депутатов») в составе от 30 до 50 членов из представителей «прогрессивного» духовенства и торговой буржуазии, учреждается совет назиров (министров).

В ханстве сохраняется в неприкосновенности вакуфное, мюльковое и подшалыковое землевладение, устанавливается контроль над приходами и расходами казны. Система распределения воды оставалась прежней, и лишь в общих словах обещалось, что меджлис «будет заниматься водными вопросами». Манифест сохранял прежний тип мусульманской школы (медресе), но было обещано народу наряду с ним открыть новометодные школы. Шариатский суд сохранялся и переходил на казенное содержание. Манифест обещал принятие ряда мер по постройке в стране железных дорог, проведение телеграфа, почты и т. д.[3]).

Младохивинцы встретили опубликование манифеста ликованием и криками на базарах: «Да здравствует Исфендиар-хан, освободитель!» Народная масса отнеслась к младохивинской «конституции» с презрением, и негодованием, хорошо помня роль «освободителя» и самих «реформаторов» в недавних событиях.

8 апреля состоялось первое заседание меджлиса, на котором присутствовало 30 депутатов исключительно от узбекской буржуазии и духовенства... Младохивинцы не хотели привлекать в меджлис представителей иной национальности. Но в этот момент приехал генерал Мир-Бадалов из Тахты с туркменскими мохердарами. По предложению Мир-Бадалова, 7 туркменских мохердаров были включены в список депутатов меджлиса. Меджлис избрал Хусейн-бека Матмурадова председателем совета назиров, а другого активного члена партии младохивинцев, крупного вахымдара из Гурлена — Баба-ахуна — в председатели меджлиса. Таким образом, меджлис и правительство полностью перешли в

---

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 30—31.
[2]) Там же, л. 31. Также см. ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 66.
[3]) Там же, а также см. ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 376, л. 60.

руки младохивинцев. Буржуазия получила власть и считала, что на этом «революция» должна быть закончена.

Но, однако, «конституционные реформы» младохивинцев мало изменили положение в стране.

Распределение воды и земли, свержение ненавистной ханской власти и отстранение ханских чиновников-взяточников, ликвидация феодальной эксплоатации, ростовщической кабалы и колониального гнета русских помещиков и капиталистов, ликвидация национальной розни — все эти вопросы социально-экономического и политического переустройства страны оставались не разрешенными.

Хозяйственная разруха в стране усиливалась, бедняки питались травой и умирали от голода, во многих районах наблюдались массовые случаи продажи малолетних девочек и мальчиков, торговцы и спекулянты, пользуясь голодом, бешено повышали цены на хлеб, ростовщики увеличивали свои проценты, мюлькдары и вахымдары перестали платить батракам, заставляли их работать с рассвета до поздней ночи бесплатно. Зимние посевы дайхан в 1917 году во многих местах не взошли ввиду сильного холода, весною посевы повсеместно запаздывали из-за того, что работы по очистке ирригационной сети не были организованы и воды поступало в них чрезвычайно мало (да и эту воду в первую очередь присваивали себе мюлькдары и вахымдары). Вдобавок ко всему тому ханские чиновники, по решению меджлиса, стали насильно взыскивать с дайхан недоимки по налогам и сборам, заставляли нести различные феодальные повинности.

Ханские сановники и сам Исфендиар-хан вели прежний образ жизни. Агенты хана, как и раньше, отправляли девушек со всех аулов и городов в ханский гарем.

Положение туркменских трудящихся ухудшилось еще и тем, что буржуазный меджлис младохивинцев, проявляя по отношению к ним воинствующий шовинизм, постановил возобновить взыскание с туркменских дайхан недополученных остатков от трех миллионов хуны — «контрибуции», наложенной в свое время генералом Галкиным за участие туркмен в восстании 1916 года. Больше того, меджлис вынес решение: «Приступить к немедленному разоружению туркмен и, в случае сопротивления, отправить против них карательный отряд»[1]).

Об этом решении меджлиса сообщает и генерал Мир-Бадалов в своей докладной записке в Ташкент на имя временного командующего Туркестанским военным округом[2]).

Многолетняя колониальная политика ханской власти и царизма заставила туркменских трудящихся вооружиться для того, чтобы защищать свою семью, свою честь, свое трудовое хозяйство, свою национальность, свою родную землю от грабежа и насилия разбойников — помещиков, ростовщиков, ханских чиновников.

Попытка разоружения туркмен без проведения в жизнь насущных экономических и социальных преобразований была равносильна выдаче их на разграбление и уничтожение.

Стремясь отвлечь внимание народных масс от классовой борьбы, от борьбы за социальную революцию в стране, хан, меджлис и представители петроградского буржуазного Временного правительства разжигали в стране огонь межнациональной и межплеменной борьбы.

---

[1]) ИИКП Уз., д. 11257, т. I, папка 1, л. 600.
[2]) См. ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 130.

Но это им теперь плохо удавалось. Влияние русской революции сказалось в стихийном стремлении всех революционных элементов страны к объединению. Разоренная и голодная дайханская масса все более решительно высвобождалась из-под влияния своих мохердаров, аксакалов и мулл, выступая на борьбу за землю, за воду, за смену всех старых чиновников — взяточников и насильников. Ханские сановники и русские генералы, вынужденные признать рост в Хорезме революционного народного движения, обычно приписывали это движение почти исключительно туркменам, характеризуя его как «туркменское традиционное разбойничество». Это видно хотя бы из следующего сообщения генерала Мир-Бадалова в Ташкент:

«За несколько дней до манифестации, а также после 23 мая и поныне увеличилось число разбоев, совершаемых туркменами, и пошли слухи, что вновь туркмены, как и в прошлом году, ограбят Хиву, даже в один вечер все жители Хивы были в большом переполохе»[1]).

Верно, что туркменские трудящиеся массы выступали в этот период более активно, чем трудящиеся других национальностей Хорезма, и это совершенно понятно в свете всей истории Хорезма. Но неопровержимым фактом является также и то, что инициаторами хивинского восстания в 1916 году были узбекские трудящиеся, что они немедленно примкнули к туркменским дайханам, когда последние заняли столицу и ряд городов ханства. В период февральской революции, в борьбе против разбойничьей и грабительской политики ханской власти, меджлиса и петроградского Временного правительства, узбекские трудящиеся в ряде районов активно поддерживали выступления туркменских трудящихся, часто беря на себя в ряде мест инициативу революционного выступления.

Эти факты оказались настолько очевидными, что их не смог скрыть даже такой реакционер и верный агент петроградского Временного правительства, как генерал Мир-Бадалов, который в другом документе сообщал своим ташкентским начальникам:

«До второй половины мая грабежи были изредка, чинимые коллинодудами... и другими любителями легкой наживы, даже узбеками, но все случаи сваливались, конечно, на туркмен, со второй же половины мая они участились и со дня на день начали принимать серьезные размеры, включительно до нападения и ограбления довольно крупных населенных пунктов и городов»[2]).

Ханские сановники и русские администраторы старались все случаи грабежей, происходящих в стране, не имеющей никаких органов порядка и правосудия, относить за счет туркмен с тем, чтобы вызвать из Ташкента новую карательную экспедицию и подавить растущее революционное движение трудящихся — сначала туркмен, а потом узбеков или одновременно.

Активное выступление народных масс в этот период принимает форму партизанской борьбы. В различных бекствах Хивы действовали малые и большие отряды повстанцев. Они вооружались за счет разоружения ясаулов, нокеров ханской администрации и путем покупки оружия у приезжих торговцев из Ирана, Ашхабада и Мары.

Партизаны днем прятались в хижинах дайхан и бедных ремесленников, а по вечерам они нападали на дома ханских сановников, мюльк-

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. 1, папка 4, л. 659. См. также ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 132.

[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. 1, папка 4, л. 667. См. также ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 133.

даров, богатых купцов, ненавистных ростовщиков, аксакалов, мохердаров. Партизанские отряды составлялись главным образом из бедняков и батраков. В любом отряде можно было видеть представителей различных национальностей. Но предводительствовали этими отрядами, в ряде случаев, неустойчивые и авантюрные элементы из среды мелких феодалов, использовавших нападения партизан для личного обогащения.

Меджлис вместе с Исфендиар-ханом и Мир-Бадаловым принимал всяческие меры, чтобы приостановить массовое движение народа и водворить в стране «должный порядок».

В мае 1917 года меджлис отправил в Ташкент к комиссару Временного правительства делегацию во главе с председателем меджлиса Баба-ахуном с просьбой об обеспечении хивинского правительства боеприпасами и присылке для борьбы с народным движением войска. В Ташкенте делегация тесно связалась с комитетом «шура исламия», который обещал всемерно поддерживать хивинский меджлис в борьбе с влиянием большевизма в Хорезме.

В просьбе делегации о боеприпасах было отказано, мотивируя тем, что ханские нокеры не справятся с народным движением и оружие станет легкой добычей для повстанцев, но зато было дано обещание срочно послать в Хиву карательный отряд войск.

Пока большая часть руководителей младохивинцев находилась в составе делегации в Ташкенте, Исфендиар-хан, опираясь на поддержку генерала Мир-Бадалова, усиленно подготавливал заговор против младохивинцев меджлиса. Реакционные заговорщики считали, что младохивинцы и их меджлис, несмотря на их лакейское служение реакции, все же представляют зачатки буржуазной демократии, опасной для ханского деспотизма. Представители же петроградского Временного правительства, принимая активное участие в заговоре хана, исходили в свою очередь из того, что победа буржуазно-демократической революции в колониях не только ослабила бы неограниченное господство русского капитала в этих колониях, но и содействовала бы втягиванию трудящихся Хивы в борьбу против Временного правительства, в борьбу, возглавляемую большевиками.

В первой половине июня 1917 года Исфендиар-хан, главари местного духовенства Юсуп-ахун, Джалал-ахун и Артык-ахун вместе с генералом Мир-Бадаловым собрали митинг в медресе у дворца «Арк». Собравшиеся на этот митинг аксакалы, низы духовенства, мелкие торговцы и зажиточные ремесленники (то есть те самые социальные группы, на которые пытались опереться младохивинцы), безразлично и даже враждебно относившиеся к новому правительству, голосовали за удаление младохивинцев из состава меджлиса.

После митинга заговорщики арестовали 17 человек. Наиболее активных младохивинцев, во главе с председателем совета назиров Хусейн-беком Матмурадовым, исключили из состава меджлиса. Всех членов младохивинской партии объявили «отступниками от божьего закона» и стали преследовать. Провели новые «выборы». Новый состав меджлиса почти весь состоял из представителей высшего духовенства, чиновничества и феодальной знати.

Председателем нового ханского меджлиса был «избран» духовник и друг хана Артык-ахун, а главным министром, вместо председателя совета министров, был назначен ханский придворный вельможа Исхак-Ходжа. За содействие перевороту генерал Мир-Бадалов получил от хана

взятку в 40 000 рублей[1]) и уехал в Ташкент, обещав хану ускорить посылку большого отряда войск для того, чтобы «окончательно водворить должный порядок» в ханстве.

Так, Исфендиар-хан и его клика одним ударом покончили со всеми «конституционными реформами» младохивинцев. Хивинская феодальная реакция одержала победу над кучкой буржуазных либералов-реформистов, трусливых и нерешительных противников ханской власти, предателей в отношении народных масс.

За время пребывания у власти младохивинцы разоблачили и дискредитировали себя в глазах народа, показав себя верными защитниками феодальной системы, они все время находились в состоянии полной изолированности от народа, утратили свое влияние даже на низовую часть духовенства и городской буржуазии.

Ни муллы, ни муфтии, ни аксакалы, ни мелкие торговцы, ни тем более трудящиеся не желали защитить державшееся на обмане и предательстве младохивинское правительство.

Но и победа ханской реакции не была прочной.

Революционное веянье из России, где рабочие и крестьяне, под руководством партии большевиков, готовились к социалистической революции, доходило до далекого Хорезма и подымало трудящихся на решительную борьбу со своими угнетателями.

---

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 48.

Глава III

ПОБЕДА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И УСИЛЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ

К лету 1917 года в России и Средней Азии непрерывно нарастала революционная ситуация. Большевики во главе с Лениным и Сталиным успешно подготовляли народную массу к социалистической революции.

В Хиве, несмотря на противодействие Совета солдатских депутатов, созданного в гарнизоне русских войск, подкупленные Исфендиар-ханом контрреволюционные офицеры старались укрепить пошатнувшуюся ханскую власть, организуя карательные экспедиции против узбекских и туркменских повстанцев.

Самым крупным и успешно действующим отрядом среди туркменских повстанцев был отряд, оперировавший в ауле Дирегли (ныне Тахтинского района). Во главе этого отряда стоял известный народный герой Шамми-Кель.

Полковник Куров, возглавлявший русские войска в Хиве, в это время вел борьбу против Шамми-Келя. Местечко, где укрылся Шамми-Кель, подвергалось орудийному обстрелу, но Шамми-Кель держался стойко. Полковник Куров осаждал его в течение нескольких дней, но, видя безуспешность осады, вынужден был ее снять и вернуться в Ташауз[1]).

После того как главный начальник русских войск в Хиве полковник Куров, потерпев неудачу в походе против Шамми-Келя, уехал в Ташкент, командование гарнизоном, под влиянием солдатских депутатов, ослабляет действия карательных отрядов против народного движения.

Войска Временного правительства в Хиве составляли единственную силу, на которую опиралась ханская власть. В июле 1917 года повстанческие отряды особо активно действовали в районах Тахты, Ильялы, Ходжейли, Мангита, Ташауза, Куня-Ургенча, Губа-Дага, у Ургенча, Гипчака и в окрестностях самой Хивы.

Это подтверждалось тревожными сообщениями ханских сановников и меджлиса. В срочной телеграмме Ургенчской конторы Московского торгово-промышленного общества от 13 июля 1917 года, адресованной петроградскому Временному правительству, говорилось:

«Хива целиком охвачена восстанием. Туркмены разгромили в Мангите завод Крафта и обстреляли пароход общества «Хива». Все рус-

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 75.

ские служащие и население ханства собрались в Ургенч. Просим Временное правительство отправить в Хиву войска для охраны нашей жизни и имущества»[1]).

Исфендиар-хан, смертельно напуганный подъемом народного движения, собирался бежать в Ташкент за помощью. Он обратился в Совет солдатских депутатов хивинского гарнизона русских войск со следующим заявлением: «Если вы гарантируете мне безопасность города от нападения иомудов, я немедленно уеду в Ташкент и, переговорив с представителями власти, возвращусь в Хиву с крупной вооруженной силой»[2]).

Но Совет солдатских депутатов отказался дать просимую ханом гарантию.

Ханское правительство, окончательно дезорганизованное, не в состоянии было контролировать положение в стране. Оно держалось у власти лишь благодаря тому, что стихийно восставший народ не имел пролетарских руководителей и организаторов.

У хивинской революционной массы отсутствовало пролетарское руководство, не было еще в Хиве партии большевиков, которая могла бы вести массу вперед, как в остальных частях России. Другие оппозиционные силы были мало опасны для ханской власти.

Младохивинцы скрывались и от революционного народа, и от ханской власти. Часть феодальной верхушки, главным образом туркменской, стоявшей в оппозиции к ханской власти и меджлису, вела предательскую политику по отношению к повстанцам и ослабила силу массового движения.

Нарастание революционного подъема в Хиве тревожило Временное правительство не меньше, чем Исфендиар-хана. В своей колониальной политике Временное правительство шло еще дальше царизма. Если царизм кое-как терпел и сохранял видимость внутренней «самостоятельности» Хивы, то Временное правительство решило совершенно ликвидировать формальную независимость Хивинского ханства и превратить его в одно из владений помещичье-капиталистической России путем учреждения там русской военной администрации. В постановлении Временного правительства от 25 июня 1917 года по хивинскому вопросу прямо говорилось:

«Признать желательным немедленное учреждение в Хивинском ханстве должности военного комиссара с возложением на комиссара выработки правил по организации управления Хивинского ханства»[3]).

Это означало конец видимой полусамостоятельности Хивы. Эти мероприятия Временного правительства были вызваны не только колониальными стремлениями русского империализма, но и имели целью задушить военной силой революционное движение в Хиве. Только этим и можно объяснить то, что вскоре после принятия указанного постановления численность русских солдат-казаков в Хиве увеличилась до 600 человек, а хивинскому хану было отпущено значительное количество вооружения и боеприпасов для организации из местных жителей контрреволюционных отрядов[4]).

Но попытки силой сломить растущий революционный подъем не давали реальных результатов. Туркменские и узбекские трудящиеся Хивы, воодушевленные успехами русских рабочих и крестьян в подго-

[1]) ВОЦГАОР УзССР., ф. 1, д. 370, л. 303.
[2]) ИИКП Уз., д. 340, л. 73—74.
[3]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 311.
[4]) Там же, л. 420.

товке к пролетарской революции, все больше усиливали свою борьбу против власти угнетателей. Об этом свидетельствует следующее тревожное телеграфное сообщение из Ташкента в Петроград командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-майора Черкеса от 23 августа 1917 года:

«В Хиве шайки разбойников производят нападения на наши отряды, жгут у жителей запасы, уничтожают мосты. В Мангите и Тахте три дня подряд ведется перестрелка, в последнем месте пришлось действовать артиллерией»[1]).

В другой своей телеграмме от 26 августа на имя военного министра Временного правительства генерал-майор Черкес писал:

«В Хиве разбой туркмен перешел в общее волнение. Шайки нападают на войска, последние ежедневно ведут усиленную перестрелку. Ввиду усиления беспорядков в Хиве, неспокойствия в Семиречье и крайне напряженного состояния на почве голода в коренных областях Туркестана, убедительно прошу ускорить разрешение сформировать стрелковую бригаду четырехбатальонного состава»[2]).

4 сентября генерал Черкес весьма раздраженно предписал в своей телеграмме начальнику хивинской группы войск:

«Хан хивинский, сообщая о разбоях туркмен, просит ускорить восстановление порядка, заявляя, что ханство в опасности. Военный министр приказал прекратить разбои вооруженной силой. Не могу допустить, чтобы отряд такой силы не мог справиться с шайками туркмен и требую самых решительных мер к прекращению разбоев и грабежей»[3]).

Эти документы и факты свидетельствуют о том, что ни «мирные переговоры» генерал-майора Ходжа Мир-Бадалова, ни демагогические обещания младохивинского меджлиса, ни постановление и приказы министров Временного правительства, ни действия полицейских отрядов ханской власти, ни жестокость войск Временного правительства, состоявших, главным образом, из уральских, семиреченских казачьих частей, не могли задержать роста революционного народно-освободительного движения в Хиве.

Такова была обстановка в начале сентября 1917 года, когда в Хиву прибыл из Ташкента с отрядом оренбургских казачьих войск полковник Зайцев, вступивший в командование всеми войсковыми частями, находившимися на территории ханства. Зайцев немедленно начал формировать и отправлять в районы карательные отряды против повстанцев.

В это же время Джунаид-хан вернулся из Афганистана в Хиву. Он послал своих уполномоченных к хивинскому хану и начальнику отряда со следующим заявлением: «Если дадите мне поддержку, я уничтожу, туркменских негодяев-разбойников»[4]). Начальник отряда полковник Зайцев выразил ему свою благодарность. Джунаид-хан вновь завязал с хивинским ханом близкую дружбу.

Джунаид-хан вернулся в Хиву как раз в тот момент, когда ханская власть и феодально-торговая верхушка Хорезма задыхались в тисках народного движения и крайне нуждались в услугах таких испытанных

---

[1]) БОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 448.
[2]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 405.
[3]) Там же, л. 468.
[4]) ИИКП Уз., д. 1257, т. 1, п. 4, л. 711. Сборник материалов к истории революции в Хиве.

и способных на все палачей, как Джунаид-хан. Полковник Зайцев, Исфендиар-хан и его меджлис решили немедленно использовать Джунаид-хана против самого крупного и опасного отряда повстанцев — против отряда Шамми-Келя.

Из Хивы в Тахту к Джунаиду была отправлена ханом специальная делегация из 7 человек, которой Джунаид-хан заявил: «Я, возвратившись сюда и увидев, как Шамми-Кель беспокоит и терроризирует население, решил положить конец его произволу. Но мне для этого необходима помощь русских войск. В этом случае я ликвидирую не только Шамми-Келя, но и других иомудов, занимающихся грабежами»[1]).

Хан Джунаид перешел на мою сторону и оказывал мне содействие в борьбе с низовыми туркменами», — писал впоследствии полковник Зайцев в своих мемуарах[2]).

Джунаид, пользуясь соглашением с Зайцевым и поддержкой ханского меджлиса, сумел скоро сорганизовать вооруженную силу из отъявленных головорезов (мохердарских нокеров). Ему помогали почти все крупные мохердары как туркменские, так и узбекские, его благословляли и за него молились почти все вахымдары (высшее духовенство) во главе с давнишними соучастниками всех преступлений Джунаид-хана, его первым духовным наставником Хан-ишаном (от туркмен), Джалал-ахуном и Артык-ахуном (от узбеков).

В это время один из многочисленных повстанческих отрядов, состоящий почти из 2 000 человек, под предводительством самого Шамми-Келя вел бой под Газабадом с частями казачьих войск Зайцева. Джунаид-хан, выступив в ночь с 14 на 15 сентября 1917 года из аула Бедеркент со своей дружиной, предательски нападает с тыла на отряд Шамми-Келя. Отряд Шамми-Келя был вынужден отступить из-под Газабада в район Мангита. Здесь, собрав свои силы, Шамми-Кель напал на Мангит, убил сыновей мангитского бека, разгромил дома богатых[3]).

Отряды Зайцева и нокеры Джунаид-хана двинулись в туркменские районы, предавая их разорению и уничтожению.

Зайцев и Джунаид-хан беспощадно расстреливали взятых ими в плен повстанцев, сжигали дома и грабили имущество не только участников повстанческого движения, но их родственников и односельчан, облагали большими контрибуциями («хуном») аулы и кишлаки, подозреваемые в помощи повстанцам. Но, несмотря на террор карателей, туркменские трудящиеся массы продолжали помогать партизанам-шаммикельцам.

Во многих местах, где появлялись карательные отряды Зайцева и Джунаид-хана, трудящееся население оставляло свои аулы и кишлаки, скрывалось в тугаях (камышах), на кладбищах или уходило в ряды повстанцев. В рапорте Зайцева от 11 октября 1917 года за № 137, отправленном им из Хивы в Ташкент командующему войсками Туркестанского военного округа, говорилось:

«В городах юго-восточной части ханства (Гурлене, Газабаде, Хиве, Шабаде, Ургенче) спокойно. Скрывавшееся и уходившее в бандиты население вернулось. Базары открылись. В северных городах (Порсы, Ходжейли, Куня-Ургенче, Кунграде) наблюдаются мелкие движения. Скопища иомудов напали на Порсы, где наш гарнизон упорно защищает-

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 81—82, а также см. ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 488.

[2]) Журнал «Соловецкие острова», № 4, 1926, стр 60

[3]) ИИКП Уз., д. 349, л. 83, а также см. ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 493.

ся, есть убитые... Джунаид-хан и мохердары показали свою покорность и выступают с нами против непокорных. Считаю необходимым прислать большего отряда против Шамми-Келя»[1]).

В эти мрачные дни реакции, наступившей в Хорезме, в России произошли всемирно-исторические события, с нетерпением ожидавшиеся всеми угнетенными народами бывшей царской империи.

25 октября (7 ноября) 1917 года, под руководством большевиков во главе с великими вождями — Лениным и Сталиным, вооруженное восстание рабочих и солдат в Петрограде свергло Временное правительство капиталистов и помещиков. Великая Октябрьская социалистическая революция победила. Вечером 25 октября открылся II Всероссийский съезд Советов, который провозгласил на весь мир решение об образовании в России Советской власти рабочих и крестьян и принял знаменитые декреты пролетарской революции: о земле, о мире, о власти. Съезд выбрал высшие органы власти Советского государства. Во главе Совета Народных Комиссаров стал великий Ленин, Наркомом по делам национальностей был избран товарищ Сталин.

Советское правительство, за подписями Ленина и Сталина опубликовало историческую «Декларацию прав народов России», в которой заявило, что оно кладет в основу своей деятельности по национальному вопросу следующие начала:

«I. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»[2]).

Весть о победе пролетариата в центре России быстро облетела всю Среднюю Азию, всколыхнула широчайшие народные массы. 14 ноября 1917 года произошло вооруженное восстание трудящихся Ташкента под руководством большевиков. Буржуазные правители во главе с генералом Кравченко были арестованы и в Ташкенте была провозглашена Советская власть.

Вслед за Ташкентом Советы победили в Самарканде, Чарджоу, Ашхабаде, Красноводске и других крупных городах Туркестана и Туркмении. 15 ноября в Ташкенте открылся 3-й краевой съезд Советов рабочих, дайханских и солдатских депутатов. По предложению большевиков, съезд создал органы краевой власти Советов: были избраны ЦИК и Совнарком Туркестанского края. Туркестанский Совнарком немедленно получил поддержку от Советского правительства России. Таким образом, под руководством партии большевиков рабочий класс в союзе с дайханской беднотой обеспечил победу Великой Октябрьской социалистической революции и в Туркестане. Туркестан стал советской страной. Только в Бухаре и Хиве еще сохранялась старая власть эмира и хана.

Великая Октябрьская социалистическая революция окончательно похоронила старую царскую буржуазную политику национального угнетения и провозгласила новую политику — политику дружбы, политику братства между народами нашей страны.

---

[1]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370. л. 488—489.
[2]) «Правда», № 178, 3 ноября 1917 г.

«Свергнув власть помещиков и буржуазии и поставив на ее место правительство рабочих и крестьян, — писал товарищ Сталин, — Октябрьский переворот одним ударом разрешил противоречия февральской революции. Упразднение помещичье-кулацкого всевластия и передача земли в пользование трудовых масс деревни; экспроприация фабрик и заводов и передача их в ведение рабочих; разрыв с империализмом и ликвидация грабительской войны; опубликование тайных договоров и разоблачение политики захвата чужих территорий; наконец, провозглашение самоопределения трудовых масс угнетенных народов, — вот те основные мероприятия, которые провела советская власть в ходе революции»[1]).

Национальная буржуазия Средней Азии, вместе с феодальной верхушкой, уже с первого дня победы пролетарской революции перешла всюду к активной борьбе с Советской властью рабочих и дайхан. После победы Советов в Ташкенте антисоветские элементы «шуро-исламия», «улема» и других контрреволюционных буржуазных и ишанских организаций вместе с русскими белогвардейцами бежали в Фергану. В конце ноября 1917 года контрреволюционные националисты и русские белогвардейцы в Коканде провозгласили так называемое «Кокандское автономное правительство» во главе с матерыми панисламистами Мустафой Чокаевым, Танышбаевым, крупными хлопкозаводчиками Потеляховым, Давыдовым и др.[2]). «Кокандское правительство явилось центром всей среднеазиатской контрреволюции, оплотом русских белогвардейцев и иностранных империалистов в Средней Азии.

В свою очередь туркменские феодально-буржуазные националисты (Ораз-сердар, Овезбаев, Какаджан Бердыев, Махмут-Кули-хан и др.) с помощью меньшевиков и эсеров образовали в Ашхабаде так называемый «областной мусульманский комитет» и заключили союз с Коканд ом, включив своего представителя (Овезбаева) в состав членов кокандского «правительства»[3]).

Характеризуя деятельность подобных «правительств», товарищ Сталин писал:

«Борьба окраинных «правительств» была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии»[4]).

Победа Советов в России и Туркестане произвела огромный переворот в сознании трудящихся масс Хорезма. Под влиянием успехов Советской власти в России и Туркестане колоссально усилилось влияние большевистских идей среди трудящихся Хивы. Все это внушало ханской администрации, феодальной верхушке и торговой буржуазии серьезную тревогу. Опираясь на поддержку подкупленного командования казачьих войск и на вооруженные феодальные банды во главе с Джунаид-ханом, они старались всеми силами и средствами уничтожить в стране влияние пролетарской революции, влияние большевизма.

Исфендиар-хан и меджлис установили через Зайцева тесную связь со всеми туркестанскими контрреволюционерами и с бухарским эмиром. Реакция в ханстве стала свирепствовать. Ханские полицейские, казаки-

---

[1]) И. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 159—160.

[2]) К. Житов, В. Негомнин. От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1930, стр. 55.

[3]) ЦГАОР ТССР, д. 23, л. 25.

[4]) И. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 161—162.

белогвардейцы, разбойники Джунаид-хана хватали всех подозреваемых в сочувствии Советам и большевикам, убивали их или бросали в тюрьмы. Страшные подземные камеры ханской тюрьмы были переполнены арестованными, их подвергали самым жестоким пыткам и бесчисленным истязаниям[1]).

Даже разгромленные младохивинцы, не имевшие почти никакой опоры в массах, оказались для ханской черной реакции подозрительными и «опасными». По совету и при поддержке Зайцева и Джунаид-хана, Исфендиар-хан решил казнить арестованных еще в июне 17 человек членов партии младохивинцев, обвинив их в «нарушении шариата». Чтобы это убийство получило свое «юридическое оформление», ханский меджлис 21 ноября назначил специальный «шариатский суд казиев»[2]). Несколько человек, из скрывавшихся в Хиве младохивинцев, обратилось в Совет солдатских депутатов хивинского гарнизона русских войск с просьбой защитить арестованных младохивинцев, которым грозила казнь.

Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советов в России и Туркестане разделила личный состав хивинского гарнизона русских войск на два резко противоположных лагеря. В то время как начальствующий состав, происходивший из богатых казаков Урала и Семиречья, четыре сотни казачьей кавалерийской части (оренбуржцы) являлись надежной силой Зайцева в борьбе с революционным движением в Хиве, русские пехотинцы (около 300 человек) и пехотинцы части Уссурийской казачьей сотни решительно отказывались служить ханской власти[3]). Среди пехотинцев, являвшихся в большинстве выходцами из рабочих и крестьянской бедноты, были сильны революционные настроения; именно они создали в хивинском гарнизоне Совет солдатских и казачьих депутатов.

Заявление представителей младохивинцев было поставлено на обсуждение Совета солдатских и казачьих депутатов 22 ноября. На заседании один из присутствующих выступил с горячей речью и сказал: «Полковник Зайцев продался хану. Мы не должны мириться с таким положением, нельзя давать волю хану и всей его клике, так как они являются врагами свободы, они хотят, чтобы мы оставались вечными их рабами... Да здравствует свобода! Долой тирана-хана и его прихвостней — чиновников и продажных полковников»[4]).

Затем выступил другой солдат, заявивший: «Я, товарищи, предлагаю взять младохивинцев под свою защиту и не выдавать их хану и его приспешникам. Если же они начнут проявлять свою прыть и добиваться своей кровавой цели, то нужно выставить против них пулеметы, орудия и открыть сражение»[5]).

Эти выступления были голосом солдатской массы, не желавшей быть защитниками угнетателей и феодальных тиранов. Солдатская масса сочувствовала борьбе трудящихся против ханской власти, под влиянием пролетарской революции она переставала слепо подчиняться приказаниям своих контрреволюционных начальников и отказывалась от позорной роли «карателей». В телеграмме Совета солдатских депутатов от 20 ноября 1917 года за № 11, отправленной из Хивы в Таш-

[1]) Из рассказов очевидцев.
[2]) ИИКП Уз., д. 349, л. 94.
[3]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 870, л. 510.
[4]) ИИКП Уз., д. 349, л. 96—97.
[5]) ИИКП Уз., д. 349, л. 97—98.

кент, в Туркестанский краевой Совет Народных Комиссаров, говорилось:

«Карательная экспедиция против туркмен фактически началась. Пожар иомудского восстания увеличивается. Противником мы имеем не шайки разбойников, как предполагалось, а целые восставшие племена туркмен.

Наши активные действия усилили огонь восстания. Есть много наших раненых, убитых. Во имя чьих интересов мы приносим здесь жертвы... Настроение войск в этом вопросе напряжено.

Председатель Совета Калмыков»[1]).

Но Исфендиар-хан сумел подкупить зайцевское большинство руководителей полкового комитета, отклонившее решение Совета солдатских депутатов о защите подсудимых младохивинцев. Суд состоялся 24 ноября в медресе «Мухамед-Эмин-хана». На суд, составленный из двух казиев и 12 муфтиев[2]), подсудимых младохивинцев во главе с Хусейн-беком Матмурадовым привели сами солдаты-пехотинцы, не доверявшие казакам и ханским полицейским. «Шариатский суд», учитывая настроения солдат и народа, не посмел осудить подсудимых к смертной казни, как этого хотели ханские реакционеры. Он приговорил их к пожизненному тюремному заключению. Солдаты сумели устроить большинству осужденных, кроме семерых,[3]) побег за пределы Хивы.

Из сказанного видно, что под влиянием победившей Великой Октябрьской революции в Хиве нарастала революционная ситуация, что там верхи не могли теперь управлять, а низы — не хотели жить по-старому.

Несмотря на усиление реакции и жестокие карательно-репрессивные мероприятия хана, меджлиса, Зайцева и Джунаида, народное движение в стране продолжало расти. В тревожных сообщениях Зайцева в Ташкент от 17 и 24 декабря 1917 года говорится: «Общее настроение населения ханства довольно беспокойно. Наблюдаются случаи нападений голодающих узбеков-сартов для добычи себе пропитания... Здесь положение тревожное»[4]). «В районе Тахты население упорно воюет под руководством Шамми-Келя против наших. Мохердары и Джунаид-хан помогают нам... Положение весьма серьезное»[5]).

Усилилось сопротивление войск хивинского гарнизона против контрреволюционной деятельности своих офицеров. Появились случаи солдатских самосудов над контрреволюционными офицерами. Опасаясь за порядок в гарнизоне, Зайцев в декабре вывел две дружины солдат-пехотинцев из Хивы в Петро-Александровск (Турткуль), где они образовали впервые совдеп[6]).

Но вывод части революционных солдат не улучшил положения контрреволюционных офицеров. Даже казаки, которых Зайцев считал своей самой надежной опорой, под влиянием успехов Советов в России и Туркестане также стали отказываться от несения полицейской службы. 24 декабря Зайцев тревожно сообщает в Ташкент:

---

[1]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 313.
[2]) ИИКП Уз., д. 349, л. 98—99.
[3]) В статье Н. Фиолетова неправильно сказано «кроме трех». См. «Исторический журнал», № 3, 1941, стр. 77.
[4]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 1, д. 370, л. 500.
[5]) Там же, л. 501.
[6]) Там же,

«Уссурийская сотня отказывается нести службу в Хиве... Казаки бесчинствуют. В настоящее время в хивинских владениях осталось четыре сотни оренбуржцев, положение которых крайне тяжело. Может разразиться крупная катастрофа, нужна немедленно помощь»[1]).

Туркестанский краевой Совнарком со дня своего образования не раз требовал от Зайцева прекратить борьбу с революционным движением трудящихся Хорезма, не поддерживать интриги и заговоры Исфендиар-хана. Однако же контрреволюционные офицеры хивинских войск во главе с Зайцевым не хотели подчиняться Советской власти и не выполняли ее распоряжения. Об этом писал Зайцев в своем докладе атаману Дутову:

«Туркестанские советские власти разных ведомств начали осаждать меня приказами и распоряжениями, ни одного из них я не исполнил»[2])

Зайцев тесно связался с контрреволюционной подпольной организацией меньшевиков, эсеров, русских белогвардейцев и буржуазных националистов, образовавшейся в Ташкенте под названием «Туркестанская военная организация». Зайцев связывается также с контрреволюционным «Кокандским автономным правительством» и с ашхабадскими антисоветскими элементами. Об этом Зайцев писал в своем докладе следующее:

«...Пробрались в Хиву два делегата от Временного правительства автономного Туркестана и обратились ко мне с просьбой оказать содействие в свержении Советской власти и принять общее руководство выступлением против большевиков. Они сообщили мне, какие меры приняты для одновременного восстания в больших городах Туркестана»[3]).

Зайцев отправил из Хивы делегацию в Оренбург к Дутову для переговоров о совместных действиях против Советской власти. В конце декабря 1917 года эта делегация сообщила Зайцеву шифрованной телеграммой из Оренбурга (из ставки Дутова) о том что ему предлагается выступить по направлению Чарджоу — Ташкент — Оренбург для присоединения к уральским казакам-кулакам, восставшим под руководством Дутова против Советской власти[4]).

В этот антисоветский заговор внутренней и внешней контрреволюции вовлекается и туркменская феодальная верхушка Хивы, возглавляемая бандитом Джунаид-ханом.

«Я вел тайно переговоры, — писал Зайцев, — с ханом Джунаидом, который выразил согласие совместно действовать против большевиков и обещал собрать 10 тысяч всадников (вот разгадка тех отношений, которые установились между мной и ханом Джунаидом и которые казались тогда многим странными)»[5]).

В начале января 1918 года, несмотря на огромные взятки, предложенные Исфендиар-ханом, и его мольбы остаться в Хиве и продолжать охрану ханского трона, Зайцев выехал из Хивы со своим отрядом в в Чарджоу, «решившись вступить в открытую борьбу с Советской властью с целью произвести переворот в Туркестанском крае»[6]).

Полковник Зайцев вошел в связь через своих делегатов и штаб Туркестанской казачьей дивизии с другими казачьими частями, располо-

---

[1]) Там же, л. 515.
[2]) ИИКП Уз., д. 811, л. 5.
[3]) ЦГАОР УзССР, ф. 147, оп. 33, д. 3, л. 40.
[4]) ЦГАОР УзССР, ф. 147, оп. 33, д. 3 л. 42.
[5]) Там же. См. также доклад полковника Зайцева атаману Дутову, ИИКП Уз., д. 811, л. 7.
[6]) ЦГАОР УзССР, ф. 147, оп. 33, д 3, л. 43.

женными в Туркестанском крае, а также следующими с фронта. Ко времени нашего прихода в Чарджуй здесь собралось несколько эшелонов казаков разных казачьих войск, они поджидали нас, как было условлено.

Всего собралось 14 сотен и полубатарея (здесь были: 6 сотен моего 4-го полка, 4 сотни 7-го полка, 2 сотни сибирских казаков, сотня уральцев, сотня семиреченцев[1]).

Здесь ко мне явился катымохердар[2] туркменских племен Закаспийской области и предложил свои услуги для устройства переворота в Асхабаде. После обсуждения был выработан подробный план для одновременного свержения советской власти во всем крае.

Все было тщательно подготовлено, установлена связь с большими центрами... но среди казаков нашлись большевики, которые стали агитировать за сдачу оружия большевикам и предлагали спокойно итти домой. Казаки их послушались и сдались советской власти, а я скрылся от ареста»[3].

Так трудящиеся массы Хорезма, при помощи большевистски настроенных солдат казаков, избавились от одной части реакционной силы в стране. Хивинская ханская власть и феодально-ишанская верхушка лишились своей последней опоры — войск русских капиталистов и помещиков.

Немногочисленные остатки русских солдат Хивинского гарнизона (около 70 человек), не сумевшие выехать на родину, вскоре перешли на правый берег Аму-Дарьи, в Турткуль, стали активно поддерживать совдеп. Турткульский Совет стал в дальнейшем руководящей силой трудовой массы Хивинского ханства, боровшейся за установление Советской власти в Хорезме.

---

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. 147, оп. 33, д. 3, л. 44-а. См. также ИИКП Уз., д. 811, л. 9.

[2]) Должно быть Ораз-сердар или Азис-хан Чапыгов. См. мемуары Зайцева в журнале «Соловецкие острова», № 4, 1926 г., стр. 6.

[3]) Это было под Самаркандом, где их разоружили рабочие-красногвардейцы. Сам Зайцев, переодевшись в костюм железнодорожника, перебрался в Ашхабад, где был арестован, осужден и отправлен в ташкентскую тюрьму. См. ЦГАОР УзССР, а также журнал «Соловецкие острова», № 4, 1926 г., стр. 6—7.

Глава IV

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ ТУРКМЕНСКИХ ФЕОДАЛОВ В ХИВЕ

После ухода из Хивы отряда Зайцева основной вооруженной силой, на которую могла опираться ханская власть в борьбе с революционным движением в стране, явились отряды туркменских феодалов, возглавлявшиеся Джунаид-ханом. Узбекская феодальная знать, во главе с Исфендиар-ханом, напуганная ростом дайханского движения и опасавшаяся установления в Хиве советской власти, вынуждена была войти в соглашение с туркменской феодальной верхушкой и согласиться на ее диктатуру. Джунаид-хан с помощью мохердаров и ханской администрации собирает под свое начальство около 600 нокеров, занимает почти все города страны и устанавливает в ханстве свою военную диктатуру, просуществовавшую два года (с января 1918 года до февраля 1920 года).

Приход к власти туркменской феодальной верхушки во главе с Джунаид-ханом означал временное укрепление в Хиве ханского деспотизма, временную победу самой черной реакции над революционным движением трудящихся масс. При отсутствии пролетарского руководства, достаточно развитого классового самосознания, при наличии сильных пережитков патриархально-родовых отношений и межнациональной и межплеменной розни дайханская масса не сумела оказать сопротивления приходу к власти туркменских феодалов.

В Хиве в этот период еще не было большевистской организации, которая могла бы возглавить народ и воспрепятствовать кровавой диктатуре Джунаид-хана.

Приход Джунаида к власти сразу поставил туркменских феодалов в исключительно привилегированное положение. Исфендиар-хан и раньше не имел своих национальных войск, ибо его трон охранялся царскими штыками. Теперь он тем более не имел ни средств, ни вооружения для того, чтобы создать свое войско. «Весьма малочисленные ясаулы или нокеры (по десятку в каждом городе) годны только в качестве курьеров, проводников, сторожей и для действий против невооруженных людей»[1]), — писал один из наблюдателей.

Таким образом, узбекская феодальная знать целиком зависела от Джунаид-хана, являвшегося фактическим хозяином в стране. Несмотря на это, Джунаид-хан не решился отстранить Исфендиар-хана от престола и самому сесть на его место. В этом случае он сразу восстановил бы против себя всех узбеков и в силу межплеменного антагонизма встретил бы упорное сопротивление большинства туркменских племен,

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 112.

что могло привести к полной политической изоляции иомудского колена орсукчи (в особенности рода джунаид), феодальная верхушка которого составляла основной костяк вооруженной шайки Джунаид-хана.

Вследствие этого Джунаид ограничился ролью фактического диктатора, а ханскую власть превратил в покорного исполнителя его приказаний.

Джунаид посадил своих атлыбашиев (военачальников) в каждом городе ханства в качестве второго хакима. Так, его «улы атлыбашылары» (главные военачальники) Черрик-бай стал хакимом в Ташаузе, Сапар-Депмечи — в Ильялы, Гылыч-гара — в Порсы, Гоклен-бала — в Мангите, Анна-Гельди-бек — в Тахте, Халилла-Максум — в Ургенче, Шихим-сюлгун — в Хиве и т. д.[1]).

Прежние ханские чиновники — хакимы, казии, муфтии, мурзы и т. д., хотя и оставались на своих местах, но являлись техническими исполнителями воли джунаидских хакимов, ибо последние почти все были совершенно неграмотными и не имели никаких знаний и опыта в области административного управления.

Сам Джунаид-хан распоряжался из своей «резиденции», которая постоянно находилась в старой крепости в ауле Бедеркент Тахтинского района. Его окружали так называемые «генешдары» (советники), главными из которых были: Абдурахман-ахун Гурбан-Сеид оглы, Ханишан[2]), Атабай-гырымса (тесть Джунаида), Шихим-сюлгун, Ушак-бек, Ахмед-бек, Черрик-бай и бывшие ханские мохердары[3]).

Уже самый факт «двоевластия» резко ухудшил положение трудящихся Хорезма. Легко представить себе, каково было положение дайхан и ремесленников, когда в стране стали править два хана, когда в каждом городе было по два хакима, когда мохердары и амалдары, сотни кетхудов и аксакалов, тысячи ясаулбашиев грабили и разоряли население, добывая богатства для себя и своих хозяев. Чудовищные насилия и вымогательства, и раньше характерные для ханской деспотии, теперь увеличились во много раз.

Джунаид-хан предоставил неограниченные права своим хакимам, атлыбашиям и их нокерам. Они могли конфисковать и отбирать любое имущество дайхан, а в случае малейшего сопротивления избивать и расстреливать их на месте. Так были расстреляны: дайхан Байрам-Усса и его сын (из аула Чиглер Порсинского района) за то, что они не хотели отдать джунаидским разбойникам свою единственную лошадь[4]), дайхан Мамед-Кор за то, что он не давал свою кошму, дайхане Сапар-Кемшик и Ораз-Сары за то, что они не хотели отдавать один — свой ковер, другой — свою шубу, и т. д.[5]).

Таких жертв было тысячи. Только в один базарный день на базаре Мангита, по приказу джунаидского хакима Гоклен-бала, 11 человек дайхан были расстреляны и около 20 человек было избито за то, что они не хотели бесплатно отдать джунаидцам свой хлеб, который они привезли для продажи на базаре[6]). Старожилы говорят, что «в период диктатуры Джунаида убить человека было равносильно тому, что убить птицу, патроном дорожили, человеком — нет».

---

[1]) Из рассказа очевидцев.

[2]) Оба неизменные духовники Джунаида и крупные вахымдары.

[3]) Из рассказов очевидцев, подтверждаемых старожилами аула Бедеркент Тахтинского района.

[4]) Из рассказов очевидцев.

[5]) ИИКП Уз., д. 1257, т. I, п. 4, л. 716 и рассказы старожилов.

[6]) Рассказы старожилов.

Джунаид-хан установил новый поземельный налог «ер салгыт» в размере: с туркменских дайхан от 30 до 40 тилл с каждого атлыка (30 танапов) земли, а с узбекских дайхан 10 рублей с каждого танапа земли. Новый налог взыскивался с середняков и бедняков, независимо от того, имели ли они сейчас собственную землю или нет. Как сообщают старожилы, «достаточно было для джунаидцев установить со слов аксакалов, или кетхудов, что дед или прадед дайхана имел атлык земли, для того, чтобы обложить его этим налогом». «Ер салгыт» взыскивался независимо от того, орошалась и обрабатывалась ли земля дайхана.

Кроме этого налога, Джунаид установил так называемый «хасыл салгыт», или «кесим» (натуральный налог с урожая), со всех видов посева. Этот налог взимался без заранее определенной нормы, его размер произвольно устанавливался ханскими «кесимчиями» (сборщиками).

Все другие виды налогов, сборов и повинностей, установленные ранее ханской властью, не только оставались в силе при Джунаиде, но и были увеличены в несколько раз. Между Исфендиар-ханом и Джунаидом существовала неофициальная договоренность[1]) («эхтнама») о том, что доходы от всех видов налогов, сборов и повинностей как местных, так и государственных с нетуркменского населения страны должны поступать в распоряжение Исфендиар-хана, а с туркменского населения — Джунаид-хану. Однако же Джунаид не соблюдал этого условия, и трудящиеся нетуркменской национальности страны подвергались насилиям и грабежам и со стороны Джунаида, и со стороны Исфендиар-хана.

Джунаидские генешдары (советники), мохердары, хакимы, атлыбаши, кетхуды беззастенчиво обогащались за счет ограбления народных масс. Так, Ташаузский хаким Черрик-бай присвоил себе в окрестностях города около 1300 танапов хорошей орошаемой земли, обширный лесной участок и два крупных фруктовых сада, которые он сдавал в аренду; он же построил себе силами населения два двора (один за городом, другой внутри города Ташауза[2]). Не отставали от Черрик-бая также ильялинский хаким Сапар-Депмечи, мангитский хаким Гоклен-бала, хивинский хаким Шихим-сюлгун и другие.

В этом отношении пример своим сподвижникам давал сам Джунаид-хан. Бывшие батраки и ярымчии Джунаида, ныне колхозники, с которыми автор беседовал, подсчитали, что уже через несколько месяцев после прихода к власти Джунаид-хан имел, примерно, 1250 танапов земли, 17 арб, 500 верблюдов, 4 000 овец и коз, 60—70 голов крупного рогатого скота, 32 «чапар ат» (лошади-скакуны), 27 рабочих лошадей, 54 чабана, 23 человека домашних слуг (хызматкары), 30—40 дворов ярымчиев.

Со всех концов страны стекались богатства к Джунаиду: аксакалы и кетхуды приносили ему от дайхан взятки; атлыбаши привозили ему «хан пайы» (ханская доля) от награбленного или конфискованного имущества, хакимы приносили в «хорджумах» (мешках) золото и серебро, привозили сотни арб с хлебом, фуражом и прочими поступлениями от налогов; мюлькдары и торговцы приносили Джунаиду «серпай» и «сылаг» (подарки) с просьбой оказать покровительство. Сохранился документ, в котором говорится, что даже представители русских заводчиков в Ургенче (Черников и др.) принесли Джунаиду «в подарок» 9 000 рублей деньгами и много чая и халатов[3]).

---

[1]) Как правило, Джунаид-хан не любил и всячески избегал заключать договоры или давать распоряжения в письменном виде. Этим можно объяснить, в частности отсутствие архивных документов о его внутренних делах.

[2]) Из рассказов старожилов.

[3]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 11.

Джунаид, опасаясь покушения со стороны разоряемых им трудящихся, не жил в городских местностях и свою постоянную резиденцию имел в ауле Бедеркент. Но и здесь шаммикельцы два раза нападали на его дом. В одной такой ночной схватке погиб храбрый брат Шамми-Келя по имени Бег-Аталык[1]).

Все нарастающее недовольство народных масс кровавым режимом Джунаида заставило его начать весною 1918 года огромную работу по постройке сильно укрепленной крепости «кала» в том же ауле. На строительстве этой крепости работало ежедневно 500—600 человек. Все они работали не только бесплатно, но со своими орудиями, должны были себя содержать за свой счет.

Строительство крепости Джунаида закончилось в шесть месяцев. Автору пришлось в 1937 году осмотреть ее развалины (она была разрушена руками восставших масс в 1920 году во время свержения Джунаида). Это был огромный замок с двумя железными воротами, со стенами в 6 метров высоты и 1,5 метра толщины, с трехэтажными «чардерами»[2]) в каждом углу, с электростанцией, паровой мельницей и многими другими приспособлениями и удобствами[3]).

«Джунаид, — рассказывают очевидцы, — в своей крепости не имел специальных тюремных камер, ибо он, как правило, считал бесцельным содержать арестованных. Арестованных дайхан или провинившихся солдат, чиновников и слуг он расстреливал сам или же поручал расстрелять своему палачу — Непес-пешабу. Приговор Джунаида был очень короткий, достаточно было с места чаепития крикнуть: «Непес, муны итден чыкар!» («Непес, проводи этого от собак!»), как жертву отводили на 500 шагов от крепости и убивали. Арестованных, приводимых в крепость, Джунаид-хан подвергал невероятным истязаниям: их привязывали голыми к столбу и оставляли на съедение комарам, отрезали у «провинившихся» пальцы, уши, язык, нос, руки или ноги. Применение любого из этих видов наказания зависело не от степени преступления, а исключительно от настроения Джунаид-хана[4]).

Особенно тяжелым в ханской Хиве было положение женщин. Как известно, законы корана и шариата превращают женщину в рабыню своего мужа, могущего распоряжаться ею как ему угодно. Муж мог избить жену до полусмерти, мог загнать ее побоями в могилу — никто в это не вмешивался. Женщину продавали за деньги, меняли на товары.

Заключение брака было по существу торговой сделкой. В Хиве были широко распространены ранние браки и многоженство. Богатство и власть давали возможность одному мужчине иметь от двух до двенадцати и более жен, тогда как многие бедняки и батраки до конца своей жизни не имели возможности жениться.

Рабское положение женщин Хорезма было усилено специальным распоряжением Джунаид-хана о запрещении развода по инициативе жены. Хотя и до Джунаида развод среди туркмен почти не существовал, а среди других национальностей Хорезма правом на развод фактически

---

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 8. Односельчане Джунаида говорят, что погиб не Бег-Аталык, а Игдир-младший, брат Шамми-Келя.

[2]) «Чардере», или «гезерме» — специальные башни, откуда стреляют в нападающего противника.

[3]) Материалами обеспечивал Джунаида бухарский эмир Сеид-Алим-хан.

[4]) Из рассказов очевидцев: Галандар Мередова (у которого два пальца правой руки отрезаны Джунаидом), Мередкосе (у которого Джунаид выколол правый глаз), оба они жители аула Бедеркент. Старожилы называли автору имена многих других людей, искалеченных Джунаидом или его хакимами. Так, Черрик-бай отрезал язык у одного бедняка-водовоза за то, что он в чайхане города Ташауза рассказывал, как Черрик собирает девушек в свои гаремы.

располагали только мужчины, но по шариату женщина имела право обращаться в казийский суд с просьбой о разводе. Джунаид-хан уничтожил этот обычай и жестоко преследовал всех, кто смел заступаться за женщину.

Потрясающий эпизод рассказал автору Керим Сахибов, ныне рабочий Ургенчского хлопкоочистительного завода. Его сестра Нарджан одиннадцати лет от роду была выдана замуж за богатого торговца скотом Ахмед Курбан-бая, у которого были еще две жены. Нарджан фактически батрачила у торговца и претерпевала жестокие истязания и пытки не только со стороны мужа, но и со стороны его первых двух жен. Родители Нарджан, которая была у них единственной дочерью, обратились к джунаидскому хакиму в Ургенче Халилла-Максуму, а потом к казию-келяну г. Хивы с просьбой избавить Нарджан от истязаний и развести ее с мужем. Чиновник направил родителей к самому Джунаиду. Керим с отцом, матерью и сестрой Нарджан приехали в крепость Джунаида и рассказали ему суть дела. Судебное решение не пришлось долго ожидать: по приказу Джунаида немедленно были расстреляны Нарджан и ее мать, отцу отрезали левое ухо, а юноша Керим успел скрыться от наказания.

Эту историю хорошо помнят почти все старожилы Ургенча, Хивы, Ташауза, Тахты. Несколько ранее Джунаид лично расстрелял свою младшую дочь за то, что она посмела ударить ложкой по лбу своего мужа Рахман-бека и выказала при отце свое желание развестись с мужем[1]).

Джунаид-хан всячески старался раздувать национальный антагонизм в Хорезме. Джунаидцы грабили узбекских, кара-калпакских и казахских трудящихся больше, чем других жителей Хорезма. Поборы и произвол джунаидцев привели к окончательному расстройству хозяйственной жизни страны. Джунаидцы принуждали узбекских дайхан нести тяжелую феодальную повинность — «казу» в пользу туркменских мюлькдаров и вахымдаров. Так, например, весною 1918 года более 6 000 узбекских дайхан были насильно мобилизованы на «казу» по очистке арн Газавата и Собета. Джунаидцы заставляли туркменских дайхан нести чрезвычайно тяжелую феодально-военную повинность, то есть поголовно вооружаться за свой счет и нести нокерскую службу в интересах туркменских и узбекских феодалов.

Согласно приказу Джунаида, каждый туркмен (глава дома), имеющий оружие (берданку или винтовку) и лошадь, обязан был на срок от 10 до 20 дней в месяц оставлять свое хозяйство и служить нокером у джунаидских хакимов или атлыбашиев в любом городе или ауле ханства. Это называлось «нокер салгыт» (налог с нокеров). Такой нокер освобождался от «хасыл салгыт» (налог с урожая), но не освобождался ни от каких других налогов и сборов.

За уклонение от «нокер салгыт» виновному угрожала конфискация оружия и лошади. Дайхане, не имевшие берданки или винтовки, обязаны были сами с каждых трех дворов вооружить и постоянно содержать одного нокера. Бедняки, не имевшие ни оружия, ни лошади, обязаны были обрабатывать землю того, кто доставлял более двух вооруженных нокеров, то есть бая.

Своими мероприятиями Джунаид стремился к тому, чтобы сплотить туркменских феодалов вокруг себя, превратить туркменских и узбекских трудящихся в послушных рабов мюлькдаров и вахымдаров, отвлечь народные массы от борьбы за землю, за воду, за свержение ханской власти. Устанавливая принудительную нокерскую службу, Джунаид желал

[1]) Из рассказов очевидцев.

создать вооруженную силу для борьбы с «внутренними и внешними красными русскими»[1]).

Однако победоносное шествие советской революции в России и Туркестане, создание могущественной Красной Армии, свержение восставшими рабочими и дайханами контрреволюционного «Кокандского автономного правительства» и ашхабадского «мусульманского комитета», ликвидация антисоветского похода бухарского эмира, разгром дутовцев в Оренбурге и восстановление связи между Советской Россией и Советским Туркестаном подрывало попытки Джунаида превратить Хиву в оплот контрреволюции. Сведения о том, что советская власть освободила трудовых дайхан от поборов и раздала им землю, проникали в Хорезм, пробуждали классовое самосознание дайхан, усиливали их симпатии к большевикам и советской власти.

Стояла весна 1918 года. Во многих арыках совсем не было воды. Дайханская земля лежала почти не обработанной и не засеянной. Свирепствовал голод, умирали сотни и тысячи бедняков, у которых джунаидцы отняли последний рабочий скот, заставили продать последнего быка или даже малолетнюю дочь, чтобы купить оружие нокерам[2]).

Джунаидцы за непокорность и противодействие своим грабежам и насилиям совершенно разорили в Порсинском районе род галым[3]). За неповиновение своей диктатуре Джунаид отправил в апреле 1918 года трехтысячный отряд против иомудского колена машырык, обитающего в местности Гара-Коджа-ой в районе Куня-Ургенча. В результате нескольких кровопролитных сражений джунаидцы сломили упорное сопротивление машырыков, истребили около тысячи женщин, детей и стариков, сожгли около 500 кибиток, награбили много имущества и скота[4]). Так же джунаидцы поступили и в отношении непокорных им туркменских племен гарадашлы, емрели, гоклен и т. д.

Эта политика грабежа и насилия заставила туркменских и узбекских трудящихся подняться в мае 1918 года на борьбу с кровавой диктатурой Джунаид-хана. Дайхане стали избивать, изгонять из аулов, а в некоторых местах убивать джунаидских кесимчиев (сборщиков податей), атлыбашиев и нокеров. Во главе повстанческого движения снова стал Шамми-Кель, к которому стекались одиночки и группы народных мстителей, главным образом аульная и городская беднота и батрачество.

Шамми-Кель добивался поддержки и у узбекской трудовой массы. Надеясь, что в этом ему помогут младохивинцы, он пытался даже освободить из ханской тюрьмы осужденных младохивинцев путем организаций вооруженного нападения на столицу в середине мая 1918 года[5]).

---

[1]) Так Джунаид стал называть всех противников ханской власти, людей, сочувствующих советской революции.

[2]) В этом отношении большой интерес представляют записки в тетради «хасабат» (учетная тетрадь) муллы мохердара и крупного мюлькдара Овшик-бая Овез оглы в ауле Сапаркол Куня-Ургенчского района. Запись показывает, как быстро дайхане разорялись и попадали в кабалу баев в результате всей политики Джунаид-хана. Так, количество людей, работавших на Овшик-бая, возросло с начала 1918 года, то есть со времени установления диктатуры Джунаид-хана, к середине 1918 года, следующим образом: «ой хызматкары» (батраков) с 19 до 32, «гунликчи» (поденщиков) с 15 до 21, «ярымчилар» (ярымчиев) с 27 до 43, «бигарчылар» (бигарчиев) с 9 до 33, «бергили» (должников) хлебом или деньгами с 61 до 113 и «нокерлер» (нокеры) с 14 до 29 человек.

Когда автор беседовал по этому поводу со старожилами и бывшими батраками Овшик-бая, то они заявили, что «мулла ошибся: должно быть гораздо больше, чем записал мулла».

[3]) Из рассказов очевидцев и участников.

[4]) То же.

[5]) ИИКП Уз., д. 249, л. 135.

Сломив упорное сопротивление гарнизонных нокеров Джунаида в Хиве (у юго-западных ворот города), Шамми-Кель со своими товарищами ворвался во внутреннюю часть города, убил начальника ханских ясаулов — известного тирана Хавы Ашир-Махрама[1]), перебил тюремный караул, освободил всех заключенных, в том числе и младохивинцев во главе с Хусейн-беком. Городские трудящиеся с великим ликованием встретили действия Шамми-Келя[2]).

Под напором многочисленных отрядов Джунаида, успевших притти на помощь Исфендиар-хану, отряду Шамми-Келя пришлось оставить город Хиву. Около двух десятков столичной узбекской бедноты ушло с отрядом Шамми-Келя.

Освобожденные шаммикельцами заключенные были снова арестованы Джунаидом и Исфендиаром, 5 человек из осужденных лидеров младохивинцев, в том числе и Хусейн-бек, были, по приказу Джунаида, немедленно расстреляны Эши-ханом[3]) около кладбища Пальван-Аты[4]).

Попытка Джунаида огнем и мечом покорить всех хивинских туркмен вызвала стихийное объединение трудящихся дайхан различных племен для борьбы с диктатурой Джунаида.

Учитывая народные настроения, а также стремление Джунаида только к личной диктатуре, многие родо-племенные сердары порвали с Джунаидом и возглавили выступления масс, используя народное недовольство в своих личных и групповых интересах. Так, во главе восставших против Джунаида чоудоров стоял Пальван-Юзбаши, во главе машырыков — Молла-Ораз, во главе гарадашлыев — Гурбан-Мамед-бек, во главе колли-иомудов[5]) — Гочмамед-хан, во главе тахтинских акокузов — Шамурад-багши, гара-салаков — Гулам-Али-хан и т. д.

Однако рядовые дайхане на опыте прошлых восстаний знали, что большинство сердаров неустойчивы, готовы в решающую минуту итти на соглашение с врагами. Поэтому восставшие дайхане различных племен и родов требовали от своих сердаров, чтобы они присоединились к шаммикельцам и действовали под общим руководством Шамми-Келя, призывавшего через своих ходоков-агитаторов к объединению против общего врага. Но большинство сердаров не пожелали действовать вместе с шаммикельцами. Лишь несколько сердаров — Гочмамед-хан, Гулам-Али-хан, Молла-Ораз и Шамурад-багши — стали сотрудничать с повстанцами, возглавляемыми Шамми-Келем.

Среди этих союзников Шамми-Келя наиболее видной фигурой был Гочмамед-хан. Он происходил из зажиточной семьи аула Яглы-ой Куня-Ургенчского района. Его отец Сопиголак принадлежал к иомудскому колену рода салак. Отец и дядя Гочмамед-хана в 1916 году были казнены генералом Галкиным за участие в тогдашнем восстании. С этого времени Гочмамед-хан находился в оппозиции к ханской власти Исфендиара и к клике Джунаид-хана, стремясь установить свою власть над колли-иомудами. Для достижения этой цели он постоянно возглавлял выступления

---

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 133.

[2]) Там же.

[3]) Эши-хан — старший сын Джунаида.

[4]) ИИКП Уз., д. 349, л. 134—135.

[5]) Колли- или ашаклы-иомудами назывались туркмены, обитавшие на западе от Куня-Ургенча.

трудовых масс колли-иомудов против хивинской ханской власти и против диктатуры Джунаид-хана[1]).

Развитие повстанческого движения вынудило Джунаид-хана в конце мая 1918 года созвать в своей ставке расширенное совещание со всеми хакимами, знатными ишанами, ахунами, ханскими сановниками и мохердарами для обсуждения мер по усилению борьбы с шаммикельцами. В совещании также участвовали известные поставщики оружия: Ходжа-Кули (из Мары), Хак-Мурад-гургенли (из Джебела), Ак-Мамед-хан и Баба-Сопи (из Казанджика) и Азис-хан (из Теджена), являвшиеся деятельными агентами ашхабадской контрреволюции, связанными с иностранными интервентами.

Установление в Хиве кровавой контрреволюционной диктатуры Джунаид-хана вполне соответствовало антисоветским планам и замыслам немецкой и английской агентуры.

Германские и английские агенты в 1917—1918 г.г. усиленно соперничали друг с другом в своих попытках подчинить своим интересам реакционное движение в Средней Азии.

Говоря об интересах Германии в Средней Азии, руководитель английской разведки на Ближнем Востоке генерал-майор В. Маллисон впоследствии писал:

«В Баку и в других местах Каспийского бассейна были не ограниченные запасы нефти, в то время как в русской Средней Азии имелся нетронутый двух-или трехгодичный запас хлопка. Именно на восток обратила свои взоры Германия, чтобы возобновить свои запасы... Мы видим, что в погоне за этими целями Германия в 1918 году не только усилила свою пропаганду, но и предприняла более эффективные шаги»[2]).

Эти «эффективные шаги» немцев в Средней Азии, о которых говорил В. Маллисон, выражались, прежде всего, в усилении (особенно в 1918 году) соперничества немецкой агентуры с английской. Говоря о широком распространении немецкой агентуры в пределах Средней Азии, В. Маллисон писал:

«Что касается германских агентов, то едва ли был хотя бы один представитель нейтрального Красного Креста, находившийся в моем секторе Средней Азии, багаж которого, будучи обысканным, не оказывался набитым материалами германской пропаганды»[3]).

Издававшаяся в то время газета «Голос Средней Азии» сообщала, что германские агенты (главным образом буржуазные националисты из Турции и крымских татар) распространяли слухи о скором прибытии в Баку и Закаспий турецко-немецких войск, именующих себя «армией ислама». Эта газета приводила следующее место из перехваченного сообщения немецких агентов:

«По первому требованию турок и немцев, в связи с их движением на Баку, будут двинуты орды иомудов и персов на Кара-Кала и железные дороги. Это в иомудской степи не секрет. Этот слух не секрет и в Асхабаде»[4]).

---

[1]) Так, летом 1917 года повстанческий отряд в 500 человек, возглавляемый Гочмамед-ханом, разгромили под Энвер-баба карательный отряд ханских ясаулов, действовавший под начальством куняургенчского хакима Сабир-Паджимана. Затем эти же повстанцы продолжали борьбу с карательным отрядом Зайцева и Джунаида. Гочмамед-хан, после того как в мае 1918 года в Гара-Коджа-ой машырыки были разгромлены карательными отрядами Джунаида, переселился в местность Газахери в том же районе, где он с помощью населения построил крепость для обороны от нападения Джунаид-хана.

[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 26, л. 11.

[3]) Там же.

[4]) Газета «Голос Средней Азии», № 40 от 23 июня 1918 г. Ташкент.

Генерал Маллисон под видом необходимой борьбы с немецкой агентурой в Средней Азии готовил почву для интервенции англичан в Среднюю Азию.

Известно, что в период 1917-1920 г.г. наибольшую опасность для советской власти в Туркестане представляла агрессивная захватническая политика Англии. Империалистическому миру, поставившему своей целью возможно быстрее задушить Советскую Россию, Туркестан нужен был прежде всего как один из весьма существенных плацдармов для создания сплошного фронта интервентов и контрреволюции юга, юго-востока и востока России.

Но для английских империалистов это была не единственная цель. Они хотели захватить Советский Туркестан и превратить его в свою колонию. С этой целью английские империалисты уже в 1917 году начали всячески помогать туркестанским буржуазным националистам («Кокандской автономии»); в мае 1918 года они заключили с представителями туркестанской и российской контрреволюции специальный договор о превращении Туркестана в английскую колонию типа африканских колоний, а в августе 1918 года ввели свои войска на территорию Закаспия[1]).

Несомненно и то, что антисоветские, контрреволюционные выступления феодальной верхушки туркмен Тедженского оазиса во главе с Азис-хан Чапыговым и хивинских туркмен во главе с Джунаид-ханом были связаны с антисоветской деятельностью иностранных разведок, в первую голову английской.

Ведущая роль в выступлении туркменской реакционной феодально-клерикальной силы принадлежала шайке Джунаид-хана. Руководящая роль хивинского диктатора видна из телеграфного сообщения Ашхабадского областного комиссара Советов от 8 января 1918 года за № 37, адресованного Ташкентскому совдепу:

«По сведениям, проверенным на месте, выступления текинцев Теджена Азис-хана и Алты-Аксака происходят под влиянием хана иомудов Джунаида, возвращающегося из Афганистана в Хиву»[2]).

Связь туркменской феодальной верхушки Закаспийской области и Хивы в их совместной борьбе против советской власти осуществлялась путем взаимной помощи людьми и вооружением.

О том, что в ставке Джунаида еще с января 1918 года постоянно находились 10 текинцев и 2 афганца во главе с неким Аман-Берды-Сахи, свидетельствует сообщение русских заводчиков в Ургенче, посетивших 21 января ставку Джунаида. Во время этого посещения текинцы говорили русским заводчикам, что «мы, асхабадские и мервские текинцы объединившись с русскими, готовимся прогнать большевиков и вам надо здесь это тоже сделать. Джунаид вскоре получит из Мерва вооружение и пушки»[3]).

Азис-хан Чапыгов — сердар феодальной верхушки текинского племени, колена отамыш, в апреле 1918 года выступил со своей бандитской шайкой против Советской власти и, будучи разгромлен силами красногвардейцев под Тедженом, бежал в Хиву, к Джунаид-хану. Он передал Джунаиду следующее задание ашхабадской контрреволюции: во-первых, как можно скорее покончить «с внутренними бунтарями» и не допустить проникновения в Хиву представителей «красных» и, во-

[1]) Газета «Культура и жизнь» от 20 июня 1948 г.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 80, л. 3.
[3]) ИИКП Уз., л. 1257, т. II, п. 1, л. 7.

вторых, обеспечить безопасность караванных путей по линии Красноводск — Мангишлак — Кунград — Ургенч — Турткуль — Бухара[1]).

Совещание в ставке Джунаид-хана решило мобилизовать все силы джунаидцев и ханской власти на решительную борьбу с революционным движением в стране и, прежде всего, на разгром отрядов Шамми-Келя — наиболее крупной и организованной силы восставших народных масс. Совещание высказало пожелание о привлечении кара-калпакских и казахских баев районов Ходжейли, Кунграда и Чимбая к борьбе с шаммикельцами, уже занявшими ряд городов и сел ханства.

Таким образом, объединенные силы хивинской реакции объявили «крестовый поход» феодалов против трудящихся масс Хорезма. Были образованы десятки добровольческих отрядов из узбекской, казахской и кара-калпакской верхушки. Но основным ядром вооруженных сил реакции явилось более 4 тысяч джунаидцев, вооруженных современным скорострельным оружием.

В середине июня начались в районах Тахты, Ильялы, Губа — Дага, Порсы, Куня-Ургенча и Ходжейли крупные бои между революционными отрядами шаммикельцев и силами Джунаид-хана.

Число участников восстания против Джунаида и Исфендиар-хана исчислялось, примерно, 5—6 тысяч человек, вооруженных главным образом берданками, гара тупенами (охотничьими ружьями), кривыми шашками, лопатами, топорами и вилами[2]). Только у Гочмамед-хана были две самодельные пушки[3]).

Силы обеих сторон, конечно, были неравны. К тому же ряд союзников шаммикельцев из феодальной верхушки, примкнувший в первое время восстания к отрядам дайхан, быстро капитулировал перед Джунаид-ханом и вносил в ряды восставших разложение. Шамурад-багши, Язан-окуз, Пальван-Юзбаши перешли в лагерь джунаидцев и стали вместе с ними действовать против народа. Большинство повстанцев из отрядов этих изменников присоединилось к Шамми-Келю или гочмамедцам.

Главный удар Джунаида шаммикельцы приняли в районах Тахты и Ильялы. Гулам-Али-хан, возглавлявший один из отрядов шаммикельцев, вел себя неустойчиво и стал настаивать перед Шамми-Келем о прекращении сопротивления Джунаиду, ссылаясь на неравенство сил. Шаммикельцы с негодованием отвергли это предательское предложение и призвали всех трудовых дайхан «биться с угнетателями и тиранами до конца»[4]).

Гулам-Али сначала добровольно сдался Джунаиду, а потом бежал от него к Гочмамед-хану, который в это время дрался под Куня-Ургенчем с шайкой кунградских и ходжейлинских баев.

Основные отряды шаммикельцев в количестве около 600 человек переходят к обороне в крепости аула Дирегли. Джунаид осадил эту крепость со всех сторон. В осаде находилось, кроме 600 вооруженных мужчин, более полутора тысяч безоружных женщин, стариков и детей. Эта осада продолжалась более одного месяца. Совершенно лишенные провианта, испытывая недостаток в боеприпасах, осажденные мужественно сопротивлялись врагам. Население крепости питалось сухой кожей верблюдов и лошадей, но стойко держалось.

---

[1]) ИИКП Уз., л. 1257, т. II, п. 1, л. 7. Эти пункты важны были белым для перевозки вооружения и людей в Хиву и Бухару.

[2]) Из рассказов старожилов.

[3]) ИИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 111—112.

[4]) Из рассказов очевидцев и участников.

Героический предводитель восстания Шамми-Кель воодушевлял всех осажденных. Женщины, дети и старики превратились в храбрых бойцов. Но голод окончательно истощил героев крепости. Однако, несмотря на это, Шамми-Кель почти каждую ночь совершал смелые вылазки, внося страх и смятение в лагерь противника. Во время таких вылазок погибло много храбрых бойцов, в том числе и три младших брата Шамми-Келя. В последней вылазке сам Шамми-Кель получил тяжелое ранение в грудь и через пять дней умер в крепости на руках своих товарищей.

Когда через десять дней после смерти Шамми-Келя в конце июля 1918 года Джунаид, наконец, овладел беззащитной крепостью, в ней оказалось не более 150 человек полуживых людей. Все они были изрублены джунаидцами.

Джунаид-хан приказал разрушить крепость до основания[1]).

Так погибли наиболее преданные и сознательные бойцы дайханского восстания во главе с героическим богатырем Шамми-Келем, с 1912 года державшим ханскую власть и всю феодальную верхушку страны в страхе. «Гибель Шамми-Келя и его отряда вызвала большую радость и ликование в стане врагов народа, тогда как трудовая масса всех национальностей Хивы оплакивала смерть своего богатыря», — так говорится в народном сказании хорезмских туркмен, записанном автором.

Остальные отряды восставших были рассеяны феодалами. Исключение составляли отряды гочмамедцев, борьба с которыми продолжалась до сентября 1918 года. Гочмамедцы впоследствии, когда ими начала руководить партия большевиков, стали грозной силой народной революции в Хиве. Весною 1918 года джунаидская черная реакция снова восторжествовала над революционным движением масс. Контрреволюционный барьер, созданный Джунаид-ханом, не давал возможности туркестанским большевикам установить какую-либо связь с народной массой Хивы, в частности, с шаммикельцами. Попытки самих шаммикельцев связаться с турткульским совдепом были безуспешны (их ходоки были задержаны и расстреляны джунаидцами на левом берегу Аму-Дарьи, под Питняком[2]).

---

[1]) Из рассказов тех же очевидцев.
[2]) То же.

Глава V

ХАНСКАЯ ХИВА И СОВЕТСКИЙ ТУРКМЕНИСТАН

В то время как Джунаид-хан, подавив восстание дайханских масс, к лету 1918 года укрепил свою кровавую диктатуру в Хиве, в Советском Туркменистане рабочие и трудовые дайхане, благодаря непосредственной помощи Ленина и Сталина, под руководством туркестанских большевиков, укрепляли советскую власть, успешно боролись с меньшевиками, эсерами, буржуазными националистами и белогвардейцами. Ленин и Сталин, определяя очередную задачу советской власти по национальному вопросу, указывали туркестанским коммунистам, что «не отрицание автономии, а признание ее является очередной задачей советской власти. Необходимо только автономию эту построить на базисе Советов, на местах. Только таким путем может стать власть народной и родной для масс. Следовательно, необходимо, чтобы автономия обеспечивала власть не верхам данной нации, а ее низам. В этом вся суть»[1]). Руководствуясь указаниями великих вождей пролетариата, большевики Туркестана наносят решительный удар великодержавным шовинистам и буржуазным националистам — всем противникам большевистской национальной политики.

В апреле 1918 года VI Всетуркестанский съезд Советов объявил Туркестанский край Автономной Советской Социалистической Республикой в составе: Сыр-Дарьинской, Семиреченской, Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областей.

Ленин и Сталин помогли трудящимся многонационального Туркестана установить власть Советов, принимали также все меры по оказанию трудящимся Туркестана экономической помощи. Так, учитывая острую нужду народов Туркестана в поливной воде, Совнарком РСФСР издал 17 мая 1918 года за подписью Ленина декрет «Об организации оросительных работ в Туркестане», которым предусматривалось ассигнование 50 миллионов рублей на эти работы[2]).

В то время, когда все советское население России остро нуждалось в хлебе, Ленин и Сталин, проявляя отеческую заботу о нуждах трудящихся масс Туркестана, в июне 1918 года перебросили в Туркестан свыше 100 вагонов пшеницы и ячменя.

Под руководством большевистской партии все больше развертывалась созидательно-творческая работа Советов в Туркестане. Однако иностранные империалисты и внутренняя контрреволюция не оставляли своих попыток свергнуть Советскую власть рабочих и дайхан и

[1]) И. Сталин, Сочинения, т. IV, стр. 76.

[2]) Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства, 1918, № 37, стр. 494.

...уже в первой половине 1918 года сложились две определенные силы, готовые пойти на свержение советской власти: иностранные империалисты Антанты и контрреволюция внутри России»[1]). «Так кончилась передышка и началась гражданская война в России, то есть война рабочих и крестьян народов России против внешних и внутренних врагов советской власти»[2]).

Опираясь на поддержку иностранных империалистов, в стране поднимают голову все антисоветские элементы. 12 июля 1918 года эсеры и меньшевики совместно с буржуазными националистами совершили контрреволюционный переворот в Ашхабаде, захватили власть во всей Закаспийской области, открыв дорогу английским империалистам. Закаспийская контрреволюция и английские интервенты ставили перед собой задачу — сомкнувшись с бухарским и хивинским ханами, итти на Ташкент и разгромить советскую власть в Туркестане. Они отрезали Туркестан от бакинской нефти.

В оренбургских степях дутовцы, снова захватив линию железной дороги в районе Оренбурга, лишили Туркестан возможности получить из Советской России хлеб, топливо, промтовары, вооружение и боеприпасы. В Семиречье начались казацко-кулацкие мятежи. В Фергане орудовали басмаческие отряды Ибрагим-бека, Мадамин-бека, Курширмата и др.

Летом 1918 года Советский Туркестан оказался в огненном кольце фронтов. Экономическое и военно-политическое положение стало исключительно напряженным. Однако рабочие и дайхане Туркестана, во главе со своими испытанными руководителями — большевиками, твердо верили в победу над всеми врагами советской власти, ибо они знали, что за них стоит великий русский народ, вся Советская Россия во главе с великими вождями Лениным и Сталиным.

И действительно, Ленин и Сталин не замедлили активно поддержать борьбу рабочих и дайхан Туркестана против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов. «Принимаем все возможные меры, чтобы помочь вам. Посылаем полк», — телеграфировал 17 июля 1918 года Ленин Совнаркому Туркестанской республики[3]).

«Очень просим всех вас всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану», — пишет товарищ Сталин закавказским большевикам[4]). «Позавчера ночью в Туркестан послано все, что можно было послать», — сообщает товарищ Сталин по прямому проводу из Царицына в Москву Председателю Совнаркома В. И. Ленину 24 июля 1918 года[5]).

Внимание и помощь вождей пролетарской революции удесятерили силы рабочих и дайхан Советского Туркестана, давали возможность им побеждать на фронтах гражданской войны.

Иначе обстояло дело в Хиве. Слухи о контрреволюционных переворотах и приходе иностранных интервентов в Закаспий, слухи об окружении Советского Туркестана многочисленными врагами оказали соответствующее влияние на настроение населения Хорезма. Снизилась революционная активность дайхан, наглее становиться реакция.

Джунаид-хан устанавливает все более тесные связи с врагами большевиков и готовится к вооруженной борьбе с советской властью.

---

[1]) История ВКП(б), Краткий курс, стр. 216.
[2]) Там же.
[3]) Ленин и Сталин о Средней Азии и Узбекистане. Ташкент, 1940, стр. 64.
[4]) С. Г. Шаумян. Статьи и речи. Баку, 1924, стр. 225.
[5]) Ленинский сборник, т. XVIII, 1931, стр. 193.

Многочисленные документы подтверждают контакт всех контрреволюционных сил Средней Азии и английских интервентов в Закаспии с Джунаид-ханом. Так, полковник Зайцев, который в начале июля с помощью эсеров и меньшевиков бежал из Ташкентской крепости в лагерь басмачей в Фергане, прямо говорит о тесной связи Джунаида с контрреволюционной «военной организацией» в Ташкенте. «Туркестанская военная организация, — пишет Зайцев, — имеет главной целью свержение Советской власти, беспощадное уничтожение большевизма в крае... Организация имеет отделы почти во всех городах Туркестанского края. Самые сильные, прочные и надежные были: в Асхабаде, Коканде, Скобелеве и Андижане...

Организация вошла в соглашение с эмиром бухарским и ханом Джунаидом и заручилась их согласием оказать возможное содействие своей вооруженной силой»[1]).

Джунаидцы участвовали во многих контрреволюционных переворотах в Закаспии. Об этом свидетельствует следующее место из доклада Зайцева: «Я поддерживал также связь с Джунаид-ханом. Мы просили его оказать помощь асхабадцам, и он нашу просьбу удовлетворил. В асхабадских событиях участвовали и хивинские туркмены Далее я предложил Джунаид-хану в условленное время действовать против Петро-Александровска и в направлении на Чарджуй»[2]).

Очевидцы рассказывают, что Хан-ишан часто ездил летом 1918 года в Ашхабад и Мары с отрядом более 300 человек под начальством Эши-хана и Ходжа-Кули-хана (из Мары[3]).

Советская разведка в этот период точно установила, что в «асхабадских событиях безусловно участвовали хивинские туркмены, есть опасность, что отступившие на асхабадском фронте от советских войск туркмены Ораз-сердара прибудут в Хиву и присоединятся к Джунаид-хану».

Объединенные силы контрреволюции и английских интервентов включили Джунаида в свой план подготовки наступления на Ташкент. Согласно этому плану, Дутов должен был наступать с Оренбургско-Актюбинского фронта, асхабадцы с отрядами интервентов и Азис-хана должны были наступать с Закаспийского фронта, бухарский эмир должен был занять участок Средне-Азиатской железной дороги между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, ферганская басмаческая шайка Мадамин-бека и Иргаш-бека должна была выступить из ферганской долины по направлению к Ташкенту. «В то же время хан Джунаид, — пишет Зайцев, — со своими туркменами, двигаясь по левому берегу Аму-Дарьи на Дарган-Ата, должен был подойти к Чарджую и захватить Чарджуйский мост через Аму-Дарью. Таким образом, две группы Туркестанской Красной Армии, Актюбинская и Асхабадская, теснимые с фронта, должны были оказаться отрезанными от центра»[4]).

Для общего руководства выполнением данного плана и в качестве полномочного представителя «асхабадцев» к Джунаиду был послан из Ашхабада Ходжа-Кули-хан, приехавший в Хиву в первой половине августа с 30 «узкоштанниками», как их иронически называло население Хивы[5]).

---

[1]) Доклад полковника Зайцева от 27 апреля 1919 года за № 36 войсковому атаману Оренбургского казачьего войска Дутову. ИИКП Уз., д. 811, л. 9.
[2]) ИИКП Уз., д. 811, л. 9. См. также ЦГАОР УзССР, ф. 147, оп 33, л. 35.
[3]) ИИКП Уз., д. 1257, т. I, п. 4, л. 717.
[4]) Журнал «Соловецкие острова», № 4, 1926, стр. 69.
[5]) ИИКП Уз., «Борьба с Джунаид-ханом в 1918 году».

В случае победы контрреволюции и английских интервентов Джунаид-хану обещали отдать во владение весь правый берег Аму-Дарьи, территорию Аму-Дарьинской области (то есть Кара — Калпакию) и признать его единственным ханом Хорезма. Джунаид-хан вовсе не организовывал «национальной борьбы против русских» (как это ему приписывали с его слов), а тесно связался с «ак руссами» (белыми русскими) и интервентами против большевизма, против революционного движения узбекских и туркменских народных масс.

О том, что Джунаид с «ак руссами» находился в тесной дружбе, показывает хотя бы тот факт, что русские капиталисты и белогвардейцы постоянно находили убежище у Джунаида. Русские заводчики и купцы в Хиве предпочли оставаться под защитой Джунаида, чем выехать в Советскую Россию.

«Возможно, — писали они, — и здесь порядок наладится и придется жить, может быть, лучше, чем при большевиках в России»[1]).

В письме к Джунаид-хану представители различных русских фирм и отдельные русские капиталисты, проживавшие в пределах Хивы, писали: «Высокопочетному Гурбан-Мамед-сердару! Владельцы и представители русских и торгово-промышленных фирм и все русские подданные как в Ургенче, так и в Хивинском ханстве, подтверждая получение Вашего почетного письма... приносят Вам искреннюю благодарность за Ваши добрые отношения к нам, русско-подданным.

Глубоко веря в Ваши добрые намерения и в Вашу силу в борьбе с разбойниками Хивинского ханства, мы все русско-подданные, надеясь на Всемогущего, нашли возможным доверить Вашей защите наши жизни, наше имущество и имущество наших доверителей»[2]).

Между тем Джунаид подготавливал «большой поход» на правый берег Аму-Дарьи, на Советский Турткуль. Но предварительно для этого ему необходимо было укрепить свой тыл и задушить революционное движение народных масс, которое все еще проявлялось в форме мелких, раздробленных и неорганизованных повстанческо-партизанских выступлений в различных районах ханства. После гибели Шаммы-Келя наиболее значительным и организованным противником диктатуры Джунаида в его тылу был отряд гочмамедцев, который все еще продолжал оказывать сопротивление джунаидцам в районе Куня-Ургенча. В конце августа 1918 года Джунаид снарядил против гочмамедцев отряд в 800 человек под начальством Сапар-Депмечи. Этот карательный отряд в течение 10 дней бился с гочмамедцами в местечке Беш-Копри в 40 верстах на запад от Куня-Ургенча, но, потерпев поражение, бежал обратно, грабя по пути аулы чоудорского племени. Последствием этого было восстание дайхан-чоудоров[3]).

Джунаид решил воздействовать на гочмамедцев и чоудоров через ишанов и мулл и одновременно направил против восставших новый карательный отряд более чем в 2 000 человек под начальством своих лучших атлыбашиев — Черрик-бая и Ушак-бека. Ишаны и муллы во главе с Ханом ишаном и Артык-ахуном, предварительно проинструктировавшись у Ходжа-Кули-хана (из Ашхабада), собирали дайхан-чоудоров и колли-иомудов в мечетях и на кладбищах, произносили зажига-

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 11, л. 6, «Сборник материалов к истории революции в Хиве».
[2]) Там же, л. 8.
[3]) Рассказ очевидцев и старожилов.

тельные речи, призывая население к газавату, к «священной войне» против кафиров — большевиков.

Эта агитация дала некоторые результаты и ослабила сопротивление трудовых масс дайхан Джунаиду: чоудоры на время сложили оружие, большая часть гочмамедцев разошлась по домам. Вокруг Гочмамед-хана осталось не более 150—200 человек бедняков и батраков, решивших не подчиняться власти джунаидцев: собравшись в крепости Гочмамеда, в ауле Газахери, они в первой половине сентября оказали яростное сопротивление карательным отрядам. Джунаидцы долго осаждали крепость. Гочмамед при этом получил тяжелое ранение левой руки.

Только измена колли-номудских феодалов и бешеная агитация ишанов среди отсталых и темных бойцов его отряда заставили Гочмамеда прекратить сопротивление и заключить временное перемирие[1])

Джунаид теперь считал, что, ликвидировав последнюю вооруженную силу, боровшуюся с его диктатурой, он обезопасил свой тыл и может спокойно организовать антисоветский поход на Турткуль. На самом деле ненависть народной массы Хорезма к кровавой диктатуре Джунаида не ослабла, и нужен был лишь благоприятный момент, чтобы взорваться с новой силой.

Советский Турткуль (бывший Петро-Александровск), расположенный на правом берегу Аму-Дарьи, считался административным, экономическим и военным центром Аму-Дарьинской области, входившей в состав Туркестанской Автономной Советской Республики.

Территория этой области, еще в 1873 году оторванная от владений хивинского хана и присоединенная к территории Туркестанского генерал-губернатора, занимала 99 400 кв. верст и граничила на юго-востоке с Бухарою, на западе с Хивою, на северо-востоке с Казалинским и Джизакским уездами Туркестана. Населения в области насчитывалось (в начале 1918 года) 246 200 человек обоего пола, из них: кара-калпаков — 39,1%, узбеков —30,4%, казахов —22,1%, туркмен, русских (казаков-уральцев), иранцев, таджиков и татар—8,4%. Свыше 95% ее населения жили в аулах и занимались земледелием и скотоводством[2]).

В административном отношении область делилась на две части: Шураханскую (южную) с главным городом Турткуль и Чимбайскую (северную) с главным городом Нукус.

Жителей в самом городе Турткуле к осени 1918 года насчитывалось 4 211 человек, из них: казахов 907, узбеков 847, русских 1 504 (из них казаков-уральцев 702), иранцев, армян и прочих 953 человека.

Население города занималось торговлей, рыбным промыслом, перевозками по Аму-Дарье и земледелием. В городе было 4 хлопкоочистительных и маслобойных «завода». Здесь находился небольшой гарнизон русских солдат, охранявших склад с значительным запасом вооружения и боеприпасов (патронов различных более 1,1 миллиона штук, трехлинейных винтовок около 100 штук и прочее) и огромные запасы хлопка-сырца[3]).

Управление городом с декабря 1917 года находилось в руках исполкома Совета солдатских, казачьих и дайханских депутатов и депутатов от профсоюзных организаций[4]).

---

[1]) Рассказ очевидцев и старожилов.

[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, д. 73. См. также материалы по районированию Туркестана, вып. II. Ташкент, 1924, стр. 11.

[3]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 27

[4]) Там же, л. 73.

Джунаид-хан давно уже соблазнял туркменских феодалов перспективой нападения на Турткуль, захвата большого количества оружия, ограбления населения. Сейчас, когда внутри Хорезма утихла жестокая война с партизанами, турткульский поход представлялся Джунаиду и его советникам желанным и легким делом.

Надо было лишь ждать наступления зимы, чтобы по замерзшей реке быстро переправить нужное количество нокеров на правый берег. Готовясь к походу, Джунаид поставил усиленную охрану по всему левому берегу реки от Кунград — Ходжейли до Дарган-Ата, перерезал телеграфное сообщение Ургенч — Турткуль — Дарган-Ата — Чарджоу[1]).

16 сентября 1918 года Джунаид отправил в Кунград трехтысячный отряд, чтобы подготовить там переправу в Чимбай[2]).

Джунаид и Ходжа-Кули-хан развернули на всех базарах Хивы широкую антисоветскую агитацию, используя для этой цели все духовенство. «Аресты и расстрелы людей, заподозренных в сочувствии к советской власти, доходили до невиданного размера», — рассказывают очевидцы.

В Ургенче на складах русских и русско-подданных заводчиков и купцов лежало много различных товаров и сырья (лишь в одном торговом складе некоего Алиева было 1 400 пудов чая), в различных городах ханства было около 20 000 пудов нефти, принадлежавшей товариществу братьев Нобель[3]). Джунаидцы не хотели посягать на интересы русских капиталистов и ссориться со своими союзниками, но они боялись, что все товары попадут в руки туркестанской советской власти. Ходжа-Кули-хан и некоторые из представителей русских заводчиков провокационно уверяли джунаидцев, что большевики, под предлогом охраны этого имущества, собираются перебросить на левый берег часть красноармейцев.

Да и сам Джунаид не прочь был воспользоваться удобным предлогом, чтобы конфисковать все эти товары и раздать их своим атлыбашиям. Джунаид приказал конфисковать все имеющиеся товары, а часть служащих торговых контор и Русско-Азиатского банка арестовать по подозрению в сочувствии к советской власти. 20 сентября отряд джунаидцев под начальством Рахман-бека (зять Джунаида) напал на город Ургенч, забрал в отделении Русско-Азиатского банка все деньги, разграбил склады торговых контор, арестовал около 50 человек из технических служащих, ограбил дома и квартиры служащих. Джунаидцы сожгли некоторые заводы, продали за бесценок часть сырья и оборудования хивинским купцам[4]).

Советское правительство Туркестана учитывало значение Амударьинской области, являвшейся крайним левым флангом Закаспийского и правым флангом Актюбинского фронтов. Оно понимало, что захват Джунаидом этой области создает возможность врагам соединить эти два фронта вокруг Аральского моря и угрожать центру республики. Турткуль имел и большое политическое значение, являясь форпостом советской власти, оказывающим революционное влияние на трудовые массы Хорезма.

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 16.
[2]) Там же, л. 18—20.
[3]) Там же, л. 21.
[4]) Там же, л. 18—20. См. там же, дело «Воспоминания участников Хивинского фронта».

Учитывая все это, советское правительство Туркестана решило всячески укрепить Турткуль и сделать попытку обуздать аппетиты банды Джунаид-хана путем дипломатических переговоров. Для этой цели был отправлен на пароходе «Верный» из Чарджоу в Турткуль отряд красногвардейцев в 60 (по другому источнику в 100) человек, вооруженный двумя орудиями и двумя пулеметами[1]). Во главе отряда стоял матрос чарджоуской флотилии, военный комиссар города Чарджоу, коммунист Николай Алексеевич Шайдаков.

Еще до того, как отряд дошел до Дарган-Аты, здесь уже побывали джунаидцы (около 500 всадников) во главе с Эши-ханом. Они ограбили население Дарган-Аты, повесили и зарубили 50 человек из местных казахов и узбеков за сопротивление грабежам. Отряд Шайдакова догнал каюки, на которых джунаидцы везли награбленное ими в Дарган-Ате имущество, отняли у разбойников и тут же возвратили пострадавшим жителям Дарган-Аты[2]). Отряд прибыл в Турткуль 20 сентября 1918 года. Отряд Шайдакова впервые создал в городе ячейку партии большевиков, ставшую руководителем трудящихся в населенных пунктах Аму-Дарьинской области[3]).

По предложению Шайдакова, исполком Турткульского совдепа послал Джунаид-хану ультиматум, в котором совдеп, разъясняя национальную политику советской власти и ее намерения жить в мире с населением Хивы, требовал от Джунаида немедленного освобождения арестованных им русско-подданных жителей Ургенча, угрожая в противном случае походом на Хиву[4]). Струсивший Джунаид 30 сентября освободил арестованных ургенчцев, но не возвратил награбленные товары и имущество. Одновременно Джунаид написал в Турткуль ответное письмо, в котором он, пытаясь обмануть совдеп, оправдывал свои антисоветские действия требованиями Исфендиар-хана. Письмо Джунаида заканчивается следующими словами: «Мы получили от других мусульман других стран письмо о том, чтобы стараться не пускать в свою среду русских, а потому, военный комиссар Шайдаков, просим и Вас не вмешиваться[5]). Надо предполагать, что «другие мусульмане других стран», о которых говорил Джунаид в своем письме, были не кто иные, как закаспийские, бухарские контрреволюционеры и их господа — английские интервенты.

Туркестанские меньшевики, эсеры и буржуазные националисты потерпев поражение в открытой борьбе с советской властью, меняли свою тактику. Во многих местах они проникли в ряды коммунистической партии и в советские учреждения, чтобы занять руководящие посты и продолжали оказывать активную помощь врагам советской власти.

Контрреволюционная «Туркестанская военная организация» решила облегчить захват Джунаидом Турткуля и с этой целью начала направлять туда своих людей. По заданию этой организации, военный комиссар Туркестанской республики эсер Осипов в начале октября 1918 года командирует в Турткуль левого эсера Коноплева в качестве

---

[1]) ИИКП Уз., д. 377, л. 2. См. также ТФАН ИИЯЛ. Доклад т. Шайдакова в штаб войск Туркестанского фронта, д. 225.

[2]) ИИКП Уз., д. 377, л. 2.

[3]) Там же, д. 1267, т. II, п. 1, л. 71 и д. 479, л. 16. Стенографический отчет воспоминаний участников Хивинского фронта.

[4]) ИИКП Уз., д. 377, л. 4.

[5]) Там же. См. также ТФАН ИИЯЛ, д. 177, л. 16, Хивинские дела штаба войск Хивинской группы.

«главнокомандующего войсками Аму-Дарьинского отдела и чрезвычайного уполномоченного Туркреспублики по делам Хивы»[1]).

Коноплев — бывший штабс-капитан царской армии, активный член контрреволюционной организации, — прибыл в Турткуль с отрядом в 120 человек (60 человек интернационалистов, 60 человек из ташкентцев — узбеков и татар) и сразу же начал осуществлять контроль над всей деятельностью Совета депутатов. Пользуясь своими полномочиями, он запретил Шайдакову вести мирные переговоры с Джунаид-ханом и стал устанавливать связь с Ходжа-Кули-ханом. Вскоре Шайдаков был отозван на прежнюю работу в Чарджоу и после этого турткульские контрреволюционеры во главе с Коноплевым окончательно распоясались. Они уничтожили в области всякое значение Совета депутатов. Коноплев объединил в своих руках всю военную и гражданскую власть. «Бывало, — рассказывает очевидец, — что он грозил расстрелами большевикам, заявляя, что их партийная работа вредна для пролетариата. При этом он обычно говорил: «Мы, прежде всего, солдаты, а после — граждане»[2]).

Социальной базой, на которую опирались в своей контрреволюционной деятельности эсеры-коноплевцы, были различные буржуазные и кулацкие элементы Турткуля и прежде всего верхушка казаков-уральцев, живших в районах Турткуля, Чимбая, острова Заир и на островах Аральского моря.

Коноплев приостановил взыскание с богатых хозяйств 5 миллионов рублей налога, наложенного при Шайдакове Советом депутатов. Коноплев вооружил верхушку уральцев и организовал из них три казачьи сотни (по 200 человек в каждой[3]). Эти отряды являлись главной его вооруженной опорой в борьбе со всеми подлинными защитниками советской власти. Коноплев расстрелял 14 солдат-красноармейцев и интернационалистов, оказавших противодействие турткульским эсерам-контрреволюционерам[4]).

Таким образом, в лице коноплевцев Джунаид-хан заполучил союзников в самом Турткуле. В конце октября Ходжа-Кули-хан привез Джунаиду из Мары более трех тысяч трехлинейных винтовок фирмы «Ремингтон» и много патронов к ним[5]).

Ходжа-Кули-хан сообщил Джунаиду о том, что части советских войск оттеснены к железнодорожной станции Уч-Аджи силами интервентов и белогвардейцев и что Азис-хан Чапыгов со своим отрядом в 700 человек из тедженских феодалов разбил под Тедженом красногвардейский отряд Матвеенко, потерявшего в этом бою 113 человек убитыми, в том числе и самого Матвеенко[6]).

Феодальная знать всего Хивинского ханства во главе с Джунаидом, отложив на время свою междоусобную борьбу, рвалась в поход на советский берег в надежде легко захватить Турткуль с его большими запасами вооружения и превратить кара-калпакских крестьян в своих рабов. Часть темной и забитой массы туркменского дайханства, оказавшаяся в плену религиозной антисоветской агитации духовенства, шла за феодальной верхушкой, обещавшей добыть в этом походе много «олджи» (трофеев).

[1]) ИИКП Уз., д. 377, л. 16 и д. 480, л. 36.

[2]) Там же, д. 480, л. 37. Стенографический отчет воспоминаний участников Хивинского фронта.

[3]) ИИКП Уз., д. 480, л. 40.

[4]) Там же.

[5]) Там же, д. 377, л. 15.

[6]) Там же, д. 725, л. 9—10. «Борьба с Азис-ханом». Воспоминания бывшего красноармейца Нижегородского отряда К. М.

В это же время Джунаид решил воспользоваться наиболее благоприятным для него моментом, чтобы убить Исфендиар-хана, рассматриваемого им как своего соперника в ханстве. Исфендиар-хан, вынужденный сотрудничать с Джунаидом в грабеже дайхан и ремесленников, не хотел примириться со своим униженным положением, интриговал и организовывал заговоры против «ненасытного степного волка» (как он называл Джунаида). Окружение Джунаида считало, что отстранение ненавистного Исфендиар-хана сделает Джунаида более популярным среди дайханской массы[1]).

В последних числах октября 1918 года Джунаид отправил в столицу ханства специальный отряд под начальством Эши-хана. Разместив отряд в казарме, Эши-хан вместе с атлыбашиями (Черрик-баем, Шихим-сюлгуном, Шели-сердаром, Ушак-беком, Анна Гельди-шихом) пришли во дворец Нуруллабая, где их принял хан. Во время аудиенции Эши-хан схватил Исфендиара, а Анна Гельди-ших ударил его ножом в спину.

Убив Исфендиар-хана, представители Джунаида немедленно расстреляли трех ханских министров, как участников заговора против Джунаид-хана. В перевороте джунаидцам помогали ханские ясаул-баши Давлет-Мурад и Абдурахман Бакалов[2]).

В тот же день Джунаид объявил через джарчи на всех базарах о том, что ханский престол занимает Сеид-Абдулла-Тюре, младший брат Исфендиара[3]).

Мистическо-религиозно настроенный новый хан совершенно не интересовался государственными делами. Дворцовый переворот на некоторое время избавил Джунаида от опасности возникновения против него заговоров среди узбекской феодальной знати. Джунаид теперь получил неограниченную возможность распоряжаться доходами ханской казны.

Теперь ничто не препятствовало хивинскому диктатору все свое внимание уделить походу на Советский Турткуль.

Ноябрьский мороз 1918 года сковал Аму-Дарью льдом. Джунаид приступил к организации переправы своих отрядов на правый берег реки. Джунаидцы под угрозой расстрела стали мобилизовывать арбы и лошадей узбекских дайхан для обслуживания потребностей своего похода. Масса узбекских, казахских и кара-калпакских дайхан и ремесленников, уклонившись от мобилизации, бежала в город и аулы правого берега под защиту советских войск. Лишь в одном Турткуле собралось около 20 тысяч человек таких беженцев[4]).

В Турткуле Коноплев изменнически старался сорвать инициативу трудовых масс в строительстве укрепления правого берега и создании преграды на путях наступления Джунаида. Распоряжение советского правительства Туркестана о формировании в Турткуле красноармейских частей из местного трудового населения Коноплев не выполнил. Шураханские туркмены[5]) давно уже стояли за советскую власть, но из них лишь не более 20 человек были привлечены к службе в красногвардейском отряде, но и тех, как «ненадежных», стоящих на стороне

---

[1]) Рассказы старожил.

[2]) ИИКП Уз., д. 349, л. 139—140.

[3]) Там же.

[4]) Поход Джунаид-хана на Турткуль в кн. «Сборник статей к 10-летию Бухарской и Хорезмской революций». Ташкент, 1930.

[5]) В Аму-Дарьинской области издавна обитало более 7 тысяч туркмен родов ходир, ата, арабачи, ходжа и прочих, из которых многие жили в местечке Шурахан (в 4 верстах на юг от Турткуля).

советской власти, по распоряжению Коноплева выгнали из гарнизона[1]).

Чтобы создать видимость укрепления Турткуля и вызвать недовольство населения Советом депутатов, Коноплев приказал конфисковать различного рода имущество у трудящихся масс и «мобилизовать на оборону всех жителей Турткуля от 14-летних подростков до 75-летних стариков без всякого классового подразделения»[2]). Затем он приказал сжечь около 40 домов бедняков как в городе, так и в его окрестностях, мотивируя это тем, что они якобы мешают укреплению города тогда как дома богатых Коноплев не трогал[3]).

Мобилизованные трудящиеся использовались коноплевцами для рытья окопов в тех местах, где они были вовсе не нужны. Места, откуда предполагалось нападение джунаидцев, оставались неукрепленными. Своей провокационной деятельностью эсеры-коноплевцы всячески старались облегчить себе задачу сдать Турткуль без боя Джунаид хану.

Однако, несмотря на все провокации Коноплева, немногочисленные коммунисты Турткуля (около 20 человек), действовавшие при коноплевском режиме почти подпольно, были тесно связаны с трудящимися и призывали их дать решительный отпор бандам Джунаида.

Разоблачая контрреволюционную деятельность эсеров, турткульские коммунисты призывали народ к революционной бдительности, они рассылали своих людей в важнейшие населенные пункы области для организации партизанской борьбы с джунаидцами, они старались вооружить городских рабочих, батраков и бедноту, желающих сражаться на передовых позициях фронта.

Коммунисты Турткуля неоднократно сообщали в Чарджоу и Ташкент о подрывной деятельности Коноплева и о грозящей Аму-Дарьинской области опасности. Штаб Закаспийского фронта в Чарджоу, по предложению Председателя Туркестанского ЦИК, героя гражданской войны Войтинцева, погибшего впоследствии от предательской руки Осипова, решил для контроля над действиями Коноплева образовать при нем коллегию. Для этой цели был отправлен из Чарджоу отряд красноармейцев в 90 человек под руководством члена Чарджоуского совдепа, стойкого большевика Тимошенко. Но этот отряд прибыл в Турткуль уже на седьмой день боя с джунаидцами, нападение которых на город началось 25 ноября 1918 года.

Отряды Джунаида переправлялись по льду на правый берег в шести пунктах. Главными пунктами нападения были избраны Нукус — в 164 верстах ниже Турткуля, Ак-Камыш — 25 верст ниже Турткуля, Би-Базар — в 60 верстах ниже Турткуля и Кипчак, расположенный в 120 верстах ниже Турткуля[4]).

Боевая сила джунаидцев определялась, примерно, в 4 000 всадников, не считая «олджичиев» (трофейщиков), вооруженных, главным образом, холодным оружием и насчитывающих более 5 000 человек. Во главе нокеров стояли Черрик-бай, Сеид-Мамед-бек (он же Ушак-бек), Сапар-Депмечи и Сапар-вокиль[5]). Руководство всем походом осуществляли сам Джунаид, Ходжа-Кули-хан и Хан-ишан. В походе активно участвовали также калтаны и беки хивинского хана со свои-

---

[1]) ИИКП Уз., д. 479, л. 13—14. Стенографический отчет воспоминаний участников Хивинского фронта.

[2]) ИИКП Уз., д. 377, л. 11.

[3]) Там же, л. 112.

[4]) Там же, д. 370, л. 10.

[5]) Там же, д. 877, л. 15. «Революция в Бухаре и Хиве».

ми ясаулами и ясаулбашами. Среди олджичиев находились узбекские и татарские купцы, прибывшие для скупки трофеев.

К моменту нападения Джунаида в Турткульском гарнизоне было всего 800 красноармейцев (из них половина из местных националов), а также две казачьи сотни[1]). Коммунисты, вопреки противодействию Коноплева, сумели вооружить часть местной бедноты и батрачества и организовать из них добровольческий отряд в 500 человек[2]).

Первый крупный бой произошел под аулом Шурахан в 4 верстах выше Турткуля. Советские части, руководимые коммунистами, оказывали упорное сопротивление врагу, задерживая его наступление на город. То же самое происходило и в других населенных пунктах, где высаживались джунаидцы. Но предательство коноплевцев, не оказывающих никакой поддержки передовым отрядам, привело к тому, что джунаидцы стали окружать город и вскоре охватили его кольцом, отрезав всякую связь с окрестностями. Положение Советского Турткуля стало угрожающим.

Городские купцы и другие буржуазные элементы начали перебегать в лагерь Джунаида. Почти все феодально-байские элементы области активно поддерживали джунаидцев в их борьбе с советской властью.

Однако, несмотря на тяжелую обстановку, несмотря на категорический приказ Коноплева отступить к бывшему хлопкоочистительному заводу Манунлова и оставить большую часть города[3]), защитники города под руководством немногочисленных, но стойких и мужественных большевиков не пускали Джунаида в Турткуль, задерживая его отряды на ближайших подступах к городу. Защитники Турткуля проявили беспримерную храбрость и беззаветную преданность советской власти.

«Трудно передать, — пишет участник событий, — отдельные эпизоды боев, назвать отдельных героев — защитников Турткуля. Все были героями, все одинаково защищали Советы — и европейцы, и узбеки. В окопах шел ожесточенный бой. Джунаидцы стреляют непрерывно и метко. Падает пораженный пулей боец, за ним другой. Дайхане хватают винтовки, им тут же показывают приемы стрельбы, и они занимают места убитых... Так беспрерывно один заменяет другого до конца осады»[4]).

У наступавших же не было ни организованности, ни порядка. Большинство джунаидских атлыбашиев и их нокеров, не говоря уже о толпах олджичев, рыскали в окрестностях Турткуля. Шабаза, Назархана, Шурахана, Нукуса, Кипчака и т.д., занимаясь грабежом населения. Джунаидцы хватали все, что попадало им под руки: скот, хозяйственный инвентарь, зерно, домашнюю утварь, до ложек и ножей включительно. Они снимали двери у домов и кошмы с кибиток, уводили в плен женщин и детей, сжигали все, что не могли увезти, убивали всех им сопротивлявшихся. Между джунаидскими атлыбашиями происходили непрерывные драки и вооруженные столкновения из-за дележа «олджи».

Разнузданный грабеж со стороны джунаидских бандитов и героический, все усиливающийся отпор советских бойцов Джунаид-хану, способствовали тому, что большинство зажиточного населения области, активно помогавшее или сочувствовавшее Джунаиду в первые дни

---

[1]) ИИКП Уз., д. 479, л. 14. Стенографический отчет воспоминаний участников Хивинского фронта.

[2]) Там же, л. 15.

[3]) Там же, д. 377, л. 13.

[4]) Там же, л. 14.

его вторжения в область, стало отходить от Джунаид-хана. Даже феодально-байская верхушка кара-калпаков и казахов перестала поддерживать Джунаида и заняла выжидательную позицию. Некоторые же представители этих элементов даже примкнули к партизанскому движению трудящихся против джунаидцев. Зажиточные казаки-уральцы, ссылаясь на свою чуждость к мусульманской религии, уклонились от предложения Коноплева заключить союз с Джунаидом и, защищая свою жизнь и имущество, начали борьбу с бандами Джунаида.

Джунаид и Ходжа-Кули-хан, организовывая свою авантюру, не ожидали такого сопротивления, которое оказал им не только гарнизон города, но и почти все население области[1]).

Трудящиеся массы кара-калпаков, узбеков, туркмен и уральцев во многих районах области поднялись под руководством коммунистов на партизанскую борьбу с захватчиками и разбойниками. Так, в Чимбайском участке, в ауле Ишан-Кала, куда собрались ограбленные беженцы из других районов, около тысячи дайхан во главе с батраком-партизаном Ерджим-Кажировым (кара-калпаком) начали партизанскую войну против Джунаида[2]). Так было и в Шурахане, где в партизанском движении активно участвовали и дайхане — местные туркмены. Нередко бывали случаи, когда отдельные нокеры и ополченцы, насильно мобилизованные Джунаидом, переходили на сторону партизан и советских войск.

Таким образом, война с Джунаид-ханом была превращена большевиками во всенародную войну против банды хивинской феодальной реакции.

На седьмой день в Турткуль прибыл пароход «Ташкент» с отрядом Тимошенко. После этого число коммунистов Турткуля намного выросло. Комитет большевиков вышел из подполья. Коммунисты еще более усилили свое влияние на массы, они стали открыто руководить действиями частей на передовых линиях фронта. Бедняки и батраки из беженцев, которым коноплевцы не давали оружия, теперь были вооружены берданками. Диктаторство Коноплева было значительно ослаблено.

На 11-й день осады коллегия, по решению комитета большевиков, отправила пароход с отрядом в Ак-Камыш, чтобы ударить в тыл врага с правого фланга. В то же время все остальные защитники города, несмотря на жестокие морозы, плохую одежду и отсутствие горячей пищи, перешли в решительное наступление на левом фланге. Джунаидцы, которых стал обстреливать появившийся у них в тылу советский пароход, бросились в панике бежать из-под города. Первым сбежал с поля сражения «главный штаб» бандитов во главе с Джунаидом. Не помогли крики Ходжа-Кули-хана и молитвы Хан-ишана, попытавшихся остановить нокеров. Недисциплинированные толпы бандитов бежали, спасая себя и награбленное добро.

Коммунистам было предложено немедленно снарядить пароход и теплоход для перехвата отступавших в панике джунаидцев, но председатель коллегии Коноплев, ссылаясь на трудности движения пароходов среди льдов, не позволил этого сделать.

В результате своего неудачного наступления на Турткуль джунаидцы потеряли убитыми и потонувшими в реке более 1 600 человек[3]).

---

[1]) ИИКП Уз., д. 377, л. 5.

[2]) Там же, д. 479, л. 14. Стенографический отчет воспоминаний участников Хивинского фронта.

[3]) ИИКП Уз., д. 377, л. 10.

Советские бойцы и партизаны преследовали по пятам бежавших бандитов, отнимали у них «олджи» и возвращали это награбленное имущество пострадавшему населению области.

Так бесславно кончился антисоветский турткульский поход хивинской и всей среднеазиатской контрреволюции, так провалился их план захвата Аму-Дарьинской области, соединения антисоветских фронтов и перенесения военных действий к центру Туркестанской республики.

Поражение Джунаида было серьезным ударом для всей среднеазиатской контрреволюции, оно внесло разложение в ряды хивинской феодальной реакции, объединившейся лишь на время для захвата и ограбления правобережной советской области.

Это поражение Джунаида привело также к тому, что народная масса Хивы увидела силу советской власти, единственно способной вооруженной рукой раздавить ненавистный режим, установленный Джунаид-ханом.

Джунаид и Ходжа-Кули-хан после бегства из-под Турткуля в декабре 1918 года созвали в Ургенче совещание всех атлыбашиев, ханымов и кетхудов, участвовавших в походе. Ходжа-Кули-хан предложил немедленно организовать новый поход на Турткуль, обещая доставить им из Ашхабада много вооружения и боеприпасов. Он посоветовал заниматься грабежом лишь после взятия Турткуля[1]). Отвечая Ходжа-Кули-хану, большинство атлыбашиев и кетхудов заявило, что их нокеры и ополченцы не желают напрасно рисковать своей жизнью и просят их отпустить домой и дать им возможность заниматься своим хозяйством. Выступивший на совещании Гочмамед-хан заявил Ходжа-Кули-хану: «Иомуда можно обмануть один раз, но два раза его не обманешь, убирайся скорее из нашего края со своими «дар балаклы вагызчиями[2]), пока жив!»[3]).

После того как выступивший Джунаид обвинил Гочмамеда в том, что он во время похода, неся сторожевую охрану в районе Дарган-Ата, сознательно пропустил мимо себя пароход «Ташкент» с отрядом Тимошенко и не доложил Джунаиду о приближении парохода к тылу джунаидцев[4]), Гочмамед покинул совещание. Вместе с ним ушли с совещания и уехали домой предводитель ополченцев из колена «ушак» Дурды-Ковли, предводитель чоудоров Гайп-Бала, один из видных атлыбашиев Джунаида, и целый ряд других сердаров.

Распад коалиции племен, созданной хивинскими реакционерами, был последствием серьезнейшего поражения Джунаида под Турткулем.

Но и после отхода ряда своих бывших союзников в распоряжении Джунаида все еще находилось около двух тысяч нокеров (главным образом из его колена «орсукчи»). Опираясь на эту силу, Джунаид в начале января 1919 года организовал нападение отряда в тысячу всадников на Шаббаз (в 32 верстах ниже Турткуля). Вскоре он послал более 1 500 всадников на Нукус. Но и эти набеги бандитов были успешно отбиты частями советских войск и местными добровольческими отрядами[5]).

В январе 1919 года в Ташкенте произошло, организованное по указу агентов английского империализма, контрреволюционное восстание белогвардейцев, эсеров и буржуазных националистов, руководимых контрреволюционером Осиповым. Белогвардейцы зверски убили

[1]) Рассказ очевидцев.
[2]) «Узкоштатными агитаторами».
[3]) Рассказ очевидцев.
[4]) Это рассказывают очевидцы из колхоза «Интернационал» Калининского района и др., но в архивных документах, просмотренных автором, об этом ничего не найдено.
[5]) НИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 60.

большевиков-руководителей партийных и советских органов Туркестанской республики — товарищей Войтинцева, Шумилова, Качуринера, Першина и других[1]). Мятеж был подавлен, но Осипов бежал к бухарскому эмиру.

Туркульские эсеры во главе с Коноплевым действовали в контакте с ташкентскими осиповцами. Большевики Турткуля разоблачили Коноплева во всех его преступлениях и предали Коноплева и всю его компанию суду революционного трибунала в Чарджоу. Но Коноплеву и его помощникам Цилих, Ефременко, Усынину и Карпенко в ночь на 22 февраля удалось бежать.

Отправленный за ними в погоню отряд красноармейцев задержал их в 60 верстах от города, арестовал и отправил в Чарджоу. По дороге, около Дарган-Аты, коноплевцы ночью напали на сонный конвой, захватили винтовки, перебили часть конвоя и бежали в Ашхабад[2]). Коноплев попал в Мары, оттуда пытался бежать за границу, но был застрелен советскими пограничниками при переходе границы[3]).

Секретарь Коноплева — эсер Лауб — бежал из Турткуля в Хиву к Джунаид-хану. Некоторые эсеры, оставшиеся в Турткуле, — Мальцев, Ефимов и другие, — попытались поднять турткульских казаков-уральцев на антисоветский мятеж. Но их заговор был во-время разоблачен. Они были арестованы и расстреляны[4]). Таков был конец эсеровских помощников Джунаид-хана.

Большевики Турткуля, разбив силы контрреволюции, вплотную занялись укреплением органов советской власти в области, привлечением местных бедняков и батраков к работе Советов. Турткульские коммунисты установили, несмотря на джунаидский контрреволюционный барьер связь с трудящимися различных городов Хивы. Батраки, бедняки и ремесленники из Ургенча, Хивы, Ташауза, Мангита и Ходжейли присылали своих ходоков в Турткуль, рассказывали комитету партии большевиков о нуждах и желаниях народных масс ханства. По просьбе представителей нескольких городов Хивы, Турткульский совдеп отправил 5 марта 1919 года в Москву на имя В. И. Ленина телеграмму, в которой говорилось: «Население Хивы стонет под террором разбойничьей шайки Джунаид-хана, с нетерпением ждет прихода советских войск, которые освободят Хиву. Хивинское население шлет братский привет Красной Армии, несущей освобождение угнетенным, и желает присоединиться к свободной Советской России»[5]).

Таким образом, трудовые дайхане и ремесленники, то есть громадное большинство населения Хивы, постепенно, шаг за шагом, под влиянием Советской власти и партии большевиков, стали понимать, что только помощь Советской России и Красной Армии может помочь им уничтожить банды Джунаида и покончить с его грабительским режимом.

Джунаидские разбойники продолжали беспощадно грабить и разорять не только хивинское население, но и советское население правого берега. Джунаид усиленно подготавливал новый поход на Турткуль. Для этой цели он связался со штабом английских интервенционных войск, находившимся вблизи Чарджоу. Здесь постоянно находились Шихим-сюлгун, Абдукарим-паджиман и другие представители Джуна-

---

[1]) К. Житов, В. Непомнящ. От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939, стр. 59.

[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 68—69.

[3]) Там же, д. 480, л. 37.

[4]) Там же, д. 479, л. 14—15.

[5]) ЦГАОР УзССР, ф. 100, д. 93, л. 28.

ида. Сюда же отправил Джунаид в начале марта 1919 года отряд под начальством Черрик-бая для участия в боях против частей Красной Армии на линии Закаспийской железной дороги. На обратном пути этот отряд увез в Хиву более 2 000 баранов, отнятых у населения в различных районах вблизи Чарджоу[1]).

Для ликвидации постоянной опасности, грозившей Аму-Дарьинской области, штаб Закаспийского фронта выделил отряд из рабочих железнодорожного депо Чарджоу и из интернационалистов-коммунистов (всего около 250 человек) и 12 марта отправил его в Турткуль. Во главе отряда стоял коммунист, бывший солдат-артиллерист, член Чарджоуского совдепа Наумов. Отряд по пути имел ряд мелких стычек с дозорами Джунаида из Дарган-Ата в местечках Диванджан, Дульдульатааган и Тюя-Муюн[2]). Крупный бой произошел 28 марта под кишлаком Питняк (на левом берегу реки). На отряд напало более 600 всадников Джунаида под начальством Эши-хана и Сапар-Депмечи. Джунаидцы, попав под артиллерийский и пулеметный огонь, потеряли в этом бою около 500 человек убитыми и ранеными и бежали. Из бойцов отряда было ранено 16 человек (в том числе и сам Наумов, получивший тяжелое ранение правого плеча[3]).

После многократных поражений Джунаид-хан в апреле 1919 года обратился к представителям Советской власти с просьбой о заключении мирного договора. Решающее значение в отказе Джунаида от своих разбойничье-воинственных планов имело изменившееся положение на фронтах гражданской войны. Победоносное наступление Красной Армии на Восточном фронте под командованием крупнейшего пролетарского полководца М. В. Фрунзе разбившей белогвардейские войска адмирала Колчака, ряд поражений, нанесенных войскам белых и английских интервентов на Закаспийском фронте, начавшийся под ударами Красной Армии отход английских интервентов из Закаспия усилил тягу трудящихся Хивы к Советской власти, усиливал для хивинской реакции ненадежность тыла и вынуждал их просить о перемирии.

Мирный договор между РСФСР и хивинским правительством, в лице его уполномоченного Джунаид-хана, был заключен 9 апреля в Тахте и утвержден ЦИК Туркестанской республики в мае 1919 года. Для заключения этого договора из Ташкента в Хиву приехала специальная делегация во главе с Христофоровым (в дальнейшем полномочный представитель Советского государства в Хиве). Содержание этого договора таково:

1. «Прекращаются всякие военные действия с обеих сторон друг против друга.

2. Советское правительство России признает за народами Хивинского оазиса право на самоопределение.

3. Обе стороны для поддержания дружественных отношений обмениваются представителями. Хивинскому правительству предоставляется право держать представителей в Москве и Ташкенте, а Российскому Советскому правительству — в Хиве.

4. Обе стороны гарантируют друг другу свободное и безопасное передвижение по всем водным и сухопутным путям сообщения в пределах территорий в коммерческих целях.

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 70. Сборник материалов к истории революции в Хиве.

[2]) В местном произношении Дюлдюл-Артлан и Дюе-Боюн.

[3]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 83—85. Сборник материалов к истории революции в Хиве.

5. Всем русско-подданным туркменам, провинившимся во враждебных действиях против Российской Советской Республики, таковая дарует амнистию и им также предоставляется право свободного выбора местожительства.

Обе стороны обязуются добросовестно и неуклонно выполнять настоящее соглашение»[1]).

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, кн. II, п. 1, л. 94. Сборник материалов к истории революции в Хиве.

Глава VI

РОЛЬ ТУРКМЕН В СВЕРЖЕНИИ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ В ХИВЕ

Весной и летом 1919 года, несмотря на оторванность Советского Туркестана от центра, Ленин и Сталин продолжали направлять работу туркестанских коммунистов, вооружая их своими гениальными указаниями о большевистской национальной политике, исправляя допущенные в Туркестане ошибки, посылая им в помощь своих ближайших соратников. Туркестанские большевики проводили большую политико-воспитательную и организационную работу не только среди бойцов Закаспийского фронта, но и среди рабочих и дайхан в тылу белогвардейцев и интервентов. Несмотря на белый террор, все большее количество трудящихся сплачивается вокруг лозунгов большевиков:

«Долой белогвардейщину и интервентов»,
«Да здравствует Советская власть!»

По указаниям товарищей Фрунзе и Куйбышева, — руководивших в то время наступлением частей Красной Армии на Восточном фронте — части советских войск Закаспийского фронта после их реорганизации и тщательной подготовки, переходят 14 мая 1919 года в генеральное наступление по всему фронту.

Разбитые на станции Равнина белобандитские части откатываются назад, к Ашхабаду. 21 мая с боем были заняты советскими войсками Байрам-Али, 23 мая — Мары, 24 — Кушка, 7 июня — Теджен, 3 июля — Каахка и 9 июля — Ашхабад[1]).

В. В. Куйбышев лично руководил, большой операцией под станцией Айдин, в результате которой советскими частями был нанесен белым сокрушительный удар. В своем донесении об этом сражении оперативный отдел армии сообщил: «20 декабря при взятии ст. Айдин четвертый эскадрон 1-го кавполка, состоящий из туркмен, под пулеметным и ружейным огнем, не имея холодного оружия, с одними винтовками, лихо бросился в атаку на неприятеля, смял его и обратил в паническое бегство, причем часть отступившего неприятеля была уничтожена»[2]).

Таким образом, трудящиеся массы закаспийских туркмен с помощью героической Красной Армии разбили белогвардейцев, выгнали интервентов и восстановили свою родную Советскую власть.

Ликвидация закаспийской белогвардейщины, разгром интервентов нанесли новый удар по хивинской контрреволюции. Победа Красной Армии на всех фронтах усилила разложение и брожение в тылу Джунаид-хана. Вынужденный в мае 1919 года подписать мирный договор с Советским Туркестаном, Джунаид-хан вовсе не собирался этот дого-

[1]) Г. И. Карпов. Гражданская война в Туркмении. Ашхабад, 1940, стр. 29.
[2]) ЦГАКА, ф. 25859, оп. 3, д. 11, л. 64.

вой выполнять. Ему нужна была передышка, чтобы собраться с силами и возобновить борьбу с Советским государством.

Джунаид-хан и его отряды, как правило, не только не выполняли взятых на себя по договору обязательств, но систематически грубо нарушали условия договора. Так, 13 июня 1919 года Христофоров (полномочный представитель Туркестанской Советской Республики при правительстве Хивы) запросил из Турткуля разрешения прибыть в Хиву с конвоем в 25 человек. Хан Сеид-Абдулла не дал никакого ответа и советский представитель вынужден был запросить Джунаид-хана, лишь 12 июля разрешившего Христофорову приехать с конвоем из двух человек. Когда Христофоров, на основании полученного разрешения, перешел на левый берег Аму-Дарьи, джунаидцы его все же не приняли, и он вынужден был вернуться обратно в Турткуль. В этот же день бухарской делегации, прибывшей в составе 22 человек во главе с Хаким-ишаном, джунаидцы оказали пышный прием[1]).

Основываясь на смысле советско-хивинского договора, советское полпредство запросило хана:

1) о разрешении скупать на хивинской территории продовольствие;

2) о восстановлении телеграфа между Турткулем и Чарджоу;

3) о продаже советским властям керосина и нефти, конфискованных джунаидцами у русско-подданных заводчиков и купцов;

4) о свободном пропуске через Аму-Дарью граждан обоих государств и

5) о выдаче хивинским правительством уголовных преступников русских подданных, скрывавшихся в хивинском ханстве и совершивших преступления после заключения мира[2]).

В ответ на эти предложения Джунаид дал согласие лишь на восстановление разрушенного им же телеграфа и то с оговорками, заявив, что он не может гарантировать целости телеграфной линии. Отказываясь от торговых отношений с Туркреспубликой, Джунаид поддерживал тесную политическую и экономическую связь с эмиром бухарским. За один только май он отправил эмиру по Аму-Дарье 10 каюков хлопка в кипах[3]).

Когда в конце мая штаб Закаспийского фронта обратился к Джунаиду с просьбой выделить 700 всадников в помощь фронту, Джунаид поставил советской власти такие условия, которые означали отказ от выполнения просьбы штаба. Он потребовал: по 500 штук патронов на каждого всадника, предоставления отряду 4 пулеметов и 2 горных пушек, оплату жалованья за 40 дней вперед из расчета 100 руб. в день на каждого, разрешения его всадникам заниматься грабежом и забирать себе все виды военных трофеев. Наконец, Джунаид требовал, чтобы на фронте его всадники не воевали против мусульман, то есть против текинских белых банд[4]).

Нельзя было сомневаться в том, что Джунаид, требуя оружия и патронов для своих всадников, использовал бы при удобном случае это оружие против Красной Армии. Все его остальные требования носили также откровенно провокационный характер.

Успехи советских войск на Закаспийском фронте заставили джунаидцев объявить в июне общую мобилизацию населения Хивы. Все, кто имел огнестрельное оружие, должны были немедленно явиться в рас-

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 107. Сборник материалов к истории революции в Хиве.

[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 80—89.

[3]) Там же, д. 816, л. 80. «Революция в Бухаре и Хиве».

[4]) Там же, д. 1257, т. II, п. 1, л. 89.

поражение джунаидских атлыбашиев, а не имеющих оружия Джунаид обязал купить это оружие у своих поставщиков по цене 600—700 рублей за винтовку и 1 рубль 50 копеек за каждый патрон. Тех кто не был способен к несению военной службы, Джунаид обложил «уруш салгыдом» (военный налог) по 300 рублей на хозяйство[1]).

Проведя эти предвоенные мероприятия, Джунаид стал сосредотачивать своих всадников в районе Дарган-Аты для того, чтобы обстреливать пароходы, идущие из Чарджоу в Турткуль с продуктами и подкреплениями, а в случае поражения советских войск под Ашхабадом — организовать нападение на Чарджоу.

Гочмамед-хан, Гулам-Али-хан, Молла-Ораз-машырык и некоторые другие элементы из мелких родовых вождей хивинских туркмен, давно находившиеся в оппозиции к диктатуре Джунаида и ранее примыкавшие к революционному движению трудящихся дайхан, теперь, учитывая настроения народных масс и возросшую силу Красной Армии, решили связаться с органами Советской власти в Турткуле для совместной борьбы с диктатурой Джунаид-хана.

Советское полпредство в Хиве сообщило в Ташкент, что во второй половине июня 1919 года Гочмамед-хан отправил в Нукус 10 человек для связи с советскими работниками, но на обратном пути около Ходжейли джунаидцы их задержали и трех из них расстреляли[2]). В конце июня Джунаид послал против Гочмамеда карательный отряд в 2000 всадников под начальством Черрик-бая. Этот отряд потерпел поражение в полуторадневном сражении с гочмамедцами под Куня-Ургенчем. Лишь вмешательство ишанов, уговоривших прекратить военные действия, спасло джунаидцев от окончательного разгрома[3]).

Гочмамед-хан и его сторонники, начав борьбу с диктатурой Джунаид-хана, связались с советскими и партийными организациями Турткуля, благодаря чему стали пользоваться активной поддержкой широких слоев трудящихся масс Хорезма. По рассказам очевидцев, в июньском бою под Куня-Ургенчем особенно отличился партизанский отряд чоудорской бедноты и батрачества, которым руководил батрак Ходжи-ишана по имени Комек-гедай (из местности Таза-Кунград, возле Булдум-саза Порсинского района). До сих пор чрезвычайно популярны среди трудящихся имена партизан этого отряда Кемине-шиха, Кара-Волия, Ак-Телпека, Комек-гедая и Чашем-охрана, погибших после победы советской власти от руки джунаидских бандитов.

Эти и другие новые руководители партизанского движения впервые выдвинулись из народных масс лишь после того, как большевики стали руководить революционным движением народных масс Хивы против диктатуры Джунаид-хана, против всех эксплоататоров трудящихся.

Успехи Красной Армии на фронтах гражданской войны, все усиливающееся влияние партии большевиков и советской власти среди трудящихся Хивы, усиление классовой борьбы, которую бедняки и батраки вели против «своих» мюлькдаров и вахымдаров, заставили хорезмских феодалов и торгово-ростовщическую буржуазию еще больше сплотиться вокруг Джунаид-хана и войти в еще более тесную связь со всеми врагами советской власти, независимо от их национальной принадлежности.

10 июля 1919 года на одном из тайных совещаний узбекской аристократии обсуждался вопрос: на чьей стороне держаться при вступле-

[1]) Из рассказов очевидцев-старожил.
[2]) ИИКП Уз. д. 816, л. 66. См. также д. 1257, т. II, п. 1, л. 243.
[3]) Там же.

ний советских войск в пределы Хивы. Было решено всячески поддерживать Джунаид-хана, а в случае поражения последнего оправдываться перед командованием советских войск тем, что, якобы, «Джунаид насильно их мобилизовал»[1]). Это решение немедленно стало проводиться в жизнь: один из крупных узбекских мюлькдаров в районе Кунграда Кутлик-Мурад-бай вооружил несколько сот людей из уголовных элементов и предоставил их в распоряжение Джунаид-хана, так же поступили мангитский бек, шабадский бек, ходжейлинский бек и другие[2]).

Джунаид-хан установил связи с международной реакцией и прежде всего с английскими империалистами. Среднеазиатская контрреволюция, поддерживаемая иностранными империалистическими государствами, в 1917—1919 годах концентрировалась в Фергане, Бухаре, Хиве и Ашхабаде и поддерживала тесную связь с реакционными группами Афганистана, Ирана и Турции.

Джунаид-хан находился в центре внимания этой международной контрреволюции. Турецкие пантюркисты (или пан-исламисты) мечтали отделить Советский Туркестан с окружающими его Бухарой, Хивой и Закаспием от Советской России и присоединить к Турции; иранские шахиншахи боялись, что победа советской революции в Туркмении и Азербайджане приведет к революции в Северном Иране, населенном в значительной части туркменами, и в Иранском Азербайджане, населенном азербайджанцами, и что население этих областей, с которыми иранское реакционное правительство находилось в состоянии постоянной войны, будет стремиться к национальному воссоединению с советскими республиками. Афганистанские феодалы, которым Англия обещала расширить Афганистан за счет территории Туркмении, заставили афганский народ сложить оружие в борьбе, которую он вел с Англией за свою независимость, и стремились захватить туркменские районы Кушки, Серахса и далее по направлению к Средне-Азиатской железной дороге[3]).

Эти интересы вызывали пристальное внимание турецких, иранских и афганских реакционеров к Джунаид-хану. Касаясь этого вопроса, один из представителей Наркомнаца в 1919 году писал:

«Связь с Мадамином (главарь ферганских басмачей — Г. Н.), с туркестанскими контрреволюционерами, назначение ханских потомков консулами в Фергану, охваченную восстанием, политическая работа против нас в Закаспии, работа в Бухаре, направленная к заключению военного союза, принятие в афганское подданство российских мусульман и т. д. заставляли делать вывод, что афганское правительство, поддержанное английской дипломатией... переходит на позиции реального осуществления своего доморощенного империализма, направленного острием против нас»[4]).

«Афганистан постепенно превращается в агента Англии, организующего вокруг себя Бухару, Хиву, Туркестан»[5]).

Касаясь связи Джунаид-хана с бухарским эмиром, тот же автор писал: «Ферганский фронт, контрреволюционные элементы в Туркестане, Джунаид в Закаспии — все находят поддержку в бухарском правительстве, прямо или косвенно, то слабее то теснее связанном с английской дипломатией и командованием»[6]).

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 107 и 127.
[2]) Там же, т. I, п. 4, л. 717.
[3]) ЦГАОР, ф. 1318, д. 1231, л. 70.
[4]) Там же.
[5]) Там же, л. 91.
[6]) ЦГАОР, ф. 1318, д. 1231, л. 54.

Тогда же разведуправление штаба Туркфронта писало, что именно усилиями Бухары «власть в Хиве перешла к разбойнику Джунаид-хану, ставленнику Бухары»[1]).

О наличии тесной связи Джунаид-хана с международной реакцией говорят и другие факты:

17 июля 1919 года на левом берегу реки Аму-Дарьи в Хазараспе, высадилась новая бухарская делегация в составе 24 человек (из них 20 мулл) в сопровождении постоянных представителей Джунаида в Бухаре — Шихим-сюлгуна и Абдукарим-паджимана. Во главе делегации стоял эмирский везир Чайхак. Делегацию встретил Черрик-бай с 200 всадниками. Делегаты привезли много ценных подарков. Одному только Джунаиду было привезено 30 тысяч тилл деньгами и 2 лошади с серебряными уборами, а Сеид-Абдулле-хану и его сановникам по 6 лошадей. Кроме подарков, правительство Хивы отпустило бухарской делегации самые необходимые и дорогие товары: 100 тонн керосину; 100 мешков сахару и 100 ящиков спичек. Бухарская делегация провела с Джунаидом переговоры о предоставлении эмиру 2 000 вооруженных всадников для борьбы с Красной Армией[2]).

Одновременно с бухарцами прибыли к Джунаиду посланники ашхабадских белогвардейцев (65 всадников во главе с Ходжа-Кули-ханом), которые также просили Джунаида послать отряд на помощь разбитым, но еще не добитым закаспийским белым. Джунаид им ответил, что «у меня самого тут врагов много, а войска мало»[3]). Но тем не менее Джунаид обещал каждой делегации предоставить небольшую помощь людьми.

Таким образом, хивинское правительство, возглавляемое Джунаид-ханом, грубо нарушало договор, заключенный с Советским государством. Советские послы предъявляли неоднократные протесты против невыполнения заключенных договоров и элементарно-добрососедских отношений. Однако эти дипломатические протесты ничего не могли изменить, ибо, как правильно, заметил один из представителей советской дипломатии:

«Хива фактически управляется не правительством, а главарем разбойников Джунаид-ханом, а для таких персон дипломатическая речь мало того, что непонятна, но и вредна, ибо она только разжигает их разбойничьи инстинкты и увеличивает их заносчивость»[4]).

Ближайшая к Хорезму Аму-Дарьинская советская область ценой величайших усилий всех местных трудящихся, во главе с коммунистами, залечивала свои раны, полученные в результате разбойничьего набега Джунаида. Внутриполитическое положение области значительно улучшилось, советский аппарат был очищен от контрреволюционных элементов, намного возросли ряды большевистской партии за счет привлечения в партию новых, преданных людей из местной бедноты и батрачества, организовывались партийные ячейки в крупных населенных пунктах, создавались партийные дружины, были проведены перевыборы в волостные Советы трудящихся, организованы земельно-водные комитеты из дайхан и т. д.

О том, что Турткульский совдеп проводил подлинную классовую политику в интересах трудящихся дайхан, говорит следующий факт: 18 сентября 1919 года Революционный комитет Турткуля под предсе-

---

[1]) ЦГАКА, ф. 25859, оп. 4, д. 44, л. 225.
[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 119—121.
[3]) Из рассказов очевидцев.
[4]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 112. Сборник материалов к истории революции в Хиве.

дательством тов. Шайдакова рассмотрел вопрос «О возврате беднейшему населению земель, взятых баями и кулаками под залог», и постановил: «Поручить президиуму Ревкома издать приказ об аннулировании всех земельных долгов и возврате беднейшему населению земель, взятых у них баями и кулаками под залог. Для наблюдения за правильным проведением в жизнь вышеупомянутого приказа назначить временную комиссию из трех лиц...»[1]).

Это мероприятие Турткульского Совета еще больше сплотило вокруг него трудящихся Аму-Дарьинской области (Кара-Калпакии) и оказало большое революционизирующее влияние на дайхан Хивинского ханства.

Бедняки и батраки правого берега Аму-Дарьи под руководством большевиков все больше высвобождались из-под влияния своих «кизыл чапанов» (баев) и мулл. В ауле усиливалась классовая борьба. Байские элементы берутся за оружие. Так в Чимбайском участке образовалась бандитская шайка от 300 до 500 человек из местных баев во главе с бывшим крупным мюлькдаром Хан-Максумом. Эта банда терроризировала местных советских активистов и вошла в тесную связь с Джунаид-ханом[2]).

В хозяйственном отношении область была чрезвычайно разорена постоянными набегами банды Джунаида и местных баев. Эти разбойники не давали дайханам возможности ни пасти скот, ни засевать поля, ни отходить куда-либо из аула в одиночку. Вследствие этого сельское хозяйство деградировало, и широкие слои трудящихся области переживали жестокий голод.

Выше мы уже указывали, что социальной базой и вооруженной силой турткульских эсеров-коноплевцев были казаки-уральцы. После бегства Коноплева ряд его единомышленников (Мальцев, Ефимов и другие) подготовили выступление верхушки казачества против советской власти, но контрреволюционный заговор был во-время раскрыт, и руководители его были расстреляны. Однако почва для возникновения заговоров осталась. Привилегии и льготы, которые царское правительство в свое время предоставляло казачеству, способствовали росту зажиточности определенных слоев казачества, превращали довольно значительную часть их в кулаков, торговцев и землевладельцев.

Классовая политика Советской власти толкнула кулацкую верхушку казачества на путь контрреволюции. «Кто же другой мог быть, — спрашивает товарищ Сталин, — оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями, и организованное в военное сословие — казачество, издавна эксплоатирующее нерусские народы на окраинах?»[3]).

Уральский казачий полк, сформированный Коноплевым, состоял из трех сотен, которые были расквартированы: первая сотня — в г. Турткуле, вторая — в Уральском поселке (18 верст северо-западнее Турткуля) и третья, так называемая Заирская сотня, — сначала в селении (острове) Заир (150 верст на север от Турткуля), а потом в Чимбае. Это казачество, как сообщает в Ташкент исполком Турткульского совдепа, «за редким исключением, чувствовало себя независимым и считало советскую власть в области временным злом. На митингах казаки говорили: «Мы Советскую власть признаем, но все-таки как можно быть государству без хозяина, без божьего помазанника»[4]).

---

[1]) ЦА РККА, ф. 279, оп. 2, д. 7, л. 76.
[2]) ИИКП Уз., д. 1275, т. II, п. 1, л. 100.
[3]) И. Сталин. Сочинение, т. IV, стр. 286.
[4]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 100—110.

Во второй половине июля 1919 года среди заирско-чимбайского казачества началось, под руководством рыбопромышленника-торговца Филичева и кулака Кузнецова открытое выступление против Советской власти. Контрреволюционеры действовали под руководством оренбургских и уральских казачьих атаманов Дутова и Толстова, которые отправили к ним своих агентов с сообщением о том, что Красная Армия терпит поражения и войска Дутова и Колчака приближаются к Аральскому морю[1]).

Чимбайская контрреволюционная казачья банда с целью подорвать доверие населения к Советской власти производила незаконные обыски и конфискации среди трудящихся местных национальностей — каракалпаков, казахов, узбеков и туркмен. Белоказаки провокационно при этом говорили, что они так поступают «по приказу большевиков». В действительности, они заготовляли таким образом фураж, рыбу и другие продукты для отправки на Оренбургский фронт Дутову и Толстову.

Характерно, что когда советские агитаторы проводили среди этих казаков собрания и предлагали голосовать за резолюцию об оказании помощи Красной Армии, борющейся против Колчака, и, в частности, принять участие в укреплении берегов Аральского моря, то чимбайские казаки-кулаки воздерживались от голосования и заявляли: «Как же мы против своих братьев пойдем, другое дело иомуды-нехристи»[2]).

В то же время эти казаки-кулаки были тесно связаны с главой иомудских разбойников Джунаид-ханом и местными баями — «нехристями».

По решению Комитета коммунистической партии и областного Исполкома совдепа, 1 августа 1919 года была послана в Чимбай Чрезвычайная комиссия для проведения разъяснительной работы и укрепления советских органов в Чимбайском участке. В составе комиссии были: член ТуркЦИК, полномочный представитель при хивинском правительстве Христофоров (председатель комиссии), председатель областного исполкома Косьяненко, председатель областного партийного комитета Фролов, начальник областного военного отдела Сладков, начальник областной милиции Шленов и другие, всего 17 человек. Комиссия, натолкнувшись на вооруженное сопротивление контрреволюционной казачьей верхушки Чимбая, 10 августа затребовала из Турткуля отряд войск для разоружения кулацкой верхушки казачества. Командир войск Турткульского гарнизона Наумов отправил в Чимбай отряд в 80 человек под начальством Замыслева.

Но пока этот отряд находился в пути, чимбайские казаки, под руководством Филичева, 14 августа в 2 часа ночи предательски напали на дом, где разместились прибывшие члены комиссии. Немногочисленный отряд интернационалистов и красноармейцев, составлявший гарнизон в Чимбае, вместе с членами комиссии героически оборонялись против намного превосходивших численностью и вооружением белоказаков. Победа оказалась на стороне нападавших бандитов. Оборонявшиеся потеряли 28 человек убитыми и ранеными, а остальных казаки сумели обезоружить[3]).

Посланный из Турткуля отряд Замыслева натолкнулся 15 августа в 12 часов ночи в лесу у урочища Таза-гора, в 15 верстах к югу от Чимбая, на засаду белоказаков и после ожесточенного сражения, потеряв 18 человек убитыми и еще больше ранеными, был разоружен

---

[1]) ИИКП Уз., д. 478, л. 6—7 и д. 480, л. 40.
[2]) Там же, д. 478, л. 7.
[3]) Там же, д. 1257, т. II, п. 1, л. 161.

казаками. Командный состав отряда во главе с Замыслевым тут же был расстрелян по приказу Филичева[1]).

20 августа под Чимбаем на арыке Кочели казаки-филичевцы расстреляли всех 17 членов комиссии во главе с Христофоровым.

К этому времени число участников контрреволюционной белогвардейской банды — чимбайских казаков — дошло до 500 человек. В их распоряжении находилось 3 пулемета, 2 орудия. К восставшим присоединились басмаческие шайки местных баев во главе с Хан-Максумом и Бала-баем, отряды которых насчитывали уже более двух тысяч человек. Совместными силами они заняли с боем город Нукус. Почти все крупные населенные пункты Чимбайского участка оказались в руках мятежников и местных баев, зверски расправлявшихся с советскими работниками: лишь в одном Нукусе ими было расстреляно более 50 человек советского актива. Затем белобандиты с боем заняли остров Муйнак, где им удалось обезоружить местную красногвардейскую дружину в 200 человек[2]).

Так образовался новый контрреволюционный очаг. Руководители контрреволюционного восстания в Чимбае немедленно заключили с Джунаид-ханом союз и приступили к организации совместного похода на Турткуль. 26 августа Джунаид отправил в Чимбай к Филичеву и Хан-Максуму своих представителей для переговоров о времени похода. Одновременно Джунаид послал в Бухару к эмиру Сеид-Алим-хану делегацию в составе 23 человек во главе с Хан-ишаном с просьбой о срочной присылке оружия и боеприпасов, необходимых для организуемого похода на Турткуль[3]).

Таким образом, Советский Турткуль оказался под угрозой нападения с двух сторон. Аральское море являлось ключом к Туркестану с севера. Интервенты и среднеазиатская контрреволюция давно стремились во что бы то ни стало овладеть Аральским морем и открыть таким образом путь для соединения Хивы и Бухары с Колчаком на Урале. Чрезвычайно важное стратегическое значение имел и остров Муйнак, захваченный чимбайскими мятежниками. Этот остров, расположенный в юго-западной части Аральского моря, фактически командовал над этой частью моря. Он являлся центром рыболовного промысла и был удобен для стоянки судов.

Штаб Закаспийского фронта принял срочные меры для подавления чимбайского мятежа и удержания берегов Аральского моря. Для выполнения этой задачи из Чарджоу в Турткуль был отправлен коммунистический отряд под командованием Н. А. Шайдакова. Пароход, на котором двигался отряд, был обстрелян под Питняком дозорными всадниками Джунаида, старавшегося блокировать Турткуль и не пропускать в него продукты и подкрепления. Но отряд Шайдакова отразил нападение бандитов и 15 августа прибыл в Турткуль.

Турткульские коммунисты под руководством Шайдакова сумели быстро создать вооруженную силу из батрачества местных национальностей и казаков-уральцев, направить ее на подавление восстания баев. 20 августа была разоружена 1-я казачья сотня, чего не успели, однако, сделать со 2-й сотней, стоявшей в Уральском поселке, так как, получив

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 162.

[2]) Там же, л. 161, п. 2, л. 160—170, д. 478, л. 6—9, д. 480, л. 39—40. Стенографический отчет воспоминаний участников Хивинского фронта.

[3]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 170. См. также статью «На Чимбайском фронте» в журнале «Туркменоведение», № 1, 1930.

известие о прибытии в Турткуль отряда Шайдакова, белоказаки бежали в Чимбай, к Филичеву.

22 августа Шайдаков выехал на пароходе по Аму-Дарье в сторону Чимбая, взяв с собой около 500 бойцов. Этот отряд 25 августа почти без боя занял Нукус. Двигаться дальше было нельзя, так как Турткуль находился под угрозой нападения Джунаид-хана. Отряд, закрепив за собой Нукус, вернулся в Турткуль[1]).

Тем временем штаб Туркестанского фронта отправил с севера на парусных судах по Аральскому морю 1-й пехотный полк командных курсов имени Ленина. 6 сентября полк, после ожесточенного боя, занял остров Муйнак. Остатки разгромленных мятежных казаков бежали на пароходе «Бухарец» на остров Заир[2]).

Таким образом, казако-кара-калпакские мятежники были зажаты в кулак в районе Чимбая: советскими войсками были заняты с юга Нукус и с севера — Муйнак. Это означало уничтожение возможности захвата Аральского моря врагами Советской власти, соединения чимбайских мятежников с дутовщиной.

Джунаид-хан в момент разгара антисоветского восстания казаков и баев на правом берегу не решился напасть на Турткуль, хотя об этом было заключено соглашение между ним и руководителями чимбайских мятежников.

Эта неожиданная сдержанность объясняется, в первую очередь, тем, что к концу лета 1919 года дела английских интервентов и внутренней контрреволюции в Средней Азии обстояли очень плохо; на Оренбургско-Актюбинском фронте дутовцы были разбиты наголову. Фронт был ликвидирован и Советский Туркестан вновь соединился с РСФСР. К этому же времени был также ликвидирован и Закаспийский фронт.

Это имело решающее значение в военно-политическом укреплении Турткуля. Прибытие туда отряда Шайдакова сделало ничтожными шансы Джунаида на успех нападения на город. В самом контрреволюционном лагере происходили серьезные изменения. Успехи кулацкого казачества и кара-калпакских баев в первый период антисоветского мятежа объяснялись отсутствием здесь рабочего класса и темнотой дайханских масс, которые шли за «своей» верхушкой под давлением силы и агитации духовенства.

Но повсеместный грабеж, насилия, террор и погромы, чинимые этими белобандитами в отношении казачьей и дайханской массы, и действенная советская агитация, проводимая большевиками среди трудящегося населения, сразу же расколола тыл мятежников. Трудовая масса стала быстро отходить от них, больше того, она стала активно выступать под руководством коммунистов против бандитской шайки мятежных кулаков и баев. Так, например, под давлением казачьей бедноты и батрачества верхушка 2-й сотни вынуждена была разоружиться под Нукусом, а остальная часть мятежников, во главе с Филичевым и Хан-Максумом, бежала, чтобы искать поддержку извне, у разбитых на Восточном фронте генералов и атаманов (Колчака, Дутова, Толстова и др.).

Такие же сдвиги происходили и в тылу Джунанда. Неуверенность дайхан и ремесленников в завтрашнем дне вследствие постоянных разбоев, увод скота и рабочих лошадей, тяжелые повинности, отрывающие людей от хозяйства во время полевых работ, бесконечные

[1]) ИИКП Уз., д. 716, л. 1. См. также статью «На Чимбайском фронте» в журнале «Туркменоведение», № 1, 1930.

[2]) Там же, д. 1257, т. II, п. 1, л. 160—161. См. вышеуказанную статью.

аресты, расстрелы, насилия над женами и дочерьми дайхан — весь этот произвол, чинимый джунаидцами, окончательно дезорганизовал и разорил хозяйство страны. Трудовое население Хивы переживало голод невиданного до сих пор размера. Джунаид изыскивал все новые и новые формы грабежа населения. Он стал силой взыскивать с населения долги по старым векселям, выданным агентам русских фирм[1]). Одновременно Джунаид-хан изъял из обращения всю золотую и серебряную монету, собрав ее в свою крепость, а вместо золотой и серебряной монеты выпустил бумажно-шелковые денежные знаки[2]). Эта денежная «реформа» вызвала сильнейшее недовольство населения, ибо торговцы старались не брать новых денежных знаков, которые приобретали покупательскую силу лишь в том случае, если при торговых сделках присутствовали вооруженные люди Джунаида.

Народное сопротивление мероприятиям Джунаида с каждым днем возрастало. Дайхане и ремесленники всячески уклонялись от мобилизации, от бигарных работ, от уплаты джунаидцам различных налогов и податей.

С каждым днем росло число беженцев, бежавших на правый берег под защиту советской власти. Из числа этих беженцев (бедняков и батраков) организовались в пределах Аму-Дарьинской области добровольческие отряды. Это были преимущественно узбеки, кара-калпаки и казахи. Но под руководством коммунистов готовились к революционно-освободительной борьбе и туркменские трудовые дайхане Хивы. Так постепенно создавалась вооруженная сила хивинской народной революции.

Дайхане колли-иомудов, чоудоры северной части Порсинского района, иомуды Гара-Йылгына и Губа-Дага, организовав у себя партизанские отряды для защиты от насилий джунаидцев, перестали платить Джунаиду всякого рода «салгыт» (в том числе и «нокер салгыт»). Участились случаи, когда туркменские дайхане-партизаны преследовали и убивали преданных Джунаиду атлыбашиев, мохердаров, кетхудов. Так были убиты: Торе-юзбаши — джунаидский атлыбаши чоудоров[3]), Сапар-Гуджик — джунаидский кетхуд аула Ак-Сарай Тахтинского района[3]), Гылыч-сердар — атлыбаши гарадашлыев[3]) и ряд других.

Именно этот рост революционных настроений среди туркменских дайхан толкнул Гочмамед-хана на посылку в сентябре 1919 года своих представителей Эсена и Молла-Ораза в Ташкент с просьбой помощи Красной Армии для свержения Джунаида[4]).

В это же время (20 сентября) Гулам-Али-хан направил своего представителя Молла-Новруза в Турткуль к Шайдакову с заявлением о том, что в случае перехода частей Красной Армии на левый берег Гочмамед и Гулам-Али могут собрать несколько тысяч всадников и присоединиться к советским войскам[5]).

Таково было состояние тыла Джунаида к началу осени 1919 года. Джунаидцы и белоказаки-уральцы Чимбая, понимая свою внутреннюю слабость, усиленно искали поддержки и помощи извне: от Колчака — в Сибири, от Дутова и Толстова — на Урале, от эмира Сеид-Алим-хана — в Бухаре, от ашхабадских белогвардейцев — в Красноводске, от английских агентов — в Мангишлаке.

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 117.
[2]) Там же, т. III, л. 91.
[3]) Из рассказов очевидцев.
[4]) ИИКП Уз., д. 349, л. 50.
[5]) Там же, д. 1257, т. II, п. 2, л. 168.

Но помощь белогвардейских генералов могла ограничиться только обещаниями. Они не только не были в состоянии кому-нибудь помочь, но сами усиленно искали помощи для спасения себя от преследования Красной Армии.

Джунаид-хан, ведя переговоры с русскими белогвардейцами, считал более реальным и выгодным тесную связь с Бухарой.

В первых числах октября из Бухары в Хиву прибыло 13 человек — «мастеров ружейного дела», Джунаид получил от эмира бухарского два пулемета с прислугой — австрийцами[1]).

В это же время к Джунаиду приехало более 100 всадников «асхабадцев», усиленно занявшихся на базарах Хивы антисоветской агитацией[2]).

К Джунаиду прибыла делегация и от Филичева, и Хана-Максума. Эта делегация, состоявшая из 5 человек, во главе с Каракум-ишаном, стала разрабатывать вместе с Джунаидом план нового похода на Турткуль. Согласно этому плану, Джунаид с 1 000 всадниками, как только река покроется льдом, должен был перейти на правый берег под Кипчаком, а чимбайские мятежники должны были в это время напасть на Турткуль[3]).

Но все эти планы «союзников» замерзли еще раньше, чем реки.

В ноябре 1919 года произошел крупнейший перелом в партийной и советской жизни всего Туркестана. Этот перелом был связан с приездом в Ташкент верных соратников Ленина и Сталина — товарищей М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева и Л. М. Кагановича. Они были посланы сюда Лениным и Сталиным для помощи местным организациям Туркестана и являлись руководящим составом комиссии ВЦИК и СНК по делам Туркестана (Туркомиссия). В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР, составленном Лениным и определявшим задачи Туркомиссии, подчеркивалось, что «самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой — составляет основу всей политики Советского правительства России и служит руководящим началом во всей работе ее органов и что только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России»[4]).

В связи с посылкой в Туркестан Туркомиссии Ленин обратился с письмом к «Товарищам коммунистам Туркестана», в котором он сформулировал важнейшие задачи советского строительства в Туркестане. Ленин писал:

«Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 12 и п. 2, л. 207.
[2]) Там же, п. 2, л. 210. См. также ТФАН ИИЯЛ, д. 177, л. 123.
[3]) Там же.
[4]) Ленин. Сочинения, т. XXIV, стр. 808—809.

искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным»[1].

ЦК РКП(б) создает из членов Туркомиссии Туркбюро ЦК РКП(б) — руководящий краевой партийный орган, впоследствии переименованный в Средне-Азиатское Бюро ЦК ВКП(б)[2]. Туркбюро и Туркомиссия возглавились товарищами Фрунзе, Куйбышевым и Кагановичем. За время своего пребывания в 1919—1921 годах в Советском Туркестане они проделали огромную разностороннюю государственную и партийную работу. М. В. Фрунзе был командующим войсками Туркестанского фронта, членом Туркбюро и Туркомиссии, В. В. Куйбышев — членом Туркбюро и Туркомиссии, членом Реввоенсовета Туркфронта, Л. М. Каганович — членом Туркбюро и Туркомиссии и работал Наркомом рабоче-дайханской инспекции Туркестанской республики, председателем Ташкентского городского Совета. Своей последовательной работой за осуществление большевистской национальной политики виднейшие представители коммунистической партии завоевали огромный авторитет среди трудящихся Средней Азии.

Туркомиссия в первую очередь принимает все меры к окончательному разгрому вооруженных сил контрреволюции. Товарищи Фрунзе и Куйбышев проводят большую работу по реорганизации туркестанских частей Красной Армии, превращая их в дисциплинированные полки и дивизии.

Под командованием товарищей Фрунзе и Куйбышева Красная Армия Туркестана переходит всюду в победоносное наступление.

Туркбюро и Туркомиссия придавали огромное значение делу укрепления партийных и советских органов в Аму-Дарьинской области. М. В. Фрунзе неустанно следил за улучшением личного состава советских войск в Турткуле, за формированием добровольческих отрядов из местной бедноты, за их военным обучением и политическим воспитанием. В Турткуль был послан из Ташкента и Чарджоу ряд партийных работников, начавших энергично укреплять связи Советского Турткуля с трудящимися массами Хивы.

В первых числах ноября банды атамана Филичева и Хан-Максума сумели вновь захватить Советский Нукус. 11 ноября Шайдаков выступил из Турткуля с отрядом в 300 человек. Отряд, вооруженный 5 орудиями, 4 пулеметами и 3 минометами, выехал на пароходе «Верный», имея целью освободить Нукус и остров Заир от банды Филичева и Хана-Максума и ликвидировать возможность отрядам Джунаид-хана переправляться на правый берег в районах Кипчака и Чимбая[3].

Возле Кипчака пароход сел на мель. Джунаидцы, расположившись в густом тугае на левом берегу, стали непрерывно обстреливать пароход с близкого расстояния. Трое из бойцов просили командование разрешить им выйти на палубу и принять меры к тому, чтобы снять пароход с мели. Первыми вышли матрос Дергачев и пулеметчик Пародиев, но оба храбреца были тут же убиты вражескими пулями. Бойцы отряда отомстили за смерть товарищей. Шайдаков высадил десант на левый берег и отогнал врага. Затем отряд высадился на правом берегу в 15 верстах ниже Нукуса, на берегу старого арыка Кизыл-Кент. Здесь он встретился с главными силами вражеской банды. Советские бойцы 19—20 ноября мужественно сражались с намного превосходящими си-

---

[1]) Ленин. Сочинения, т. XXIV, стр. 151.

[2]) К. Житов, В. Непомнин. От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939, стр. 62.

[3]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 236.

лами противника. В результате нескольких атак, предпринятых коммунистической ротой Шайдакова, противник, потеряв более 400 человек убитыми и столько же ранеными, отступил, открыв путь к Нукусу. 27 ноября отряд Шайдакова занял Нукус[1]).

Тем временем Джунаид сумел переправить на каюках на правый берег около Назар-хана (в 40 верстах выше Нукуса) более 600 своих нукеров, присоединившихся к бандам Филичева и Хан-Максума. Объединенный отряд джунаидцев и филичевцев осадил Нукус и перерезал все пути между Нукусом и Турткулем. Отряд Шайдакова оказался отрезанным от тыла.

Шайдаков, чтобы связаться с Турткулем, выделил отряд кавалеристов в 40 человек под начальством Телегина. Этот отряд, действуя смело и решительно, сумел прорваться через первую линию окружения но по пути к Турткулю, около Назар-хана, столкнулся с частью казачьей банды во главе с самим Филичевым. Бойцы Телегина, героически сражаясь с гораздо более многочисленным противником, вышли и на этот раз победителями и прибыли в Турткуль[2]).

Между тем «союзники» (джунаидцы и белоказаки) даже в такой, казалось бы, благоприятный для них момент не посмели реализовать свои планы похода на Турткуль. Это объяснялось не только тем, что они боялись оставить в своем тылу в Нукусе отряд Шайдакова, но также и поднявшейся волной народного партизанского движения, организованного турткульскими коммунистами на Чимбайском участке и в тылу Джунаид-хана. Между джунаидцами и партизанскими отрядами колли-иомудов, чоудоров, гарайылгынцев, губадагцев, гарадашлыев, в которых участвовали и узбекские дайхане и ремесленники, происходили кровопролитные сражения.

Партизанские отряды прислали в Турткуль и Нукус своих представителей с просьбой о помощи против Джунаида.

Об этом свидетельствует следующее сообщение Турткульского Совдепа в Ташкент (конец ноября 1919 года):

«Сейчас в Хиве началась революция. Восстала часть иомудских племен с узбеками. Низовья Аму-Дарьи против угнетающего их правительства Джунаид-хана. Бои идут в районе от Ургенча до Ходжейли. Представители восставших племен, прибыв в Петро-Александровск, просили оказать восставшим поддержку вооруженной силой»[3]).

Об этом же сообщает телеграмма советского полпредства из Хивы в Ташкент: «После усиленной агитации пролетариат Хивы восстал против Джунаид-хана. Везде идет бой. К нам прибыла делегация. Просят помощи. Положение серьезное»[4]).

Таким образом, в тылу врагов советской власти, в тылу банд Джунаид-хана, Филичева и Хан-Максума разгоралось народное восстание. Трудящиеся Хорезма, поднявшиеся на революцию против антинародной, грабительской диктатуры Джунаид-хана, просили у турткульских большевиков помощи и поддержки Красной Армии. В такой обстановке джунаидцы не могли оставаться в районе Чимбая, — они немедленно перешли на левый берег для борьбы с партизанскими отрядами восставших туркменских и узбекских дайхан и ремесленников.

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 236 и д. 479, л. 22—24.
[2]) Там же. В этом бою был ранен и сам Филичев.
[3]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 308.
[4]) Там же, л. 307.

Учитывая создавшееся в Хиве положение и настоятельные просьбы трудящихся Хорезма, Реввоенсовета Туркфронта за подписью В. В. Куйбышева отдал распоряжение командованию Турткульского гарнизона приступить к подготовке перехода в пределы Хивинского ханства с целью оказания помощи трудящимся массам Хорезма, восставшим против диктатуры Джунаид-хана[1]). Для этой цели были посланы из Ташкента и Чарджоу ряд политработников и третий батальон пятого туркестанского советского полка, прибывшие в Турткуль 30 ноября 1919 года[2]).

Но во главе военно-политической работы в Турткуле оказался разоблаченный потом матерый троцкист Георгий Скалов. Он приехал в Турткуль в качестве уполномоченного Реввоенсовета республики и привез с собой группу младохивинцев, выдвинув их вперед как «представителей» революционной массы Хорезма.

Что из себя представляли младохивинцы, мы уже видели выше (см. главы I, II, III). Младохивинцы никогда не были широкой массовой партией, а были, в лучшем случае, изолированным от массы кружком буржуазных реформистов. В свое время младохивинцы попытались выступить против деспотизма Исфендиар-хана, ограничивавшего развитие торговли и промышленности и постоянно угрожавшего имуществу буржуазии. Младохивинцы «боролись» с ханом совершенно изолированно от масс, без поддержки трудящихся дайхан и ремесленников. И борьба с ханом была, по существу, борьбой за право монопольной эксплоатации трудового дайханства и ремесленников. Они никогда не возглавляли революционных выступлений народных масс и не могли возглавить их не только потому, что они боялись народной революции, но и потому, что их программа была основана на догмах шариата. Младохивинцы поддерживали Джунаид-хана, когда тот вместе с Зайцевым утопил в крови народное движение шаммикельцев, и в дальнейшем стали выступать против его диктатуры лишь потому, что рассматривали ее как диктатуру хивинских туркмен над узбеками.

Весной 1918 года младохивинцы распались на три части: одна из них — группа крупной буржуазии во главе с братьями Бакаловыми — отошла от младохивинского движения, занялась промышленной деятельностью, скупая у джунаидцев за бесценок награбленное ими, и лакейски служила Джунаиду в качестве его агентов в Бухаре, Ашхабаде и Мары; другая часть младохивинцев, принадлежавшая по своему социальному положению к бедным ремесленникам и мелким торговцам, осознала, что программа младохивинцев не отражает их интересов, отошла от младохивинцев, перестала себя считать и называть ими. Бедняцкие элементы этой части бывших младохивинцев ушли в Турткуль, где вступили в революционные добровольческие отряды коммунистической партии (Байбеков и другие).

Третья часть младохивинцев, составлявшая их идеологическую верхушку, во главе с Пальван-Нияз-Ходжа Юсуповым и Молла-Джума-Нияз-Султан Мурадовым эмигрировала в Ташкент, Фергану, Чарджоу и Турткуль. Эта небольшая группа, насчитывавшая всего около трех десятков человек, и явилась в рассматриваемый период единственными младохивинцами, демагогически выступавшими всюду от имени всего хивинского народа. До начала осени 1919 года эта группа младохивинцев факти-

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 306.
[2]) Там же.

чески не признавала Советскую власть и искала себе покровительство и поддержку у контрреволюционеров всех мастей[1]). Но когда ряд контрреволюционных очагов в Средней Азии был ликвидирован Советской властью, бродячие младохивинцы, этот штаб без армии, были вынуждены изменить свою тактику и перекраситься в красный цвет.

Поняв, что Советская власть как в России, так и в Туркестане становится все прочнее, и прочнее воочию увидев, что большевики, где бы они ни появились, быстро овладевают массой и всюду побеждают, узнав, что Красная Армия обещает поддержать борьбу хивинского народа против диктатуры Джунаид-хана и не вмешиваться после свержения этой диктатуры во внутренние дела Хивы, младохивинцы решили объявить, себя «друзьями» Советской власти и «представителями» хивинской народной революции для того, чтобы свергнуть Джунаида и установить в Хиве диктатуру младохивинской буржуазии. Такова была тактика младохивинцев в новой обстановке.

Большевики и Советское правительство Туркестана, конечно, знали подлинное социальное и политическое лицо младохивинцев. К этому времени уже имелся горький опыт, полученный в период сотрудничества с бухарскими джадидами (младобухарцами), являвшимися политическими близнецами младохивинцев[2]). Младохивинцам, как и младобухарцам, всячески покровительствовали троцкисты и другие враги народа. Воспользовавшись своим высоким положением в партийных и советских органах Туркестана, троцкисты выдвигали и рекламировали джадидов и младохивинцев как «туземных революционеров», «единственных представителей угнетенных национальностей» и т. д. Троцкисты пытались таким путем дискредитировать в глазах масс политику партии большевиков и Коминтерна по национальному вопросу.

Младохивинцы, пользуясь покровительством, троцкистов, создавали свои комитеты в Ташкенте и в других городах.

Младохивинские эмигранты уверяли всех, что они пользуются большим авторитетом среди трудящихся Хивы, они распускали слухи о том, что в их распоряжении находятся тысячи вооруженных людей в Хорезме, и т. д. Все это было сплошным вымыслом. Никакой вооруженной силы младохивинцы в своем распоряжении не имели, сторонники их исчислялись единицами: в Турткуле, например, насчитывалось по одним данным, не более 10—15 младохивинцев, а по другим — не более 5—6 человек[3]).

Организованный большевиками в Турткуле из бедняков и батраков добровольческий отряд, насчитывавший более 600 человек, младохивинцы считали делом своих рук и записывали в счет своих «заслуг».

Больше того, извращая факты и действительность, младохивинцы объявляли Шамми-Келя, Гулам-Али и Гочмамед-хана «членами» младохивинской партии, стремясь использовать их борьбу против Джунаид-хана и Исфендиар-хана в своих политических целях. Так, например, один из видных главарей младохивинцев Султан Мурадов, повидимому, для того, чтобы выпросить у Советской власти Туркестана материальную поддержку для своей организации, в июне 1918 года писал в своей докладной записке:

«Шамми-Кель и Гулам-Али, принадлежащие к партии младохивин-

---

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 125.

[2]) Б. Гафуров, Н. Прохоров. Падение бухарского эмирата. Сталинабад, 1940, стр. 62.

[3]) ИИКП Уз., д. 479, л. 12. Стенографический отчет воспоминаний участников Хивинского фронта.

цев[1]), воюют с Джунаидом и ханом (Исфендиаром — Г. Н.), силы у последних больше, они имеют крупные денежные средства, первые же денежными средствами не располагают»[2]).

Один из политработников советских войск в Турткуле, характеризуя степень влияния младохивинцев на народную массу, писал в своем докладе в Ташкент:

«Младохивинцы раздувают свое значение и силу, как мыльный пузырь, влияние же их в Хиве почти равно нулю, работы они не ведут никакой, надеются загребать нашими руками... Решающая в Хиве сила вовсе не младохивинцы, а туркмены»[3]) (подразумеваются туркменские партизаны — Г. Н.).

Действительно, в этот момент решающей силой был народ, революционная масса туркменских и узбекских дайхан и ремесленников. Младохивинцы не могли влиять на эти массы и пользоваться среди них авторитетом, ибо уже в период меджлиса они разоблачили себя в глазах народа, как предатели его интересов, как шкурники и авантюристы. В разгар революционного движения они трусливо скрывались вне пределов Хивы, боясь за свою жизнь. Узбекские дайхане и ремесленники, не говоря уже о туркменах, видели в верхушке младохивинцев своих жестоких эксплоататоров и угнетателей, бывших ханских сановников, чиновников, крупных торговцев, вахымдаров и т. д.

Вот совершенно правильная характеристика председателя ЦК младохивинцев Пальван-Нияз-Ходжа Юсупова и председателя Турткульского комитета младохивинцев Молла-Джума-Нияз-Султан Мурадова, сделанная одним из советских работников Турткуля:

«Пальван-Нияз Юсупов — бывший крупный коммерсант, экспортер хлопка, владелец хлопкоочистительного завода — в числе своих родственников имел много влиятельных чиновников при хане и сам состоял долгое время на службе у Исфендиар-хана, часто сопровождая его в Петербург в качестве советника по торговым делам. Отсутствие определенных политических взглядов и необходимой силы воли, боязнь потерять свое положение, которым он очень дорожит, делают его в высшей степени податливым на все, легко подчиняющимся всякому влиянию. Хорошо знает и строго соблюдает все обряды мусульманства, творит «намаз» при всякой обстановке»[4]). О Султан Мурадове в том же документе читаем: «...Бывший торговец. Полнейшая беспринципность и восточное интриганство делают его опасным человеком... По своим нравственным и политическим качествам — величина отрицательная»[5]).

Подавляющее большинство верхушки младохивинцев было как по социальному положению, так и по своему политическому характеру такими же людьми, как Юсупов и Султан Мурадов. Естественно, что эти люди не могли пользоваться в народе авторитетом и не имели права претендовать на звание «руководителей» хивинской народной революции.

Младохивинцы в Турткуле, Чарджоу и Ташкенте, пользуясь покровительством троцкистов, приносили огромный вред делу подготовки хивинской народной революции.

Младохивинцы считали ненужным и бесполезным просвещать тру-

---

[1]) Это было совершенно ложное, ни на чем не основанное заявление. Они никогда не принадлежали к партии младохивинцев.

[2]) ЦГАОР УзССР, ф. Туркцика, арх. № 79, л. 22—23.

[3]) НИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 75. Сборник материалов к истории революции в Хиве.

[4]) Там же, л. 108—109, еще см. д. 349, л. 3—4.

[5]) Там же, л. 109.

дящиеся массы Хивы, проводить среди них разъяснительную работу и организовать их вокруг большевистских лозунгов. «Агитация среди туркмен не принесет никакой пользы», — говорили и писали младохивинцы в начале ноября 1919 года[1]).

Младохивинцы старались толкнуть командование советских войск на авантюру, требуя немедленного перехода частей Красной Армии на левый берег. 3 ноября они требовали, чтобы Шайдаков срочно запросил разрешения из центра и в случае неполучения ответа в течение 10 дней самовольно вступил бы в пределы Хивы[2]).

Когда Шайдаков отказался итти на такую авантюру, младохивинцы во главе с Юсуповым и Султан Мурадовым жаловались на Шайдакова в центр, интригуя против турткульских большевиков.

Действуя таким образом, младохивинцы хотели поспешным вмешательством в хивинское дело дискредитировать Красную Армию и национальную политику партии большевиков, отстранить от активного участия в революции трудящихся Хивы, выступивших под руководством коммунистов против своих эксплоататоров, за Советскую власть в Хорезме. Намерения младохивинцев совпадали с целями троцкистов.

В отношении к хивинским туркменам у младохивинцев не произошло никаких изменений. Они борьбу с Джунаид-ханом хотели заменить борьбой с хивинскими туркменами и пытались толкнуть на этот гибельный путь Красную Армию.

Младохивинцы раньше видели в лице туркменских верхов своих соперников в торговле и эксплоатации трудовых дайхан туркменских районов; теперь они рассматривали Гочмамед-хана, Гулам-Али-хана, Молла-Ораз-машырыка и других руководителей туркменских партизанских отрядов, как своих соперников в борьбе за власть в Хиве после свержения Джунаида.

Поэтому младохивинцы старались сеять в среде партийных и советских работников как в Турткуле, так и в центре недоверия к выступлениям туркменских дайхан против диктатуры Джунаид-хана. Командованию советских войск младохивинцы характеризовали восстания туркменских трудящихся против джунаидцев, как «обычные родовые раздоры». Один из новых работников Турткульского ревкома 26 ноября отправил в Ташкент телеграмму, где говорится:

«Выясняется некоторое расхождение младохивинцев, стремящихся к меджлису, и посланцем иомудов (бывшим в Ташкенте), который говорит: «После уничтожения Джунаида делайте как хотите, нам важно лишь избавиться от Джунаида». Судя по здешним сведениям (то есть по сведениям младохивинцев — Г. Н.), восстание имеет характер обычных у туркмен родовых раздоров... Пребывание главных сил младохивинцев в Ташкенте, где они совершенно оторваны от событий в Хиве и не имеют возможности оказывать на них влияние, почти бесполезно»[3]).

Такова была в рассматриваемое время тактика младохивинцев, которым покровительствовали троцкисты (Скалов и К°) в Ташкенте и Турткуле. В начале декабря 1919 года Джунаид делает последнюю попытку организовать поход на правый берег. Он получает несколько тысяч винтовок и значительное количество боеприпасов, отправленных ему агентами белогвардейцев и интервентов из Красноводска и Мангишлака по караванным тропам[4]). С помощью духовенства Джунаид

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 287.
[2]) Там же.
[3]) Там же, л. 310.
[4]) Из рассказов очевидцев.

сумел организовать и вооружить еще несколько бандитских отрядов, скомплектованных, главным образом, из разного рода преступных элементов и деклассированного городского населения. Опираясь на эти силы, джунаидцы огнем и мечом подавили восстание дайхан племени гарадашлы и емрели в районе Ильялы. Окруженный джунаидцами, всегда неустойчивый, Гулам-Али-хан сдался Джунаиду[1]).

Почти каждый день на базарах объявлялись через джарчиев приказы Джунаида о том, чтобы каждое хозяйство в течение двух дней доставило в распоряжение его хакимов по одному вооруженному человеку или же заплатило по 300 рублей «уруш салгыт» (военный налог). В случае невыполнения этого приказа глава хозяйства должен быть расстрелян с конфискацией всего имущества. Ежедневное повторение мобилизационного приказа показывало, что несмотря на жестокое наказание, он плохо выполнялся населением.

На этот раз Джунаид особенно тщательно подготавливал новый поход на советский берег. Все левобережные населенные пункты — Мангит, Кипчак, Гурлен, Газабад, Хива, Ханка, Ташауз, Куня-Ургенч, Ходжейли, Хазарасп, Ургенч, Дарган-Ата — были полны хорошо вооруженными всадниками-джунаидцами. Сам Джунаид с Черрик-баем стоял в Ходжейли с двумя тысячами нокеров, готовыми переправиться в сторону Нукуса[2]).

Получив эти сведения, Шайдаков сообщил в Ташкент:

«Иомуды — противники Джунаида — настаивают на скорейшем оказании им помощи. Восставшая против Джунаида часть иомудов была принуждена сложить оружие. Остальные племена готовы к восстанию, ждут нашего перехода границы, как сигнала. Этого сигнала ждут весьма нетерпеливо. Дальнейшее промедление очень нежелательно, так как истолковывается, как нежелание оказать помощь, и дает почву агитации мулл и ишанов, говорящих, что русские хотят лишь стравить туркмен между собою, а затем отомстить за налет прошлого года»[3]).

10 декабря Джунаид переправил на правый берег около Кипчака 800 всадников. Предупрежденный об этом отряд Шайдакова, выступивший из Нукуса, и часть 3-го батальона 5-го Туркестанского советского полка, выступившая из Турткуля, успели во время подойти к месту переправы джунаидцев. Произошел жестокий бой. Джунаидцы, потеряв более 200 человек убитыми и потонувшими в реке, бежали обратно. 20—21 декабря сам Джунаид попытался переправиться из Ходжейли в сторону Нукуса с целью захватить этот город и соединиться с бандами Хан-Максума и белоказаков. Но отряды Джунаида под Нукусом снова терпят поражение и откатываются обратно в Ходжейли (в 12 верстах на юго-запад от Нукуса[4]).

Товарищи Фрунзе и Куйбышев, внимательно следившие за событиями в Хиве и Аму-Дарьинской области, сочли необходимым помочь трудящимся Хивы освободиться от разбойничьей банды Джунаида и решительно ликвидировать банды мятежных кулаков-баев Чимбайского участка. В соответствии с указанием товарища Фрунзе 22 декабря был отдан следующий приказ по командованию советских войск Турткуля: «Реввоенсовет Туркестанской республики, считая борьбу с казацко-иомудской авантюрой затянувшейся, и предупреждая готовящееся

[1]) Из рассказов старожил.
[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 222.
[3]) Там же, л. 195.
[4]) Там же, л. 221.

нападение на наш берег, ставит войскам Аму-Дарьинской группы задачу скорейшей ликвидации Филичевой авантюры и последних остатков белогвардейщины в Аму-Дарьинском отделе»[1]).

По указанию товарища Фрунзе, Шайдаков был назначен заместителем уполномоченного Туркреввоенсовета (тоесть заместителем Скалова). Части советских войск, находившиеся в Аму-Дарьинской области, были разделены на два действующих отряда; на северный, под командованием Шайдакова, и на южный, руководимый Урядовым, главнокомандующим обоих отрядов был назначен Щербаков.

В соответствии с директивами Туркреввоенсовета, командование советских войск в Турткуле несколько раз обращалось к трудящимся Хивы с воззваниями, в которых разъяснялась сущность джунаидской авантюры, цель и задачи перехода частей Красной Армии на левый берег. «Российская Советская власть, — говорится в воззвании, — которой одинаково близки интересы и нужды всех трудящихся без различия национальностей и вероисповеданий, сочла необходимым отозваться на призыв мирного населения Хивы и уничтожить Джунаида, агента иностранной буржуазии и союзника русских белогвардейцев. Мы не воюем с Хивой, не посягаем на независимость Хивы и не будем вмешиваться в дела ее внутреннего управления, ибо хивинский народ сам знает, какое ему нужно правительство и свободно проявит свою волю»[2]).

Эти воззвания, быстро распространенные на базарах ханства и прочитанные в аулах большевистскими агитаторами, были встречены трудящимися с великим энтузиазмом и вызвали большую растерянность среди всех джунаидцев Хорезма.

В результате усиленной агитации коммунистов в Ургенче, Мангите, Ходжейли, Ильялы, Куня-Ургенче, Хиве и Ташаузе снова вспыхнули восстания. Партизанские отряды восставших дайхан, чоудоров во главе с Комек-гедаем и Чашем-охраном, колли-иомудов во главе с Гочмамедом и Кемине-шихом, тахтинских иомудов во главе с пастухом Мамед Ораз-чиштелпеком, племени гарадашлы во главе с Молла-Новрузом, рода машырыков во главе с Молла-Оразом, узбекской бедноты в районе Ташауза во главе с батраком-коммунистом Матназар Якубовым открыли настоящую войну с джунаидцами в своих районах[3]).

Эта партизанская война сковала значительную часть джунаидцев в центре страны и не дала возможности Джунаиду собрать свои силы в один кулак против готовящегося наступления советских войск. Благодаря этому северный отряд Шайдакова смог быстро нанести ряд тяжелых поражений бандам белоказаков и кара-калпакских баев Чимбайского участка, в конце декабря вынужденных просить о заключении мирного договора.

После этого северный отряд в 400 человек бойцов, вооруженный тремя орудиями и двумя пулеметами, по приказу главного командования в Турткуле, 28 декабря 1919 года высадился на левом берегу под гор. Ходжейли[4]).

Одновременно выступил из Турткуля южный отряд в 430 бойцов, вооруженный двумя орудиями и тремя пулеметами; он переправился на левый берег около Уральского поселка и при активной помощи восставших горожан с боем занял Ханку и Ургенч[5]).

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 222—223.
[2]) Там же, л. 311—312.
[3]) Из рассказов очевидцев и участников.
[4]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 240.
[5]) Там же, л. 241.

Порабощенная масса трудящихся Хивы, воодушевленная помощью Красной Армии, вступила под руководством большевиков в последний и решительный бой с правительством ханов, хакимов, мохердаров и кетхудов. При приближении Красной Армии повсюду поднимались восстания против ханской власти.

Едва северный отряд начал бой под Ходжейли, в самом городе вспыхнуло восстание бедноты и батрачества. Отряд восставших во главе с ремесленником-партизаном Орун Юсуповым присоединился к бойцам Шайдакова[1]).

Преодолев отчаянное сопротивление джунаидских банд, шайдаковцы к вечеру 29 декабря заняли гор. Ходжейли. Трудящееся население города с большой радостью встретило красных бойцов.

Потеряв Ходжейли, Джунаид-хан приказал Черрик-баю с отрядом в 200 всадников выступить к местечку Кетменчи — на восток от Ходжейли, а Ушак-балу с отрядом в 100 всадников стоять в местечке Мазлум-хан-сулу — на юге от Ходжейли — с тем, чтобы задержать наступление Шайдакова в сторону Куня-Ургенча и не дать ему возможности соединиться с чоудорским и колли-номудским партизанскими отрядами. Сам Джунаид направился в Ургенч, чтобы преградить путь наступления южного отряда в сторону города Хивы. С ним отправился ходжейлинский бек со своими ясаулами.

4 января 1920 года в Ходжейли прибыл Гочмамед-хан в сопровождении 16 всадников и заявил Шайдакову, что его партизанские отряды сражаются с Черрик-баем и Ушак-балой под Мазлум-хан-сулу и просят красных бойцов немедленно выступить из Ходжейли на помощь туркменским партизанам. Оставив в Ходжейли гарнизон в 40 человек под начальством коммуниста Костыкова, шайдаковцы двинулись в сторону Куня-Ургенча, расположенного в 35 верстах к юго-западу от Ходжейли. В пути к ним присоединились партизанские отряды машырыков в 80 человек во главе с Молла-Оразом и чоудоров в 40 человек во главе с Чашем-охраном[2]).

Банды Черрик-бая и Ушак-бала, не выдержав натиска красных бойцов, бежали до самого Куня-Ургенча. Лишь под Куня-Ургенчем разбойники Джунаида в количестве около 500 всадников оказали серьезное сопротивление, но, потеряв 50 человек убитыми и столько же ранеными, отступили в сторону Ак-Тепе (между Куня-Ургенчем и Ильялы). Во время боя под Куня-Ургенчем многие нокеры джунаидцев перешли на сторону красных. 7 января северный отряд вместе с партизанами колли-номудов, чоудоров, машырыков и ходжейлинцев занял Куня-Ургенч[3]).

Храбрость, мужество и дисциплинированность красноармейцев вызвали восторг и изумление у дайхан. Гочмамед-хан заявил Шайдакову: «Сколько здесь ни бывало русских войск при старом режиме, но таких храбрецов еще не было»[4]).

В Куня-Ургенче Шайдакову донесли, что в крепости Эмин-кала, в 12 верстах на северо-запад от Куня-Ургенча, собралось 60 человек белоказаков и около 400 всадников-джунаидцев, намеревавшихся окружить Куня-Ургенч. Объединение этой группы белоказаков с джунаидцами произошло при следующих обстоятельствах. Уральский казачий атаман Толстов еще в начале октября прошлого года в своем обращении к Джунаиду обещал притти ему на помощь. Но части Красной Армии под

[1]) Из рассказов участников.
[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 237 и рассказы очевидцев и участников.
[3]) Там же, л. 236.
[4]) Там же, л. 238.

командованием Фрунзе разгромили на Урале войска белоказаков. Остатки разбитых белоказаков собрались в гор. Гурьеве и с участием представителей иностранных интервентов составили следующий план: отправить в Хорезм экспедицию, которая организует там «дикую дивизию» из хивинских туркмен и объединит чимбайских белоказаков с Джунаидом. Новое контрреволюционное войско должно было взять Турткуль, присоединиться к войскам эмира бухарского и наступать на Ташкент...

Экспедиция в составе 130 казаков и 8 офицеров под начальством полковника Худянева вышла на баркасах из Гурьева по Каспийскому морю, доплыла до Жилой Косы (около Мангишлака), затем через Адаевскую степь Усть-Урта двигалась на телегах и на верблюдах до Кунграда. В пути, в Адаевской степи, в боях с казахами полковник Худянев был убит. Его заменили офицеры Хункалов и Ситников. Экспедиция прибыла в Кунград 2 января 1920 года и привезла 1 орудие, 500 снарядов, 5 пулеметов, 1 500 трехлинейных винтовок, более 1 миллиона патронов и много других припасов[1]).

В Кунграде экспедиция узнала о ходе наступления советских войск против Джунаида. Здесь она разделилась на два отряда: один отряд под начальством Хункалова пошел на Чимбай, где, присоединившись к банде Филичева, вооружил последнюю и стал подготавливать поход на Нукус и Ходжейли, другой отряд под начальством Ситникова пошел на Куня-Ургенч, имея целью соединиться в этом районе с джунаидцами, а затем итти в Ургенч на помощь Джунаиду.

К вечеру 9 января Ситников остановился в крепости Эмин-кала. Хозяином этой крепости был Эмин-хан, один из колли-юмудских мохердаров и джунаидских атлыбашиев.

Это был как раз тот момент, когда Эмин-хан, собрав колли-юмудских феодалов, готовился к нападению на Куня-Ургенч, занятый красными, и появление Ситникова оказалось как раз кстати, —колли-юмудские феодалы встретили его с большой радостью. Но трое из батраков Эмин-хана сорвали планы «союзников», сообщив ночью в Куня-Ургенч об их намерениях[2]).

Рано утром 10 января Шайдаков вместе с Гочмамед-ханом повел наступление на Эмин-кала. В результате ожесточенного боя вражеское гнездо было разгромлено, более 100 человек из нокеров Эмин-хана перешли на сторону красных, оставшиеся в живых белоказаки бежали обратно в Кунград, а колли-юмудские феодалы ушли к Джунаиду. Попытался убежать и сам Эмин-хан, но был схвачен партизанами и тут же расстрелян лично Гочмамед-ханом[3]).

Героические действия красноармейцев в боях, их высокая морально-политическая выдержанность, умение коммунистов находить общий язык с руководителями партизан, их большевистская искренность и прямота, с которой они привлекали к себе местных батраков и бедняков,—все эти и многие другие замечательные качества красных бойцов, командиров и политработников северного отряда высоко поднимали авторитет Красной Армии и Советской власти среди местных трудящихся. Это видно хотя бы из того, что к вечеру 11 января число партизан, присоединившихся к шайдаковцам, дошло, по официальным данным, до 1 000, а по рассказам очевидцев — до 2 000 человек[4]).

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 244—245 и д. 479, л. 33.
[2]) Рассказ участников.
[3]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 242 и рассказы очевидцев и участников.
[4]) Там же, л. 243 и из рассказов очевидцев и участников.

Правда, волчья колониальная политика царизма, проводившаяся в течение многих десятилетий, приучила хивинских дайхан недоверчиво смотреть на русских, и это тяжелое наследство царизма, естественно, не могло быть сразу же изжито из сознания туркменских трудящихся. Но уже через несколько дней после прихода советских войск дайхане-партизаны откровенно говорили: «Иолдаш Шайдаков свой человек, он совсем не похож на генерала Галкина[1]), а эти кизыл-эскеры[2]) вовсе не кафуры, они куда лучше наших кафуров-джунаидцев, называющих себя мусульманами»[3]).

Все, кто перешли на службу к Советской власти, стали пользоваться большим авторитетом и всеобщим уважением среди трудящихся масс, им безусловно доверяли, их примеру следовали. Таковыми были, например, Гочмамед-хан, Чашем-охран, Кемине-ших, Комек-гедай, Молла-Ораз-машырык и многие другие предводители партизан.

По решению командования северного отряда, всех местных партизан, присоединившихся к шайдаковцам, стали называть добровольцами и объединили в один общий добровольческий отряд Гочмамед-хана, сделали его «баш командиром» (командующим)[4]).

12 января Шайдаков с добровольческим отрядом в 150 человек под начальством Кемине-шиха поспешно выехал из Эмин-кала по направлению к Ургенчу, чтобы предупредить главкома о возможном нападении чимбайских белоказаков на Нукус, Ходжейли и Турткуль. В Эмин-кала он оставил руководителем вместо себя Ваничкина — начальника штаба северного отряда, приказав ему двигаться вместе с Гочмамедом по направлению Порсы-Ильялы — Ташауз — Тахта. В пути, на территории Порсинского района, к Шайдакову присоединился другой партизанский отряд чоудоров в 200 человек во главе с Комек-гедаем[5]).

Южный отряд советских войск с момента занятия им Ургенча был осажден в этом городе джунаидцами, а Скалов со «штабом» младохивинцев все еще сидел в Турткуле.

Джунаид-хан, сосредоточив вокруг Ургенча несколько сот всадников, пытался сломить сопротивление мужественных красных бойцов многочисленными атаками, но каждый раз отступал с большими потерями. Осажденные в Ургенче красноармейцы под начальством Урядова и добровольческий отряд узбекской бедноты под командованием коммуниста Байбекова часто организовывали контратаки и наносили врагу большой урон.

17 января в тылу джунаидцев, с северной стороны Ургенча, появился Шайдаков с добровольческими отрядами Кемине-шиха и Комек-гедая, а с юго-восточной стороны в тыл осаждающим зашел отряд восставших ремесленников — бедняков и батраков города Хивы во главе с Досниязусты Матмурадовым. Джунаидцы немедленно сняли осаду и отступили к Газабаду и Тахте[6]).

Главное командование решило сначала покончить с Джунаидом, а потом заняться чимбайскими белоказаками и потому приказало всем отрядам итти на Газабад, где Джунаид готовился дать решительный бой. Отряды Ваничкина и Гочмамед-хана, выступив еще 14 января из Куня-Ургенча, почти боз боя заняли Порсы и Ильялы. В Порсы к час-

---

[1]) Имеется в виду генерал Галкин.

[2]) Кизыл-эскер — красноармеец.

[3]) Из рассказов очевидцев и участников. Здесь термин «кафур» или «кафыр», что значит «неверный», употребляется и по отношению людей жестоких, безжалостных, несправедливых.

[4]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 243 и дополняется рассказами очевидцев и участников.

[5]) Там же и дополняется рассказами очевидцев и участников.

[6]) Там же, л. 244 и дополняется рассказами участников.

тям Красной Армии явился Гулам-Али-хан, который до второй половины декабря 1919 года находился в плену (как он объяснял) у Джунаида и теперь изъявил свое желание «честно служить делу народной революции». Доброотрядцы, приняв его к себе, удачно при этом вспомнили народную пословицу «кимин дарысы пишсе, шонын товугы («курица у того, у кого поспевает овес»). Считая пока целесообразным использовать Гулам-Али-хана, доброотрядцы поручили ему командование небольшим отрядом[1]).

19 января советские и добровольческие отряды подошли к Газабаду. Число добровольцев, действовавших совместно с советскими частями против банд Джунаида, уже превышало, по официальным данным, 3 000, а по рассказам очевидцев — 5 000 человек[2]).

Банды Джунаид-хана теперь сконцентрировались в Газабаде, Бедеркенте, Тахте и не превышали уже 1 500 всадников. Среди них оказалось несколько десятков текинских белогвардейцев «асхабадцев» во главе с Ходжа-Кули-ханом и Хак-Мурад-гургенли и десяток казаков-чимбайцев[3]).

Сражение началось утром 20 января в Газабаде. Многие из джунаидских нокеров, из силою мобилизованных дайхан, стали группами переходить на сторону революционных войск. Джунаид-хан покинул свою крепость задолго до конца сражения и вместе со своими «советниками» (в том числе и Ходжа-Кули-ханом) и видными атлыбашиями под охраной около 300 отборных нокеров тайком бежал в пустыню Кара-Кум. За несколько дней раньше он туда же эвакуировал имущество и семьи своих приближенных. Как рассказывают очевидцы, Джунаид отправил в Кара-Кумы десятки верблюдов, нагруженных одним только золотом, серебром, серебряными украшениями, шелком, коврами и прочими драгоценностями, награбленными им у населения Хивы в течение двух лет своего диктаторства[4]). К концу дня 20 января революционные отряды заняли Газабад, Бедеркент и Тахту. Трудящиеся этих районов радостно встретили своих освободителей. 24 января все отряды вышли из Тахты и остановились на отдых в Ташаузе и Ильялы.

Еще 18 января в Ургенч, в ставку главкома, прибыла делегация в 20 человек от восставшего населения города Хивы с просьбой послать в столицу отряд красноармейцев для защиты населения столицы от массового ограбления и расстрелов, чинимых при отступлении джунаидцами.

Теперь трудящиеся столицы снова прислали в Ташауз своих представителей и просили красные части поскорее прибыть в гор. Хиву. Южный отряд советских войск вместе со штабом главкома 25 января торжественно вошел в Хиву к великой радости трудящихся всего Хорезма..

С огромным воодушевлением встретили трудящиеся страны низвержение кровавой диктатуры Джунаида. Как только сопротивление было сломлено и стало известно о бегстве Джунаида, все города страны украсились красными флагами.

Народ, одетый в праздничные одежды, приветствовал вступающие в Тахту, Ташауз, Ильялы, Хиву и Ургенч советские войска и местные революционные отряды криками: «Яшасын инкылап!», «Яшасын кизыл-

---

[1]) Из рассказов участников.

[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 2, л. 245 и дополняется рассказами очевидцев и участников.

[3]) Там же, л. 242.

[4]) Там же, л. 245 и дополняется рассказами очевидцев.

ное правительство согласилось на эти народные требования еще и потому, что эти сановники хана в свое время активно помогали Джунаиду и Исфендиар-хану преследовать партию младохивинцев[1]).

22 апреля в городе Хиве открылся 1-й Всехорезмский курултай (съезд народных представителей), продолжавший свою работу до 30 апреля.

Временное правительство не обеспечило участия народных масс в выборах депутатов в курултай: «депутаты» избирались по заранее составленному младохивинцами списку.

Конституция, принятая на этом курултае, объявила Хивинское ханство упраздненным и провозгласила независимую Хорезмскую Народную Республику. Курултай избрал высший орган власти — совет назиров (министров).

Таков был первый этап хивинской народной революции, свергнувшей ненавистную ханскую власть и сделавшую Хиву независимой народной республикой. Эту революцию совершила трудовая масса Хорезма под руководством партии большевиков, при активной поддержке русского пролетариата в лице Красной Армии. Однако хивинская народная революция на данном этапе своего развития не привела к власти подлинных представителей трудящихся масс. Троцкистскими изменниками, пробравшимися в руководство советского командования в Хиве, власть была передана в руки младохивинцев, являвшихся представителями местной контрреволюционной буржуазии. Отдаленность Хивы от пролетарских, советских центров, отсутствие в ней местного промышленного пролетариата помогли троцкистам отдать власть в Хорезме буржуазии.

Действие троцкистской верхушки вызвало возмущение в большевистской части командования по вопросу о ханском манифесте и составе нового правительства. В советском командовании в Хиве шел спор между сторонниками большевистской национальной политики (Шайдаков и другие) и между троцкистами, противниками национальной политики партии (Скалов и другие). Вскоре Скалов и Шайдаков были отозваны в Ташкент, где Реввоенсовет Туркестанской республики наградил Шайдакова орденом Красного Знамени за боевые заслуги на Хивинском фронте. Скалов был привлечен к ответственности по обвинению в связи с контрреволюционными группами и в проявлении царского колонизаторства в Хиве[2]).

Само собою разумеется, что дайханство не удовлетворилось одним лишь свержением хана и объявлением республики. Оно требовало разрешения своих жизненных вопросов, прежде всего, разрешения вопросов о земле и воде. Коммунисты и красноармейцы разъясняли хивинским дайханам, что эти вопросы могут быть разрешены лишь в том случае, если у власти будут стоять подлинные представители народа во главе с партией большевиков.

Естественно поэтому, что трудящиеся Хивы, давно знакомые с эксплоататорским характером младохивинцев, проявили большое недовольство составом нового правительства. С первых же дней существования нового правительства начались выступления трудовых дайхан против него. Хивинская народная революция не закончилась, как этого хотели младохивинцы. Она продолжалась и весною 1921 года привела к свержению диктатуры младохивинской буржуазии и установлению в Хиве Советской власти.

---

[1]) Там же, л. 175.
[2]) Архив УзФ. ИМЭЛ, ф. 57, оп. 1/1, д. 6, л. 16—17.

Глава VII

ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ХИВИНСКИХ ТУРКМЕН ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ МЛАДОХИВИНЦЕВ

В результате победы народной революции, по решению 1-го Всехорезмского курултая, в апреле 1920 года на территории бывшего Хивинского ханства возникло новое государственное образование — Хорезмская Народная Советская Республика (ХНСР).

Новая республика была бедна и разорена, культурные орошаемые земли занимали незначительную часть ее территории.

Общая площадь орошенных земель, ввиду отсутствия точных съемок, определялась различными источниками по-разному. Во всяком случае она, по наиболее вероятным данным, не превышала 450 тысяч десятин, из которых удобная посевная площадь составляла 376 тысяч десятин, или 920 тысяч танапов[1]). Правительственные данные 1923 года определяли эту площадь еще ниже, а именно в 700—750 тысяч танапов[2]).

Общее количество хозяйств колебалось, по различным источникам, от 80 до 137 тысяч[3]). Наиболее вероятной представлялась, за округлением, цифра в 100 тысяч хозяйств, из которых около 61 тысяч кочевых[4]). Так же колебалась по отдельным источникам и общая цифра населения. Наиболее вероятна цифра от 800 тысяч до 1 миллиона человек[5]). Из этого числа городское население составляло не свыше 7%[6]).

Вполне понятно, что ХНСР, возникшая с братской помощью великого русского народа, не могла бы существовать и развиваться без всесторонней помощи РСФСР. Вот почему делегация ХНСР, избранная 1-м Всехорезмским курултаем, 13 сентября 1920 года в Москве с великой радостью подписала Союзный договор между ХНСР и РСФСР[7]).

Этот договор совершенно ясно выразил ленинско-сталинскую национальную политику Советской России в отношении Хивы. В договоре было сказано:

«Исходя из провозглашенного РСФСР права всех народов на свободное самоопределение и отказа от колониальной политики бывших правительств России, эксплоатировавших и угнетавших бывшее Хивинское ханство и его трудящихся, — Россия безоговорочно признает полную самостоятельность и независимость Хорезмской Советской Народной Республики со всеми вытекающими из такого признания последствиями и во имя осуществления лозунгов, за которые борются россий-

---

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 20, л. 1.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) Там же.
[7]) Там же.

ские трудящиеся, на вечные времена отказывается от всех тех прав, которые были установлены прежними российскими правительствами по отношению к Хорезмской республике»[1]) (статья 1-я).

«В силу положения, установленного ст. 1 РСФСР считает уничтоженными все договоры и соглашения, заключенные бывшими правительствами России его органами, с одной стороны, и правительствами бывшего Хивинского ханства, — с другой»[2]) (статья 2-я).

РСФСР признает собственностью ХНСР все капиталистические предприятия (банки, заводы, фабрики, торговые предприятия и т. п.), принадлежащие российским гражданам и обществам, а равно и имущество, принадлежащее этим предприятиям (дома, земельные участки, инвентарь и т. п.[3]) (статья 5-я).

Согласно экономическим статьям данного договора РСФСР взяла на себя обязательства послать в ХНСР специалистов по строительству в Хорезме школ, больниц, медицинских пунктов и т. д. Для строительства этих учреждений РСФСР отпустила ХНСР единовременную субсидию в 500 миллионов рублей[4]).

Тогда же между РСФСР и ХНСР были заключены военно-политические и экономические соглашения, согласно которым обе стороны обменивались полномочными представителями. ХНСР создавала свою национальную Красную Армию для совместной борьбы против внешних и внутренних врагов трудящихся Хорезма[5]).

Соратники Ленина и Сталина товарищи Куйбышев и Каганович, работавшие тогда в Ташкенте в Туркбюро ЦК РКП(б) и Туркомиссии ВЦИК, внимательно следили за точным выполнением этих договоров и соглашений. Они проявляли большевистскую заботу о нуждах трудящихся Хорезма. Так, еще 26 июня 1920 года Туркомиссия ВЦИК, заслушав просьбу Хорезмской делегации, по предложению В. В. Куйбышева, постановила отпустить для нужд хорезмской Красной Армии 12 орудий, 1 000 винтовок, 4 пулемета, 200 тысяч патронов и выделить 20 человек, военных инструкторов. Туркомиссия ВЦИК направила в школы ХНСР 10 педагогов и учебные пособия на 1 000 учащихся (900 для начальных школ и 100 для педагогических училищ), направила для медицинских учреждений ХНСР 3 врачей, 8 фельдшеров и все необходимые медикаменты, помогла открыть в городе Хиве типографию, отпустила 1 миллион аршин мануфактуры для населения Хорезма, выделила 100 тысяч пудов керосина для освещения школ, больниц, учреждений и для нужд промышленных предприятий Хорезма[6]).

Великодушная помощь, оказанная Российской Федерацией в то время, когда народы РСФСР испытывали огромные лишения и нуждались в самом необходимом, вызвала среди трудящихся Хорезма чувство глубокой признательности и любви к правительству РСФСР и большевистской партии.

Но младохивинское правительство Хорезма не разделяло этих чувств широких народных масс. Будучи по своей природе буржуазным, оно со страхом и с трудом скрываемой злобой относилось к РСФСР — великому другу и соседу молодой Хорезмской республики.

Высшим органом власти ХНСР, избранным в апреле 1920 года на

---

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. 69, оп. 1, д. 2, л. 1.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же, л. 4.
[5]) Там же, д. 32, л. 6 и 12.
[6]) Архив УзФ ИМЭЛ, ф. 57, оп. 1/1, д. 6, л. 21—22.

1-м Всехорезмском курултае, является совет назиров («шора назират»). Из 15 назиров (министров), входивших в правительство, 10 принадлежали к партии младохивинцев[1]).

Председателем совета назиров был избран Пальван-Нияз-Ходжа Юсупов (председатель ЦК младохивинцев), а его заместителями Бабаахун (бывший председатель младохивинского меджлиса при Исфендиархане), Молла-Джума-Нияз-Султан Мурадов (видный деятель партии младохивинцев) и Гочмамед-хан (беспартийный[2]).

Многие сотрудники советского полпредства, совершенно объективно характеризуя политическую обстановку в Хиве и деятельность младохивинского правительства, в своих записках и официальных сообщениях писали:

«Что касается положения в самой Хиве, то его можно характеризовать как диктатуру (и довольно малопросвещенную) младохивинцев... В Хорезме сменились одни верхи, но социальные отношения, в существенном, пока остаются те же»[3]). «Все члены правительства состоят из бывших ханских чиновников, крупнейших и средних хлопкозаводчиков и торговцев»[4]).

Младохивинское правительство существовало до 15 марта 1921 года (всего около 12 месяцев). За этот период это правительство даже и не попыталось провести какие-либо мероприятия для улучшения народного хозяйства страны, обновления низового государственного аппарата, организации народного просвещения и здравоохранения. Объясняя причину этого бездействия, один из работников хивинской компартии писал:

«Бездеятельность правительства в смысле проведения решительных мероприятий по улучшению положения трудящихся объясняется не только противодействием ханов и мулл, но и противоречием интересов групп, представленных правительством, с интересами трудящихся»[5]).

Больше того, в своей социально-экономической политике младохивинское буржуазное правительство стало на путь увеличения налогов и феодальных повинностей с трудящихся. Об этом говорилось в докладной записке сотрудника советского полпредства в Хиве:

«Пользование властью для актов личной мести, вообще личных целей (иной раз и материальных), огромное увеличение налогов натурою — все это начинает вызывать растущее недовольство правительством»[6]).

Ничего другого нельзя было ждать от правительства, возглавлявшегося таким председателем, как Пальван-Нияз-Ходжа Юсупов, старавшимся больше всего восстановить свое личное торгово-промышленное предприятие, разрушенное при Джунаид-хане. Так же поступали почти все остальные члены юсуповского правительства.

В то же время беднота продолжала попрежнему умирать от голода, подвергаться зверской эксплоатации баев; нищих стало больше, чем когда бы то ни было. Хорезмская молодая коммунистическая партия выступила с требованием наложить контрибуцию на мюлькдаров и конфисковать часть имущества вакуфов для того, чтобы за счет этих средств кормить и обучать детей бедняков.

Все назиры правительства с негодованием отвергли это справедли-

---

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 180.
[2]) Там же, л. 182.
[3]) Там же, д. 1257, т. III, л. 212—213.
[4]) Там же, л 109.
[5]) Там же, л. 211.
[6]) Там же.

вое требование коммунистов. Председатель Юсупов заявил на заседании назирата: «Пока я жив, вакуфы останутся неприкосновенными и будут расходоваться на содержание мечетей, медресе и мулл согласно шариату»[1]). Но не только вакуфные, но и мюльковые и подшалыковые земли и имущество, не говоря уже об имуществе торговой буржуазии, оставались неприкосновенными, пока держалась диктатура младохивинцев, сохранявшая прежние социально-экономические отношения и всецело защищавшая интересы торгово-промышленной буржуазии, землевладельческого и религиозного-церковного байства.

В этой новой обстановке защиту интересов трудящихся осуществляла хорезмская коммунистическая партия, выросшая и окрепшая под руководством Коминтерна.

Первая ячейка хорезмской компартии оформилась в начале апреля 1920 года из числа местных (хивинских) и пришлых фронтовых коммунистов. Она стала быстро расти за счет революционного ядра местной бедноты и батрачества. На 7 июля 1920 года в ее рядах насчитывалось уже 600 человек (из них 19 туркмен[2]). В конце мая 1920 года на 1-м Всехорезмском партийном курултае был организован ЦК с несколькими отделами[3]). Партия имела на местах до 22 ячеек (комитетов[4]) и выпускала свою периодическую газету «Солнце революции», которая выходила два раза в неделю тиражом в 600 экземпляров[5]).

Задача хорезмских коммунистов на данном этапе хивинской революции состояла в том, чтобы полностью использовать возможность легальной, массовой работы коммунистической партии, профсоюзов и комитетов бедноты, воспитывать широкие массы аульной и городской бедноты в духе необходимости дальнейшего развития революции. Противоречие между требованиями передовой части народа — коммунистами и правительством продолжало расти. Правительство младохивинцев, в силу своей классовой природы, не имело поддержки в массах и уже успело себя дискредитировать и разоблачить в глазах широких масс трудящихся. Требования компартии, ее инициатива, ее призывы к борьбе за интересы трудящихся немедленно вызывали активную поддержку и сочувствие в народе.

Однако верхушка Центрального комитета хорезмской коммунистической партии (ХКП), избранного на 1-м курултае, не руководилась требованиями большинства коммунистов, а придерживалась другой, правооппортунистической, по сути дела даже контрреволюционной, линии.

При создании хорезмской компартии, благодаря влиянию троцкистов, были допущены большие антиленинские ошибки: во-первых, младохивинцы со всеми их организациями были влиты в коммунистическую партию, во-вторых, почти все лидеры младохивинцев, перекрасившиеся в «коммунистов», были «избраны» в руководство партийных органов ХКП.

Так, председателем ЦК ХКП был избран вчерашний лидер младохивинцев, бывший заводчик Молла-Джума-Нияз-Султан Мурадов[6]), занимавший одновременно пост заместителя председателя совета назиров. Давая ему характеристику, сотрудник советского полпредства писал, что он «...хотя и состоит виднейшим членом ХКП, но его искренность и

---

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 209—210.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ. «Материалы к истории КП(б)Т», д. 33, л. 10.
[3]) Там же, л. 51 и 54.
[4]) Там же, л. 54.
[5]) Там же, л. 78.
[6]) Там же, ф. 1, д. 35, л. 52.

привязанность к ней вызывает большое сомнение. Скорее партийность является средством к достижению личных целей»[1]).

Заместителем председателя ЦК ХКП стал бывший активист младохивинской партии Большаков — «таджик, бывший городовой в Чарджоу; по слухам, он был крещен и во время революции принял опять магометанство»[2]). Этот проходимец прежде был глашатаем одной из бухарских мечетей. В 1918 году он судился за педерастию.

Естественно, что такие «руководители» чуждые и враждебные делу коммунизма, сделали все возможное, чтобы во главе организаций ХКП поставить таких же людей — буржуазных проходимцев и шкурников.

Эта политика руководства привела к тому, что во главе центральных и низших партийных органов оказались чуждые коммунизму элементы, а партийная организация оказалась засоренной классово-чуждыми, контрреволюционными людьми.

Комиссия Туркбюро ЦК РКП(б), знакомившаяся с состоянием хорезмской компартии, в своем докладе сообщала:

«Состав парторганизации на местах совершенно запутан. Социальное положение совершенно не принято в расчет. Всякий, кому не лень кто записывается—считается коммунистом. В ургенчской[3]) парторганизации были миллионеры-татары. В гурленской организации — больше половины духовенства. В партии в городе спекулянты. Лишь в некоторых местах, примерно $^1/_6$ числа членов партии, — беднота... Членский взнос не платился. Занимались в большей части шкурными вопросами»[4]).

Такое положение в партии и руководстве ее намного снижало боеспособность хорезмских коммунистов. Но партийная масса, в первую очередь, ее передовая, сознательная, революционная часть из бедноты, батрачества, демобилизованных и гарнизонных красноармейцев, с помощью и под руководством Пурхива[5]), невзирая на противодействие оппортунистического руководства ЦК ХКП, проводила большую работу по организации и воспитанию трудящихся. Благодаря усилиям рядовых коммунистов во многих кишлаках и аулах были организованы комитеты бедноты (Комбеды), а в городах широко развернулась деятельность профсоюзов. Коммунисты-пропагандисты из Пурхива, тесно связанные с массой, сигнализировали с мест, что «беднота на местах жалуется, что нет свободы, что вместо одного хана теперь несколько»[6]).

Отсутствие в стране промышленного пролетариата, чрезвычайная забитость трудящихся, малочисленность преданных партийных кадров из местных национальностей, предательская политика младохивинцев, примазавшихся к коммунистам, — все эти обстоятельства являлись большим препятствием на пути дальнейшего развития революции.

Младохивинское правительство пустило в ход все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы не допустить углубления революции, чтобы внести расстройство и разложение в ряды революционной народной массы. Для этого оно стало на путь организации заговоров, провокаций и интриг. Младохивинцы не желали, чтобы в Хиве проводилась коммунистическая пропаганда, чтобы возникали комсомольские

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, л. 109.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 51.
[3]) Имеется в виду Ново-Ургенч.
[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 33, л. 54.
[5]) Пурхивом называли политическое управление Хорезмского войска, которое также входило в ХКП.
[6]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 33, л. 52.

организации, организовывались комитеты дайханской бедноты, создавались профсоюзы. Они не желали, чтобы в стране были советские общественные организации. Младохивинцы больше всего опасались превращения Хорезмской Народной Республики в Советское Социалистическое государство.

Младохивинцы развернули по всей стране злостную и демагогическую агитацию против честных коммунистов, широко используя для этой цели реакционное духовенство. По указанию младохивинцев, муллы, муфтии, казикеляни и ишаны подали в правительство коллективное заявление с просьбой запретить существование в Хиве партии большевиков и изгнать из Хивы всех коммунистов. Они организовали 26 июня 1920 года в различных городах Хивы контрреволюционные митинги[1]). Чтобы дискредитировать коммунистов в глазах местного населения и вызвать контрреволюционные волнения в стране, младохивинцы стали проводить перепись девочек и мальчиков, объясняя при этом, что правительство это делает, якобы, по требованию коммунистов и что мальчики будут отданы в «кизыл эскер» (Красную Армию), а девочки в гаремы[2]). Эта провокация вызвала в июне волнение среди темных слоев населения, натравливаемых младохивинцами против коммунистов, против революционных активистов из среды местных трудящихся. Деклассированные и уголовные элементы, по заданию младохивинцев, стали преследовать коммунистов и преданных делу революции руководителей добровольческих (бывших партизанских) отрядов. Таким образом были убиты: в городе Хиве — коммунист Доснияз-уста[3]), активист-доброволец чернорабочий Махмуд-сувчи, в Мангите — начальник народной милиции, бывший батрак и активный партизан Ишим-бет Аллаяров и другие.

Когда советское полпредство и командование советских войск в Хиве, по просьбе местных коммунистических и общественных организаций, потребовало от младохивинского правительства прекращения подобных провокаций и преследования революционных организаций трудящихся, младохивинское правительство организовало новую массовую провокацию: оно в течение двух дней арестовало около 320 человек мулл, ишанов и аксакалов (главным образом из тех, которые в июне 1917 года голосовали вместе с Исфендиар-ханом за удаление младохивинцев из меджлиса (см. главу II). Часть этих арестованных была без суда и следствия расстреляна, а другую часть сослали. Вину за эту преступную провокацию младохивинцы взвалили на коммунистов[4]), что было наруку врагам революции, и угрожало новыми волнениями среди религиозной части населения.

Как одно из испытаннейших средств борьбы с народной революцией, младохивинцы пустили в ход политику провокаций и заговоров против туркменских трудящихся. После свержения диктатуры Джунаид-хана и установления власти узбекской младохивинской буржуазии в туркменских районах существовало два противоположных лагеря: лагерь Гочмамед-хана, поддерживавший народную революцию, и лагерь джунаидцев, сплотивший все реакционные, контрреволюционные элементы, ставшие басмачами.

Руководство всем басмаческим движением исходило из бандитского лагеря Джунаид-хана, находившегося в Кара-Кумах, недалеко от культурной полосы. Он образовался из реакционнейших элементов туркмен-

[1]) Сборник статей «К 10-летию бухарской и хорезмской революций». Ташкент, 1930. стр. 27.
[2]) ИИКП Уз., д. 349, л. 192.
[3]) См. о нем выше.
[4]) ИИКП Уз., д. 349, л. 197.

ских родовых вождей (крупных баев), составлявших до этого основную вооруженную силу и социальную опору диктатуры Джунаид-хана.

Численность и моральное состояние банд Джунаид-хана находились в прямой зависимости от политической ситуации в республике, в особенности от политического настроения туркменского дайханства. Главари джунаидской банды расчитывали на то, что туркменская народная масса вскоре отвернется от «кафыров-большевиков» от Красной Армии и начнет ориентироваться на Джунаид-хана. В этом случае, считали реакционные феодалы, Гочмамед-хан со своим добровольческим отрядом будет вынужден перейти на сторону Джунаида или же будет изолирован от массы и погибнет вместе с немногочисленными красноармейцами Хивинского гарнизона.

Однако события складывались не в пользу Джунаид-хана. Туркменское и узбекское дайханство, защищаемое от грабежей и разорения Красной Армией и добровольческими отрядами, впервые получило возможность спокойно заниматься мирным трудом. Дайхане, требуя от младохивинского правительства радикального разрешения земельных и водных вопросов, продолжали относиться к Джунаид-хану с прежней ненавистью. Таким же было отношение к джунаидской банде и со стороны туркменского (добровольческого) красного отряда, возглавлявшегося Гочмамед-ханом.

Сам Гочмамед-хан после победы хивинской революции убедился в возможности, после установления Советской власти в Хиве, выделения туркменских районов в самостоятельную область в составе будущей Хорезмской Советской Республики, или же в составе Закаспийской (Туркменской) области. Активно сотрудничая с Шайдаковым и другими большевиками, под их влиянием Гочмамед-хан защищал национальные и социальные интересы туркменских трудящихся Хивинского оазиса и этим завоевал себе большой авторитет в трудовой массе.

2 апреля 1920 года в Хиве состоялось совещание Чрезвычайного Уполномоченного РСФСР с руководителями туркменских добровольческих отрядов — Гочмамед-ханом, Гулам-Али, Молла-Оразом и другими. Обсуждали весьма актуальные вопросы: о совместной организации с узбеками казу, о создании совместной с узбеками Красной Армии Хорезмской республики, об участии туркмен в правительстве ХНСР и другие.

На этом совещании Чрезвычайный Уполномоченный РСФСР говорил:

«Необходимо организовать единую трудовую армию из узбеков и туркмен по расчистке всех без исключения арыков страны. Эта повинность должна быть распределена пропорционально орошаемой площади узбекских и туркменских земель. Надо это дело сделать праздником трудящихся Хивы, ибо впервые они будут делать одну работу вместе... Повинность прежде ложилась на плечи бедноты. Надо, чтобы в ней участвовали все — и богатые, и бедные, причем освободить надо бедняков, которые не в состоянии будут принять участие в работах без большого ущерба для своего хозяйства...

С другой стороны... неправильно, что вся военная тяжесть ложится на туркмен, благодаря чему они не могут заняться мирным трудом. Необходимо пропорционально численности туркмен и узбеков определить число воинов от одних и других»[1]).

Выступая на этом совещании, Гочмамед-хан сказал:

---

[1]) ЦГАОР, ф. 1318, д. 1231, л. 107—108.

«Я давно уже думал, что так нужно сделать. Это будет очень хорошо. Народ будет благославлять правительство, которое так сделает»[1]).

Далее Чрезвычайный Уполномоченный РСФСР говорил:

«...Есть еще одно неправильное положение в делах туркмен, это то, что до сих пор они не участвуют в делах управления страной. В предстоящем курултае пропорционально численности туркмен из 200 мест — 80 предоставлено туркменам. Во всех местных Советах будут утверждаться депутаты от туркмен, наравне с узбеками».

Отвечая на это, Гочмамед-хан заявил:

«Все туркмены сразу поймут все, и все они сделаются большевиками. Все туркмены, которые сейчас находятся у Джунаид-хана, как только узнают об этом, немедленно вернутся в Хиву и сложат оружие»[2]).

Все постановления этого совещания в дальнейшем были включены в резолюцию 1-го Туркменского съезда, состоявшегося 16 апреля 1920 года в Хиве. В осуществлении этого постановления весною 1920 года на всех арыках работало около 50 000 казучиев от туркмен и узбеков[3]).

Политика объединения туркменских и узбекских дайхан для совместного решения важнейших социально-экономических вопросов привела к расколу лагеря Джунаид-хана. Часть бедняков и середняков, обманутая родовыми вождями и ушедшая в Кара-Кумы к джунаидской банде, стала стремиться к мирной жизни. Первым откололся от Джунаида и ушел от него со своим отрядом главарь рода окуз Шамурад-багши. По заданию советского командования, Гочмамед-хан сумел склонить к подчинению и переходу к мирной жизни главарей рода ушак Какабая-кервен-баши, Сейд-Мамед-бека, Сапар-Депмечи и одного из вожаков рода орсукчи Дурды-коне[4]).

Но через некоторое время последние три главаря, нарушив мирное соглашение, стали вновь заниматься бандитизмом. В туркменских районах они грабили мирное население, терроризировали бывших партизан и добровольцев, держали тесную связь с бандой Джунаида, отправляли ему награбленное продовольствие. Гочмамед-хан с отрядом добровольцев задержал их в тот момент, когда они совершали бандитский налет на аул Гара-Ыылгын и доставил в распоряжение советского командования в Хиву, где они и были осуждены Реввоентрибуналом, «...чему радовалось все население, так как они были тиранами при Джунаид-хане»[5]).

Добровольческие отряды хивинских туркмен, по указанию М. В. Фрунзе, участвовали и в борьбе за установление советской власти на территории Бухары. Так, в начале мая 1920 года по просьбе советского полпредства в Хиве Гочмамед-хан выделил из туркменских добровольцев первую партию в 500 всадников и отправил их на бухарский фронт под командованием своего помощника Данатар-емрели. Они активно участвовали в боях против войск эмира в районах Чарджоу и Керки»[6]).

Значительные заслуги туркменских дайхан-добровольцев перед народной революцией все более и более поднимали авторитет их руководителей — Гочмамед-хана, Комек-гедая, Молла-Ораза и других как среди народных масс, так и среди командиров и бойцов Красной Армии. Против возрастающего авторитета гочмамедовцев

---

[1]) ЦГАОР, ф. 1318, д. 1231, л. 107.
[2]) Там же, л. 108.
[3]) Там же, л. 16.
[4]) ИИКП Уз., д. 349, л. 185.
[5]) Там же, л. 186.
[6]) Там же, л. 197. Это подтверждают и участники-добровольцы.

объединились джунаидцы, закаспийские контрреволюционеры — националисты, пантюркисты и русские троцкисты — великодержавные шовинисты.

Лидеры младохивинцев — специалисты по организации интриг и провокаций — принимали все меры к тому, чтобы усилить бандитизм и басмачество в туркменских районах, заставить туркменских дайхан уйти в пески и пополнить ряды басмачей Джунаид-хана. Они выступали с заявлением о том, что «туркмены — вечные аламанщики и разбойники», что «туркмены не будут подчиняться никакой власти»[1]) и т. д.

Для полной характеристики отношений, создавшихся между правительством младохивинцев и туркменскими трудящимися массами, весьма показательно следующее заявление одного из руководителей советского командования в Хиве: «Выбор в председатели совета назиров Пальван-Нияз-Ходжи Юсупова не особенно удачен, так как с ним отождествляется ненависть к иомудам, и иомуды это великолепно знают»[2]). Другой очевидец писал: «Юсупов имеет в Хорезме печальную славу хитрого ханского чиновника и вороватого купца. Кроме того, его имя—это символ узбекского погромного шовинизма»[3]). А бывший комсомольский работник в Хиве подчеркивает в своих воспоминаниях: «Этот Юсупов вел себя дезорганизующе, занимался грабежом туркмен, утверждал, что туркмен невозможно смирить, проявлял к ним безудержный шовинизм»[4]).

Конечно, напряженные отношения между правительством и трудящимися туркменами зависели не от личностей Юсупова или Султан Мурадова, хотя они, как и другие члены младохивинского правительства, в свое время активно участвовали в туркменских погромах Исфендиар-хана, генерала Галкина, полковника Зайцева, Джунайд-хана, чего, разумеется, туркменские трудящиеся не могли забыть. Эти отношения, в конечном счете, зависели не от отдельных личностей, а от буржуазной природы младохивинской диктатуры, чуждой и классово-враждебной для туркменских и узбекских трудящихся Хорезма, как была чуждой и враждебной для них свергнутая феодально-ханская власть.

«Существование капитализма, — писал товарищ Сталин, —без национального гнета так же немыслимо, как немыслимо существование социализма без освобождения угнетенных наций, без национальной свободы. Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия), полное националистических предрассудков, идет за буржуазией, и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т. е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа Советов и установление диктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств»[5]).

Товарищ Фрунзе, характеризуя политику колонизаторских элементов, захвативших в свои руки власть в ряде областей Туркестана, еще в мае 1920 года писал: «Власть захватывалась группами авантюристов, желавших половить рыбу в мутной воде. Вместо защиты му-

---

[1]) Рассказы старожил.
[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 76.
[3]) ЦГАОР, ф. 1318, д. 1301, л. 981.
[4]) ИИКП Уз., д. 1342, л. 44.
[5]) И. Сталин. Сочинения, т. V, стр. 12.

сульманского населения от баев, над ним чинились неслыханные надругательства»[1]).

Это в полной мере относится и к Хиве, где такими авантюристами, желавшими половить рыбу в мутной воде, кроме младохивинцев, были: некий Хасанов — младобухарец, приехавший в Хиву и занимавший в правительстве пост военного назира[2]), Шакиров — татарский буржуазный националист, приехавший в Хиву для работы в советском полпредстве, и ряд других[3]).

Все эти люди активно поддерживали младохивинскую провокационную политику, направленную против туркменских трудящихся.

Политика РСФСР по отношению к Хорезмской Народной Республике совершенно ясно была определена в одном из директивных писем Наркоминдела РСФСР, адресованном полномоченному представителю РСФСР в Хиве. В этом письме говорилось:

«Укрепление принципа независимости Хорезма, усиление завоеванных хорезмской революцией позиций, возрождение экономической жизни и просвещения, изживание межнациональной вражды, в частности, ликвидация туркмено-узбекской распри, привлечение к государственной работе всех жизнеспособных социальных сил страны, укрепление моральных и материальных связей Хорезма с РСФСР, совместная с хорезмской Красной Армией борьба с разбоями и защита границ Хорезмской республики, устранение опасности независимому существованию Хорезма со стороны империалистов, прикрывающихся в Средней Азии знаменем панисламизма, — вот вкратце та линия поведения, которая должна осуществляться в Хорезме от имени РСФСР»[4]).

В целях срыва этой политики для того, чтобы обострить национальные противоречия и тем самым отвлечь внимание народных масс от борьбы против буржуазной власти младохивинцев, от борьбы за Советскую власть, в Хиве возникает заговор против туркменских добровольцев. Заговорщики начали свое выступление с того, что еще в апреле 1920 года стали настоятельно просить советское командование дать согласие помочь правительству Хивы поголовно разоружить туркменские добровольческие отряды во главе с Гочмамед-ханом на том основании, что младохивинское правительство подозревает туркменских добровольцев в связи с басмачами Джунаид-хана, действующими в песках. Скалов дал на это согласие, но натолкнулся на сопротивление Шайдакова, решительно протестовавшего против этой провокации и немедленно сообщившего об этом в Ташкент Реввоенсовету. Великий пролетарский полководец, верный соратник Ленина—Сталина М. В. Фрунзе дал решительный отпор колонизаторско-троцкистской вылазке Скалова. В отправленной ему в Хиву телеграмме М. В. Фрунзе писал:

«Ваше согласие на вывод или разоружение в Хиве туркменских частей, враждебных Джунаид-хану, по существу, для нас неприемлимо. В Хиве мы должны стать выше борющихся национальных групп и, таким образом, положить конец междоусобицам.

Фрунзе, 8 апреля, Реввоенсовет Туркфронта»[5]).

Младохивинским и троцкистским провокаторам пришлось отложить свои контрреволюционные замыслы до более «удобного момента».

---

[1]) Фрунзе М. В. На фронтах гражданской войны. Сборник документов. Москва. Воениздат. 1941, стр. 105.
[2]) ИИКП Уз., д. 349, л. 180.
[3]) Там же, л. 197—198.
[4]) ЦГАОР, ф. 1318, д. 1301, л. 112.
[5]) ИИКП Уз., д. 1257, т. III, л. 192.

Пока что заговорщики перешли к выполнению другого своего плана. Они решили начать с Джунаид-ханом «мирные» переговоры, считая, что если Джунаид примет условия «мира», продиктованные младохивинцами, последние сумеют с его помощью немедленно уничтожить гочмамедских добровольцев и части Красной Армии и этим избавить узбекское и туркменское байство от опасности советизации Хорезма.

Представители младохивинцев начали предварительные переговоры с посланником Джунаида — хитрым Шихим-сюлгуном. Джунаид-хан требовал от хивинских заговорщиков, как одно из условий перемирия, немедленного ареста и «ссылки в Сибирь» всех лиц, возглавивших движение туркменских партизан и добровольцев и помогавших частям Красной Армии в борьбе с джунаидцами»[1]).

В начале мая 1920 года из Хивы к обусловленному месту переговоров выехал представитель младохивинского правительства Белоусов. Переговоры состоялись в ауле Бедеркент Тахтинского района, куда и прибыл Джунаид-хан со своими приближенными, но переговоры оказались безрезультатными[2]).

При этом следует отметить, что командир хивинской бригады В. Дубянский, как великодержавный шовинист, действовал заодно с младохивинцами в организации травли и преследований туркменских добровольцев, возглавлявшихся Гочмамед-ханом.

Это видно из того, что когда в середине августа 1920 года была организована первая крупная операция в Кара-Кумах против банды Джунаид-хана, Дубянский совершенно не скрывал своего недоверия к туркменским добровольцам, активно участвовавшим в этой операции под командованием самого Гочмамед-хана. Больше того, Дубянский вместе с Юсуповым, Султан Мурадовым и военным назиром Хасановым обвинили Гочмамед-хана в подготовке к «измене», что дало заговорщикам повод для отказа от преследования джунаидской банды.

Основанием к подозрению гочмамедовцев в «измене» послужило то, что во время остановки советских отрядов в местности Балыклы кто-то испортил бурдюки с водой, а также то, что Гочмамед-хан «за последнее время начал игнорировать распоряжения Дубянского»[3]), — как писал Юсупов, не указывая, впрочем, в чем выражалось это игнорирование.

Четверка хивинских заговорщиков (Дубянский, Юсупов, Султан Мурадов и Хасанов), приостановив операцию против басмачей, вернулись в Ташауз и начали вести «следствие» по делу «связи туркменских добровольческих отрядов с бандой Джунаид-хана». «Свидетелями» по данному «делу» привлекались хакимы младохивинцев в Ташаузе Джабак-сары. Кочкаров и другие. Немедленно было арестовано 150 человек из добровольцев»[4]).

Так началось осуществление большого провокационного плана, тщательно разработанного руководителями заговора — Юсуповым, Султан Мурадовым, Хасановым, Шакировым и Дубянским.

В середине сентября 1920 года Дубянский и Шакиров от имени советского командования и полпредства обратились к Гочмамед-хану с просьбой собрать 700 всадников из числа добровольцев, якобы для отправки на бухарский фронт и вместе с ними приехать в Хиву[5]).

---

[1]) ИИКП Уз., д. 1257, 816, л. 74.
[2]) ИИКП Уз., д. 349, л. 186.
[3]) Там же, л. 196.
[4]) Там же, л. 198.
[5]) Там же, л. 199.

Во исполнение этого Гочмамед-хан собрал в доме Гоклен-бала совещание начальников добровольческих отрядов. На этом совещании Гочмамед настаивал на том, чтобы помочь Красной Армии разгромить банды эмира бухарского и предлагал отправить для этой цели боеспособный отряд из туркменских добровольцев в 1 000 всадников. Гочмамед-хан обещал собравшимся, что на бухарском фронте добровольцами командовать будет он сам и верный друг честных туркмен Шайдаков[1]).

Как рассказывают участники совещания, многие начальники добровольческих отрядов, собравшиеся на это совещание, встретили призыв Гочмамед-хана молчанием, а всегда неустойчивый Гулам-Али-хан открыто возражал Гочмамеду, обвиняя его в том, что «он слишком далеко заходит в службе большевикам[2]). Под конец решили, что сам Гочмамед едет в Хиву с 600 всадниками, а остальные приедут потом, как только успеют собраться. Совещание выразило большое недовольство политикой младохивинского правительства и поведением Дубянского, арестовавшего в Ташаузе 150 человек добровольцев.

20 сентября 1920 года Гочмамед-хан прибыл в Хиву с отрядом в 600 человек[3]). Хивинские заговорщики разместили этот отряд в ханском пригородном саду «Тазабаг», а самого Гочмамед-хана пригласили в здание правительства, где в это время шло секретное заседание совета назиров. На этом заседании, как сам Юсупов пишет в своих мемуарах, Хасанов по установленному знаку, данному Султан Мурадовым, выстрелом из нагана в спину убил Гочмамед-хана[4]).

«Тут же решили расстрелять Молла Новруза[5]), за которым в прошлом числилось какое-то преступление, и решение привели в исполнение», — пишет один из участников заговора[6]). Одновременно были разоружены 600 всадников-добровольцев, прибывших в Хиву с Гочмамедом. Большинство из них было тут же в «Тазабаге» расстреляно, «остальные арестованы и сосланы за пределы Хивы». Ни один из этих сосланных не вернулся домой[7]).

Правительство младохивинской буржуазии кровью туркменских революционных добровольцев продлило свое преступное владычество лишь на несколько месяцев.

Ввиду того, что у некоторых наших современных историков, не знакомых с архивными материалами, сложилось неправильное, совершенно искаженное представление о сущности тазабагских событий, считаю необходимым привести здесь выдержку из доклада Чрезвычайной следственной комиссии Туркестанской Комиссии ВЦИК по данному делу.

Этот документ, впервые нами извлеченный из архива, следующим образом коротко излагает историю этого вопроса:

«Вскоре после перехода русских войск через Аму-Дарью, в Ходжейлях, к отряду тов. Шайдакова присоединился, согласно договору, Гочмамед[8]), который в Куня-Ургенче отдал в распоряжение Щербакова весь свой отряд (300 вооруженных всадников), принимавший участие в борьбе не только с войсками Джунаида, но и против банд белых казаков: гурьевцев и уральцев. Гочмамед при своем присоединении к

---

[1]) Рассказ участников.
[2]) Тоже.
[3]) ИИКП Уз., д. 349, л. 200.
[4]) Там же.
[5]) Молла Новруз — секретарь, доверенное лицо Гочмамед-хана.
[6]) ИИКП Уз., д. 349, л. 201.
[7]) Там же, л. 221 и рассказ очевидцев.
[8]) Авторы ряда документов иногда называют Гочмамед — Кош-Мамедом.

Красной Армии всячески старался пополнять ряды последней. Он написал письмо — обращение к некоторым туркменским родам с призывом помочь Красной Армии против разбойника хана Джунаида. Благодаря этому обращению 8 туркменских родов выставили по сто вооруженных всадников от каждого племени. Гулам-Али присоединился некоторое время спустя. Причина его столь долгого оттягивания присоединения заключалась в том, что он, якобы, не верил в успех Красной Армии. Но когда он убедился воочию, что она идет почти безостановочно, защищая от банд Джунаида один кишлак за другим, и, наконец, видя, что отряд джунаидских нокеров присоединился к революционным войскам и совместно ведет борьбу с Джунаидом, — присоединился и он со своим отрядом. Гочмамед и Гулам-Али находились все время на фронте; даже и тогда, когда по свержении ханской власти и установлении совета назиров они были проведены в члены назирата, они попрежнему оставались на фронте, находясь в непосредственном распоряжении и подчинении русского командования и выполняя все приказания как боевого, так и чисто хозяйственного характера.

Во всех последующих боевых действиях против Джунаида видное место занимает Гочмамед. За все время боевых операций, вплоть до боев у урочища «Уасс», между вождями добровольцев и русским командованием почти никаких столкновений и разногласий не наблюдалось. Во время же боевых действий у урочища «Уасс» между комбригом Дубянским, Гочмамедом и Гулам-Али произошло открытое столкновение (ссора), после чего Дубянский уехал в Хиву и сделал в Полномочном постпредстве об этом доклад. На этом совещании присутствовал Юсупов и другие.

Вскоре после этого совещания пошли слухи о разоружении туркменских вождей, а также стали впервые поступать сведения о том, что, якобы, Гочмамед, Гулам-Али и Бахши заключили договор с Джунаидом и эмиром бухарским для совместного выступления против русских войск, находящихся в Хиве, и хивинской власти. Особенного значения таким сообщениям придавать было нельзя, так как осведомители не пользовались особым доверием начальника оперотдела и не было никаких документальных данных, которые хотя бы до некоторой степени изобличали названных вождей в совершении такого договора. Все это было ни больше, не меньше как выдумки их противников. На основании таких голословных сведений и было постановлено обезоружить вождей; это разоружение под видом похода на Бухару начал проводить Дубянский.

Дубянским на совещании при участии Султан Мурадова, Хасанова и Якубова, Гочмамеда и Гулам-Али был поставлен вопрос о походе на Бухару; во время обсуждения Гочмамеду и Гулам-Али было предложено произвести мобилизацию людей своих родов и других для отправки их под командой Гочмамеда в Чарджоу и далее, после чего они и удалились каждый в свой район для производства мобилизации. Бахши же было предложено вызвать своих помощников в Ташауз для обсуждения какого-то важного вопроса; по прибытии их он, совместно с прибывшими, был арестован и отправлен в Хиву...

Прибывший отряд Гочмамеда был размещен в помещении, заранее приготовленном правительством (в Тазабаге). В день приезда было назначено совещание совета назиров, на котором присутствовали Шакиров и Дубянский, но без участия Гочмамеда, вечером же было назначено продолжение этого совещания, на которое был приглашен и Гочмамед.

Во время вечернего совещания Дубянский отсутствовал, он распоряжался оцеплением отряда Гочмамеда. Здесь же (на заседании) и был

арестован Гочмамед, в присутствии которого не разрешались вопросы. Является вполне очевидным, что Гочмамед был приглашен на заседание совета назиров с исключительной целью арестовать его. Спустя некоторое время он тут же, в здании правительства, и был расстрелян. Мотивом к расстрелу послужила стрельба, якобы, произведенная его охраной из дома, где остановился Гочмамед в Хиве. Это дало правительству повод предположить, что Гочмамед действительно приехал сюда с целью совершения переворота. На самом же деле дом Гочмамеда был окружен ротой хорезмской пехоты с пулеметом. Рота эта расположилась на крышах близлежащих построек и производила стрельбу. Кроме того, Гочмамеду ставили в вину, что он для совершения своих контрреволюционных целей вызвал письмом отряд туркмен из Чарджоу. Официальная справка по данному вопросу опровергает это обвинение в корне. После расстрела Гочмамеда Дубянскому была преподана инструкция, в которой предлагалось ему принять репрессивные и жестокие меры, не останавливаясь ни перед чем, продолжать разоружение восставших туркмен, каковое поручение он проводил с особенным усердием. Здесь находятся также и Султан Мурадов, Хасанов и Якубов, которые также участвуют в подавлении восстания. Официально нет никаких сведений, указывающих на причину отъезда их из Хивы «на фронт», но можно с уверенностью сказать, что они прибыли сюда, как состав военно-полевого суда, о создании которого говорится в инструкции, что и было доказано на практике: Султан Мурадов отдавал приказания «расстрелять».

Теперь несколько слов о Гулам-Али. Он, вероятно, узнав о предполагавшемся аресте главарей, решил сбежать, дабы не быть арестованным, к нему впоследствии стали со всех сторон бежать иомуды с целью защиты от насилий, чинимых по кишлакам частями войск, прибывших с Дубянским с целью разоружения их.

Вот приблизительно та обстановка и те причины, которые послужили к увеличению отряда Джунаид-хана»[1]).

Из документов видно, что младохивинские заговорщики умышленно, с явно контрреволюционной провокационной целью, учинили расправу над туркменскими добровольцами. Вполне понятно, что сентябрьские события 1920 года были немедленно использованы всеми врагами народной революции и большевизма для широкой антисоветской агитации против коммунистов и Красной Армии. Младохивинцы не замедлили распространить в народе клеветнический слух о том, что тазабагское дело было учинено не ими, а коммунистами и красноармейцами по заданию Ташкента и Москвы. Убийства добровольцев и их руководителей вызвали крупные волнения по всей стране, в особенности в туркменских районах. Приток новых сил в банды Джунаид-хана усилился. Ишаны и муллы, сердары и баи повсеместно распространяли слух о том, будто бы все, кто ранее участвовал в партизанском движении и добровольческих отрядах Гочмамед-хана, будут арестованы и расстреляны большевиками и что Джунаид-хан прощает вину всем, кто раньше выступал против него и призывает их итти к нему в басмачи[2]).

Младохивинско-троцкистская провокация разделила вооруженных туркмен на две части: одна часть во главе с Гулам-Али с родовой знатью емрели — Анна-балы и Хаким-бек, иомудов — Какабай-годжук, Беркели, Ибраим-ковли, Бабанарчы и другими ушла в Кара-Кумы для

[1]) Архив УзФ ИМЭЛ, ф. 57, оп. 1/1, д. 16, л. 53—54.
[2]) Рассказы очевидцев и участников.

присоединения к Джунаид-хану[1]); другая часть концентрировалась вокруг Якши-Гельди-бека (двоюродного брата Гочмамед-хана), который не уходя в басмачество, откочевал из восточной окраины Куня-Ургенча, где они жили до этого, в его западную часть, в местечко Гарасач и занял выжидательную позицию.

Джунаид-хан, пользуясь благоприятным моментом, переходит к активным действиям. Его отряды быстро занимают Куня-Ургенч, Ильялы, Порсы и Тахту. Всюду снова начались грабежи, насилия, убийства и разрушения, чинимые джунандцами. «В этой обстановке, — рассказывают очевидцы,—трудовая часть населения туркменских районов была готова с оружием в руках итти на Хиву и разорвать на части правительство хивинских торговцев, но от этого ее удерживала джунаидская верхушка, старавшаяся направить ярость народных масс не против младохивинцев — союзников Джунаид-хана, — а против большевиков и красноармейцев»[2]).

Характерно, что в эти дни Джунаид-хан приказал своим людям не трогать на местах хакимов младохивинского правительства, ибо последние помогали Джунаиду в поимке коммунистов и сочувствующих им, в доставке джунаидцам секретных сведений о планах и действиях частей Красной Армии и т. д.

Так, младохивинские хакимы Джабак-сары в гор. Ташауза, Балабай в Ильялы, по заданию руководителей младохивинского правительства Юсупова и Султан-Мурадова, всячески содействовали Джунаиду. Совместные действия Джунаид-хана и младохивинцев на данном этапе революции были продолжением того идейно-политического союза между феодально-байской верхушки национальностей и племен Хорезма, который образовался в условиях приближения социалистической революции.

Джунаид-хан ожидал в Ильялах выступления против него частей Красной Армии из Хивы, рассчитывая окружить и уничтожить их в открытом поле с помощью населения, озлобленного тазабагскими событиями. Младохивинское правительство должно было, по договоренности с Джунаидом, ускорить (т. е. спровоцировать) выступление Красной Армии против «туркменского басмачества» (по выражению полпреда Шакирова).

Для того, чтобы убедить советское командование в необходимости и ускорении организации большой карательной экспедиции против восставших туркмен по специальному заданию Юсупова и Джунаид-хана была проведена под руководством ташаузского младохивинца Джабак-сары и джунаидского главаря в Тахте Ахмед-бека следующая операция: в середине октября 1920 года Ахмед-бек из Тахты организовал бандитский налет на узбекский кишлак Манак, учинил там массовые убийства, грабежи и на обратном пути угнал почти весь скот этого кишлака. Пострадавшее население обратилось за помощью в Хиву и Ташауз. Младохивинские хакимы уверили его, что будто бы Ахмед-бек возвращает награбленное им имущество и скот и что людям кишлака можно итти в Тахту за получением своего добра. Поверив этому, около 90 человек направилось в Тахту; все они были безоружными мирными дайханами. Тем временем Ахмед-бек организовал засаду в пути следования манакских граждан. Когда они подошли к месту заса-

[1]) Рассказы очевидцев и участников.

[2]) Тоже.

усиленной разъяснительной работе представителей центра, к началу декабря 1920 года вернулись в свои аулы более 3 000 хозяйств. В песках, в ставках банды Джунаид-хана и вокруг Гулам-Али осталось не больше 1 000—1 500 хозяйств[1]). Из числа видных главарей вернулись в аулы и занялись хозяйством: Хаким-бек из племени емрели, Какабай-годжук из рода гарачука, Беркели из рода ак-салак, Сапар-вокиль-Ага-вокиль оглы из рода орсукчи, Ахмед-бек из рода ушак[2]).

Так в живом общении с трудящимися дайханами коммунисты помогли туркменской народной массе понять сущность прошлых кровавых событий, успокоиться и перейти к мирным трудовым занятиям. Это было большим ударом по врагам народной революции.

В этой серьезной политической обстановке большим событием, крупным политическим фактом в жизни хивинских туркмен было проведение 1-го туркменского курултая. Он был созван при активном участии советского полпреда в Хиве Сафонова, назначенного из Москвы вместо арестованного Шакирова. Курултай состоялся между 20 и 25 января 1921 года в Порсах[3]).

Социальный состав, делегатов определялся самой обстановкой, когда на территории, населенной туркменскими племенами, выборы можно было проводить только бытовыми приемами, царившими внутри самих племен. Если принять во внимание эту особенность, а также если учесть, что политически грамотных и просто грамотных в местной туркменской бедноте и батрачестве почти не было (а те, которые были, погибли в тазабагской бойне), то станет совершенно понятным, что выборы на Порсинский курултай можно было провести по патриархальному: было поручено отдельным влиятельным, революционно настроенным людям из туркмен собрать в Порсы на курултай, как пишет очевидец, «...все более или менее честные, добросовестные прогрессивные и влиятельные элементы из каждого туркменского племени и рода»[4]). «Поэтому не приходится особенно удивляться тому, что самый бедный из них (то есть из собравшихся делегатов — Г. Н.) имел двух наемных рабочих», — пишет один из организаторов курултая[5]).

Порсинский курултай обсудил ряд важнейших для того времени военно-политических, хозяйственных и организационных вопросов и принял соответствующие решения из 14 пунктов.

В пункте втором постановления говорилось:

«Мобилизовать вооруженных всадников понемногу от всех племен и родов, из которых составить часть, подчиненную общему командованию»[6]).

По данному вопросу курултай имел в виду необходимость «создания туркменских красных эскадронов для охраны порядка в самих туркменских районах»[7]).

В пункте 13 решения курултая было сказано: «Содействовать узбекским трудящимся сбросить с себя буржуазное правительство, которое натравливало до сих пор на туркмен узбекских дайхан и русские войска»[8]).

---

[1]) Рассказы очевидцев.
[2]) То же.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 30.
[4]) Там же, л. 31—32. Дополняется рассказами участников.
[5]) Там же, л. 32.
[6]) Там же, л. 15.
[7]) Там же, л. 31.
[8]) Там же, л. 15.

Курултай избрал Туркменское Исполнительное Бюро (Туркисполбюро), которому поручалось:

а) принять меры к немедленному прекращению разбоя и грабежей, имеющих уголовный характер, довести до всеобщего сведения, что «всякий грабеж, произведенный одним из жителей какого-либо кишлака, вызовет удвоенное взыскание со всего кишлака, если кишлак этот не выдаст грабителя» (п. 8) [1];

б) принять меры к прекращению самосудов (по случаю родово-кровной мести), столь распространенных среди туркмен, «ибо именно они служат обыкновенно причиной между — племенных кровопролитий». Для этой цели создать при Туркисполбюро специальный судебный орган (п. п. 9 и 14) [2];

в) организовать чистку арыков, установить трудовую повинность для восстановления разрушенных во время междоусобицы каналов, «принять меры к отпуску земли и воды и к организации помощи в постройке домов для обеспечения кочевникам перехода в оседлые земледельческие кишлаки» (п. п. 4, 6 и 10) [3];

г) содействовать выбору на предстоящий общехорезмский курултай «...одних только труженников как туркмен, так и киргизов и узбеков... В числе мер содействия указанному... на первом плане считать необходимым обеспечение возможности коммунистам-большевикам вести предвыборную агитацию» (п. п. 11 и 12) [4].

Порсинский курултай, проведенный под руководством коммунистов, имел крупное политическое значение как начало государственной организации туркменских племен. При наличии у туркмен большого недоверия к бывшим до сих пор хивинским правителям, в частности, к правительству младохивинцев, организация отдельного туркменского курултая и избрание им административной власти в лице Туркисполбюро являлись единственно правильной для того времени политикой. Только таким путем можно и нужно было скорее потушить пламя межнациональной и межплеменной борьбы, препятствующей развитию социальной диференциации и классовой борьбы среди туркмен и узбеков.

Наиболее передовые представители туркменской дайханской массы (Шамми-Кель и др.) с самого начала революции, выражая желание туркменского народа, стремились именно к тому, чтобы дать возможность трудящимся туркменам самоопределиться и образовать туркменскую область[5].

Порсинский курултай впервые положил начало осуществлению этого желания, этого стремления первых революционных, прогрессивных руководителей трудящихся хивинских туркмен. Это было практическим осуществлением директивного указания Л. М. Кагановича, данного им на заседании Туркомиссии ВЦИК 16 февраля 1921 года.

Члены президиума Туркменского Исполнительного Бюро, во главе с его председателем Молла-Ораз-Ходжа Мамедовым, в свое время побывавшим в Москве у В. И. Ленина[6], горячо взялись за работу по осуществлению решений Порсинского курултая.

---

[1] ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 15.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Из рассказов участников и очевидцев.
[6] Делегация, в составе которой и был Молла-Ораз Мамедов, избранная 1-м Хорезмским курултаем для подписания дружественного договора с РСФСР, возвратилась из Москвы в Хиву после тазабагских событий.

Энергичная деятельность аппарата Туркисполбюро, формирование туркменских красных эскадронов из числа бывших добровольцев, начало организованного и массового проведения хошарной работы по очистке арыков и многие другие мероприятия, проведенные под непосредственным руководством коммунистов, значительно улучшили политическую атмосферу в туркменских районах. «Создалась и укрепилась уверенность в том, — писал один из советских политработников, — что русские большевики ничего другого, кроме хорошего для туркмен, не желают, и что тазабагская бойня была организована людьми, одинаково враждебными и большевикам, и трудовому народу всех племен, населяющих Хорезм. Увидя все это, дайхане стали возвращаться из кара-кумских песков в аулы, в свои недавно опустошенные места жительства[1]).

Революционная беднота хивинских туркмен под руководством большевиков снова оправилась после предательского удара младохивинцев и джунаидцев. Русские большевики, в лице нового комбрига Топорова и начальника политотдела Николая Алексеевича Шайдакова, любимца хивинских трудящихся, вновь присланного на работу в Хиву, заботливо формировали туркменские красные эскадроны из бедноты и батрачества. Двадцать человек отборных бойцов из туркменских эскадронов прибыли в Хиву на инструкторские курсы при политуправлении хорезмских войск и готовились стать первыми красными туркменскими командирами[2]).

Совершенно естественно, что юсуповское правительство младохивинцев относилось ко всем изменениям в туркменских районах с нескрываемой враждой. «Юсуповский совет назиров, — читаем мы в докладной записке одного деятеля того периода, — повидимому, не очень верил, что с Порсинским съездом что-нибудь удастся, но на всякий случай послал от себя Джепбар Берген Кочкарова[3]) с предписанием сорвать съезд. О существовании упомянутого предписания мне стало известно на полпути в Порсы»[4]).

Тот же автор сообщал, что результаты Порсинского курултая явились совершенно неожиданными для юсуповцев[5]).

Младохивинское правительство, проводя активную шовинистическую политику против туркменских трудящихся, рассчитывало привлечь на свою сторону трудящиеся массы Хорезма нетуркменской национальности (прежде всего узбеков). Эта политика натравливания одной национальности на другую провалилась в результате усиленной агитационно-разъяснительной работы коммунистов. Узбекские трудовые дайхане и ремесленники не только не одобрили тазабагской бойни и последовавшей за ней карательной экспедиции в туркменские районы, но решительно и с негодованием протестовали против этой провокации. В ряде населенных пунктов (Ташаузе, Мангите, Ургенче, Хиве, Ходжейли) под руководством коммунистов произошли митинги и демонстрации с требованиями немедленного свержения диктатуры торговцев (так называли младохивинцев ораторы-узбеки), установления в Хиве Советской власти, раздачи дайханам вакуфных и мюльковых земель и уничтожения торгово-ростовщических процентов[6]).

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 33.
[2]) Там же, л. 34—35.
[3]) Он же Джабак-сары, «комиссар» младохивинского правительства в Ташаузе.
[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 33.
[5]) Там же.
[6]) ИИКП Уз., д. 349, л. 212.

После Порсинского курултая руководители младохивинского правительства, чтобы сорвать революционные мероприятия, которые коммунисты проводили среди туркмен, решили путем тайного соглашения с туркменской феодальной знатью (не ушедшей еще в басмачество) подорвать связь большевиков с туркменскими аулами и изолировать таким образом народную массу от советской агитации.

С этой целью юсуповцы подкупили одного из ездивших в Москву туркменских делегатов, влиятельного бая Нур-Мухамед-Баба оглы, оказавшегося крупным агентом и пособником Джунаид-хана. Через него юсуповцы стали вести с туркменской знатью переговоры о подрыве порсинских начинаний большевиков, о роспуске Туркисполбюро, о ведении подрывной работы в туркменских красных эскадронах, о создании из туркменских и узбекских баев «общего правительства», главная задача которого должна была заключаться в изгнании большевиков из Хорезма с помощью вооруженной силы Джунаид-хана[1]).

Туркменское разбойничье байство, охотно включившись в новый байский заговор, стало саботировать выполнение постановления Порсинского курултая, игнорировать распоряжения Туркисполбюро, подстрекать на дезертирство своих сородичей — бойцов красных эскадронов. Туркменское байство не только уклонялось от предоставления вооружения и лошадей батракам и беднякам, вступающим в красные эскадроны, но даже стало их терроризировать, оказывая в то же время всестороннюю помощь басмаческим шайкам Джунаид-хана.

Лишь тогда, когда Туркисполбюро, опираясь на поддержку и сочувствие народной массы, решительно объявило, что против саботажников «будут применены репрессии, как к лицам, поддерживающим племенных разбойников, идущих против объединения и укрепления всего туркменского народа»[2]), и лишь после того, как оно арестовало на месте преступления и публично на базаре Порсы судило нескольких лиц во главе с провокатором Нур-Мухамед-Баба оглы, массовый саботаж туркменского байства пошел на убыль[3]).

Таким образом и этот совместный контрреволюционный план младохивинского правительства и туркменского байства потерпел крушение. Народная масса, жаждущая мирной жизни и восстановления своего хозяйства, не только не поддерживала их, но под руководством большевиков и Туркисполбюро выступила против туркменских баев, готовясь совместно с трудящимися узбеками к свержению хивинского буржуазного правительства и к установлению во всем Хорезме Советской власти.

После этого младохивинцы окончательно сбросили с себя маску. Они открыто прилагают все усилия, чтобы спровоцировать темную массу против большевиков, мусульманское духовенство, городское и аульно-кишлачное байство использовались ими для распространения слухов, будто бы большевики хотят поголовно разоружить туркмен, разрушить мечети, отобрать жен и хлеб[4]).

Борьба шла за влияние на массы городских ремесленников и аульных дайхан, за привлечение на свою сторону их сочувствия и поддержки.

Хорезмская компартия должна была выступить во главе трудящихся на решительную схватку с феодально-байской реакцией всего Хорезма. Но в руководстве ЦК ХКП все еще сидели те контрреволю-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 33—34. Дополняется рассказами участников.
[2]) Там же, л. 35.
[3]) Там же л. 35. Дополняется рассказами участников.
[4]) Там же, л. 34.

ционные, гнилые, либеральные элементы, которые на деле всемерно поддерживали подрывную деятельность младохивинского буржуазного правительства. Они пробрались к партийному руководству с помощью врагов ленинизма. Шовинисты и троцкисты, пользуясь своим положением, поставили во главе ХКП такого отъявленного контрреволюционера, как Султан Мурадов, который в дни проведения им карательных экспедиций против туркмен, объясняя запущенность партийной работы ЦК ХКП, цинично говорил своему собеседнику: «Не до партии, когда враг у ворот, если сумеем уничтожить иомудов, он берется в три дня превратить народ не только в коммунистов, но даже в чувашей»[1]).

Однако партийная масса в своем большинстве под руководством представителей Коминтерна становилась здоровой, боеспособной, могучей руководящей силой трудящихся. Были проведены чистки низовых партийных организаций. В четырех районах (Ханка, Кунграде, Гурлене и Ургенче) парткомы за бездеятельность и за некоммунистический состав членов были распущены. Были созданы и укреплялись коммунистические фракции при комитетах бедноты, передовые элементы батрачества и бедноты шли в ряды партии.

В этот период в каждом крупном населенном пункте можно было встретить агитаторов-большевиков (туркмена, татарина, узбека, казаха, кара-калпака или русского с переводчиком), которые умело использовали всякие сборища дайхан (места тоя, садака, намаза, базары, чайханы) для советской агитации и, к удивлению дайхан, не боялись баев и мулл[2]). Большевистские агитаторы говорили дайханам правду о причинах голода и эпидемии, царящей в хижинах бедноты, о причинах недостатка воды, о жестокой эксплоатации байства, о сущности младохивинского правительства и, наконец, о счастливой жизни рабочих и дайхан в тех местах, где уже установилась Советская власть.

Правдивая большевистская агитация достигла громадных успехов, пробуждая, активизируя, просвещая и революционизируя массу. Характерно, что самой распространенной массовой организацией дайханства в этот период являлись комитеты бедноты, в которых и работали коммунисты-агитаторы.

К началу марта 1921 года уже в 12 местах были организованы районные комитеты бедноты, каждый из которых объединял по несколько аульных и кишлачных комитетов[3]).

Организованная дайханская масса, чувствуя свою силу и будучи уверена в том, что коммунисты и красноармейцы защитят ее интересы, отказывалась нести феодальные повинности в пользу баев и платить вакуфы. Туркменское дайханство, организованное в красные эскадроны, узбекское дайханство, организованное в комитеты бедноты, в союзе с ремесленной беднотой, возглавляемой профсоюзами, были готовы при поддержке частей Красной Армии на свержение ненавистного буржуазного правительства младохивинцев и установление подлинной Советской власти в Хорезме.

Такая революционная ситуация к началу весны 1921 года была уже налицо, она вполне созрела. Младохивинское правительство, не имея почти никакой поддержки в народе, могло рассчитывать лишь на испытанную им политику заговоров, провокаций и интриг.

Народная масса ожидала от хорезмской компартии сигнала к выступлению. Но султанмурадовское руководство ЦК ХКП не хотело

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 52.
[2]) Рассказы очевидцев.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 52.

дать такого сигнала, больше того, Султан Мурадов и Большаков дважды ездили в Ташкент, чтобы жаловаться на партийную массу, толкающую трудящихся к решительным выступлениям против контрреволюционного правительства младохивинцев[1]).

Помощь политически издыхающим младохивинцам пыталась оказать агентура иностранных империалистических государств. В период 1917—1921 годов в Хиву стекались турецкие офицеры. Они широко пользовались покровительством Джунаид-хана и младохивинцев, занимали видные должности в военном назирате. Большинство из них уже успело заполучить у Султан Мурадова коммунистический партийный билет. Наиболее активным из них был некий Бехри. Турецкие авантюристы находились в тесной дружбе с лидерами младохивинцев, представлявшими чуткую и внимательную аудиторию для развиваемых турецкими агентами идей пантюркизма, панисламизма[2]).

В этой среде постоянно видели джунаидских дипломатов — Шихим-сюлгуна и Хан-ишана.

Приехал в Хиву известный пантюркист — агент Турции Закий Валидов[3]). Сотрудник Пурхива сообщил о нем следующее:

«У Закий Валидова имеется секретный мандат от одной турецкой политической организации, в котором указан маршрут: Москва, Баку, Бухара, Хива, Персия... Во время пребывания в Хиве Закий Валидов имел конспиративную квартиру у проживающих в городе бывших турецких офицеров»[4]).

Лидеры младохивинского правительства, в частности, Юсупов, Султан Мурадов, Шаликеров, Хасанов, Баба-ахун, вместе с Закий Валидовым, провели несколько конспиративных собраний, на которых также участвовали джунаидские «дипломаты» Шихим-сюлгун, Хан-ишан и два посланника от басмачей эмира бухарского[5]). «Несомненно, — сообщает политработник Пурхива, — что связь людей этой группы не случайна, что центр их идейного питания — либерально-буржуазный пантюркизм, пытающийся подготовить плацдарм для иных, более агрессивных выступлений»[6]). Валидов окрылил юсуповцев, джунаидцев и эмирские банды надеждой на поддержку иностранных империалистов. Валидов разработал наказ, принятый правительством Юсупова. Важнейшим пунктом наказа было требование о вытеснении русских[7]).

Но вся эта затея кучки авантюристов не имела реальной почвы. Их расчеты на выступление Джунаид-хана, на «всеобщее» туркменское восстание, на религиозный фанатизм узбекского дайханства являлись к данному времени совершенно безнадежными. Сознавая всю призрачность ставки на младохивинцев, опасаясь скорого своего разоблачения, стамбульский агент Закий Валидов тайно скрылся[8]).

Борьба между реакционными и революционными силами страны дошла до своего кулминационного пункта в дни подготовки к проведе-

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 50.

[2]) Там же, л. 39. Дополняется рассказами очевидцев.

[3]) Там же, л. 78—79. Это был тот самый Валидов, который был разоблачен советской прессой, как один из руководителей немецко-фашистских групп пантюркистов в Турции. См. статью «Пантюркисты — фашистская агентура в Турции», журнал «Большевик», № 10—11, 1944 г., стр. 79—85 и сообщение ТАСС: «В Турции поощряют фашистскую деятельность», газета «Комсомольская правда», № 89, от 15 апреля 1945 г.

[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 39.

[5]) Там же.

[6]) Там же, л. 79.

[7]) Там же.

[8]) Там же.

нию выборов во 2-й Всехорезмский курултай, который должен был разрешить основной вопрос борьбы — вопрос о том, какой власти быть в Хорезме — советской или байской. Решение этого вопроса на курултае находилось в зависимости от социального состава делегатов, а это, в свою очередь, зависело от того, кто из представителей борющихся сторон проявит более активности в народной массе в дни подготовки и проведения выборов делегатов на курултай.

Младохивинцы делали все возможное для того, чтобы изолировать массу от коммунистической агитации. Но большевистская правдивая агитация всюду брала верх. Уже 4 февраля 1921 года в самой столице, на параде по случаю годовщины ниспровержения ханской власти, народная толпа с красными знаменами в руках демонстрировала по узким улицам Хивы, смело провозглашая: «Долой байскую власть!», «Долой Юсупова!»[1]. А на местах, в райцентрах, где хозяевами положения являлись комбеды, байство перестало ходить на сборные места. Представители духовенства, на агитационную помощь которых больше всего рассчитывало в эти дни юсуповское правительство, стали воздерживаться от выступлений, а если и выступали, то говорили неуверенно, повторяя заученную фразу «алланы унытма!» (не забывайте бога)[2]).

Под влиянием все нарастающей революционной бури начался серьезный раскол в лагере младохивинцев: рядовая часть их давно отошла от младохивинской политики, возбуждавшей против них трудовую массу, с которой они были связаны; средняя часть младохивинцев, стоявшая у власти на местах (городские хакимы, кишлачные аксакалы и проч.), заботилась лишь о том, чтобы остаться у власти при любой обстановке, и поэтому ориентировалась на более сильных; лишь юсуповская верхушка младохивинцев, составлявшая правительство, до последних дней своей власти вела отчаянную борьбу с народом и большевиками, возглавлявшими его.

Но в последние дни перед выборной кампанией, учитывая политические настроения народных масс, даже некоторая часть назиров стала отворачиваться от своих вожаков, от Юсупова и Султан Мурадова[3]).

21 февраля 1921 года, по предложению представителей общественных организаций, правительство образовало центральную комиссию по проведению выборов во 2-й курултай. В ходе предвыборной агитации выяснилось, что большинство членов центральной комиссии работает в пользу трудящихся, проявляя враждебное отношение к правительству Юсупова. Тогда реакционная часть совета назиров самолично распустила эту комиссию и приказала приостановить всякую работу по организации выборов, угрожая арестом всем тем, кто ведет коммунистическую агитацию.

В ответ на этот вызов юсуповцев во всех крупных городах и крупных населенных пунктах страны состоялись демонстрации и митинги трудящихся, руководимые коммунистами, комитетами бедноты, союзом молодежи и профсоюзами. Резолюции митингов требовали немедленного свержения власти буржуазии и ареста членов юсуповского контрреволюционного правительства. С этими требованиями стали прибывать в Хиву избранные на митингах представители городов и сел.

Утром 10 марта 1921 года в столице, во дворе и в окрестностях бывшей ханской резиденции Нурулла-бая (где тогда помещалось правительство Юсупова) собрались революционно настроенные узбеки и

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 36.
[2]) Рассказы очевидцев.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 46. Дополняется рассказами очевидцев.

туркмены, численностью, по официальным данным, в 5 000, а по показаниям очевидцев в 7 000—8 000 человек[1]). Среди них вооруженными были: красноармейцы Хивинского гарнизона, бойцы туркменских красных эскадронов (во главе с членами Порсинского Туркисполбюро), бойцы узбекской добровольческой милиции и некоторые отдельные граждане, если не считать множества дайхан и ремесленников, вооруженных холодным оружием.

Это был общехорезмский йыгнак (митинг), руководимый коммунистами; он потребовал объяснения относительно причины разгона центральной избирательной комиссии и приостановления кампании по выборам во 2-й курултай. Правительство побоялось явиться на митинг. Виднейшие члены его уже оказались в бегах. Собравшаяся масса потребовала вызова членов правительства. Было принято решение о высылке патрулей для привода их. Таким образом были приведены несколько назиров. На митинге выяснилось, что Юсупов, Шаликеров и некоторые другие лидеры правительства исчезли еще накануне, в 3 часа ночи[2]).

Очевидец пишет, что была попытка со стороны отдельных людей тут же на месте покончить с юсуповцами[3]), но вмешательство коммунистов приостановило избиение, «все же назир внутренних дел, исполнявший в то же время обязанности начальника милиции, Мадьяр-бай и другие оказались пострадавшими»[4]).

После ареста юсуповцев тут же на митинге были произведены выборы Революционного комитета (Ревкома), который временно, до созыва 2-го курултая, стал верховной властью республики.

Весть о победе народной советской революции в столице быстро распространилась по всей стране. Все трудящиеся Хорезма встретили свержение байской власти младохивинцев с таким же ликованием, с каким они встречали в прошлом году свержение кровавой диктатуры Джунаид-хана. Ни одна социальная группа ни в какой форме не попыталась открыто выступить в защиту ненавистной власти младохивинцев.

«Младохивинцы обострили узбеко-туркменские отношения, — писал представитель Наркомнаца, — привели к печальным событиям сентября 1920 года и были политически раздавлены вызванной ими междоусобной войной, были оттеснены крестьянством — реальной основой советского строя в Хорезме»[5]).

Народы Хорезма впервые в своей истории, благодаря руководству партии большевиков и братской помощи великого русского народа, завоевали право свободно выбирать свою трудовую власть. Еще очень многие не могли осознать этого в силу своей отсталости и забитости. Когда вырабатывались наказы делегатам, многие удивленно спрашивали: «Неужели в Хиве их пожелания будут приниматься к исполнению»[6]).

Значительный интерес представляют наказы избирателей делегатам во 2-й курултай. Мы здесь приводим наказ от туркмен Тахтинского района, он состоит из следующих требований:

1. Ликвидация национальной вражды.
2. Усиленная борьба с невежеством и неграмотностью.
3. Свобода религии и помощь мечети.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 75. Дополняется рассказами очевидцев.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) ЦГАОР, ф. 1318, д. 1301, л. 98.
[6]) Рассказ очевидцев.

4. Организация центрального правительства от всех национальностей, населяющих Хорезм[1]).

5. Разрешение вопросов об орошении и земле в пользу дайхан.

6. Организация Красной Армии для защиты от внешних и внутренних врагов.

7. Разрешение вопроса о возвращении на места бежавших в пески кочевников.

8. Помощь дайханам семенами, инвентарем и прочим.

9. Прекращение системы откупа от воинской повинности со стороны имущих.

10. Назначение в кишлаки старост.

11. Уплата за взятый у населения хлеб, фураж, скот и т. п.

12. Возвращение взятых для Красной Армии арб, верблюдов и прочего.

13. Расходы на содержание местных шуро (то есть Советов — Г. Н.) должны лечь на правительство»[2]).

Нельзя не отметить, что в наказах как туркменских, так и узбекских избирателей имелся специальный пункт, где требовалось немедленное отстранение от занимаемых должностей всех ханских и юсуповских ставленников (хакимов, аксакалов, казиев, мохердаров, кетхудов и проч.). Часть избирателей прямо требовала устранения бывшего военного назира Хасанова, который сумел оказаться в составе нового Ревкома, сохранив за собой ту же должность.

Один из членов следственной комиссии, характеризуя Хасанова, писал: «На митинге свержения правительства Хасанов выступал против Юсупова, он всегда солидарен с теми, на чьей стороне перевес. Он сознался в убийстве Гочмамед-хана... Хасанов сильно боится созыва 2-го курултая... Хасанов обвиняется в разграблении ханского имущества, в похищении имущества миллионера Бакалова, в хищении бриллиантов и всякого имущества на пять миллионов рублей. В качестве военного назира Хасанов в дни юсуповщины разъезжал по кишлакам и отдавал приказания не выдавать бесплатно продовольствия русским частям Красной Армии. Делал это, зная, что у Красной Армии нет средств, чтобы тем самым заставлять ее голодать и мерзнуть»[3]).

Восставший народ, охраняя свое правительство от проникновения карьеристов и шкурников, требовал ареста таких, как Хасанов.

Второй курултай Хорезмской республики открылся 15 марта 1921 года в гор. Хиве. Представители народов Хорезма, собравшиеся на курултай, в почетный президиум курултая избрали своих великих вождей-освободителей Ленина и Сталина и торжественно провозгласили благодарность могучему русскому народу за братскую помощь и поддержку, оказанную в деле освобождения трудящихся Хорезма от гнета феодалов и буржуазии.

В числе основных вопросов повестки дня курултая были: уничтожение вакуфа, национализация промышленности, увеличение посевной площади хлопка.

Во исполнение желания трудящихся всех национальностей и пле-

[1]) Участники говорят, что и в наказе, и на курултае туркмены требовали выделения их районов в самостоятельную административную область.

[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 49.

[3]) Там же, л. 76—77.

мен Хорезма курултай провозгласил образование в стране Советской власти и принял советскую конституцию. Вся территория бывшего Хивинского ханства (без Кара-Калпакии) была объявлена самостоятельной Советской Республикой (ХНСР)[1]).

Курултай избрал высшие законодательные и исполнительные органы власти — Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Республики. Почти все члены Хорезмского Советского правительства были выходцами из народных низов. О них злобно говорил Юсупов: «В жизни своей они не видели ни одного одеяла и ни одной подушки»[2]).

Так завершился второй этап хивинской народной революции, так победила власть Советов в Хиве. Трудовые массы Хорезма навсегда освободились от власти своих и чужих эксплоататоров.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 33, л. 78.
[2]) ИИКП Уз., д. 349, л. 231.

Глава VIII

ТУРКМЕНЫ ПРИ ХОРЕЗМСКОЙ НАРОДНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(1921—1924 годы)

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ХНСР

Самая большая и сложная задача стояла перед правительством ХНСР в области ирригации. Без восстановления и развития ирригационной системы нельзя было думать об улучшении благосостояния народов Хорезма.

«Общее состояние ирригации Хорезма к 1921 году, — читаем в докладе Хорезмского правительства, — пришло в значительный упадок, выразившийся в сокращении орошаемой площади...»[1]).

За последние годы регулярная ежегодная чистка арыков не производилась, не ремонтировались существующие заградительные дамбы, новые дамбы не строились. Вот почему в августе 1921 года неслыханное за последние 40 лет половодье реки Аму-Дарьи принесло неисчислимые убытки населению Хорезма: Воды Аму-Дарьи не только прорвали существовавшие дамбы, но и просто перевалились через них, затопив громадное пространство культурной земли в районах Хазараспа, Гурлена, Ургенча, Ходжейли и других местах. В затопленных районах были уничтожены решительно все посевы[2]).

Хорезм издавна был страной, не имевшей никаких технически совершенных производств, страной, производившей только сырье. Следовательно, надо было приложить огромные силы и средства на восстановление и возрождение сырьевого хозяйства страны, на поднятие благосостояния трудового дайханства и городской бедноты республики, проложить путь к ее техническому, промышленному прогрессу.

Чтобы добиться этого, коммунисты и Советская власть Хорезма должны были усилить тесную братскую связь с РСФСР и с советскими республиками Средней Азии и с их помощью решительно реорганизовать ирригацию страны.

Еще в октябре 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) дало следующее телеграфное указание всем организациям коммунистической партии среднеазиатских республик: «В интересах хозяйственного возрождения

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 54, оп. 1, д. 12, л. 10.
[2]) ЦГАОР УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 19, л. 1—2.

Туркестанской, Бухарской, Хорезмской республик, признать необходимым объединение хозяйственных усилий этих республик и РСФСР по вопросам улучшения транспорта, ирригации, внешней торговли, для чего предложить компартиям этих республик подготовить условия для созыва конференции представителей указанных республик с участием РСФСР на предмет достижения соглашения между ними и создания соответствующего объединенного хозяйственного органа»[1]).

Орган Народного Комиссариата по делам национальностей газета «Жизнь национальностей» в статье «Экономическое положение Хорезмской Советской Народной Республики», писала: «Оно (правительство ХНСР — Г. Н.) смотрит на РСФСР, как на единственного своего спасителя, откуда Хорезму можно ждать помощи, откуда идут для него оживляющие подкрепления. Экономическая заинтересованность РСФСР в Хорезме лежит в хлопке, люцерне, шерсти. Экономическая заинтересованность Хорезма в РСФСР заключается в том, что Россия является единственным для Хорезма товарным источником, РСФСР и ХНСР связываются узами взаимной экономической заинтересованности. В этом смысле полное объединение экономических органов Хорезма с соответствующими органами РСФСР является необходимым в обоюдных интересах РСФСР и Хорезма»[2]).

Со времени возникновения и укрепления этого естественного братского сотрудничества ХНСР с РСФСР народное хозяйство Хорезма, в том числе и хивинских туркмен, стало быстро восстанавливаться.

Восстановление и реконструкцию народного хозяйства во всем Хорезме нужно было начать с восстановления и реконструкции ирригационной системы. В. И. Ленин придавал огромное значение делу восстановления и расширения ирригационного хозяйства в республиках, имеющих искусственное орошение. В апреле 1921 года Владимир Ильич в письме к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики советовал: «Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы — электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»[3]).

Эти пророческие гениальные указания Ленина еще более применимы к Средней Азии, в особенности к Хорезму, где без орошения, без упорядочения ирригационной системы возродить сельское хозяйство было невозможно.

Большевики Хорезма в течение 1921—1922 годов организовали очистку магистральных арыков Хан-Яба, Клыч-Нияз-Бая и Шавата. Под руководством инженеров, приглашенных из РСФСР, были построены 12 заградительных дамб (гачи) для спасения района Ургенча и Хивы от наводнения[4]). Весною 1922 года от Хазараспа до Ходжейли на расстоянии до 120 километров были отремонтированы, а местами вновь построены дамбы. На этих работах было занято 45 000 рабочих[5]). О первых результатах этих мероприятий в докладе представителя Наркомнаца мы читаем следующее: «Весна 1922 года принесла много воды, урожай снят отличный. На туркменских землях впервые выведены высокие культуры — рис и хлопок, причем туркменский хлопок оказался высоко-

---

1) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 32, л. 23.
2) Газета «Жизнь национальностей» от 3 сентября 1921 г.
3) Ленин. Сочинения, т. XXVI, стр. 192.
4) ЦГАОР УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 19, л. 1—2.
5) Там же, л. 2.

го качества: плод его крупнее, а волокно длиннее хлопка, произрастающего в узбекских землях. В общем по всему Хорезму небывалый урожай пшеницы, джугары и риса как из расчета урожайности на каждый танап, так и по площади засева.

Урожаем в стране Хорезм был обязан как высокому уровню воды в Аму-Дарье, так и успешной чистке арыков, в которой активное участие приняло туркменское население, с упорством прокладывавшее воде пути на свои отдаленные от Аму-Дарьи и головных арыков поля.

Нет ни одного сведующего узбека, который бы не констатировал, что в этом году (автор письма прибыл в Хиву 1 сентября 1922 г. — Г. Н.) туркменами произведена колоссальная работа по очистке старых арыков, прокладыванию новых, гигантскому увеличению площади засева на вновь орошенной земле»[1]).

Благодаря всесторонней братской помощи русского народа в лице Правительства РСФСР, в Хорезме началось широкое кредитование беднейшего и маломощного дайханского хозяйства. Это мероприятие осуществлялось через Хорезмское отделение сельскохозяйственного банка. В районе хивинских туркмен к началу 1923 года было организовано шесть кредитных товариществ (шерикеты), которым было выдано 100 тысяч рублей из общего кредитного фонда, отпущенного РСФСР на кредитование дайханских, бедняцких и маломощных хозяйств[2]).

Но это было лишь началом той грандиозной работы, которую Советская власть и большевистская партия проводили во всем Хорезме в последующие годы все усиливающимися темпами.

В период зимы 1924 года при активном участии народной массы были построены 13 дамб, 8 плотин, вырыты 2 новых магистральных арыка, очищен 141 мелкий арык[3]).

В области просвещения и здравоохранения правительство ХНСР с помощью РСФСР осуществило ряд крупных мероприятий. Прежде всего надо было отделить религиозные учреждения (мечети, медрессе и прочие) от государства, изъять школы из монопольного ведения духовенства. До сих пор, как известно, все образование в стране находилось в руках ишанов и мулл. Этот порядок был естественен для патриархально-феодального государства, с исламом как государственной религией. Во всех почти без исключения мусульманских странах просвещение и образование носило религиозный характер и являлось монополией духовенства.

В Хорезме, как и в других среднеазиатских государствах, влияние и роль ислама и духовенства были особенно велики в силу общей отсталости страны, отсталости способа производства.

«Каков способ производства у общества, — таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения.

Или, говоря грубее, каков образ жизни людей — таков образ их мыслей»[4]).

---

[1]) ЦГАОР, ф. 1318, д. 1301, л. 89—90.

[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, л. 5, л. 76.

[3]) ЦГАОР УзССР, ф. 71, оп. 5, д. 106, л. 12.

[4]) И. Сталин. Вопросы ленинизма. О диалектическом и историческом материализме, изд. XI, стр. 551.

В изучаемый период господствующей идеологией в быту хивинских туркмен являлась мусульманская религия. Однако многочисленные факты и высказывания ряда наблюдателей и исследователей говорят о том, что хивинские туркмены, как и все другие кочевые и полукочевые племена, особой религиозностью, не отличались. Так, например, еще в 1912 году В. Лобачевский про хивинских туркмен писал следующее:

«Нельзя упускать из виду, что в ханстве единственную и значительную величину в военном отношении представляют плохо поддающиеся религиозному фанатизму туркмены»[1]).

Сотрудник советского полпредства в Хиве сообщал следующее: «Об отношении к муллам со стороны туркменской массы говорить не приходится, ибо многие туркмены откровенно говорили в частной беседе: «Какой толк нам в ишанах? Они только сами о себе хлопочут». При входе муллы откровенная, непринужденная беседа замолкает. Всегда найдутся среди окружающих люди, которые бросятся к мулле, чтобы помочь слезть с лошади, раздеться, умыться, уступят ему свое место у огня, но в откровенных беседах трудовой дайхан по отношению к муллам озлоблен, непочтителен так же точно, как наш дореволюционный крестьянин по отношению к попу»[2]).

Действительно, при внимательном наблюдении за жизнью хивинских туркмен можно было заметить, как массовое явление, что трудовое дайханство хивинских туркмен отрицательно относилось к религиозным обрядам и духовенству. «Религиозные обрядности и молитвы, — пишет в своем докладе Комиссия по районированию Ташаузского округа,—совершаются преимущественно вождями и другими зажиточными людьми, близкими к духовенству. Масса населения их не знает»[3]).

Конечно, нельзя утверждать, что темная, безграмотная народная масса хивинских туркмен была совершенно свободна от влияния духовенства. Сравнительно с другими мусульманскими народами свободное отношение туркмен к религии объяснялось тем, что они еще не совсем освободились от кочевого образа жизни, при котором, как правило, религиозность и религиозные учреждения слабы и не укреплены.

Под влиянием более религиозных узбеков, под влиянием Хивы и Бухары, являющихся центрами ислама в Средней Азии, вследствие нахождения на территории туркмен таких религиозных центров, как Куня-Ургенч, считавшийся по легенде местом 360 святых кладбищ, и т. д. — религиозность среди хивинских туркмен усилилась. Религиозные обряды среди хивинских туркмен значительно распространялись, особенно во второй половине XIX в., с момента массового перехода туркмен к оседлой земледельческой жизни. Сравнительно немногочисленные среди туркмен представители духовенства назывались по старшинству: ахуны, ишаны, муллы, максым (по степени духовного образования) и казыкеланы, казии, муфтии, мутувалы (по занимаемой должности в духовно-религиозных учреждениях).

Характерно, что почти все туркменские духовные лица принадлежали по происхождению к определенным туркменским родам «махтым»,

---

[1]) В. Лобачевский. Военно-статистическое описание, Хивинский район. Ташкент, 1912, стр. 113.

[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 33, л. 40.

[3]) Там же, ф. 21, д. 5, л. 117.

«ходжа», «ата» и «ших», считавшимся по легенде «священными родами». Следовательно, они уже по своему происхождению находились в привилегированном положении. Духовные лица пользовались полной неприкосновенностью, и у них во время войны или различного рода враждебных столкновений находили убежище преследуемые феодалы.

Влияние духовенства на широкие массы хивинских туркмен обусловливалось их политическим и экономическим положением в ауле. Муллы и ишаны обыкновенно проживали около родовых сердаров — вождей, являясь их советниками в решении всех политических, экономических и бытовых вопросов. Родовой сердар, или вождь, всегда учитывал значение духовенства, умел всякого рода подачками приобрести над ним власть и использовать его в своих интересах.

В мирной обстановке все судебные спорные дела разбирались ишаном и муллой в качестве казия с ведома и в большинстве случаев при непосредственном участии сердара. В военной обстановке сердары использовывали духовенство для ведения переговоров с врагами и дружественными сторонами, для создания в массах определенного общественного настроения в интересах вождей.

Духовенство имело узаконенные привилегии и преимущества: оно постоянно освобождалось от всякого рода государственных и общественных налогов, сборов, повинностей. Духовенство регулярно собирало с населения в свою пользу религиозные налоги, налог со скота — «ушур», или «даяк», с урожая из расчета $^1/_{10}$ с посевов самотечного орошения и $^1/_{20}$ — с посевов чигирного орошения[1]). В дни религиозных праздников, таких, как «курбан-байрам», «ураза-байрам», а также по другим поводам и случаям духовенство получало с населения различного рода приношения.

Но основную и главную экономическую силу духовенства составляли те огромные земельные участки, которые назывались «вахымери» (вакуфным). Именно эти земли, с помощью которых духовенство жестоко эксплоатировало трудовые массы, приносили им постоянное и растущее богатство. «Дайхане приходили жаловаться на невыносимую тяжесть притеснений и поборов, главным образом, вакуфных», — пишет представитель Коминтерна, работавший в 1920 году среди хивинских туркмен[2]).

Вот почему все мусульманское духовенство от малого до большого, от низшего «муджевура» (служителя кладбища) до высшего «ахуна» ревниво цеплялось за вакуфные земли, объявляя их неотъемлемой частью религии, и единым фронтом выступало против революционеров, когда те затрагивали вопрос о вакуфах.

Влияние духовенства обусловливалось еще и тем, что просвещение всецело находилось в его руках. В Ташауэском округе в изучаемый период действовало два типа духовных школ: «мектеб» — начальная школа и «медрессе» — средняя школа. Мектебы обычно существовали при мечетях, в крупных населенных пунктах, а медрессе — при крупных полугородских мечетях или в районных центрах.

Правительственная комиссия по обследованию Ташауэского округа зарегистрировала на 1 апреля 1926 года следующее состояние духовных школ:

---

[1]) П. П. Иванов. Архив хивинских ханов. Ленинград, 1940, стр. 180.

[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 33, л. 40.

Наименование районов	Количество действующих духовных школ	Количество учителей	Количество учащихся	Из них девочек
Ташаузский	10	10	134	34
Порсинский	10	10	101	—
Тахтинский	12	11	80	—
Ильялинский	51	51	668	84
Итого[1]) . . .	83	82	983	118

О количестве духовных школ в округе до 1926 года сведений мы не имеем, но надо предполагать, что их было тогда гораздо больше, чем в 1926 году, ибо, как отмечает правительственная Комиссия по районированию округа, духовные школы, не выдерживая конкуренции с советской школой, к 1926 году находились в стадии постепенного отмирания.

Духовные школы в Хорезме существовали издавна и в большом количестве, но влияние их на культуру и образование народа было ничтожным. Мусульманское духовенство вообще, а туркменские «ахуны», «ишаны» и «муллы», в особенности по сравнению с православным, католическим и прочим духовенством являлось невежественным и диким.

Духовные учителя не только с азиатской жестокостью избивали и истязали учащихся, не могущих усвоить смысл молитвы на чужих (арабском и фарсидском) языках, но и заставляли учащихся детей дайхан целыми днями работать по обработке вакуфных участков при мечетях. Муллы-учителя требовали от учеников и родителей беспрекословного исполнения всех их прихотей. «Наши муллы не учили, а мучили, детей», — рассказывают старики. Почти 80—90% учащихся духовных школ после нескольких мучительных лет обучения уходили из школ совершенно неграмотными.

Вот почему, несмотря на наличие широкой сети духовных школ, трудовое население Ташаузского округа ко времени установления здесь Советской власти оказалось поголовно неграмотным. «В отношении грамотности населения Ташаузского округа, — писал один из членов Комиссии по районированию, — представляло собой весьма печальную картину, грамотных среди населения насчитывалось весьма и весьма мало. Их можно было встретить только среди семей мулл и ишанов, среди же рядового дайханства грамотность отсутствовала»[2]).

Доверчивые по своему характеру, неграмотные туркмены с уважением относились к людям грамотным, умеющим читать и рассказывать. Духовные учителя пользовались этим в своих интересах. Их выступления обычно привлекали большую аудиторию. Но тем не менее это не мешало дайхану всей душой ненавидеть мулл, как эксплоататоров и защитников эксплоататоров. Первые советские учителя-коммунисты в Ташаузском округе обратились к родителям с заявлением: «Отдавайте учиться своих детей и учитесь поголовно все сами»[3]). В результате де-

[1]) Без Куня-Ургенчского района, по которому сведений нет.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 562, л. 185.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 33, л. 43.

ятельности советских школ доверие дайхан к муллам стало быстро падать.

Влияние духовенства на туркменских дайхан обусловливалось не только политическим и экономическим положением самого духовенства, не только тем, что все дело народного образования находилось в их руках.

Большое значение имело и то, что духовенство являлось монополистом и в медицине. В досоветский период социальные болезни в Ташауз-ском округе были развиты до угрожающих размеров. Первый советский врач, посланный в Ташауз, писал: «Недавняя, почти полная оторванность Ташаузского округа от окружающих более культурных районов, в силу изолированности его от внешнего мира не только морем песков, но и существованием до самого последнего времени замкнутого родового быта, не дает возможности остановить даже в ближайшее время развитие малярии, сифилиса и туберкулеза — настоящих социальных заболеваний, грозящих вымиранием населению округа»[1]).

Многие аулы и кишлаки округа, страдавшие от безводья, поднимали воду для полива своих посевов посредством чигирей, но из-за недостатков оросительных систем оказывались окруженными болотами, являвшимися очагами развития малярии.

Не только в ауле, где малярия была следствием недостатков оросительной системы, но и в городах было огромное количество людей, страдавших от малярии.

В Ташаузском округе в июле — сентябре с заходом солнца всякая жизнь прекращалась. Население как в городе, так и в ауле забиралось под полог, спасаясь от укусов комаров. Малярией страдало большинство населения районов хивинских туркмен.

В конце сентября 1924 года в районах Ташауза было обнаружено среди детей школьного возраста 40 процентов больных тропической малярией[2]). Врачи свидетельствовали, что в районах Порсы, Ильялы и Тахты в течение последних трех лет тяжелыми формами малярии заболевало 60% взрослых со смертностью около 5%[3]).

Ежегодная смертность от тяжелой тропической малярии достигала одного процента. Из-за нее же почти каждый дайхан терял в период полевых работ 20—30 рабочих дней. Детская смертность была чрезвычайно велика не только из-за малярии, но и из-за других болезней.

Из общего количества 272 взрослых мужчин, обратившихся в емрелинских аулах за врачебной помощью, оказалось до 35% подозрительных на заболевание сифилисом.

Наиболее распространенными болезнями среди хивинских туркмен были сифилис, малярия, трахома, чесотка, парша, сыпной тиф и отчасти туберкулез. При такой распространенности болезней в районах хивинских туркмен до установления Советской власти никаких медицинских учреждений не было, и население за лечебной помощью вынуждено было обращаться к невежественным табибам (знахарям).

Табибы лечили различными травяными лекарствами, состав которых они держали в секрете. Порезы, ушибы, ожоги обыкновенно присыпались «священным песком» или чаем с табаком; сыпи, раны смачивались мочей. Против сифилиса никаких мер не принималось, так как эту болезнь объясняли божьим наказанием.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 385, л. 85.
[2]) Там же, л. 91.
[3]) Там же, л. 96.

Духовенство, кроме духовных треб, также занималось табибством. По заведенному обычаю больной, чем бы он ни болел, сначала отправлялся к духовному лицу — ишану или мулле.

Ишан или мулла больному писал староарабским шрифтом на клочке бумаги молитву на фарсидском языке, так называемую «дога». Эту молитву больной полоскал в воде и затем пил эту воду, или же, завернув в тряпку долгое время насил бумагу с молитвой в одежде или тюбетейке, «тумар».

Таково было состояние народного образования и здравоохранения среди хивинских туркмен ко времени образования ХНСР. Почти так же обстояло дело и у хорезмских узбеков, кара-калпаков и казахов.

По данным на 1 сентября 1920 года, 98% населения Хорезмской республики было совершенно неграмотно[1]). В то же время в республике, по неполным данным, насчитывалось 25 500 духовных лиц (ишаны, ахуны, муллы, муфтии, дамуллы и проч.), концентрировавшихся в 47 медрессе, 77 мечетях (и мектебах при них) и 4 кариханах[2]).

Из сказанного видно, какая громадная задача стояла перед коммунистической партией и Советской властью в области просвещения и здравоохранения народов Хорезма. И в этой области правительство молодой Хорезмской Народной Советской Республики при всесторонней помощи РСФСР сумело сделать очень многое. Насаждая новое, правительство ХНСР заботливо сохраняло исторические памятники хорезмского народа. Постановлением от 11 апреля 1920 года правительство ХНСР в бывшем ханском дворце учредило народный музей для того, чтобы, как это сказано в постановлении «сохранить для будущих поколений все те предметы, которые относятся к культуре хивинского народа в прошлом и настоящем»[3]).

Специальным постановлением в стране были запрещены всякого рода азартные игры, бачебазство и были закрыты различные притоны[4]).

В 1921 году РСФСР отпустила ХНСР ссуду в 40 миллионов рублей на открытие 8 школ первой ступени, учительских курсов, дворца просвещения, детского сада, типографии, трудколонии-интернаты, Народного банка[5]).

Благодаря постоянной и все растущей помощи РСФСР к 1 мая 1923 года ХНСР имела (в ведении назирата просвящения) 35 советских школ, из которых две были специальными школами повышенного типа, учительскую семинарию с 62 студентами[6]), 8 школ-интернатов с 300 учащимися, 25 начальных училищ с 925 учениками[7]).

Сколько советских, или так называемых новометодных, школ было открыто в Ташаузском округе, нам неизвестно. По данным на 1 сентября 1924 года, в «Туркменской области ХНСР функционировали 2 трудовые школы и 3 интерната»[8]). На 1 декабря 1924 года в районах хивинских туркмен было взято на учет 18 964 детей школьного возраста, из которых всего-навсего 160 человек были охвачены школой[9]).

---

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. 71 Хорезмского ЦИК, оп. 1, д. 112, л. 6.

[2]) ЦГАОР УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 94, л. 13. Карихана — заведение где происходило толкование шариата.

[3]) Там же, ф. 71 Хорезмского ЦИК, оп. 1, д. 1, л. 4.

[4]) Там же, л. 5.

[5]) Там же, ф. 1318, д. 1231, л. 14.

[6]) В университеты и семинары поступали взрослые, ранее окончившие духовные мектебы и медрессы.

[7]) ЦГАОР ТССР, ф. 54, д. 12, л. 45—46.

[8]) ЦГАОР УзССР, ф. 72 Совназиров ХНСР, оп. 1, д. 11, л. 79.

[9]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 890, л. 555.

Хорезмская республика ощущала большой недостаток в подготовке кадров вообще, учительских кадров, в особенности. В докладе Экономического совета ХНСР за 1923 год мы читаем: «В Хорезме совершенно отсутствуют специалисты по отдельным отраслям хозяйственного и культурного строительства, население в подавляющем своем числе (вероятно, до 99%) безграмотно, а государственный аппарат состоит, за ничтожным исключением, из людей, окончивших низшие конфессиональные школы[1]). Так, в Хорезмской республике работает (и то в последнее время) только один агроном со средним образованием. Учителей с высшим европейским образованием нет ни одного, врачей вне города Хивы тоже не имеется, нет также ни одного инженера с полным русским образованием»[2]).

На 1 мая 1923 года в ХНСР всего насчитывалось, как это видно из доклада правительства ХНСР, 62 муаллима—учителя[3]). «Хорезм не имеет ни одного педагога, — говорится в докладе правительства ХНСР, — со средним образованием. Есть учителя, которые не умеют писать. С другой стороны, количество обучающихся в школах едва достигает 2,5% общего числа детей школьного возраста»[4]).

В области здравоохранения наблюдалась еще худшая картина. В Хорезме существовала раньше одна больница и та, как говорится в том же докладе хорезмского правительства, с 1917 по 1920 год «в силу политических событий в стране» не функционировала. Только при ХНСР были приглашены 4 военных фельдшера вести амбулаторный прием в Ташаузе, Дарган-Ате, Куня-Ургенче и Ильялы. В других, более населенных городах страны было открыто всего лишь 4 амбулаторных пункта[5]). Во всей республике, указывалось в докладе правительства Хорезмской республики, имелось три врача. На одного врача, следовательно, приходилось свыше 200 тысяч жителей[6]).

В ханское время даже тюрьма содержалась за счет самих заключенных, которые обязаны были вносить в пользу ханской власти 9 теньги (1 р. 80 к.) в месяц с человека[7]).

Социального обеспечения трудящихся в Хорезмской республике почти не существовало. «Один обеспечиваемый, — говорилось в докладе правительства Хорезма, — получал в месяц всего лишь 24 копейки». Учтенное количество обеспечиваемых относится только к гор. Хиве. В остальных пунктах республики никакого учета подлежащих обеспечению не производилось. Необходимость обеспечения устанавливалась аксакалами гор. Хивы, согласно свидетельству которых и выдавалось обеспечение[8]).

Развитие внешней и внутренней торговли тормозилось отсутствием в Хорезме железнодорожных путей сообщения, неудовлетворительной работой Аму-Дарьинской флотилии и отсталостью местных грунтовых дорог.

Оторванность и изолированность Хорезма от внешних рынков вызвала в период 1916—1922 годов резкое сокращение товарооборота, отразившееся в первую очередь на производителе-дайхане.

---

1) Конфессиональные школы — духовные школы.
2) ЦГАОР УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 17, л. 3.
3) ЦГАОР ТССР, ф. 54, д. 12, л. 46.
4) Там же, л. 53.
5) Там же, л. 53.
6) Там же, л. 42.
7) Там же, л. 43.
8) ЦГАОР ТССР, ф. 54, д. 12, л. 43.

К 1917 году Хива приготовила для вывоза в Россию 700 тысяч пудов хлопкового волокна, из них было вывезено только 150 тысяч пудов, остальное уничтожено в силу тех или иных обстоятельств[1]).

Прекращение производства экспортного сырья (хлопкового волокна, семян люцерны) отразилось также на покупательной способности населения. Увеличившееся производство хлебных культур привело к перепроизводству их, что, вследствие отсутствия дешевых и удобных путей сообщения, вызвало резкое снижение цен на сельскохозяйственную продукцию.

Вместе с тем сократившийся ввоз предметов широкого потребления производства российской промышленности привел к значительному вздорожанию завозных товаров (фабрикатов и полуфабрикатов), что создало расхождение цен между сельскохозяйственными продуктами и фабрикантами, притом не в пользу производителя-дайхана[2]). Одновременно нарушился обмен между городом и деревней.

Следовательно, основной задачей в области торговли являлось тогда восстановление торговой связи российской фабричной промышленности с хорезмскими дайханами.

Как уже было указано выше, сокращение внешнего товарооборота привело к сокращению производства наиболее выгодного экспортного сырья, что понизило покупательную способность населения. Значит, развитие рыночных связей органически должно было быть связанным с развитием производства высокоценных экспортных культур.

Государственная и кооперативная торговля ХНСР, не обладавшая достаточным оборотным капиталом, при незначительности оборота еще не охватила большей части торговли и сосредоточила свое внимание на распределении завозных товаров. Но она удовлетворяла лишь около 20% потребности населения в этих товарах.

Товарооборот внутри страны был более чем на 90% сосредоточен в руках частного капитала[3]), и, следовательно, весь товарооборот складывался стихийно и охватывал благодаря этому лишь некоторые районы Хорезма.

Государственная и кооперативная торговля, локализуясь в пунктах оживленного товарооборота (на базарах), не могла еще завоевать командных позиций, недостаточность аппарата, отсутствие требующейся для продажи номенклатуры товаров, высокие цены и другие обстоятельства не могли содействовать полной и широкой связи государственной и кооперативной торговли с дайханами и кустарями-производителями.

Операции государственной и кооперативной торговли через посредников-агентов отдавали сельскохозяйственного производителя в руки частного капитала.

Из этого состояния можно было выйти только путем скорейшего восстановления и дальнейшего развития смычки хорезмского дайхана-производителя с российской государственной промышленностью и общетуркестанским рынком. Коммунисты и правительство ХНСР хорошо понимали это.

Для этой цели правительство ХНСР в июне 1922 года заключило с РСФСР экономическое соглашение[4]). Этим соглашением был преду-

---

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. 71, оп. 1, д. 112, л. 28.
[2]) Там же, д. 178, л. 60.
[3]) ЦГАОР УзССР, ф. 71, оп. 1, д. 178, л. 61.
[4]) ЦГАОР УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 79, л. 14.

смотрен ряд мероприятий, направленных к восстановлению и дальнейшему развитию экономических связей народов Хорезма с РСФСР.

Но реализация этого соглашения упиралась в состояние транспорта, в пути сообщения Хорезма с Советской Россией, с Советским Туркестаном.

В ханское время государственного транспорта в стране не было. В ХНСР 1923 год ознаменовался отменой тягчайшей для населения арбяной повинности и организацией взамен ее государственного транспорта. Государственный транспорт имел 251 лошадь, 277 арб и 45 каюков (лодок), каковыми обслуживались плановые перевозки различных грузов[1]).

Соглашение между РСФСР и ХНСР от 30 апреля 1923 года о порядке управления Аму-Дарьинской флотилией способствовало оживлению торговых отношений Хорезма с Советской Россией и Туркестаном.

Таким образом, лишь при Советской власти народы Хорезма, с братской помощью великого русского народа, получили возможность постепенно улучшить свои пути сообщения, усовершенствовать транспорт и выйти на широкий путь установления тесной связи со всеми народами Советского Союза.

Большое значение имело появление в Хорезме первых советских самолетов. О том, какое восхищение и радость вызвало у местного населения появление в Ташаузе первого советского почтово-транспортного самолета, говорится в докладе Комиссии по районированию Ташаузского округа .

«21 июня 1925 года в Ташаузе состоялось торжественное открытие регулярной почтово-пассажирской связи по линии Ташауз — Чарджоу. Эта новая связь для жизни Ташаузского округа, отрезанного от всего культурного мира, является фактором чрезвычайной важности. Первые же рейсы самолетов, перебросивших почту и пассажиров из Чарджоу и обратно с быстротой, несвойственной даже и Ташаузскому телеграфу, нередко отправляющему телеграммы каюками, внесли всеобщее оживление и в значительной степени упорядочили связь с Ташаузом»[2]).

Уже в первые годы своего существования молодая Хорезмская Народная Советская Республика под руководством хорезмской коммунистической партии, с помощью правительства РСФСР, стала быстро восстанавливать и развивать разрушенное и дезорганизованное в прежние годы хозяйство страны. Достигнутые республикой успехи получили свое отражение в резолюции IV Всехорезмского курултая Советов, состоявшегося в октябре 1923 года. В этой резолюции по докладу правительства ХНСР было сказано:

«1923 год является переломным годом в истории революционного Хорезма. Переложение налогового бремени с дайханства на буржуазию, освобождение дайханства от арбяной повинности, введение твердой отчетности, переход к бюджетному режиму, сокращение в десять раз советского аппарата, чистка местных органов власти и многое другое означает переход ханского Хорезма к Хорезму советскому»[3]).

Туркменский вопрос в ХНСР

В октябре 1923 года IV Всехорезмский курултай Советов постановил переименовать Хорезмскую Народную Советскую Республику

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. 71, оп. 1, д. 106, л. 12.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 48.
[3]) Архив УзФ ИМЭЛ, ф. 661, оп. 2/1, д. 111, л. 35.

(ХНСР) в Хорезмскую Советскую Социалистическую Республику (ХССР).

Этот знаменательный исторический шаг произошел в результате всестороннего внутреннего развития страны. Но развитие шло бы еще быстрее, если бы правительство ХНСР в период 1920—1922 годов умело, правильно подходило к политическим и национальным вопросам.

Правительство Хорезмской Народной Советской Республики до IV Всехорезмского курултая, до провозглашения Хорезма Советской Социалистической Республикой, как по своему социальному составу, так и по работоспособности не стояло на должной высоте. Характеризуя состав правительства ХНСР в 1922 году, представитель Наркомнаца писал: «В настоящий момент руководящие органы республики (президиум Хорезмского ЦИК и совет назиров) по составу своему в значительной своей части все еще принадлежат к торговому классу с некоторой примесью духовенства. Из трех коммунистов, входящих в оба эти органа, лишь один является выходцем из бедного крестьянства»[1]).

Состав правительства, избранного в марте 1921 года на 2 курултае ХНСР, постепенно, в порядке кооптирования, изменился и оказался засоренным классово-чуждыми, явно контрреволюционными элементами. Так, например, пост председателя Центрального Исполнительного Комитета занимал ярый панисламист, сын бывшего ханского казия-келана (главного казия) Ата-Максум; пост военного назира занимал бывший торговец и младохивинский хаким в Ташауэе—Джепбар-Берген Кочкаров (по прозвищу Джабак-сары); председателем Совета Народных Комиссаров стал племяник эмира бухарского — Абдулла Ходжаев (родной брат лидера младобухарцев Файзуллы Ходжаева) и т. д. Они или же их единомышленники держали в своих руках и партийное руководство Центрального Комитета Хорезмской компартии.

В результате этого создалось такое положение, когда как в центре, так и на местах официальная власть называлась советской, народной, а ее практика, действия, режим во многом еще не отличались от старого ханского или младохивинского режимов.

Сравнивая бывшее младохивинское правительство с правительством Ата-Максума, один из политработников советских войск в Хиве писал:

«Положение изменилось мало: одних, более реакционных представителей буржуазии сменили на других — наружно менее реакционных. Но власть попрежнему оставалась в руках имущих классов и политика их оставалась неизменной»[2]).

Земля с оросительной сетью, денежные средства, торговля, промышленные предприятия, рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь — все это почти полностью оставалось в руках феодалов и буржуазии. Даже бывшие ханские казенные (падшалыковые) земли в 200 тысяч танапов и вакуфные земли в 471 440 танапов (измеренные туземным способом в 1923 году[3]) не были поделены между трудящимися. Налоги были даже увеличены по сравнению с ханским временем, причем тяжесть налогового пресса попрежнему давила преимущественно на бедноту.

Золотой запас уменьшился в пять раз против ханского времени и бюджет ХНСР был остродефицитным.

---

[1]) ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 1301, л. 95.
[2]) ВО ЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 81.
[3]) ЦГАОР УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 17, л. 18.

В государственных учреждениях ХНСР царили взяточничество и воровство. О степени распространения этого зла можно судить по резолюции 2-го съезда Хорезмской компартии, принятой 20 июля 1923 года по докладу о советском строительстве. Там было сказано: «Съезд обращает внимание нового ЦК, всех партийных и советских органов на необходимость решительной и беспощадной борьбы с теми элементами, которые, перекрашиваясь в советский цвет, на деле ведут злостную антинародную политику. Съезду известно, что некоторые высокопоставленные советские сановники, пользуясь своим положением, расхищают народное добро, преследуют цель личного обогащения»[1]).

Атамаксумское правительство ХНСР явно саботировало ряд мероприятий хорезмской компартии, направленных на улучшение положения народной массы.

Положительные мероприятия правительства ХНСР были осуществлены только благодаря сильному нажиму со стороны трудящихся, благодаря инициативе и усилиям коммунистов, комсомольцев и всей революционной общественности Хорезма[2]).

Усилиями коммунистов ХНСР приняла демократическую конституцию, по которой хивинские туркмены впервые получали национальное равноправие. В 22-м параграфе Конституции ХНСР, утвержденной в апреле 1920 года I Хорезмским курултаем, вновь рассмотренной и с изменениями утвержденной III Всехорезмским курултаем в июле 1922 года, сказано: «ХНСР, признавая равные права за гражданами, независимо от их родовой, племенной, рассовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение или ограничение равноправия отдельных родов, племен или наций»[3]).

В 60-параграфе Конституции было сказано: «ВсехорЦИК, по своей инициативе или по требованию местных Советов, отличающихся особым бытовым и национальным составом, дает разрешение объединиться в одну область и составить один областной Совет»[4]).

Таким образом, хивинским туркменам предоставлялось национальное равноправие, и их районы выделялись в одну самостоятельную автономную административную область. Это было одно из самых важных достижений трудящихся хивинских туркмен, ставшее возможным благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции. Но получив право на самоопределение, хивинские туркмены не имели возможности его реализовать, не имели еще полной возможности использовать все преимущества советского строя. Для этого им нужна была братская помощь и всемерное содействие передовых народов Советского Союза, прежде всего помощь великого русского народа.

Но как и младохивинское правительство, так и последнее атамаксумское правительство ХНСР, в силу своей буржуазной природы, упорно отгораживались от РСФСР и от других социалистических республик и тем самым держали народы Хорезма в состоянии отсталости и нищеты. Хорезмская буржуазия не желала принимать помощь и содействие социалистических республик, окружавших ХНСР и всемерно помогавших трудящимся Хорезма.

---

[1]) Архив УзФ ИМЭЛ, ф. 361, оп. 2/1, д. 111, л. 32.

[2]) ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 1301, л. 61.

[3]) Так сказано и в резолюции IV Всехорезмского курултая Советов. См. Архив УзФ ИМЭЛ, ф. 361, оп. 2/1, д. 111, л. 36.

[4]) ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 1301, л. 68.

Правительство ХНСР в своем отношении к национальным меньшинствам (туркменам, кара-калпакам, казахам) шло наповоду буржуазных шовинистов узбекской верхушки. Этот шовинизм, носивший агрессивный и упорный характер, выражался и в том, что ни в составе атамаксумского правительства, ни в составе членов ЦК ХКП не было ни одного туркмена, несмотря на то, что еще в марте 1921 года Туркбюро Коминтерна дало указание «об обязательном введении в Центральный Комитет хорезмской компартии не менее одной трети туркмен»[1]).

Узбекская правящая верхушка ХНСР старалась задержать внутреннее социальное развитие туркменского населения, старалась сохранить и укрепить среди туркмен родо-племенную вражду и обособленность. Сохранились у туркмен и старые порядки управления.

В административном отношении каждое бекство делилось на аксакальства, которые в свою очередь делились на аулы и мечеткаумы. В конце 1924 года в туркменских районах насчитывалось 270 аксакальств[2]). Система аксакальства в туркменских аулах до революции не существовала, и она была введена по инициативе правительства ХНСР. До этого в туркменских аулах существовало родовое мохердарство, когда во главе каждого рода стоял сердар — родоначальник, который назывался мохердаром (носителем ханской печати), а во главе родовой подгруппы (звеньев рода) стояли кетхуды, назначаемые мохердарами. Мохердары подчинялись не городским бекам (хакимам), назначаемы ханом для управления городом и населением в окрестности города, а непосредственно центральной ханской власти.

При ХНСР в системе административного управления туркменских районов произошли лишь незначительные изменения. Они выразились в том, что «мохердарский» чин родоначальника (сердара) был отменен. Но фактически они попрежнему оставались сердарами (вождями) рода, а их подручные — кетхуды, главари родовых звеньев, стали именоваться аксакалами.

Следовательно, изменения произошли лишь в названиях. Каждому племени было предложено иметь по нескольку аксакальств, независимо от их численности и радиуса влияния.

Такой порядок был консервацией старого уклада. Вот что писал по этому поводу один из членов Комиссии по районированию в 1924 году: «До сих пор как при ханском владычестве, так и при народной республике для облегчения управления туркменами, а, главным образом, для сохранения племенной обособленности, во избежание слияния племен в одно целое, искусственно, при помощи вождей и мулл (заинтересованных в сохранении родового начала), проводилось родовое деление в виде создания чисто племенных мелких аксакальств и подчинение их родовому вождю, совершенно не считаясь ни с экономической, ни с территориальной целесообразностью такой группировки»[3]).

Автор приводит такой пример: в Порсинском районе, где основное население составляли чоудоры, нашли среди чоудоров представителей от всех пяти крупных иомудских родов (салак, ушак, окуз, орсукчи, гарачука), их разделили на самостоятельные аксакальства, независимо от количества дворов и места жительства. Так, например, аксакальство салак объединяло всего 201 хозяйство, расположенное группами от 5 до 30 семейств по 15 ябам (арыкам), разбросанным по всему району; ак-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 38, л. 32.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 203.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 67, л. 12.

сакальство ушак охватывало 44 хозяйства, расположенных группами от 9 до 16 дворов по 6 ябам; аксакальство орсукчи объединяло 186 хозяйств, расположенных группами от 11 до 31 хозяйства по 8 ябам в разных концах района[1]), и т. д.

При этом между ними были расселены представители (члены) и других племен или родов, входящие в другое аксакальство. При таком порядке каждый иомудский аксакал из Порсинского района был подчинен только своему родоначальнику (или вождю), независимо от того, где он живет.

В таком же положении находились чоудоры Порсинского района. Так, аксакальство чоудорского рода бурунджик объединяло 157 хозяйств, разбросанных по 10 ябам от 4 до 55 семейств на каждом ябе на расстоянии от 10 до 216 верст. Причем этот аксакал имел еще так называемое подаксакальство бозоджи, по имени одного из родовых колен рода бурунджик, которое возглавлялось помощником аксакала (или кичи аксакалом) и объединяло 124 хозяйства, разбросанных по 3 ябам от 5 до 32 семейств[2]). Так было у всех родов и племен.

Следовательно, система административного деления туркмен была основана на племенном и родовом принципе: племенные и родовые аксакальства не имели определенно ограниченной территории; группы отдельных хозяйств, входивших в то или иное аксакальство, были разбросаны по всей территории района и подчинялись через своего аксакала родовому сердару, проживающему в другом районе. Сердары отчитывались перед хивинским правительством. Этот порядок был установлен сверху, вопреки желаниям народной массы и во вред ее интересам. Насильственно поддерживаемые родовые связи облегчали хивинской власти сбор налогов и проведение всякого рода натуральных повинностей.

Аппарат управления туркменами был построен также на основе усиления и сохранения авторитета родо-племенной феодальной верхушки.

Туркмены жили хуторами по ябам, не имея определенных административных населенных пунктов для жилья и концентрируясь вокруг мечети, вокруг дома ишана или муллы, или вокруг крепости родового сердара, кетхуда, аксакала или крупного бая. Но самым главным пунктом в ауле являлась крепость (кала) сердара.

У сердаров калы достигали огромных размеров, напоминая средневековые замки феодалов; за стенами устраивалось по два и даже по три двора, отделенных друг от друга стенами, в одном из них в нескольких юртах (числом до 20) проживали близкие родственники, приближенные и охрана сердара. Парадный двор вокруг стен застраивался сплошной терассой; в середине двора, засаженного деревьями, устраивался небольшой бассейн (ховуз), иногда выложенный кирпичом или оцементированный.

Это — резиденция сердара. В ней жили старые мохердары, которые, являясь чиновниками хивинского хана и влиятельными его сановниками, проживали в своей кале, управляя племенем. Сбор ханских налогов и неограниченный произвол увеличивали их благосостояние. Власть сердара или мохердара передавалась по праву наследования, но с утверждением хивинского хана. На почве наследования власти часто возникала вражда, заканчивающаяся нередко кровопролитной междоусобной войной, вследствие которой одна сторона обычно или совершен-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 67, л. 123—125.
[2]) Там же.

но истреблялась или, очутившись под властью победителя, теряла свое значение.

Трудовая масса рода и племени относилась к сердару со страхом и ненавистью. Ханское насилие, байская эксплоатация, мохердарско-аксакальский произвол, кровопролитная межродовая война, — всякое другое зло для народов исходило именно из сердарской крепости, от сердаров.

Ни сердары, ни кетхуды (советники сердаров), ни аксакалы, «назначенные властью по рекомендации сердаров из числа мелких вождей»[1]), ни мирабы (распределители воды), ни казии и муллы, — никто из этих должностных лиц административного аппарата не избирались народом, не отчитывались перед народом. Все вместе они противопоставляли себя народу и всесторонне угнетали его. Все они были баями и защищали интересы баев. Взяточники и грабители, они обременяли дайхан различного рода феодальными повинностями. Они бесстыдно и грубо нарушали адат, шариат, все законы и обычаи патриархально-родовой морали и нравственности, но в то же время силою оружия требовали от трудовой массы соблюдения родовых традиций, адата и шариата.

В этом отношении весьма характерна деятельность казийских судов. Казий — духовное лицо, ведавшее духовно-судебными делами рода, наблюдавшее за нравами, обычаями, за выполнением правил адата и шариата, за правильностью мер, весов. Казий регулировал размер платы и аренды вакуфных земель. В своей судебной деятельности казии руководствовались шариатом и адатом, и формально подчинялись казию келяну — главному духовному лицу в Хиве, ведающему духовно-судебными делами ханства (а позже ХНСР).

С ростом классовых противоречий функция казийских судов фактически перешла к родовым сердарам и кетхудам. Но рядом с ними и под их руководством действовали и духовные лица, официально утвержденные в должности казий хивинским ханом по рекомендации казия-келяна. Самым крупным из туркменских казиев являлся Мурад-казий (из иомудского племени) и по ярлыку, выданному ему хивинским ханом, ему подчинялись казии всех остальных туркменских племен.

Эта должность настолько обогатила его, как рассказывают старики, что ко времени ХНСР он имел в своем личном хозяйстве более 50 лошадей-скакунов различной породы, а на его поливной земле и ябах в данное время размещаются пять крупных колхозов[2]).

Официальные доходы казиев, кроме поступления от вакуфных земель, составлялись из платы за требы, производимые по таксе. Они производили регистрацию браков и разводов, в их руках находились судебно-исковые дела, занимались посредничеством и примирением сторон в деле кровной мести, разъясняли правила по адату и шариату. За «юридическую справку» получали аклык — приношение, кто чем может.

Все эти акты производились среди туркмен кетхудами, ишанами или муллами по поручению главного казия или сердара. Как правило, акты производились устно, а письменные акты, так называемые «казихат», составлялись лишь в исключительных случаях, при крупных сделках между баями. Формы поборов со стороны казиев были самые разно-

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 57, л. 3.

[2]) В нынешнем Тельманском районе Туркменской ССР.

образные и зависели от изобретательства и жадности этих духовных чиновников.

Так, например, до Октябрьской революции и даже при ХНСР на базарах Куня-Ургенча, Порсы, Ильялы и в других общественных местах (на тоях, казу и т. д.) внезапно появлялись казии-рейис с ясаулами (полицейскими) или нокерами и тут же на базаре допрашивали каждого дайхана, задавая ему следующие вопросы:

1. Мусульманин он или кафыр?

2. Если он мусульманин, пусть назовет пять основных обязанностей мусульманина (спрашиваемый должен был называть их по порядку: в 7-летнем возрасте сюннет (обрезание), пять раз в день намаз (молитва), в год один месяц ураза, «малдан-башдан-зекат» (платить зекат за скот и за каждого члена семьи) и, если имеешь возможность, совершить путешествие (паломничество) в Мекку на поклонение Кабу и святой гробнице пророка Магомета.

3. Знает ли он мусульманскую молитву келеме?

4. Регулярно ли он платит зекат за скот и чем он может это подтвердить?

5. Пусть он назовет свой род, родословные звенья и родовые яшуллы (родоначальников).

Очень редко находились дайхане, которые могли полностью ответить на эти вопросы. Дайхане, путавшиеся в ответах, тут же, на глазах публики, подвергались нокерами казия избиению дурой (широким ремнем) и денежному штрафу. Дайхане, которые не могли подтвердить «кази хатом» или тремя свидетелями (один из которых должен быть бай) того, что они уже платили зекат, принуждались тут же вторично платить налог или же дать «дил хат» (расписку) в том, что они обязуются уплатить его в определенный срок[1]).

В годы ХНСР казийские суды не были реформированы, если не считать того, что теперь казий официально назначался председателем коллегии хорезмского духовенства Баба-ахуном[2]). Количество их увеличилось в несколько раз. При ХНСР в каждом городе или крупном населенном пункте была учреждена специальная контора — казихана, в которой сидели трое духовных лиц: кази-рейис, его заместитель и мурза (писарь). Они отличались от дореволюционных судей тем, что каждую официальную сделку оформляли в письменном виде. Взяточничество среди них процветало еще больше, чем прежде. Радиус их деятельности ограничивался пределами города, а за городом, в туркменских аулах, судили и грабили дайхан сердары и ставленники Мурад-казия.

«Судебных заседателей,—говорится в докладе Комиссии по районированию, — в казийском суде нет, и все дела решает казий единолично или его заместитель. Авторитет этих судей незначителен, на что указывает незначительность их практики (70—80 дел в год)»[3]).

Руководящие органы партии большевиков и Советской власти РСФСР и Туркестана постоянно советовали хорезмским коммунистам взять решительный курс на ликвидацию патриархально-феодального наследия, сохранившегося в общественных отношениях местного населе-

---

[1]) Из рассказов старожил.

[2]) Это тот самый Баба-ахун, который в 1917 году возглавлял младохивинский меджлис, а потом при Юсупове был заместителем председателя совета назиров. См. ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 67, л. 133.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 67, л. 139, 140.

ния. Лишь создание Советов трудящихся как органов власти на местах могло обеспечить охрану бедноты и батрачества от всякой эксплоатации. Необходимо было энергичней осуществить связь с советскими социалистическими республиками, прекратить среди туркмен междоусобную борьбу родов и племен и, опираясь на бедняцко-середняцкие массы, подорвать патриархально-феодальные взаимоотношения. Первоочередной задачей правительства должно было быть расширение ирригационной сети, как главного средства для ослабления межродовой и межнациональной борьбы. Правительственный орган по распределению воды должен был уничтожить привилегированное положение байства в водопользовании. Особое значение имело создание общенациональной народной армии, противостоящей дружинам родовых вождей.

Необходимо «...покончить с недопустимыми тенденциями национального обособления, покончить со склокой и борьбой групп, дезорганизующей деятельность партии», — писал ЦК РКП(б) в циркулярном письме к компартии Туркестана от 11 января 1922 года[1]).

Ни одно из этих указаний не было осуществлено в ХНСР, где власть все еще находилась в руках контрреволюционной буржуазно-националистической верхушки.

Одним из самых наглядных результатов политики шовинизма, проводимой правящей узбекской феодально-байской верхушкой ХНСР, было усиление басмачества среди хивинских туркмен. В той части резолюции IV Всехорезмского курултая Советов (октябрь 1923 года), где характеризовалась деятельность бывшего атамаксумского правительства ХНСР, совершенно ясно сказано:

«Попытки правительства усилить борьбу с басмачеством не только не способствовали уменьшению его, но, наоборот, в силу неумелых, нетактичных действий главы правительства, способствовали увеличению его и обострению национальной вражды»[2]).

Опыт существования ХНСР подтвердил, что социальные и национальные вопросы Хорезма могут получить свое полное разрешение только в рамках социалистической республики, при наличии диктатуры рабочего класса.

---

[1]) Газета «Жизнь национальностей», № 3 от 26 января 1922 г.
[2]) Архив УзФ ИМЭЛ, ф. 361, оп. 2/1, д. 111, л. 36.

Глава IX

БАСМАЧЕСТВО И ЕГО ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ХОРЕЗМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

в 1921—1924 годы

Слово «басмач» получило широкое распространение и известность со времени завоевания русским царизмом Средней Азии. «Басмач» (басмачилык — басмачество) происходит от глагола «басмак», что значит насиловать, притеснять, грабить.

После Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии басмачество приобрело резко выраженный политический, контрреволюционный характер, как одно из острых форм сопротивления байства, как вооруженное выступление байства против советской власти.

В силу ряда условий мусульманскому духовенству, баям и родовым сердарам удалось это движение направить в контрреволюционное русло борьбы с большевизмом, с Советской властью. Басмачество стало контрреволюционной силой, антисоветским, антинародным движением байства. Если до Октябрьской революции это движение было выражением протеста большинства народа против гнета меньшинства (байства), то теперь оно становиться выражением протеста меньшинства против свободы, против рабоче-дайханской власти большинства народа.

В годы борьбы народов Средней Азии и Хорезма за Советскую власть басмачество представляло собой контрреволюционную стихию, разросшуюся на фоне общей экономической разрухи. Экономическая разруха, застой и голод, вызванные империалистической войной и гражданской войной, усиление классовой борьбы и ненависть со стороны баев к советской революции способствовали превращению басмачества в массовое движение, охватившее тысячи людей. Басмаческие шайки пополнялись за счет разоренных, обездоленных и главным образом деклассированных элементов.

Басмаческое движение в Хорезме открылось в 1920 году выходом шайки Джунаид-хана в Кара-Кумы. Но еще раньше, с 1918 года, басмачество возникло под руководством Мадамин-бека в районах Ферганской долины Узбекистана.

В начале 1921 года в Ферганской долине уже насчитывалось до шести тысяч басмачей. Это был момент наивысшего подъема басмаческой волны в Фергане. Преобладающими лозунгами являлись: «Туркестан для туземцев», «Защита шариата» и т. д. [1]).

С осени 1920 года в восточной Бухаре на территории Таджикистана образуется новое, крупное басмаческое движение во главе с свергнутым

[1]) Журнал «Новый Восток», № 29, стр. 133.

бухарским эмиром. Между басмачеством ферганского Мадамин-бека, каракумского Джунаид-хана и бухарского эмира мы находим много общего — все они имели антисоветскую контрреволюционную, белогвардейско-байскую сущность. Все они были тесно связаны с иностранными интервентами.

«Безусловно, басмачество в 1918—1922 годы, кроме прочих причин, поддерживалось колонизаторством и злоупотреблениями органов Советской власти того времени, мало чем отличавшейся в отношении коренного населения от царского чиновничьего режима»[1]).

Для понимания социального характера басмачества и причины его развития, важнейшее значение имеют отдельные документы и высказывания М. В. Фрунзе, относящиеся к 1919—1920 г.г., ко времени его деятельности в Средней Азии. Так, например, М. В. Фрунзе в своем воззвании «К мусульманскому населению Ферганской области», выпущенном им 2 мая 1920 года от имени командующего войсками Туркестанского фронта, писал:

«Товарищи мусульмане! К вам, жителям городов и аулов разоренной, залитой кровью Ферганы, обращаемся мы, представители Советской власти, с нашим словом.

Братья! Два с лишним года льется кровь по всей Фергане; два с лишним года измученное население области не знает отдыха и не может спокойно трудиться; два с слишним года шайки басмачей терроризируют мирных жителей, угоняя их скот, забирая жен и сыновей, лишая последнего достояния. В результате их грабительских подвигов все население стонет, поля не обработаны, ибо их нечем было пахать, отцы и матери оплакивают тысячи погибших детей, все хозяйство прежде цветущего и богатого края на краю полного уничтожения.

Чем же объясняется столь долгое хозяйничанье басмаческих шаек? Почему народ, объединившись около Советской власти, могучим усилием воли своей до сих пор не сбросил с шеи грабителей?

К сожалению, надо признать, что большая доля вины за это ложится на самую власть Ферганы. Надо признать, что первые представители и организаторы Советской власти в Фергане не оказались на высоте своего положения и вместо сплочения трудящихся масс оттолкнули их от себя. В ряды Советской власти проникало тогда много элементов, не имеющих ничего общего с революцией и интересами бедноты, элементов, которые вместо служения народу занимались набиванием собственных карманов путем насилия над населением.

Деятельность же прежних советских отрядов, не имевших понятия об истинном долге воинов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, позволявших бесчинства и грабежи, еще более убивали в народе веру в Советскую власть. Это дало повод врагам трудового народа говорить, что Советская власть не друг его, что она сама притесняет бедноту. И на этой почве мелкие разбойничьи шайки стали пополняться притоком новых сил, искавших здесь защиты от несправедливости власти. На этой почве среди населения сложился взгляд на басмачество, как на средство защиты от власти. Вот что дало ему силу, сделало способным с лишком два года терзать народ.

Но вот, — продолжает М. В. Фрунзе, — с восстановлением связи с Центральной Россией в политике Советской власти наступает резкий пе-

---

[1])Газета «Жизнь национальностей», № 16 от 19 августа 1922 г.

релом. Все негодяи, грабители, примазавшиеся к революционной власти для достижения своих личных целей, изгоняются из ее рядов. Начинается привлечение к власти широких кругов мусульманского населения города и кишлака. Устанавливается полное равноправие всех наций. Прекращаются все безобразия отдельных представителей власти. В войсках создается с прибытием свежих сил из центра порядок и дисциплина. Все это открыло глаза мусульманской бедноте на истинную сущность Советской власти, показало ей,что только под флагом Советской власти трудящиеся города и деревни смогут зажить хорошо. Стало понимать это и мусульманство Ферганы, которое презрело и отшатнулось от басмачества. Чувствуя, что народ отошел от них, наиболее чуткие вожди басмачей сами пошли навстречу его желаниям и признали Советскую власть.

Только меньшая часть, наиболее развращенная разбойничьей жизнью, нажившая себе капиталы на народной нищете, не пошла этим путем... Многие из басмачей, перешедших на советскую сторону, увидев, что грабить им больше не дают, что им приходится жить, как и остальным, заколебались в своей верности власти. Не могли они отказаться от права жить праздно и привольно на шее народа, и вновь изменили своей клятве верности, вновь пошли в ряды закоренелых разбойников Курширмата и Хал-Ходжи. И вот, вместо мира и спокойствия, в Фергане вновь полилась кровь.

С этим пора кончать. Пора каленым железом выжечь язву басмачества»[1]).

Товарищ Фрунзе призвал дайхан притти на помощь Советской власти по искоренению басмачества.

В таком же духе говорится в резолюции VI съезда компартии Туркестана в августе 1921 года по вопросу о причинах массового басмаческого движения и о мерах борьбы с басмачеством.

«Конечно, злоупотребления отдельных органов Советской власти, отсутствие до сих пор реальной, хозяйственной помощи трудовому дайханству — эти причины в свою очередь действовали до сего времени, толкая в ряды басмачества и пролетарские элементы, но руководящая роль принадлежит байству, борющемуся за сохранение своих экономических и гражданских привилегий»[2]).

Итак, байская классовая сущность басмачества после октябрьского периода всюду была одинакова. Тем не менее при изучении причин массовости басмаческого движения в 1918—1922 и последующие годы необходимо учитывать специфическую, социально-экономическую и политическую особенность отдельных районов, зараженных басмаческим движением, учитывать конкретно историческую обстановку, в которой возникло и развивалось басмачество. Историческая обстановка, при которой началось басмаческое движение в районах хивинских туркмен, была совершенно иной, чем та, которая имела место в районах Ферганской долины.

В 1920—1922 годы политическая особенность Хорезма в целом, а районов хивинских туркмен в частности, заключалась в том, что здесь существовала не Советская власть, а власть хивинской буржуазии,

---

[1]) ЦА РККА, ф. 110, оп. 1, д. 106, л. 66—67, см. также «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Сборник документов, Москва, Воениздат, 1941 г., стр. 105—106.

[2]) Газета «Жизнь национальностей», № 18 от 16 сентября 1921 г.

оформленная как «народная республика». Шовинистическая, антитуркменская политика правительства младохивинцев (затем атамаксумовцев) усилила, расширила басмаческое движение в Кара-Кумах, прилегающих к районам хивинских туркмен.

«Хорезмская революция 1920 года привела к власти либерально настроенную буржуазию, которая в Хорезме была уже достаточно сильна. Правительство, состоявшее из богатых купцов-узбеков, не сделало ничего для ослабления национальной вражды; наоборот, при нем эта вражда обострилась, так как борьба с Джунаидом превращалась в поход против туркмен вообще»[1]).

Младохивинское правительство, раздувая национальную рознь, провоцируя против туркмен карательные экспедиции, старалось инициаторами этой антинародной политики изобразить местных большевиков и представителей РСФСР в Хиве.

Самые реакционные мероприятия, проводимые контрреволюционным правительством для того, чтобы озлобить и натравить народную массу на коммунистов, объяснялись ишанами, муллами, духовенством и байством, как мероприятия коммунистической партии, Советской России, Красной Армии.

Так, например, тазабагский расстрел туркменских добровольцев во главе с Гочмамед-ханом в сентябре 1920 года в городе Хиве, организованный и совершенный младохивинским правительством, врагами советской революции, был целиком и полностью приписан большевикам, Красной Армии, Советской власти. Неграмотные, темные трудящиеся туркмены и узбеки верили контрреволюционным агитаторам, распространявшим эти слухи.

«Тазабагский погром», контрреволюционная агитация, поднятая в связи с ним и проведенная вслед за ним провокационная карательная экспедиция Юсупова и Дубянского, были широко использованы классовыми врагами трудящихся для умножения рядов басмаческой шайки Джунаид-хана.

Широкая масса хивинских туркмен вместе с узбекскими трудящимися даже в годы младохивинской реакции питала симпатию к Советской власти, Красной Армии, к коммунистам. Именно это и озлобляло младохивинцев, толкало их на любые провокации для того, чтобы усилить среди туркмен недовольство коммунистами и Красной Армией, держать туркмен в состоянии волнения и восстания и тем самым обострять их отношения с хивинскими частями Красной Армии, с представительством Советской России, с коммунистами.

Для этой цели видные представители младохивинской власти в районах хивинских туркмен втайне вошли в связь с Гулам-Али-ханом, Нур-Гылыч-батыром, Язан-окузом, Якши-Гельди-беком и другими главарями туркменского волнения и уговаривали их не мириться с Красной Армией, не поддаваться на уговоры и обещания членов московских и ташкентских комиссий и местных коммунистов. Младохивинцы пугали их расправой после мира, советовали присоединиться к басмаческой шайке Джунаид-хана, уверяя в скором падении Советской власти в России и Туркестане.

Так поступили ильялинский, ташаузский и куня-ургенчский беки младохивинского правительства. Это подтверждается многочисленными

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 195, л. 35. Из информационного письма Политуправления Туркестанского Реввоенсовета от 5 августа 1924 г.

сообщениями разведывательных органов Красной Армии. В одном из них было сказано следующее:

«Намерение Гулам-Али подчиниться Советской власти остановлено ташаузским беком путем провокационного письма, в котором говорилось об уходе советских войск из Хивы и о тяжелом положении Советской России, вследствие объявления ей всеми правительствами мира войны»[1]).

Несмотря на все провокации младохивинцев, у той части туркменских дайхан, которая бежала в Кара-Кумы в связи с всеобщим волнением после тазабагского события и карательной экспедиции Юсупова и Дубянского, тяга к мирной жизни и желание участвовать в революции для свержения младохивинской буржуазной власти изо дня в день усиливались. Поэтому в середине марта 1921 года Гулам-Али и другие главари волнения прекратили сопротивление и явились в Порсы к Туркменскому Исполбюро.

Но, когда 8 апреля 1921 года в Порсы явились Якши-Гельди-бек и Ашир-бай с заявлением о повиновении, младохивинское правительство арестовало их с обвинением «в подготовке к свержению Туркменского Исполбюро в Порсах». Это была новая провокация младохивинцев, рассчитанная на усиление недоверия к коммунистам и представителям Советской России. Но по настоянию представителей Москвы и Ташкента они были немедленно освобождены из-под ареста.

Такая политика младохивинского буржуазного правительства усиливала басмаческий лагерь Джунаид-хана в Кара-Кумах.

Численность басмаческой шайки Джунаид-хана в момент его ухода в пески в конце февраля 1920 года не превышала 200 всадников. В связи с волнением туркмен, вызванным тазабагским событием и карательной экспедицией Юсупова и Дубянского осенью 1920 года, численный состав вооруженной банды Джунаид-хана увеличился до 1 000 человек[2]).

В январе 1921 года казахские беки Кунградского района Темир-Али-хан и Бала-бий после занятия Кунграда красными ушли в банды и присоединились к Джунаид-хану. Шайка Темир-Али-хана и Бала-бия состояла главным образом, из казахских, кара-калпакских и узбекских баев Кунградского и Ходжейлинского районов.

В феврале 1921 года из туркменского района Дарган-Ата ушли в басмачество и присоединились к Джунаид-хану 200 всадников во главе с известным туркменским ишаном Воли-Мамедом и его братом Агаджан-ишаном. Эта шайка состояла из различных туркменских племен—иомуд, ата и теке. В результате провокационных действий младохивинских беков в феврале 1921 года ушли в лагерь басмачей Джунаид-хана Анна-бала — родоначальник племени емрели из районов Ильялы и Дурды-Гылыч-хан из иомудов Куня-Ургенчского района.

Так сложилась и усилилась басмаческая банда Джунаид-хана в районе центральных колодцев Кара-Кума.

Социальный состав басмаческих шаек, во главе которых стоял старый бандит, бывший кровавый диктатор Хивы, «царь песков Кара-Кума» Джунаид-хан, был довольно пестрый. Верхушка мусульманского духовенства, бывшие крупные скотовладельцы и мюлькдары, члены семейств родовых сердаров, бывшие ханские мохердары и кетхуды явля-

[1]) ЦА РККА, ф. 994-б, оп. 2, д. 236, л. 34. Сообщение относится, примерно, к началу марта 1921 года.

[2]) ЦА РККА, д. 234, л. 105.

лись наиболее устойчивыми и руководящими кадрами басмаческой банды Джунаид-хана.

Духовенство обычно играло роль пропагандистов и агитаторов басмачества как в вербовке дайханства в банды, так и в идеологическом оформлении басмаческого движения. А мохердары и родовые сердары являлись военачальниками басмаческих отрядов.

Наиболее видными главарями басмаческих шаек Джунаид-хана являлись представители феодальной верхушки следующих туркменских родов:

Иомудского рода орсукчи:

Сам Джунаид-хан и его сыновья Эши-хан и Игдир-хан.

Шихим-сюлгун — крупный бай из аула Бедеркент Тахтинского района, бывший джунаидский «министр» по внешним дипломатическим делам.

Черрик-бай — бывший джунаидский «главнокомандующий», крупный бай из той же местности.

Атабай-гырымса — тесть Джунаид-хана и его постоянный советник, самый крупный землевладелец и скотовод из той же местности.

Гоклен-бала (или Гоклен-батыр) — бывший джунаидский хаким в Мангите, крупный феодал и торговец чаем и оружием из аула Гара-Ыылгын, ныне Тельманского района.

Дурды-бай — бывший джунаидский хаким в Ильялы, а затем в Гурлене, крупный бай из аула Бедеркент Тахтинского района.

Дурды-коне — бывший джунаидский хаким в Куня-Ургенче, крупный землевладелец и скотовод из аула Колли Куня-Ургенчского района.

Реджеп-хан — бывший начальник телохранителей Джунаид-хана, крупный бай из аула Ата-Яб Ильялинского района.

Дурды-Гылыч-хан — бывший джунаидский хаким в Кунграде, крупный мюлькдар из аула Колли Куня-Ургенчского района.

Мамед-Гылыч-Яглы — бывший главный казий Джунаид-хана, крупный вахымдар из аула Бедеркент Тахтинского района.

Халдурды-бек — бывший джунаидский хаким в Порсы, крупный бай из аула той же местности и другие.

Иомудского рода ушак:

Сеид-Мамед-бек (или Ушак-бек) — бывший ханский мохердар, затем «главнокомандующий вооруженными силами» рода ушак при диктатуре Джунаид-хана, самый крупный землевладелец и скотовод из аула Темеч Тахтинского района.

Сапар-Депмечи — бывший джунаидский хаким в Ташаузе, «главнокомандующий всеми вооруженными силами» Джунаид-хана, крупный мюлькдар и торговец рисом из той же местности.

Ахмед-бек — самый крупный мюлькдар и владелец торгового каравана из той же местности.

Петали-годжик — крупный бай и кетхуд аула Керпичли Тахтинского района.

Абдурахман-ахун (Гурбан-Сеид-оглы) — духовный наставник Джунаид-хана, крупный вахымдар из той же местности.

Иомудского рода гарачука:

Шамурад-багши — бывший ханский мохердар всего рода Ёкуз, крупный землевладелец и скотовод из той же местности.

Иомудского рода ак-салак:

Абды-бай — самый крупный мюлькдар и скотовод из аула Кетгенлиой Куня-Ургенчского района[1]).

Из племени емрели:

Анна-бала (или Анна-бай) — сын бывшего ханского мохердара, самый крупный землевладелец и торговец чаем и оружием, и арендатор всех базаров в районах хивинских туркмен[2]).

Байские элементы аула и города являлись главной опорой басмаческого движения. Они поставляли басмачам Джунаид-хана фураж, продовольствие, постоянно пополняли ряды его командного состава.

Часть темного, забитого дайханства, доведенного экономической разрухой и младохивинской контрреволюционной политикой до отчаяния, обманутого антисоветской агитацией духовенства и байства, на первых порах примкнула к басмаческому движению.

В начале мая 1921 года, после прибытия из Ирана и Афганистана снаряжения и боеприпасов, в ставке Джунаид-хана состоялось совещание феодально-клерикальных вожаков басмаческих отрядов с участием Воли-Мамед-ишана, Агаджан-ишана и других духовных лиц. Совещание приняло решение объявить «газават», перейти в наступление на советские гарнизоны, стоявшие в городах Хивы, распространить среди населения слухи о скором приходе войск иностранных государств[3]).

Джунаидцы начали военные действия с налетов на районные центры Ташауэского округа. 21 апреля 1921 года банда Джунаид-хана с боем захватила селение Ильялы, ограбила население, вырезала гарнизон красноармейцев в 15 человек. Другой отряд басмачей в 70 всадников под командованием Эши-хана (старшего сына Джунаид-хана) в районе Дарган-Аты, между Хивой и Чарджоу у местности Даян-Хатын, перерезал телеграф.

Однако в конце мая 1921 года силами 3-го кавалерийского полка 1-й Туркестанской стрелковой дивизии и туркменских добровольческих отрядов отряды Джунаид-хана после нескольких сражений были вновь оттеснены от культурной полосы в глубь Кара-Кумов, а в результате битвы в районе колодца Оджарлы джунаидцы были рассеяны.

Объявление «газавата» и агитация духовенства не обеспечили все же джунаидцам симпатии трудящихся туркмен.

17 июля 1921 года Джунаид-хан силой до 600 всадников в районе Ак-Тепе (между Куня-Ургенчем и Ильялы) окружил один эскадрон красноармейцев, но был отбит «благодаря тому, — писал начальник оперативного отдела кавалерийского полка, — что местные жители настроены враждебно к Джунаиду»[4]).

Как сообщал далее оперативный отдел этого же полка, Джунаид-хан после ряда неудачных налетов, «вследствие недоброжелательного отношения населения, вызванного набегами шайки на мирных жителей и военными операциями, предполагает пробраться в Персию»[5].

Многочисленные факты и документы подтверждают, что основная масса хивинских туркмен относилась к Джунаид-хану и его басмаческой орде враждебно. Социальное расслоение аула, рост классового самосознания у батрачества и беднейшего дайханства, естественно, сказались

---

[1]) Ныне Ленинского района.

[2]) Из рассказа очевидцев и старожил. Также см. ЦА РККА, ф. 994, оп. 2, д. 234, л. 81—84, д. 236, л. 26.

[3]) Из рассказов очевидцев и старожил, а также см. ЦА РККА, ф. 994-б, оп. 2, д. 236, л. 21.

[4]) Там же.

[5]) ЦА РККА, ф. 994-б, оп. 2, д. 236, л. 21.

на судьбах басмаческого движения, внося разложение в ряды басмачей. Признаками этого разложения являлись отход целого ряда главарей от Джунаид-хана, междоусобицы среди басмачей, убийство Агаджан-ишаном своего старшего брата Воли-Мамед-ишана, расстрел казахом Темир-Али-ханом своего помощника Бала-бия, за покушение последнего на жизнь Джунаид-хана, и другие аналогичные факты.

Исламская идеология для различных социальных групп местного населения, принимавших участие в басмаческом движении, была слишком общей и отвлеченной, чтобы долго и последовательно вести дайханские массы в бой с Советской властью. Лозунги «газавата» — борьба за ислам, за шариат и т. д. — имели целью не толко объединить дайхан для борьбы с советской революцией, но и являлись средством для отвлечения внимания бедноты от ее истинных классовых врагов и маскировки классовых интересов феодалов и духовенства. Дайхане это постепенно стали понимать благодаря успленной агитационно-массовой работе большевиков среди населения хивинских туркмен.

Тем не менее басмаческие шайки Джунаид-хана весной и летом 1921 года были лишь рассеяны, а не ликвидированы.

В чем же были причины того, что в операциях 1921 года басмаческий лагерь Джунаид-хана в Кара-Кумах не был уничтожен?

Это можно объяснить следующими обстоятельствами:

Во-первых, сама операция была недостаточно организована. Операция частей 1-й Туркестанской стрелковой дивизии весной и летом 1921 года в песках между Хивой и Ашхабадской железной дорогой показала, — пишет начальник военно-исторического отдела оперативного управления штаба Туркфронта, — что: «Отряды были выдвинуты в пески без достаточно продуманного снабжения. Отряды не имели своевременного подвоза продовольствия и фуража, что заставляло их зачастую отходить на исходные пункты или навстречу двигающимся транспортам. Так например, третий отряд 25 апреля, раздав последний фураж, отошел от колодца Ших на колодец Такыр-Дамлы и в следующие дни далее на колодец Дамлы, Кырк-кую, Хасарли. За полным истощением фуража и продовольствия отряд 29 апреля перешел на колодец Мирза-Чалы и далее на Хиву; в пути на Хиву отряд встретил транспорт, высланный из Хивы, но истощение лошадей было настолько велико, что отряд стал небоеспособным»[1]).

Во-вторых, не была достаточно мобилизована и вовлечена в операции против басмачества вооруженная сила трудящейся массы местного населения. В том же цитированном докладе военно-исторического отдела штаба Туркфронта об итогах операции сказано, что: «Организация местного населения в подсобные военные формы (территориальные формирования, милиция, коммунистические отряды) необходима, без его активного участия в борьбе все походы в пески окончательного результата не принесут»[2]).

Руководители операции не учли опыта борьбы с басмачеством в Ферганской долине. «Опыт борьбы с басмачеством показал, — говорится в решении конференции Ферганского областного комитета РКП(б) в 1921 году, посвященной борьбе с басмачеством, — что основным препятствием для наших войск является до сих пор незнание местных условий, языка и обычаев. Это должно быть восполнено здесь

---

[1]) ЦА РККА, ф. 110, оп. 4, д. 1080, л. 4.
[2]) ЦА РККА, ф. 110, оп. 4, д. 1080, л. 1.

созданием подлинно интернациональной Красной Армии, влитием формируемых мусульманских отрядов»[1]).

Так обстояло дело в 1920 году в районах Ферганы. А в Хиве в 1921 году не только в аулах и кишлаках, но и в городах и даже в центре не было подлинной Советской власти.

В Хорезме узбекская буржуазно националистическая верхушка во главе с Ата-Максумом, захватившая власть в свои руки, шовинистически относилась к туркменам, казахам и кара-калпакам, составлявшим национальное меньшинство в республике.

«Так как власть перешла в руки, — писал один из политработников советских войск в Хиве о младохивинском и атамаксумском правительстве ХНСР, — к только что пережившим ужасы джунаидского террора ярым шовинистам-узбекофилам, то первым шагом правительства была месть. И месть не Джунаид-хану, находившемуся вне досягаемости, а всему туркменскому народу вообще. Продолжая борьбу с уходившими в пески басмаческими шайками, под видом репрессий за пособничество, новое правительство обрушивается национальным террором на туркменские кишлаки, уничтожая их и оттесняя в пески, где они поневоле становились басмачами»[2]).

«Неумелая политика хорезмского правительства и военного командования по отношению к туркменам, — писал ЦК хорезмской компартии,—повела к тому, что, кроме организованного басмачества Джунаид-хана, начинают во всех местах Туркмении и Хорезма организовываться мелкие воровские шайки, превращающиеся в бандитские»[3]).

Ни атамаксумское руководство ХНСР, ни ЦК ХКП в 1921—1922 годах не работали с народной массой хивинских туркмен, не заботились о ее нуждах, оставили ее на произвол банды Джунаид-хана и прочих разбойников. В то же время некоторые руководители представительства РСФСР и красноармейского гарнизона в Хиве старались не вмешиваться во внутренние дела правительства ХНСР (хотя такое вмешательство вызывалось интересами народа) или же запутывались в связях с атамаксумскими реакционерами, поддерживая их узбекский буржуазный шовинизм.

В хорезмской компартии подлинных большевиков из местной бедноты и батрачества было очень мало и политически они были малограмотны, народная же масса в силу своей темноты и забитости, будучи озлобленной тазабагским событием и прочими контрреволюционными делами прежних младохивинцев и нынешних атамаксумских правителей, проявляла определенную пассивность.

При таком положении вещей атамаксумцы в своих контрреволюционных целях взяли курс на усиление басмачества. В Хиве создался заговор с участием военного назира Кочкарова, известного по тазабагскому расстрелу авантюриста Хасанова и представителя от Джунаид-хана Шахим-сюлгуна. Заговор возглавлял Ата-Максум.

Заговорщики предполагали заключить с басмачами мирный договор на условиях предложенных Джунаид-ханом. Последний требовал распустить Туркменское Исполбюро в Порсах, распустить и обезоружить туркменские добровольческие отряды, действующие вместе с частями

---

[1]) Газета «Жизнь национальностей», № 16 от 13 августа 1921 г., стр. 2.
[2]) ВО ЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 80—81.
[3]) Архив УзФ ИМЭЛ, д. 626, оп. 2/1, д. 111, л. 31.

Красной Армии против басмачества, а их командиров выслать за пределы Хорезма[1]).

Джунаид-хан требовал признания его власти над хивинскими туркменами и полного невмешательства органов Советской власти в его управление туркменами. Выдвигая эти требования, Джунаид-хан стремился восстановить феодально-ханскую власть над туркменской областью и превратить ее в плацдарм для наступления на Советскую власть в Хорезме и Средней Азии.

Атамаксумские заговорщики делали все возможное, чтобы официально принять и провести в жизнь выдвигаемые Джунаид-ханом условия «перемирия». Джунаид-хан, чтобы подкрепить свои требования, по указанию заговорщиков, перешел к активным действиям и летом 1921 года организовал ряд налетов на районные центры: Куня-Ургенч, Ильялы, Тахта, Кунград и Ходжейли. Им была проведена мобилизация среди иомудских родов орсукчи, крымса, гараходжа и других, давшая ему до 250 всадников. К концу октября 1921 года под командованием Джунаид-хана оказалось до 1 000 хорошо вооруженных басмачей.

5 ноября 1921 года в Куня-Ургенче делегация хорезмского правительства во главе с Ата-Максумом заключила с Джунаид-ханом «мирный договор».

В основу договора были положены все требования Джунаид-хана, указанные выше. Кроме того, в состав правительства ХНСР вводились два представителя от Джунаид-хана. Сам Джунаид-хан избрал себе в качестве постоянного места жительства урочище Гарасач в 40 верстах западнее Куня-Ургенча, куда правительство ХНСР обязалось силами всего населения республики провести самостоятельный водный канал из Аму-Дарьи.

Этот беспримерный сговор руководителей правительства ХНСР с Джунаид-ханом был заключен, несмотря на постановление Реввоенсовета Туркфронта от 15 августа 1921 года о том, что вступать в мирные договоры с басмачами можно только после сдачи ими оружия.

«Мирный» договор, заключенный правительством ХНСР с Джунаид-ханом, не только не разоружал басмачей, но, наоборот, давал Джунаид-хану возможность еще больше вооружиться, собрать в лагерь басмачей новые силы, учинить расправу со всеми революционными элементами среди туркмен.

Ближайшим результатом этого договора было то, что руководители Туркисполбюро в Порсах и туркменских добровольческих отрядов, ликвидированных согласно этому договору, из боязни подвергнуться судьбе Гочмамед-хана, бежали из пределов Хивы. Бойцы туркменских красных отрядов частью ушли к Якши-Гельди-беку, частью к Гулам-Али-хану, а некоторые примкнули к басмачам Джунаид-хана.

Таким образом, к концу 1921 года контрреволюционная антисоветская политика руководителей хорезмского правительства привела к укреплению позиции Джунаид-хана, восстановлению влияния и силы феодалов и к усилению басмачества.

Почти такая же картина наблюдалась и в Бухарской НСР, где у власти находились бывшие младобухарцы, перекрасившиеся в коммунистов. В сообщении штаба Туркфронта говорилось:

«Вторая половина сентября 1921 года характеризуется довольно значительным повстанческим движением в Восточной Бухаре... Населе-

[1]) Архив штаба Средне-Азиатского Военного Округа (САВО). Дополняется рассказами участников борьбы с басмачеством.

ние охваченных восстанием районов почти поголовно присоединяется к повстанцам... Во главе восстания стоят Туган-Сары, Давлет-Мин-бай, Ибрагим-бек...

Общее число восставших вместе с присоединившимися к ним жителями превышает 20 тысяч человек, причем вооруженных среди них не более 20%»[1]).

Далее там же сказано, что «сила, с которой вспыхнуло восстание в Восточной Бухаре, объясняется неправильной политикой и подходом к бухарским басмачам со стороны бухарского правительства. Когда басмачи, сильно потрепанные и обессиленные в борьбе с Красной Армией, потеряв доверие населения, попытались в начале августа сего года пойти на переговоры с правительством для того, чтобы получить хотя бы временную передышку и пополнить свои поредевшие ряды, бухарское правительство охотно пошло на эти переговоры, но не сумело воспользоваться ими в целях агитации для окончательного разложения басмачей и закрепления за собой сочувствия масс. Уполномоченный правительства назир внутренних дел Ата Ходжаев не сумел учесть ни настроения, ни создавшегося политического положения и заключил с главарями движения ряд условий, не только не уничтоживших, но, наоборот, усиливших влияние басмачества и укрепивших веру населения в их правоту и силу. Передача басмачам 12 аксакалов, помогавших в свое время Красной Армии (из которых 6 человек было зарезано), заключение договора с ними, как с истинными представителями населения, условия того договора, и, наконец, назначение главарей движения на ответственные посты, — все это в значительной мере закрепляет авторитет басмачества, с которым не сумело справиться бухарское правительство.

По договору, явно враждебному существующему строю Бухарской республики, заключенному 12 августа с. г. Ата Ходжаевым с басмачами, как с представителями населения Восточной Бухары, басмачи, формально обязуясь повиноваться всем приказам и распоряжениям бухарского правительства, настояли на ряде условий, выполнение коих ставит правительство в большую зависимость от басмачей и оскорбительно для достоинства российской Красной Армии.

17 сентября главари движения Ишан-Султан, Давлет Мин-бай и Туган-Сары на совещании в Кара-Камыше постановили предъявить, на основании заключенного договора, требование правительству о выводе из пределов Бухары в десятидневный срок своих русских войск. Имея за собой поддержку масс населения, до сего времени державшегося пассивно, басмачи переходят в наступление, и 22 сентября осадили Дюшамбе»[2]).

В этот же период времени образуются отдельные шайки басмачей в туркменских районах Керки, Чарджоу и в долинах рек Мургаба и Теджена. Так, например, в августе 1921 года в низовьях реки Теджена появилась басмаческая шайка во главе с Ходжа-Кули-хан Нияз Кулиевым. Об этой шайке Ходжа-Кули-хана САВО сообщало:

«Шайка его, численностью до 40 человек, вооружена винтовками разных систем и оперирует в Мервском, Иолотанском, Тедженском и Серахском районах. Оружием шайка снабжается перебежчиками, продовольствие добывает путем грабежа населения и караванов. Кулиев якобы имеет связь с туркменами, работающими в советских учреждениях,

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 33, л. 115, 119
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 33, л. 116—117.

которые информируют его о наших действиях и предположениях. Население относится к шайке враждебно и требует скорейшей ее ликвидации»[1]).

По другим, более проверенным данным, Ходжа-Кули-хан Нияз Кулиев имел под своим командованием в районах Иолотани и Теджена до 600 всадников, частью которых командовал русский белогвардеец Озерцов[2]).

Весною 1922 года во главе басмаческого движения в Восточной Бухаре стал известный авантюрист, посланник стамбульских пантюркистов Энвер-паша, именовавший себя «главнокомандующим всеми вооруженными силами Ислама и затем Халифа»[3]).

Ряд лидеров младобухарцев, занимавших руководящие посты в правительстве Бухарской Народной Советской Республики (БНСР), немедленно перешли на службу к Энвер-паше. Так, например, председатель ЦИК БНСР Усман-Ходжаев, начальник бухарской милиции Али-Риза и другие переходят в лагерь басмачей Энвер-паши. В это время на территории БНСР в стане басмачества насчитывалось уже 16 тысяч вооруженных людей, из которых 3 тысячи находились в подчинении Энвер-паши[4]).

Эти обстоятельства значительно усилили басмаческое движение в районах хивинских туркмен, усилили приток новых сил к бандам Джунаид-хана, имевшего всестороннюю поддержку от всего байства и духовенства Хорезма, от атамаксумского правительства ХНСР и находящегося в тесной связи с басмаческими главарями Бухары, Мургаба и Теджена.

Но теперь, когда сговор басмачей с правительством стал ясен всем, возникает мощная волна народного движения против Джунаид-хана и его союзников, чья деятельность угрожала судьбе самого народа, судьбе его завоеваний и народной революции, судьбе Советской власти. Но чтобы успешно бороться с басмачеством, надо было прежде всего покончить с правительственными пособниками его, надо было свалить атамаксумщину и укрепить Советскую власть в стране.

Это и было совершено в ноябре 1922 года, когда возмущенная и озлобленная народная масса узбеков, туркмен, казахов и кара-калпаков под руководством коммунистов устроила в Хиве государственный переворот. Правительственные пособники басмачества были арестованы, но Ата-Максум, Кочкаров и некоторые другие заговорщики сбежали в ставку Джунаид-хана. Джунаид-хан ультимативно потребовал от руководителей революционного переворота «немедленно освободить арестованных членов правительства Ата-Максума»[5]).

Но народ под руководством коммунистов начал наступление и на самого Джунаид-хана. Быстро создаются добровольческие отряды джигитов из туркменских и узбекских дайхан. Эти отряды вместе с частями Красной Армии, опираясь на активную поддержку трудящихся, переходят в решительное наступление на джунаидских басмачей.

В то время части собственно хорезмской Красной Армии были малобоеспособными, так как они комплектовались из случайных людей и имели плохое командование. Из общесоюзных же частей Красной Армии по союзному договору в Хиву был введен только один батальон 1-го

---

1) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1 д. 33, л. 115.
2) Там же.
3) Журнал «Новый Восток», № 4, 1923, стр. 134.
4) Там же.
5) ИИКП Уз., д. 349, л. 245.

Туркестанского стрелкового полка и один эскадрон для охраны полномочного представительства РСФСР. Лишь в 1922—1923 годах, в связи с усилением басмачества в Хорезме, по просьбе Реввоенсовета ХНСР, командование Туркестанского фронта направило в Хиву некоторые воинские части. Так, в мае 1923 года второй эскадрон 82-го кавполка в составе 146 бойцов (из них 60 пеших) выступил из Чарджоу походным порядком и по прибытии в Хиву сразу же был направлен в операцию против шаек Джунаид-хана[1]).

Этот эскадрон 25 мая 1923 года в районе колодца Балыклы столкнулся с частью шайки Джунаид-хана в 300 всадников. Эскадрон атаковал шайку, превосходящую его численностью больше, чем втрое. После короткого ожесточенного сражения басмачи, оставив на месте боя до полсотни убитых, бросились в бегство. В эскадроне же были ранены политрук и четыре бойца.

Вскоре у колодца Балыклы сосредоточился экспедиционный отряд в составе до 100 штыков и 500 сабель под командованием нового военного назира ХНСР Волошина, которому было приказано проникнуть в пески Кара-Кума и ликвидировать шайку Джунаид-хана[2]).

26 мая в районе колодца Нефес-Кую экспедиционный отряд наткнулся на беспечно стоявшую в ложбине между барханами шайку численностью в 300—350 всадников. Здесь в бою басмачи потеряли 64 убитых и, бросив до 6 000 баранов и более 1 000 верблюдов, бежали в сторону главной ставки Джунаид-хана — колодца Орта-Кую. В отряде Красной Армии были ранены один командир и четыре бойца и убито шесть лошадей[3]).

Вследствие наступления сильной жары и почти полного отсутствия воды отряду пришлось двинуться обратно. На дождевых ямах Еди-Ховуз отряд простоял полтора суток, но ямы почти высохли. Красноармейцы обжимали в платках мокрую грязь и кое-как смачивали ею гортань. У многих бойцов произошли тепловые удары: некоторые бойцы настолько ослабли, что их пришлось привязывать к верблюдам. Только к середине июня отряд вернулся в Хиву[4]).

Так началась планомерная и упорная борьба Красной Армии и местных добровольческих отрядов с басмаческими шайками Джунаид-хана.

Банда Джунаид-хана подвергалась непрерывному преследованию. К середине 1923 года в нескольких крупных сражениях у колодцев Балыклы, Акнабат-Гокнабат, в местечках Гаплангыр, Акяйыр и Оклысузек основная сила Джунаид-хана была разгромлена: у колодца Игде красными частями было захвачено более 1 000 верблюдов, лично, принадлежавших Джунаид-хану. Сам Джунаид избежал пленения лишь благодаря поднявшейся песчаной буре. Большинство басмачей покинуло Джунаид-хана и, сдав оружие, перешло к мирной жизни в районы Теджена, Кизыл-Арвата и Казанджика. Сам Джунаид-хан со своими приближенными бежал в дальнюю, недоступную часть пустыни[5]).

Красная Армия перешла в наступление и на других фронтах борьбы с басмачеством.

---

[1]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 82.
[2]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 82.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 82. Дополняется рассказами участников

В августе 1922 года в Восточной Бухаре в бою бесславно погиб авантюрист Энвер-паша. Остальные главари бухарских басмачей (Курширмат, Ибрагим-бек и др.) бежали в Афганистан. К середине 1923 года в Фергане, Зеравшане и Восточной Бухаре басмачество было окончательно ликвидировано[1]).

Однако же, пока существовало байство, феодальное землевладение и влияние буржуазии, нельзя было говорить об окончательной ликвидации басмачества. Басмачество еще было живуче, и в силу ряда конкретных обстоятельств Джунаид-хану в январе 1924 года удалось еще раз штурмовать глинобитные стены города Хивы. Это произошло в следующей обстановке.

Экономическая политика прежнего правительства народной республики, охранявшая интересы буржуазии, оттолкнула от него значительные слои дайханства, политически возглавлявшиеся еще слабой коммунистической партией. Экономическое и социальное расслоение в Хорезме, достигшее к этому времени значительной степени, усилило в народной массе оформление оппозиционных настроений по отношению к так называемому «народному» правительству и это привело к падению этого «народного» правительства.

17 октября 1923 года IV Всехорезмский курултай провозгласил Хорезм Советской Социалистической Республикой и положил начало социалистическому строительству в стране.

Пришедшая к власти молодая коммунистическая партия Хорезма, опираясь на активность народных масс, начала проводить ряд революционных мероприятий, направленных к экономическому и политическому ослаблению байства, духовенства и городской буржуазии. Была проведена советизация городской, районной и кишлачной администрации, введен советский суд, организован учет земли, имущества и скота у населения, конфискованы вакуфные земли и т. д.

В проведении этих новых крупных революционных мероприятий были допущены некоторые ошибки. Этого было трудно избежать в условиях Хорезма, где пролетарское ядро в составе коммунистической партии было незначительно, где сильны были мелкобуржуазная и патриархально-феодальная стихия и традиции, а к руководству, вследствие отсутствия в трудовой массе грамотных людей, пробирались случайные, подчас классово-чуждые народу элементы.

В докладе Политического Управления Туркестанского Реввоенсовета по поводу деятельности правительства Хорезмской Советской Социалистической Республики (ХССР) мы читаем:

«Правительство ввело единый сельскохозяйственный налог. Совершенно не подготовленное к этому население, естественно, начало выражать недовольство, быстро подхваченное активными оппозиционными элементами — буржуазией и духовенством»[2]). Правительство ХССР, вводя новый сельскохозяйственный налог, представлявший собой потанапное обложение всей без исключения земли, не принимало во внимание состояние дайханского хозяйства. Патентный сбор также не носил достаточно классового характера — группы мелких торговцев были обложены налогом наравне с крупными коммерческими предприятиями[3]).

---

[1]) Журнал «Новый Восток», № 4, 1923, 136—137.

[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. материалов к истории компартии Туркменистана, д. 33, л. 196.

[3]) Из материалов Экономсовета ХНСР к 2-й Экономической конференции Средне-Азиатских республик, 1924 г. ЦГАОР УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 79, л. 405.

Вместе с тем отдельные представители местных органов власти оскорбляли религиозные традиции и чувства населения, воспитанного на шариате и адате: запрещали женщинам-узбечкам носить паранджу, запрещали населению справлять курбан-байрам, ездить на кладбище на поклон «святым» и т. д.

Вследствие этих допущенных ошибок байство и духовенство восточных районов узбекской части Хорезма (районы Хазараспа, Янги-Арыка, Питняка, Ханки) в январе 1924 года сумели поднять дайханство на антисоветское восстание. Особенность указанных узбекских районов состояла в том, что они не только были очень отдаленными от центра республики, но и были густо населены байско-ишанскими, ханско-аксакальскими элементами, имевшими в этих районах крупные мюльки — поместья. Здесь обитали такие крупные мюлькдары, как Мадрейм-бай (бывший ханский аксакал, а затем при младохивинцах член правительства ХНСР), Джумабай-кап (крупный торговец скотом), Сапар-косе (бывший ханский ишан-вахымдар, держатель мечетей и каландарханы[1]) и другие.

Эти байско-ишанские элементы уже в конце 1923 года организовали бандитскую группу, насчитывавшую от 30 до 60 всадников и руководимую известными бандитами Шакир-балы и Садулла-балы. Перед самым восстанием эта шайка терроризировала советских и партийных работников, зверски убила в кишлаке Питняк четырех женщин-активисток: Халиме, Шукур, Донди и Айман[2]).

Байство и духовенство упомянутых районов, подготавливаясь к восстанию, выделили две делегации — одну в 15 человек во главе с Мадрейм-баем заговорщики направили в пески Кара-Кум к Джунаид-хану, чтобы договориться с ним об одновременном выступлении; другую в 200 человек послали в столицу Хиву, чтобы разведать силы противника и возможность найти союзников в свержении социалистического правительства. Эта «делегация», прибыв в Хиву, ультимативно потребовала от правительства отмены прогрессивного налога, установленного Советской властью для байства, и нового сельхозналога, ликвидации новых советских школ, восстановления старых мектебов и медрессы, изгнания большевиков из Хорезма.

Руководители правительства находились в это время в Москве на съезде Советов СССР. Поэтому мятежной делегации ответили, что все эти вопросы могут быть рассмотрены после возвращения из Москвы руководителей правительства. Отсутствие руководителей правительства толкнуло мятежников на ускорение восстания. Вернувшись в свои районы, они вызвали к себе на помощь Джунаид-хана.

Выше мы указывали, что в результате военных операций 1923 года басмаческая масса в Кара-Кумах была разгромлена и рассеяна, но основное ядро банды Джунаид-хана не было уничтожено. К концу 1923 года джунаидская шайка басмачей вновь усилилась, главным образом за счет активизации туркменского байства. Превращение Хорезма в Советскую Социалистическую Республику, решительный курс социалистического правительства на советизацию аулов и кишлаков естественно усилили приток баев и духовенства в лагерь басмачей Джунаид-хана.

К тому же, байское басмачество в Хорезме и Кара-Кумах, как и

---

[1]) Общежитие (гостиница) для странствующих дервишей.
[2]) Из рассказов старожил и очевидцев.

всюду в прежние годы, усиленно поддерживалось всеми внутренними и зарубежными антисоветскими силами.

Басмаческое движение как в Кара-Кумах, так и в Фергане и Бухаре с первых же дней своего существования получало морально-политическую и материальную поддержку от местных буржуазных националистов, русских белогвардейцев и иностранных государств — интервентов, заинтересованных в борьбе с большевизмом, с советской революцией.

Лидеры кокандских автономистов в Фергане, младохивинцев в Хорезме, младобухарцев в Бухаре и прочих узбекских и туркменских буржуазных националистов в борьбе с большевизмом, с Советской властью опирались внутри страны на силу басмаческого движения, на авторитет феодально-клерикальных вожаков этого движения.

Не случайным является тот факт, что, когда весною 1921 года под ударом народной революции пала власть младохивинцев, трое из виднейших лидеров ее, во главе с Молла-Джума-Нияз Султан Мурадовым, скрывшись от ареста, появились в Кара-Кумах, в местности Балыклы в басмаческом лагере Джунаид-хана, а последний радостно принял их, как своих союзников[1]).

Один из политработников Красной Армии, характеризуя буржуазных националистов, занимавших руководящие посты в правительстве Хорезмской НСР и ЦК Хорезмской компартии в 1921—1922 годах, писал:

«Правительство всеми силами противилось преобразованию народной республики в социалистическую.

Среди правящих групп был популярен лозунг «Хорезм для мусульман». Некоторые «народные назиры» не порывали на всякий случай связи с Джунаид-ханом и выдавали ему оперативные планы Реввоенсовета хорезмской группы, почему действия красных частей и не давали должного результата. В 1922 году, при усилении басмачества в Бухаре и появлении там известного авантюриста Энвера-паши, к Джунаид-хану бежал «народный назир иностранных дел» ХНСР Мулла-Нияз, сменивший свой министерский портфель на должность секретаря Джунаида»[2]).

Этот факт не был единичным. Многие лидеры младобухарцев ушли в басмаческий лагерь эмира бухарского, по примеру лидеров кокандских автономистов, убежавших в лагерь Мадамин-бека.

Лидеры буржуазных националистов тесно связали вожаков басмачества с агентами иностранных империалистических государств. А этих агентов тогда, в годы революции, гражданской войны и басмачества было не мало. Один из представителей Англии, действовавший на территории Ближнего Востока, впоследствии хвастливо заявил:

«У меня было несколько прекраснейших офицеров, говорящих на нескольких языках, были агенты на расстоянии тысячи и более миль, даже в правительственных учреждениях большевиков был контингент людей, постоянно разъезжающих в местах, которые я считал важными. Едва ли хотя был бы один поезд на Средне-Азиатской железной дороге, в котором не было бы нашего агента, и не было ни одного значительного железнодорожного пункта, где не было бы двух-трех наших людей. Когда мы начали, у нас не было ничего, кроме нескольких агентов, а окончили с большой организацией».

---

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 236.
[2]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 82.

Вполне понятно, что эти агенты не были просто наблюдателями. Они помогали басмачам и всем прочим открытым и скрытым врагам Советской власти вооружением, деньгами, советами. Этими агентами империалистических разведок были, кроме местных буржуазных националистов, турецкие офицеры — пантюркисты, иранские и афганские реакционеры — панисламисты.

В годы империалистической и гражданской войны Турция, претендовавшая на роль гегемона мирового мусульманства, находилась под политическим влиянием сначала Германии, а затем Англии. Турецкие пантюркисты, мечтавшие о территориальных захватах, согласно инструкции своих иностранных хозяев, посылали в Советскую Среднюю Азию своих агентов под видом «антинемецких» или «антианглийских» агитаторов, под видом революционеров. Таким агентом, в частности, являлся уже упомянутый нами турецкий офицер Мухамед Казим-бек, который весною 1919 года появился во дворце хивинского хана в качестве «посредника» для заключения мирного договора РСФСР с диктатором Хивы — Джунаид-ханом[1]). Полномочный представитель РСФСР в Хиве Христофоров быстро разоблачил подлинное лицо этого «посредника», который сумел толкнуть Джунаид-хана на еще более враждебное отношение к советским властям Туркестана, чем это было раньше[2]).

Выше мы говорили о приезде в Хиву для связи с младохивинцами и и Джунаид-ханом и других турецких офицеров, о приезде туда такого махрового пантюркиста, как Заки Валиди Тоган, который в свое время усиленно призывал татар и башкиров бороться с Советской властью, а впоследствии скрылся в Турции. Неслучайным является и тот факт, что в составе вооруженных сил бухарского эмира, по данным на декабрь 1919 года, было всадников-нокеров: турецких 1 200, арабских 800, кубанских и терских казаков 1 400, туркменских 400, русских белогвардейцев 400. Часть командиров этих войск состояла из офицеров — агентов иностранных империалистических государств[3]).

«Басмаческие верхи, — писал один политработник Красной Армии в ноябре 1921 года, — в настоящий момент вполне уже подпали под влияние Антанты и стараются во всем подражать ее приемам борьбы с нами. Это заставляет их подчиняться русским белогвардейцам, имеющимся в рядах басмачей»[4]).

Буржуазные националисты связывали басмаческих главарей с непосредственными представителями империалистических, интервенционистских государств, в частности, Англии. Буржуазные националисты и мусульманское духовенство, опираясь на материальную поддержку своих иностранных союзников, развернули широкую контрреволюционную работу, избрав для этого лозунг «защита ислама». Английский подполковник Эссероно писал в то время из Кашгара о том, что «мусульманская пропаганда в значительной мере была в пользу союзников» (то есть в пользу Антанты — Г. Н.).

Мы выше указывали на наличие у Джунаид-хана установившейся,

---

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. ЦИК'а Туркестанской республики за 1919 г., оп. 202, архив № 3, д. 58 (816), л. 35—38.

[2]) ИИКП Уз., д. 1257, т. II, п. 1, л. 97. См. также газету «Жизнь национальностей» от 29 декабря 1918 г., № 8.

[3]) ЦА РККА, ф. 25859, оп. 4, д. 44, л. 225. См. также Сборник статей к 10-летию Бухарской и Хорезмской революции. Ташкент, 1930 г., стр. 20—25.

[4]) ЦА РККА, д. 110, оп. 3, д. 11, л. 19.

примерно с 1916 года связи с представителями Англии в Иране и Афганистане. Это подтверждается рядом вполне достоверных документов, показаниями очевидцев и помощью, которую регулярно получал Джунаид-хан из Ирана и Афганистана в виде вооружения, боеприпасов и прочего. Один из руководителей Туркомиссии ВЦИК'а еще в 1920 году писал в своем официальном докладе о том, что «имеются определенные доказательства, что Джунаид-хан имел связь как с русскими белогвардейцами, так и высшим английским командованием и даже со штабом его в Мешхеде[1]).

О том, как буржуазные националисты Средней Азии вместе с басмаческими главарями в борьбе с Советской властью служили интересам иностранных империалистических государств-захватчиков, говорят материалы судебного процесса в Ташкенте по делу так называемого «Комитета национального объединения», где в числе обвиняемых фигурируют некоторые лидеры младохивинцев и младобухарцев. В сообщении газеты «Жизнь национальностей» о данном процессе говорится следующее:

«Из обвинительного акта видно, что... Ходжаев организовал контрреволюционную группу под названием «Комитета национального объединения». Ходжаев учитывал свою авторитетность среди духовенства и басмачества Ферганы, составил и подписал два письма: одно на имя представителя английского правительства в Кульдже (Китай), другое на имя представителя японского правительства, тоже в Кульдже. В письмах сообщались провокационные сведения о положении Туркестана и испрашивались у английского и японского правительств помощь и поддержка в виде снабжения ферганских басмаческих банд оружием, деньгами и всеми необходимыми предметами для борьбы «неустанной и терпеливой» по выражению Ходжаева. Басмаческие банды в этих письмах именовались «Ферганской национальной армией». Оба письма имеют следующие подписи: главнокомандующего ферганской национальной армией — Ширмухаммедова, председателя бухарского национального движения Музафаруддина, председателя хивинского самостоятельного комитета Алимбек Амакулова и, наконец, председателя центрального объединения комитета Садратдина»[2]).

Из этих документов видно, что басмаческие главари, используя посредничество буржуазных националистов, обращались за помощью к иностранным государствам и часто получали ее. Надо предполагать, что не было случайностью или пустым самохвальством заявление Мадамин-бека, сделанное им советской миссии, прибывшей к нему в 1920 году для заключения мира. Он заявил:

«Союзные 12 держав идут против большевизма и помогут ему. Он издал приказ о воспрещении подвоза в Наманган (где находились ревкомы) продуктов, а три дня назад получил из-за границы распоряжение о том же и указание, что все союзные державы решили тоже не давать большевикам ничего. Мадамин-бек ни в чем не нуждается, а если будет нужда, то соседние державы помогут в неограниченных размерах. Он на днях получил совершенно новых 25 тысяч десятизарядных винтовок, имеет 17 пулеметов с русской прислугой и на днях получит пушки»[3]).

---

[1]) ЦГАОР, оп. В-219, самаркандская газета «Роста», № 46, от 24 февраля 1920 года.

[2]) Газета «Жизнь национальностей», № 4, от 31 января 1922 г.

[3]) ЦА РККА, ф. 110, оп. 3, д. 11, л. 21.

Такую же помощь получал и Джунаид-хан. Находясь в районах колодца Аджи-Кую и урочища Ярбекир (75 километров западнее Ильялы), Джунаид в феврале 1921 года направил делегацию во главе с Хан-ишаном в сопровождении двух афганцев в Афганистан с просьбой о помощи боеприпасами. По этому же вопросу он тогда же направил в Иран такую же делегацию во главе с Шихим-сюлгуном[1]). В результате этого 13 апреля 1921 года к Джунаид-хану прибыл из Ирана и Афганистана караван снаряжением с 54 000 патронов[2]).

Политическая и материальная поддержка, которую постоянно получали басмаческие главари от всех внутренних и внешних врагов Советской власти, явилась одной из основных причин того, что басмаческое движение временами усиливалось и переходило от обороны к наступлению на местные органы и войсковые части Советской власти.

Зарубежные страны, прежде всего Иран и Афганистан, с их реакционными правителями, долгое время служили серьезным источником сил и материальной поддержки для туркменских басмачей. Наличие в Иране и Афганистане английских представителей и войск во много раз усиливало значение этих стран для среднеазиатского басмачества.

Таким образом мы видим, что в 1920—1924 годы буржуазно-националистические элементы, стоявшие у партийного и государственного руководства в восточных советских республиках, особенно в Башкирии, Татарии и Средней Азии, оказывали как морально-политическую, так и организационно-материальную помощь развитию басмаческого движения. Многие из них сами уходили в лагерь басмачей. Товарищ Сталин в июне 1923 года на четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в своей речи по «Делу Султан Галиева» разоблачил связь главарей буржуазных националистов Башкирии (Валидова и других), Татарии (Султан Галиева и других), Узбекистана (Икрамова и других) с басмачеством.

Про главарей узбекских буржуазных националистов Икрамова и Ходжаева товарищ Сталин на этом совещании говорил:

«Оба они сказали, что между Туркестаном нынешним и Туркестаном царским нет никакой разницы, что только вывеска изменилась, что Туркестан остался прежним, таким же, каким он был при царе. Товарищи, если это сказано с полным сознанием, то нужно сказать, что в таком случае басмачи правы, а мы не правы. Если Туркестан в самом деле есть колония как при царизме, тогда басмачи правы, тогда мы не должны судить Султан Галиева, а он должен нас судить, как людей, терпящих в рамках Советской власти существование колонии. Если это верно, не понимаю, почему вы не ушли сами в басмачество»[3]).

Но Икрамовы, Ходжаевы и многие другие лидеры буржуазных националистов, оставаясь в душе басмачами, не ушли в басмачество для того, чтобы, двурушничая, пользоваться своим служебным положением и всесторонне помогать и способствовать развитию басмаческого движения.

Также поступили и туркменские националисты, которые, воспользовавшись впоследствии образованием самостоятельной Туркменской ССР, захватив в свои руки руководящие посты в республике, получили

---

[1]) ЦА РККА, ф. 994-б, оп. 2, д. 236, л. 35.
[2]) Там же, д. 234, л. 111.
[3]) И. Сталин. Сочинения, т. V, стр. 306—307.

возможность развернуть контрреволюционную деятельность как по всей республике, так, в особенности, в районах хивинских туркмен. Районы хивинских туркмен и окружающие их Кара-Кумы представляли собою места более отсталые, почти совершенно изолированные от культурного мира, а следовательно и более далекие от непосредственного руководства и контроля Союзного Правительства. Вот почему туркменские буржуазные националисты могли здесь сравнительно свободно проводить свои всякого рода контрреволюционные эксперименты.

Туркменские буржуазные националисты оказывали Джунаид-хану всемерную помощь и поддержку, стремясь сохранить и усилить басмаческую силу для борьбы с Советской властью. Они организовывали и отправляли басмачам караваны с оружием, боеприпасами и продовольствием[1]).

В 1923 году частями советских войск, действующими в песках Кара-Кума против банд Джунаид-хана, было захвачено несколько таких караванов. Туркменские националисты, опасаясь разоблачения их связи с басмачеством, объявили эти караваны «мирными», имеющими только торговое значение, и обвинили советское правительство Хорезма и части Красной Армии в незаконных действиях и шовинизме[2]).

После того, как буржуазные националисты Закаспийской области объявили задержанных караванщиков «мирными» туркменами, которые будто бы ездили в Хиву с целью «обменять баранов на хлеб», следственными органами военного трибунала Туркфронта было произведено глубокое расследование по делу задержанных караванов. Как видно из следственного заключения, этим расследованием было установлено, что торговцы закаспийских туркмен все время вели торговлю возле главных становищ шаек Джунаид-хана; предметами торговли являлись не только скот, хлеб, чай и фабрикаты, но также оружие и патроны, которыми они снабжали басмачей. Часть этого оружия была английского происхождения. «В шайке Джунаид-хана, — говорится в следственном заключении, — были даже на службе несколько десятков закаспийских туркмен, занимавших и командные должности, а потому и на торговцев закаспийских туркмен приходилось смотреть не как на мирных торговцев»[3]).

Когда представители мятежных узбекских баев Хивы прибыли в ставку джунаидских басмачей у колодца Палчыклы с просьбой выступить против советского социалистического правительства Хорезма, они увидели у Джунаид-хана 2 пулемета с афганской и турецкой прислугой и тедженский караван в 270 верблюдов, груженный боеприпасами, трехлинейными и одиннадцатизарядными винтовками и другим оружием[4]).

После разгрома основных сил летом 1923 года Джунаид-хан использовал передышку, чтобы собраться с силами и подготовиться к очередному выступлению против Советской власти. Он ожидал лишь подходящего момента, и приглашение узбекских баев пришлось как нельзя кстати. Джунаид-хан решил выступить, как он заявил, «на последнюю решительную схватку с большевистскими кафырами» и объявил «всеобщий мусульманский газават».

Политическое управление САВО писало: «Очевидными намерениями Джунаид-хана в этой авантюре было предупредить направляемый

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 103, л. 29—30.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 3, д. 24/3, л. 340—344.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 3, д. 24/5, л. 346—347.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 3, д. 24/5, л. 346—347. Дополняется рассказами участников.

против него удар, чтобы укрепить свое положение и запастись всем необходимым для дальнейшей борьбы[1]).

В первых числах января 1924 года узбекское байство во главе с бандитскими шайками Шакир-балы и Садулла-балы, после усиленной антисоветской агитации, подняло восстание в Питняке, Хазараспе, Богате и Ханке. В восстании в этих районах участвовало, по одним сведениям, около 10 тысяч человек, а по другим — около 15 тысяч человек, вооруженных в большинстве холодным оружием. Они захватили в свои руки указанные пункты и 8 января двинулись к Хиве.

К этому времени вся басмаческая шайка Джунаид-хана появилась в районах Тахты и Газабада, имея направление в Хиву.

Направляясь в поход на столицу Хорезма, «Джунаид-хан, связанный через Северную Персию с английскими агентами, в целях привлечения на свою сторону дайханских масс, обещал после свержения Советской власти освободить население от налогов и ввести управление страной на основах шариата»[2]).

К банде Джунаид-хана присоединились со своими сородичами такие крупные туркменские бан и ишаны, до сих пор считавшиеся «мирными гражданами», как Торе-сердар (сын бывшего ханского мохердара Гулджан-сердара, родоначальника иомудского рода ак-салак из аула Измыкшир Тахтинского района), Дурды-соганчи (крупный мюлькдар и торговец из племени емрели аула Гаррави Ильялинского района), Мухаметджан-ишан (крупный вахымдар из племени гарадашлы аула Бахты того же района) и многие другие.

Основная масса трудящихся хивинских туркмен враждебно отнеслась к новой авантюре Джунаид-хана. Учитывая эти настроения дайхан, группы Якши-Гельди-бека и Гулам-Али-хана открыто не примкнули к восстанию. Но, будучи противниками Советской власти, они сочувствовали Джунаид-хану и оказывали последнему помощь. Старый двурушник Гулам-Али-хан, сам оставшись в своем ауле, все-таки предоставил Джунаид-хану часть своего отряда во главе с крупным баем Мередовым[3]).

10 января 1924 года началось окружение Хивы. Советские партийные органы столицы призывали к оружию всех честных и преданных делу Советской власти граждан. Около 700 человек из вооруженных коммунистов и комсомольцев возглавили дело обороны города. Гарнизон столицы, состоявшей всего-навсего из 100 красноармейцев, стал основным боевым ядром обороны. Бойцы гарнизона, вооруженные 10 пулеметами, заняли подступы к 12 воротам столицы.

На помощь Хиве пришли: из Ташауза отряд добровольцев (туркмен и узбеков) в 80 всадников, из Ходжейли отряд красноармейцев в 130 сабель.

Эти отряды, прорвав кольцо окружения, вошли в столицу через Аркагоша-Дарвазы (северные ворота).

В это угрожающее время среди многочисленного нетрудового слоя населения столицы нашлось немало предателей. Представители духовенства города особенно усердствовали в организации шпионажа, диверсий, паники и агитации в пользу Джунаид-хана. Подрывную деятельность в городе возглавил бывший ханский духовник Артык-ахун. Оче-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 33, л. 197.
[2]) Журнал «Новый Восток», № 29, 1930, стр. 136.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 38, л. 197 и из рассказов очевидцев.

видцы рассказывали, что один из мюридов Артык-ахуна, поднявшись на высокий минарет в близи медрессы ахуна, якобы для «намаза» (молитвы), целыми днями производил выстрелы из одиннадцатизарядной винтовки в сторону тех ворот города, где сила обороны была сравнительно слабее. Банды, пользуясь этими сигналами, усиленно нападали на слабые участки обороны. Дворовые слуги — батраки ахуна, узнав это, немедленно сообщил в государственное политическое управление и ахунский «азанчи» был пойман на месте преступления с оружием в руках.

Джунаидцы, по своему обычаю, занялись грабежом мирного населения окрестностей столицы. Они долго не хотели штурмовать ворота города, охранявшиеся дисциплинированными бойцами коммунистических и красноармейских отрядов, пользующихся активной поддержкой трудового населения самого города и окрестных кишлаков. Разбойничье поведение джунаидцев день за днем ослабляло сочувствие обманутой массы повстанцев и отталкивало ее от байских главарей восстания.

Басмаческие вожаки, призывавшие выступить против «неверных русских», против «большевистских кафыров» и обещавшие народу благодатную жизнь, теперь в ходе восстания показали народу свое настоящее разбойничье лицо, они силою оружия отбирали у дайхан деньги, скот и имущество, жен и дочерей. В случае сопротивления их разбою — они убивали и самих дайхан.

Дайханская масса, обманом втянутая в восстание, постепенно отходила от своих байских главарей и переходила на сторону Советской власти. В свою очередь, этот поворот основной массы восставших вызвал разногласие и раскол среди главарей восстания.

Это разногласие обнаружилось на «совете старейшин», созванном Джунаид-ханом в двух километрах от города Хивы в доме Розмет-дивана. На совете Джунаид-хан заявил, что он рассчитывал на восстание в самом городе и что ему это было обещано главами духовенства столицы Артык-ахуном и Адам-ахуном, которые распространяли в городе письмо — обращение Джунаид-хана «Ко всем аксакалам Хивы» и призывали хивинцев к восстанию. Но город не восстал, и это дало основание Джунаид-хану на «совете старейшин» обвинить узбекских знатных баев и ишан в неверности и измене[1]).

Хива геройски защищалась. Была восстановлена Чрезвычайная комиссия, которая быстро разгромила внутреннюю контрреволюцию, пытавшуюся организовать восстание в самом городе. Были мобилизованы все коммунисты, комсомольцы и советские служащие, из них были сформированы роты, разбитые по участкам обороны. Только благодаря героической борьбе этих коммунистических отрядов красным частям удалось отстоять Хиву.

27 января была произведена вылазка, чтобы отбросить басмачей с занятого ими аэродрома. Второй эскадрон 82-го кавалерийского полка в конном строю атаковал басмачей и отбросил их километра на два за аэродром. Увлекшись преследованием, эскадрон в пяти километрах от города попал в засаду и был окружен басмачами.

Окруженные бойцы эскадрона геройски защищались. У красноармейца Синедубского ружейной пулей басмача была взорвана прикрепленная к поясу ручная граната, но и с тяжелым ранением он продолжал

---

[1]) ИИКП Уз., д. 349, л. 274. Дополняется рассказами очевидцев-хивинцев.

участвовать в бою, своим примером увлекая товарищей. В результате эскадрон вышел из окружения и отошел к городу[1]).

23 января полуэскадрон 82-го кавалерийского полка сделал налет на город Ханки, занятый шайкой в 1 000 повстанцев. Неожиданный налет навел панику на противника. Но часть шайки засела в глинобитный кибитке и оттуда в упор вела огонь. Красноармейцы Алексюк и Акопов подбежали к кибитке, быстро вскочили на крышу и в дымовое отверстие бросили три ручные гранаты. 11 басмачей были убиты, а остальные вынуждены были сдаться.

Однако, несмотря на исключительный героизм, проявленный защитниками Советского Хорезма, было ясно, что продержаться без помощи извне Хива не может. 280 красноармейцев 82-го кавалерийского полка и 500 совершенно необученных бойцов коммунистических отрядов противостояли 6—7 тысячам хорошо вооруженных контрреволюционных повстанцев, окруживших Хиву[2]).

Но войска, посланные в помощь осажденной Хиве, уже были в пути. Постановлением Средне-Азиатского Бюро ЦК РКП(б) от 6 января 1924 года за № 57 была дана директива Реввоенсовету Туркфронта направить в Хиву войска для подавления антисоветского выступления узбекских и туркменских баев. В этом постановлении также было сказано: «Рекомендовать ЦК ХКП принять меры к широкой устной и письменной агитации на местном языке среди населения и войск хорезмской Красной Армии о необходимости ликвидации Джунаид-хана весной 1924 года, как мешавшего хозяйственному возрождению Хорезмской ССР[3]).

22 января 1924 года один из старейших боевых заслуженных полков РККА —82-й (бывший 4-й) Туркестанский кавалерийский полк, отличавшийся в борьбе с басмачеством в Фергане и Бухаре, прибыл в Чарджоу, имея направление в Хиву.

Полку предстоял 500-километровый марш по размокшей от непрерывных дождей дороге без баз, без транспорта. Но командование и бойцы понимали, что Советская Хива в опасности и что ее героические защитники расходуют уже последние патроны. Полк безостановочно двигался на помощь осажденным. Бойцы полка, недавно победоносно ликвидировавшие ферганское и бухарское басмачество, рвались в бой.

82-й полк быстро приблизился к противнику. Силы антисоветского восстания состояли из двух основных группировок: узбекского мятежного байства оазиса и туркменской басмаческой банды Джунаид-хана. Уже 28 января Джунаид, узнав через разведку о приближении 82-го кавалерийского полка, стал отходить обратно в пески Кара-Кума.

Военно-политическая задача Красной Армии и Советской власти состояла в ликвидации восстания путем отрыва узбекских и туркменских повстанцев-дайхан от Джунаид-хана, в изоляции басмачества, в расслоении противника. По отношению к Джунаид-хану намечалась упорная вооруженная борьба до окончательной его ликвидации. Но в отношении обманутой дайханской массы намечалось проведение ряда принципиальных экономических и политических мероприятий, направленных к улучшению ее положения. Для проведения этих мероприятий и «для повышения уровня советской работы в Хорезме», как говорилось в

[1]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 88.
[2]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 88.
[3]) Архив УзСР ИМЭЛ, ф. 361, оп. 1/1, д. 69, л. 35.

письме Политуправления Туркестанского Реввоенсовета «О событиях в Хорезме»[1]), из центра в Хиву был направлен ряд военно-политических работников.

В пути следования из Чарджоу в Хиву кавалерийский полк 29 января натолкнулся в районе Хазараспа на засаду басмачей, отрядом которых здесь командовал «местный святой» Агаджан-ишан. Басмачи встретили эскадроны полка сильнейшим огнем. Но эскадроны, развернувшись в боевом порядке, продолжали охват района. 18-часовой бой в этом районе закончился тем, что остатки шайки Агаджан-ишана отошли на север, в пески.

2 февраля на пути к Хиве, под Хазараспом, полк вступил в бой с другой шайкой басмачей. В центре Хазараспа на хлопкоочистительном заводе развевалось красное знамя. Выяснилось, что здесь находился отряд турткульских рабочих-добровольцев, состоявший из 170 человек и имевший 2 пулемета. Уже третий день они отбивались от басмачей и достреливали свои последние патроны.

Бойцы полка быстро ворвались в город и освободили турткульцев от окружения. При этом был ранен в голову находившийся в передовом эскадроне уполномоченный Реввоенсовета Туркестанского фронта Н. А. Шайдаков.

Затем бойцы 82-го кавалерийского полка освободили от остатков банды Ханки, Бещ-Арык, Питняк и восстановили в них органы Советской власти. 4 февраля победоносный полк прибыл в Хиву, восторженно встреченный гарнизоном и населением. Эскадроны полка на следующий день выступили в пески для преследования Джунаид-хана.

Параллельно с военными мероприятиями была проведена огромная политико-просветительная работа среди широкой массы населения. Теснейший контакт с местными органами власти и общественности, самое внимательное отношение к населению являлись важнейшими принципами советских воинских частей, руководимых такими талантливыми командирами и подлинными организаторами масс, как Шайдаков и другие.

Большевики, верные указаниям Ленина и Сталина, преодолевая сопротивление реакционных элементов, проводили такую политико-воспитательную работу среди бойцов, которая не только предупреждала всякую возможность конфликта с населением, но обеспечивала Красной Армии любовь и активную поддержку дайханской массы. Результатом этой большой и важной работы было то, что под руководством Шайдакова, Волошина и других в дни январьской операции вновь были созданы из туркменских дайхан добровольческие отряды, численностью до 800 всадников, которыми командовали выходцы из бедняков-дайхан Яз-багши, Кемине-ших и другие, которые активно участвовали в преследовании и разгроме банды Джунаид-хана[2]).

Уроки январьского восстания требовали внесения ряда поправок в прежнюю политическую линию хорезмской компартии. Конкретно они выразились в следующем: единый сельскохозяйственный налог был понижен в четыре раза, было удалено из партийно-советского аппарата значительное число работников из реакционных элементов и «загибщиков» (в феврале 1924 года в течение двух дней поступило в Правительствен-

---

[1]) Из рассказов участников. См. также ВОЦГАОР УзССР, ф. 826, д. 16, л. 94—95.
[2]) Там же.

ную комиссию около 500 заявлений от населения на злоупотребления местных работников[1]).

22 марта Комиссией были освобождены из-под ареста 214 человек, незаконно арестованных до и во время восстания[2]).

Было проведено в жизнь постановление Средне-Азиатского Бюро ЦК РКП(б) от 6 января 1924 года, в котором говорилось:

«В целях восстановления сельского хозяйства ХССР, в частности, важнейшей отрасли — хлопководства, а равным образом в интересах землеустройства туркменской части населения, считать необходимым: 1) расширение площади орошаемых земель и 2) достаточно широкую постановку сельскохозяйственного кредита на восстановление в дайханском хозяйстве живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря»[3]).

Этим же постановлением предусматривалось доведение суммы основного капитала Хорезмского сельхозбанка, предназначенного для непосредственного кредитования трудового дайханства, до 1 миллиона рублей.

Постановлением Общехорезмской партийной конференции от 30 марта был намечен ряд экономических и политических мер, направленных к улучшению положения туркменского дайханства. 10 человек из туркмен были введены в состав правительства.

Было решено восстановить для желающих старометодные школы (мектебы и медрессы) при мечетях, суды казиев и т. д.

Некоторые политические леваки расценивали эти решения, как «отступление от принципов социализма», считали их «уступками классовому врагу» и т. д. Однако эти меры, продиктованные особенностью политического и экономического положения Хорезма, были лишь временным отступлением, рассчитанным на то, чтобы выбить идеологическую базу у басмачества, кутавшегося в исламскую тогу.

Одновременно с политическими и хозяйственными мероприятиями шло усиленное военное преследование шайки Джунаид-хана частями 82-го кавалерийского полка хорезмской Красной Армии и туркменских добровольческих отрядов. Джунаид со своим основным ядром в 1 500—2 000 всадников ушел в район колодцев Балыклы. Но для того, чтобы отвлечь внимание советских частей и препятствовать их продвижению в пески, Джунаид-хан оставил в районе Ильялы Анна-балу с 500 всадниками и в районе Тахты — Ахмед-бека с 800 всадниками.

Однако, учитывая настроение масс и силу красных частей, Ахмед-бек 5 февраля сдался с 200 человеками, остальные его люди сдались еще раньше. Шайка Анна-балы была наголову разбита в районе Ильялы, бежала вслед за Джунаидом в пески. Из этой шайки 150 человек перешли на сторону Красной Армии.

На очереди стоял разгром основной базы Джунаида в Балыклы. Для этой цели полк собирался в Куня-Ургенче. Сюда же в распоряжение советского командования прибыли отряды туркменских добровольцев во главе с Яз-багши Бекджановым, Кемине-шихом и другими[4]).

26 февраля 82-й Краснознаменный кавалерийский полк выступил в свой знаменитый в истории РККА каракумский поход, силой в 230 са-

---

[1]) ИИКП Уз.
[2]) Из рассказов участников. см. так же ВОЦГАОР УзССР, ф. 826, д. 16, л. 94—95.
[3]) Архив УзФ ИМЭЛ, ф. 361, оп. 1/1, д. 69, л. 33.
[4]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 96.

бель при 9 пулеметах. Всадники местного добровольческого отряда были разбиты по эскадронам.

27 февраля в районе колодца Балыклы начались первые стычки с дозорными частями шайки Джунаид-хана. К вечеру, при подходе к основной оборонительной позиции противника, бой развернулся на восьмикилометровом фронте.

В бой вступил отряд Джунаида в 1 000 всадников. Джунаид бросил в атаку на правый фланг полка свою конницу в 500 человек под командой своего старшего сына Эши-хана. Но басмаческая конница встретила упорное сопротивление советских бойцов и была быстро опрокинута. Потерпев неудачу, басмачи отошли на последнюю линию обороны, которая тянулась по фронту почти на 10 километров. Саксаул совершенно скрывал басмачей от наблюдения советских бойцов, а высокие песчаные барханы делали их неуязвимыми для огня. Басмачи решили упорно обороняться.

Второй и третий эскадроны полка повели фронтальное наступление, а первый эскадрон обошел фланг и врубился в цепь противника. Контратака 500 джунаидцев заставила эскадрон залечь и перейти к пешему бою. Но третий эскадрон с криком «ура» бросился в стремительную атаку. Противник был отброшен и пустился в бегство. Эскадрон начал преследование.

Джунаид-хан, видя, что его транспорту угрожает опасность, сам встал во главе группы в 600 всадников и с фланга атаковал сильно растянувшийся третий эскадрон. Атака басмачей разорвала эскадрон на две части: человек 40 были окружены противником, а остальные повернули обратно. Но советские бойцы не сдались, они сами бросились в атаку на более чем в десять раз превосходящего противника. В этот момент первый и второй эскадроны пошли в атаку в конном строю.

Напрасны были усилия главарей банды удержать убегающих в панике нокеров. Эскадроны уже врубились в противника, и он начал беспорядочный отход по всему фронту.

После восьмичасового напряженнейшего боя колодцы Балыклы были заняты полком. Спустился густой туман, что помогло басмачам оторваться от преследования. В этом бою Джунаид потерял более 150 человек убитыми и оставил все свои запасы продовольствия и фуража[1]).

Джунаид отошел на колодец Чирышли, где 3 марта его обнаружили передовые части полка. Он здесь снова принял бой силами в 800—900 всадников. Полк пошел в атаку на оба фронта. Третий эскадрон, увлекшись наступлением, попал в окружение шайки в 230 всадников. В продолжение полутора часов эскадрон героически отбивал настойчивые атаки противника. Командиры в первых рядах ободряли своим примером бойцов. Красноармейцы Астапенко и Храмов, видя, что один из тяжело раненых лежит между эскадронами и басмачами, под сильнейшим огнем противника вынесли его из-под обстрела. Политрук эскадрона Байчук, заметив, что эскадрону грозит гибель, бросился на басмачей, зарубил несколько человек и, прорвал кольцо окружения, доложил командиру полка о тяжелом положении эскадрона.

Немедленно на галопе был выброшен первый эскадрон. В этот момент и второй эскадрон пошел в атаку. Было уже совсем темно, и всадники брали направление по огонькам выстрелов. Басмачи не выдержали этой последней атаки и обратились в бегство. Колодец Чирышли был занят полком.

---

[1]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 100—105.

До 7 марта полк стоял у колодца Чирышли в ожидании транспорта с продовольствием и фуражем. 7 марта из Куня-Ургенча прибыл посланный дайханами туркменских районов транспорт в составе 220 верблюдов, привезший четырехсуточный запас продовольствия и фуража[1]). Лишь 11 марта прибыл государственный транспорт в составе 750 верблюдов с десятисуточным запасом продовольствия[2]).

12 марта полк выступил из урочища Еди-Ховуз по караванной дороге на Кизыл-Арват и 14 марта достиг становища Джунаида, его «резиденции» колодца Орта-Кую. Не обнаружив там противника, полк возвратился в урочище Еди-Ховуз.

Отдельные пленные, захваченные разведкой, сообщили, что у Джунаид-хана, потерявшего в боях 27 февраля и 2 марта около 300 человек убитыми, осталось всего 250—300 человек, а остальные разбежались.

25 марта на самолете прибыл в Еди-Ховуз командующий войсками группы, который привез полку второе почетное революционное Красное Знамя от ЦИК Хорезмской ССР. Полк был построен и ему тут же в песках была вручена эта высокая награда.

Выступив из Еди-Ховуз через колодцы Орта-Кую, полк 4 апреля остановился у колодца Бала-Ишем. Сюда на самолете из Хорезма прилетел член Хорезмского РВС Шайдаков, вручивший 16 орденов Красного Знамени бойцам и командирам[3]).

Джунаид-хан с отрядом до 150 всадников занимал позицию у колодца Ак-Яйла. Полк двинулся туда. Но Джунаид, преследуемый полком в пустыне, где он столько лет чувствовал себя недосягаемым, не приняв боя, поспешно отошел.

8 апреля в районе колодца Игде третий эскадрон кавалерийского полка настиг Джунаида, с которым было уже 100—120 всадников. Джунаид вынужден был принять бой, но, потеряв 30 человек убитыми, бросив два пулемета, 80 груженных всевозможным имуществом верблюдов и стадо баранов, бежал.

После 46-дневной боевой операции полк 10 апреля прибыл в город Кизыл-Арват, закончив свой беспримерный тысячекилометровый марш через пустыню Кара-Кум.

Впервые красная конница прошла Кара-Кум от края до края, и в его песках нанесла решительное поражение пресловутому «королю пустыни» Джунаид-хану. Неудачливый феодальный авантюрист с полсотней джигитов скрылся от преследования.

За этот героический поход ЦИК Союза ССР наградил кавалерийский полк третьим почетным Красным Знаменем, а 26 бойцов, командиров и политработников его были награждены орденами Красного Знамени, 7 человек были награждены орденами Красного Знамени ХССР[4]).

Разгром антисоветской, контрреволюционной вооруженной силы байства во всех районах Средней Азии произошел благодаря тому, что трудовое население переходило от пассивного сопротивления басмачеству к открытой активной борьбе с ним. В этом факте сказались результаты широкого вовлечения дайхан в советскую работу, усиления агитационно-массовой, политико-воспитательной работы коммунистов, экономической помощи дайханам и других действенных мероприятий партии большевиков и Советской власти.

---

[1]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 105.
[2]) Там же.
[3]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 106.
[4]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 111.

Поражение басмачества означало поражение ее идеологов-пантюркистов, панисламистов и других контрреволюционно-буржуазных националистов и иностранных империалистов, делавших ставку на басмачество.

Их поражение в борьбе с Советской властью, с пролетарской революцией еще раз показало, что народная масса Средней Азии как экономически, так и морально-политически неразрывно связана с великим русским народом. Совершенно правильно писал в описываемый период времени представитель Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР в своем докладе о Хорезме:

«Панисламизма или пантюркизма, как политических групп, в Хиве не существует. Отдельные лица, главным образом из числа приехавших в Хиву эмиссаров Валидова, никакого влияния завоевать в Хиве не смогли. Хорезм остался в стороне и от экспериментов Энвер-паши. Экономические интересы Хорезма настолько тесно сплетены с экономическими интересами Туркестана, Киргизии и Федерации, что в нем нет никакой почвы для сепаратистских стремлений, наоборот, если бы мы сами воздвигали каменную стену между РСФСР и Хорезмом, то эта стена была бы разрушена руками хивинцев[1]).

---

[1]) ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 1301, л. 99

Глава X

ОБРАЗОВАНИЕ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

НАЧАЛО СОВЕТИЗАЦИИ РАЙОНОВ ХИВИНСКИХ ТУРКМЕН В СОСТАВЕ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Еще в декабре 1922 г. на X съезде Советов, обсуждавшем вопрос об объединении советских республик, товарищ Сталин в своем докладе специально указывал на причины, задерживавшие вхождение Бухары и Хорезма в состав СССР: «Две независимые Советские республики, Хорезм и Бухара, являющиеся не социалистическими, а народными советскими республиками, пока остаются вне рамок этого объединения только потому и исключительно потому, что эти республики не являются еще социалистическими. Я не сомневаюсь, товарищи, надеюсь, и вы не сомневаетесь, что эти республики, по мере внутреннего развития их в сторону социализма, также войдут в состав союзного государства, ныне образуемого»[1]).

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции консолидация народов Средней Азии в нации и изживание их отсталости шли медленными темпами. «Отсталость культурная, убийственно минимальный процент грамотности, оторванность госаппарата от языка и быта народов Туркестана, убийственно медленный темп развития — такова картина»[2], — говорил товарищ Сталин в 1923 г. на 4-м совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей.

Основными причинами такого медленного развития народов Средней Азии в этот период было колониальное состояние Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции, наличие значительных пережитков докапиталистических отношений, слабое развитие пролетарских кадров у коренных национальностей, затяжной характер гражданской войны (борьба с байским басмачеством), особенно в Восточной Бухаре и Кара-Кумах, и раздробленность большинства национальностей по трем республикам.

Под руководством ленинско-сталинского ЦК РКП(б) и благодаря братской помощи русского пролетариата указанные причины отсталости в развитии народов Средней Азии постепенно изживались. Две народные республики быстро развивались в сторону социализма. 13 сентября 1920 г. был заключен союзный договор между Хорезмской Народной Советской Республикой (ХНСР) и РСФСР. 4 марта 1921 г. такой же договор был заключен между Бухарской Народной Советской

[1]) И. В. Сталин. Соч., т. V, стр. 151.
[2]) Там же, стр. 328—329.

Республикой (БНСР) и РСФСР, а 23 ноября 1920 г. — союзный договор между БНСР и ХНСР.

В дальнейшем ряд соглашений уточнил экономические, финансовые и военные взаимоотношения между этими народными республиками и РСФСР. В конце ноября 1922 г. на 2-м Туркестанском совещании в Ташкенте было принято решение о необходимости создания Среднеазиатского экономического совета, составленного из представителей среднеазиатских республик, для регулирования их хозяйственных взаимоотношений. Весной 1923 г. произошло предварительное экономическое объединение всех трех среднеазиатских республик.

Все эти договоры и соглашения сыграли историческую роль, с одной стороны, в деле защиты завоеваний революции от посягательств мирового, главным образом английского империализма, и, с другой стороны, в приближении двух народных республик по пути социалистического развития.

Таким образом, к концу 1924 г. Хорезмская и Бухарская республики под руководством коммунистической партии, с братской помощью русского народа в лице правительства РСФСР успешно прошли тот необходимый этап экономического и политического развития, о котором говорил товарищ Сталин в 1922 г. на X съезде Советов РСФСР.

Период одновременного существования трех республик до национального размежевания можно рассматривать как первый этап национально-государственного устройства народов Средней Азии, имевший огромное значение для дальнейшего осуществления здесь национальной политики нашей партии. Уничтожение национального гнета и власти капиталистов, феодалов и баев, полное национальное и политическое равноправие, ликвидация басмачества, восстановление народного хозяйства, вовлечение широких масс трудящихся в органы Советской власти, рост экономического благосостояния и культурного уровня масс, установление национального мира и дружбы между народами Туркестана — таковы достижения большевистской партии в Туркестане за этот период[1]).

В этом великом деле огромную роль сыграли Туркестанская комиссия правительства РСФСР и Туркестанское бюро ЦК РКП(б), направленные Лениным и Сталиным в Туркестан еще в 1919 г. для помощи партийным и советским организациям Средней Азии. Деятельность Туркестанской комиссии, руководимой товарищами Фрунзе, Куйбышевым и Кагановичем, представляет собой важнейшую веху в социалистическом строительстве Средней Азии и является ярким свидетельством отеческой заботы великих вождей нашей партии — Ленина и Сталина — о трудящихся Туркестана. С именами Фрунзе, Куйбышева и Кагановича, с большевистской энергией осуществлявших директивы Ленина и Сталина, связаны замечательные успехи и победы, достигнутые в Туркестане в борьбе против внешней и внутренней контрреволюции, в восстановлении народного хозяйства.

17 октября 1923 г. IV Всехорезмский курултай вынес решение о преобразовании Хорезмской Народной Республики в социалистическую и заявил о своем желании войти в состав СССР. 19 сентября 1923 г. на IV Всебухарском курултае Бухарская Народная Республика также преобразовалась в социалистическую. Таким образом, к осени 1923 г. на территории Средней Азии образовались три советские социалистические республики.

[1]) В. Я. Непомнин, «В. И. Ленин и И. В. Сталин — созидатели узбекской советской государственности». Газ. «Правда Востока» от 18 ноября 1949 г.

По своему национальному составу это были многонациональные республики. Каждая из национальностей Средней Азии была раздроблена между тремя республиками, существовавшими в начале в границах, искусственно созданных в прошлом царской администрацией.

Свыше 40% туркмен жило в Туркестанской республике, до 30% — в Хорезмской, 27% — в Бухарской. Ни в одной республике туркмены не составляли большинства: в Туркестанской республике на их долю приходилось всего 4,7% населения, в Бухарской республике — 10,6% и только в Хорезмской — 30%. Такое положение сильно тормозило, с одной стороны, консолидацию туркмен в социалистическую нацию, а с другой, — быстрейшее изживание их вековой отсталости. Это явление характерно и для других народов Средней Азии.

Для ликвидации указанных выше причин отсталости, для успешного разрешения задач социалистического строительства необходимо было проведение национально-государственного размежевания народов Средней Азии. Окончание гражданской войны, изжитие басмачества, укрепление органов Советской власти в ауле и кишлаке, улучшение материального положения дайхан и желание трудящихся масс Бухары, Хорезма и Туркестана объединиться по национальному признаку дали возможность приступить к более углубленному и широкому национальному строительству в Средней Азии — к созданию национально-однородных республик. В 1923—1924 г. г. народы Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик на многочисленных собраниях, съездах и конференциях выразили свою волю к созданию в Средней Азии национально-однородных республик.

Необходимость национального размежевания народов Средней Азии — узбеков, казахов, киргизов, таджиков, туркмен, кара-калпаков — диктовалась самой национальной политикой партии большевиков, стремившейся создать все необходимые условия для всестороннего развития каждого народа, каждой нации. «Все нации придут к социализму, — говорил Ленин, — это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»[1]).

Еще в 1920 г. Ленин предвидел необходимость создания в Туркестане национальных республик. В своих замечаниях на проект Туркестанской комиссии об основных задачах РКП(б) в Туркестане он писал:

«1) Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению.

2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей»[2]).

После окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству Центральный Комитет нашей партии и лично товарищ Сталин поставили вопрос о проведении национально-государственного размежевания, о создании национально-однородных советских республик в Средней Азии.

Благодаря повседневной заботе большевистской партии, советского правительства, Ленина и Сталина, благодаря огромной и всесторонней помощи великого русского народа республики Средней Азии к этому времени достигли больших успехов в государственном, хозяйственном

---

[1]) Ленин, Соч., т. XIX, стр. 230.

[2]) Ленинский сборник, XXXIV, стр. 326.

и культурном строительстве. Значительно окрепли организационно и идеологически партийные организации, которые росли за счет передовых рабочих, батраков и бедняков.

Огромное значение придавали Ленин и Сталин идеологической закалке, большевистскому воспитанию партийных организаций Средней Азии, воспитанию местных кадров в духе пролетарского интернационализма, в духе непримиримости к уклонам от национальной политики нашей партии.

На 4-м совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.) товарищ Сталин говорил: «Следует помнить, что наши коммунистические организации на окраинах, в республиках и областях, могут развиться и стать на ноги, сделаться настоящими интернационалистическими марксистскими кадрами только в том случае, если они преодолеют национализм. Национализм — основное идейное препятствие по пути выращивания марксистских кадров, марксистского авангарда на окраинах и в республиках»[1]).

Буржуазные националисты Туркестана прилагали все усилия, чтобы сорвать осуществление ленинско-сталинской национальной политики, затормозить экономический и культурный рост туркменского, узбекского и других народов Средней Азии и в конечном счете восстановить в Туркестане власть феодалов и местной буржуазии под эгидой иностранного империализма.

Являясь прямыми выразителями интересов свергнутых Октябрьской революцией эксплоататорских классов и выполняя задания разведок империалистических государств, контрреволюционные буржуазные националисты выступили организаторами и вдохновителями басмачества, которое, ведя борьбу против Советской власти на протяжении ряда лет, нанесло огромный ущерб промышленности, сельскому хозяйству, особенно животноводству, хлопководству и ирригации Советского Туркестана[2]).

Руководствуясь указаниями Ленина и Сталина, осуществляя национальную политику партии, высоко держа знамя пролетарского интернационализма, партийные организации Туркестана дали решительный отпор всем попыткам буржуазно-националистической контрреволюции помешать социалистическому строительству в Туркестане. Под руководством Ленина и Сталина коммунисты Туркестана добились замечательных успехов в укреплении Советской власти, в хозяйственном и культурном строительстве. При этом большевики Туркестана в своей практической работе неуклонно руководствовались указанием ленинизма на то, что социалистические преобразования у разных национальностей нельзя осуществить по одному шаблону, необходимо строго учитывать конкретные исторические условия развития каждой национальности и соответственно применять специфические, наиболее соответствующие этим условиям методы и средства, темпы и формы.

Еще в 1921 г. В. И. Ленин в письме к коммунистам Кавказа требовал, чтобы было проявлено «Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству... Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для рес-

---

[1]) Сталин. Соч., т. V, стр. 308.

[2]) В. Я. Непомнин. «В. И. Ленин и И. В. Сталин — созидатели узбекской советской государственности». Газ. «Правда Востока» от 18 ноября 1949 г.

публик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики»[1]).

Эти указания Ленина можно было отнести и к Туркестану, в особенности к Хорезму и Бухаре, внутри которых, наряду с отдельными районами развитого товарного хозяйства (у узбеков), имелись более или менее изолированные районы с внутренним примитивным товарооборотом, со своими языковыми, культурными и бытовыми особенностями, с крайне сложными племенными и даже родовыми отношениями (у туркмен).

Наличие различных стадий общественного развития требовало особого подхода к разрешению экономических и общественно-политических вопросов, связанных с организацией Советской власти и социалистического строительства. Задачи социалистического строительства настоятельно требовали воссоединения разъединенных частей Туркменистана и Узбекистана в единые национальные республики.

Уже в 1921 г. встал вопрос о создании в Хорезмской республике двух областей — Туркменской и Узбекской, создание этих областей мотивировалось тем, что основное население республики составляли узбеки (61,1%) и туркмены (30%). 2 апреля 1922 г. Туркестанский ЦИК издал декрет об образовании особой горной Кара-Киргизской области. Однако попытки образования отдельных национальных областей не могли полностью разрешить вопрос о воссоединении разъединенных частей Туркменистана, Узбекистана и Киргизстана. Поэтому Туркестанская комиссия ВЦИК РСФСР и Туркестанское бюро ЦК РКП(б) решили разрешить эти вопросы в общем средне-азиатском масштабе.

В начале 1924 г. этим вопросом занимались одновременно в Бухаре, Хиве и Туркестане: 20—24 марта 1924 г. пленум ЦК КП(б) Туркестана принял постановление о необходимости проведения национально-государственного размежевания республик Средней Азии; 28 апреля того же года Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) создало специальную комиссию для изучения всего комплекса вопросов, связанных с национально-государственным и административным размежеванием территорий национальных республик Средней Азии. В июне ЦК РКП(б) принял историческое решение о национальном размежевании Средней Азии. 15 июля Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) приняло тезисы для проведения агитационной работы по данному вопросу и создало национальное бюро партии для предварительной разработки вопросов, касающихся условий развития отдельных национальностей, после чего сразу же была развернута большая агитационная кампания, продолжавшаяся до конца года. При проведении всех отмеченных мероприятий партия большевиков руководствовалась, помимо учета национальных признаков, также условиями и основами экономического, классового и политического развития отдельных народов.

Во второй половине сентября 1924 г. все три среднеазиатские республики приняли специальные решения о национальном размежевании: 16 сентября — на 3-й Чрезвычайной сессии Туркестанского ЦИК; 20 сентября — на V Всебухарском курултае и 2 октября — на V Всехорезмском курултае. 14 октября этот вопрос рассматривался 2-й сессией ВЦИК, которая, идя навстречу стремлениям трудящихся Средней Азии, одобрила это мероприятие и постановила выделить Туркестанскую Автономную Республику из состава РСФСР.

Наконец, 27 октября национально-государственное размежевание

[1]) Ленин. Соч., т. XXVI, стр. 192.

Средней Азии было окончательно санкционировано историческим постановлением 2-й сессии ЦИК СССР о выделении Узбекистана и Туркменистана в самостоятельные советские социалистические республики. Это историческое постановление союзного правительства народы Средней Азии встретили с великим ликованием, с безграничной радостью и благодарностью.

2 октября 1924 г. V Всехорезмский курултай, заслушав доклад о национальном размежевании, постановил: «Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих и дехканских масс узбеков, туркмен и киргизов, кара-калпаков, населяющих Хорезмскую ССР, предоставить право выйти из состава Хорезмской ССР и войти: узбекам — в состав вновь образуемой Узбекской ССР, туркменам — в состав вновь образуемой Туркменской ССР и киргизам-кара-калпакам — в состав вновь образуемой Кара-Калпакской автономной области. Считать Хорезмскую ССР с настоящего момента ликвидированной»[1]).

Выполняя это решение V курултая Центральный Исполнительный Комитет Хорезмской ССР 22 ноября 1924 г. постановил: а) Ходжейлинскую область Хорезмской ССР, населенную в большинстве кара-калпаками, передать вновь образовавшейся Кара-Калпакской автономной области; б) Туркменскую область Хорезмской ССР (включая районы Дарган-Ата и Садувар), населенную в большинстве туркменами, передать Туркменской ССР; в) остальную территорию Хорезмской ССР (собственно Хивинскую, ныне Хорезмскую область), населенную узбеками, передать Узбекской ССР. В конце ноября 1924 г. правительство Хорезмской ССР сложило свои полномочия[2]).

Аналогичная государственно-территориальная реформа произошла одновременно и в Бухарской республике: ее районы, населенные туркменами, отошли к Туркменской ССР, узбекские районы перешли к Узбекской ССР и Таджикские районы — к Таджикской АССР.

Таким образом, на территории бывших Туркестанской, Бухарской и Хорезмской Советских Республик, в соответствии с национальным составом их населения, был создан ряд национальных советских государственных образований: Туркменская и Узбекская союзные республики, Таджикская АССР в составе Узбекской ССР, Каракиргизская автономная область в составе РСФСР (в 1926 г. преобразована в Киргизскую АССР) и Кара-Калпакская автономная область в составе Казахской АССР (в 1930 г. вошла в состав РСФСР, в 1932 г. преобразована в автономную республику, в 1936 г. вошла в состав Узбекской ССР).

В результате национального размежевания в Туркменскую ССР вошли: бывшая Закаспийская область в составе Ашхабадского, Красноводского, Тедженского и Мервского уездов; пять районов из бывшей Хорезмской республики — Ташаузский, Тахтинский, Ильялинский, Куня-Ургенчский и Порсинский (последний 2 ноября 1935 г. переименован в Калининский) и из бывшей Бухарской республики были присоединены округа Чарджоуский, Керкинский и часть Ширабадского (район Келифа).

Во всех этих уездах, округах и районах насчитывалось более миллиона населения. Свыше 80% этого населения были туркмены — примерно 94,2% всех проживающих в СССР туркмен. В остальную часть населения входили русские, узбеки, казахи, белуджи и др. Территория

[1]) ЦГАОР УзССР, ф. 71 Хорезмского ЦИК'а, оп. 1, д. 31, л. 32.
[2]) Там же, л. 30.

Туркменской ССР составляла 443,5 тыс. кв. километров, или 42% всей территории Средней Азии[1]).

5 ноября 1924 г. совместными постановлениями ЦИК Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик были созданы революционные комитеты вновь образованных национальных республик и областей, которым было поручено временное управление республиками и областями, а также созыв учредительных съездов Советов для создания правительственных органов. Одновременно было постановлено ликвидировать все центральные органы Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик и передать всю полноту власти созданным революционным комитетам.

19 ноября в Ашхабаде был созван первый пленум революционного комитета Туркменской ССР. В тот же день начало свою работу Организационное бюро коммунистической партии (большевиков) Туркменистана, созданное ЦК РКП(б) для руководства деятельностью всех партийных организаций Туркменистана до I партийного съезда.

14 февраля 1925 г. в Ашхабаде — столице Туркменистана — были созваны I съезд Советов Туркменской ССР и I съезд коммунистической партии (большевиков) Туркменистана.

Еще до этого, 6 февраля, в г. Бухаре собрался I съезд коммунистической партии (большевиков) Узбекистана. Он прошел под знаком осуществления исторических указаний, данных товарищем Сталиным. «Объединение узбекских земель в одну республику — указывал товарищ Сталин в своем приветствии съезду, — является актом величайшей важности для всего Востока. Республика эта может стать мощной силой на Востоке лишь в том случае, если положение дехкан будет существенным образом улучшено, а мелкие арендаторы будут освобождены от кабалы баев. Не сомневаюсь, что коммунисты Узбекистана не пощадят своих сил для проведения в жизнь этих задач»[2]).

В приветственной телеграмме товарища Сталина I съезду КП(б) Туркменистана говорилось: «Приветствую партийный курултай Туркменистана с воссоединением разрозненных ранее частей туркменского народа в единую Советскую Республику; не сомневаюсь, что партийные и советские работники Туркменистана выполнят задачу вовлечения туркменских трудящихся масс в дело строительства новой советской жизни.

Да здравствует коммунистическая партия Туркменистана!»[3]).

Первые учредительные съезды партийных и советских организаций Туркменистана и Узбекистана работали с участием и под непосредственным руководством ближайшего соратника Ленина и Сталина — Председателя ЦИК СССР М. И. Калинина, посланного Центральным Комитетом РКП(б) и лично товарищем Сталиным помочь трудящимся Туркменистана и Узбекистана в строительстве новых советских республик.

Пламенное приветствие товарища Сталина и непосредственное руководство М. И. Калинина еще больше воодушевили большевиков и всех трудящихся Туркменистана на борьбу за социализм. Съезд КП(б) Туркменистана наметил конкретную программу борьбы туркменского

---

[1]) В настоящее время территория Туркменской ССР составляет 484,9 тыс. кв. км, или почти 50% всей территории Средней Азии.

[2]) Ленин и Сталин «О Средней Азии и Узбекистане». Сборн. документов, стр. 221.

[3]) Там же, стр. 222, а также газета «Туркменская Искра». № 34 от 14/II-1925 г.

народа за дальнейшее развитие экономики и культуры республики, укрепление советского и партийного аппаратов, ликвидацию патриархально-феодальных отношений, за широкое вовлечение женщин-туркменок в дело строительства новой социалистической жизни.

На I Всетуркменском съезде Советов 20 февраля была принята декларация об образовании самостоятельной Туркменской Советской Социалистической Республики и о вхождении Туркменской ССР в Союз Советских Социалистических Республик на равных правах с другими союзными советскими социалистическими республиками.

В этой исторической декларации съезда было сказано: «Трудящиеся туркменского народа в лице его I съезда Советов торжественно провозглашают образование независимой Советской Социалистической Республики на территории, издавна занимаемой туркменским народом, в составе округов: Полторацкого[1]), Мервского, Керкинского, Ленинского[2]) и Ташаузского. Верные стремлениям рабочих и дехканских масс к солидарности и братскому единению, трудящиеся туркменского народа заявляют торжественно перед всем трудящимся человечеством о своем желании в целях создания единого фронта для общей битвы с мировым капиталом войти на правах полноправного члена в Союз Советских Социалистических Республик»[3]).

20 мая 1925 г. III съезд Советов СССР принял Туркменскую ССР в состав великого Союза Советских Социалистических Республик на равных правах с другими союзными республиками.

I Всетуркменский съезд Советов имел историческое значение как для народов и племен, населяющих Туркменскую ССР, так и для всего Востока.

Председатель ВЦИК и ЦИК СССР М. И. Калинин, принявший активное участие в создании республики туркменского народа, заявил в своем выступлении на съезде, что «Туркменская Советская Социалистическая Республика — красный маяк на Востоке» и что «создание Туркменской ССР есть воплощение в жизнь заветов Ленина»[4]). Своим выступлением М. И. Калинин выразил торжество и радость великого русского народа по поводу возрождения братского туркменского народа, по поводу его национального объединения и создания им своего социалистического государства. Исторический съезд Советов Туркменской ССР прошел под лозунгом: «Ленин — наше знамя, ленинизм — наша программа»[5]).

Первый Всетуркменский съезд Советов принял ряд законов, определивших путь дальнейшего социалистического развития Советского Туркменистана. Был принят декрет о земельной реформе, отменявшей право частной собственности на землю и воду: вся земля и вода были объявлены собственностью советского государства, право непосредственного пользования водой и землей предоставлялось только трудовому дайханству; отменялись ограничения права землеводопользования неженатых, бессемейных и вдов.

На этом же съезде были приняты декреты, обеспечивавшие фактическое раскрепощение женщин-туркменок, декрет об отмене калыма и брачного права на воду, о повышении брачного возраста, об уравнении женщины в правах с мужчиной в политической, хозяйственной и культурной жизни.

[1]) Ныне Ашхабадская область.
[2]) Ныне Чарджоуская область.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. I, оп. I, д. 206, л. 4.
[4]) Стенографический отчет I съезда Советов ТССР, стр. 35, Ашхабад, Госиздат.
[5]) ЦГАОР ТССР, ф. I, оп. 2, д. 777, л. 6—7 и д. 100, л. 45.

Так возникла Туркменская Советская Социалистическая Республика. В состав ее вошли: вся территория бывшей Закаспийской области, которая при царизме входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства, а после революции — в состав Туркестанской АССР; Керкинские и Чарджоуские районы бывшего Бухарского эмирата, районы нынешней Ташаузской области, до 1920 г. входившие в состав Хивинского ханства, а в 1920—1924 г.г. в состав Хорезмской Народной Республики.

Первоначально административная структура Туркменской ССР была основана на окружном делении, и вся территория республики была разбита на пять округов: Полторацкий (Ашхабадский), Мервский (Марыйский), Керкинский, Ленинский (Чарджоуский) и Ташаузский.

Образование Туркменской Советской Социалистической Республики имело всемирно-историческое значение, осуществив вековые чаяния туркменского народа о создании самостоятельного национального государства.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала крупнейший перелом в жизни народов, освободив их от колониального и социального рабства. Исторические решения союзного правительства 1924 г. об образовании Туркменской и Узбекской ССР положили начало новой эре в истории всех народов Средней Азии и, в частности, туркмен, до тех пор не имевших своей национально-государственной территории.

Против национально-государственного размежевания Средней Азии ополчились все враги народа — буржуазные националисты, великодержавные шовинисты, троцкисты и бухаринцы, капиталистические элементы города и села.

Злейшие противники национального размежевания — буржуазные националисты — понимали, что национальное размежевание — это новая победа ленинско-сталинской национальной политики — нанесет сокрушительный удар по их контрреволюционным замыслам восстановления в Средней Азии буржуазно-помещичьих отношений, по их преступным планам отторжения республик Средней Азии от Советского Союза. Подлые планы контрреволюции были позже разоблачены на процессе антисоветского «правотроцкистского блока». Как выяснилось на этом процессе, буржуазные националисты ставили перед собой задачу превратить Бухарскую Народную Республику в буржуазно-демократическую республику, в буферное государство между Англией и Советской Россией[1]).

Партийные организации Туркестана под руководством Центрального Комитета РКП(б) и товарища Сталина нанесли сокрушительный удар по антипартийным элементам и обеспечили неуклонное проведение в жизнь постановления ЦК РКП(б) о национальном размежевании.

Товарищ Сталин в своей исторической речи на собрании студентов Коммунистического университета трудящихся Востока 15 мая 1925 года, касаясь национального размежевания Средней Азии, говорил: «Я думаю, что образцом такого приближения к массам можно было бы считать законченное недавно национальное размежевание в Туркестане. Буржуазная пресса усматривает в этом размежевании «большевистскую хитрость». Между тем ясно, что тут проявилась не «хитрость», а

[1]) Газета «Правда Востока» от 18 ноября 1949 г. Из указанной статьи В. Я Непомнина.

глубочайшее стремление народных масс Туркменистана и Узбекистана иметь свои собственные органы власти, близкие и понятные им. В эпоху дореволюционную обе эти страны были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплоататорских махинаций «власть имущих». Теперь настал момент, когда появилась возможность в о с с о е д и н и т ь эти разорванные куски в независимые государства для того, чтобы сблизить и спаять трудящиеся массы Узбекистана и Туркменистана с органами власти. Размежевание Туркестана есть, прежде всего, в о с с о е д и н е н и е разорванных частей этих стран в независимые государства. Если эти государства пожелали потом вступить в Советский Союз в качестве равноправных его членов, то это говорит лишь о том, что большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока, а Советский Союз является единственным в мире добровольным объединением трудящихся масс различных национальностей. Для того, чтобы воссоединить Польшу, буржуазии потребовался целый ряд войн. А для того, чтобы воссоединить Туркменистан и Узбекистан, коммунистам потребовалось лишь несколько месяцев разъяснительной пропаганды»[1]).

Итак, основной целью национального размежевания было воссоединение разъединенных частей среднеазиатских народов.

Впервые в истории туркменский народ обрел единую, свободную, самостоятельную территорию с единым национальным управлением. Это стало возможным и реальным только в условиях советской власти и благодаря ей. Существование и расцвет молодой Туркменской национальной советской республики, ее независимость гарантировались наличием экономического и военно-политического союза ее с народами СССР и политического руководства со стороны передового русского пролетариата. Благодаря братской помощи великого русского народа и ленинско-сталинского руководства партии большевиков стало возможным укрепление достигнутой независимости Туркменской республики и осуществление полного развития национально-советской государственности туркменского народа.

Какие же основные мероприятия должны были определять дальнейший успех национальной консолидации туркменских трудящихся, их приобщения к социалистическому строительству, дальнейшего развития Туркменской ССР?

Эти мероприятия были с исчерпывающей полнотой сформулированы вождем и учителем советского народа товарищем Сталиным в его речи на собрании студентов Коммунистического университета трудящихся Востока:

«1) Создать промышленные очаги в советских республиках Востока, как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса. Вы знаете, что это дело уже начато и оно будет итти вперед по мере хозяйственного роста Советского Союза. Наличие разного рода сырья, имеющегося в этих республиках, является порукой тому, что дело это со временем будет доведено до конца.

2) Поднять сельское хозяйство и, прежде всего, орошение. Вы знаете, что это дело также двинуто вперед, по крайней мере в Закавказье и Туркестане.

3) Поднять и двинуть вперед дело кооперирования широких масс крестьян и кустарей, как вернейший путь включения Советских республик Востока в общую систему советского хозяйственного строительства.

[1]) И. В. Сталин. Соч., т. VII, стр. 136—137.

4) Приблизить советы к массам, сделать их национальными по составу и насадить таким образом, национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам.

5) Развить национальную культуру, насадить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных людей.

Выполнить эти задачи — это именно и значит облегчить дело социалистического строительства в советских республиках Востока»[1]).

Такова была программа роста и развития Туркменской ССР.

Туркменский народ, его партийные и советские организации под руководством ЦК ВКП(б) и при братской помощи великого русского народа взялись за выполнение этих величественных задач, выдвинутых великим вождем советского народа. Туркменский народ впервые получил возможность всесторонне проявить свои творческие, созидательные способности. Под руководством большевиков он начал борьбу за ликвидацию в кратчайший срок своей отсталости, за переделку своей жизни на новый, социалистический лад.

В первые годы после образования Туркменской ССР перед руководящими организациями республики, перед большевиками Туркменистана стояла огромная, большой политической важности неотложная задача: принять все меры к коренному улучшению работы всех звеньев советского аппарата, к оздоровлению и очистке состава советских работников от классово-чуждых и разложившихся элементов, приблизить органы советской власти к массам и широко привлечь трудящихся к управлению. И большевики взялись за осуществление этой задачи. Неуклонно и систематически проводились мероприятия по улучшению и развитию советского строительства в самых отдаленных районах и аулах республики.

ЛИКВИДАЦИЯ ФЕОДАЛЬНО-ПАТРИАРХАЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОДОВЫХ ВОЖДЕЙ И АКСАКАЛОВ И ПЕРЕХОД К СОВЕТИЗАЦИИ ТУРКМЕНСКИХ РАЙОНОВ ХОРЕЗМСКОГО ОАЗИСА

Область хивинских туркмен (называвшаяся со времени вхождения ее в состав Туркменской ССР Ташаузским округом) занимает северо-восточную часть Туркменской ССР. Она граничила на севере и востоке с Кара-Калпакской АССР, на юго-востоке — с хивинскими (хорезмскими) районами Узбекской ССР, на северо-западе — с Казахской ССР, на западе и юге — с бывшими Красноводской и Ашхабадской областями Туркменской ССР.

Общая площадь территории Ташаузского округа определялась, по данным Комиссии по районированию Ташаузского округа на 1925 год, приблизительно в 21 тысячу кв. верст[2]).

Культурная полоса (часть территории округа, являющаяся пригодной для земледелия и освоения человеком) составляла лишь около 10% всей площади округа, а все остальное пространство занимали пески, озера и туган (леса)[3]).

Население песков округа в рассматриваемый период почти не было учтено, но, несомненно, принадлежало к туркменскому племени йомудов. Население же культурной полосы составляло, по данным Комис-

[1]) И. Сталин. Соч., т. VII, стр. 135—136.
[2]) Газета «Туркменская Искра», № 169, 4 августа 1925 г.
[3]) Центргосархив ТССР, ф. I, оп. 1, д. 890, л. 5.

сии по районированию на 1925 год, 150 тысяч человек[1]), из которых туркмены составляли 60%, узбеки около 25%, а остальные — казахи, кара-калпаки, татары и прочие.

В округе узбеков было 38—39 тысяч человек, из которых более 28 тысяч жили в собственно Ташаузском районе (составляя почти 90% населения данного района), более 8 500 в Ильялинском районе (около 30% всего населения), 2 тысячи (14% населения) в Куня-Ургенчском районе и 300 — в Порсах[2]).

В населенном пункте Тахта узбеков вовсе не было. Большинство казахов и кара-калпаков жили в Куня-Ургенчском и Ташаузском районах, в районных центрах и их ближних окрестностях. Все население окружного центра гор. Ташауза составляли узбеки, казахи, татары.

Основным и коренным населением округа были туркмены следующих племен: иомуды, чоудоры, емрели, гарадашлы, гоклены. Узбеки, казахи, кара-калпаки и проч. составляли меньшинство в населении округа. Значительный отлив туркменского населения произошел в 1920—1924 годах, в период наиболее сильного басмаческого движения, когда туркмены большими группами временно покинули свои насиженные места и расселились по другим местам в пределах Красноводской, Полторацкой (Ашхабадской) и Марыйской областей, откуда они позже стали возвращаться обратно в Ташаузский округ.

Так как вода являлась на территории Ташаузского округа важнейшим условием жизни, то, вполне естественно, что население здесь расположилось по системам орошения и колодцам, причем не густо населенными пунктами, а преимущественно хуторами, тянувшимися цепями и прерывающимися там, где прерывалась возможность ведения хозяйства. Жизнь развивалась вдоль оросительных арыков оазисами до 10—15 километров шириной, а остальные площади представляли либо песчаные пустыни, покрытые редкой растительностью (большей частью сжигаемой летним зноем), либо небольшие озерные пространства, образуемые из сбросов использованной воды.

К концу 1924 года в округе было четыре сравнительно крупных населенных пункта, являвшихся раньше бекскими резиденциями — это Ташауз, Ильялы, Порсы и Куня-Ургенч[3]).

Наиболее густо населенным районом являлось бывшее Ташаузское бекство, имевшее наиболее благоприятные условия для орошения (сравнительно исправную ирригационную сеть и достаточное количество воды в главных арыках Шават и Ярмыш), за ним следовали Ильялинское, Куня-Ургенчское, Порсинское бекства и на последнем месте как по экономике, так и по плотности населения, в силу чрезвычайной запущенности оросительной сети, Тахтинское бекство.

Несмотря на то, что районы хивинских туркмен входили в состав Хорезмской Народной Советской Республики, до 1925 года в Ташаузском округе советская власть фактически не существовала. Трудящиеся дайхане были почти всецело во власти беков, аксакалов Хорезмской Народной Советской Республики (в городских и кишлачных местностях с преимущественно узбекским населением) и родовых вождей (в аульных местностях с туркменским населением). Это подтверждается материалами ряда обследований и высказываниями официальных лиц. Так,

---

[1]) Там же, оп. 2, д. 600, л. 10.

[2]) Центргосархив ТССР, ф. I, оп. 2, д. 560, л. 13 и из доклада правительственной комиссии.

[3]) Населенный пункт Тахта не считался городом, он представлял большую глинобитную крепость, когда-то построенную туркменами в войне с хивинскими ханами.

например, в докладе правительственной комиссии по административно-экономическому районированию Ташаузского округа, составленном весной 1925 года, говорится следующее:

«Ташаузский округ с момента революции и почти вплоть до размежевания среднеазиатских республик не только не был затронут никакими реформами советского порядка, но, будучи долгое время ареной действия наиболее активной части басмачества и междоусобиц разных родовых групп, явился благоприятной почвой для складывания феодальных отношений»[1]).

Советизация Ташаузского округа началась в январе 1925 года с организации революционных комитетов. Зимой 1924/25 года правительством Туркменской Советской Социалистической Республики были впервые сформированы районные революционные комитеты: Ташаузский, Тахтинский, Ильялинский, Порсинский и Куня-Ургенчский.

15 января 1925 года в городе Ташауз открылся I съезд Советов округа. Еще до этого были проведены окружные и районные съезды комсомола, профсоюзов и беспартийные конференции.

На I съезде Советов округа был сформирован окружной революционный комитет в составе 16 человек. Среди 52 делегатов, избранных I окружным съездом Советов для участия на I Всетуркменском съезде Советов, было 37 туркмен и 10 узбеков. Характерным для этого периода было то, что среди делегатов не было ни одной женщины[2]).

Образование окружного и районных органов советской власти в Ташаузском округе протекало в условиях крайнего недостатка руководящих и технических работников, сколько-нибудь знакомых с бытом, экономическим и политическим состоянием округа. Это обстоятельство с самого начала определило слабость местных органов советской власти. Задачи, стоявшие перед вновь образованной советской властью в Ташаузском округе, были огромными — предстояло поднять и укрепить материальное благосостояние дайханства путем развития общественного хозяйства и улучшения ирригационной системы. Нужно было принимать решительные меры к советизации туркменских аулов, к ликвидации басмачества и бандитизма, племенной, родовой и национальной вражды.

Между тем, если окружные органы советской власти в Ташаузе были более или менее работоспособными, то районный аппарат ее в лице райревкомов в первое время своего существования был совершенно слабым. Один из членов правительственной комиссии по районированию округа писал о стиле работы райревкомов:

«Планомерной повседневной работы райревком не ведет: для этого у него нет ни сил, ни времени. У него нет внутри района ни одного советского органа. Вся его работа заключается в подтягивании массы к советскому аппарату своими силами и выполнение отдельных поручений окрревкома»[3]).

«...Председатель райревкома из местных жителей неграмотный, в ревкоме бывает не каждый день, проживает в 8 верстах от Куня-Ургенча. Ему необходимо пройти школу и ознакомиться с задачами советской власти, каковые им еще ясно не усвоены, так как наблюдались случаи передачи даже уголовных дел на решение казия», — сообщал другой член комиссии[4]).

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. I, оп. 2, д. 560, л. 293.
[2]) Там же, д. 416, л. 16.
[3]) Там же.
[4]) Там же, ф. I, оп. 4, д. 67, л. 24.

Но окрревком имел хоть такой районный аппарат, ревкомы же в течение 1925 года вовсе не имели в аулах никакого советского аппарата. В аулах господствовала старая патриархально-феодальная власть родовых вождей. «После национального размежевания, — пишет один из руководителей республики, — вопросы Ташауза занимали главное внимание партии и правительства Туркмении, так как округ находился целиком во власти родовых вождей, оказывающих активное противодействие его советизации»[1]).

Самыми видными из этих родовых сердаров были следующие:

1. Якши-Гельди-бек Сенд-Гельди-бек оглы — сын известного помудского мохердара Сенд-Гельди-бека из местности Газахери Куня-Ургенчского района. Он стал играть значительную политическую роль уже в 45-летнем возрасте. Он имел большую крепость, постоянно держал вооруженный отряд нокеров в 25—30 всадников.

2. Гулам-Али-хан Союн оглы — уже известный нам как неустойчивый участник революционных событий 1917—1920 годов, впоследствии превратившийся в организатора и пособника басмачей, неграмотный, неродовитый, после Якши-Гельди-бека являлся наиболее популярной влиятельной фигурой среди всех родовых вождей. Ему было в это время около 40 лет. Этот человек, в свое время приобревший популярность борьбой с Джунаид-ханом, в действительности был неустойчивым, бесхарактерным карьеристом, всегда искавшим себе славу, богатство и власть.

Ближайшими помощниками Гулам-Али были такие мелкие родоначальники, как Меред-дов из Тахтинского района, лет 32, бойкий, такой же хитрый и вероломный, как и его господин, и Сапар-Гуджик из того же района, лет 40, скромный на вид, но вероломный, умевший держать подвластных в тяжелой экономической зависимости.

3. Дурды-кази Мурат-кази оглы — из местности Гарайылгин-Губадаг (тогда Порсинского, ныне Тельманского района) из помудского рода кара-салак. Этот 45-летний тучный, обрюзгший человек, сын известного Мурад-казия, с утверждения хивинского хана унаследовал звание своего отца. Несмотря на свою полную неграмотность, он считался, у туркмен кази-ишаном и умел играть эту роль. Он был очень богат, имел 16 скаковых лошадей и жил в огромной крепости в окружении специального отряда охраны в 30—40 всадников.

4. Ахмед-бек (Тахтинский район) — был одним из богатейших и влиятельных вождей рода ушак. Благодаря своему богатству он умело держал почти целый район в экономической зависимости. Властный феодал, он ненавидел советскую власть и разрешал зависящим от него дайханам обращаться к ней только с его разрешения. Ахмед-бек никогда не упускал случая, чтобы показать силу своего влияния представителям советской власти. Местные работники вспоминают случай, когда дайхан, не получивший желанного удовлетворения в райревкоме, пригрозил его председателю, что он пожалуется Ахмед-беку[2]).

5. Нияз-бахши — родом ак-окуз из Тахтинского района, неродовитый, высокого роста, молчаливый человек, выдвинулся в годы Хорезмской НСР. Отличался в борьбе с басмачами, за что имел награды. Умный, хорошо ориентировался в обстановке, пользовался популярностью.

---

[1]) Центргосархив ТССР, ф. I, оп. 1, д. 186, л. 1.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. I, оп. 2, д. 560, л. 112.

Был крайне властолюбив и любил при случае щегольнуть могуществом своего влияния[1]).

6. Анна-бала-бай — родоначальник племени емрели (о нем смотри выше в разделе о басмачестве).

7. Гурбан-Мамед из Ильялинского района — родоначальник племени гарадашлы.

8. Пальван-Юзбаши — родоначальник племени чоудор из Порсинского района и другие.

Следует отметить, что роль вождя племен в Ташауэском округе имела место преимущественно среди иомудского племени, являвшегося по образцу жизни полукочевым, полуоседлым. Другие же племена, как гарадашлы, емрели, чоудор, более основательно осевшие на землю, уже в значительной степени освободились из-под влияния вождей племени и управлялись аксакалами. В годы революции и гражданской войны, при существовании Хорезмской Народной Советской Республики (1917—1924 годы) отдельные рода и родоначальники всех племен хивинских туркмен то действовали совместно с Джунаид-ханом, Гулам-Али-ханом, Якши-Гельди-беком, то вступали между собой во взаимную борьбу, разбивались на части, дробились и смешивались с другими родами, разбивали свое родовое обособление. В результате этого во многих местах появились вожди, объединявшие уже не однородную в родовом смысле массу, а массу разнородную, состоявшую из разноплеменных групп, объединенных лишь совместными интересами. Характеризуя этот момент, Комиссия по районированию округа писала:

«В данный момент полной чистоты родов мы не встречаем уже нигде, и главари отдельных иомудских групп не всегда носят название вождей того или иного рода в силу преобладающего большинства определенного рода в этой группе туркмен. Этот момент является чрезвычайно важным, как начало разложения родовой традиции»[2]).

Большинство старых, крупных и более авторитетных вождей (старых мохердаров) погибло в дни революции и гражданской войны. Их место заняли или их сыновья, или же наиболее способные организаторы, военачальники неродовитые, даже не представители рода, составляющего большинство данной группы. Эта новая форма вождевого начала, насчитывающая лишь несколько лет существования, не успев окрепнуть уже разлагалась по мере приближения советской власти к массам.

Как мы указывали выше, в ханское время взаимоотношения туркменского населения с хивинским ханом основывались на том, что туркмены должны были вносить установленные ханом налоги и предоставлять в необходимых случаях военную силу в виде волонтерских отрядов под командой своих родоначальников. В вопросах же внутренней и своей жизни туркмены были относительно независимы. Отношения между туркменскими племенами зачастую решались количеством вооруженных сил родоначальников, которые постоянно вели борьбу друг с другом за влияние над остальными родами.

Теперь, при советизации районов хивинских туркмен, взаимоотношение родовых вождей с населением выглядело совершенно иначе. Хозяйственная разруха, басмачество, кровная месть, родовая борьба, слабость органов советской власти и многие другие обстоятельства вынуждали дайхан итти под покровительство вождя как в силу своей эконо-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. I, оп. 2, д. 560, л. 112.
[2]) Там же, л. 107.

мической зависимости, так и в целях обеспечения охраны своего хозяйства.

«Управление Ташаузским округом, — писала правительственная Комиссия по районированию, — в период бывшей Хорезмской республики шло исключительно по линии вождей, не только не затрагивая таких институтов, как шариат и ряд других пережитков, но и укрепляя их, узаконив существование казиев и не трогая материальной базы казиев — их бесчисленных поборов, отличавшихся лишь размерами от поборов вождей[1]).

Родовой вождь хивинских туркмен являлся главным административным лицом в ауле. Он облагал налогами, учинял суд и расправу в пределах подчиненного ему рода. Сила вождя, в связи с родовой враждой, определялась прежде всего наличием у него вооруженных отрядов. Борьба родов за воду, традиции племенной вражды и связанная с этим постоянная угроза нападения заставляла дайхан итти под покровительство вождя для обеспечения безопасности своего хозяйства. Одновременно вождь закабалял его экономически: предоставлял ему землю на арендных началах, давал семена, инвентарь и т. д. Вождь, являясь фактической властью в ауле, распоряжался ирригационной сетью. Сам вождь, хотя и занимался земледелием, но в то же время не отошел еще от грабежа, как промысла, и часть его отряда постоянно находилась в операциях, доставляя ему все награбленное. Естественно поэтому, что во всякой государственности родовой вождь видел угрозу своему господству.

После установления советской власти и распространения ее влияния на трудящиеся массы родовой вождь, в целях сохранения своего престижа и влияния, усиливал свой нажим на местное дайханство, стремясь всеми силами противостоять расширению государственной власти Советов.

«Приход советской власти, — писала Комиссия по районированию, — застал Ташаузский округ уже достаточно отчетливо размежеванным по сферам влияния отдельных вождей и со своеобразной системой управления при посредстве 270 ставленников вождей — аксакалов»[2]).

Итак, в Ташаузском округе к моменту возникновения в нем органов советской власти господствовала патриархально-феодальная власть местного байства в лице родовых вождей с их вооруженными отрядами, аксакалами, казийскими судами. С первых же своих шагов правительство молодой Туркменской Советской Республики и ее местные органы должны были определить свою политику по отношению к власти родовых вождей в Ташаузском округе.

По этому вопросу в нашем распоряжении имеется ряд документов, свидетельствующих о директивных установках буржуазно-националистических руководителей Туркменской республики. Эти установки наиболее точно выражены в тезисе тогдашнего председателя Совета Народных Комиссаров Туркмении, позже разоблаченного врага народа Атабаева, который открыто заявлял, что пока существует в районе хивинских туркмен родовой быт и власть родовых вождей, ни в коем случае нельзя встать на путь классовой борьбы[3]).

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 560, л. 203.
[2]) Там же.
[3]) Стенографический отчет I съезда Советов ТССР. Ашхабад, Госиздат, 1925, стр. 36—37, 115—116.

Местные руководители партийно-советских органов Ташаузского округа, естественно, руководствовались именно этой установкой. Так, например, в постановлении Ташаузского окрревкома от 9 мая 1925 года о районировании округа сказано следующее:

«б) В основу районирования положить признание территориального размещения племен, водную систему, стремясь к созданию межплеменных единиц, но отнюдь не производя ломки существующего племенного родового деления.

в) Признать возможным организацию в каждом районе 1—2 показательных аульных Советов, оставляя в остальных аулах аксакалов, которых персонально переизбрать, рассматривая этих аксакалов, как прототип будущих аулсоветов. Снабдить аксакалов печатями аксакальства, чтобы они могли конкурировать с печатью вождей»[1]).

И Комиссия по районированию Ташаузского округа, в силу этой установки, также рекомендовала «привлечь к ответственной работе всех нынешних наиболее авторитетных вождей»[2]).

Совершенно естественно, что практическое осуществление этих указаний чрезвычайно тормозило советизацию туркменского аула и помогало дальнейшему укреплению авторитета патриархально-феодальной власти вождей. Незначительная реорганизация аксакальства чисто внешнего порядка также ничего общего не имела с укреплением советской власти. Летом 1925 года вместо существовавших ранее 270 аксакальств, путем объединения их в более крупные, были созданы 46 аксакальств: в Ташаузском районе 9, Ильялинском 7, Куня-Ургенчском 10, Тахтинском 11 и в Порсинском 9[3]).

Как проведение в жизнь установок атабаевцев отразилось на местных органах советской власти, видно из следующего места в итоговом докладе правительственной Комиссии по районированию округа:

«Положение советского аппарата в Ташаузском округе таково: весь аппарат района состоит из председателя райревкома и его заместителя, на 50% из вождей или близких им людей. Конечно, о какой-либо работе говорить не приходится. В аулах представителями советской власти являются аксакалы, хотя и утвержденные окрревкомом, но опять-таки на 50% из влиятельных людей. Аксакалы же, выдвинутые из бедноты, игнорируются благодаря влиянию вождя»[4]).

Конечно, как в центре республики, так и, особенно, в Ташаузском округе честные партийно-советские работники неустанно боролись за большевистскую линию в вопросе советизации округа и разоблачали контрреволюционную линию атабаевских руководителей республики. Но атабаевцы не хотели слушать общественного мнения.

Когда союзное правительство в Москве и Центральный Комитет ВКП(б) заинтересовались причинами искусственного сохранения и упрочения феодально-байской власти вождей и аксакалов в Ташаузском округе, атабаевские руководители республики выставляли различного рода объяснения этому. Они пытались «объяснить» это прежде всего незнанием работниками, присланными из Ашхабада, местной обстановки Ташаузского округа.

Действительно, работники, назначенные из Ашхабада для работы в районах хивинских туркмен (в своем большинстве честные, добросовестные и деловые люди), не знали местных специфических особен-

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, д. 241, л. 239—240.
[2]) Там же, ф. 1, оп. 2, д. 560, л. 115.
[3]) Там же, л. 5.
[4]) Там же, ф. 2, д. 241, л. 264—265, также см. газету «Туркменская Искра» от 4 августа 1925 г.

ностей экономической и политической жизни Ташаузского округа, не знали настроений, стремлений и желаний трудовой массы населения. А буржуазные националисты, обманывая этих честных рядовых работников, старались убедить их, что в условиях Ташаузского округа якобы нельзя встать на путь решительной классовой борьбы.

О том, что эти контрреволюционные установки атабаевцев слепо выполнялись отдельными местными работниками Ташаузского округа, говорит один из руководителей Ташаузского окрревкома в своем письменном докладе:

«Мы действуем через головы вождей, но не стараемся обострять отношений. Нам рекомендуют приблизиться к массам через них. Стараемся, чтобы вожди жили благополучно, но как только начинаем использовать их, так население перестает знать о советской власти. Оно знает только вождей. Вожди наживаются на наших мероприятиях. Пример: надо собрать сельхозналог. Если мы даем родовому вождю задание собрать 100 тысяч рублей, то он собирает с населения 300 тысяч, из которых 200 тысяч остаются у него, причем вожди обижают в таких случаях всегда бедняков. Мы с вождями весьма вежливо разговариваем. Они бывают у нас, кушают плов, и мы заезжаем к ним, но очень редко, потому что частые посещения усиливают авторитет вождей»[1]).

Этот бесхитростный доклад красочно показывает, как практически выполнялись атабаевские «установки» в Ташаузском округе.

Атабаевцы довели до абсурда значение и роль родоплеменных вождей хивинских туркмен. Свою собственную боязнь, преклонение и раболепство перед родовыми вождями они выдавали за народные. Их политика исходила из желания самих атабаевцев подслуживаться к феодалам.

Что же касается народной массы, то она не столько «уважала и почитала» своих байских вожаков, сколько боялась их, находясь в полной экономической и даже политической зависимости от баев и родовых вождей.

Трудовой народ хивинских туркмен уже с давних пор, а в особенности со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции, научился ненавидеть «своих» феодально-байских вожаков, относиться к ним, как к своим жестоким угнетателям. От советской власти трудовое дайханство ждало решительной ликвидации байских вожаков и через их голову обращалось к органам советской власти, прося помощи — об этом говорят многочисленные показания объективных очевидцев и наблюдателей. Так, например, один из членов Комиссии по районированию Ташаузского округа писал:

«Подвластные уже теряют прежнее преклонение перед вождем. Они прислушиваются к окружающему, разлагая все больше и больше существующую форму рабства: население сохраняет подчинение вождям лишь в силу некоторой экономической зависимости и страха»[2]).

Другой член той же Комиссии писал:

«И если наблюдается внешний авторитет вождей и раболепие подвластных, то они покоятся не на традиции вождевого начала, как организатора и военачальника дореволюционной эпохи, а лишь на экономическом превосходстве, хищническом землепользовании, подачках и благотворительности, сохраняющихся постольку, поскольку вождям ничто и никто в этом благополучии не мешает»[3]).

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, д. 421, л. 669.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. I, оп. 2, д. 560, л. 115.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, д. 241, л. 237—238.

«Беднота, — говорится там же, — на собраниях и съездах открыто жалуется на различные притеснения своих вождей»[1]).

Можно было бы привести еще ряд документов, опрокидывающих контрреволюционные тезисы атабаевцев о том, будто бы в Ташаузском округе «нельзя встать на путь решительной классовой борьбы ибо возможность объединения дайханства с вождем не исключена»[2]).

Теория и практика атабаевцев, направленная к искусственному сохранению власти вождей в Ташаузском округе, являлась не столько ошибкой, вытекавшей из отсутствия опыта советизации отсталого района, сколько политической системой буржуазных националистов Туркмении, последовательно примененной ими не только в Ташаузском, но и в бывших бухарских районах включенных в ТССР. Известно, что в этих районах населенных туркменскими племенами сарыков, эрсаринцев и салыров, считавшихся более развитыми, чем хивинские туркмены, атабаевцы также старались сохранить старые порядки. Так, например, в докладе одного из партийных работников, побывавшего в этих районах, мы читаем:

«Порядок управления был советский лишь с внешней стороны, но по существу волостью и аулом управляли духовенство и аксакалы. Всякое мероприятие советского правительства, прежде чем осуществиться подвергалось оценке духовенства и аксакалов и только в случае их подтверждения имело реальное значение»[3]).

Атабаевское руководство объясняло такое положение у аму-дарьинских (бухарских) туркмен тем, что они, как и хивинские, впервые советизируются и поэтому нет возможности произвести там выборы в Советы. Но кто побывал в этих районах и непосредственно изучал настроение народных масс, тот легко мог убедиться, что разговоры о неподготовленности населения к введению советской власти совершенно не соответствовали действительности, и что эти теории атабаевцев исходят не из учета настроений массы, а из прислуживания самих атабаевцев самым реакционным слоям населения. Как в аму-дарьинских, так и в Ташаузском районах атабаевские ставленники имели контакт не с батраками и бедняками, а с ишанами и аксакалами, к которым они ходили за «советами».

А между тем политика большевистской партии относительно метода и путей советизации таких отсталых национальных районов, какими являлись районы хивинских, аму-дарьинских и прикаспийских (красноводских) туркмен, была совершенно ясна и четка. Вот что писал товарищ Сталин еще в 1920 году в своей исторической статье «Политика Советской власти по национальному вопросу в России»:

> «Советская Россия проделывает невиданный еще в мире опыт организации сотрудничества целого ряда наций и племен в рамках единого пролетарского государства на началах взаимного доверия, на началах добровольного, братского согласия. Три года революции показали, что этот опыт имеет все шансы на успех. Но он, этот опыт, может рассчитывать на полный успех лишь в том случае... если наш каждый практический шаг на местах будет содействовать приобщению народных масс окраин к высшей пролетарской духовной и материальной культуре в формах, соответствующих быту и национальному облику этих масс»[4]).

---

[1]) Там же, л. 421.
[2]) Стенографический отчет I съезда Советов ТССР. Ашхабад, 1925, стр. 136.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, д. 241, л. 255.
[4]) И. Сталин. Сочинения, т. IV, стр 362—363.

Далее товарищ Сталин говорит:

«...нужно, прежде всего, помочь народным массам окраин освободиться от пережитков феодально-патриархального ига... нужно дать народным массам вкусить от материальных благ революции»[1]).

И далее:

«Необходимо, чтобы Советская власть стала столь же родной и близкой для народных масс окраин России. Но для того, чтобы сделаться родной, Советская власть должна стать прежде всего понятной для них. Поэтому необходимо, чтобы все советские органы на окраинах, суд, администрация, органы хозяйства, органы непосредственной власти (а также и органы партии) составлялись по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения, чтобы в эти институты привлекались все лучшие люди из местных народных масс, чтобы местные трудовые массы втягивались во все области управления страной..., чтобы массы видели, что Советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний. Только таким путем можно установить нерушимую духовную связь между массами и властью, только таким путем можно сделать Советскую власть понятной и близкой для трудящихся масс окраин»[2]).

В резолюции X съезда РКП(б) в марте 1921 года, принятой по докладу товарища Сталина об очередных задачах партии в национальном вопросе, говорилось:

«Первым шагом политики классового расслоения на восточных окраинах должно быть отстранение всех туземных эксплоататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления, лишение их классовых привилегий путем самоорганизации туземных масс в Советы трудящихся. При этом, в первую голову, должны организоваться и самым заботливым образом привлекаться в ряды коммунистической партии и к советской работе сравнительно немногочисленные туземные пролетарские элементы, работающие на разных промыслах, в копях, на железных дорогах, солеварнях, кулацких хозяйствах»[3]).

Значит, нужно было прежде всего помочь народным массам освободиться от пережитков феодально-патриархального ига, нужно было втянуть местные массы во все области управления страной, решительно отстранить туземные эксплоататорские элементы от влияния на массы. Этого требовала партия, вожди революции Ленин и Сталин от коммунистов национальных советских республик.

Вопреки указаниям партии буржуазно-националистические руководители Туркменистана укрепляли пережитки старины, укрепляли родо-племенные и феодально-патриархальные отношения, затушевывали борьбу в туркменском ауле, они цеплялись за старые, за отжившие реакционные, враждебные народу порядки. Атабаевцы извращали линию партии в национальном вопросе и укрепляли власть реакционных, антисоветских элементов потому, что, как выяснилось позже, они уже тогда были заклятыми врагами народа, врагами революции и советской власти.

---

[1]) И. Сталин. Сочинения, т. IV, стр. 357.

[2]) И. Сталин. Сочинения, т. IV, стр. 358.

[3]) ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов,конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 2-е, стр. 386.

Что такое буржуазный национализм? Классическое определение существа местного буржуазного национализма мы находим в высказываниях товарища Сталина.

«Существо уклона к местному национализму, — говорит товарищ Сталин, — состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации..., в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы наций СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга.

Уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство.

Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет наруку интервенционистам»[1]).

И еще:

«Что значит уклон к национализму, — все равно, идет ли речь об уклоне к великорусскому национализму или об уклоне к местному национализму? Уклон к национализму есть приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистской политике буржуазии. Уклон к национализму отражает попытки «своей», «национальной» буржуазии подорвать советский строй и восстановить капитализм. Источник у обоих уклонов, как видите, — общий. Это — отход от ленинского интернационализма»[2]).

Итак, преувеличение местных особенностей, затушовывание социалистических задач, приспособление к задачам узкого и ограниченного национализма, стремление погасить классовую борьбу внутри своей нации — таковы характерные черты буржуазного национализма. Все эти черты буржуазного национализма полностью были у атабаевцев, чей уклон в сторону местного национализма становился все более очевидным и нетерпимым. Рядовые большевики, партийная масса, непосредственно связанные с населением, скоро поняли, что атабаевское руководство искривляет линию советской власти, подрывает национальную политику большевистской партии; они на собраниях, совещаниях и съездах настойчиво требовали ликвидировать власть вождей в Ташаузском округе и немедленно приступить к полной советизации районов хивинских туркмен.

Лишь под их нажимом, после настоятельных требований дайхан, к концу 1925 года в Ташаузском округе аксакалов стали заменять Советами (вместо 46 аксакальств было образовано 36 аулсоветов)[3]), и то не в порядке выбора, а в порядке назначения[4]), хотя в постановлении Ташаузского окрревкома по этому поводу было сказано следующее:

«Принимая во внимание, что... форма управления населением путем аксакальства не обеспечивает интересы трудящихся и что население само категорически требует организации в аулах Советов — признать необходимым стать на путь создания нормальных органов советской власти, для чего назначить выборы аулсоветов, районных и ок-

---

[1]) И. Сталин. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. Соч., т. 12, стр. 371.

[2]) И. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) (26 января 1934 г.). Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 474.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. I, оп. 2, д. 885, л. 50.

[4]) Там же, л. 50.

ружных исполкомов с 1 сентября 1925 года. В Советы не могут быть выбраны вожди, духовенство, ишаны и бывшие аксакалы, но при выборах стремиться избирать наиболее популярных среди местного населения людей»[1]).

Таким образом, только с конца 1925 года началась советизация аулов хивинских туркмен, положившая конец существованию феодально-патриархальной власти вождей и аксакалов и открывшая пути для социалистического преобразования этих районов Северного Туркменистана.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. I. оп. 2, д. 200, л. 34.

Глава XI

УСИЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ СЕВЕРНОГО ТУРКМЕНИСТАНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Как показала жизнь, выборная советская система управления поднимала на невиданную высоту политическую активность трудящихся масс городов и сел Туркменистана. Но этого не хотели туркменские буржуазные националисты.

Известно, что в практике пролетарской революции и советской власти ревкомы всегда рассматривались как временные чрезвычайные органы, в задачу которых входили подготовка и создание Советов по выборному принципу. Несмотря на это, националистические руководители Туркменской ССР до октября 1926 года искусственно сохраняли в Ташаузском округе, в этом отдаленном районе Туркменистана, ревкомовский метод управления и назначение аулсоветов сверху. Они находили различные объяснения для сохранения такой системы. Они ссылались на влияние родовых вождей, на наличие в округе развитого бандитизма, на недостаток времени и т. д.

Так, Центральная избирательная комиссия республики в своем докладе об итогах выборов в аулсоветы и райисполкомы, произведенных по Туркменской ССР в 1925 году, в отношении Ташаузского округа писала: «За невозможностью производства выборов и в связи с недостатком времени между районными, окружными и краевыми съездами пришлось временно оставить в этом округе систему ревкомов впредь до выбора райисполкомов в будущую кампанию»[1]).

Конечно, такое объяснение причин сохранения в Ташаузском округе системы ревкомов не удовлетворяло ни общественное мнение Туркменистана, ни союзное правительство. Тогда националисты выдвинули новую причину для сохранения ревкомов; они заявляли, что «...в условиях кочевого хозяйства, при сохранившихся в девственном состоянии родовых отношений, советская власть при ликвидации ревкома там (т. е. в Ташаузском округе — Г. Н.) будет заменена властью родовых вождей феодалов»[2]).

Этот тезис о возможности усиления власти родовых вождей в случае перехода к выборной системе аулсоветов и райисполкомов был широко популяризирован буржуазными националистами.

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 416, л. 11.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 186, л. 4.

«К моменту национального размежевания Средней Азии и образования Туркменской республики, — читаем мы в докладе Ташаузского окрревкома, — в частности, создания Ташаузского округа, политическое состояние округа определялось наличием родового вождя... В виду этого условия, правительством республики временно был оставлен в округе низовой аппарат аксакальства, а в районах и окружном центре были созданы революционные комитеты»[1]).

Такие доводы о необходимости сохранения системы ревкомов, встретили ожесточенный отпор всех честных и партийных работников, которые, находясь среди дайханской массы, убедились как тянется туркменское дайханство к выборной советской власти. Все громче стали раздаваться голоса против дальнейшего насильственного, искусственного сохранения ревкомовской системы управления, против антисоветской теории и практики националистов. Правительственная Комиссия по районированию Ташаузского округа в своем докладе отмечала, что: «сама советская власть[2]) нередко препятствует и замедляет стирание родовых различий, пользуясь услугами вождей в целях управления, а в настоящее время проводя свои мероприятия через родовых аксакалов. Те в свою очередь проводят эти мероприятия по родовой линии и тем часто вызывают недовольство у населения, не столь консервативного, как родовые аксакалы.

Проведение низовых выборов вполне своевременно и твердый курс в этом направлении лишь укрепит в населении веру в мощь советской власти, к которой оно питает гораздо больше доверия, чем к силе своих вождей.

Материальная помощь, оказанная советской властью нуждающемуся населению, мероприятия советской власти по улучшению народного хозяйства, успешная борьба с басмачеством, наконец, самое содержание советской власти известно населению, учитывается им, импонирует в противовес разлагающемуся вождевому началу и уже обеспечивает возможность нормальной советской работы в массах»[3]).

Ташаузский окружной комитет партии еще 2 февраля 1926 года постановил: «Ввиду наличия вполне удовлетворительного политического состояния округа, считать вполне возможным и своевременным переход от системы ревкомов к исполкомам, для чего снестись с центром на предмет включения Ташокруга в общую республиканскую кампанию по перевыборам Советов»[4]).

Действительно, в связи с укреплением дайханского хозяйства, благодаря ряду экономических мероприятий советской власти, то влияние родовых вождей на мирное население, которое мы наблюдали в 1921—1924 годах, теперь, к концу 1925 года, почти совсем утратило свое значение. Некоторые из видных родовых вожаков (Якши-Гельди, Гулам-Али, Анна-бала и другие) совершенно исчезли с политического горизонта, а более мелкие вожаки постепенно стали превращаться в руководителей небольших бандитских шаек, вокруг которых стали группироваться преступные элементы. Эти шайки своим систематическим насилием над мирным населением еще больше оттолкнули от них дайханство. Ослабление родовых вождей, при неуклонном росте авторитета советского строя в глазах населения, настоятельно требовало

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 2.

[2]) Имеется в виду политика буржуазно-националистического руководства правительства ТССР.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 560, л. 215.

[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 1, л. 18.

немедленно заменить существовавшие формы управления населения через аксакальство и ревкомы организацией выборных аулсоветов и исполкомов.

Однако же, националистические руководители республики продолжали искусственно тормозить этот переход, рассчитывая, что им удастся неправильно ориентировать союзное правительство путем раздувания «туркменской специфической особенности».

Буржуазные националисты, в качестве одной из причин замедления советизации и заглушения классовой борьбы в районах Ташаузского округа в период 1926—1930 годов, указывали на сохранение здесь влияния родовых вождей и наличие басмачества. В этих целях они в 1926 году использовали трибуну III сессии ЦИК'а ТССР, с которой они выступали против местных ташаузских работников, доказывавших необходимость перехода от ревкомов к выборной системе управления[1]).

Дискуссия вокруг этого важнейшего вопроса длилась до тех пор, пока специальное постановление Президиума ЦИК Союза ССР не заставило правительство ТССР в октябре 1926 года принять решение о переходе в Ташаузском округе от ревкомовской системы управления к выборной исполкомовской системе Советов. В этом постановлении Президиума союзного ЦИК'а, подписанном М. И. Калининым, имелся специальный пункт, который обязывал правительство ТССР: «Продолжать и углублять работу по советизации скотоводческих районов и пограничных районов, для чего использовать текущую кампанию по перевыборам в Советы (с учетом опыта прошлых выборов), в то же время осуществлять переход от системы ревкомов к нормальным советским органам в тех районах (как, например, Ташаузский округ), где эти мероприятия еще не проведены в жизнь»[2]).

После вмешательства союзного ЦИК'а националисты вынуждены были сдать свои позиции. Но и тогда, начиная подготовку к выборам Советов в Ташаузском округе, они все же потребовали от местных работников, чтобы при организации Советов, не нарушался родовой принцип управления хивинских туркмен. Это указание вызвало протест со стороны всех, кто объективно изучал и хорошо знал обстановку в районах Ташаузского округа. Так, правительственная Комиссия по районированию этого округа писала, что «после более глубокого изучения местных условий, необходимо признать, что в Ташаузском округе родовые и бытовые условия находятся в процессе такого разложения, что сохранение установившегося родового уклада, как принципа районирования, лишено здесь экономического и политического основания»[3]). Комиссия в своих выводах писала, что в силу происшедшего смещения родов на преобладающей площади территории округа, построение родовых аулсоветов уже и невозможно, а потому строгое соблюдение родового принципа неизбежно приведет к политическому абсурду[4]).

Существующее подчинение аксакалам по родовым признакам оказывалось уже невозможным ввиду частых родовых черезполосиц. Сама жизнь заставляла тяготеть кусочки разных родов к ближайшим чужеродным аксакальствам, с которыми многие из них давно уже сжились. Население не считало людей других родов и племен чужды-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, д. 428, л. 50.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1. оп. 1, д. 563, л. 4.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 213—214.
[4]) Там же.

ми им людьми, ибо у всех у них одни и те же хозяйственные интересы и один и тот же порядок землепользования и водопользования.

Но, несмотря на все усилия местных работников, националисты, пользуясь своим служебным положением, все-таки заставили в ряде мест проводить родовой принцип организации аулсоветов.

В результате первых выборов в Советы, прошедших в декабре 1926 года — январе 1927 года, впервые за всю свою историю трудовая масса хивинских туркмен стала участвовать в управлении государством, что вызвало небывалую активность трудящихся. В июле 1928 года пленум Ташаузского окружного комитета партии по докладу о состоянии советского аппарата на местах отметил, что: «Настроение основной массы дайханства, в результате проведения целого ряда мероприятий, вполне благоприятное и обеспечивает полностью проведение политики советской власти, в дальнейшем развитие культурной, экономической и политической жизни округа»[1]).

О том же отмечалось и в отчетном докладе Ташаузского окрисполкома за 1927—1928 годы, в котором мы читаем: «Настроение основной массы дайханства в результате роста экономического положения округа, успешного восстановления сельского хозяйства, борьбы с бандитизмом и целого ряда других мероприятий советской власти в деле укрепления экономического состояния округа характеризуются как вполне благоприятное. Бедняцкие и середняцкие слои населения, убедившись в правильной политике советской власти, стали теснее объединяться вокруг Советов»[2]).

Ярким показателем неуклонного роста политической активности народных масс Ташаузского округа уже в первые годы советизации его явилось участие населения в важнейших политических кампаниях. Так, первый в советском Туркменистане закон 1927 года об обязательной военной службе коренного населения, вопреки бешеной антисоветской агитации байства, встретил полное одобрение со стороны народных масс. Во время призыва 1927 года очень многие вступали добровольцами в ряды РККА[3]).

Проведенная в том же году в Ташаузском округе неделя укрепления обороноспособности нашей родины нашла большой отклик в широких массах дайханства.

Также и такое новое для туркмен явление, как подписка на государственные займы индустриализации и укрепления сельского хозяйства встретило активную поддержку масс. В одном только Тахтинском районе в 1928—1929 годы были размещены облигации государственных займов на сумму 31.150 рублей против намеченных к реализации 20.000 рублей, а в 1929—1930 годы на 77.130 рублей против намеченных — 68.000 рублей.[4]).

В 1928 году, когда в Ташаузском округе впервые началось проведение государственных хлебозаготовок, основная масса дайханства отдала свои излишки хлеба государству, превысив план заготовки.

Активное участие батрачества, бедноты и середняков в проведении индивидуального обложения байских хозяйств прогрессивным налогом на нужды местного благоустройства, в доведении до байского двора

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 111, л. 15.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, д. 111, л. 63.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, д. 111, л. 63.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 1145, л. 10.

них явились следующие: духовенство Ташаузского района после лишения их избирательных прав и недопущения на отчетно-выборное собрание объявило населению своеобразную «забастовку» — отказалось служить в мечетях, венчать и хоронить, пока их не восстановят в избирательных правах. Этот маневр, несомненно, был рассчитан на религиозные чувства населения.

Не успокаиваясь на этом, духовенство и баи на своих секретных совещаниях, обсуждая вопрос о своем поражении на выборах, решили прибегнуть к террору по отношению к беднякам и батракам выступавшим на собраниях и указывавшим на лиц, подлежащих лишению избирательных прав. Вместе с тем баи прибегли к увольнению батраков за посещение ими отчетных и выборных собраний.

Баи и ишаны через свою агентуру широко распространяли провокационные слухи о международной и внутренней жизни Советского Союза. При мобилизации всех враждебных групп кишлака для ведения антисоветской агитации муллы и ишаны требовали возвращения вакуфных земель, запрещения снятия паранджи и яшмаки с женщин и выборов их в Совет, сохранения религиозных школ и т. д.

Байско-ишанские элементы создавали новые и новые басмаческие шайки, усилили связь с контрреволюционной эмиграцией, скупали серебряную валюту. Появились призывы хранить оружие для расправы с партийно-советскими работниками, призывы не выдавать басмачей[1]).

Так усиливалась классовая борьба в ауле по мере наступления социализма. Байство, теряя свои позиции, становилось все более ожесточенным.

Напору байских элементов противостоял союз батрачества и бедноты с середняками под руководством партийных организаций. Опираясь на силу советской власти, батраки и бедняки стали активнейшей политической силой в ауле. Являясь прочной опорой советской власти в ауле, они оказывали серьезную помощь в работе избирательным комиссиям, выявляя лиц, подлежащих лишению избирательных прав. Они первыми выступали с требованиями удалить баев и представителей духовенства с отчетно-перевыборных собраний, принимали самое активное участие в предварительном обсуждении списков нового состава Советов. Именно в результате активизации этой революционной силы удалось в значительной степени очистить низовой советский аппарат от классово-чуждых элементов.

История советского строительства в Туркменистане, в частности, в Ташаузском округе, насчитывает много случаев, когда батраки и бедняки открыто вступали в единоборство с байскими элементами.

В выступлениях на отчетно-избирательных собраниях батраки и бедняки отстаивали свои классовые интересы и требовали от аульных Советов неуклонного проведения классовой линии советской власти. Так, 10 января 1929 года выступавшие в ауле Таза-Базар Ташаузского района батраки и бедняки говорили о том, что секретарь аульного Совета при сборе сельхозналога брал суммы больше, чем следовало, и присваивал их себе; не делал полагающиеся бедноте процентные скидки по водному сбору; о том, что председатель ячейки союза кошчи держит сторону зажиточных; о том, что председатель аулсовета грубо обращается с дайханами[2]).

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 316, л. 8.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 20, л. 17.

В ауле Измыкшыр Тахтинского района, выступившие дайхане разоблачали председателя аулсовета, совершенно не обращавшего внимания на нужды батраков и бедняков, не наделявшего их землей, чтобы баи продолжали жестоко эксплоатировать безземельных дайхан[1]). Такой же характер имели выступления дайхан аулсовета Розумбой Ташаузского района[2]).

Приведенные здесь примеры показывают, какую огромную работу провела партия большевиков по формированию, воспитанию классового самосознания и поднятию политической активности трудящихся Северного Туркменистана.

В стране еще были сильны пережитки старины, и этим пользовалось байство в борьбе с Советами. С помощью духовенства они рассчитывали использовать в своих целях малосознательных дайхан, подогревая их религиозные и родовые чувства. По наущению баев, отдельные дайхане избивали, а нередко и убивали своих жен за посещение избирательных собраний. Особенно, байство использовывало традицию родо-племенных взаимоотношений, стремясь ослабить классовую борьбу родовыми неурядицами.

Конечно, социально-экономические мероприятия, классовая политика советской власти, а также широкая разъяснительно-воспитательная работа партии большевиков значительно ослабили и частично ликвидировали родо-племенную вражду среди туркменских трудящихся. Но многие работники забыли о живучести этих традиций, и это привело к тому, что как было сказано в постановлении Исполбюро Центрального Комитета партии большевиков Туркменистана об итогах перевыборов Советов 1927—1928 года, «имели место переоценка падения влияния байства, бывшего эмирского чиновничества и духовенства, а также степени ослабления племенных и родовых трений, в связи с чем отмечаются случаи острой, скрытой и открытой борьбы племенных и родовых групп.

Эта борьба использовывалась социально-чуждым элементом в целях введения своих кандидатур в Советы, что имело успех в отдельных местах, в результате чего в Советы в этих местах проникли байско-кулацкие элементы. Отмечаются случаи организации социально-чуждыми элементами закрытых тайных собраний в целях подготовки к кампании, причем в отдельных случаях байско-кулацкий элемент, в целях проникновения в Советы, на время кампаний объединялся и прекращал сведение племенных и родовых счетов».

Комиссия по проведению перевыборов аулсовета в ауле Копукли Ильялинского района, в 1928 году в своем отчетном докладе отметила, что «племенные трения еще есть. Характерно, что споры между сильными племенами окуз и ших заставили их на последних выборах в Советы остановиться на единственном представителе рода годжук, который и был избран председателем аулсовета»[3]).

Совершенно естественно, что борьба баев и духовенства за проведение своих кандидатов в Советы не могла не повлиять на засоренность низового советского аппарата. Данные перевыборов Советов 1928 года дают возможность отметить наличие сильного колебания по социальным категориям избранных в аулсоветы[4]).

Из числа избранных в аулсоветы 906 дайхан, группа беднейших дайхан составляла 346 человек или 38,1% к общему количеству чле-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 20, л. 36.
[2]) Там же, л. 36.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 1042, л. 114.
[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 10, л. 64.

нов аулсоветов, против 23,7% в 1927 году[1]). «Основную массу председателей, — говорится в докладе Ташаузского окрисполкома, — составляет рядовое середнячество и беднота, и лишь незначительный процент приходится на зажиточных»[2]).

Примерный состав аулсовета аула Ходжа-Кумбет Тахтинского района в 1928 году был таковым: середняков 18, бедняков 26, батраков 4, баев 4 и ишан 1.[3]).

В конце 1928 года было еще немало случаев, когда байство подчиняло своему влиянию отдельных председателей и членов аулсоветов, а в некоторых случаях целые составы аулсоветов, использовывая советский аппарат для борьбы с активностью масс, для защиты интересов баев и торговцев.

Не мало было и фактов грубого извращения классовой линии при проведении в жизнь тех или иных мероприятий. Вместо мобилизации активности масс аула вокруг проходившей кампании, последнюю проводили путем голого администрирования, перенося всю тяжесть мероприятий не на байство, торговцев и другой капиталистический элемент, а на бедняцкую часть аула и таким образом нанося экономический ущерб трудовой части аула. Этим самым создавалось в некоторых местах отрицательное отношение среди бедняков и середняков к проводившимся кампаниям[4]).

Так обстояло дело не только в 1928 году, но и в следующем 1929 году. Бюро Ташаузского окружного комитета партии принимало ряд решений об искривлении политической линии в работах отдельных аульных Советов и принимало ряд мер к их исправлению. Так, по докладу о состоянии работы Советов в Ильялинском районе, 15 января 1930 года бюро Ташаузского окружкома партии постановило:

«1. Мероприятия, предпринятые райкомом и райисполкомом по оздоровлению работы аулсоветов, путем перевыборов в четырех аулсоветах председателей и секретарей, считать недостаточными и предложить фракциям Окрик'а возбудить вопрос перед ЦИК'ом ТССР о досрочных перевыборах аулсоветов в целом по всему району, как не обеспечивающих политику партии и советской власти.

Во время перевыборов развернуть широкую разъяснительную работу вокруг вопросов о недостатках работы аулсоветов.

2. Привлечь к судебной ответственности лиц, совершавших должностные преступления и искривлявших политику партии и советской власти в ауле.

Предложить следственным органам в срочном порядке произвести следствие по имеющимся в производстве делам, а судебным органам организовать судебные процессы в показательном порядке.

3. Ввиду нездоровых явлений в других организациях Ильялинского района, вследствие неудовлетворительного подбора работников, считать необходимым ускорение чистки государственного и кооперативного аппарата.

4. Ввиду того, что отмеченные недостатки в работе аулсоветов являются следствием недостаточного руководства со стороны райкома и райисполкома за длительный период времени, просить уполномоченного ЦКК привлечь к партийной ответственности товарищей, не сигнализировавших своевременно о происходившем разложении аулсоветов».

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ. ф. 21, д. 10, л. 64.
[2]) Там же, л. 65.
[3]) Там же, д. 20, л. 40.
[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, 21, д. 20, л. 274.

Такое положение, которое отмечалось в решениях Ташаузского окружкома партии, имело место и в некоторых других районах и аулах округа.

Все эти факты говорят о том, что одна из особенностей советского строительства в районах Северного Туркменистана состояла в том, что партийные, советские и хозяйственные органы здесь переживали острый недостаток в кадрах как руководящих, так и технических. Это усугублялось еще чрезвычайной отдаленностью округа от центра и почти сплошной неграмотностью населения.

По данным специального обследования на 1 февраля 1929 года, в округе, за исключением аулсоветов, насчитывалось 624 сотрудника партийных, советских и кооперативно-хозяйственных учреждений со следующим распределением по национальностям: туркмен 71, узбеков 93, русских 25, татар 252, казахов и прочих 183[1]) и по образованию: с высшим 13 человек, средним 100, низшим 310, неграмотных 201[2]). Из общего числа сотрудников 418 работали в окружном центре и только 206 в пяти районах[3]).

Из этих данных видно, что местное коренное население — туркмены и узбеки — в районном и окружном советском аппарате занимали только 26,3%[4]).

В первые годы советского строительства (1925—1928 годы) почти все руководящие и технические работники Ташаузского округа состояли из людей, присланных из центра республики. Многие из них не только не соответствовали своему назначению, но и считали свое пребывание в Ташаузском округе временным, нечто вроде ссылки[5]). Вот что говорили по этому поводу руководители Ташаузского округа на III сессии ЦИК ТССР 3 октября 1926 года: «До сих пор и даже в настоящее время мы замечаем в Ташауэе, что подбор работников для Ташауза производится несерьезно. Мы получаем для Ташауза только тех работников, которые, как нам известно, не нужны для Полторацка (Ашхабада). Такую практику надо, по нашему мнению, искоренить и взять линию на то, чтобы направление работников производилось серьезнее, не так, как до сих пор»[6]).

Об этом же говорится в докладе правительственной Комиссии по обследованию Ташаузского округа: «Центральные учреждения формально относятся к отбору работников для Ташауза. Из числа присланных за последнее время работников некоторым из них, несмотря на острую потребность в сотрудниках, предоставить работу было затруднительно вследствие их малой подготовки. Такое же явление можно встретить и среди сотрудников, направляемых непосредственно отдельными комиссариатами по линии своего ведомства.

Такой подход к укреплению округа личным составом не может создать условия для правильного и успешного выполнения директив центра по советскому и культурному строительству. Он лишний раз подтверждает то мнение, которое нам приходилось слышать, будучи еще в Полторацке, что Ташауз некоторыми центральными органами рассматривается как место для тех лиц, которые не способны быть на ответственной работе в центре.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 58.
[2]) Там же, л. 59.
[3]) Там же, л. 59.
[4]) Там же, л. 59.
[5]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 73.
[6]) Там же, л. 65.

Необеспеченность округа работниками привела к целому ряду недочетов, отмеченных правительственной комиссией и к грубому извращению линии советской власти»[1]).

Естественно, что этим положением воспользовались байские элементы для проникновения в аулсоветы, что привело к чрезвычайной засоренности аулсоветов классово-чуждыми элементами.

Ниже мы приводим характеристику руководящего состава некоторых аулсоветов по данным Ташаузского окрисполкома по состоянию за 1926—1929 годы:

«Ильялинский район. Председатель аулсовета № 1 селения Карадашлы Курбан-Казы оглы (выборы 1926 года) — совершил ряд злоупотреблений, в момент учетной кампании скрывал посевы своих близких, за что получал подарки. Сам происходит из казиев, благодаря чему попал в аулсовет, заинтересован в поддержке не бедняков, а баев»[2]).

«Тахтинский район. Председатель аулсовета Назар-Кули Перт Аманов (выборы 1926 года) — находится под влиянием духовенства и исполняет в первую очередь поручения последнего, работой же аулсовета совершенно не интересуется и не исполняет получаемые от РИК'а задания. Всегда обращается к ишану Мухамеджану за советом»[3]).

«Ташаузский район. Председатель аулсовета Таза-Базар Худай Бергенов, узбек, беспартийный (выборы 1926 года) — поддерживает связь с басмачами, укрывал одного бандита весной 1926 года, неработоспособный, злоупотребляет своим положением, занимается взяточничеством, с населением обращается грубо»[4]).

«Тахтинский район. Председатель Назар-Кулинского аулсовета Берды-Караван Баши-Аман-Мет оглы (выборы 1927 года), туркмен, племени ушак, середняк, житель аула Караван-Баши (кишлак носит его название), один из вождей племени, неграмотный — в своей деятельности покровительствует байству, при сборе налогов в первую очередь берет с бедноты, предоставляя отсрочки платежей баям и духовенству, неработоспособный, нераспорядительный, население им недовольно»[5]).

В результате слабой работы низового советского аппарата, наличия в нем традиций старой ханской администрации, элементов бюрократизма, косности, бездушного отношения к запросам и нуждам дайханских масс, вследствие существующего в округе бандитизма и усиленной байской антисоветской агитации, росло недовольство у некоторой части дайхан действиями низового советского аппарата.

Перед руководящими организациями республики, в особенности Ташаузского округа, перед большевиками, работающими в районах Северного Туркменистана, стояла огромная по своему объему и глубокая по своему политическому значению задача: принять все меры к коренному улучшению работы всех звеньев советского аппарата, оздоровлению и очистки соотава советских работников от классово-чуждых и разложившихся элементов. И коммунисты совместно с массой честного, преданного делу советской власти беспартийного актива взялись за осуществление этой задачи. Неуклонно и систематически проводились оздоровительные мероприятия по улучшению и развитию советского строительства.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 8, л. 121.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 6, л. 69.
[3]) Там же, л. 69.
[4]) Там же, л. 70.
[5]) Там же, д. 16 л. 16.

В целях приближения органов советской власти к массам, лучшего обслуживания населения и широкого привлечения их к управлению в 1927 году число аульных Советов было увеличено до 36 единиц путем разукрупнения больших аулсоветов[1]).

В результате специальной проверки, организованной окружным комитетом партии в начале 1930 года, выяснилось, что указания директивных органов об оживлении Советов получили свое практическое разрешение. В аулсоветах были установлены коллективные обсуждения вопросов практической работы. Начали проводиться созывы пленумов аулсоветов, привлечение к участию в них дайханских масс. Введена была практика выездных пленумов Советов по аулам, установления живой связи Совета со всеми избирателями путем периодической отчетности перед ними, проведения аульных сходов, пленумов Совета, информации избирателей о выполнении Советом выносимых решений, создания различных комиссий по проведению хозяйственно-политических кампаний, устройства дежурств членов аулсовета. Все это создало перелом в работе аульных Советов.

Значительное очищение Советов от враждебных элементов и привлечение к их работе широких масс имело огромное политическое значение.

Обновленные аулсоветы и райисполкомы в своей повседневной работе стали уделять главное внимание подъему и улучшению сельского хозяйства, проведению землеустройства, введению улучшенных форм землепользования, производственному кооперированию середняцких и бедняцких масс аула. Шире развернулись работы по благоустройству аула, его культурному обслуживанию. Советы добивались большего вовлечения средств и труда населения на проведение и содержание ирригационной сети, постройку дорог и мостов, ремонт зданий школ, больниц и т. д. В результате того, что в значительной части аулсоветов и райисполкомов к руководству пришли бедняки, батраки, усилилась борьба с произволом, взяточничеством, бюрократизмом, бытовыми преступлениями (многоженством, калымом, несовершеннолетними браками), бандитизмом и прочим. Особо важное значение имело улучшение организационно-массовой работы Советов, втягивание в их работу бедноты, батрачества, середняков и женщин. Советы установили регулярную отчетность перед избирателями, ликвидировали неграмотность среди членов аулсоветов.

Полное искоренение классово-чуждых элементов из низового советского аппарата было достигнуто значительно позже в результате ликвидации байства, как класса, на основе сплошной коллективизации. Но и до этого систематические чистки госаппарата значительно улучшили социальный состав аульных Советов и районных исполкомов. Был взят курс на решительную борьбу с искривлениями линии большевистской партии со стороны отдельных работников[2]).

Одним из самых решающих моментов, способствовавших развитию советского строительства в Туркменистане, явилось выдвижение на руководящую работу лучших людей из коренного населения.

Но в районах Северного Туркменистана выдвижение коренного населения в районный и окружной государственный аппарат осуществлялось с большим трудом. Естественной причиной этому было то, что туркмены этих районов ко времени установления советской власти в своем подавляющем большинстве были совершенно неграмотны.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 20, л. 10.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 394.

Буржуазные националисты, державшие в то время в своих руках центральные учреждения Туркменской ССР, в своих контрреволюционных целях проводили особую политику в отношении этих районов: специфические условия Ташаузского округа, его отдаленность, почти поголовную неграмотность населения, наличие сильных пережитков родоплеменных связей, межнациональные трения, басмачество и т. д., они пытались использовать для торможения советского строительства не только в Ташаузском округе, но даже во всей Туркменской республике. Выдвигая и поддерживая реакционные элементы, националисты объявляли «басмачами» или «пособниками» басмачей лучших представителей туркменского дайханства. Они зачастую умышленно наводняли районы Северного Туркменистана негодными работниками из центра республики, которые, лакейски служа тем, кто их посылал, дерзко и развязано вели себя с населением, дискредитируя в глазах трудящихся советский аппарат.

Основная масса партийно-советских работников, в особенности и прежде всего русские коммунисты часто говорили об этих недопустимых явлениях и поднимали вопрос о необходимости заняться подготовкой и выдвижением кадров из среды местного населения. Националистическое руководство республики, боясь своего разоблачения, вынуждено было пойти на уступки общественному мнению в этом вопросе. По настоятельному требованию ЦК ВКП(б) и Союзного правительства, с 1927 года приступили к подготовке кадров для партийно-советского аппарата в совпартшколах, организованных в городах Ташаузе и Ашхабаде.

Неуклонное проведение линии партии большевиков на обновление советского аппарата, смелое выдвижение национальных кадров привлекло к работе Советов дайханскую массу, еще больше подняло ее политическую активность. Достижения Ташаузского округа и всей Туркмении в деле советизации нашли высокую оценку в постановлении Президиума ЦИК Союза ССР еще в 1926 году по докладу правительства ТССР:

«Заслушав и обсудив доклад Правительства Туркменской ССР о положении Туркменской ССР и работе правительства Туркменской ССР, Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР с удовлетворением отмечает, что национальное размежевание народов Средней Азии послужило могучим толчком к культурному и экономическому подъему, в частности, как Туркменской ССР, так и других республик Средней Азии, вызвало широкую активную самодеятельность народных масс и тем самым создало предпосылки к успешному социалистическому строительству.

В результате национального размежевания явилась возможность советизации ряда новых районов Туркменской ССР (Ташауз — бывшая Хива, Ленинск и Керки — бывшая Бухара, пограничные районы Атрек, Кара-Кала).

Первые успехи в советизации Туркменской ССР и, в частности, ее новых районов, достигнуты после национального размежевания Средней Азии, несмотря на ряд серьезнейших затруднений, связанных с ликвидацией родовых вождей, басмачества, обусловливаемых пограничным положением Туркменской ССР.

Полная ликвидация этих отрицательных явлений в жизни Туркменской ССР оказалась возможной лишь при поддержке широких слоев дайханского населения.

С особым удовлетворением Президиум ЦИК Союза ССР отмечает, что в советское строительство Туркменской ССР были вовлечены нацменьшинства, и что межнациональный антагонизм в результате правильной национальной политики, в особенности за последний период, в основном изжит»[1]).

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО

Деятельность партийных, комсомольских, союзкошчинских, батрачкомских, профсоюзных и других общественно-политических организаций имела решающее значение в общественно-политической жизни районов Северного Туркменистана, в перевоспитании их населения в преобразовании и переустройстве всей жизни трудящихся Ташаузского округа.

Ташаузский округ, как уже было сказано, являлся районом сельскохозяйственного производства. Преобладающей группой населения в округе являлись, по данным на начало 1927 года, дайханство и чарводарство (скотоводы). Жители аульных местностей составляли 92%, городских 8%. Среди всего дайханства 53% составляли середняки, 44% — бедняки и батраки, и 3% — баи[2]). В округе насчитывалось 102 представителя духовенства (ишаны, имамы, муллы). Жители города (в большинстве узбеки и казахи) состояли из кустарей и ремесленников, торговцев и служащих государственных учреждений. Промышленного пролетариата в округе почти не было.

Такая социальная среда предопределила наличие в общественных и политических организациях этих районов значительного числа непролетарских элементов.

Партийная организация Ташаузского округа, особенно ее городская часть, формировалась в условиях Хорезмской Народной Республики и впитала в себя из чуждой социальной среды значительное количество людей, сохранивших связь с духовными и байскими элементами. Эти люди, лишь формально являвшиеся коммунистами, не были способны проводить классовую линию большевистской партии. Засоренность партийной организации являлась причиной наличия и временами оживления мелкобуржуазных националистических настроений среди части партийно-советских кадров.

Неоднородность социального состава партийной организации, наличие в ней большого количества выходцев из мелкобуржуазной и байско-духовной среды, молодость и политическая неразвитость организации способствовали разложению и перерождению ее отдельных членов.

С 1925 года, после вхождения Ташаузского округа в состав Туркменской ССР, партийная работа в округе, благодаря прибытию новых партийных сил и созданию окружного и районных комитетов партии[3]), оживилась. На 1 июля 1926 года в партийной организации округа состояло 107 членов и 157 кандидатов партии[4]).

В 1927 году, в соответствии с решением III окружной партийной конференции и III съезда компартии Туркменистана о регулировании социального состава партии, в округе широко развернулось вовлечение в партию лучших людей из рабочих, батраков и бедняцко-середняцко-

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, д. 563, л. 2.

[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 316, л. 98.

[3]) До этого времени были лишь отдельные, между собой не связанные партийные ячейки в райцентрах, каждая из коих непосредственно обслуживалась ЦК хорезмской компартии в Хиве.

[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 6, л. 75.

го дайханства. В результате этого важнейшего политического мероприятия с 1 января 1928 года по 1 января 1929 года было принято в кандидаты ВКП(б) 107 человек, из них промышленные и сельскохозяйственные рабочие составляли 51,4%, дайхане —37,4% и служащие — 11,2%. Рост организации происходил, главным образом, за счет трудящихся местного, коренного населения. Из числа принятых кандидатов туркмены составляли 60,8%, узбеки —26,2%, русские —8,3% и прочие —4,7%.

Удельный вес рабочих по социальному положению партийной организации округа возрос с 7,9% на 1 января 1928 года до 16,3% на 1 января 1929 года, батраков — с 2,6 до 10,3%[1]).

Среди местных коммунистов неграмотными были, главным образом, бедняки и батраки. Партия принимала все меры к тому, чтобы приобщить к культуре и знанию этих людей, которые шли в ряды большевистской партии с сознанием своего классового долга и образцово выполняли свои партийные обязанности в борьбе с классовыми врагами. Рост партии показывал, что трудовой народ сплотился вокруг большевиков для успешной борьбы с врагами советской власти, для счастья и процветания своей социалистической страны. Это видно из того, что к 1928 году в Ташаузском округе не осталось ни одного аула, где бы не было нескольких общественных организаций трудящихся. Даже в самом отдаленном туркменском ауле Копукли (Ильялинского района), по данным на 1 февраля 1928 года, были: ячейка партии с 12 членами и кандидатами, ячейка комсомола с 12 членами, ячейка союза кошчи с 200 членами, ячейка Осоавиахима с 40 членами. И это при наличии в ауле 1731 человека, пользовавшихся избирательным правом[2]).

За годы советской власти трудящиеся районов Северного Туркменистана достигли крупных успехов во всех областях своей жизни благодаря усилиям рядовых коммунистов, которые, несмотря на свою малограмотность, проводили большую организационную и пропагандистскую работу в массах, преодолевая всяческие препятствия и не боясь придирок, оскорблений, преследований со стороны реакционнейшей части населения и контрреволюционных буржуазных националистов.

Рост числа членов партии, комсомола, союза кошчи, шерикета, профсоюзов свидетельствовал о подъеме политической сознательности и общности классовых интересов беднейшей части трудящихся масс туркмен, узбеков, казахов и других национальностей Ташаузского округа. Сотни и тысячи батраков, бедняков и середняков впервые, под руководством большевиков, приобщались к высшим формам организованности, демократии, коллективному участию в разрешении важнейших вопросов государственной жизни и социалистического строительства.

Во внутрипартийной работе основными задачами, стоявшими перед окружным комитетом и всеми партийными организациями округа являлись: улучшение состава партийной организации и очищение партийных рядов от социально-чуждых элементов, организационное оформление и укрепление низовых партийных организаций, улучшение качества их работы, укрепление их связи с беспартийными массами, идеологическое укрепление парторганизации, развертывание воспитательной работы среди членов партии, выковка кадров партийного актива, изживание бытовых пережитков по отношению к женщине.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 24—25.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 1042, л. 113—114.

Одной из основных задач в работе партийной организации округа было укрепление низовых органов советской власти, чистка их от социально-чуждых элементов, проведение более четкой классовой линии в ауле, сплочение бедняцко-середняцких элементов вокруг Советов и партии.

Для достижения этой цели коммунисты активно участвовали в работе аулсоветов. Из года в год росла партийная прослойка в составе членов аулсоветов, что свидетельствует о росте авторитета коммунистов и комсомольцев среди масс. Так, из 1 011 членов аулсоветов, избранных в 1928 году, 13,6% составляли члены и кандидаты партии и комсомольцы[1]). Из 27 председателей аулсоветов 7 человек являлись членами и кандидатами партии.

Идейная вооруженность, высокая сознательность и дисциплинированность коммунистов являлись основным условием для успешного разрешения задач, стоявших перед партией и советской властью в Ташаузском округе. Нельзя было обеспечить победу генеральной линии партии без непримиримой борьбы со всякими уклонами и искривлениями партийной линии. Особенно это было необходимо в Ташаузском округе, где партийным организациям приходилось работать в такой среде, где все еще существовали такие пережитки, как явления межнациональной борьбы туркмен с узбеками, межплеменная и межродовая борьба внутри самих туркмен, недоверие к русским, уклон в сторону местного буржуазного национализма среди части местных коммунистов, уклон в сторону великодержавного шовинизма среди части русских коммунистов. В такой обстановке необходимо было очистить и укрепить ряды парторганизации от случайных людей.

Такая обстановка вынуждала и обязывала партийные организации округа, наряду с выполнением хозяйственных и организационных задач, повседневно и твердо заниматься политическим воспитанием масс в духе интернационализма, в духе большевизма, в духе непримиримой классовой борьбы и советского патриотизма.

Эта задача осложнялась тем, что в парторганизации округа грамотных пропагандистов и агитаторов было крайне недостаточно. Из отчетного доклада Ташаузского окружкома партии видно, что на 1 января 1928 года во всем округе было всего лишь 25 агитаторов и 9 пропагандистов[2]).

Несмотря на все затруднения с организацией устной и печатной агитации, партийная организация округа использовала все возможности и средства для воспитания коммунистов и массы беспартийных. Большевики твердо проводили генеральную линию партии, непримиримо осуждали антипартийные проступки отдельных работников и организаций, воспитывая на этом массы. Еще до сих пор многим памятно решение окружного комитета партии по так называемому Порсинскому делу. По докладу комиссии, обследовавшей состояние партийно-советской работы Порсинского района и встретившей ряд грубейших нарушений директив партии, злоупотребление и разложение аппарата, Ташаузский окружной комитет партии 8 марта 1930 года принял следующее решение, разосланное всем организациям округа:

«Наряду с отдельными достижениями, отметить следующие недочеты в работе районных организаций:

1. Разложение и засоренность советского аппарата, как-то связь с чуждыми элементами председателя районного исполнительного комите-

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 10, л. 64.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 10, л. 119—120.

та, исполнение им религиозных обрядов, скрытие случая избиения батрака баем, взяточничество среди некоторых председателей и членов аульных Советов, связь их с чуждыми элементами, искривление классовой линии.

2. Бессистемность руководства практической работой аульных Советов со стороны райисполкома.

В вопросах кредитования работниками кредсельсоюза допускались выдачи долгосрочных ссуд байским хозяйствам и торговцам (в 1928—1929 годах байству и торговцам была выдана ссуда в сумме 2 462 рублей, от которых до сих пор выданный кредит не взыскан). Такую практику нельзя не оценивать, как сползание с классовых рельс и проявление на практике правого уклона.

Исполбюро окружного комитета партии постановляет:

За необеспечение выполнения директив партии в вопросах организации батрацко-бедняцких масс вокруг проведения ряда политических кампаний и практических мероприятий по социалистическому строительству в ауле, за отсутствие руководства над отдельными организациями и непринятие своевременных мер по оздоровлению аульных Советов, за необеспечение развертывания массовой самокритики, за примиренческое отношение к фактам избиения батрака баем и нахождения лишенца на руководящей профработе, — снять с партийной работы секретаря районного комитета партии.

В связи с засоренностью советского аппарата — связь с байством, взяточничество, искривление классовой линии, необеспеченность классового проведения очередных задач в работе кишлака, Исполбюро предлагает райкому произвести частичный замен работников аулсоветов и на их место выдвинуть из бедняцко-батрацкого актива»[1]).

Партийное руководство округа, выполняя указание Ленина о том, что «... вся задача коммунистов — уметь *убедить* отсталых, уметь работать *среди* них, а не *отгораживаться* от них»[2]), проводило большую воспитательную и организационную работу среди беспартийной массы. Созывы различного рода конференций, съездов, собраний, совещаний с активом беспартийных давали возможность партийным организациям не только учить массы, но и самим учиться у масс.

Проведенные, например, в 1926 году во всех районах беспартийные конференции дали возможность изучить политическое настроение населения, его желания и нужды; эти конференции показали повышение активности дайханских масс, выразившееся, как говорится в докладе окружкома партии, «в живейшем обсуждении делегатами всех вопросов, стоящих на повестке конференции и их стремлении дать настоящую оценку состояния советской работы в районе. Активность делегатов, выступления их с советами и указаниями доказывают, что дайханская масса начинает осознавать принципы советской власти и ее структуру»[3]).

Таким образом, мы видим, что молодая партийная организация Ташаузского округа вместе со всей парторганизацией Туркменистана под руководством Центрального Комитета ВКП(б) и его Средне-Азиатского бюро провела поистине колоссальную работу в массе трудящихся районов Северного Туркменистана. Ценою величайших усилий рядовых коммунистов и комсомольцев, она в кратчайший срок вывела трудя-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 440—442.

[2]) В. И. Ленин. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 34. Изд 1920 г.

[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 8, л. 257.

щиеся массы Ташаузского округа из вековой отсталости на путь социалистического развития.

БОРЬБА ЗА РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИН

Одно из самых благородных дел большевистской партийной организации Ташаузского округа состояло в умелой, последовательной, упорной борьбе за фактическое раскрепощение женщин.

При партийных комитетах были созданы специальные женотделы, которые организовывали массовую работу среди женщин, заботились об охране их прав, следили за точным исполнением советских законов и партийных решений по женскому вопросу. Они явились активными пропагандистами и проводниками в жизнь законов, принятых в октябре 1926 года II сессией Центрального Исполнительного Комитета Туркменской ССР о многоженстве, о калыме, о брачном возрасте, о разводе среди коренного населения[1]), а также законов, принятых в сентябре 1927 года II сессией ЦИК ТССР о бытовых преступлениях (о кайтарме, о кровной мести, об умыкании)[2]).

В прошлом угнетенная, многострадальная туркменская трудящаяся женщина впервые в истории благодаря советской власти получила равноправие и стала выступать на общественной арене наравне с мужчинами. Это явление для всех дайхан, особенно для самих женщин, показалось новым, непривычным, оно находилось в противоречии с шариатом и адатом. Поэтому большевикам и всем советским работникам приходилось действовать в этом отношении чрезвычайно осторожно и постепенно, но настойчиво и целеустремленно.

Такая осторожность была тем более необходима, ибо байство и духовенство пытались использовать темноту, невежество, предрассудки дайхан, реакционные законы адата и шариата в отношении женщин для борьбы с советской властью.

Классовый враг не дремал. Он немедленно реагировал на любой новый закон советской власти и организовывал ему сопротивление. Так, когда в 1926 году был издан закон ЦИК ТССР о запрещении калыма и выдачи замуж несовершеннолетних девочек, туркменский ишан Мухаммед из аула Исмамуд-Ата Тахтинского района собрал у себя секретное совещание духовных лиц, на котором заявил: «Самовольный уход женщин и выдача без согласия муллы девиц распространились после издания декрета. Означенное постановление направлено в разрез нашему закону, потому нам нужно призывать население и разъяснить ему вредность закона, изданного ЦИК ТССР»[3]).

Но, не взирая на все вражеские усилия, большинство трудовой массы дайхан, благодаря широкой разъяснительной работе коммунистов, поддерживало законы советской власти. Так, например, делегаты районных беспартийных конференций, проведенных в 1926 году, при обсуждении правительственных декретов по женским бытовым вопросам, несмотря на сильно укоренившиеся среди населения бытовые традиции, положительно отнеслись к новым законам. Только делегаты Тахтинского и Ильялинского районов считали «преждевременным» отмену калыма. Большинство признавало необходимость изжития бесконечных распрь, столкновений, и преступлений вытекавших из бытовых пережитков[4]).

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 427, л. 432.
[2]) Там же, ф. 1, оп. 1, д. 589, л. 27.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 316, л. 11.
[4]) Там же.

Парторганизация Ташаузского округа, опираясь на поддержку и сочувствие большинства трудовой массы дайхан, активно боролась с рабским положением туркменской женщины. Но чтобы сами женщины могли воспользоваться правами и свободой, широко предоставленной им советской властью, надо было их самих привлечь к управлению государством. Вот почему большевики округа старались обеспечить большое участие женщин на отчетно-перевыборных собраниях аулсоветов и в работе общественных организаций. Но это проводилось в невероятно трудных условиях. Об этом свидетельствует тот факт, что на отчетно-перевыборные собрания Советов в 1927—1928 годах, по данным Ташаузского окрисполкома, явка женщин по округу выразилась в 0,2% (60 человек) из общего числа учтенных 35.607 женщин, имевших избирательное право[1]).

Даже в 1930 году отчетно-перевыборные собрания Советов приходилось проводить с мужчинами и женщинами раздельно. Так из 37 отчетно-перевыборных собраний Советов 1930 года, проведенных в Тахтинском районе, 13 было женских[2]).

«Пониженный процент явки на отчетные собрания — говорится в докладе Тахтинского райисполкома, — объясняется тем, что отчетные собрания сначала проходили совместно: этот метод пришлось на ходу работы изменить, и собрания женщин проходили отдельно»[3]).

Вследствие этого подхода в Тахтинском районе участие женщин на отчетно-перевыборных собраниях увеличилось в среднем с 37.6% в 1929 году до 60% в 1930 году[4]). Из числа 245 человек, выступавших в прениях по отчетам аулсоветов в этом районе, 25 были женщины[5]).

Против вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь велась усиленная агитация байства и духовенства. Байство терроризовало женщин за участие в отчетно-перевыборных собраниях.

Но террор баев и духовенства не приостановил роста политической активности женщин. С каждым годом увеличивается количество женщин в составе членов аулсоветов, райисполкомов и окрисполкома. Так, например, женщины, избранные в члены аулсоветов, райисполкома составляли в 1926 году 45 человек, в 1927 году — 151 человек[6]), в 1928—1929 годах — 190 человек[7]).

Подавляющее большинство женщин, избранных в советские органы, оправдало доверие своих избирателей. Они принимали самое активное участие во всех мероприятиях, проводимых партией и советским правительством. Как представители советской власти они являлись первыми заступниками эксплоатируемых и угнетенных женщин, агитаторами, разъясняющими советские законы о женщинах. Вот почему байство Ташаузского округа, переходя к борьбе с советской властью путем совершения террористических актов против аульных активистов, в первую очередь направили свой террор против женщин-активисток. Так, в июле 1928 года байство организовало несколько террористических актов против женщин — членов Советов. По этому поводу при Ташаузском окружкоме партии состоялось специальное совещание. После его проведения окружной комитет партии в августе 1928 года в письме Центральному Комитету компартии Туркменистана сообщал, что в пе-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 10, л. 62.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, л. 2, д. 1145, л. 6.
[3]) Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1146, л. 7.
[4]) Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1145, л. 6.
[5]) Там же.
[6]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 20, л. 202.
[7]) Там же, д. 111, л. 20.

риод июня — июля месяцев 1928 года в Ташаузском районе было совершено несколько убийств низовых советских работников: 15 июня в ауле Хамзаших того же района во время учета объектов сельхозналога были убиты баями того же аула: заместитель председателя аулсовета, секретарь аулкомитета союза кошчи и тяжело ранен председатель аулсовета; 9 июля в кишлаке Чарвак, Куня-Ярмышского аулсовета убит бывший председатель аулсовета, член партии; 10 июля в ауле 1-й кишлак Бой того же района убит член аулсовета женщина-активистка. Помимо указанных убийств, позднее совершены те же преступления в Тахтинском районе: убийство членов союза кошчи — двух женщин и одного мужчины, в Ильялинском районе убита женщина, желавшая развестись с мужем и вступить в комсомол. Наконец, в Ташаузском районе произведено убийство двух женщин и двух детей[1]).

После тщательного расследования этих фактов, на основе данных следственного аппарата было установлено, что первое убийство совершено на почве твердой политики аулсовета по отношению к антисоветскому элементу в том числе к бывшему ханскому чиновничеству. В течение последних двух лет, аулсовет лишал избирательных прав классово-чуждые элементы, вел агитацию за раскрепощение женщин. Баи и торговцы, посредством дутых материалов, старались в судебном порядке выжить председателя аулсовета и тем дезорганизовать его работу. Однако, эти попытки баев не дали им какого-либо положительного результата, а поэтому враги в конце концов прибегнули к убийству.

Второе убийство было результатом того, что председатель аулсовета вел справедливую политику обложения сельхозналогом байского элемента. Третье убийство женщины-активистки совершено вследствие ее энергичной работы по борьбе с многоженством, давшей положительные результаты. Другие убийства женщин тоже произошли на почве их неоднократных жалоб советскому органу об их притеснении и о желании развода.

Ташаузский окружной комитет партии, сделав политический анализ этим фактам, приходит к выводу, что «антисоветский реакционный элемент: байство, духовенство, бывшее ханское чиновничество имеет определенную тенденцию бороться с усиливающейся активностью населения путем организации террористических актов, в первую очередь, по отношению к аульным активистам. Этим самым враждебные элементы хотят запугать работников низового советского аппарата, заставить считаться с собой и обеспечить себе свое влияние на население...»[2]).

В ауле Розумбай Ташаузского района в ноябре 1929 года баями была злодейски убита вся семья члена президиума ОКРИК'а коммунистки Бике Ханговой, пользовавшейся большим политическим авторитетом у населения. В специальном постановлении бюро Ташокружкома партии, принятом по этому поводу, говорилось:

«Убийство коммунистки, принимавшей активное участие во всех работах, проводимых в ауле, в особенности по раскрепощению женщин, является сугубо политическим актом, ярким выражением контратак со стороны байства, духовенства и всех реакционных элементов аула на наше наступление по фронту социалистического строительства и в том числе на участке раскрепощения женщин.

Исходя из этого, окружком считает необходимым усилить деятельность наших организаций и широко организовать общественное мнение всех трудящихся аула и города для отпора сопротивлению классовых

---

1) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 6, л. 202.
2) Там же, ф. 21, д. 6, л. 202—204.

врагов, деятельность которых принимает форму вооруженной борьбы в виде оживления басмачества и террористических актов против лучших активистов.

Осветить среди масс дайханства акт убийства Бике Хаитовой, как один из этапов байской борьбы на участке раскрепощения женщин.

Ответом батрачества, бедноты и середняков Ташауского округа на байские вылазки должно быть:

а) еще большее сплочение вокруг партии и Советов еще большее активное участие в повседневных работах по социалистическому строительству;

б) отдача всех сил и энергии на выполнение пятилетней программы социалистического строительства, на осуществление новой хлопковой программы;

в) еще большая работа по раскрепощению женщин, практическое участие дайханских масс в вовлечении женщин в общественно-политическую жизнь аула;

г) еще большее укрепление союза бедноты с середняком»[1]).

Так шла ожесточенная классовая борьба вокруг вопроса о раскрепощении женщин. Многие коммунисты сами оказались в плену бытовых и религиозных предрассудков, старых традиций. В преодолении этих вкоренившихся пережитков некоторые коммунисты из местных национальностей, и в том числе даже отдельные ответственные работники, пошли на поводу у реакционной части населения. У этих людей, являвшихся советскими или партийными работниками, слова не совпадали с делом; на словах они говорили о полном раскрепощении женщин, а на деле некоторая часть таких работников допускала в своем быту многоженство, калым, женитьбу на малолетних и требовала от жены ношения паранджи и яшмака.

Это были пережитки феодально-байских отношений, укоренившиеся в сознании многих незрелых еще коммунистов местных национальностей. Борьба с этими бытовыми пережитками составляла одну из первостепенных задач партийной организации округа и всей республики.

Вот почему в те годы, благодаря неустанному контролю и руководству ЦК ВКП(б) и его Средазбюро, вопросы борьбы за раскрепощение женщины обсуждались почти на всех важнейших совещаниях, сессиях, пленумах и съездах партийно-советских и комсомольских организаций республики. Особенно действенными были решения, принятые о фактическом раскрепощении женщины на III съезде КП(б) Туркменистана, происходившем 15—22 ноября 1927 года, и на III съезде Советов Туркменской ССР, происходившем 25 апреля — 5 мая 1929 года. III съезд Советов ТССР принял специальное обращение ко всем трудящимся республики по вопросу о раскрепощении женщины[2].

Все это помогло партийно-советским организациям Ташауского округа достигнуть блестящих успехов на фронте борьбы за раскрепощение женщины, о чем речь будет итти ниже.

КОМСОМОЛ, СОЮЗ КОШЧИ И БАТРАЧКОМЫ

Первая ячейка Ленинского Коммунистического Союза Молодежи в районах Северного Туркменистана образовалась среди молодежи города Ташауза еще в 1923 году под руководством хорезмской коммуни-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 215—216.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1-е, д. 66, л. 70.

стической партии. Она распространила свое влияние и стала расти с 1925 года, со времени образования Ташаузского округа в составе Туркменской ССР, под руководством КП(б) Туркменистана.

По данным на 1 февраля 1928 года, на учете окружного комитета комсомола состояло всего 128 комсомольцев, из которых 10 работали в аппарате районных комитетов[1]).

При оценке состояния коммунистической организации молодежи необходимо иметь в виду особые условия Ташаузского округа, где почти совершенно отсутствовала промышленная рабочая молодежь, а культурный уровень дайханской и городской ремесленной молодежи, в особенности бедняцко-батрацкой ее части, был чрезвычайно низкий, вследствие почти поголовной неграмотности дайханской молодежи и отсутствия опытных кадров комсомольских работников в ауле и кишлаках. Эти условия не позволяли в первые годы достаточно развернуть комсомольскую работу (в особенности в аульной части организации) и поднять политический уровень комсомольцев. Недостаточное количество культурно-просветительных учреждений в районных центрах и аулах не давало возможности удовлетворить культурно-бытовые запросы молодежи.

Несмотря на пестрый состав и низкий культурно-политический уровень комсомольцев, организация Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Ташаузского округа принимала самое активное участие во всех мероприятиях партии и правительства, оправдала свою роль как ближайший боевой помощник и резерв нашей большевистской партии. Комсомольская организация округа принимала активное участие в развитии дайханского хозяйства, в агитации за проведение агрокультурных мероприятий, в проведении среди молодежи работы по укреплению обороноспособности СССР, в развертывании агитационно-пропагандистской работы, разъяснении советских законодательств, раскрепощении женщин, борьбе с бытовыми предрассудками и т. д.

За все это комсомол пользовался широкой популярностью и заслуженным авторитетом среди трудящихся.

Наиболее крупной беспартийной общественной организацией трудящихся Ташаузского округа в изучаемый период являлся союз кошчи с существовавшими при нем комитетами бедноты (гарыплар гурамасы — комбеды) и ДОВ (дайханское общество взаимопомощи).

Слово «кошчи» означает землероб, сохач. Возникновение этой организации в советской Средней Азии относится к 1923 году. Еще в сентябре 1921 года X Всетуркестанский съезд Советов принял резолюцию об организации союзов бедноты, в которой было сказано:

«Союзы бедноты — «кошчи», «батраков», «чарва», являясь переходной организацией особого типа профсоюзов в кишлаках и аулах, должны быть призваны осуществлять политическую организацию туземных полупролетарских масс, еще не совсем порвавших с пережитками патриархально-родовых и феодальных отношений и подготовить их сознательный переход к коммунистическому строительству»[2]).

Союз кошчи, возникнув как экономический и социально-политический орган аульной бедноты и среднего дайханства, являлся серьезным рычагом диктатуры пролетариата в ауле.

В Положении о союзе кошчи сказано:

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 10, л. 437.
[2]) Газета «Жизнь национальностей», № 21 от 10 октября 1921 года.

«Союз кошчи преследует цели совместного и организованного отстаивания экономических и культурных прав и интересов своих членов, а равно и цели объединения хозяйственных усилий их, путем широкого кооперирования их труда, орудий производства и т. д.»[1]).

20 августа 1925 года состоялась I Окружная конференция союза кошчи Ташаузского округа, на которой был образован его окружной комитет. К этому времени в округе насчитывалось 35 ячеек союза кошчи с количеством членов в 3 732 человека, из которых было: туркмен 1 941, узбеков 1 702 человека[2]). По данным на 1 января 1928 года, 860 батраков состояли членами союза кошчи[3]).

Дайханская масса рассматривала членов союза кошчи как первых помощников большевиков.

Отличительной особенностью большевистской партии было то, что она, будучи создана и воспитана Лениным и Сталиным, обладала величайшей способностью быстро находить формы организации, доступной, близкой, родной для каждой нации, для каждого племени, находящихся в любой стадии исторического развития.

Такой организацией был и союз кошчи, успешно сплачивавший трудовое дайханство Северного Туркменистана вокруг партии большевиков, под знаменем советской власти.

Хорошо поставленная работа союза кошчи, как одного из главных помощников партии в деле организации аульной бедноты и укрепления ее блока с середняком, имело исключительно важное значение. В 1927 году III съезд КП(б) Туркменистана в решении о работе в ауле, по оживлению и качественному улучшению деятельности кошчи отметил, что «проведение в жизнь ряда важнейших мероприятий партии и правительства (кредитование, кооперирование дайханства, улучшение работы аулсовета, внедрение революционной законности и т. д.) несомненно не имели бы большого успеха без активного участия в их проведении кошчинских организаций»[4]).

Союз кошчи провел огромную работу по раздаче беднякам земель, рабочего скота, семян, организации беднейшим и середняцким дайханам агротехнической помощи, их кооперированию, улучшению работы потребительской и сельскохозяйственной кооперации в ауле. Эти организации содействовали укреплению экономического и политического союза батрацко-бедняцких и середняцких слоев аула против байства, проведению в жизнь решений партии о реконструкции сельского хозяйства. Союз кошчи сделал очень много и для того, чтобы поднять культурный уровень беднейшего дайханства, создать среди него прослойку грамотных людей, могущих быть выдвинутыми в государственный аппарат.

Самым крупным недостатком этой организации была значительная засоренность его рядов классово-чуждыми элементами.

Там, где союзом кошчи не руководили по-большевистски, отдельные работники кошчинских организаций, пробравшиеся к их руководству, с помощью националистических элементов поддерживали баев и духовенство, помогали им притеснять трудящихся.

Необходимо было произвести основательную его чистку. Вот почему 24 ноября 1929 года бюро Ташаузского окружкома партии приняло следующее постановление о проведении такой чистки:

---

[1]) Из «Положения о союзе кошчи», утвержденного ЦИК Туркестанской республики. См. ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 122, л. 176.

[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 91, л. 48—50.

[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 10, л. 437.

[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 17, л. 14.

«В целях поднятия работоспособности кошчинской организации считать необходимым проведение в таковой генеральной чистки от чуждого примазавшегося элемента из байства, духовенства, бывших чиновников и прочих»[1]).

Союз кошчи, систематически очищая свои ряды от чуждых элементов, под руководством партии, становился все более сильным рычагом для переустройства туркменского аула.

Другой сильной и влиятельной классовой организацией аульной бедноты и батрачества Ташаузского округа являлись батрацкие комитеты (батрачкомы, или союзы сельскохозяйственных рабочих). Если союз кошчи являлся приводным ремнем от партии к бедняцко-середняцкой массе аула, то батрацкие комитеты почти исключительно занимались охраной прав и труда сельскохозяйственных пролетариев — батраков, организацией батраков вокруг партии и Советов.

Профессиональных союзов в городских местностях до февраля 1925 года в Ташаузском округе не существовало. В докладе Центрального бюро профсоюзов бывшей Хорезмской НСР от 20 октября 1924 года мы читаем:

«Профдвижения до 1924 года в Хорезмской республике совсем не было. С августа 1924 года началось его создание»[2]).

С 15 февраля до 1 августа 1925 года среди рабочих и служащих города Ташауза были организованы в профсоюзы 581 человек (из них в профсоюзы советских работников 184, работников просвещения 67, работников земли и леса 60, текстильщиков 28, работников медсантруда 36 и т. д.)[3]). 15 мая 1925 года на I Окружном съезде профсоюзов был избран Окружной совет профсоюзов[4]).

Организация батраков (батрачкомы), будучи одним из звеньев профсоюзов, образовалась в Ташаузском округе с лета 1925 года. Были созданы окружной, районный и аульные комитеты батраков[5]). Они брали на учет батраков, пастухов и прочих людей, работавших по найму, заключали трудовые договоры между нанимателями и батраками, боролись с байскими кабальными условиями, требовали полной и своевременной оплаты обусловленных договором заработной платы и спецодежды; на баев — нарушителей трудового договора — немедленно составляли акты и передавали их суду. Батрачкомы занимались вовлечением батраков в ликбезы, кооперацию, шерикеты, Советы, колхозы и т. д. Они организовывали батрачество на борьбу за успешное проведение в жизнь всех мероприятий партии и советской власти.

Батраки, организованные батрачкомами, вовлеченные в союз кошчи, советы, шерикеты, комсомол и т. д. являлись той основной социальной силой, на которую партия и советская власть опирались в первую очередь при развертывании в ауле классовой борьбы с байством. Правда, приходилось при этом преодолевать у батрачества, в силу его неграмотности и отсталости, пережитки патриархальных отношений. Бывали случаи, когда батрак, под влиянием бая, категорически отказывался заключать с баем трудовой договор или получить от бая причитающуюся ему заработную плату, мотивируя это тем, что он де «не имеет отдельного хозяйства от бая» и что он «близкий родственник» бая. Иногда батрак заявлял, что «он имеет особый расчет с баем», так как бай обещал выдать за него свою дочь или купить ему жену.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 290.
[2]) ЦГАОР УзССР, ф. 71 Хорсовназиров, оп. 1, д. 11, л. 55.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 91, л. 42.
[4]) Там же, л. 44.
[5]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 178, л. 2.

Но такие явления были редкими, единичными. Батраки Ташаузского округа, в своем большинстве, активно шли за партией, за советской властью в борьбе с байством.

Росту активности батрацких слоев в ауле способствовал перелом в работе Советов в сторону защиты батрацких элементов. Так, в 1929 году батрак в ауле Дышки Порсинского района за проработанное время соглашался получить с бая 3 рубля. Этих денег бай платить не хотел. Батрак подал заявление в Совет, который через суд взыскал с бая 25 рублей, для чего публично на базаре продал его скот[1]).

Чувствуя поддержку со стороны органов власти, батраки активней выступали против бая.

История советского Туркменистана не может не отметить с гордостью того факта, что первые активнейшие кадры партийно-советских организаций Ташаузского округа, инициативные, энергичные и устойчивые борцы за дело народа, большевистской партии и советской власти выдвинулись, благодаря партии Ленина — Сталина, из среды местных батраков, местных сельскохозяйственных рабочих.

Шерикеты

Советская власть со дня своего возникновения в районах Северного Туркменистана создала ряд организаций, посредством которых она оказывала всестороннюю помощь трудовому дайханству. Одним из таких обществ был шерикет — кредитное сельскохозяйственное товарищество, организованное в апреле — мае 1925 года Хорезмской конторой Средне-Азиатского сельскохозяйственного банка. С 1 мая 1925 года шерикеты Ташаузского округа перешли в обслуживание сельскохозяйственным банком Туркменской ССР[2]).

Шерикеты (товарищества) имели целью поднятие дайханского хозяйства путем вовлечения дайхан в кредитную кооперацию. Прием в члены шерикета производился на началах добровольчества. Преимущество при приеме отдавалось беднейшим слоям и середнякам. На 1 июня 1925 года в районах Ташаузского округа существовало 12 шерикетов с общим количеством членов в 1.200 человек[3]).

Организованы они были по племенным и родовым принципам и имели однотипные уставы[4]). Правление шерикета состояло из 3 членов и 2 кандидатов, избираемых общим собранием членов сроком на 1 год. Таким же образом, на тот же срок, избиралась и ревизионная комиссия в составе 3 членов и 1 кандидата[5]).

Согласно своему уставу, шерикеты были призваны к выполнению смешанных функций, то есть должны были выполнять кредитные, снабженческие и бытовые операции.

Ссуду они получали в кредит от сельскохозяйственного банка. Деньги им отпускались на покупку рабочего скота, семян, сельскохозяйственных машин, орудий, на устройство водокачек, осушку болот, на устройство ирригационных сооружений, на землеустройство, организацию новых поселков и т. д.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 316, л. 14.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 190 и 198, также ф. 21, д. 9, л. 18.
[3]) Там же, д. 5, л. 76.
[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 18.
[5]) Там же, д. 5, л. 76.

Ссуда деньгами выдавалась сроком на 8 месяцев (краткосрочная), а ссуда натурой (рабочий скот и прочее) на 3 года (долгосрочная). Погашение ссуды производилось осенью в период после уборки урожая.

Советская власть из года в год увеличивала размер долгосрочных и краткосрочных ссуд, отпускавшихся шерикетам Северного Туркменистана. Так было отпущено:

в 1925 году	34.660	руб.
„ 1926 „	114.700	„
„ 1927 „	160.000	„ [1]

Кроме того, сверх плана было ассигновано на оказание производственной помощи хозяйствам, пострадавшим от басмачества, и хозяйствам, нуждавшимся в переселении:

в 1927 году	150.000	руб.[2]
„ 1928 „	628.000	„
„ 1929 „	629.400	„ [3]

Однако же, социальный состав как правлений, так и членов шерикетов в ранние годы настолько был засорен классово-чуждыми элементами, что беднякам мало доставалось из выданных шерикетами ссуд.

Вот, что мы читаем в отчете Ташаузского окрревкома на 1 января 1925 года:

«В силу существования вождя и родовых начал, товарищества организованы по племенным и родовым группам; вожди, находясь в составе товариществ, фактически руководили делами товариществ; выданные ссуды пошли преимущественно в угоду вождям и зажиточной части всей массы членства товарищества. Зажиточная группа составляет 80% и бедняцкая —20%»[4]). «При обследовании выявлено, что почти по всем шерикетам в составе правления имеется только по одному бедняку, и они неграмотны; безусловно, центральной фигурой правления является середняк и зажиточный»[5]).

Лишь в 1927 году, после проведенных реорганизаций и перевыборов шерикетов, после значительного очищения от классово-чуждых элементов, социальный состав и деловое качество их улучшилось. Все же нельзя было удовлетвориться тем, что в 1927 году 55% ссуды были выданы бедняцким хозяйствам, 40% — середняцким и 5% — зажиточным. Те дефекты, которые мы видим, а именно — недостаточное обслуживание бедняцкого хозяйства, частичное попадание ссуд в зажиточное хозяйство, недостаточно полное использование средств по целевому направлению — надо отнести за счет слабости и неподготовленности правлений товариществ к возложенной на них работе[6]).

Проникновение классово-чуждых элементов в шерикеты и либерально-примиренческое отношение к ним со стороны отдельных партийно-советских руководителей округа приводило не только к ущемлению интересов бедноты, но и приносило большие убытки государству. Такие «руководители» шерикетов, как басмаческий вожак Таган-Кор, являвшийся председателем правления Измыкширского шерикета в Тахтин-

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 835, л. 4.
[2]) Архив д. 112, л. 17—18.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 17, 18 и 22.
[4]) Там же, ф. 21, л. 18.
[5]) Там же, д. 111, л. 25.
[6]) Там же, д. 112, л. 18.

ском районе, крупный бай-торговец и бывший ханский кетхуд Юлдыбай Таджи-Назар, состоявший председателем правления Порсинского шерикета и другие, обворовывали и растрачивали государственные деньги, выданные в ссуду шерикетам. А председатель Карадашлинского шерикета в Ильялинском районе Мамед-сарсак, бывший аксакал и крупный бай, истратил шерикетские деньги на выкуп своей жены, находившейся в плену у банды Джунаид-хана[1]).

Совершенно естественно, что такие руководители вели среди байхан усиленную агитацию за невозврат государству денег полученных шерикетами в ссуду. В результате такой байской, антисоветской агитации и попустительства ряда местных партийно-советских руководителей шерикеты Ташаузского округа на 1 июня 1925 года имели задолженность государству в сумме 105 430 рублей[2]), тогда как 15 % бедняцких хозяйств, состоящих членами шерикетов, оставались попрежнему без рабочего скота, ибо значительное количество крупного скота использовали преимущественно байские слои шерикета[3]).

За время 1924—1926 годов по ссудам и процентным начислениям за просрочку шерикеты должны были Туркменсельхозбанку свыше 220 тысяч рублей[4]).

Решениями партийных и советских органов были приняты меры к исправлению деятельности шерикетов.

Итак, в общем итоге мы видим, что в течение пяти лет (с 1925 по 1930 год) под мудрым руководством большевистской партии поднялась политическая активность народных масс Северного Туркменистана; партия, комсомол, Советы, батрачкомы, союзы кошчи, шерикеты, профсоюзы и другие организации советской общественности глубоко пустили свои корни в народ, стали подлинными организаторами масс в борьбе за социалистическую переделку жизни трудящихся Ташаузского округа.

---

1) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 192.
2) Там же, л. 198.
3) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 198.
4) Там же, д. 9, л. 20.

Глава XII

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО ТУРКМЕНИСТАНА В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

УЛУЧШЕНИЕ ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

За каких-нибудь пять лет (1925—1930 годы) советская власть сделала для трудящихся Ташаузского округа столько, сколько не сделала и не могла сделать ханско-царская власть за последние 50—100 лет Особенно ярко это видно в области ирригации, являющейся базой для развития сельского хозяйства округа.

Выше мы говорили о состоянии оросительной системы Хорезмского оазиса вообще, Ташаузского округа, в частности. Ко времени национального размежевания в Средней Азии и присоединения районов хивинских туркмен к Туркменской ССР (то есть к 1925 году) все 9 магистральных каналов Ташаузского округа (Газават, Шават, Ярмыш, Клыч-Нияз-бай, Мангит, Басу. Собет-яб, Урус-яб, Хан-яб[1]), питались водой из Аму-Дарьи. Первые 6 каналов орошали округ лишь своей хвостовой частью, головная же и серединная их части были расположены на территории Хорезмского (Хивинского) округа Узбекской ССР.

Такое расположение магистральных каналов вынуждало округ пользоваться исключительно остатками воды, разбиравшейся без достаточного учета в верховьях. Во время низкого уровня воды в Аму-Дарье вода разбиралась в верховьях и не доходила до хвостовых частей каналов, питающих округ; наоборот, при высоких водах хвостовая часть каналов переполнялась водой, которая разрушала борты и затопляла низины.

Ирригационная сеть, как нами указывалось выше, представляла собой образец туземного строительства и имела такие дефекты, как большое количество параллельных каналов со значительным протяжением холостых частей, извилистость и резкие повороты, отсутствие правильного сечения магистралей и распределителей, отсутствие водосбросной сети. В результате этих дефектов коэфициент полезного действия сети был очень низким.

Характеризуя в целом ирригационную сеть Ташаузского округа следует отметить, что хотя в отношении водоснабжения округ, вследствие близости к Аму-Дарье, имел преимущества перед некоторыми другими районами Туркменской республики, но благодаря причинам указанным выше, часто находился под угрозой безводья. Эта опасность

[1]) Хан-яб — ныне Собет-яб.

еще усиливалась из-за нахождения голов магистральных каналов значительно выше горизонта низких вод Аму-Дарьи.

Кроме того, высокая насыщенность взвешенными наносами вод реки Аму-Дарьи, неустойчивость ее течения, постоянное изменение фарватера способствовали отложению песка и ила, закупоривавших головы того или иного канала.

По отдельным районам обеспеченность водой была следующая:

1. Ташаузский и Ильялинский районы орошались двумя магистральными каналами Ярмыш и Шават, по которым могло поступать достаточное количество воды.

2. Порсинский район с каналами Клыч-Нияз-бай и Мангит являлся самым многоводным и страдал больше от избытка воды, чем от ее недостатка.

3. Тахтинский район орошался водным каналом Газават, который распределялся по району неправильно, создавая постоянные трения между водопользователями. Внутрирайонная система Газавата представляла из себя сеть параллельных арыков (отводов), из которых каждый принадлежал отдельному роду, или вернее, дому бывшего родоначальника, называясь по его имени (Ахмед-яб, Лар-яб, Овуля-яб и т. д.). При нехватке воды часто происходили межродовые столкновения.

4. Куня-Ургенчский район орошался магистралями, находящимися полностью на территории округа (Хан-яб, Урус-яб), но, ввиду малочисленности населения, работа по их очистке проводилась неполностью. Каналы постепенно, с каждым годом, разрушались, из-за чего водоснабжение, а, следовательно, и вся экономика района находилась в состоянии упадка.

Таково было общее состояние ирригационной сети Ташаузского округа к началу 1925 года, когда там был создан специальный Окружной отдел водного хозяйства (Окрводхоз), на который была возложена обязанность реорганизовать оросительную систему и руководить распределением воды в округе.

Для того, чтобы восстановить и развивать дальше народное хозяйство, партийным и советским органам Ташаузского округа нужно было прежде всего реконструировать ирригацию. Необходимо было от упорядочения и организации простых, примитивных хошарных работ перейти к прорытию новых каналов, строительству малых и крупных инженерных сооружений. Нужно было провести большую изыскательную работу, добиться более правильного орошения и обеспечения округа поливной водой. Применением механизации следовало избавить дайхан от непосильной работы по очистке голов магистралей.

Все это требовало времени и огромных средств. Советское государство из года в год увеличивало ассигнования на ирригацию. Так, в 1925—1926 году на ирригацию Ташаузского округа было отпущено 3 700 000 рублей и в 1926—1927 году —4 800 000 рублей[1]).

Усилия советской власти, направленные на благо трудящихся, вдохновляли, поднимали инициативу и энергию народной массы, которая в свою очередь не жалела ни сил, ни средств в борьбе за обеспечение округа водой. Так, весной 1925 года и весною 1926 года, впервые при советской власти, трудящиеся округа, поднявшись на всенародный поход на казу (очистка внутренних и межнациональных каналов),

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 560, л. 15.

вынули свыше 2 миллионов кубометров земли, затратив на это 320 637 человеко-дней и 2 382 арбо-дней[1]).

Из года в год усиливались общественные затраты труда на ирригацию. В первую очередь была проведена перестройка старых систем в Ташаузском и Тахтинском районах. В Тахтинском районе в системе Газавата плохая водообеспеченность зависела не столько от безводья, сколько от малого коэфициента полезного действия (0,15) водной массы, поступавшей в район[2]), так как эта система изобиловала колоссальным количеством холостых частей. Перестройка системы сводилась к сокращению холостых ходов ябов и уничтожению параллельных каналов в сети путем соединения четырех ябов в два яба. Это сократило длину холостых ходов на 80 километров[3]), сократило трудовые затраты, сберегло воду. Но самое главное, писал Окрводхоз, «уничтожение параллельных каналов дало возможность объединить разные враждующие роды и тем самым создать условия для совместного сотрудничества на экономической почве»[4]). Аналогичная работа, проводившаяся и в Ташаузском районе, дала сокращение на 40 километров[5]).

Произведена была очистка всех каналов от ила, накопившегося за время революции и гражданской войны, что дало возможность производить более ранние поливы (так называемые «кизыл сув»), необходимые для хлопковых посевов. Произведенная в 1926 году капитальная чистка хвоста канала Ярмыш на 80 километров дала возможность переселить туда до 300 дайханских хозяйств[6]).

Для борьбы с поводками было построено новое головное сооружение канала Хан-яба, подняты на берегу реки Аму-Дарьи несколько дамб (гачи). Вода из Клыч-Нияз-бая была переброшена на хвост Собет-яба и Шамурат-яба, что дало возможность дополнительно оросить несколько тысяч десятин целины.

Следующим важным мероприятием в переустройстве оросительной системы явилось правильное водораспределение. Различие уклонов ябов вызывало неравномерное поступление воды. В целях изжития этого, в 22 местах была проведена постройка регулирующих шлюзов[7]).

Восстановление и реконструкция ирригации увеличивали посевную площадь Ташаузского округа в 1,5 раза по сравнению с довоенным уровнем[8]).

Результаты этой работы были бы еще лучше, если бы отдельные работники советских органов, руководящие ирригацией, не нарушали революционной законности, не искривляли классовой линии партии и советской власти, имели бы более тесный контакт с трудовой массой, с энтузиазмом поддерживавшей все мероприятия партии и советской власти в деле ирригации.

О большой активности дайханской массы в восстановлении ирригации свидетельствует тот факт, что в 1926—1927 годах, когда были проведены районные съезды водопользователей и были избраны водные комитеты для помощи водхозу в проведении ирригационных мероприятий, дайхане просили организовать так называемые «сув шерикеты» (мелиоративные товарищества).

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 31 и 35.
[2]) Там же, л. 30.
[3]) Там же, ф. 21, д. 9, л. 31.
[4]) Там же, д. 112, л. 35 (из доклада Окрводхоза)
[5]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 31.
[6]) Там же, д. 6, л. 78.
[7]) Там же, д. 112, л. 39.
[8]) Там же, л. 35.

Партийное руководство округа для насаждения в массах дайхан кооперативных начал считало необходимым организовать такие товарищества и указывало, что это мероприятие может принести большое облегчение и государству, и дайханству. Затрата труда на орошение одного танапа вемли туземным чигиром выражалась в сумме 18 рублей 50 копеек, тогда как орошение этого же танапа насосом, подающим воду с помощью тракторного мотора, стоило всего лишь 1 рубль 70 копеек[1]). Мелиоративные товарищества быстро распространились среди дайхан.

На отчетно-перевыборных собраниях аульных Советов выступавшие дайхане почти повсеместно основательно критиковали президиумы аульных Советов за несерьезное отношение к делу ирригации. Так, например, на отчетно-перевыборном собрании аульного Совета Розумбой Ташаузского района выступившие бедняки и середняки говорили, что «...в 1927 году чистка канала Розумбой была произведена 500 казучиями в 20 дней, а в 1928 году та же работа при наличии 1,000 казучий была окончена только в 30 дней. Аульный Совет совершенно не руководил работой. Дайхане недовольны были тем, что приходилось многим работать без толку и лишнее время»[2]).

На этом собрании по отчетному докладу аульного Совета была вынесена резолюция следующего содержания: «Следить за тем, чтобы чистка арыка производилась своевременно без опоздания, хорошо для этой цели выдвигать людей, имеющих опыт. Ходатайствовать об отмене осенней чистки арыков или присоединении этой работы к весенним работам, чтобы не отвлекать дайхан от полевых работ два раза»[3]).

В Ташаузе отдельные советские работники игнорировали требования дайхан об улучшении организации общественных работ. Причем такое отношение к дайханам в округе было не единичным. Классово-чуждые или морально-разложившиеся элементы, которым случайно доверялась организация хошарных работ, стремились создать на почве казу межнациональные трения.

Все эти недостатки в деле ирригации, при вмешательстве партийных органов, постепенно устранялись.

Ирригация всегда была и остается всенародным делом. Лишь в результате привлечения всех сил народной массы можно было достигнуть решающих успехов в деле ирригации. Работники водного хозяйства Ташаузского округа недостаточно усвоили эту истину.

Об этом же говорил представитель Окрревкома на III сессии ЦИК ТССР в 1926 году: «У нас нет хороших гидротехников, с одной стороны, а с другой стороны, мы в работе по улучшению ирригационной системы до сих пор не считались с мнением и настроением самих дайхан»[4]).

Одним из моментов, задерживающих быструю реконструкцию ирригационной системы в Ташаузском округе, являлось то, что до 1929 года недостаточно производился классовый принцип в натурповинности — «казу». Основная тяжесть казу попрежнему лежала на плечах трудового дайханства. Лишь в декабре 1928 года окружком партии принял специальное постановление «о введении классового принципа в хошарные работы»[5]).

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 36.
[2]) Там же, д. 20, л. 38.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 46.
[5]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 16.

В целях распределения хошарных работ по классовому принципу окружком партии считал необходимым установить такое положение, по которому с ростом доходности хозяйства росла бы и сама тяжесть натурповинности в казу. Исходя из этой установки Ташаузский окрисполком издал постановление, по которому хозяйства округа по доходности разбивались на 4 группы:

1-я группа хозяйств с доходностью до 400 руб.
2-я „ „ „ „ 600 „
3-я „ „ „ „ 900 „
4-я „ „ „ свыше 900 „

При установленном порядке тяжесть натурповинности казу увеличивалась в соответствии с ростом доходности хозяйства в следующей пропорции по отношению к первой группе, принятой за единицу: вторая группа хозяйств — 1,75, третья — 2,75 и четвертая — 3,00[1]).

Вместе с тем от хошарных работ освобождались все хозяйства с доходом ниже необлагаемого минимума, а также хозяйства: женские, сиротские, инвалидов войны, призванных в ряды РККА, нетрудоспособных и больных, освобожденных от сельскохозяйственного налога[2]).

В 1929 году, когда впервые стали проводить классовый принцип в казу, дайхане восторженно встретили это нововведение. Байство и все другие эксплоататорские элементы округа, до сих пор почти не ущемлявшиеся, впервые чувствительно ощутили классовую политику советской власти.

РАСШИРЕНИЕ ПОСЕВНОЙ ПЛОЩАДИ И БОРЬБА ЗА ХЛОПОК

Основным показателем, характеризующим развитие сельского хозяйства в Северном Туркменистане за 1926—1930 годы, является увеличение посевной площади.

Рост посевной площади по всему Ташаузскому округу по годам виден из следующего:

в 1925 году 51.000 гектаров
„ 1926 „ 61.344[3]) „
„ 1927 „ 64.314[4]) „
„ 1928 „ 66.200[5]) „
„ 1929 „ 70.620[6]) „

За четыре года (с 1 января 1925 по 1 января 1929 года) освоено 4 тысячи гектаров новых земель[7]).

Посевная площадь увеличилась по всем основным культурам, за исключением риса, но в большей мере увеличение посевов коснулось хлопчатника, его спутника — люцерны и кунжута.

Изменилось и соотношение между культурами. Так, по данным Хорезмской республики на 1923 год, посевные площади имели следующую структуру в процентах:

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 15.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 16.
[3]) ЦА МВД ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 41.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 879, л. 15.
[5]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 112, л. 46.
[6]) Там же, д. 112, л. 46.
[7]) Там же, л. 46.

пшеница	17
джугара	23
хлопок	10
люцерна	10
прочие культуры	40[1])

Через 3 года, в 1926 году, картина посевных площадей представлялась уже следующей (в процентах):

пшеница	36,5
джугара	14,6
хлопок	12,6
люцерна	16,9
и прочие	19,4[2])

Благодаря агротехнической помощи, оказанной государством, увеличилась и урожайность по всем видам культур.

Таким образом, в сельском хозяйстве районов Северного Туркменистана мы видим относительно быстрый рост посевных площадей. Причем площадь посевов под техническими культурами росла значительно энергичнее, чем под зерновыми. В этом проявлялась интенсификация сельского хозяйства и усиление его товарности.

Основной технической культурой, определявшей направление сельского хозяйства Ташаузского округа как и всего Туркменистана, являлся хлопок. Поэтому и дайханство, и партийно-советские органы уделяли большое внимание развитию хлопка.

Правда, особенность почвы Ташаузского, Тахтинского, Порсинского и отчасти Ильялинского районов при старой технике обработки земли значительно затрудняла выращивание здесь хлопчатника. «В силу естественно-исторических условий, — писали специалисты, — характеризующихся близостью грунтовых вод и интенсивным подъемом солей, вызывающими засоление пахотного слоя и образование выцветов солей, хозяйственная ценность таких земельных площадей быстро падает и освоение их требует со стороны земледельца больших затрат труда и времени: эти площади усиленно промываются напуском воды и неоднократно (иногда больше 5—6 раз) перепахиваются. Такое состояние посевных площадей создало значительное препятствие к расширению их вообще и в частности к расширению посевных площадей под трудоемкие технические культуры, каковой является хлопок»[3]).

Но земледельцы Ташаузского округа с помощью советской агротехнической науки и сельскохозяйственной машины стали успешно преодолевать эти трудности и из года в год повышали урожайность всех культур, в особенности хлопчатника.

До 1925 года большинство дайхан Северного Туркменистана сеяло туземный хлопок (говача), так как этот сорт хлопка можно было сеять позже, чем американский (ибо вода из Аму-Дарьи приходила поздно), и, кроме того, туземную вату дайхане считали более подходящей для изготовления халатов и прочей одежды. После длительного сортоиспытания лишь с 1927 года стали сеять новые, более урожайные семена хлопка.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 54, оп. 1, д. 12, л. 8—9 и д. 614, л. 4.
[2]) Там же, ф. 54, оп. 1, д. 614, л. 4.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 112, л. 3.

Главным, если не единственным препятствием к развитию хлопка были капризы Аму-Дарьи. Требовалось обеспечить своевременное появление воды для того, чтобы в Ташаузском округе можно было развить хлопководство. Об этом же говорилось в отчетном докладе окрисполкома за 1927 год, где было сказано, что по своим климатическим условиям округ вполне благоприятствует развитию ценных и рентабельных культур: хлопчатника и люцерны, но необходимо перестроить систему орошения[1]).

Дайхане-практики тоже утверждали, что в Ташаузском округе нет негодной для хлопчатника земли, а были лишь негодная ирригация и негодные работники.

Благодаря настойчивости дайхан и советской общественности из года в год росла посевная площадь под хлопчатником в гектарах:

в 1925 году	4 714
в 1926 „	6 426[2])
в 1928 „	13 873
в 1927 „	9 832
в 1929 „	14 200[3])

Эти цифры являются ярким показателем роста посевной площади этой ценной культуры и подчеркивают линию власти и дайхан на сокращение мало рентабельных культур. В свое время (до весны 1925 года) Хлопковый комитет (Хлопком) Хорезмской республики мало занимался организацией посева и заготовкой хлопка в туркменских районах. Он выдавал дайханам задатки под хлопок, но делал это через родовых вожаков, аксакалов, кетхудов и специальных комиссионеров. В 1924 году всего было роздано задатков на 63 124 рубля, из которых было погашено лишь 40 тысяч рублей. Остальную сумму считали безнадежной. Около 10 тысяч рублей осталось за аульными посредниками и около 5 тысяч рублей за комиссионерами[4]).

В 1925 году задатки выдавались непосредственно дайханам, минуя всяких посредников. Индивидуальных договоров непосредственно с дайханами было заключено 9 810, из них половина падала на туркменскую часть населения[5]).

Этот первый непосредственный выход дайхан на хлопковый рынок, минуя родовых старшин, прошел весьма оживленно, посев хлопка увеличился на 100% по сравнению с 1924 годом. Это лишний раз доказывало, что организаторской связи у родоначальников с членами родов не было, была лишь экономическая зависимость дайхан от баев, стоящих во главе рода.

В 1925 году скупка хлопка производилась непосредственно от дайхан-производителей путем заключения персональных договоров и двухкратной выдачи задатка — под посев и под окучку. Задатки под посев выдавались в размере 40 рублей на десятину и под окучку — в размере 9 рублей[6]).

По размерам посева хлопчатника число посевщиков в 1925 году делилось на следующие группы:

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 112, л. 70.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 16.
[3]) Там же, д. 112, л. 46.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 50.
[5]) Там же, л. 116.
[6]) Там же, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 82.

Засевающие до	1/2	десятины	8 760	хозяйств
»	1	»	4 574	»
»	2	»	667	»
»	3	»	48	»
»	4	»	1	»
		Итого	14 050	хозяйств[1])

Агитация за увеличение хлопкового клина проводилась не только официальными представителями партийно-советских и хозяйственных органов, но и многими дайханами, уже успевшими получить большие материальные выгоды от хлопководства. Советская власть, всесторонне помогая трудящимся, особенно поощряла дайхан, засевающих хлопок.

В результате урожайность хлопка быстро росла, что видно из следующей таблицы, показывающей рост урожайности хлопчатника по Тахтинскому району:

Годы	Посевн. площ. в га	Урожай в пудах с 1 га
1925/26	220	54
1926/27	519	61
1927/28	905	102
1928/29	1568	111[2])

Такую же картину роста и развития хлопководства мы видим и в других районах Северного Туркменистана.

Дальнейшее расширение посевов хлопка было возможно лишь при усиленном внедрении новой техники в ирригацию.

Несмотря на огромную заботу союзного правительства, контрреволюционное националистическое руководство в Туркменистане и Узбекистане продолжало держать технику ирригации в Хорезме на средневековом уровне. Туркменские националисты, например, саботировали выполнение постановления Президиума ЦИК Союза ССР 1927 года по докладу правительства ТССР, в котором было сказано: «Продолжать работы по повышению хлопкового клина и дальнейшего расширения ирригационной системы и рационального использования значительных вложений государства на ирригационные работы»[3]).

Вредительство контрреволюционных буржуазных националистов Туркменистана и Узбекистана привело к тому, что районы Ташаузского и Хорезмского округов попрежнему страдали или от недостатка воды, или от наводнения. Так, население Порсинского района Ташаузского округа из года в год тратило колоссальные силы на борьбу с паводком по магистральному каналу Клыч-Нияз-бай. Только в одном 1926 году этот канал имел 14 прорывов[4]).

А «Тахтинский район, — сообщалось в 1929 году в журнале «Туркменоведение», — расположенный по водной системе «Газавата», терпит острый недостаток в поливной воде и нередки случаи, когда из-за этого пропадают хлопковые посевы. Причины кроются в неустроенности водной сети, в отсутствии шлюзов, водораспределителей и в капризах Аму-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 17.
[2]) Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1145, л. 26—27.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 563, л. 4.
[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 6, л. 47.

Дарьи, которая иногда на целую версту отходит от головы «Газавата», или, наоборот, диким порывом разрушает ее»[1]).

Такое положение имело место не только в эти годы и не только в этих районах и внушало серьезное опасение за состояние сельского хозяйства республики в целом.

Бюро Ташаузского окружкома партии 1 апреля 1929 года по докладу Хорезмского межнационального управления по делам ирригационной системы приняло резолюцию следующего содержания:

«1. Констатировать, что в течение пяти лет со времени национального размежевания ничего не сделано в смысле коренного улучшения ирригации Хорезма, что вопросы водоснабжения разрешаются так же, как в прежнее время, мобилизацией огромного количества рабочей силы и что тяжесть для населения хошарных работ, за исключением введенного классового принципа в казу, остается прежней.

2. Отметить, что водораспределение на территории Хорезмского округа остается попрежнему примитивным и что проведенное примитивное частичное ошлюзование по Ташаузскому округу дает мало эффекта без проведения таких же мероприятий по Хорезмскому округу.

3. Отметить, что несмотря на неоднократные требования населения Ташаузского округа о снятии самодействующих чигирей по каналам Шават, Газават и Ярмыш на территории Хорезмского округа, вопрос этот до сего времени в положительном смысле не разрешен.

Самодействующие чигири в огромном большинстве случаев принадлежат зажиточному населению, которое материально обеспечено и имеет возможность, где это позволяют технические условия, заменить самодействующие чигири конными в период поливного сезона»[2]).

Так обстояло дело в Ташаузском округе ТССР и Хорезмском (Хивинском) округе Уз ССР в то время, когда происходил великий перелом во всей жизни народов СССР, когда в других районах Советского Союза происходила и местами завершалась великая реконструкция сельского хозяйства на базе новой советской социалистической техники. А туркменские националисты преступно болтали о том, что будто бы советская техника не может удовлетворить потребности ирригационной системы Хорезма.

ВОПРОСЫ ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНОЙ РЕФОРМЫ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

Контрреволюционные, вредительские дела туркменских буржуазных националистов проявились и в проведении земельно-водной реформы и землеустройстве в районах Северного Туркменистана.

Конституция ТССР и земельные кодексы республики в свое время отменили частную собственность на землю, запретили куплю и продажу земли. Но эти советские законы в Ташаузском округе фактически не выполнялись. До коллективизации сельского хозяйства старая традиция купли и продажи земли то открыто, то втайне продолжалась.

Землевладение в округе в 1925—1930 годы отличалось от старого ханского времени и времени народной республики тем, что теперь исчезли названия «подшалыковых» земель, теперь их стали называть «довлетери» (государственные земли, или госфонд), а все, что не принадлежало госфонду, рассматривалось как «хусусы ер» (частная земля) Из актов советских земельных органов видно, что государственный

[1]) Журнал «Туркменоведение», № 12, 1929 г., стр. 33.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 70.

земельный фонд образовался из прежних пустопорожних, не орошаемых, никем не используемых земель и тугайных зарослей.

По данным на 1926 год, из общей площади 4 миллиона гектаров всей территории округа, под обработкой находилось всего лишь несколькими больше 61 тысячи гектаров, что составляло около 1,5% к общей площади[1]). Большая часть земельной площади представляла собой пески и меньшая была занята озерами, зарослями камыша, саксаула и тугаями и пригодной для обработки землей. Среди указанной площади земли встречались крупные участки заброшенных культурных земель с сохранившейся кое-где ирригационной сетью. Эти участки были расположены, главным образом, в Куня-Ургенчском, Ильялинском, Порсинском и нынешнем Ленинском районах. Но, чтобы их сделать снова годными к земледелию, необходимо было их оросить. По данным Окрводхоза и Окрземотдела (на 1927 год) количество земель, могущих быть легко освоенными, определялось по округу в 33 700 гектаров[2]).

Помимо этих площадей, имелись обширные участки некогда культурных земель, которые могли бы быть освоены при более значительных затратах на ирригацию. Так, например, на территории Куня-Дарьинской низменности выявлены сотни тысяч гектаров земель вполне пригодных для сельскохозяйственного освоения.

Но почти все без исключения лучшие орошаемые земли продолжали оставаться в руках частных владельцев, главным образом, баев и ишанов. В то же время бедняцкие и, отчасти, середняцкие слои туркменского дайханства попрежнему задыхались от недостатка орошаемых земель и, следовательно, от байской эксплоатации.

Надо иметь в виду, что частное землевладение в Хорезмском оазисе отличалось от российского тем, что в то время, как в России фактором передела было качество земли, здесь же имела значение обеспеченность земель водой.

По отчетным данным земельных органов Ташауэского округа, обеспеченность населения поливной землей в 1928 году выражалась в следующих цифрах:

Группы хозяйств	Количество хозяйств	% %	Средн. обеспеченность землей в гектарах
Бедняцкие	5.355	21.08	0.50
Малоземельные	18.800	74.01	1.25
Зажиточные	1.250	4.91	1.75
Всего . . .	25.405	00.00	2.30[3])

В объяснении к данной таблице сказано, что «земельная обеспеченность бедняков не превышает 1 гектара и в среднем равна 0,50, причем из числа бедняцких хозяйств необходимо исключить до 5% безземельных хозяйств (то есть батраков)[4]).

По отдельным районам количество малоземельных и безземельных дайхан было меньшим. Так, например, в типичном туркменском Куня-Ургенчском районе, по материалам правительственной комиссии, на март

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 27, д. 9, л. 9.
[2]) Там же, ф 21, д. 10, л. 226—227.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 232.
[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 232

1928 года числилось 394 безземельных хозяйства и свыше 2 500 малоземельных хозяйств из общего числа 3 464 земледельческих хозяйств района[1]).

Эти безземельные и малоземельные дайхане не имели ни поливной воды, ни рабочего скота, ни сельскохозяйственного инвентаря, ни семян. Они вынуждены были работать на баев, безжалостно их эксплоатировавших, угнетавших и оскорблявших почти так же, как в ханское время.

Контрреволюционное буржуазно-националистическое руководство ТССР считало ненужным проводить в Ташаузском округе земельно-водную реформу, так как не желало портить отношения с разбойничьим байством и реакционным духовенством округа.

Пользуясь покровительством националистов, байство Ташаузского округа не только экономически не ограничивалось, но и, наоборот, получило возможность за эти годы еще больше разбогатеть от жестокой эксплоатации дайхан, от разбоя и захвата государственной земли.

«После революции, — говорится в докладе Комиссии по районированию Ташаузского округа, — та часть из этих земель (речь идет о судьбе бывших подшалыковых земель — Г.Н.), которая находилась на территории влияния отдельных родовых вождей, была захвачена ими и лишь часть их перешла в пользование трудового дайханства»[2]).

Из доклада правительства Хорезмской Народной Республики за 1923—1924 годы видно, что уже тогда озера и туги сдавались правительством в аренду; в аренде у 28 лиц находилось 47 озер и у 14 человек —12 тугаев[3]). Арендаторы в свою очередь эксплоатировали озера и туги путем взимания с пользующихся ими платы за камыш, одну пятую с улова рыбы и одну десятую с добычи охотника[4]).

Вся эта феодально-капиталистическая эксплоататорская практика в Ташаузском округе фактически существовала в 1929 году.

Это видно из постановления Исполбюро Ташаузского окружкома партии от 22 мая 1929 года «Об арендных отношениях в сельском хозяйстве Ташаузского округа», где было сказано, что в связи с отсутствием землеустройства и при использовании земли на правах частной собственности аренда, как одна из форм землепользования, нашла широкое распространение в округе[5]).

Так байство Северного Туркменистана, пользуясь покровительством националистов, безнаказанно продолжало эксплоатировать трудящихся дайхан, держа в своих руках лучшую часть орошаемых земель, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря.

Указания партии большевиков, прислушивающейся к желаниям трудового народа, и созревшие к тому времени экономические и политические условия Ташаузского округа настоятельно требовали неотложного проведения земельно-водной реформы и широкого землеустройства. Земельно-водная реформа, являясь углублением и развитием пролетарской революции, должна была дать дайханам землю и воду, отняв их у байства, экспроприировавшего трудовое население.

К этому времени существовал опыт проведения земельно-водной реформы в Полторацком (Ашхабадском) и Мервском (Марыйском) округах. В этих округах при проведении земельно-водной реформы, осу-

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 1042, л. 86—87.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 5, л. 61.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 54, оп. 1, д. 112, л. 19.
[4]) Там же.
[5]) Там же, д. 22, л. 114.

ществленной волей партии и советской власти, вопреки желаниям буржуазных националистов, было наделено землей и водой 6 267 безземельных хозяйств, дана прирезка 9 184 малоземельным хозяйствам, урезаны излишки у 16 657 хозяйств, лишено земли 1 570 нетрудовых хозяйств[1]).

Президиум ЦИК Союза ССР в 1926 году в своем постановлении по докладу правительства ТССР указал на историческое значение такой земельно-водной реформы: «Особенно следует отметить проведенную земельно-водную реформу в Полторацком и в некоторых районах бывшего Мервского округа, что обусловило собой ликвидацию старых земельных отношений, выросших на основе родового деления и являвшихся тормозом к развитию сельского хозяйства и в то же время вынвило значительный бедняцкий актив, укрепило союз бедняцких и середняцких слоев аула и способствовало развитию производительных сил его[2]).

Далее ЦИК Союза ССР предложил правительству ТССР «продолжить работу по земельно-водной реформе, распространив ее»[3]). Несмотря на этот положительный опыт, националисты явно саботировали проведение земельно-водной реформы во многих районах республики и в Ташаузском округе. Они мотивировали это тем, что в Ташаузском округе имеется много свободных земель. Так, например, один из главарей националистов (Сахат Мурадов) в конце октября 1926 года писал руководителям Ташаузского округа, что говорит о земельно-водной реформе в Ташаузском округе совершенно не приходится, так как здесь не недостаток земли, а большой ее излишек[4]).

«Ишак учится у ишака[5] кушать нечистоты», — гласит туркменская пословица. По этой пословице поступил один из руководителей Ташаузского округа, который на III сессии ЦИК ТССР на вопрос «предполагается ли земельно-водная реформа в Ташаузском округе?» заявил: «Пока еще нет. У нас земли очень много, и на каждое хозяйство хватит по 100 танапов»[6]). Этот ответ показал, как мало понимали ташаузские руководители политическое значение реформы.

Ведь земельно-водная реформа проводилась не из-за недостатка земли. Обилие земли вовсе не отменяло необходимость проведения такого важнейшего революционного мероприятия, каким являлась земельно-водная реформа. В Марыйском и Полторацком округах, где была проведена реформа, было тоже огромное количество пустующих, безводных земель. Трудящимся дайханам нужна была не всякая земля, а земля с водой, с действующей ирригационной сетью. Однако, такого рода земель в то время в Ташаузском округе было мало. Недостаток воды ограничивал поле деятельности трудящихся, загонял бедноту в кабалу байской эксплоатации.

Величайшее значение земельно-водной реформы состояло в ее классовой сущности. Там, где она была проведена, она ликвидировала старые земельные отношения, подняла активность бедноты и батрачества, укрепила союз бедноты и середняков против байства. Именно политических результатов реформы не хотели буржуазные националисты, они старались избежать земельно-водной реформы для того, чтобы не обижать байство, не развязывать классовой борьбы в ауле.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 563, л. 6.
[2]) Там же, л. 3.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 563, л. 4.
[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 8, л. 106.
[5]) Ишак — осел.
[6]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 48.

Вот почему туркменские националисты, вопреки указаниям союзного ЦИК, не стали продолжать работу по проведению земельно-водной реформы даже в тех районах, где она уже была начата, не говоря уже о Ташауэе, Керках, Чарджоу и других районах республики. В отношении Ташаузского округа они обещали земельно-водную реформу компенсировать проведением широкого землеустройства, чтобы тем самым успокоить дайханство и общественное мнение, требовавших земельно-водной реформы.

Выше в табличке мы показали картину обеспеченности землей разных социальных групп населения округа. По данным на 1928 год, в округе насчитывалось 23 731 трудовое хозяйство[1]).

Если каждому хозяйству нужно было дать в среднем хотя бы 4 гектара (не говоря уже об установленной Наркомземом ТССР для Ташаузского округа норме в 6 гектаров на хозяйство)[2]), выходило, что общая потребность в поливной земле определялась в 94 924 гектара.

Перед националистическими руководителями округа и республики стоял вопрос: откуда взять такое количество поливной земли, не стесняя имеющихся в округе 1 250 нетрудовых хозяйств[3]).

Выход они искали в землеустройстве.

Мероприятия по землеустройству в Ташаузе начались в 1926 году. Тогда под землеустройством понимали переселение дайханских хозяйств с одного района в другой, из одного аула в другой и т. д. Было намечено к переселению 1 000 хозяйств.

Из этих 1 000 хозяйств сумели устроить осенью 1926 года лишь 350 хозяйств, переселив их из аула Измыкшир Тахтинского района в местность Кара-Парсан Ташаузского района, наделив их по норме 5 гектаров земли на хозяйство[4]). Остальные 650 хозяйств остались не устроенными. Дайхане, обедневши, попали в кабалу к баям.

Переселение 350 хозяйств тахтинцев являлось почти единственным «достижением» в истории землеустроительных мероприятий Ташаузского округа, и это признает окрисполком в своем отчете за 1928 год[5]).

Таким образом, туркменские контрреволюционные националисты срывали не только реформу, но и землеустройство в округе.

«В связи с непроведением земельно-водной реформы в округе, — читаем мы в отчетном докладе Ташаузского окрисполкома за 1928 год, — баи попрежнему владеют крупными участками земли, использовывая установившуюся мирную обстановку для укрепления своего экономического положения путем эксплоатации аульной бедноты»[6]).

Лишь колхозный строй положил конец экономическому господству баев и нищенству дайхан Ташаузского округа и всего Туркменистана.

УЛУЧШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ ДАЙХАНСТВА

Несмотря на противодействие врагов народа — буржуазных националистов, советская власть под руководством партии большевиков в 1925—1930 годы оказывала громадную помощь трудовому дайханству. Значительная часть бедноты и батрачества Ташаузского округа получила из свободного государственного земельного фонда бесплатную землю с поливной водой. Эти земли по отдельным батрацко-бедняцким

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 232.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 54, оп. 1, д. 614, л. 8.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 232.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 44.
[5]) Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1042, л. 225—226.
[6]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 111, л. 65.

хозяйствам распределялись обычно местным активом партии, союза кошчи, аульного Совета и т. д., с последующим оформлением через землеустроителей. Дайхане получили возможность бесплатно пользоваться государственными лесами и озерами для пастбищ, охоты, промысла, получения топлива[1]). Значительная часть бедноты, как мы указали выше, была освобождена от обязательного участия в натуроповинности (казу).

Дайхане, особенно беднота, переживали острую нужду в рабочем скоте и сельскохозяйственном инвентаре. Хотя Ташаузский округ по количеству лошадей и быков занимал первое место в республике[2]), трудовая часть дайханства имела очень мало скота, находившегося тогда преимущественно в руках эксплоататорских элементов.

В годы революции и гражданской войны, особенно в последующие годы басмачества, животноводческое хозяйство округа было сильно нарушено. К 1926 году в народном хозяйстве округа животноводство занимало незначительное место. Однако, благодаря соответствующим мероприятиям советской власти и в связи с реэмиграцией населения, количество рабочего скота по округу увеличилось с 376 461 головы в 1926—1927 г.г. до 526 623 головы в 1928 году[3]).

Ввиду недостатка рабочего скота у бедноты, советская власть из года в год все больше выделяла средств через сельскохозяйственный банк на приобретение бедняками и середняками рабочего скота. Кроме того, рабочий скот, полученный в виде трофеев во время борьбы с басмачеством, тоже раздавался беднякам через дайханское общество взаимопомощи. В отношении оказания помощи дайханству сельскохозяйственным инвентарем и механизации сельского хозяйства в те годы сделано немного. Отдаленность округа от железнодорожной линии затрудняла перевозку туда сельскохозяйственных машин. «В округе в настоящее время, — писала Комиссия по районированию округа в 1925 году — имеется 9 тракторов, и население относится к ним с большим интересом и просит высылки тракторов для вспашки»[4])

Эти тракторы использовались для бесплатной вспашки земли беднякам. К началу 1929 года в округе насчитывалось, помимо тракторов, 28 хлопковых сеялок, 23 культиватора, 42 бороны европейского образца, 33 плуга и 4 сеялки[5]).

Дайханству округа была оказана и значительная агрономическая помощь. Хотя в 1927 году Окрземотдел имел всего трех агрономов и несколько агропунктов[6]), но они сумели возглавить культурный поход по агротехническому просвещению дайханства. При ячейках союза кошчи, кооперации, при шерикетах и т. д. организовывались сельскохозяйственные кружки, показательные агроучастки, поля. Наряду с докладами, лекциями и беседами с дайханством о способах и технике поднятия урожайности посевов, демонстрировалось преимущество трактора, плуга и другого европейского сельскохозяйственного инвентаря.

Агрономы для трудящихся Ташаузского округа были такой же новостью, как и врачи. Особенно восхищались дайхане успешной борьбой советских агрономов с различными сельскохозяйственными вредителями, являвшимися бичом сельского хозяйства. Ежегодно происходило нашествие пешей азиатской саранчи («прус») из близлежащих к

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 112, л. 38.
[2]) Там же, д. 112, л. 38.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 16.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 885.
[5]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 112, л. 12.
[6]) Там же, ф. 1, д. 95, л. 17.

Куня-Ургенчскому району камышей, озер Кара-Куль и Кара-Терен[1]). Эта саранча в 1927 году уничтожила 500 гектаров, а в 1928 году повредила 1 000 гектаров посева куня-ургенчских дайхан[2]).

Другой вредитель «паутинистый клещик» в сентябре 1928 года охватил хлопковую площадь до 4 500 гектаров, уменьшив урожай, примерно, на 100—200 килограммов на гектар[3]).

Так называемый «люцерновый слоник» ежегодно поражал первый укос люцерны на 60—70% на площади до 3 500 гектаров[4]).

Борьбой с этими и другими сельскохозяйственными вредителями, умелой работой по внедрению научных основ в сельское хозяйство советская агрономия постепенно завоевывала себе авторитет, почет и уважение среди дайхан.

Дайханство в эти годы получило от советской власти громадную помощь через сельскохозяйственную кооперацию. Капиталы, вкладываемые в сельское хозяйство в порядке долгосрочных и краткосрочных ссуд специального назначения, служили большим стимулом для развития сельского хозяйства округа. Как мы указывали выше, в Ташауэском округе существовало 12 шерикетов, в которых уже в 1926 году было объединено около 5 000 дайханских хозяйств[5]).

Лишь с 1925 по 1929 год включительно всему туркменскому дайханству было выдано сельскохозяйственным банком ссуд на сумму свыше 1,7 миллиона рублей[6]).

Наиболее реальной помощью в деле поднятия бедняцкого хозяйства было создание специального бедняцкого фонда кредита с выдачей его на особо льготных условиях сроком до 5 лет[7]).

Дайханству, особенно бедноте, была оказана помощь снижением налога или же полным освобождением от него. В ханское время земледельцы платили хану «салгыт», а скотоводы «зекат». Налог был высок для трудовых дайхан. Салгыт на мюльковые — по 72 копейки с 1 танапа, а «биветены» — (бедняки — Г. Н.), сидевшие на вакуфах или мюльках, — по 1 тилля (3 рубля 60 копеек) за один танап[8]).

При Хорезмской Народной Республике в 1921—1924 годах дайхане платили тот же самый «салгыт» натурой в размере: с каждого танапа земли 20 фунтов пшеницы, 20 фунтов джугары и 20 снопов клевера. Вакуфы и мюльки были совсем или почти совсем освобождены от «салгыта»[9]).

При советской власти налоги имели совершенно другой характер. Так, например, сельскохозяйственный налог впервые введенный в 1925 году в районах Ташауэского округа, взамен ранее существовавших «салгыта» и «зеката», имел целью поднять сельское хозяйство и стимулировать классовое расслоение аула.

В 1925—1926 годах группа бедняцко-батрацких хозяйств с доходностью в 150 рублей была полностью освобождена от сельскохозяйственного налога[10]).

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 95, л. 39.
[2]) Там же, д. 112, л. 40.
[3]) Там же, д. 112, л. 40.
[4]) Там же, л. 42.
[5]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 6, л. 80.
[6]) Там же, д. 9, л. 17, см. также ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 3—4 и Архив ТФ ИМЭЛ, д. 112, л. 17—18.
[7]) Там же, д. 22, л. 51.
[8]) О. Шкапский. Аму-Дарьинские очерки (К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье). Ташкент, 1900 г., стр 12.
[9]) ИИКП Уз., д. 349, л. 249.
[10]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 44.

Основная тяжесть сельскохозяйственного налога была перенесена на нетрудовые хозяйства.

Однако, чиновничье, бюрократическое, отчасти прямо контрреволюционное, вредительское отношение со стороны отдельных лиц, желавших оттолкнуть дайханство от советской власти, привело к грубым извращениям советской налоговой политики. В 1926—1927 г.г. вся тяжесть сельскохозяйственного налога падала исключительно на маломощную часть дайханства[1]). Но это вредительское извращение классовой налоговой политики со стороны буржуазных националистов в следующем году было ликвидировано. Однако такое вредительство в некоторых местах продолжалось. Так, например, аул Бозоджи (Порсинского района) в 1927 году потерпел бедствие от наводнения. Окружные организации решили поэтому освободить от сельскохозяйственного налога пострадавшее население этого аула. Тем не менее председатель аулсовета Нури-Кара, сын бывшего родоначальника, активный пособник Джунаид-хана, по своему усмотрению взыскал причитавшийся с них сельскохозяйственный налог в свою пользу[2]).

Важнейшим моментом в проведении сельскохозяйственного налога являлся учет объектов налогового обложения. Байство жестоко сопротивлялось этому учету, дробило свои хозяйства в целях сокрытия объектов обложения. Извращение налоговой политики часто выражалось в неполном учете байско-эксплоататорских элементов, и наряду с этим, в привлечении к индивидуальному обложению трудовых середняцких хозяйств.

Однако же, несмотря на подобные искривления, классовая линия советской власти в налоговой политике, осуществлявшаяся под руководством партийных организаций и при активном участии аульного актива бедноты и батрачества, постепенно побеждала.

В 1928 году был осуществлен декрет союзного правительства о 35-процентном освобождении бедноты от сельскохозяйственного налога. В целях всемерного поощрения дайханства и расширения посевной площади новым законом в течение ряда лет освобождался от обложения весь прирост посевных площадей середняцких хозяйств. В целях содействия трудовому дайханству, дополнительные скидки (от 5 до 10%) с налога за проведение предусмотренных законом простейших агрокультурных мероприятий были предоставлены самым широким кругам, что стимулировало повышение урожайности и экономический рост бедняцких хозяйств[3]). Вся беднота округа в размере 30% хозяйств была полностью освобождена от налога[4]).

Таким образом законы о сельскохозяйственном налоге, изданные советской властью, обеспечивали все насущнейшие интересы трудового дайханства туркмен, узбеков, казахов и других национальностей Туркменистана и Хорезмского оазиса.

Благодаря неустанной заботе советского правительства и организаторской деятельности коммунистов, хозяйственное положение трудящихся Северного Туркменистана из года в год улучшалось.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 44.

[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 3, д. 812 (139), л. 72.

[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 103.

[4]) Там же, л. 102.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И КОММУНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Советская власть значительно улучшила снабжение дайханства Ташаузского округа промышленными изделиями через государственные и кооперативные торговые предприятия. В 1925—1930 годы в Ташаузском округе, как и во всех районах Советского Союза, шла ожесточеннейшая борьба между частнокапиталистической и государственно-кооперативной торговлей. В первые годы доля частной торговли преобладала. На территории Ташаузского округа, как мы указывали выше, насчитывалось до 9 крупных базаров, из которых 5 расположены были при каждом районном центре, а 4— в крупных населенных пунктах — Ак-Тепе, Гок-Чага, Кара-Илгын и Таза-Базар[1]). Каждый базар имел два торговых дня в неделю. Кроме ташаузского городского и нескольких других базаров, постоянно торгующих, все остальные базары пустовали внебазарные дни. По своим естественным и историческим условиям эти базары, являясь местом огромного сборища покупателей и продавцов, имели большое значение в обеспечении населения всеми видами товаров

До 1925 года вся или почти вся торговля находилась в руках частных предпринимателей, если не считать существовавшего в городе Ташаузе кооперативного общества «Пахарь», организованного в 1923 году Хорезмской Народной Республикой. Началом возникновения в округе подлинной советской социалистической государственной и кооперативной торговли следует считать период после национального размежевания (для первой с марта 1925 года и для второй с декабря 1925 года)[2]).

С ростом государственной и кооперативной сети уменьшалось количество частных предприятий. Частные предприятия в Ташаузском округе являлись предприятиями преимущественно мелкорозничными, приспособленными к обслуживанию всех дайханских потребностей. Число крупных розничников было невелико. Свое главное внимание частная торговля направляла на товары широкого потребления дайхан — чай, мануфактуру, кустарные изделия, бакалейные и мясные товары.

Вместе с ростом государственной и кооперативной торговли, происходил процесс отвоевывания позиций у частника, который, как это указывалось выше, в начальный период существования Советского Туркменистана был полным хозяином рынка.

Естественно, что развитие государственно-кооперативной торговли в Ташаузском округе было делом чрезвычайно трудным. Незнание условий местного рынка, тяжелые условия доставки грузов и ряд других объективных условий не мало тормозили развертывание государственной и кооперативной торговли.

Однако, несмотря на это, в результате деятельности государственных и кооперативных организаций уже в 1925—1926 г.г. роль их в общем товарообороте составляла 26,8%. Выявляя ассортимент местных товаров, потребность населения во всех прочих промышленных товарах, потребительская кооперация проводила активную работу по вовлечению населения в члены своей организации. Торговая сеть потребительской кооперации на 1 февраля 1927 года достигла 41 единицы и кооперированием было охвачено 57% хозяйств округа[3]). Это увеличе-

[1]) ЦГАОР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 41.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 41.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 51.

ние числа членов пайщиков вызывалось ростом экономической заинтересованности дайхан в кооперации. Кооперирование населения и налоговая политика советской власти из года в год вытесняли частный капитал, снижая его долю в торговле. 1927—1928 годы характеризуются увеличением завоза товаров в районы Ташаузского округа, расширением товаропроводящей сети, значительным вытеснением частного капитала из торгового оборота и увеличением удельного веса государственной и, в особенности, кооперативной торговли.

Если в 1926—1927 г.г. было завезено в округ товаров на сумму свыше 1,7 миллиона рублей, то в 1927/1928 г.г. — около 3,3 миллиона рублей[1]). Доминирующее место в завозе занимала группа наиболее ходовых товаров широкого дайханского потребления: мануфактура, чай, сахар, нефтепродукты.

В области торговли внимание партии и правительства было сосредоточено на снабжении населения промышленными товарами и на покупке у населения продуктов земледелия и скотоводства: хлопка, семян люцерны, хлеба, шерсти и кожи.

Ташаузский округ, как уже было сказано выше, являлся округом сельскохозяйственного производства. Сосредоточенные в округе промышленные предприятия представляли собой мелкие частные кустарные производства. Наиболее распространенными в округе кустарными промыслами являлись: ковроделие, прядение и ткачество (выделка маты — хлопчатобумажной ткани), пошивка халатов, выделка кожи, кузнечно-слесарные, гончарные, маслобойные, мельничные, мыловаренные и кирпичные производства, выработка туземного сельскохозяйственного инвентаря (арбы, чигири, сохи), выработка туземных кондитерских изделий, производство кошм, хорджумов, мешков, чекменов, веревок из шерсти и кендыря, производство чипты, бойры, чий из камыша, выжигание угля из саксаула и гребенщика и т. д.

К концу 1926 года в областном центре Ташаузе выросли государственные промышленные предприятия: хлопкоочистительный завод, электростанция, типография, мукомольная мельница, кирпичный завод[2]).

Окрисполком в своем отчетном докладе за 1927 год сообщал, что местная кустарная промышленность снабжала население обувными товарами на 80—90% потребности, верхним платьем (халаты) и головными уборами на 100% и сельскохозяйственными орудиями на 100%[3]). В одном городе Ташаузе находилось 22 кустарных мельничных предприятия (харазы) с годовой производительностью муки простого размола в 25 000 пудов[4]).Приблизительно такое же количество имелось в г. Ташаузе местных маслобоек, так называемых «джувазов».

Приведенные цифры говорят о значительном месте кустарной промышленности в экономике округа. Однако местные органы власти не уделяли должного внимания развитию кустарной промышленности, и она стала приходить в упадок. Ташаузский окружком партии в своем отчетном докладе за 1926 год указывал, что кустарная промышленность развита слабо и она предоставлена самой себе; почти полностью прекращено производство ковров[5]). Но в следующие годы, благодаря

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 111, л. 21.
[2]) ЦГАОР ТССР, оп. 1, д. 425, л. 40.
[3]) Там же, оп. 4, д. 66, л. 40.
[4]) Там же.
[5]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 6, л. 85.

успехам великой политики индустриализации страны, все виды и отрасли промышленности Ташаузского округа, как и во всем Туркменистане, вступили в стадию своего неуклонного роста и развития.

Благодаря советской власти стало изменяться лицо аулов и административных центров Северного Туркменистана. Начиная с 1925 года, получило широкое распространение в них строительство новых домов европейского типа. Уже в первые два года образования Ташаузского округа в составе Туркменской ССР были выстроены 8 новых школ, 4 общежития, здание совпартшколы, 2 амбулатории, 2 больницы, электростанция, 5 зданий ревкомов, крупное здание для окружных организаций, произведен капитальный ремонт 23 школ и прочее[1]).

В последующие годы это строительство получило еще большее развитие.

Таким образом мы видим, что благодаря постоянной заботе большевистской партии и советского правительства экономика и вместе с тем вся общественно-политическая и культурная жизнь Ташаузского округа, как и других районов Туркменской ССР, прогрессивно росла из года в год. Этот рост мог быть гораздо большим, если бы округ имел надлежащие пути сообщения и связь.

Первое почтово-телеграфное отделение в Ташаузском округе было открыто в марте 1925 года. В Ташауае, кроме почты и телеграфа, имелись еще радиостанция и телефонная станция, организованные здесь в 1926 году. Телеграфная связь поддерживалась с Ургенчем, Хивой и Турткулем, телефонная — с районами. Наиболее слабым местом транспорта было отсутствие железных дорог.

Ташаузский округ имел огромные площади плодородной земли, неиспользованной вследствие примитивности системы ирригации. Завоз машинной техники и строительных материалов для нужд коренной реконструкции ирригации дал бы возможность оросить эти новые земли и использовать их для хлопководства и других технических интенсивных культур. Но завоз этот не мог быть осуществлен из-за отсутствия железной дороги.

Экономический рост Туркменской ССР и, в частности, Ташаузского округа и Хорезмского округа Узбекской ССР, развертывание товарооборота, заготовок сельскохозяйственных продуктов, необходимость удешевления ввозимых строительных материалов и промтоваров — все это вызывает крайнюю необходимость установления железнодорожной связи этих округов с Ашхабадско-Ташкентской железнодорожной магистралью.

РОСТ КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Если в деле хозяйственно-экономического развития районов Северного Туркменистана советская власть в течение нескольких лет сделала столько, сколько не могли бы сделать ни один другой государственный строй в десятки и сотни лет, то работа Советов в области просвещения и оздоровления трудящихся этих районов была еще более грандиозной и величественной.

Да это и понятно. Для того, чтобы перестроить в короткий срок патриархально-феодальную страну в социалистическую, необходимо

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 71.

было прежде всего приобщить к современной культуре отсталых, неграмотных масс туркменских дайхан, находившихся до того в экономическом и идеологическом рабстве у байства и духовенства. Поэтому, наряду с хозяйственной помощью дайханству, просвещение населения явилось одним из главных условий победы советского строя.

Благодаря повседневной заботе большевистской партии и советского правительства, из года в год росла сеть советских школ в районах Ташаузского округа. В 1925—1926 учебном году по Ташаузскому округу насчитывалось 5 интернатов с 181 воспитанником, 3 городские начальные школы с 195 учениками[1]), 22 аульные начальные школы с 507 учениками[2]). В 1926—1927 учебном году к этой сети прибавилось 5 интернатов и 29 аульных школ с 939 учащимися[3]). В январе 1927 года в городе Ташаузе впервые открылся детский сад на 60 человек[4]). В 1929—1930 учебном году сеть аульных школ дошла до 89 единиц с числом учеников в 2 300 человек[5]).

По данным Ташаузского окрисполкома на 1926 год, процент неграмотных среди населения округа доходил до 98[6]). Крупнейшим партийно-советским мероприятием, в котором приняла участие вся общественность округа, был культурный поход по ликвидации неграмотности населения. Этим походом руководила Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Уже в 1925—1926 учебном году впервые было организовано 28 школ-ликбезов с 738 учащимися, а в 1926—1927 учебном году насчитывалось 32 ликбеза с 1 134 учащимися[7]). В 1929—30 учебном году количество школ ликбезов дошло до 100 с 2 202 учащимися[8]).

В деле развертывания в Ташаузском округе просветительной работы и углубления культурной революции в целом огромную роль сыграло практическое осуществление постановления, принятого в апреле 1929 года III съездом Советов ТССР о состоянии народного образования в республике и постановления, принятого в октябре того же года II сессией ЦИК ТССР «О полном переводе туркменской письменности на новый латинизированный алфавит и изъятии из употребления арабского алфавита».

Начальные школы Ташаузского округа охватывали детей всех национальностей. В 1926—27 году из числа 3 269 учеников туркмен было 50%, узбеков —35% и прочих —15%[9]). Бюро Ташаузского окружного комитета партии в своем постановлении от 28 июля 1929 года, как одно из достижений школ, отметило «улучшение социального состава учащихся за счет большего охвата детей батрачества и бедноты»[10]).

В 1925-26 учебном году среди учащихся начальных школ, а также среди учащихся школ ликбезов почти совершенно отсутствовали девочки и женщины. В 1926-27 учебном году, благодаря широкой агитационно-массовой работе партийно-советских органов и комсомола, было открыто несколько школ и ликбезов, были привлечены девочки в учеб-

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 429, л. 38.
[2]) Там же, л. 39.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 73.
[4]) Там же, л. 73.
[5]) Там же, д. 22, л. 342.
[6]) Там же, д. 9, л. 71.
[7]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 73.
[8]) Там же, д. 22, л. 342.
[9]) Там же, д. 9, л. 73.
[10]) Там же, д. 22, л. 173.

ные интернаты, открыт специальный женский интернат в городе Ташаузе[1]).

Следует отметить, как например, извращения хорошего начинания, то, что в 1926-27 учебном году отдельные руководящие работники районов Ташаузского округа привлекли в школы женщин коренного населения путем развода их с мужьями. Причем эти разводы часто вызывали новую перепродажу женщин. Эта антипартийная практика в свое время была обнаружена и решительно осуждена специальным указанием Центрального Комитета компартии Туркменистана[2]).

Темнота, невежество и предрассудки, разжигание усиленной антисоветской агитации духовенства и байства настолько еще были сильны, что население в первое время всячески уклонялось от отдачи детей, особенно девочек, в советские школы. В 1925-26 учебном году набор учащихся в школу производится в порядке разверстки по родовым группам населения. Имущие люди, вместо своих детей, отправляли в школы сирот, беспризорных детей или детей бедняков и батраков, коллективно покупая их у родственников.

Так, один из членов правительственной Комиссии, обследовавший в 1926 году Ташаузский округ, касаясь жизни воспитанников Куня-Ургенчского интерната, писал: «8 воспитанников-туркмен из числа 24— куплены. Каждое аксакальство по наряду должно было представить по 2 воспитанника. Но так как добровольно отдать детей никто не пожелал, то аксакальство, путем сбора с населения, произвело покупку детей от вдов и бедноты, выплачивая за каждого от 100 до 150 пудов пшеницы»[3]).

Так было лишь в первые годы строительства советской школы, то есть в 1925-26 году. А в дальнейшем уже дайхане сами стали просить, чтобы в их аулах открыли советские школы и охотно оказывали школам материальную и моральную поддержку.

Быстрому просвещению дайханства значительно способствовал рост сети политико-просветительных учреждений. В районных центрах были открыты красные чайханы с красными уголками и читальнями при них. Город Ташауз стал не только административным, но промышленным и культурным центром всего округа. Здесь был выстроен большой клуб, городская библиотека, дом дайхана и т. д.[4]).

Красные чайханы в районах являлись центром культурно-просветительной работы. При них организовывались вечерние школы по ликвидации неграмотности, проводились лекции и доклады на различные научные и политические темы и т. д. В базарные дни сюда заходили дайхане с просьбой написать нужное заявление, получить консультацию по медицине, юридическим вопросам.

Эти формы культурно-просветительной работы несомненно играли значительную роль в деле просвещения трудящихся округа. Одним из существенных недостатков как школ, так и политпросветучреждений являлась недостаточная их обеспеченность хозяйственным инвентарем и учебно-методическим пособием.

Главной причиной этого являлась отдаленность округа, отсутствие

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 22, л. 6.

[2]) Там же, д. 8, л. 46.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 67, л. 26.

[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 39.

железной дороги. Но просвещение в Ташаузском округе тормозилось также отсутствием подготовленных кадров народного образования, в особенности учительского персонала. Имевшиеся в аульных школах преподаватели в значительной части были сами культурно-отсталыми и политически малограмотными людьми. Поэтому, воспитание и политическая подготовка аульного учителя для округа играли исключительное значение, так как аульный учитель должен был стать, наряду с аулсоветом, одним из главных проводников советских принципов.

На 1 июня 1926 года округ имел всего 37 учителей следующих национальностей: татар 15, туркмен 13, узбеков 7, казахов 1 и европейцев 1[1]).

В 1927 году общее количество учителей по округу увеличилось за счет курсов переподготовки до 57 человек, в том числе по национальности: туркмен 21, узбеков 18, татар 12, казахов 3, башкир 3; по образованию: со средним мусульманским 8 человек, низшим 14, малограмотных 35[2]).

Оценивая педагогические и общественно-политические качества этих учителей, правительственная Комиссия в 1928 году отмечала пассивность учительского состава к вопросам общественной жизни в то время, как учитель в районе и ауле, являясь почти единственным культурным работником, должен был вести работу вне стен школы и не только по вопросам своей непосредственной работы, но и по другим вопросам общественной жизни своего района[3]).

Партийно-советские организации округа всерьез взялись за подготовку учительских кадров. Весной 1926 года в городе Ташаузе была открыта совпартшкола на 60 человек[4]). Кроме того были отправлены в учебные заведения Ашхабада, Чарджоу и Ташкента 111 человек, из них 11женщин[5]).

Несмотря на наличие больших недостатков, советская школа в Ташаузском округе из года в год крепла и росла, завоевывая авторитет среди дайханства, но росту советской школы всячески препятствовали байство и духовенство. Они распространяли клевету на советскую школу и преследовали советских учителей-активистов, стараясь помешать делу просвещения населения. Самым серьезным оружием байства и духовенства в борьбе против распространения среди населения науки и просвещения являлись старометодные (духовные) школы — мектебы и медрессе.

В 1925 году таких мектебов в округе насчитывалось 150 и в 1926 году по одним данным 153 и другим 183[6]). Некоторое увеличение числа старометодных школ в 1926 году по сравнению с 1925 годом явилось следствием контрреволюционной политики буржуазных националистов.

Несмотря на противодействие националистов, с ростом советской школы, значительно увеличивалась в них численность учащихся и вместе с тем сокращалась в старометодных школах. Духовные школы уже не пользовались таким авторитетом, каким они пользовались досоветской власти, и постепенно, под ударом советской школы, начинали отмирать.

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 560, л. 106.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 75.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 1042, л. 211.
[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 76.
[5]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 75.
[6]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 428, л. 50.

Дайхане горячо любили советскую школу за то, что она открывала их детям путь к новой, лучшей жизни и они требовали открытия новых и новых школ.

О том, что трудовое дайханство Северного Туркменистана искренне любило советскую школу и хотело ее быстрейшего развития, свидетельствует активность дайхан на собраниях аулсоветов, на съездах и конференциях, где они выступали с критикой недостатков в работе местных органов власти по вопросам школьного строительства. «Когда наши окружные работники выезжали в районы, — говорил один из ташаузских работников на III сессии ЦИК ТССР в 1926 году, — то слышали от дайхан массовые заявления о том, что если мы не в состоянии построить школу, то они сами построят за свой счет: надо им, мол, дать только разрешение и нашего учителя. Затем имеются почти от каждого района просьбы о создании школ для девочек»[1]).

В 1928 году Ташаузский окружной комитет партии также отмечал, что советская школа в округе еще молодая и не имеет за собой достаточного опыта педагогической работы, но она сумела завоевать положение и авторитет среди дайханских масс, что подтверждается наличием тяги к учебе, главным образом среди батрацко-бедняцких и середняцких слоев аула, стихийным строительством школьных зданий за счет населения и усилением заявок со стороны последнего на организацию новых школ.

«Если в 1924 году и в начале 1925 года, — писал Ташаузский окрисполком в своем отчете за 1928 год, — приходилось вербовать учеников при посредстве разверстки по определенным родам, то в прошлом учебном году в этом не было необходимости: население на дело просвещения стало смотреть с особым интересом, посылая своих детей в школу добровольно. Его наилучшее отношение к советской школе подтверждается и тем, что мы имеем заявки об открытии школ сверх сети, в частности, от двух районов поступили заявки об открытии школ для девочек»[2]).

В итоге этой большой работы трудящиеся массы Северного Туркменистана за короткий срок существования советской власти, благодаря повседневной заботе партии и союзного правительства, заметно продвинулись вперед в деле просвещения и культуры. Однако нельзя не отметить, что враждебные советской власти элементы, сидевшие в то время во главе Наркомпроса республики (как, например, буржуазный националист-пантюркист Перенглиев), Ташаузского окружного отдела народного образования, который руководил Сапарвекиль-Агаев — буржуазный националист, бывший активный участник банды Джунаид-хана, значительно повредили росту культуры и просвещения трудящихся.

Характерным явлением для всей Туркменской республики было проявление руководителями Наркомпроса или местного отдела народного образования так называемого «местничества». Эти люди использовали свое служебное положение прежде всего в интересах того округа, того района, откуда они сами происходили, в ущерб интересам других округов и районов. Эта система, являвшаяся известным пережитком родового отношения, поощрялась буржуазными националистами[3]).

Но, несмотря на противодействие врагов народа, просвещение тру-

[1]) ЦГАОР, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 61.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 73.
[3]) Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1042, л. 210—211.

цящихся Ташаузского округа и всего Туркменистана под руководством партии большевиков развивалось из года в год.

Общественно-воспитательное значение имела и повседневная работа органов советской юстиции. С советизацией Ташаузского округа постепенно укреплялись и судебно-следственные органы. Еще назиратом юстиции Хорезмской советской республики был организован 1 мая 1924 года в Ташаузе областной советской суд.

Одновременно с ним существовал другой судебный институт — казийские суды, разбиравшие исключительно гражданские дела и выполнявшие нотариальные функции. Касационной инстанцией для них являлся высший казий (председатель коллегии казиев), находившийся в Хиве. Ташаузский окружной суд и окружная прокуратура были созданы в январе 1926 года[1]). Новым органам советской юстиции предстояла трудная задача: надо было реорганизовать судебную систему, создать следственный аппарат, осуществить прокурорский надзор за революционной законностью в округе. Одновременно необходимо было считаться с существующим институтом казийских судов, подчинить их своему контролю, доказать населению преимущество советского суда. После национального размежевания прекратило свое действие положение о казийских судах. Правительство Туркменской ССР нового положения о казийских судах не издавало и формально казийские суды вышли из системы судебных учреждений. Но в действительности они продолжали существовать и разрешать гражданские дела населения, подчиняясь попрежнему высшему казию в Хиве. Несмотря на попытки окрсуда подчинить их своему контролю, казийские суды всячески избегали общения с советским судом.

Из докладов председателя окрсуда в Наркомате юстиции видно, что окрсуд, обследовав положение казийских судов, пришел к заключению, что в Ташаузском округе авторитетом они не пользуются и широкая масса населения относится к ним отрицательно. Это было вполне естественным явлением в Ташаузском округе, где духовенство не имело решающего влияния и где население, состоящее главным образом из туркмен, привыкло разрешать свои споры через родовых старшин и аксакалов. Еще в большей степени влияло на отсутствие достаточного авторитета у казиев сохранившийся у туркмен родовой быт во главе с родовым вождем, решавшим все спорные вопросы и имевшим больший авторитет, чем присланный из Хивы казий.

С развитием советского строительства в округе и в особенности с учреждением низового судебного аппарата казийские суды к концу 1925 года находились накануне окончательного распада. Этому в особенности содействовало то, что решения казийских судов не имели никакой законной силы.

Благодаря социально-экономическим мероприятиям советской власти, благодаря широкой политико-воспитательной работе партийных, комсомольских и других общественных организаций преступность в округе значительно уменшилась[2]). Особенно уменшились бытовые преступления (калым, многоженство, выдача малолетних замуж). Население было удивлено тем, что советская власть даже в местах заключения занималась ликвидацией неграмотности, что попавший в исправдом неграмотным преступник выходил оттуда грамотным и сознательным человеком.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 90.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 111, л. 50.

В результате культурно-воспитательной работы партии и органов советской власти, благодаря улучшению экономического положения масс изменялся и внешний облик трудящихся Северного Туркменистана. Молодежь (прежде всего, мужчины) быстро усвоила привычку носить европейскую одежду. У многих туркмен и узбеков исчезли лохматые бороды; большие, тяжелые стародедовские папахи заменялись европейским головным убором. Изменился и домашний быт. Рядом со старой кочевой кибиткой появились дома из глины или из кирпича со светлыми окнами, с железной печкой. Среди домашней утвари у многих туркмен теперь можно было видеть железную кровать, ученический стол со стулом, туалетное мыло и зубной порошок со щеткой. Нередким явлением стали дайхане, читающие газеты или журналы.

Это новое постепенно, изо дня в день, из года в год, все шире проникало в быт трудящихся Ташаузского округа.

Особенно большим успехом стала пользоваться советская медицина. Медицинская помощь населению впервые была организована в Ташаузском округе в июле 1924 года, когда Хивинский здравотдел открыл врачебно-амбулаторный пункт в городе Ташаузе. Первоначально больные, из-за отсутствия помещения, принимались в местном военном приемном покое военным медперсоналом.

Лишь в феврале 1925 года прибыл из Хивы и начал работать гражданский медицинский персонал: два врача и одна фельдшерица-акушерка. Тогда же была открыта аптека. Резко увеличилось число посещений амбулаторий[1]). Контингент больных был исключительно из коренного населения, главным образом из прилегающих кишлаков, но в дни базаров больные часто приезжали за 40—50 верст. Женщины также охотно посещали амбулаторию, как и мужчины.

В марте 1925 года были открыты: больница — в Ташаузе и 3 фельдшерских пункта —в Тахте, Порсы и Куня-Ургенче[2]). Позже был открыт фельдшерский пункт в Ильялах. Таким образом, в округе на 1 октября 1925 года были: больница на 35 коек с амбулаторией, лечебно-обследовательский отряд с 3 врачами и 4 фельдшерских пункта[3]).

До мая 1925 года в округе не существовало никаких ветеринарных учреждений. Ветеринарное дело находилось в руках знахарей. В июне 1925 года было открыто 3 ветеринарных пункта, из них один врачебный в Ташаузе, один фельдшерский в Тахте и другой в Куня-Ургенче[4]).

В начале 1926 года сеть лечебных учреждений расширилась открытием кожно-венерического диспансера, детской консультации и малярийной станции. Участковые фельдшерские пункты были реорганизованы во врачебные. В марте 1926 года в Ташаузе были открыты детские ясли на 15 детей и в Ильялах больница на 10 коек[5]). По мере расширения лечебной сети увеличивался и медицинский персонал. Главными социальными болезнями населения округа были: сифилис, малярия, трахома и оспа.

Из года в год росло число амбулаторных посещений. Правительственная Комиссия по обследованию Ташаузского округа еще в 1926 году писала, что уже отпадает вопрос о привлечении населения к медицинским пунктам: теперь надо говорить и думать, чтобы удовлетворить нужды

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 78.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же, л. 68.
[5]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 78.

охотно идущего населения, чтобы углубиться в дальние аулы, чтобы совершенно покончить с уже отживающим свой век табибством, к которому население прибегает только в крайних случаях. Во всяком случае, можно определенно сказать, что работа Окрздравотдела и его филиалов на местах всюду идет вполне успешно[1]).

Вполне естественно, что советская медицина на пути своего развития в районах Северного Туркменистана встречала бешеное сопротивление табибства, духовенства и байства. Усиление медицинской помощи населению, рост авторитета советской больницы и врачей среди коренного населения начинали ощутимо бить по исконному влиянию духовенства.

Правительственная Комиссия, посетившая округ в 1928 году, отмечала, что отношение населения к лечебным учреждениям прекрасное, точно так же, как и к медицинским работникам. Население охотно идет за помощью и вполне доверчиво относится ко всем проводимым мероприятиям. Авторитет медработников у населения высок[2]).

Все эти огромные изменения в жизни и в быту увеличивали рост народонаселения округа как за счет рождаемости, так и за счет снижения смертности. За пятилетие (с 1924-25 по 1929-30 г.г.) население округа увеличилось с 124 700 до 157 100 человек. Ежегодный прирост населения превышал 5%[3]).

Таким образом мы видим, что благодаря последовательному осуществлению национальной политики партии большевиков и неустанной заботе и помощи союзного правительства даже такие отдаленные, глухие и в прошлом чрезвычайно отсталые районы Туркменской ССР, как районы Ташаузского округа, вступали на путь социалистического развития, быстро росли и развивались вместе с ростом всей страны Советов.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 560, л. 104—105.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 1042, л. 230.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 9, л. 9.

Глава XIII

РАЗГРОМ БАСМАЧЕСКОЙ БАНДЫ ДЖУНАИД-ХАНА В 1927—1928 ГОДАХ

Байское басмачество в Средней Азии уже в 1922—1923 годах, а в Хорезме в 1924 году потерпело полное военное и идейное поражение. Со второй половины 1924 года басмачество выродилось в сравнительно мелкие банды, совершавшие грабеж и террористические акты в отдельных местах. В связи с последовательно проводимыми советской властью великими реформами в Средней Азии стала исчезать социальная база басмачества.

Но особенность Туркменской ССР в целом и районов Северного Туркменистана в частности, заключалось в том, что в силу ряда причин здесь еще долгое время существовал постоянный очаг басмаческого движения во главе с Джунаид-ханом, скрывшимся от преследования в дальнем углу пустыни Кара-Кум и восстановившим там свою опорную базу, откуда он продолжал делать набеги на хозяйства дайхан.

На 1 января 1925 года на территории Ташаузского округа с прилегающей к нему зоной песков Кара-Кумов оперировало 14 бандитских отрядов, в которых насчитывалось около 300 всадников. Самыми крупными из них являлись: шайки Джунаид-хана, Дурды-Клыча, Таган-Кора, объединенная шайка Дурды-бая и Берды-Мурада (в районе Ербента) и шайка Ораз-Клыч-муллы (в районе Казанджика)[1]).

Ядром и центром байского басмаческого движения, придававшим ему политический характер, являлась шайка Джунаид-хана.

Но кроме басмаческих шаек, носивших политический характер, на территории Ташаузского округа в 1925—1926 г г. был развит и обыкновенный уголовный бандитизм, подкреплявший басмачей и являвшийся для них своеобразным резервом. В отличие от политических басмаческих шаек, укрывавшихся в песках Кара-Кумов, бандиты-разбойники занимались разбоем в культурной полосе на глазах у всех. Организаторами этого вида бандитизма являлись такие крупные феодальные родоначальники, как Гулам Али-хан в Тахтинском районе, Ягши-Гельди-бек в Куня-Ургенчском районе и Анна-бала (или Анна-бай) в Ильялинском районе. Ликвидация этих элементов была насущной задачей. Не ликвидировав внутреннего бандитизма, и его организаторов, невозможно было вести успешную борьбу с политическим басмачеством Джунаид-Хана.

Гулам Али-хан, после январского контрреволюционного мятежа 1924 года избрал себе постоянное местожительство в ауле Измыкшир Тахтинского района. Отказавшись внешне от политической деятельности, он построил себе обширную крепость туземного типа с бойницами

[1]) ЦГАОР ТССР, д. 48-б (103), л. 47—50.

и силами дайхан обрабатывал около 100 гектаров земли. Пользуясь огромным влиянием, он фактически управлял делами Измыкширского шерикета. Своего приближенного Кака-бахши он посадил председателем Тахтинского районного ревкома, другой его помощник — Мередев стал начальником рабоче-дайханской милиции того же района.

Сам Гулам Али-хан, внешне маскируясь под «мирного дайхана», организовал в соседнем ауле Бишикгыр бандитскую шайку в составе от 30 до 80 всадников, во главе которой стал известный с 1919 года крупный джунаидский бандит Таган-Кор Юзбаши оглы. Эта шайка занималась грабежом мирного населения и торговых караванов. Львиную долю из своей добычи она отдавала Гулам-Али-хану в виде «яшулыпаий» (доля старейшины[1]).

Так, 9 января 1925 года шайка Таган-Кора организовала налет на группу дайхан-дроводозов Дарган-Атинского района и отняла у них 30 верблюдов, из которых 3 получил Гулам Али-хан[2]). На обратном пути эта шайка ограбила торговый караван узбеков и текинцев, ехавших из Мары в Хиву. У них разбойники отняли 40 верблюдов и 30 ишаков, нагруженных зеленым чаем и другими промышленными изделиями. Гулам Али-хан получил из добычи 10 пудов чая[3]).

Гулам Али-хан так же, как и другие «мирные» родоначальники, держал тесную связь с Джунаид-ханом и помогал в снабжении его басмаческого лагеря всем необходимым. Пользуясь связью с государственными органами, Гулам Али-хан регулярно осведомлял Джунаид-хана о намерениях и планах органов советской власти.

Преступная деятельность Гулам Али-хана, конечно была известна органам власти округа и республики. Но Гулам Али-хан имел сильных покровителей в лице буржуазных националистов и продолжал двурушничать. 12 мая 1925 года Таган-Кор с отрядом в 25 всадников в песках Кара-Кумов, на караванной дороге у колодца Палчиклы ограбил торговый караван из Ашхабадской области. Караванщики оказали разбойникам вооруженное сопротивление; бандиты убили и ранили несколько человек из караванщиков и захватили у них 50 верблюдов, 150 пудов чая, 15 трехлинейных винтовок, около 150 кип мануфактуры и около 1 000 голов баранов[4]). Из этой добычи Гулам-Али получил 20 пудов чая, 20 верблюдов и несколько кип мануфактуры[5]).

После этого грабежа Таган-Кор вместе с 8 видными его бандитами был арестован и советским судом приговорен к расстрелу. При этом Гулам Али-хан не был даже арестован и уехал в Ашхабад, чтобы жаловаться на «притеснения» его со стороны местных органов власти. Но там он в ашхабадском пригородном ауле Кипчак 20 июня 1925 года был убит родственниками тех караванщиков-купцов, которые были ограблены шайкой Таган-Кора 15 мая у колодца Палчиклы. Убийцы были арестованы в Ашхабаде и осуждены судом; на суде они заявили, что они убили Гулам-Али хана в порядке туркменского адата (кровной мести) за то, что его люди-разбойники убили их родственников.

Получив весть об убийстве влиятельного реакционного феодала, партийно-советские органы Ташаузского округа немедленно устно и печатно разъяснили населению обстоятельства гибели Гулам Али-хана.

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 38, л. 7.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же, д. 38, л. 7.
[5]) Там же.

Однако феодально-байская верхушка и духовенство Ташаузского округа, по директиве Джунаид-хана, не замедлили использовать гибель Гулам Али-хана для широкой антисоветской провокации. Басмачи и их пособники призывали население к «всеобщему восстанию против неверных большевиков».

В связи с убийством Гулам Али-хана главари буржуазных националистов ожидали «всеобщего восстания» ташаузских туркмен, или, по крайней мере, выступления иомудского рода ак-салак, видным родоначальником которого был Гулам Али-хан. Не случайным является и тот факт, что на следующий день после получения известия о гибели Гулам Али-хана, в его аул Измыкшир был выслан отряд войск, прибывший в аул в тот момент, когда там происходил митинг по поводу гибели Гулам Али-хана. Увидев вооруженный отряд, 6 человек ближайших родственников Гулама, предположив, что их собираются арестовать побежали в сторону песков. В результате паники из аула убежало в пески до 90 человек[1]).

Посылка вооруженного отряда, носившая явно провокационный характер и происшедшие в связи с этим события дали повод врагам советской власти для бешеной контрреволюционной агитации. Это событие использовал также и Якши-Гельди-бек.

Якши-Гельди-бек — сын ханского мохердара иомудского рода кара-салаков Сеид-Гельди-бека, старший двоюродный брат Гочмамед-хана, с весны переселился в местность Казахер Куня-Ургенчского района и силами дайхан построил себе крепость еще более мощную, чем у Гулам Али-хана, приспособив ее для обороны и активных военных действий. К 1925 году Якши-Гельди-бек стал самым крупным феодалом в Ташаузском округе. Им непосредственно эксплоатировались около 1 000 хозяйств дайхан, принадлежавших к иомудскому роду кара-салак, ак-салак, кара-окуз и ак-окуз, возглавлявшимися мелкими родоначальниками — Кероглы-окуз, Мадреим-овнук, Овшик-Карабелем, Гульджан-максум, Сапар-гуджик, Мырат-чакан, Ибрагим-ковлы и другими[2]).

Якши-Гельди-бек постоянно имел при себе 3 отряда личной охраны по 40—50 всадников в каждом, которыми командовали: его младший брат Палта-бек, его приемный сын Шалтай-батыр и его телохранитель Мерет-Дяли[3]). Все его люди и окружавшее его население были вооружены винтовками. Якши-Гельди сам лично имел: 13 винтовок, 3 нагана, 19 лошадей-скакунов, 7 рабочих лошадей, 3 лошади-иноходца, 6 пар быков, 200 верблюдов, 4 000 голов баранов[4]).

Одним из основных источников богатства Якши-Гельди-бека, кроме жестокой эксплоатации дайхан, был бандитизм, постоянный вооруженный грабеж казахов и кара-калпаков, населявших соседний с Куня-Ургенчским районы — Кунград и Ходжейли. Характеризуя преступную деятельность Якши-Гельди-бека и других крупных феодалов — родовых вождей в 1925 году, партийные работники, внимательно наблюдавшие за изменениями в жизни населения округа, писали, что «сдвиг населения в сторону откола от вождей несомненен, население меньше их боится и все чаще обращается к местному аппарату с просьбами и жалобами, даже на вождей. В связи с укреплением дайханского хозяйства, вызванного экономическими мероприятиями советской власти и

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 79, л. 440.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 76, л. 438.
[3]) Там же, л. 438.
[4]) Там же.

созданием и укреплением на местах органов управления, родовые вожди утратили почти всякое влияние над мирным населением. Вокруг вождей ныне группируется преступный элемент, совершивший ряд уголовных преступлений. Эта группировка систематическими насилиями над дайханами еще больше оттолкнула население от вождей. Таким образом вождь родового быта, в руках которого была в свое время вся власть как экономическая, так и политическая, превращается в объединителя группы бандитов, то есть в старшего бандита»[1]).

Это вполне подтверждает бандитская практика таких родовых вождей, как Якши-Гельди-бек.

В середине марта 1925 года старший всадник Якши-Гельди-бека — Мерет-Дяли попросил у Якши-Гельди разрешения выехать на ограбление. Якши-Гельди приказал ему ограбить степных казахов и часть награбленного отдать ему, как старшему в племени. Шайка под командой Мерет-Дяли выехала в западную сторону Кунграда, в местность Кара-Кум, где встретили верблюдов, груженых солью, при которых было 40 человек казахов, 30 человек были на ишаках, а остальные на верблюдах. Всего было 80 верблюдов, груженых солью. Караван с солью заметил приближавшихся басмачей и завязал перестрелку с последними. В караване было только 3 винтовки.

При перестрелке было убито 12 человек караванщиков, а из шайки был убит сам Мерет-Дяли. После перестрелки шайка Мерет-Дяли забрала все награбленное и направилась к селению Якши-Гельди. Якши-Гельди приказал верблюдов и ишаков отправить в Кумыш-Тепе (на реке Атрек, в Северном Иране) для обмена на чай и товары, а привезенные товары поделить между собой. В половине марта были отправлены в Кумыш-Тепе 80 верблюдов и 30 ишаков с 10 всадниками[2]).

Можно привести десятки документов, рассказывающих о том, как Якши-Гельди-бек своими грабежами и насилиями разорял население соседних с Куня-Ургенчем районов.

Но Якши-Гельди проявлял не меньше зверств и по отношению к собственному подвластному ему населению, даже к своим сородичам-дайханам. Ташаузский окружной комитет КП(б)Т сообщал, что Якши-Гельди удалось захватить в свои руки все бывшие ханские земли, лежавшие на озерах севернее и западнее Куня-Ургенчского района. Эти земли он раздавал в обработку своему населению за колоссальную оплату (кесим), доходящую часть до $^1/_3$ и $^1/_2$ урожая дайхана. Население негодовало против такого положения. Якши-Гельди стремился укротить недовольство репрессиями. Неповиновавшихся заковывали в цепи и подвергали телесным наказаниям[3]).

Очевидцы рассказывают: однажды Якши-Гельди заставил скотовода-середняка обменять 40 голов овец на 40 батманов пшеницы и отдать эту пшеницу ему, как штраф за то, что 50 голов овец этого скотовода, заблудившись, перепрыгнули через арык Якши-Гельди и этим насыпали на дно арыка немного песку. Бедняга скотовод возвратился во-свояси лишь с 10-ю овцами. Столь жестоким был этот типичный туркменский феодал-грабитель.

Часть населения Куня-Ургенчского района спасалась бегством от гнета Якши-Гельди-бека. «В период владычества Якши-Гельди с его угнетательско-басмаческой политикой из Куня-Ургенчского района, — писал Куня-Ургенчский ревком, — происходило весьма интенсивное пе-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 410, л. 194.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 3, л. 12.
[3]) Там же, д. 6, л. 119.

реселение туркмен в Атрекский, Тедженский, Ашхабадский и другие районы. Общее число переселившихся доходило до двух тысяч хозяйств»[1]).

Другая часть населения упорно требовала от советской власти обуздать все усиливающийся произвол Якши-Гельди-бека. Окружная власть неоднократно предупреждала бандитствующего феодала о необходимости изменения отношения к населению и прекращения грабежей казахов и кара-калпаков.

Но Якши-Гельди-бек, пользуясь покровительством буржуазных националистов, находившихся у руководства республикой, не подчинялся местной власти и продолжал давить на население, все более увеличивая численность своих вооруженных джигитов и усиливая свою охрану. Под конец, этот феодал стал открыто противопоставлять себя советской власти. Он откровенно и всерьез говорил в кругу феодально-ишанской верхушки о своем намерении установить свою ханскую власть над хивинскими туркменами. Он говорил, что «не пойдет по пути Гочмамед-хана, которого он считает кафыром, служившим большевикам»[2]).

О том, что Якши-Гельди всерьез предполагал свергнуть советскую власть, заменить ее своей феодальной властью, по крайней мере в районе Куня-Ургенча, говорит ряд документов.

Как видно из документов и рассказов старожил, при Якши-Гельди-беке в Куня-Ургенчском районе фактически существовало двоевластие: власть Советов и феодально-ханская власть Якши-Гельди-бека.

«Приходится отметить, — пишет Куня-Ургенчский ревком в августе 1925 года, — вызывающее поведение Якши-Гельди-бека по отношению районной власти Куня-Ургенча. Это вызывающее поведение выразилось в изгнании приехавших к нему милиционеров и во взимании с дайханства налогов»[3]).

Нечего и говорить о том, что на вызов районных судебно-следственных органов Якши-Гельди обычно отвечал: «Если я вам нужен, то приходите сами».

Но правящие главари буржуазных националистов не могли дальше сопротивляться напору дайхан и общественного мнения, требовавших принять меры по отношению к Якши-Гельди. Тогда они решили «удалить» Якши-Гельди таким провокационным путем, которым можно было бы вызвать ожидаемое ими «всеобщее антисоветское восстание» номудов[4]).

Для этой цели 12 сентября 1925 года из Ташауза и Ходжейли было отправлено два отряда красноармейцев 83-го кавполка для ареста Якши-Гельди. В боевой схватке с прибывшим отрядом красноармейцев Якши-Гельди был смертельно ранен[5]). Мелкие родоначальники и до 70 джигитов Якши-Гельди-бека во главе с Шалтай-батыром на следующий день ушли в пески и присоединились к басмаческим шайкам Джунаид-хана[6]).

Об отношении дайханской массы к этому событию командование 83-го кавполка сообщало, что «из тысячного вооруженного населения, подчиненного Якши-Гельди, принимало участие в бою всего до сотни человек — достаточно ярко говорит за крайне малую готовность дайханства жертвовать своими жизнями в интересах вождей...

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 109, л. 23—24.
[2]) Из рассказов очевидцев.
[3]) ЦГА ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 410, л. 194.
[4]) ЦГА ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 79, л. 439.
[5]) Там же.
[6]) Там же.

После ликвидации Якши-Гельди, мы видим, что иомуды, даже близкие к Якши-Гельди, вначале, в ожидании репрессий бежавшие из своих кишлаков, возвратились на свои места, кроме группы разбойников во главе с Шалтай-батыром. Вообще смерть Якши-Гельди не только не вызвала всеобщего восстания, как думали некоторые, но лишний раз показала, что авторитет вождей безнадежно пал»[1]).

Но если трудовые дайхане, естественно, не отозвались на смерть Якши-Гельди, то такие родовые вожди-феодалы, как Анна-Бала и другие, сделали для себя соответствующие выводы.

Анна-бала (или Анна-бай) — сын ханского мохердара племени емрели, рода берди-ходжи, из аула Караходжа Ильялинского района, являлся крупным мюлькдаром и торговцем-скупщиком. Он вел обширную торговлю. В 1925 году он арендовал за 40 000 рублей все базары Ташаузского округа[2]).

В своей политической ориентации Анна-бала придерживался стороны Джунаид-хана. Имея в своем распоряжении от 30 до 40 всадников-нокеров, Анна-бала, вплоть до 1924 года, активно участвовал во всех бандитских выступлениях Джунаид-хана. После разгрома Джунаида в 1924 году Анна-бала становится «мирным гражданином». Но он так же, как и Гулам-Али и Якши-Гельди, продолжал заниматься бандитизмом и держал тесную связь с Джунаид-ханом. На следующий день после смерти Якши-Гельди-бека, боясь репрессий со стороны советской власти, Анна-бала с 15—20 джигитами ушел в пески к бандам Джунаид-хана[3]).

Так постепенно пополнялись ряды басмачей, что и входило в планы туркменских буржуазных националистов.

В 1926 году, в связи с уходом в банды Джунаид-хана новой группы родоначальников во главе с Ахмед-беком, политическое положение в Ташаузском округе стало напряженным.

Ахмед-бек, проживавший в ауле Коне-Кала, местности Темеч Тахтинского района, был сыном крупного феодала Кияс-бая и являлся старшиной колена бара, рода ушак иомудского племени. Он имел более 100 гектаров поливной земли, 5 000 голов мелкого рогатого скота, 20 коней-скакунов. Как и другие феодалы, он жил в собственной крепости.

Ахмед-бек был старым сподвижником Джунаид-хана. После поражения Джунаида в 1924 году он, как и другие родоначальники, превратился в «мирного гражданина», продолжая заниматься бандитизмом и держать с Джунаидом тесную связь. Дайхане неоднократно требовали его ареста, так как он терроризировал все окрестное население. Но буржуазные националисты его не арестовали, а помогли ему уйти к басмачам.

В 1925—1926 годах в Ташаузском округе в тесном контакте с туркменскими басмачами действовали также банды из среды узбеков. Одну такую узбекскую банду возглавлял Садулла-бала, сын крупного бая и ханского аксакала из кишлака Яны-Арык Хивинского района, другую банду возглавлял крупный бай из кишлака Беш-Эйвен Хивинского района Ага-бала. Оба они в 1924 году были активными участниками январского антисоветского выступления узбекских баев.

Среди банд узбекских баев зверством отличалась шайка, возглавляемая баем Розмет Пальван Аллабергеновым, происходившим из

[1]) ЦГАОР, ф. 2, оп. 1, д. 77, л. 440—441.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 2. оп. 1, д. 440, л. 193.
[3]) Там же, оп. 1, д. 79, л. 440.

кишлака Кибла-Карамазы Ильялинского района. Эта шайка постоянно терроризировала аульный актив. В ночь на 8 марта 1926 года в ауле Таза-Базар Ташаузского района этой шайкой были зверски убиты 6 человек из аульного актива (члены аулсовета, секретарь союза кошчи и аульный учитель), как месть за забаллотирование при перевыборах старого председателя аулсовета — пособника банды Розмет Пальвана.

Но все большие и малые шайки басмачей разных оттенков вдохновлялись и идейно руководились Джунаид-ханом.

Джунаид-хан после разгрома 1924 года с остатками своей шайки укрылся в центре песков Кара-Кумов, в районах колодцев Бала-Ишем, Ортакую, Чирышлы. По данным на сентябрь 1925 года, в лагере Джунаида насчитывалось 234 семейства — около 1 000 человек обоего пола.

Джунаид-хан учитывал неблагоприятное для него изменение политической обстановки. Поражение хивинского байского мятежа 1924 года, образование Туркменской ССР и присоединение к ней районов хивинских туркмен, начало усиленной советизации этих районов, широкая хозяйственно-экономическая помощь дайханству со стороны советской власти и как результат этого — освобождение дайханства из под влияния родо-племенных вождей, затихание в других местах басмачества заставили Джунаид-хана изменить свою тактику борьбы с советской властью.

Джунаид-хан решил ожидать изменения в его пользу политической ситуации. Для того, чтобы получить передышку и собраться с силой для нового выступления, он перешел к тактике «мирного сожительства» с советской властью, начал просить мира и амнистии. Такую тактическую линию ему подсказывали, как это мы увидим дальше, туркменские буржуазные националисты.

В феврале 1925 года Джунаид-хан послал своего представителя Абдурахман-ахун-Курбан-Сеид-оглы на I съезд Советов Туркменской республики с просьбой о предоставлении ему и его людям амнистии, освобождении их от несения всякой ответственности за совершенные ими в прошлом деяния. Представитель Джунаид-хана 20 февраля 1925 года заявил с трибуны I съезда ТССР следующее:

«Мы пришли с повинной головой и просим I Всетуркменский съезд Советов принять нас гражданами Туркменской Советской Социалистической Республики и просим устроить нас по вашему усмотрению, где вы найдете выгодным.

Обращаемся к вам и заявляем, что будет приказано I съездом Советов Туркменской Советской Социалистической Республики и его правительством, мы выполним свято.

Об этом мы заявляем истинно и искренно, дальнейшая воля ваша»[1]).

Видные националисты, выступавшие по этому заявлению на I съезде ТССР уверяли всех, что Джунаид-хан не двурушничает и не маневрирует, что это заявление его представителя есть действительно искреннее заявление и что «мы должны, — говорили они, — учесть искреннее раскаяние джунаидцев, которые ошибались и боролись с нами по своей несознательности»[2]).

Съезд Советов тогда с этим согласился.

В результате этой политики сохранения басмаческого очага, которую проводило буржуазно-националистическое руководство, Джунаид-хан получил гарантию, что он не будет преследоваться. Это дало ему

---

[1]) Стенографический отчет I съезда ТССР. Ашхабад, 1925 год, стр. 24.

[2]) Там же, стр. 24—25.

возможность организовать и формировать новые и новые басмаческие шайки, проводить налеты и ограбления, терроризировать аульный и районный актив Ташаузского округа, держать его население в состоянии постоянной тревоги, мешать советизации районов Северного Туркменистана и подготавливать, таким образом, почву для нового усиления басмачества.

Одновременно с этим Джунаид-хан вступает в переговоры с иранским шахом, прося поддержки и покровительства в случае перехода джунаидцев на территорию Ирана, и обещая за это помочь иранскому правительству подавить революционное восстание гюргенских (астрабадских) туркмен. Для ведения переговоров с иранским правительством Джунаид-хан весной 1925 года отправляет своего дипломата Шихим-сюлгуна[1]). Как видно из документов, иранские реакционеры с большим удовлетворением приняли просьбу Джунаид-хана для того, чтобы использовать его шайку против ТССР и против усилившегося в то время восстания гюргенских туркмен.

Читателю небезинтересно будет знать характер и сущность восстания гюргенских туркмен, в подавлении которого изменник своему народу Джунаид-хан изъявил желание помочь иранскому шаху.

В Северном Иране в провинции Хорасан и Астрабадской области, в долинах рек Гюргена и Атрека, в окрестностях городов Кумыш-Тепе, Ходжа Нефес, Кумбет-Ховуз, Шабад, Карет и Гязь издавна жили туркменские племена иомуды (рода атабай, джафарбай, бехельке), гоклены, емрели и карадашлы. По данным 1925 года, их насчитывалось более 200 000 хозяйств[2]). Они жили в соседстве с курдами, обитавшими в районах Ширвана, Буджнурда и Кельтечинара, в горах между Копет-Дагом и Эльбурсом. Главное их занятие было скотоводство.

Туркмены и курды подвергались жестокой эксплоатации, угнетению, национальному притеснению и уничтожению со стороны иранских шахов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, победа на фронтах гражданской войны, политика большевистской партии и советской власти, направленная на уничтожение национального неравенства в СССР, национально-государственное размежевание в Средней Азии и образование самостоятельной Туркменской Советской Социалистической Республики дали толчок к нарастанию освободительно-революционных идей среди северо-иранских (гюргенских) туркмен. Иранские реакционеры всеми средствами старались подавить это справедливое движение туркмен.

«Причиной туркмено-курдского восстания в 1924—1925 годы, — говорится в работе В. Березкина, посвященной этому восстанию, — послужили, с одной стороны,... попытка персидского правительства лишить туркменские и курдские племена полунезависимости, которой они до той поры пользовались, и, с другой стороны, рост национального самосознания и распространение национально-революционных идей у туркмен»[3]).

В феврале 1924 года иранские власти предложили туркменам и курдам Хорасанской провинции сдать оружие и принять иранских чиновников. Они отказались выполнить эти требования и когда иранские власти вооруженной силой попытались заставить их подчиниться, они подняли восстание. «Одновременно с организацией повстанческих отря-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, д. 179, л. 9 и 54.

[2]) В. Березкин. В Гюргенской долине (очерк туркмено-курдского восстания в 1924-26 годах). Москва-Ташкент, 1931 г., стр. 64.

[3]) В. Березкин. Стр. 24.

дов-пишет В. Березкин, — началось политическое объединение туркмен. Необходимость совместной борьбы с правительственными войсками заставили туркмен на время забыть имевшие еще место случаи родовой и племенной вражды и до известной степени объединить свои силы для борьбы с общим врагом»[1]).

20 мая 1924 года в ауле Эмин-Чалы (в районе Кумыш-Тепе) состоялся съезд представителей восставших туркменских племен и родов, где было решено: «...Прекратить всякие раздоры между джафарбайцами, атабайцами и гокленами, окончательно отделиться от Персии и провозгласить образование независимой Туркменской республики. Президентом новой республики был избран один из виднейших джафарбайских вождей Осман-ахун. Для разбора всех важнейших вопросов при президенте был учрежден особый орган, своеобразный парламент, названный «советом аксакалов». Совет аксакалов был составлен из выборных представителей различных туркменских родов»[2]).

Далее В. Березкин пишет, что «Туркмены и избранное ими правительство к советскому правительству относились дружественно. Одно время собирались даже послать представителя к правительству Туркменской ССР с просьбой о присоединении персидских туркмен и их территории к СССР. Делегат не был послан лишь потому, что до туркмен дошли слухи, что СССР не нарушает принципа невмешательства в дела соседних государств и народов»[3]).

Восставшие туркмены под водительством своих командиров Непес-сердара (с отрядом джафарбайцев в 2 тысячи всадников), Гокс-сердара (с отрядом атабайцев в 500 всадников) и Аллаяр-хана (с отрядом гокленов в 5 тысяч всадников) разбили наголову карательные войска иранского шаха Риза-хана[4]). Весной 1925 года иранские власти, с помощью находившихся у них на службе немецких офицеров, сформировали против восставших туркмен большой экспедиционный отряд в 5 тысяч человек, купили 25 самолетов, наняли немецких летчиков, которые с присущим им зверством и жестокостью стали ежедневно бомбардировать туркменские аулы, кладбища, куда туркмены обычно ходили на богомолье[5]).

К осени 1925 года восставшие стали терпеть поражение. Иранские власти одновременно с усиленным военным нажимом широко применяли тактику подкупа и разложения главарей туркмен, чему в значительной мере способствовали Шихим-сюлгун и другие агенты Джунаид-хана. Очевидцы рассказывают, что Джунаид-хан для участия в подавлении восстания иранских туркмен сформировал и отправил один за другим два отряда. Первый отряд в 70 всадников во главе с Эши-ханом (старшим сыном Джунаида) был отправлен приблизительно в середине мая 1925 года, но не смог перейти границу и вернулся обратно. Второй отряд в 50 всадников в начале сентября 1925 года перешел границу в районе Казанджика и принял участие на стороне иранских войск в подавлении курдских, а затем и туркменских повстанцев[6]). Этот отряд джунаидцев возглавлял известный бандит Дурды-Гилыч-хан, происходивший из семьи зажиточного дайхана из аула Сапар-Гуджик местности Эмин-Кала Куня-Ургенчского района, иомуд, родом ор-

[1]) В. Березкин. Стр. 24.
[2]) Там же. Стр. 29.
[3]) Там же. Стр. 30.
[4]) Там же. Стр. 51.
[5]) Там же. Стр. 39—40.
[6]) В. Березкин. Стр. 39—40.

сукчи, колена гырымса. С 1920 года Дурды-Гилыч-хан служил Джунаид-хану в качестве начальника его карательных отрядов. Бандитская шайка джунаидцев, возглавляемая Дурды-Гилыч-ханом всегда отличалась чрезвычайной жестокостью. Так, шайка Дурды-Гилыч-хана в ноябре 1923 года в ауле Эзбер Куня-Ургенчского района в один день истребила 20 семейств, отказавшихся присоединиться к банде Джунаид-хана[1]). В августе 1924 года около Ходжейли, у берега Аму-Дарьи 100 всадников Дурды-Гилыч-хана захватили каюк и зверски убили 26 комсомольцев-курсантов, ехавших из Хивы в Ташкент на учебу[2]).

Таким образом басмаческие шайки хивинских баев, во главе которых стоял отъявленный враг туркменского народа Джунаид-хан, пользуясь покровительством буржуазных националистов не только нарушали мирную жизнь советского дайханства, но и сотрудничали с реакцией за пределами Советского Союза.

Существование басмаческого лагеря Джунаид-хана в песках Кара-Кумов и та морально-политическая и даже материальная поддержка, которую он получал от националистов, вдохновляла туркменское байство на активную борьбу против социалистического строительства. Об этом говорит тот факт, что в 1925—1926 годах не только в районах хивинских туркмен и узбеков, но и в других округах Советского Туркменистана возникали новые и новые бандитско-басмаческие шайки баев.

Так, в 1925—1926 годах на территории Чарджоуского округа действовало от 130 до 170 вооруженных басмачей, которые возглавлялись баями, ишанами, торговцами и бывшими эмирскими чиновниками Сафар-баташем, Анна-сердаром, Сахат-баем и другими. В Керкинском округе действовали банды Джора-Эмина, насчитывавшие 60 человек и Клыч-Мергена в 150 человек[3]).

Примерно около половины из 37 басмаческих шаек, действовавших в ТССР, оперировали в культурных полосах рек Мургаба и Теджена (в Марыйском округе)[4]).

В Мервском (Марыйском) округе за три месяца 1926 года, по сравнению с последними месяцами 1925 года, бандитизм увеличился чуть ли не на 75%[5]). Видные главари мургабско-тедженских басмачей, как-то: Берды-Мурат, Хыдыр Эрсары, Хан-Гельди, Анна-Кули-сары и другие часто посещали лагерь Джунаид-хана, получая от последнего «благословление на подвиг в борьбе с большевиками».

Благодаря изменнической политике националистов и попустительству отдельных органов местной власти Джунаид-хан и его головорезы настолько обнаглели, что не только облагали население песков Кара-Кумов налогами и сборами в свою пользу, но даже свободно разъезжали по всем районам и аулам республики, в особенности Ташаузского округа, собирая у населения «старые долги» для джунаидских главарей. 6 декабря 1925 года бюро Ташаузского окружного комитета КП(б)Т отметило в своем постановлении: «Считать, что разъезды Джунаид-хана для сбора своих «долгов» терроризируют население и безусловно создают отрицательную политическую атмосферу в округе»[6]).

Трудовые дайхане Северного Туркменистана боролись за советскую власть для того, чтобы навсегда освободиться от феодальной эксплоата-

[1]) Из рассказов очевидцев.
[2]) ИИКП УЗ., д. 349, л. 293, ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 410, л. 194.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 48-а, д. 103 (41), л. 48, ф. 48, п/б, д. 103 (42), л. 46.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 48-а, д. 103 (41), л. 48; ф. 48, п/б, д. 103 (42), л. 140.
[5]) Там же, ф. 1, оп. 2, д. 153, л. 311.
[6]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 1, л. 8.

ции, от байских кабальных долгов. Своей политикой буржуазно-националистическое руководство ТССР восстанавливало эту байскую кабалу. То, что джунаидцы «собирали», или вернее отбирали у населения силою оружия, было дополнительным грабежом. Кроме того, эти «сборщики долгов» фактически являлись разведчиками Джунаид-хана, которые изучали политическое настроение массы, терроризировали аульный партийно-советский актив, распространяли среди дайхан всякого рода антисоветские слухи, пытались разузнать дислокацию частей Красной Армии и, наконец, заготовляли продукты и фураж для банды Джунаид-хана.

Партийно-советским организациям Ташаузского округа приходилось неоднократно обращаться к правительству Туркменской ССР и ЦК КП(б)Т с просьбой о принятии мер против джунаидских «сборщиков долгов». Так, в конце 1926 года Ташаузский окружной комитет КП(б)Т писал в своем докладе, адресованном в ЦК КП(б)Т:

«Убийства и вообще наличие бандитизма в округе следует отнести за счет Джунаид-хана, который, высылая в округ своих джигитов под видом закупки пшеницы, фуража и т. п. (в случаях, которых они пользуются неприкосновенностью), дает им задание убить того или иного своего противника...

А посему, в целях ликвидации бандитизма, мы считаем необходимым воспретить въезд на территорию Ташаузского округа всадникам Джунаид-хана, в крайнем случае обязать их свой въезд регистрировать в райревкомах. При отсутствии последнего, рассматривать их при встрече, как бандитов. Эта мера даст нам возможность различать своих врагов»[1]).

Но несмотря на очевидные и бесспорные факты, националисты старались оградить Джунаид-хана от каких бы то ни было обвинений. Они старались обмануть общественное мнение, утверждая, что действующие басмаческие шайки Ахмед-бека, Дурды-Гилыча, Шалтай-батыра, Анна-бала и других, будто бы несвязаны с Джунаид-ханом. Они это говорили в то время, когда всем было известно, что остатки банды Ахмед-бека, разгромленного частями Красной Армии в бою 30 ноября 1926 года в районе Калы-баш, бежали в стан Джунаид-хана и укрылись там[2]). Националистам было хорошо известно, что бандитская шайка Шалтай-батыра месяцем раньше привела Джунаид-хану 1 000 голов мелкого рогатого скота, угнанного ими у дайхан Ильялинского и Куня-Ургенчского районов, и что разбитые шайки Анна-балы, Шалтай-батыра и других главарей часто пополнялись людьми Джунаид-хана.

Но ко всем этим убедительным фактам, к голосу народной массы и общественного мнения, настоятельно требовавших ликвидации разбойничьего лагеря Джунаид-хана, как главного очага басмачества, националисты были глухи. Они ссылаясь на то, что Джунаид-хан и его люди были амнистированы I съездом Советов ТССР, не разрешали провести военную операцию против банды Джунаид-хана. А для того, чтобы «опровергнуть» факты, обвиняющие Джунаид-хана, и «успокоить» общественное мнение ложными сведениями о джунаидах, националисты посылали свою «комиссию» в лагерь Джунаид-хана.

Эта так называемая «правительственная комиссия», состоявшая из трех лиц, во главе с активным буржуазным националистом Ахуновым, дважды (23 мая 1925 и 22 мая 1926 года) посетила ставку Джунаид-хана в Орта-Кую и... «признала что отношения Джунаид-хана с Дурды-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 8, л. 119—120.

Гилычем не дружелюбные» и что «Джунаид-хан никаких дружеских отношений с Анна-бала не имеет»[1]). Комиссия утверждала, что «Джунаид-хан со всеми своими людьми занимается скотоводством»[2]).

Буржуазные националисты лживо утверждали, что «у Джунаид-хана нет никаких намерений нападать на мирных жителей и сопротивляться правительству»[3]).

Таковым буржуазные националисты изображали Джунаида перед союзным правительством и общественностью Туркменистана, чтобы оградить джунаидских басмачей от военного разгрома и дать им возможность подготовиться для широкого наступления их на советскую власть в следующем, 1927 году.

Таким образом мы видим, что буржуазные националисты свою связь с басмаческим лагерем Джунаид-хана обычно, оправдывали постановлением I съезда Советов ТССР о представлении Джунаид-хану и его людям амнистии. Но они сознательно использовали закон об амнистии для защиты басмаческого лагеря Джунаида от военного разгрома. Они использовали этот закон и для открытой морально-идеологической популяризации личности самого Джунаид-хана.

Несмотря на то, что народные массы Хорезмского оазиса и Туркменистана хорошо знали Джунаид-хана, как первого бандита и разбойника, как отъявленного врага народа, смотрели на него с глубочайшим презрением и ненавистью, и были недовольны предоставлением ему правительством амнистии, несмотря на все это, националисты демонстративно выставляли Джунаида «народным героем».

Невозможно пройти мимо того факта, что К. Атабаев, один из видных главарей туркменских буржуазных националистов, позже разоблаченный как враг народа, в своем официальном письме Джунаид-хану от 5 мая 1926 года писал: «Вы завоевали авторитет, приобрели славу в борьбе туркмен против узбеков Хорезма, но никогда не были врагом своего народа»[4]).

Эти и подобные им льстивые слова буржуазных националистов, засевших в руководящих органах Туркменской ССР, полностью были заимствованы у прежних буржуазных националистов-белогвардейцев и иностранных интервентов, создававших националистическую легенду о личности Джунаид-хана.

Имеется достаточное количество фактов, говоряших о всемерной политической помощи, которую оказывали басмачам Джунаида туркменские буржуазные националисты.

Для установления полуофициальной связи с басмаческим лагерем Джунаида националисты часто посылали в его стан своих людей под видом «правительственной комиссии». Деятельность участников «комиссии» сводилась к восхвалению банды Джунаида и скрытию ее антинародной сущности. Как мы видели выше, во всех сообщениях «комиссии» не содержалось ни слова о подлинном басмаческом лице Джунаид-хана и его банды. По существу, эта «правительственная комиссия» являлась неофициальной агентурой буржуазных националистов и басмачей.

Вполне понятно, что националисты в своих выступлениях отрицали политический характер многочисленных преступлений, совершаемых действующими на территории ТССР басмаческими шайками. Действия,

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, д. 179, л. 54 и 58.
[2]) Там же, л. 54—56.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, д. 179, л. 56. Цитаты приводятся из заключения самой «комиссии».
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 179, л. 9. Еще см. там же, д. 185, л. 22.

например, Шалтай-батыра и подобных ему бандитов, открыто и систематически терроризировавших партийно-советский актив, националисты оценивали не как политический акт со стороны вооруженного байства, а как проявление туркменской кровной мести.

Смысл такой оценки был ясен: не трогай басмачей, не трогай баев и они тебя не тронут... Даже в таких случаях, когда шайки Шалтай-батыра, Ахмед-Бека и других басмачей разгуливали в культурной полосе и десятками убивали партийно-советских активистов, националисты заявляли, что «басмачества, как такового, в Ташаузском районе не имеется, а есть отдельные бандитские шайки, бежавшие из исправдома в количестве от 3 до 9 человек. Эти шайки имеют не политический, а чисто уголовный характер. Убийства, ими совершаемые, — месть за прошлое»[1]).

Так лгали националисты для того, чтобы подорвать активность народной массы, ослабить бдительность партийно-советского актива, ослабить все усиливающуюся классовую борьбу в ауле и дать, таким образом, басмачеству возможность расти и укрепляться.

Националисты оказывали басмачам Джунаид-хана не только идейную, не только политическую, но и материальную поддержку. Они способствовали снабжению басмачей оружием и боеприпасами как из-за границы, так и из государственных складов. Они отпускали им чай, хлеб, мануфактуру за счет государства, отнимая их из доли, предназначенной трудящимся республики.

Так, 17 апреля 1925 года, тот же К. Атабаев дал распоряжение «выдать людям Джунаид-хана 2 000 пудов пшеницы без задержки, средства изъять из фонда»[2]).

В конце апреля 1925 года Джунаид-хан получил со станции Геок-Тепе 1 000 пудов пшеницы и 5 пудов зеленого чая[3]).

4 мая того же года Джунаид-хан писал главарям националистов: «Айтакову, Атабаеву и другим друзьям, желаем защиту от господа бога. Спасибо за 2 тысячи пудов пшеницы через Бахарден. Надеемся, что власть еще полтора года окажет нам помощь»[4]). 7 июля 1926 года националист Айтаков писал Джунаид-хану: «Посылаю 500 пудов через Бами пшеницы»[5]). Летом 1927 года Джунаид-хан писал на имя Атабаева следующее:

«Мы — пострадавшая масса, опять у нас истощился запас хлеба и чая. Не оставим Рас без возмездия. Мухаммед-Курбан-Сердар-Ходжибай-оглы Хан-Джунаид»[6]).

Наглая просьба басмаческого вождя была удовлетворена. В июле 1927 года Джунаид-хан еще раз получил 500 пудов пшеницы от своих буржуазно-националистических союзников, не жалевших государственных продуктов для поддержания басмачей.

Чтобы замаскировать подготовку нового выступления, Джунаид-хан в качестве «мирного гражданина» потребовал от правительства ТССР к осени 1927 года подготовить ему и его людям места для их «переселения» в культурную полосу. Во исполнение этой воли «каракумского царька», на основе заключения вышеупомянутой пресловутой «комиссии» Ахунова (уже в третий раз посетивший лагерь Джунаид-

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 187, л. 22.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 402-б, л. 12.
[3]) Там же, ф. 1, оп. 1, д. 179, л. 35.
[4]) Там же.
[5]) Там же, фонд ЦИК'а ТССР, д. 45, л. 2.
[6]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 179, л. 37.

Шалтай по специальному поручению Джунаид-хана охотился за партийно-советским активом аула, за работниками, проявившими себя в борьбе с басмачеством и его пособниками, и зверски убивал их. Он беспощадно грабил те аулы, которые отказывались снабжать банду продовольствием и фуражем. Так, 15 января 1927 года шалтайцы напали на аул Карагушлы Куня-Ургенчского района и убили 6 человек советских активистов во главе с председателем ячейки союза кошчи[1]).

30 января 1927 года шалтайцы угнали у населения аула Ак-Тепе Ильялинского района 1 200 голов мелкого рогатого скота, 16 февраля 1927 года из аула Кетгенлиой Куня-Ургенчского района угнали 30 верблюдов; 20 марта 1917 года та же банда ограбила аул Удебай Порсинского района, откуда увезли несколько лошадей, много женских украшений, домашние вещи и одну девушку, которая была ими застрелена при попытке к бегству[2]).

По настоятельным требованиям народной массы и партийно-советской общественности Ташауэского округа в марте 1927 года следственными органами были арестованы 33 самых активных пособника банд Джунаид-хана и Шалтай-батыра. В числе арестованных были такие крупные лица, как бай Анна-Назар-ишан из Ильялинского района, Абды-бай — крупный мюлькдар из аула Караходжаой Куня-Ургенчского района и другие, постоянно укрывавшие банды, дававшие им различного рода сведения, снабжавшие их продуктами, боеприпасами, ведшие антисоветскую агитацию в пользу Джунаид-хана.

Озлобленный этим Джунаид-хан нагло потребовал от окружных властей освобождения арестованных его пособников. Получив отказ, он усиливает банду Шалтай-батыра, и последний для того, чтобы подготовить экономическую и политическую базу для выступления самого Джунаид-хана, совершает весной 1927 года ряд крупных налетов на аулы и районные центры округа.

26 июня 1927 года, когда советские отряды в районе колодца Кызылджа-Кую (50 километров юго-западнее Ильялы) догнали Шалтай-батыра, его отряд при помощи всадников Джунаид-хана, получив превосходство в силе, принял бой. Советский отряд потерял убитыми 9 человек из дайханского отряда самоохранников, 12 человек из государственной добровольческой милиции и 5 человек из эскадрона красноармейцев и 36 лошадей. Шалтай-батыр потерял убитыми и ранеными 12 человек (в числе раненых был и сам Шалтай-батыр[3]).

Из всех этих фактов видно, как Джунаид-хан практически осуществлял условия «мирного» сожительства с правительством. Байство Ташауэского округа и вместе с ним буржуазные националисты подготавливали для Джунаид-хана почву для «решающего наступления на советскую власть» в Хорезмском оазисе. Это выступление Джунаида произошло в сентябре 1927 года.

Еще в летние месяцы 1927 года, когда одна группа Джунаида во главе с Шалтай-батыром свирепствовала в Куня-Ургенчском, Порсинском и Ильялинском районах, а другая группа во главе с Ахмед-беком разоряла Тахтинский район, дайхане этих районов часто присылали в округ людей с просьбами принять меры против банд Джунаид-хана, с сообщением о том, что басмачи готовятся к нападению на округ. В эти же дни советские органы сообщали с мест, что «отсутствием жестких

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 14, л. 88—89.
[2]) Там же, л. 95.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 81, л. 50. Там же, д. 182, л. 52

мероприятий к Джунаид-хану со стороны правительства население недовольно»[1]).

Сам Джунаид-хан тщательно старался скрыть от массы своих же джигитов, что он намерен организовать «последний решающий поход» против советской власти. Дайхане — перебежчики из лагеря Джунаид-хана — в августе 1927 года сообщали советским органам следующее: «Джунаид-хан в начале текущего года фактически объединил все оперирующие территориальные банды. Не выступая сам открыто, периодически давал своих всадников в банды главным образом Шалтай-батыру. Свою поддержку бандитским шайкам Джунаид от населения его лагеря скрывал, обещая всем переселиться в культурную полосу»[2]).

Центральным властям республики было известно, что Джунаид-хан в конце августа 1927 года через своих доверенных лиц распространял среди населения культурной полосы подписные листки, обязывающие население подняться на антисоветское выступление в момент наступления Джунаид-хана. В Тахтинском районе, например, было собрано 1 000 подписей[3]). Было известно также, что Джунаид-хан посылал людей к узбекским баям и ишанам Хорезмского (Хивинского) округа Узбекистана с призывом поддержать его предстоящее антисоветское выступление, обещая им восстановить прежнюю ханскую власть в Хиве[4]).

Как ни скрытно вел Джунаид-хан свою подготовку к выступлению, стало известно, что в конце августа 1927 года Джунаид-хан установил у всех крупных колодцев Кара-Кумов усиленную охрану: у колодца Бала-Ишем сосредоточил 500 кавалеристов, посаженных на инеры (иноходные, сильные и выносливые верблюды); у колодца Игде (40 километров юго-западнее Бала-Ишема) расположил около 3 000 голов мелкого рогатого скота. Сам Джунаид-хан с 500 кибитками на 3 000 верблюдах перекочевал от колодца Орта-Кую к малоизвестному колодцу Пишке-Кую[5]).

Перебежчики из лагеря басмачей рассказывали окружным властям, что Джунаид-хан, готовясь к выступлению, к началу сентября 1927 года окончательно оформил 12 боевых отрядов, главарями которых были: Игдыр-хан (младший сын Джунаид-хана), Эши-хан (старший сын Джунаид-хана), Шалтай-батыр, Анна-бала, Ахмед-бек, Дурды-Гилыч-хан, Нургельди-хан, Джана-бармак, Язан-окуз, Темир Али-газах, Шакир-бала (главарь банды из хивинских узбеков) и Заир-бала, (главарь банды из ташаузских узбеков). Значительное число джигитов, не входящих в эти отряды, находилось в резерве в распоряжении самого Джунаид-хана.

К началу сентября 1927 года в лагере Джунаид-хана насчитывалось до 2 000 всадников, вооруженных главным образом винтовками английской и русской систем, двумя пулеметами системы «Максим»[6]).

Джунаид-хан рассчитывал на то, что в момент его выступления он получит новые силы от своих пособников, проживающих в культурной полосе округа под видом «мирных граждан».

Джунаид, конечно, учитывал, что без поддержки народной массы

---

1) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 284, л. 76—77.
2) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 181, л. 24.
3) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 181, л. 25.
4) Там же, ф. 2, оп. 1, д. 284, л. 78.
5) А. Борисов. «Поход конной группы 8-й кавбригады в Кара-Кум в 1927 г.». Москва, 1932 г., стр. 12.
А. Борисов. Стр. 20.

его выступление не будет иметь успеха. Для того, чтобы поднять байханство на антисоветское восстание, Джунаид с помощью духовенства стал распространять слухи о том, что на помощь Джунаид-хану из Ирана и Афганистана идут войска иностранных государств и что Джунаид в несколько дней захватит в свои руки власть на всей территории Туркмении и Хорезма и накажет тех, кто не присоединится к его выступлению.

Выше мы говорили о том, что Джунаид-хан еще в 1916—1917 годах установил тесную связь с реакционными элементами Ирана и Афганистана и английскими представителями в этих странах. Как видно из многочисленных документов и показаний очевидцев, эта связь Джунаид-хана еще больше укрепилась в годы басмачества. Так, например, телохранитель Джунаид-хана Аманияз-Пальван-оглы, сдавшийся Красной Армии в 1926 году, показал, что он в 1924—1925 годах вместе с Джунаид-ханом два раза ездили в Афганистан, где их возили по городам на английском автомобиле в сопровождении английских офицеров[1]). Это подтверждается и сообщением нашей разведчасти[2]).

Наша разведчасть установила, что 14 декабря 1925 года «к Джунаид-хану, находящемуся в местечке Чарышли (вероятно, колодец Чырышлы — Г.Н) приехал из Англии человек, который предложил ему послать свое доверенное лицо для переговора с английским правительством о совместной борьбе против советской власти. По этим же данным, Анна-бала думает ехать в Англию представителем от Джунаид-хана для переговоров с английским правительством о дальнейшей борьбе против советской власти»[3]).

Летом 1927 года, в связи с осложнением наших отношений с английским реакционным правительством Чемберлена, джунаидцы усилили свою антисоветскую агитацию, распространяя слухи о скором походе «двадцати государств мира» против СССР и о том, что на помощь Джунаид-хану идут английские войска вместе с эмиром бухарским[4]).

И не случайно было то, что джунаидское авантюрное выступление в 1927 году происходило именно в этот период.

Совершенно точно установлено, что 10 сентября 1927 года за несколько дней до своего выступления Джунаид-хан получил из Афганистана 24 тысячи штук английских патронов для одиннадцати зарядных английских винтовок, которыми было вооружено большинство туркменских басмачей[5]). А джунаидский дипломат Шихим-Сюлгун с конца 1924 года почти постоянно находился в иранском городе Астрабаде.

Одной из форм заграничной помощи басмачеству была организация массовой эмиграции населения ТССР в Афганистан и Иран и радушный прием реакционными правителями этих стран целых отрядов басмачей, убегавших от Красной Армии. По данным на 1 октября 1928 года, только из одних Карабекаульского и Саятского районов Чарджоуского округа ТССР эмигрировали в Афганистан до 900 хозяйств[6]), а из районов Керкинского округа — 3 752 хозяйства[7]).

Совершенно понятно, что причины эмиграции байства лежали в тех

---

[1]) А. Борисов. «Поход конной группы 8-й кавбригады в Кара-Кум в 1927 г.». Москва, 1932 г., стр. 24.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 103, л. 32 и д. 48-а, л. 41.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 3, л. 80.
[4]) Там же, д. 14, л. 4—8.
[5]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 181, л. 57.
[6]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 316, л. 16.
[7]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 901, л. 10.

классовых мероприятиях, которые последовательно проводились советской властью в отношении баев и духовенства. Случаи ухода в эмиграцию бедняцко-середняцкой части дайханства связаны с влиянием байской антисоветской агитации.

Трудовая масса туркменских эмигрантов находилась в Афганистане и Иране в очень тяжелых условиях. Правители этих стран по отношению к туркменам-эмигрантам вели политику вымогательства и притеснения.

Туркменские эмигранты-дайхане всячески сопротивлялись притязаниям афганских и иранских властей. Это видно из сообщения наших представителей в 1927 году о положении туркмен (как эмигрантов, так и местных), проживавших в северо-иранских степях.

В этом сообщении говорилось:

«Вообще же положение в степи далеко не устойчиво, чувствуется глухое недовольство своим положением и враждебность по отношению к персидским властям и их начинаниям. Характерно, что во вновь открываемые правительственные школы, туркмены не желают отдавать своих детей и, по словам начальника просвещения, детей в школы загоняют с помощью казаков. В школе же дети не называют учителям своих имен»[1]).

Совершенно естественно, что большая часть туркменских эмигрантов, главным образом беднота и середняки, обманутая баями и ишанами, расскаивалась в уходе из своей свободной советской страны, и стремилась вернуться обратно в родные аулы. Советская власть, идя навстречу этому стремлению дайхан-эмигрантов, установила для возвращающихся из эмиграции дайхан ряд льгот, возвращала им землю, которую они обрабатывали раньше, оказывала им материальную помощь деньгами и сельхозинвентарем, освобождала их на ряд лет от сельхозналога и т. д.

Все это вызывало массовую реэмиграцию туркменских дайхан из Афганистана и Ирана.

Афганские и иранские власти всячески препятствовали реэмигрантскому движению, сопротивлялись возвращению на родину советских дайхан. Так, Чарджоуский окрисполком писал в своем отчетном докладе за 1927 год о том, что «после посещения эмигрантов бывшим эмиром бухарским и шахом афганским (июль 1927 года) началось переселение их в глубь Афганистана»[2]).

В этом деле афганским и иранским властям усердно помогали находившиеся в Советской Туркмении баи и муллы. Группа баев Саятского района Чарджоуского округа в своем послании баям, проживавшим в Афганистане в эмиграции, 16 сентября 1927 года писала:

«Сообщаем, что большевики хотят закупать шерсть, и для этой цели 4—5 человек отправили в пески. Нам неизвестно, какой цели держаться большевики, но слышали, что они хотят производить пачевый сбор[3]). Точно неизвестно, будут ли взимать этот сбор и угонять эмигрантских баранов, поэтому желательно было бы послать человек 10 басмачей в пески за большевиками и накрыть их, а самим остаться в стороне не замешанным в это дело. Живы здоровы будем — тоже скоро переселимся в Афганистан, так как здесь жизни не осталось: заставляют выпускать жен на базары.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 397, л. 88.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 316, л. 16.
[3]) От слова «пач» (пошлина за пастьбу скота).

Если имеются желающие переселиться в Туркмению, передайте им, чтобы не приезжали»[1]).

Афганские и иранские власти были заинтересованы в задержке эмигрантов не только потому, что они их жестоко эксплоатировали, облагали высокими налогами и т. д., но и потому, что они организовывали из них бандитские шайки и высылали их против Советской Туркмении. Так, 19 апреля 1927 года в районе Серахса нашу границу перешла закордонная бандитская шайка в 100 всадников под начальством керкинского бая-эмигранта Чары-Гурук. Эти бандиты напали на аулы Карабекаульского района, убили там трех женщин-активисток, ограбили население, угнали 150 верблюдов, около 2 000 баранов и распространили слух о том, что для захвата Керков и Чарджоу из Афганистана скоро прибудет бухарский эмир с 500 всадниками[2]).

В сентябре 1927 года для поддержки авантюрного выступления Джунаид-хана в Ташауз значительно усилился переход на советскую территорию закордонных бандитских групп из Афганистана и Ирана[3]).

Так, Джунаид-хан планомерно и систематически подготавливал свое антисоветское выступление. А в это время партийно-советские руководители Ташаузского округа все еще продолжали «дискуссировать» с националистическим руководством республики, обсуждая вопрос о «лойяльности» поведения Джунаид-хана.

Наконец, под давлением дайханской массы и общественности совещание при Ташаузском окрисполкоме 11 сентября 1927 года приняло постановление, в котором говорилось:

«Учитывая намечающееся оживление басмачества в округе, попытку басмаческих шаек задержаться на продолжительное время в культурной полосе, а также отрицательное впечатление, производимое на население безнаказанностью бандитов, признать совершенно необходимым решительное усиление борьбы с басмачеством по всем направлениям.....[4]).

Но 19 сентября 1927 года Джунаид-хан выступил, не дожидаясь, пока руководители округа усилят борьбу с басмачеством «по всем направлениям».

Джунаид-хан, прибыв в культурную полосу, установил свою главную ставку в местности Ак-Тепе (ныне райцентр Ленинского района), откуда стал посылать свои отряды для захвата районных центров — Куня-Ургенча, Ильялы и Тахты. Нападение на все эти пункты производилось одновременно.

Путь для джунаидцев в Куня-Ургенч лежал через 5 аулсовет того же района. В этом ауле находился дайханский отряд самоохраны, отличившийся своей стойкостью в борьбе с басмачеством. Джунаидцы не могли оставить этот отряд в своем тылу — они решили его или уничтожить, или заставить присоединиться к Джунаид-хану. Дайханский отряд самоохраны принял бой. На помощь ему из Куня-Ургенча прибыл отряд красноармейцев в 60 сабель. Джунаидцы отступили из аула к берегу старого арыка Шамурад-яба. Там их догнал отряд дайхан и красноармейцев, завязавший сражение, длившееся три дня. Джунаидцами у Шамурад-яба командовали Шалтай-батыр и Ахмед-бек, а позже с большими подкреплениями прибыли сюда ханские сыновья Игдыр-хан

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 19, д. 334, л. 1.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 183, л. 67, 84, 96, 100.
[3]) Там же.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 183, л. 23—24.

и Эши-хан, советские бойцы оказались в окружении, они засели в старой крепости Кандым-Кала и упорно сопротивлялись. На третий день боя на помощь храбрым бойцам прибыли отряды красноармейцев и добровольческой милиции из Ильялы и Куня-Ургенча. После этого джунаидцы с большими потерями отступили в сторону Кара-Кумов[1]).

На ильялинском направлении джунаидцы натолкнулись на упорное сопротивление дайханского отряда самоохраны аула Копукли. Несмотря на то, что озлобленные джунаидцы в этом ауле сожгли 16 домов, школу, целиком вырезали до десятка семей аульного актива, в ауле не нашлось ни одного предателя из дайхан. Джунаидцы не смогли пройти через этот аул в райцентр Ильялы.

Поражение басмачей на двух решающих направлениях уже предрешало судьбу контрреволюционного мятежа. Джунаидцы жестоко просчитались в надежде на поддержку дайханства. Озлобленный этим Джунаид-хан 27 сентября бросил свою главную силу на аул Кеттенлиой (на берегу Шамурад-яба), где находился советский отряд в 200 штыков. Здесь в ожесточенном бою, во время которого басмачами командовал сам Джунаид-хан, бандиты потерпели новое поражение, и в панике отступили в сторону Тахты, потеряв 35 человек убитыми и 50 ранеными[2]).

Путь в Тахты для джунаидцев лежал через аул Ходжа-Кумбет, где находился прославленный в борьбе с басмачеством дайханский отряд в 40 человек. Эти 40 джигитов-дайхан, состоявших главным образом из бедноты и батраков, показывали пример подлинного героизма и отваги в борьбе с бандитами Джунаид-хана и не поддавались антисоветской агитации баев и ишанов. Джунаид-хан приказал уничтожить их.

29 сентября джунаидцы окружили крепость в ауле Ходжа-Кумбет, где, по предположению басмачей, должны были находиться 40 самоохранников. На самом деле в крепости сидело не 40, а 4 человека во главе с секретарем партийной ячейки Бегмет Оразовым, остальные же товарищи днями раньше были отправлены на Куня-Ургенчский фронт.

Джунаидцы стали штурмовать крепость, но не могли ее взять. Сидевшие в крепости бойцы показывали врагам из бойниц крепости дула 40 винтовок и поочередно отстреливались из них, делая вид будто в крепости находится 40 человек. Джунаидцы подожгли 22 сакли в окрестностях этой крепости. 2 октября к Ходжа-Кумбету прилетел советский самолет, чтобы обстрелять и рассеять банды, но получив повреждение от прямого попадания пули в мотор, самолет упал на территорию аула и экипаж его был зверски растерзан басмачами. 3 октября джунаидцы, узнав о приближении войск из Ташауза и Хивы и боясь окружения, отступили из аула Ходжа-Кумбет в сторону Кара-Кумов[3]).

Отступающих в пески басмачей преследовали советские отряды и самолеты. Догнав джунаидцев в районе колодца Ата-Кую, советские войска в ожесточенных боях с 5 до 7 октября почти полностью разгромили основную группировку банды. Из главарей банды здесь погибли Игдыр-хан (младший сын Джунаида) и Джана-бармак, были тяжело ранены Анна-бала и Ахмед-бек. Сам Джунаид-хан вместе с 30—40

---

[1]) А. Борисов. Стр. 22; дополняется рассказами очевидцев и участников.

[2]) Там же.

[3]) А. Борисов. Стр. 23; дополняется рассказами участников и очевидцев, а также см. ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 181, л. 7.

всадниками снова сумел выбраться из окружения и скрылся в сторону колодца Аджи-Кую[1]).

После бегства главного басмаческого главаря начался распад и разложение разбойничьего лагеря Джунаид-хана: отошли от Джунаида и сдались советским частям около 200 басмачей, отошла от Джунаида и казахская банда Темир Али-казаха, ушедшая в сторону Кунграда, где она сложила оружие[2]).

Зимой 1927—1928 годов остатки банды Джунаида были измотаны неотступными преследованиями и ударами частей 84-го кавалерийского полка, отрядов добровольческой милиции и дайханских самоохранников. К тому же, на центральных каракумских колодцах Пишке, Орта-Кую, Бала-Ишем и Аджи-Кую, где обычно укрывались басмаческие шайки, был создан скотоводческий райревком с достаточным количеством вооруженных сил.

Джунаид-хан, оставшийся к этому времени командиром без армии, должен был погибнуть в Кара-Кумах от рук народных мстителей, или же уйти с территории ТССР. Он решился на последнее. В июне 1928 года Джунаид-хан с незначительным отрядом перешел на территорию Ирана. Но там гюргенские (астрабад-хорасанские) туркмены не забыли того что в 1925—1926 годах Джунаид помог иранским властям подавить их восстание. Гюргенские туркмены весьма враждебно встретили Джунаид-хана, вследствие чего этот заклятый враг туркменского народа был вынужден переселиться из Ирана в Афганистан. Джунаид-хан поселился в Гератском районе среди афганцев и керкинско-чарджоуских эмигрантов-баев и, по имеющимся сведениям, умер там в 1938 году в возрасте 81 года.

Таков был бесславный конец Джунаид-хана, на протяжении 16 лет бывшего руководителя самых реакционно-феодальных сил в Хорезме и Туркменистане.

Главной причиной поражения Джунаид-хана в его последней авантюре и дальнейшего разложения его басмаческого лагеря явилось то, что народная масса туркмен и узбеков Ташаузского и Хорезмского округов прочно и преданно стояла за советскую власть, о чем красноречиво свидетельствуют героические подвиги дайханских отрядов самоохраны.

«Население, — писал Ташаузский окрисполком в своем докладе о сентябрьском выступлении Джунаида, — за исключением явных пособников, отнеслось к авантюре Джунаида крайне отрицательно и не только не оказало ему содействия, но отрядами дайханской самообороны участвовало в бою против Джунаида совместно с Красной Армией и милицией, в результате чего Джунаид был разгромлен, потерпел окончательно поражение и потерял большинство своих джигитов, сдавшихся на милость советской власти»[3]).

---

[1]) А. Борисов, стр 24; дополняется рассказами участников, а также см. ВО ЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 127.

[2]) А. Борисов, стр. 24; см. также ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 181, л. 7.

[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 111, л. 70.

Глава XIV

ТУРКМЕНСКИЕ ТРУДЯЩИЕСЯ В БОРЬБЕ С БАСМАЧЕСТВОМ

В ходе борьбы с басмачеством разоблачили себя не только местные буржуазные националисты, но и представители великодержавного шовинизма. Среди довольно значительного количества не туркмен, работавших в Туркмении, нашлись люди, показавшие себя во время борьбы с басмачеством как неспособные разделять и проводить линию партии в национальном вопросе. Именно эти люди пропагандировали взгляд на то, что все туркмены басмачи, что туркменские национальные части неспособны бороться против басмачей и. т. д.[1]).

Факты и документы опровергают эту необоснованную и не заслуженную клевету на туркменский народ.

Трудовая масса туркмен под руководством партии большевиков, установив и укрепив у себя советскую власть, глубоко ненавидела и презирала Джунаид-хана, Якши-Гельди-бека и всех тех, кто боролся с советской властью, нарушая мирную трудовую жизнь дайхан, впервые ставших хозяевами в своей стране.

И это понятно. Басмачество нанесло огромный ущерб как народному хозяйству в целом, так и индивидуальному хозяйству каждого дайхана. Так, например, вследствие развития басмачества почти наполовину сократилась обработка земли в Ташаузском округе[2]).

По данным специальной ведомственной комиссии, к началу 1925 года сумма убытков от бандитизма по ТССР определялась приблизительно от 9 до 10 миллионов рублей. Число пострадавших от басмачества хозяйств, по неполным данным, на то же время, составляло: по Чарджоускому округу 4 тысячи, по Керкинскому округу 6 тысяч и по Ташаузскому округу 5 тысяч хозяйств[3]).

В одном только 1926 году басмачами захвачены и угнаны заграницу 1 153 верблюда, 166 лошадей, 323 головы крупного рогатого скота и 5,072 головы овец и коз.

Советское государство делало все возможное, чтобы помочь дайханским хозяйствам, пострадавшим от басмачества. В частности, союзное правительство для оказания помощи последним создало специальный фонд кредитования. Фонд этот на 1 января 1926 года насчитывал 1,6 миллиона рублей, из которых 154 тысячи рублей предназначались для Ташаузского округа[4]).

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 151, л. 139.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 55.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 81, л. 327.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 81, л. 328.

Но этот материальный ущерб был незначительным по сравнению с тем, что от рук басмачей ежегодно погибали десятки и сотни лучших сынов и дочерей советского народа.

Из всего сказанного совершенно понятно, почему вопросы борьбы с басмачеством и его пособниками всегда стояли в центре внимания трудящейся массы всего туркменского народа. Дайхане приветствовали местную власть, когда она проявляла активность в борьбе с басмачеством и умела организовать силу народа против басмаческих элементов и, наоборот, дайхане негодовали, возмущались и протестовали, когда местная власть ослабляла борьбу с басмачеством.

Вот что говорится в докладе Ташаузского окружного комитета партии об итогах беспартийных конференций, проведенных летом 1926 года во всех районах Северного Туркменистана: «Конференции всех районов выразили благодарность советской власти за ее борьбу с басмачеством. Многие делегаты в своих выступлениях говорили о пользе, которую дала трудовому народу почти полная ликвидация феодально-родового быта (вождей), а также и ликвидация внутри района организованного басмачества, от которого остались только мелкие уголовные шайки бандитов, ушедших в пески. Дайхане обещали в дальнейшем всемерную и организованную поддержку в борьбе с бандитизмом и одновременно отмечали недостатки и неправильный метод в борьбе с бандитами, которые имели место в Тахтинском районе»[1]).

В марте 1927 года жители аула Кизыл Каракалинского района подали Окружному съезду Советов Полторацкого (Ашхабадского) округа коллективное заявление следующего содержания (в дословном переводе с туркменского языка):

«В набегах басмачей до 1925 года у нас угнано 44 лошади, 60 голов крупного рогатого скота, два стада баранов, 15 верблюдов, 5 ишаков и убито 5 человек. Несколько юрт разрушено и ограблено, все это дело рук калтаманов или басмачей. Указанными набегами мы превращены в нищих, ибо кроме потери скота, мы не в состоянии предохранять от разрушения наши плотины и арыки. В 1926 и 1927 годах от нас уведено 6 лошадей, 15 голов крупного рогатого скота. В настоящее время, то есть 15 марта, в 12 часов ночи у дайхан аула Кизыл увели 13 лошадей. Просим принять решительные меры для ограждения нас от басмачей»[2]).

А в августе 1927 года «Скотоводы 130 колодцев Геоктепинского, Бахарденского районов заявили уполномоченному ЦИК, что если правительство не примет своевременных мер против Джунаид-хана, то они вынуждены будут действовать сами, так как Джунаид-хан имеет намерение ограбить их»[3]).

Таких примеров можно привести десятки. Все они говорят о том, что трудовая масса туркмен ненавидела басмачей и требовала от местных органов власти принятия действенных мер против басмачества.

Для борьбы с басмачеством власти Ташаузского округа создали государственную добровольческую милицию (или, как тогда называли «добрмилицию» или «дробтряд»). Эти добротряды по своей низкой боеспособности не могли успешно бороться с басмачеством. В добровольческой милиции отсутствовали военные занятия, надлежащая дисципли-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 8, л. 257.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 182, л. 104.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 284, л. 58.

на и организованность. Среди бойцов добрмилиции не проводилась политико-воспитательная работа.

Ясно, что такая слабая организация не в состоянии была разбить басмачей, состоявших из хорошо вооруженных профессиональных разбойников. Несмотря на храбрость и отвагу, проявляемую отдельными милиционерами-добровольцами, добровольческие отряды в целом не были достаточно боеспособными.

Убедившись в том, что добровольческая милиция не справляется с басмачеством, народная масса сама поднялась на борьбу с басмачеством. Еще весною 1926 года в Северном Туркменистане местами стихийно, местами под руководством партийно-советских организаций началось создание славных дайханских отрядов самоохраны (или самообороны) из бедноты и середняков, имеющих огнестрельное оружие.

Эти народные мстители помогали власти ловить басмачей-одиночек и активно участвовали в операциях по ликвидации басмаческих шаек сначала в пределах своих аулов и районов, а позже и за их пределами. Командиры таких дайханских отрядов избирались самим населением аула из числа самоохранников, отличавшихся военной способностью и своей преданностью интересам народной массы и советской власти.

Дайханские самоохранники проявляли устойчивость, выдержанность, подлинный героизм и отвагу в борьбе с басмачеством и его пособниками.

Дайхане гордились подвигами своих воинов-самоохранников и всемерно поддерживали их в борьбе с басмачеством. Вместе с дайханством, гордились ими и местные партийно-советские органы, высоко отзывавшиеся о действиях народных самоохранников. Так, например, местные партийно-советские органы Ташаузского округа в своих докладах и сообщениях в ноябре и декабре 1927 года, характеризуя участие народной массы и самоохранников в разгроме последней авантюры Джунаид-хана, писали, что благодаря активному участию со стороны батрачества и бедноты удалось ликвидировать весь подсобный элемент басмачества, который мешал в борьбе с Джунаид-ханом.

«В настоящее время на местах, — писал Ташаузский окрисполком, — остаются организованные отряды так называемой аульной самоохраны. Они являются представителями дайхан, выделенными для вооруженной борьбы со своим классовым врагом, оставшимся еще после ухода Джунаид-хана»[1]).

«В Ходжа Кумбете Тахтинского района отряды самоохраны дайхан вели активную борьбу с бандитизмом, неоднократно участвуя в боях»[2]).

«Самоохрана Куня-Ургенчского района в боевых операциях показала себя с лучшей стороны. Самоохранниками ликвидированы скрывающиеся в данном районе одиночки-басмачи и мелкие шайки»[3]).

Таковы факты, полностью опровергающие утверждение великодержавных шовинистов о том, что туркменский народ и басмачество составляют одно целое.

Конечно, бывали отдельные и весьма редкие случаи, когда некоторые начальники отрядов самоохраны, являясь классово-чуждыми элементами, двурушничали и в решающие минуты борьбы с басмачеством или с его пособниками оказывались предателями. Таковыми были, например, Берды-бала и Баба-донгуз из Ильялинского района, Мамет-ба

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. 111, д. 71.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 183, л. 24.
[3]) Там же, ф. 2/2, оп. 1, д. 237, л. 20.

га и Ибрагим-ковли из Куня-Ургенчского района, Мухамед-сары и Марегдев из Тахтинского района, Нуры-Кара Какабай-годжик-оглы из Порсинского района. Но это были одиночки, справедливо заслуживавшие презрение народной массы.

История туркменского народа не забудет имена подлинных народных героев, доблестно дравшихся со своими классовыми врагами — басмачами, грудью отстаивавшими свою родную советскую власть. Вот имена некоторых из этих славных сынов туркменского народа:

Из Тахтинского района: Бегмамед Тачмамед-оглы — бывший батрак из аула Полосалтан, председатель аулсовета, член ВКП(б), героически погиб в бою с басмачами в 1929 году.

Джепбар Карабай-оглы — бывший батрак из аула Темеч, член ВКП(б), председатель аулсовета, погиб в бою с басмачами в 1930 году.

Язлы Иламан-оглы — бывший батрак из аула 2-й Темеч, секретарь комсомольской ячейки, погиб в бою с басмачами в 1932 году.

Язбагшы Эсен-оглы — середняк из аула Копикли, начальник отряда самоохраны, дважды награжденный за боевые заслуги орденами Красного Знамени, погиб в 1928 году.

Из Куня-Ургенчского района: Бердиджан-Дурды-оглы — бедняк из аула Казахер, начальник отряда самоохраны, дважды награжденный за боевые заслуги орденами Красного Знамени, героически погиб в бою с басмачами в 1926 году, после того, как вся семья его была перебита бандой Шалтай-батыра.

Кемине-ших Мурад-оглы — бедняк из аула Карасач, известный следопыт, активный участник всех революционных событий с 1918 года, дважды награжденный за боевые заслуги, умер в 1939 году.

Чопан-Машырык-Ораз-оглы — бывший батрак, пастух из аула Кетгенлиой, член ВКП(б), начальник отряда самоохраны, орденоносец, погиб в бою с остатками басмачей в 1933 году. И с ними многие другие.

Сплочение трудящихся туркмен вокруг советской власти в борьбе с вооруженным байством выразилось и в том, что даже безоружные дайхане и дайханки были широко вовлечены во всенародный поход против басмачества. Наряду с отрядами самоохраны, в аулах были созданы отряды так называемых «красных палочников».

Дело в том, что обычно бандиты после своего разгрома растворялись в населении и скрывались таким образом от преследования. Басмаческие шайки систематически посылали в аулы, в районные центры, на базары своих шпионов, агентов, под видом дайхан, нищих-каландаров или розничных торговцев (джерчиев). Этих басмаческих агентов обычно скрывали пособники басмачей — баи и муллы.

Для того, чтобы вылавливать и доставлять органам власти таких скрывающихся басмачей, их агентов и помощников, в 1926 году началась, по инициативе местных партийно — советских организаций и самих дайхан, организация в ауле нелегальных отрядов «красных палочников». В эти отряды входили, по собственному желанию, безоружные или вооруженные холодным оружием батраки, бедняки, середняки. Они в одиночку с палками в руках, днем и ночью бродили в аулах под видом пастухов, под видом дайхан, едущих искать «потерянный скот» и т. д.

Это были народные разведчики и мстители. «Они играли роль прощупывателей, прочесывателей», как говорили военные.

Басмачи и их пособники ненавидели и боялись «красных палочников» и беспощадно расправлялись с ними, если кто-нибудь из них попадал в их руки.

«Красные палочники» оказали огромную услугу в борьбе с басмачеством и его пособниками.

Так шла всенародная борьба с басмачеством, в которой, вопреки клевете великодержавных шовинистов и противодействиям буржуазных националистов, добровольно участвовали самые широкие круги трудящихся дайхан.

На помощь трудящимся дайханам, на помощь самоохранникам и красным палочникам, по зову народной массы, пришли доблестные бойцы и командиры частей Красной Армии.

Буржуазные националисты, стараясь ослабить силу вооруженной борьбы с басмачеством и отдалить день военного разгрома басмачества, выступали против использования частей Красной Армии в борьбе с басмачеством. Они старались ограничить борьбу с басмачами действиями малобоеспособной, созданной ими добровольческой милиции. Так, например, главарь буржуазных националистов Атабаев 17 января 1927 года писал: «Действительно, вести борьбу с шайками, постоянно укрывающимися в бесконечных песках, возможно только силами самих же туркмен, которым не страшны эти пески»[1]).

Несмотря на то, что по общему мнению добровольческая милиция не могла сколько-нибудь эффективно бороться с басмачами, националисты даже и в последующие годы продолжали игнорировать и умалять решающую роль Красной Армии в борьбе с басмачеством.

Но народная масса и самоохранники, и даже сами милиционеры-добровольцы, — все те, кто искренне хотел скорой и полной ликвидации басмачества, настойчиво требовали, чтобы отряды добрмилиции и самоохраны действовали совместно с красноармейцами. Это объясняется тем, что красноармейцы своим личным примером вносили в среду местных отрядов высокую дисциплинированность и организованность, показывали образцы устойчивости, героизма и отваги в борьбе с классовым врагом — басмачеством. Отряды же добрмилиции без поддержки красноармейских частей самостоятельно операции вести не могли[2]).

И, наоборот, без активного привлечения отрядов местных дайхан в качестве вспомогательной силы части Красной Армии не могли бы так успешно вести операции против басмачества.

Совместное действие всех видов вооруженной силы народа было необходимым не только с политической точки зрения, но и с точки зрения военной.

Специфические особенности природы Кара-Кумов весьма осложняли боевые действия красноармейцев. Красноармейцам приходилось не только драться с басмачами, но и преодолевать труднопроходимые, малоисследованные пески Кара-Кумов. Своеобразные нравы и обычаи населения, формы басмаческих действий требовали от бойцов и командиров Красной Армии больших усилий, выдержки, огромной закалки.

Да и басмачи представляли из себя противника особого типа. Они не только проявляли в бою чрезвычайную устойчивость и дерзость, но и, хорошо зная местность и тактику борьбы красноармейских частей, умели очень гибко маневрировать, применяться к обстановке, искусно маскироваться.

Наше командование обычно двигало все воинские части сперва в одном направлении и, закончив там боевую операцию, перебрасывало войска на другой участок. Это хорошо знали басмачи. Подвижная способность наших частей иногда резко отставала от подвижной способ-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 182, л. 40.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 182, л. 51.

ности басмаческих шаек, имевших к тому же хорошо налаженную агентуру в крупных населенных пунктах. Благодаря этому басмачи зачастую заблаговременно уходили от ударов наших частей.

Басмачи широко применяли агентурную разведку, маскировку, не останавливаясь перед такими методами, как переодевание в красноармейскую форму, посылки разведчиков в форме милиционеров и т. д.[1]).

Опыт борьбы с мелкими группами басмачей показал, что эти группы применяли два метода, спасающие их от окончательной ликвидации.

Первый метод — это упорное уклонение от боевых столкновений с нашими отрядами, второй метод — рассыпание на одиночки с тем, чтобы неизмеримо увеличить районы действия отрядов.

Характерно, что для быстроты своего передвижения басмачи окончательно отказались от своих семей. В культурной полосе борьба с мелкими бандитскими группами осложнялась тем, что они действовали в пешем порядке, одиночками или по двое-трое человек, что позволяло им быть менее замеченными и легче скрывать свое местонахождение.

Действия басмачей облегчались и тем, что басмаческие пособники, засевшие в некоторых местных органах власти, всячески помогали басмаческим шайкам, представляя им шпионские сведения.

Борьба с басмачами требовала совместных действий Красной Армии и дайханских отрядов, ликвидации вражеской агентуры в советском и партийном аппарате и в первую очередь тех, кто сознательно, изменнически стремился противопоставить красноармейские части отрядам бойцов местных дайхан, кто желал избежать объединения всех советских военных и гражданских сил против басмачества. А именно, этого хотели и к этому стремились буржуазные националисты и великодержавные шовинисты. Первые, не желая участия красноармейцев в операциях против басмачей, преувеличивали трудности Кара-Кумов и особенности борьбы с басмачами[2]) вторые — провокационно на каждом шагу подозревали дайхан, борющихся с басмачами в «измене» и утверждали необходимость бороться не только с басмачами, а со всем туркменским населением[3]).

Однако, несмотря на все препятствия, чинимые вражеской агентурой, красноармейцы и их командиры при активной поддержке трудового населения, совместно с воинами местных отрядов добрмилиции и самоохраны, успешно преодолевали как трудности природных условий песков Кара-Кумов, так и упорство, хитрость и коварство применяемые басмачами и их пособниками.

Естественно, что на тесное сотрудничество Красной Армии и дайханства, проходившее под руководством большевиков, буржуазные националисты и великодержавные шовинисты смотрели с нескрываемой враждой. Они прилагали все усилия к тому, чтобы снизить активность дайханской массы, поссорить ее с частями Красной Армии, в результате задержать этим быстрый темп социалистического строительства в Туркменистане.

Следует отметить, что на определенный период, примерно, с лета 1928 года до сентября 1931 года, буржуазным националистам и их пособникам удалось несколько снизить активность, энергию и энтузиазм народных масс не только в борьбе с басмачеством, но почти на всех участках хозяйственного и советского строительства в районах Северного Туркменистана.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, д. 190, л. 9 и 15.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 172, л. 40.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 151, л. 139.

Некоторое снижение здесь политической активности народной массы в этот период объясняется рядом причин, а именно: во-первых, тем, что отдельные партийно-советские работники — пособники националистов и басмачей — перестали работать с массой и перешли от метода политико-воспитательной работы к методу грубого администрирования, искривления политики партии и советской власти во многих вопросах социалистического строительства.

Буржуазные же националисты, сохраняя и продолжая свою основную правооппортунистическую линию в отношении байства, наряду с этим, в целях создания антисоветского движения, поддерживали и поощряли те перегибы, которые допускали лжереволюционеры — левые загибщики — в отношении народной массы.

Во-вторых, как мы указывали выше, была ясна необходимость проведения земельно-водной реформы, являющейся действенным стимулом поднятия активности народной массы, роста классовой борьбы дайхан против байства и его басмачей, средством освобождения дайхан от экономической зависимости от баев и духовенства. По настоятельному требованию и под повседневным контролем со стороны Средазбюро ЦК ВКП(б) земельно-водная реформа была проведена в 1925—1927 г.г. в ряде центральных районов ТССР. Однако в районах Ташаузского, Керкинского и Чарджоуского округов республики до осени 1931 года, до момента развернутой коллективизации, земельно-водная реформа не была проведена[1]).

Следовательно, дайхане большинства районов республики оставались в экономической зависимости от баев, а в силу этого, бай имел возможность влиять на политическое настроение одной части дайхан и вести её за собой в антисоветское русло, в басмачество, в эмиграцию и т. п.

Сохранение экономической зависимости дайхан от баев и недостаточная политико-массовая работа приводила к тому, что многие дайхане из пограничных районов Керкинского и Чарджоуского округов уходили вместе с баями в эмиграцию, а в Ташаузском округе — в басмачество. Батраки, бедняцкое и маломощное дайханство, зависившее от баев, предоставлявших им работу, сельхоз-инвентарь и рабочий скот, несмотря на все кабальные условия байской эксплоатации, вынуждены были итти за байством. В этом и заключалась политика буржуазных националистов.

В-третьих, в конце 1930 года, когда хлебный баланс Советского Союза в целом был в хорошем состоянии, националистическое руководство правительства ТССР умышленно создало в республике такое положение, что дайхане Ташаузского округа и трудовые скотоводы районов Кара-Кумов, от Красноводска до Аму-Дарьи, буквально голодали. А в тоже время националисты продолжали снабжать басмаческие банды хлебом.

В-четвертых, преступнейшим перегибом, немедленно использованным врагами советской власти, была перепашка озимых и весенних посевов пшеницы, производившаяся весною 1931 года в принудительном порядке по злоумышленному указанию националистов. Это сознательное вредительство осуществлялось под видом расширения площадей для посева хлопчатника. Этим мероприятием националисты преследовали цель дискредитировать политику партии и советской власти по усилению хлопководства. Дайхане, не верившие в возможность получения привозного хлеба оказывали упорное сопротивление директиве националистов, они категорически отказывались перепахать засеянную пшеницу.

Так, в марте 1931 года в Ильялинский райисполком прибыла деле-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 187, л. 20—21.

гация от дайхан всех аулов в количестве около 500 человек с просьбой приостановить перепашку пшеницы, обещая взамен этого найти соответствующую площадь для посева хлопчатника и выполнить план хлопка. Уполномоченный правительства, активный буржуазный националист Бекджан Назаров отказался выслушать заявление ильялинских дайхан и разогнал их под угрозой ареста. После этого в некоторых аулах дайхане стали избивать райуполномоченных, а затем, боясь репрессий, ушли в банды[1]).

Большевистская партия и советская власть указывали, что хлопковую площадь нужно расширять прежде всего путем орошения новых земель, а если возникнет необходимость сокращения площади зерновых культур для посева хлопка, то необходимо сперва наладить снабжение населения завозным хлебом настолько, чтобы дайхане воочию убедились, что они, расширяя хлопководство за счет зерновых культур, нуждаться в хлебе не будут. А буржуазно-националистические вредители в своих контрреволюционных целях проводили иную политику, а именно — хлеба не давали, а зерновые посевы дайхан насильственно перепахивали. Эта политика была направлена, конечно, не против баев, имевших достаточное количество хлеба, а против дайхан, она еще в большей степени увеличивала их зависимость от байства.

В-пятых, советские заготовительные организации получали, по решению союзного правительства, значительные фонды промтоваров для отоваривания сдатчиков сырья, стимулирования дайхан-производителя. Несмотря на то, что эти товары были отпущены в достаточном количестве, националисты и левые загибщики в 1929—1930 годах в районах Ташаузского округа и в каракумских скотоводческих районах умышленно создали голод и в промтоварах — в магазинах мануфактуры и ниток не было; дайхане вынуждены были их изготовлять в кустарном порядке, как в прежние времена. Националисты приказали насильственно отбирать у дайхан хлопковые прялки (ийк) и джины (чархи); приспособленные к кустарной выработке маты и ниток. Местные власти устраивали облавы и обыски для изъятия у населения прялок. Это немедленно использовали баи и духовенство для бешеной антисоветской агитации, для организации массовых «женских походов» в райцентры с целью протеста.

В-шестых, хотя в своих многочисленных директивных указаниях большевистская партия и советская власть требовали строго различать дайхана-середняка от кулака-бая, ни в коем случае не допускать применения к середняку классовой политики, которую должны были проводить в отношении байских элементов, националисты и левые загибщики делали иначе. В 1930—1931 годах, когда советская власть на основе сплошной коллективизации проводила политику ликвидации кулачества, националисты, чтобы оттолкнуть дайхан от советской власти и пополнить ими ряды басмачества, допускали и поощряли массовые случаи зачисления середняков и даже отдельных бедняков в число кулацких хозяйств.

В-седьмых, в общей сумме ошибок, перегибов и вредительства, приведших к тому, что часть дайханства подпала под влияние байства, имели большое значение случаи нарушения революционной законности, искривления рядом военных работников директив партии и правительства о методах борьбы с басмачеством.

Еще в 1924 году Политуправление Средне-Азиатского военного округа указывало в своем директивном письме о тактике борьбы с басмачеством, что: «Возможна, допустима и необходима комбинация мер

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 9, л. 19.

военного нажима и удара с рядом чисто политических мер, направленных к разложению, расслоению и ослаблению басмачества.

К числу таких мер относится, прежде всего, новая карательная политика, сводящаяся к тому, что резко разграничивается добровольная сдача с оружием от захвата в плен в бою.

В первом случае помилование, во втором служебная кара, причем, конечно, в зависимости от условий, формы решения по отношению к каждому басмачу и курбашу индивидуализируется.

Метод заложничества, вообще говоря, недопустим. Карать лишь безусловно злостных пособников басмачеству, а не случайных и вынужденных (на основе особого точно определенного положения).

Оказывать хозяйственную помощь в первую очередь пострадавшим от басмачества районам, что, имея в виду местный характер происхождения басмачей, дает возможность и последним вскоре взяться за мирный труд. Одновременно усилить военный нажим.

Эта тактика безусловно ускорит разложение и разгром остатков басмачества, и вопрос должен сейчас итти лишь о безоговорочном, наиболее полном и разностороннем ее проведении в жизнь военными, военно-партийными, карательными и другими органами. Между тем, есть сведения, что не всеми товарищами необходимость и правильность новой линии достаточно прочно усвоена и продолжаются вокруг этого вопроса различные необоснованные слухи и обсуждения. Необходимо категорически прекратить дальнейшее обсуждение уже доказанной правильности новой линии, как в открытой форме, так, в особенности, скрытой, считая такое поведение антипартийным. Тем самым будет обеспечено должное единство нашего могучего военно-партийно-политического аппарата»[1]).

В Ташаузском округе этой директивы не придерживались, ее нарушали. Любители администрирования часто арестовывали людей без достаточного основания. Практиковалось и заложничество, то есть арест в качестве заложника, родственников лиц, ушедших в банды.

Эти грубейшие нарушения революционной законности допускались отдельными великодержавными шовинистами, относившимися к Советской Туркмении как к колонии, не желавшие считаться ни с советскими законами, ни с обычаями и традициями местного населения. В своей враждебной деятельности они сотрудничали с буржуазно-националистическими ставленниками, ведшими политику провоцирования туркменских дайхан.

И те, и другие сознательно не придерживались руководящей партийной установки, данной еще в 1924 году Политуправлением САВО, в которой ясно говорилось, что: «Военные партработники должны принять более чем до сих пор активное участие в работе партийных, профессиональных и советских органов, оказывая им всевозможную помощь, но каленым железом выжигая всякие малейшие попытки командования, опекунства и наставничества...

Вместе с тем всякая преднамеренность, подозрительность и необоснованное недоверие не должны ни в коем случае и ни в каком виде допускаться и должны решительно изгоняться из рядов наших парторганов и организаций.

Само собой разумеется, что задача упрочнения дружественных и близких отношений, основанных на взаимном уважении Красной Армии и населения, попрежнему чрезвычайно важна»[2]).

Не считаясь ни с директивными указаниями партии, ни с советски-

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 35, л. 151—152.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 35, л. 157—158.

ми законами, не понимая обстановки, не разбираясь в сложных местных условиях, отдельные работники военных органов навязывали местным властям совершенно непригодный метод борьбы с басмачеством.

Военное командование и местные партийно-советские органы в 1928—1930 годах недооценивали важности политико-массовой работы в ауле. Не разобравшись ни в происхождении басмачества, ни в его социальных корнях и связях, они до решительного вмешательства ЦК ВКП(б) и союзного правительства, держали курс только на военное поражение басмаческих шаек, игнорируя массовую разъяснительную работу среди населения.

Ташаузский окружной комитет партии в резолюции от 18 ноября 1929 года требовал от партийных организаций «развернуть широкую работу по организации батраков, бедноты и середняков на борьбу с басмачеством под лозунгами: «Борьба с басмачеством есть борьба с попытками угнетателей закабалить трудовое население, ни один батрак, бедняк и середняк не может стоять в стороне от борьбы с басмачеством»[1]).

Но вследствие засоренности и слабости партийного и советского аппарата на местах эти важнейшие указания зачастую оставались на бумаге, не доходили до масс.

Многие мероприятия партии и советской власти в районах Северного Туркменистана в 1928—1930 годах проводились без достаточного вовлечения в них дайханской массы.

«За невыполнение твердых заданий, — говорил один из ораторов на сентябрьском пленуме ЦК КП(б)Т в 1931 году — в отдельных аулах были репрессированы байско-кулацкие хозяйства. Вы думаете, что их репрессировали с помощью батрацко-бедняцких масс? Нет, узкий аульный актив во главе с уполномоченным района с оружием в руках проводил конфискацию, вместо того, чтобы организовать батрацко-бедняцкие массы»[2]).

Другой выступавший оратор говорил:

«Я был в Тедженском районе, и факты наблюдавшиеся там, говорят о том, что мы в достаточной степени не мобилизовали население... Если бы мы сумели организовать дайхан, то у населения нашлись бы все средства для уничтожения басмаческих групп. Основной недочет, основная ошибка заключается в том, что мы оставляем в стороне массы, не организуем массы на борьбу против басмачества, надеемся только на военные силы»[3]).

Замена массово-политической, организационно-просветительной работы грубым чиновничьим администрированием имело место в 1928—1931 г.г. во всех областях хозяйственной и политической деятельности государственного аппарата Ташаузского округа.

«Если изучить районы песков Кара-Кумов, — говорил представитель Средазбюро ЦК ВКП(б) на том же пленуме ЦК КП(б)Т. — то, наверно, нигде так широко не применялись методы администрирования, как в районах Ташауза»[4]).

Приводя конкретный пример из практики Куня-Ургенчского района, один из выступавших на том же пленуме ораторов сказал: «В Ташаузе мы имели факты левацких загибов, администрирования вплоть до текущей весенне-посевной (1931 год — Г. Н). В Куня-Ургенче мне жаловались на нашего Народного Комиссара социального обеспечения

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 282.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 155, л. 68.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 151, л. 104—105.
[4]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 9-а, л. 22.

Ата Мурадова, который проявил возмутительное администрирование. Ата Мурадов потребовал в течение 24 часов засеять посевную площадь, иначе грозил самих дайхан зарыть в землю. Такие факты администрирования и перегибов безусловно повлияли на то, что беднота и батрачество пошли с байством»[1]).

Так было не только в Ташаузском округе, но и в ряде других районов ТССР.

Все эти многочисленные факты произвола, нарушения революционной законности, грубого администрирования, забвение партийных директив о проведении массово-разъяснительной работы были не случайными, не единичными явлениями. Они вытекали из того факта, что буржуазно-националистическое руководство Туркмении, при помощи отдельных великодержавных шовинистов, долгое время проводило последовательную и планомерную политику, направленную к срыву социалистического строительства, к сохранению байства, к справоцированию трудящегося туркменского населения с целью толкнуть его в сторону элементов, враждебных советской власти.

Эта вражеская в течение длительного времени неразоблаченная деятельность не могла не привести к общему снижению политической активности дайханства, отрыву его значительной части от советского влияния.

Несмотря на то, что националисты тщательно маскировали свою вражескую деятельность, отдельные партийно-советские работники уже в то время правильно оценивали роль правооппортунистических руководителей в том сложном и тяжелом политическом положении, которое к 1931 году создалось в Туркменистане, а в особенности в его северных и западных районах.

Так, выступая на сентябрьском пленуме ЦК КП(б)Т в 1931 году, один из ораторов говорил:

«Нужно отметить, что байство имело определенную благоприятную обстановку к тому, чтобы получить под свое влияние некоторую часть бедняков и середняков. Мы своей неправильной политикой создавали обстановку, которая тормозила активность середняцко-бедняцких масс. Правооппортунистическая практика в хозяйственно-политических мероприятиях способствовала тому, что бай мог повести за собой некоторую группу бедняков и середняков. Когда мы говорим о том, что правооппортунистическая практика являлась определенным фактором, который содействовал организации сил против нас, то ни в коем случае нельзя забывать о том, что практика левых перегибов при проведении хозяйственных мероприятий, толкнули некоторые группы против нас»[2]).

Естественно, что, получив при помощи и содействии буржуазно-националистических руководителей широкие возможности к антисоветской агитации, байство и духовенство приняло все меры к тому, чтобы взять под свое влияние наиболее темные и отсталые слои дайханства. Баи, ишаны, муллы, басмаческие агенты не только раздували случаи перегибов и извращений советской политики, но и распространяли провокационные слухи о внешних затруднениях советской власти, о неизбежности войны, о готовящемся выступлении зарубежных басмаческих сил[3]).

Все это привело в период 1928—1930 г. г. к некоторому снижению политической активности значительной части дайханства, к дезориента-

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 151, л. 133—134.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, л. 151, л. 222.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 284, л. 42, и ф. 1, оп. 3, д. 190, л. 5—7 и 348.

ции массы, к временному усилению позиции байства и его басмачества. Начиная с конца 1929 года, басмаческие лагери в Кара-Кумах стали пополняться значительным количеством дайхан самых разных социальных слоев.

Выше указанные обстоятельства, в особенности контрреволюционная политика буржуазных националистов способствовали не только сохранению старых, разгромленных, но не уничтоженных басмаческих шаек, но и возникновению новых. Вытесняемое со своих позиций байство все теснее связывается с остатками разбитых басмаческих банд. Оно снабжает их оружием, провиантом, регулярно пополняет их состав.

После разгрома основных сил Джунаид-хана к началу 1929 года на территории Ташузского округа оперировали следующие самостоятельные группы басмачей:

1. Старая шайка Шалтай-батыра численностью от 15 до 25 всадников в районах Куня-Ургенча, Ильялы и Кунграда.

2. Новая шайка Куллы-балы в 20—25 всадников в тех же районах.

3. Вновь образованная банда Ягмыр-Ходжи в 12 всадников в Куня-Ургенчском районе.

4. Шайка Ораз-балы (видного соратника Джунаид-хана) численностью в 15 всадников в Ильялинском районе.

5. Старая шайка Ахмед-бека в 32 всадника в Тахтинском районе.

6. Небольшая шайка Язан-окуза в 8—10 всадников в том же районе.

7. Вновь организованная узбекскими баями шайка Балта-шиха в 10—20 всадников в Ташаузском и Ильялинском районах.

8. Созданная казахскими баями банда Конгир-бай Кошанова в 40—50 всадников в районах Кунграда и Ходжейли.

9. Объединенная шайка кара-калпакских и туркменских басмачей Клыч-бай-Джума-Мурадова и Мадяр-балы в 30—40 всадников в районах Куня-Ургенча, Кунграда и Ходжейли[1]).

Хотя все эти небольшие группы басмачей действовали врозь и каждая из них считалась самостоятельной, но в большей или меньшей степени все они были связаны с Шалтай-батыром, старым сподвижником Джунаида, являвшимся, после его эмиграции, наиболее вероятным претендентом на роль руководителя басмаческим движением. Баи и ишаны распространяли среди населения легенду о том, что Шалтай-батыр поклялся Джунаид-хану продолжать его дело.

Шалтай имел тесную связь с басмаческими главарями, эмигрировавшими в Иран и Афганистан. Так, в сентябре 1929 года на колодце Хан-Кую, Шалтай-батыр получил из Ирана (через Дурды-Гылыч-хана) 14 верблюдов, нагруженных чаем, мануфактурой и боеприпасами. Караван сопровождали 10 всадников Дурды-Гылыч-хана. Шалтай часто получал из-за границы от Джунаид-хана различного рода поручения, передаваемые через главаря банды туркмен-эрсаринцев Клыч-Мергена.

Клыч-Мерген обосновался недалеко от границы Афганистана, на расстоянии около 200 верст от Мары, в трудно проходимых песках, у колодцев под названием «Кырк-Гулач». В его банде было около 80 хозяйств с 100—150 вооруженными всадниками. Они совершали налеты на культурные районы Мургабской системы.

В течение 1929 года шалтайцы убили 40 человек представителей низового партийно-советского актива.

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, л. 32, ф. 1, оп. 1, д. 119, л. 17.

Самым крупным террористическим актом шалтайцев в этот период явился так называемый «гокленский погром», произведенный ими в январе 1930 года. Это массовое убийство дайхан произошло при следующих обстоятельствах:

Вечером 15 января 1930 года в ауле Гокленер Ильялинского района, происходил той (свадьба), на которую собралось около 300—350 человек жителей различных аулов; председатель районного комитета батраков Емудов и джигит отряда дайханской самоохраны Ораз, следуя на той, встретили четырех неизвестных лиц, сопровождавших 10 верблюдов, груженных хлебом. На вопрос Емудова, являвшегося уполномоченным по хлебозаготовкам, о том, куда везут джугару, сопровождавшие караван люди дали сбивчивые ответы, а поэтому для выяснения были задержаны. Джугара была сгружена около дома, где происходил той, и был составлен акт о задержании каравана.

Спустя несколько минут около дома раздались выстрелы. Шалтай-батыр, который внезапно появился с 25-ю басмачами, кольцом окружил дом, где происходил той и около которого находилась задержанная джугара, направлявшаяся, как потом было выяснено, в лагерь банды Шалтая.

Джигит отряда самоохраны Ораз схватил винтовку, выбежал за ворота, первым выстрелом убил одного из бандитов, но тут же был убит и сам. За ним выбежал член аульного Совета и самоохранник; вступив с басмачами в рукопашный бой, он погиб в неравной борьбе. Несмотря на явное неравенство сил, один дайхан-бедняк по имени Мамед, с кинжалом в руках выбежал из дома и вступил с бандитами в единоборство; двумя ударами он убил одного бандита, другого ранил, и, несмотря на стрельбу бандитов, сумел бежать; раненым оказался сам Шалтай.

Басмачи подожгли лежавшие на крыше дома клевер и колючку, не прекращая обстрела ворот дома, где находилось около 300 человек, в том числе множество детей, женщин и стариков. Они тщетно просили у бандитов пощады; басмачи продолжали обстрел ворот и дверей дома, не давая никому из него выходить.

Всего спаслось из горевшего дома около 50 человек, получивших тяжелые ожоги, остальные погибли. Как стало известно через несколько дней, организатор этого кровавого погрома Шалтай-батыр умер от раны, которую он получил в ночной схватке с дайханом-бедняком Мамедом[1]).

Гокленерское событие подняло все партийные и советские организации, всю общественность, все дайханство Ташаузского округа на решительную борьбу с басмачеством. На многочисленных митингах и собраниях, посвященных пямяти жертв гокленерского погрома, дайхане клеймили убийц и разбойников и выражали сильное недовольство тем, что власть недостаточно вела борьбу с басмачеством.

Басмачи получили возможность совершать все усиливающиеся налеты, и потому, что после разгрома зимой 1927—1928 годов основной группировки басмаческих шаек, возглавлявшихся самим Джунаид-ханом, некоторые руководители считали басмачество в Ташаузском округе полностью ликвидированным, и поэтому в конце 1928 года сняли отряды добровольческой милиции из районов кара-кумских колодцев, а также вывели из Ташаузского округа воинские части.

Бюро ЦК КП(б)Т 18 января 1930 года обсуждало директивное указание Средазбюро ЦК ВКП(б) по вопросу гокленерского события

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 188, л. 6—7; дополняется рассказами очевидцев.

и отметило, что снятие воинских частей из Ташауза дало возможность банде Шалтай-батыра безнаказанно произвести террор над населением одного из кишлаков Ильялинского района, наиболее решительно боровшегося против бандитизма[1]).

С начала 1931 года в песках Кара-Кумов начинается значительное оживление басмачества. Это усиление деятельности отдельных басмаческих отрядов сливается весною 1931 года с всеобщим выступлением байства, сумевшего в ходе выступления захватить районный центр Куня-Ургенч и окружить Ильялы.

Основной причиной нового выступления байства явилось развитие колхозного строительства и переход в связи с этим от политики ограничения байства к политике его ликвидации, как класса. Байство не хотело сдаваться без боя. В окраинных, наиболее отсталых районов Туркменистана оно сумело втянуть часть дайханства в басмачество, используя ошибки и перегибы местного руководства в колхозном строительстве.

Бешеная агитация баев, ишанов, мулл, распускавших провокационные слухи о предстоящей конфискации всего скота у дайхан, уверявших их, что Англия объявила советской власти войну, а сын Джунаида-Эшн-хан захватил все районы от Чарджоу до Казанджика, оказывала определенное влияние на настроение северных и западных районов республики.

Следует учесть и то, что эта открытая агитационная подготовка выступления байства проходила при попустительстве отдельных местных органов власти, в которых засели буржуазные националисты, сознательно способствовавшие развитию басмаческого движения в 1931 году.

К середине мая 1931 года в районах Ташаузского округа насчитывалось уже более 10 басмаческих шаек общей численностью до 400 всадников, возглавлявшихся Ахмед-беком, Язан-окузом, Ораз-балы, Ходжа-Пир-ишаном, Мухамед-сары, и другими. Из новых главарей басмачей наиболее значительным был Ходжа-Пир-ишан из човдуров Порсинского района, еще в октябре 1930 года ушедший в басмачи вместе с другими ишанами и 30 джигитами[2]).

Характерная особенность басмаческого движения этого периода состояла в том, что мелкие банды объединялись в крупные, независимо от национального, племенного и родового различия между ними. Главной руководящей фигурой среди главарей басмачей, после гибели Шалтай-батыра стал Ахмед-бек и его ближайшим помощником Язан-окуз.

В 1931 году басмаческое движение в Ташаузском округе находилось более чем когда-либо в тесной связи с басмачами других округов ТССР. Басмаческое движение 1931 года по ТССР в основном делилось на три группы: тедженская группа басмачей, казанджикско-красноводская группа и ташаузская. Связующим их районом были центральные колодцы Кара-Кумов, обычно используемые басмачами, как безопасные места для укрытия и организации своих баз.

Тедженская группа басмачей возглавлялась бывшим торговцем Мурад-Али-ханом из Бахарденского района. 12 мая 1931 года Мурад-Али с 200 всадниками совершил налет на районный центр Бахарден, но, получив отпор, ушел в глубь песков, где остановился в районах колодцев Бала-Ишема и Орта-Кую. В начале июня в лагере Мурад-Али насчитывалось свыше 2 000 хозяйств и около 1 000 вооруженных

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 187, л. 20.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 188, л. 190—191.

всадников. Готовясь к всеобщему байскому выступлению, Мурад-Али даже сформировал свое басмаческое «правительство»: себя он объявил ханом, каахкинского бая Бек-Назара он назначил своим заместителем, тедженского ишана Карры-муллу назначил главным казием, «назирами» его стали Недир-хан Назаров (крупный бай из Тедженского района), Байрам-мулла (из Геок-Тепе) и другие[1]).

В соседстве с Мурад-Али самостоятельно действовала шайка Ораз-Гельди-Мурадова в 100 всадников из Марыйского и Тедженского районов. Эта банда 21 мая 1931 года произвела налет на Геоктепинский район, в котором ограбила ряд государственных учреждений, подожгла помещение шерикета, школы, медпункта, магазины, у населения отняла 40 верблюдов, убила 5 милиционеров, а двух учительниц и одного милиционера увезла в плен[2]).

Появление и безнаказанный разгул банды Ораз-Гельди вблизи культурной полосы и республиканского центра резко ухудшило политическую обстановку, оно стимулировало активизацию бандитских групп. Действия бандитских групп приобрело яркую контрреволюционную окраску[3]).

В июле 1931 года власть в Тедженском районе почти полностью оказалась в руках главарей банды Ораз-Гельди. Это видно из сообщения оперативной части от 23 июля 1931 года из Теджена, в котором отмечалось, что Ораз-Гельди, имея свою основную базу в районе колодцев Сенгерли (между Хивой и Тедженом), сформировал, по примеру Мурад-Али, бандитское «правительство». Обычно такие басмаческие «правительства» быстро распадались из-за междоусобицы среди самих главарей-«правителей». На этот раз, в целях оформления политической платформы движения, Ораз-Гельди в июле 1931 года собрал басмаческий «курултай», на который кроме полутораста человек баев и мулл демонстративно были приглашены с полсотни дайхан-бедняков и середняков. В торжественной обстановке этот «курултай» преподнес Ораз-Гельди титул «хана туркмен», объявил незаконным советское правительство ТССР и обратился ко всем мусульманам с призывом к восстанию для защиты «ислама и шариата»[4]).

Ораз-Гельди был тесно связан как с Джунаид-ханом в Афганистане, так и с главарем ташаузских басмачей Ахмед-беком. В июле 1931 года Джунаид-хан отправил из Гератской области Афганистана для Ораз-Гельди антисоветскую литературу и боеприпасы. Этот транспорт с 70 всадниками под начальством Хан-Казы 30 июля перешел границу в районе Серахса и прибыл в лагерь Ораз-Гельди[5]).

По данным на 1 августа 1931 года, в стане Ораз-Гельди насчитывалось до 400 хорошо вооруженных басмачей. С этой силой Ораз-Гельди 3 августа окружил и занял скотоводческий районный центр Ербент, близ которого находились рудники серного завода[6]). Гарнизон в 50 красноармейцев находившихся на территории этого района, упорно отбивал атаки банды. 6 августа, после прибытия подкрепления из Ашхабада, басмачи отступили, потеряв 60 человек убитыми[7]). В боях за

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 190, л. 43.
[2]) Там же.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 190, л. 44 и 46.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 5, оп. 3, д. 590, л. 77, а также см. ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 137.
[5]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 3, д. 190, л. 193.
[6]) Там же, л. 211.
[7]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 3, д. 190, л. 225.

Ербент на стороне Ораз-Гельди участвовали и ташаузские басмачи под командованием Нешим-хана (брата Ахмед-бека[1]).

Казанджикско-красноводская группа басмачей состояла, главным образом, из иомудских родов бехельке и джафарбай, постоянно проживавших и занимавшихся скотоводством в западной части Кара-Кумов, на территории Казанджикского, Джебельского и Красноводского районов Туркменистана. Эта группа басмачей делилась на две части по родовому принципу: бехелькинцев и джафарбайцев. Бехелькинцев возглавляли ишан Элли-ахун, крупный малдар (скотовладелец) Карахан-чагыл, джафарбайцев возглавлял крупный бай Таган-Клыч Мамедов.

Обе эти группы восставших баев-скотоводов весною 1931 года откочевали в глубь Кара-Кумов в районы центральных колодцев, известных под названием Коймат, Орта-Кую, Отуз-Гулач, Гоклен-Кую, Бала-Ишем, Чарышлы, Агламыш, Даглы, Чагыл, Аджи-Кую, и образовали так называемую «Койматскую группировку басмачей» (по названию колодца Коймат). Оттуда они периодически совершали налеты на населенные пункты и районные центры, расположенные вдоль Ашхабадской железной дороги[2]).

Басмаческий лагерь, не имея поддержки трудового населения, испытывал сильнейший недостаток в продовольствии. Бедняки и середняки, обманом вовлеченные в басмачество, к маю 1931 года стали буквально умирать от голода в койматском басмаческом лагере, в басмаческой банде началось разложение. Несмотря на угрозы жестокой расправы со стороны главарей, бедняцко-середняцкие элементы койматских басмачей стали постепенно возвращаться в прежние места[3]).

В этот критический для басмаческих главарей момент к ним на помощь пришел родоначальник всех туркменских басмачей — Джунаид-хан. В июле 1931 года он направил из Гератской области Афганистана в Коймат 40 всадников (в том числе 20 афганцев) под начальством Мурад-бая[4]). В своих инструкциях туркменским басмачам Джунаид советовал койматцам использовать испытанный им метод ведения мирных переговоров с советской властью для того, чтобы оттянуть таким путем наступление советских войск, получить передышку для подготовки новых сил и задержать отход трудовой массы от басмачей; далее Джунаид рекомендовал койматцам шире распространять антибольшевистскую агитацию, а голодающих в их лагере бедняков чаще посылать в налеты, для грабежа имущества государственных учреждений и мирного населения.

Вслед за представителями Джунаид-хана в июне 1931 года в лагерь койматских басмачей из Ирана прибыл старый басмач Хакмурад-Гюргенли с 60-ю всадниками с сообщением о том, что вскоре из Ирана к ним на помощь приедет старый ташаузский бандит Дурды-Клыч-хан с 100 всадниками[5]).

Прибытие подкрепления из-за рубежа значительно приподняло воинственный дух койматских басмачей. Одновременно койматцы, по совету Джунаид-хана, пустили в ход тактику «мирных переговоров» с органами власти.

Так, 17 июня 1931 года к колодцу Кызыл-Ата явилась делегация от койматской группы с доверительной грамотой за подписью всех видных

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 3, д. 190, л. 221.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 48.
[3]) Там же, д. 190, л. 25.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 190, л. 85.
[5]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 3, д. 190, л. 156.

главарей. Делегаты в переговорах указывали на перегибы со стороны низового советского аппарата и этим объяснили уход в банды и возникновения таковых. В результате переговоров делегаты заявили о твердом намерении сдаться с оружием не менее 100 семейств родов Ходжа и Гокча[1]).

Было совершенно очевидно, что басмаческие ученики Джунаид-хана не собирались выполнять условий мирного договора. И, действительно, главари койматских басмачей после того как советское командование заключило с ними мирное соглашение, усилили свои бандитские налеты на населенные пункты по линии Ашхабадской железной дороги и на те колодцы, население которых отказывалось присоединиться к басмачам.

Так, одна из шаек койматских басмачей 6 июля 1931 г. совершила налет на колодцы Ак-Кую и Ириклы. Бандиты ограбили государственные магазины, забрали у населения все ценные вещи, верблюдов, изнасиловали девушек, зверски убили политработника и учителя, обезоружили и увезли в качестве заложников 4 человека из руководителей партийно-советских организаций Казанджикского района[2]).

В августе койматцы начали разгром рыбных, сульфатных, соляных и других промыслов побережья Каспийского моря[3]).

В этих басмаческих операциях приняли участие банды, составленные из басмачей всех национальностей, племен и родов. Диалектика классовой борьбы была такова, что если раньше байская верхушка каждой национальности, племени, рода дралась между собою, чтобы монопольно грабить, угнетать, эксплоатировать местную трудовую массу, то теперь они объединяются, братаются для совместной борьбы против советской власти трудящихся. 17 июля 1931 года в районе Кара-Богаз-Гола появилась банда казахских баев и мулл во главе с крупным скотовладельцем Бекеш Дерментаевым. Банда насчитывала 200 вооруженных басмачей на верблюдах и лошадях. Они убежали из Казахстана и на своем пути беспощадно уничтожали и грабили все советское имущество. При разгроме промысловых точек на берегу Каспийского моря они зверски убили 5 человек из изыскательной партии[4]). Расположившись рядом с койматской группой туркменских басмачей в районе колодца Агламыш, казахские басмачи стали с ними вместе бороться против власти Советов[5]).

Таким образом, ко второй половине июня 1931 года в районах койматской группы колодцев в лагере басмачей находилось более 900 туркменских семейств с 540 вооруженными всадниками и 975 казахских, располагавших 300 всадниками[6]). Они снабжались продовольствием и фуражем через ташаузскую группу басмачей.

Летом 1931 года активность койматских групп басмачей значительно усилилась. Один отряд банды в 100 всадников 30 июля внезапным налетом занял районный центр и железнодорожную станцию Казанджик, воспользовавшись тем, что там находилось всего 8 милиционеров. Через 4 часа басмачи отступили в пески, боясь окружения нашими отрядами, прибывшими к концу дня из Кизыл-Арвата[7]).

24 августа крупный отряд койматских басмачей совершил налет на станцию Джебел. Бандиты разрушили Таш-Араватский водопровод, сож-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 3, д. 190, л. 114.
[2]) Там же, л. 155.
[3]) Там же, л. 209.
[4]) Там же, л. 185.
[5]) Там же, л. 205.
[6]) Там же, л. 204—205.
[7]) Там же, л. 199.

пространяя эти слухи, басмаческие вожди рассчитывали поднять этим активность басмаческих шаек и задержать дальнейший отход бедняков и середняков от главарей движения.

Несмотря на разгром основных басмаческих сил под Куня-Ургенчем, байские банды все еще продолжали свою деятельность. Объединенная туркмено-узбекская басмаческая шайка в 100 всадников 16 июля напала на собрание дайхан аула Кочкар Порсинского района, убила секретаря Порсинского райкома партии Дурдыева и многих других партийно-советских активистов[1]). 20 июля из Дарган-Атинского района в басмачество ушло 250 семейств во главе с крупным баем скотовладельцем Караджа-аксакалом[2]). Они установили связь с тедженской басмаческой группой Ораз-Гельди и ташаузской бандой Ахмед-бека.

Кульминационным пунктом басмаческого движения 1931 года в Ташаузском округе явился захват басмачами Куня-Ургенча. Несмотря на все усилия руководителей басмачества, движение шло на убыль. Подводя итоги июньскому выступлению баев, ташаузские советские органы писали:

«События 24—25 июля в Куня-Ургенче и Куня-Ургенчском районе носили в основном политический характер. В основе его лежало стремление байства поднять антисоветское восстание. Причина июньских событий лежит в следующем: новое районное руководство усилило реальное наступление на байский элемент. Но, будучи слабо связано с низовым активом, оно не справилось с задачей закрепления за собой бедняцко-середняцкой части дайхан...

Непосредственным толчком к выступлению байских элементов послужило начавшееся к этому времени изъятие их пособнических элементов. Руководство восстанием пыталось дать политический лозунг — «мы боремся за мусульманскую власть, переходите к нам». Типично байский характер восстания виден еще в том, что не было единого руководства, оно было распылено между наиболее авторитетными баями[3]).

Такова была общая картина басмаческого движения к концу августа 1931 года как в Ташаузском округе, так и в других районах ТССР.

Само собою разумеется, что советская власть имела вполне достаточную силу для того, чтобы в самом начале байского антисоветского движения уничтожить басмаческие шайки. Однако, советская власть считалась с тем, что в рядах басмачей находится много бедняков и середняков, которые по своей несознательности временно очутились в лагере своих классовых врагов.

Исходя из этого, большевики Туркменистана старались мирным путем отделить от байства трудящихся дайхан. Широкой разъяснительной работой, через прокламации, воззвания, большевики стремились дать возможность тысячам обманутых людей вернуться к мирному труду. Еще в начале августа 1931 года советская власть выпустила воззвание к басмачам, в котором говорилось, что если басмаческие главари до 15 августа сдадутся со своими отрядами, то им гарантируется жизнь.

Эти усилия советской власти не пропали даром; Советская власть сумела отвлечь от басмачей и перевести на мирный труд значительную часть бедноты и середняков, спасла тем самым жизнь сотням и тысячам дайхан.

Одновременно с этим было решено организовать крупную военную

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 190, л. 213, ф. 1, оп. 3, д. 190, л. 148.
[2]) Там же, ф. 1, оп. 3. д. 190, л. 173.
[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 181, л. 26.

операцию в Кара-Кумы против несдающихся басмаческих шаек. Советская власть, исполняя давнишнее желание народной массы ТССР, поручила частям Красной Армии покончить в кратчайший срок с басмачеством на территории ТССР.

В начале сентября 1931 года части Красной Армии, совместно с силами добровольческой милиции, коммунистических отрядов и дайханских отрядов самоохраны, перешли в наступление на банды басмачей, скрывавшихся в Кара-Кумах.

Во время каракумской операции советские отряды встречали на всем пути следования атмосферу глубокого сочувствия и поддержки со стороны широкой массы трудящихся. Это обеспечило быстрое и победное окончание военных действий против басмачей.

К осени 1931 года в политическом настроении дайханства произошел крупный перелом — дайхане стали массами отходить от басмаческих главарей, внося большое разложение в среду самих басмачей.

На разложении басмачества сказывалось: усиление политико-массовой работы в ауле, ликвидация перегибов, успехи колхозного строительства и на его основе ликвидация байства, как класса, передача байских земель и средств производства в руки колхозного дайханства.

Кроме того массовому отходу трудящихся от басмачества и их вступлению в активную борьбу с басмачеством способствовала и сама обстановка в басмаческих лагерях.

В басмаческом лагере границы социальных слоев были очерчены еще резче, чем в ауле. В то время, как байский и зажиточный элементы среди басмачей накапливали путем грабежа огромные богатства, беднякам и батракам, очутившимся в басмаческом лагере, отводилась лишь роль или рядовых «джигитов», или же пастухов байского скота, погонщиков стад награбленного скота, поделенного между главарями басмаческих банд.

Как правило, почти все главари банды являлись баями. Дайханам, оказавшимся в лагере басмачей, приходилось, несмотря на все свое презрение к ним, подчиняться и таким главарям, которые по своему прошлому в ауле считались профессиональными джалатаями (шарлатанами) и ворами. Дайхане, имевшие собственное оружие и лошадь, составляли основную массу всадников — джигитов или нокеров. Дайхан-басмач, не имеющий собственного оружия или лошади, занимал таковые у своего главаря, за это он обязан был каждый раз отдавать главарю от половины до $^2/_3$ своей добычи, захватываемой им у мирного населения во время набега.

В лагерях туркменских басмачей никогда не существовало единого централизованного командования. Каждый более или менее крупный главарь считал себя независимым ни от кого, самостоятельным единоличным правителем и господином над членами своей шайки. Это усиливалось и тем, что основное ядро каждой басмаческой шайки строилось в большинстве случаев по родовому принципу во главе с знатным баем данного рода. Следовательно, любая шайка, скомплектованная по родо-племенному принципу, по приказу своего родового вождя — главаря банды, в любое время могла отделиться от общего лагеря басмачей и действовать вполне самостоятельно.

Такой порядок очень тяжело отражался на положении рядового джигита-дайхана. Если дайхан до ухода в банду в своем ауле имел возможность жаловаться в органы советской власти на притеснение бая или родоначальника, то здесь, в стане басмачей, он становился совершенно бесправным человеком, он находился в полной, ничем не ограниченной зависимости от своего главаря. В силу этого в лагере

басмачей можно было видеть расцвет феодально-крепостнических отношений между дайханом (рядовым басмачем) и баем (главарем), вплоть до практики телесных наказаний и использования главарем «права первой ночи».

Дайхан, уходя в банду, не только подвергался личному унижению, но и попадал в полную, еще большую, чем в ауле, экономическую и политическую зависимость от главаря-бая. Естественно, что это обстоятельство способствовало быстрой классовой дифференциации басмаческого лагеря, вызывало у дайхана, силой или обманом затянутого в басмачество, тягу в свой аул, к мирной жизни, ненависть к главарям басмачей, к басмаческому движению в целом.

На этот процесс большое влияние оказывало и то, что население в районах, где распространялась власть басмачей, облагалось непомерными налогами, контрибуциями и всякими сборами, от которых байско-ишанская верхушка целиком освобождалась. Ропот и недовольство трудовой массы вызывало жестокую расправу со стороны главарей банды. Так, главарь керкинских басмачей Мулла-Мамед в августе 1925 года приказал населению аула Сурхи Керкинского района немедленно собирать ему контрибуции в 500 тилля золотом, 10 халатов, 10 пар сапог и 10 головных платков, и угрожал, что в случае неисполнения кишлак Сурхи будет разграблен. Когда дайхане этого аула не могли сдать в срок эту контрибуцию, то многих из них банда расстреляла[1]).

В 1925—1927 годах Джунаид-хан в Кара-Кумах, в радиусе своего влияния, ввел налог-зекат для скотоводов в размере 5% всех голов скота и налог на добычу соли с озер, расположенных в районе колодца Самсыз. От торговых караванов, проходивших по дороге Хива — Ахал-Гюрген, джунаидцы брали налог-пач (деньгами или натурой) в размере $^1/_5$ товаров или скота[2]).

Далее, дайхане увидели в стане басмачей, как главари и их прислужники безжалостно относятся к населению, какие бесчеловечные и коварные методы они применяют к населению вообще, и в особенности к той группе, которая враждебно относится к басмачеству.

Так, например, басмачи для выявления лиц, принимавших участие в борьбе против них, появлялись в ауле под видом советских отрядов, распрашивающих у населения о местонахождении той или иной басмаческой шайки. Выявив таким образом лиц, способствовавших борьбе с басмачеством, басмачи организовывали над ними кровавую расправу.

В ряде случаев главари басмаческих банд целиком вырезали, от мала до велика, сотни и тысячи семейств мирных граждан. Только лишь в один день, 30 января 1930 года, туркмено-каракалпакская банда Клыч-бая в ауле Бакши Кунградского района убила двух батраков, двух учителей и вырезала 30 учеников[3]). Басмаческие шайки, состоявшие преимущественно из сородичей или жителей одной местности, объектом своих налетов избирали обычно не тот аул, выходцами из которого они являлись, а другой, населенный другим родом. Так как шаек было много, то все аулы являлись жертвой нападения басмачей почти в одинаковой мере.

Из-за объекта нападения и грабежа, а также из-за дележа награбленной добычи главари банд часто вступали между собой в открытые вооруженные столкновения. Именно на этой почве в мае 1925 года в

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1-а, д. 48-б, л. 159.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 84, л. 76—77 и 96.
[3]) Там же, ф. 1, оп. 1, д. 188, л. 17.

районе Кизыл-Такыр дважды происходили кровопролитные бои между бандами Джунаид-хана и Берди-Мурада, окончившиеся разгромом последнего[1]). А в декабре 1927 года Сеид-бай (или Сеид-ушак), поссорившись с Джунаид-ханом из-за дележа олджы (добычи), со своей шайкой с боем отошел от Джунаида и присоединился к банде Язан-окуза, который в марте 1929 года, опять таки из-за дележа олджы, убил его[2]).

Растущее недовольство дайхан — рядовых басмачей своим угнетенным положением и их стремление к уходу из лагеря басмачей в свои аулы, еще больше усиливали внутреннюю междуусобицу внутри басмаческих банд.

Рядовые басмачи-дайхане убеждались, что хотя ишаны и муллы уверяли, что басмачи выполняют «священное дело», «борются за победу ислама», и т. д., — на самом деле, все, что делали главари банды и все, что они заставляли делать своих джигитов, не указано ни в шариате, ни в адате, не соответствовало ни обычаям, ни характеру и психологии туркменского народа.

Пребывание в басмаческом стане воочию убеждало дайхан в том, что басмачи творят антинародное дело, являются нарушителями нравственных правил, глубоко вкоренившихся в туркменском народе. Многие дайхане, знакомые с основами корана, считали что басмачи убивая невинных жителей, насилуя женщин, нарушают этим нравственные основы религии, законы шариата, а советская власть не затрагивала их, уважая религиозные убеждения населения.

Очень быстро рядовые басмачи-дайхане убеждались и в ложности слухов, распространяемых баями, духовенством и главарями басмачей относительно войны СССР с иностранными государствами, падения советской власти в Ашхабаде и т. д.

Уничтожающие удары, наносимые басмачам Красной Армией, при помощи вооруженных сил местных трудящихся, отрезвляюще действовали на низовую часть басмачей, которые поверили байским рассказам о непобедимости басмачества и слабости советской власти.

Все эти моменты способствовали быстрому разложению басмаческого лагеря. Главарям басмаческих банд приходилось пускать в ход не только обещания и обман, которые уже не действовали, а угрозы и силу оружия, чтобы удерживать в басмаческом стане трудящихся дайхан. Еще в декабре 1927 года пленные и добровольно сдавшиеся басмачи показывали, что: «Джигиты не желают воевать с властью, как и не желают пребывать дальше в банде Джунаид-хана, намереваются бежать из банды с целью сдачи, но боятся расправ, охраняются по ночам верными Джунаиду людьми»[3]).

Главари банды насильно удерживали дайхан в стане басмачей не столько потому, что они представляли боевую силу, сколько из-за желания произвести впечатление количеством бойцов и для того, чтобы в момент нападения советских войск массами дайхан прикрывать основное ядро банды, ибо советские войска не стреляли по мирным жителям[4]).

Но, несмотря на все усилия главарей банд, баев и духовенства, с июня — июля 1931 года начинается массовый уход дайхан из басмачества, возвращение их в аулы к мирному труду.

Решительному перелому в настроении дайханства, массовому от-

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 280, л. 84.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 14, л. 138 и д. 19 л. 59.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 14, л. 135.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 190, л. 21.

советского, против колхозного, против всего социалистического строительства в нашей стране.

Мы уже говорили, что одной из форм иностранной помощи туркменскому байству была организация в Иране и Афганистане басмáческих шаек для набега на нашей территории. Такие набеги закордонных банд особенно усилились после поселения Джунаид-хана в Гератской области в 1928 году и в связи с приходом к власти в Афганистане главаря феодально-клерикальной реакции Баче-Сакау, поддерживавшейся англичанами. Начиная с 1929 года, бандитские налеты из-за границы на наши пограничные районы, аулы и заставы стали частым явлением[1]).

5 или 7 мая 1929 года в городе Герате состоялось совещание с участием Баче-Сакау, Джунаид-хана, бывшего эмира бухарского Сеид-Алим Бохадур-хана и английских офицеров. Совещание приняло решение поддерживать усилившуюся в Советской Туркмении, в связи с коллективизацией, активность басмаческого движения. Участники совещания сформировали 3 бандитские группы, одну шайку под начальством бывшего эмирского чиновника Максума Фейзула переправили на территорию Советского Таджикистана, другую шайку в 75 всадников под начальством чарджоуского бая Давлет-сердара послали для нападения на Чарджоу и Керки, а третью шайку в 130 всадников, во главе с Эши-ханом и Мамед Али-ханом назначили для нападения на Теджен-Ташауз[2]).

3 декабря 1930 года наша разведчасть сообщила:

«Гератский Наиб Саллар-Абдул Раим-хан дал поручение производить налеты на советскую территорию главарям банд, каждому из них наметил отдельные участки погранполосы:

1. Гулам-хану и Абдулла-хану — от заставы Чекмаклы-Ченча до реки Кушки.

2. Мамед-Али и Алла-Кель — на участке заставы Кара-Чеп.

3. Керим-хану вместе с туркменами-эмигрантами и Джунаид-ханом — Баламургабский участок»[3]).

Закордонные бандитские шайки при активном участии афганских и иранских властей особенно старались поддержать выступления туркменского байства в 1931 году. Об этом говорит факт перехода из Ирана на нашу территорию банды Хакмурад-Гюргенли.

Джунаид-хан вместе с представителями афганских властей, для того, чтобы отвлечь внимание советских войск от преследования и разгрома каракум-ташаузских басмачей, в начале октября 1931 года сформировал в районе Герата специальный отряд в 400 всадников, во главе которых были поставлены: Эши-хан (туркмен-иомуд), Мамед-хан (туркмен-эрсарынец), Керим-хан (белудж) и Гулам Русал-хан (афганец). Но из них только отряд Эши-хана сумел добраться до Эрбента, где он 11 октября был разбит наголову[4]).

Эта зарубежная поддержка, постоянная помощь иностранных властей, а также то, что в 1931 году наше командование, не доведя разгрома каракумской банды до конца, отозвало воинские части как от колодцев центральных Кара-Кумов, так и из культурной полосы ТССР, обусловили новое оживление бандитизма на территории ТССР в сле-

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 186, л. 29.

[2]) Научная ассоциация Востоковедения СССР, «Фазы басмаческого движения в Средней Азии». Ташкент, 1930 г., стр. 139.

[3]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 188, л. 186.

[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 30, д. 190, л. 982 и дополняется рассказами очевидцев и участников.

дующем 1932 году. Вывод красноармейских частей из Кара-Кумов после успешной операции 1931 года, расформирование добровольческих отрядов, стоявших гарнизоном на основных колодцах, дали возможность остаткам разгромленных, но еще не добитых басмачей, вновь окрепнуть в результате передышки.

Правда, силами войск, добровольческой милиции и дайханских отрядов самообороны в битвах у колодцев Хан-Кую и Аджи-Кую 17 и 19 января 1932 года и в ожесточенных боях у колодца Баккал-Кую (в районе Ербента) 15—17 мая того же года были уничтожены видные главари ташаузских басмачей Ахмед-бек, Ашир-чекик и другие, главарь тедженской банды Дурды-Мурад и другие[1]). Закордонная шайка Анна-Кули, насчитывавшая 250—300 всадников и имевшая целью собрать в Кара-Кумах остатки разбитых басмачей и скот и увести их в Афганистан, 27 февраля 1932 года в урочище Намаксар была разгромлена эскадронами 82-го и 83-го кавполков. В этом бою был убит сам Анна-Кули и 172 рядовых басмача, взят транспорт в 300 верблюдов и свыше 150 винтовок[2]).

Но все же к концу 1932 года на территории ТССР насчитывалось 28 внутренних бандитских шаек общей численностью в 578 всадников. Эти банды возглавляли в Ташаузском округе Язан-окуз, Оразбала и Чопан-Эсен, в западной части Кара-Кумов — казах Джумбай-Кадр-Али и иомуды Эсен-Акбай, Бекджан-хан и другие, в восточной части Кара-Кумов — Анна-Назар-ишан. Все они к лету 1933 года в ряде битв были почти полностью разгромлены и уничтожены[3]).

В 1932—1933 годы, являвшиеся годами полной ликвидации внутреннего бандитизма в ТССР, различными документами вновь было подтверждено, что «закордонное басмачество является основной опасностью для всех пограничных и отдельных внутренних районов Туркмении»[4]).

К концу 1932 года закордонные банды составляли 42 шайки общей численностью в 1 052 всадника[5]) и на 15 августа 1933 года — 1 186 всадников[6]).

Таким образом мы видим, что закордонная помощь играла значительную роль в развитии басмаческого движения в ТССР. Иностранные пособники басмачей стремились расстроить и нарушить мирную жизнь нашего народа, подорвать социалистическое строительство, дискредитировать советский строй в глазах народов Востока, подготовить почву для открытой интервенции, для захвата нашей Родины, для порабощения советского народа. Однако же Красная Армия, с помощью трудящихся масс, разгромив и уничтожив байское басмачество, дала решительный отпор захватническим стремлениям зарубежных врагов советской власти.

Туркменский народ может веками гордиться, что при такой невиданной жестокой и трудной политической обстановке, когда он был еще темным и отсталым, когда буржуазно-националистические шпионы иностранной разведки, пользуясь своими служебными положениями, на каждом шагу изменяли ему, когда патриархально-родовые адаты и пережитки опутывали его и заставляли его несознательные части итти за «своими» сородичами-баями против

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 292, л. 52.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 292, л. 54.
[3]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 153.
[4]) ЦГАОР ТССР, ф. 2, оп. 1, д. 292, д. 32.
[5]) Там же, ф. 2/2, оп. 1, д. 292, л. 32.
[6]) Там же, л. 60—61, еще ф. 1, оп. 1, д. 192, л. 18, 23—52.

его собственных интересов, в такой обстановке он под руководством большевистской партии и благодаря советской власти проявил себя действительно устойчивым, действительно целеустремленным, дальновидным, социалистическим, подлинно революционным народом.

А ведь 1931 год, когда судьба туркменского народа решалась на поле открытой и ожесточенной битвы с классовым врагом, с байским басмачеством, был весьма трудным и даже опасным годом в жизни туркменского народа после английской оккупации в 1918—1919 г.г.

Трудность 1931 года увеличивалась тем, что у власти, в руководящих партийно-советских органах республики сидели скрытые враги туркменского народа — буржуазные националисты, разоблачение которых началось с 1932 года с судебных процессов по делу контрреволюционной пантюркистской организации «Туркменазатлык». Как выяснилось на этих процессах и позже, что эта контрреволюционная организация руководила всеми вредительскими делами буржуазных националистов и в первую очередь басмаческим движением в Туркменистане.

Предательство буржуазных националистов доходило до того, что даже в момент открытого вооруженного антисоветского выступления байства в 1931 году они старались снабжать хлебом байских басмачей в Кара-Кумах. Под предлогом посылки хлеба в Ташаузский округ националисты отправляли караваны с хлебом через районы расположения банд, с расчетом, чтобы они попали в руки басмачей. Так, 10 апреля 1931 года, в песках у местечка Аладжа, на территории аулсовета Мыдар Геоктепинского района банда Ораз Гельди захватила 40 верблюдов из 252 груженных хлебом, а остальные верблюды с хлебом были захвачены в пути другими басмаческими группами[1]). 17 апреля 1931 года из Бахардена «в сторону» Ташауза был отправлен новый караван с хлебом в 441 верблюд. Из них 29 были захвачены бандой Ораз-Гельди в той же местности, где была захвачена и первая партия хлеба, а судьба остальных верблюдов осталась неизвестна. 23 мая 1931 года из Геок-Тепе «в сторону» Ташауза был отправлен третий караван с хлебом в 250 верблюдов, из которых 30 верблюдов были захвачены снова шайкой Ораз-Гельди[2]).

Таким образом, только лишь весною 1931 года свыше 5 000 мешков муки и пшеницы попали в руки басмачей[3]).

Надо предполагать, что не было пустым бахвальством со стороны главарей койматской басмаческой группы Бердиева. Таги и других, когда они весной 1931 года усиленно распространяли слухи о том, что они «имеют на своей стороне сочувствие видных работников правительства Туркмении»[4]).

Солидарность туркменских буржуазных националистов с байским басмачеством выразилась еще и в том, что в 1931 году, в разгар ожесточенной битвы с басмачами, многие националисты или открыто переходили в лагерь басмачей, или же капитулировали перед ними.

Конечно, партийная организация в целом, основная масса коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива советской общественности Туркменистана под руководством ЦК ВКП(б) и его Средазбюро в борьбе за советское, социалистическое строительство, в борьбе против байства и его вооруженной силы — басмачества, показали высокую боеспособность, мужество, умение организовать силы народа для эко-

---

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 51.

[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 49.

[3]) Там же и дополняется рассказами старожил и очевидцев из Поселкового Совета Серного завода.

[4]) Там же, л. 61.

номической, политической и вооруженной борьбы с врагами социалистического строительства. Лучшие силы туркменского, русского, узбекского и других братских народов, состоявшие в рядах коммунистической партии и комсомола Туркмении, самоотверженно боролись за неуклонное осуществление генеральной линии большевистской партии. Многие из них героически погибли в борьбе с басмачеством. Особенно следует отметить громадную заслугу партийно-советских органов Ташаузского округа, вынесших на своих плечах основную тяжесть борьбы с феодально-байской реакцией. Бюро ЦК КП(б)Т в своем постановлении от 18 октября 1931 года совершенно правильно отметило, что «партийные и комсомольские организации районов бывшего Ташаузского округа сумели по-большевистски организовать и возглавить борьбу колхозников и бедняцко-середняцких масс с байско-феодальной верхушкой»[1]).

Но борьба с басмачеством в ТССР, в Ташаузском округе в особенности, показавшая подлинный большевистский героизм, преданность и самоотверженность основной массы коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива, вскрыла наличие серьезнейших болезненных явлений в партийных и советских организациях Туркменистана, а особенно в районах Ташаузского округа.

Самой опасной и распространенной из этих болезней оказался местный контрреволюционный буржуазный национализм, годами культивировавшийся националистическим руководством Туркменистана. В резолюции сентябрьского объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б)Т 1931 года говорилось:

«Вследствие недопустимой слабости внутрипартийной работы, недооценки всей важности политического воспитания членов и кандидатов партии, недостаточной борьбы с уклонами от генеральной линии партии, некоторые партийные организации (Геок-Тепе, Теджен, Казанджик) не обеспечили авангардной роли коммунистов в борьбе с выступлениями феодально-родовой верхушки и кулацко-байских элементов в ауле и кочевьях. Часть коммунистов в этих районах не сумела дать большевистский отпор контрреволюционным, капиталистическим лозунгам кулачества, проявила идеологическую неустойчивость в борьбе с басмачеством, в борьбе с классовым врагом, не дала достаточного отпора растущему, в результате обострения классовой борьбы, великодержавному шовинизму и активизирующемуся местному национализму, проявила в борьбе с байством и кулачеством случаи шкурничества и паникерства, отсутствие классовой ненависти к врагу и даже случаи прямой измены»[2]).

Мы выше говорили, что в 1931 году баи и духовенство различных национальностей и племен из всех районов ТССР и Хорезма сумели объединиться в Кара-Кумах и организовали там вооруженное выступление против власти рабочих и дайхан. Борьба с ними была по существу настоящей второй гражданской войной в Туркмении. В этой вооруженной борьбе партийно-советские организации ТССР, каждый коммунист, каждый комсомолец и каждый беспартийный советский активист в отдельности еще раз подверглись суровому испытанию школы гражданской войны, школы ожесточенной классовой борьбы.

Этот суровый политический экзамен вскрыл язвы буржуазного национализма, годами насаждаемого туркменскими националистами-пантюркистами в здоровом организме партийно-советской общественно-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 9, л. 127.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 151, л. 8.

сти Туркмении. Буржуазные националисты, занимавшие в ряде районов ответственные советские и партийные посты, разоблачили себя тем, что, не желая драться с наступающим врагом советской власти — с басмачеством, — они дезертировали с места работы, создавали панику и тем самым в известной мере дезорганизовывали борьбу с басмачеством в отдельных местах.

Все эти отвратительные проявления буржуазного национализма в дни решительных схваток с басмачеством в 1931 году, несомненно явились результатом той контрреволюционной политики, которую туркменские пантюркисты годами, систематически проводили на местах. Они являлись результатом того, что в районах Ташаузского округа, как говорил представитель Средазбюро ЦК ВКП(б) на сентябрьском объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)Т 1931 года, «не ликвидированы до сих пор феодальные элементы, не проведена земельно-водная реформа, там еще имеется налицо феодализм, вплоть до личной зависимости, вплоть до того, что отдельные господа секли своих крестьян»[1]).

Когда националистическому руководству правительства Туркменистана приходилось отвечать за состояние районов Ташаузского округа, то оно, для оправдания своей контрреволюционной правооппортунистической, байской политики, ссылалось как указывалось выше, на специфические особенности этих районов, на их общую отсталость, отдаленность и т. д.

Но факты говорили о том, что политическое состояние скотоводческих районов, расположенных в западной части Кара-Кумов вдоль Ашхабадской железной дороги от Красноводска до Кизыл-Арвата, и даже политическое состояние культурных хлопководческих и зерновых районов, расположенных вокруг республиканского центра от Мары до Геок-Тепе, почти не отличались в те годы от политического состояния районов Ташаузского округа.

Так, например, говоря о политическом состоянии скотоводческих районов Западного Туркменистана, участники сентябрьского объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б)Т 1931 года в своих выступлениях указывали на то, что «наши советские работники общались со скотоводами только на пловах у баев и кулаков, не была сделана ставка на рост бедняцко-батрацкого актива, во всех кампаниях подходили к массе через байско-кулацких именитых людей, используя их для проведения советских мероприятий»[2]).

Буржуазные националисты кричали о мнимом могуществе, об авторитете, о мнимой силе и влиянии родо-племенных феодальных вождей. Это привело к тому, что баи и вожди не потеряли авторитета, они как будто являлись представителями советской власти, ибо материальные блага дайханам давались через них.

«Мы социальную структуру животноводческого хозяйства в районах песков со времени дореволюционного порядка ни в какой мере не изменили, — говорили участники указанного выше пленума. — Экономическая мощь кулачества осталась незатронутой. Таким образом, мощь кулака, мощь родовой феодальной верхушки в скотоводческих районах осталась прежней и поэтому эта кулацкая родовая феодальная верхушка держала под экономической зависимостью у себя бедняцкие маломощные хозяйства скотоводов. Советский аппарат в кочевьях в большей своей массе был безусловно не наш. Об этом говорит то, что не-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 9-а, л. 72.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 151, л. 130.

которые представители советской власти, кооперативных и хозяйственных организаций сейчас являются руководителями басмаческих шаек, активно борятся против советской власти в рядах басмачей вместе с кулаками. Во главе хозяйственных, кооперативных, советских и партийных аппаратов стояли люди, которые искажали политику партии. Находясь во главе кооперативного аппарата, они отпускали товары кулацким элементам, обеспечивали кулака хлебом и мануфактурой, вместо того, чтобы снабдить ими бедноту и батрачество»[1]).

Так говорили люди с трибуны сентябрьского пленума ЦК КП(б) Туркменистана в 1931 г. Это были очевидцы и участники борьбы с байством, они хорошо знали положение дел на местах и совершенно правдиво и искренно говорили о нем на пленуме ЦК КП(б)Т. Но, отвечая на эти выступления, главари националистов утверждали, что все это явилось их «упущениями» и то лишь в районах Ташаузского округа и Кара-Кумов, а в других районах у них будто бы было все благополучно.

Но и здесь участники пленума фактами опровергли националистов. Так, один из ораторов на том же пленуме говорил: «Мы имели факты совершенно неудовлетворительной борьбы против кулацкой верхушки не только в песках, но и в более центральных районах. Здесь, в Ашхабаде, имеется аул Кипчак, где четырем хулиганам удалось разогнать бедняцкое собрание. Бедняки, в том числе коммунисты, разбежались, спрятались кто в саду, кто дома, а тем временем хулиганы ограбили кооператив и благополучно ушли. Никакого сопротивления им не было оказано, никаких мер против них не принято»[2]).

Подытоживая борьбу с байско-басмаческим выступлением 1931 года, тот же пленум ЦК и ЦКК КП(б)Т записал в своей резолюции следующее:

«Практика проведения в отдельных организациях хозяйственно-политических мероприятий через бая — родового вождя... способствовала поднятию авторитета байства в глазах бедняцко-середняцкой массы и дезориентировала бедняцко-середняцкие массы о действительной классовой сущности советской власти и ее хозяйственно-политических мероприятиях.

Басмаческое движение и сопутствующее ему усиление местного национализма является своеобразной формой сопротивления классового врага проведению хлопковой программы, массовому развертыванию колхозного движения в земледельческой полосе республики и мероприятиям по развертыванию социалистического сектора в животноводческих районах. Борьба против басмачества по существу есть борьба против национализма, против усилившейся в связи с успехами социалистического строительства попытки байско-феодальной родовой верхушки повернуть Туркмению социалистическую на путь капиталистического порабощения колониального государства»[3]).

Таким образом мы видим, что с первых же дней создания советской власти в Туркмении, внешние и внутренние враги туркменского народа всячески помогали и поддерживали существование и развитие басмачества в Советском Туркменистане. Туркменские буржуазные националисты, как и все другие буржуазные националисты, были активными союзниками басмачей и интервентов. Они делали все для того, чтобы с помощью басмачества и интервентов свергнуть власть рабочих

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 151, л. 132.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 151, л. 96—97.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, оп 2/1, д. 9. л. 75—76, и см. д. 151, л. 137.

и дайхан и восстановить господство баев, ханов и иностранных империалистов.

Но враги туркменского народа жестоко просчитались. Басмачество было окончательно разгромлено и ликвидировано. Это было, вместе с тем, и решающим поражением внешних и внутренних пособников басмачества.

Для полноты характеристики славной роли туркменских трудящихся масс в борьбе с байским басмачеством, необходимо остановиться и на следующих моментах.

Это, во-первых, в то время, когда националисты, стоящие у власти, всячески старались сохранить и укрепить классовую опору басмачества — байства, трудовая же масса туркмен еще в 1925—1927 годах почти повсеместно и настоятельно требовала от власти ликвидации наиболее активных байско-ишанских пособников басмачей. Передовые, сознательные представители туркменских рабочих и дайхан, организованные вокруг местных партийно-советских, комсомольских и союз-кошчинских организаций в своих выступлениях, сообщениях и решениях буквально пальцами указывали на то, что как эксплоататорские элементы аула и города — баи и духовенство — были главными вдохновителями и пособниками басмачей, как знатные баи-феодалы, внешне являясь «мирными гражданами», фактически были организаторами снабжения басмачей продовольствием, фуражем и людьми, боеприпасами и агентурно-шпионскими сведениями. Не меньшую помощь оказывало басмачеству и мусульманское духовенство. Ишаны и муллы с самого начала басмачества объявили Джунаид-хана «священным человеком», «борцом за мусульманскую веру». Ишаны и муллы были не только «агитаторами» за басмачей, но вместе с тем оказывали басмачам и материальную помощь. Такие крупные ишаны, как Анна Назар-ишан из Ильялинского района, Нуретдин-ишан и Баба-ишан из Куня-Ургенчского района и другие регулярно собирали с населения так называемое «садака» (приношение) в пользу басмачей. Нередки были случаи, когда ишаны просили у дайхан в качестве приношения патроны, огнестрельное и холодное оружие.

Представители духовенства принимали непосредственное участие в басмаческом движении. Они с оружием в руках уходили в банды, сами становились главарями действующих басмаческих шаек. Во многих аулах Куня-Ургенчского и Ильялинского районов дайхане до сих пор не забыли таких фактов, когда ишаны и муллы отказывались читать похоронную молитву при погребении того или иного дайхана или аульного активиста, погибшего в боях с басмачами.

Общие классовые интересы, общность цели, задачи борьбы против советской власти объединили баев, ишанов и мулл всех племен, всех родов, всех национальностей и приводили их в лагерь басмачества. Яркими примерами этому могут быть национальный состав объединенной банды украинского кулака Ищупко и русского кулака Ремизова, действовавших в 1925 году в Мургабской долине вместе с шайкой туркменского бая Сары-хана Сердарова[1]), пребывание в 1926—1929 годах узбекской банды Судулла-балы, Розмет-Пальвана, Балта-шиха и каракалпакской банды Мадьяр-тюры с двумя ишанами при ней, в туркменской шайке Шалтай-батыра, пребывание в 1931 году казахской банды в лагерях казанджикских (койматских) и ташаузских туркменских басмачей и т. д.

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 103, (48-а), л. 41—48.

Следовательно, для того, чтобы успешно бороться с басмачеством и ускорить его ликвидацию, надо было прежде всего ликвидировать его социальную базу, его классовую опору, надо было изъять из общественной среды активных пособников басмачества. Этого упорно требовала и дайханская масса Ташаузского округа, масса, справедливо заинтересованная в получении земли и воды, принадлежавших баям — мюлькдарам и вахымдарам.

Но контрреволюционные буржуазные националисты, стоявшие у власти, оперируя различными доводами и мотивами, в течение долгого времени оберегали и защищали активных пособников басмачей, крупных мюлькдаров и вахымдаров от экономического и политического ущемления и вытеснения.

Лишь в 1927 году под давлением усилившихся требований дайхан и общественного мнения было начато изъятие прямых пособников басмачей, сразу же давшее положительные результаты.

Вот, что писал Ташаузский окрисполком о результатах изъятия 35 человек активных пособников Шалтай-батыра, произведенного в феврале 1927 года:

«Проведенная в феврале месяце операция против пособников бандитской шайки Шалтай-батыра дала положительные результаты. Шалтай-батыр не заходит после этой операции в места, откуда были изъяты пособники. Например, в аул Купекли Ильялинского района, который являлся постоянной базой и остановкой для банд Шалтая, после изъятия из этого аула 16 человек пособников, Шалтай-батыр больше не появлялся»[1]).

В сентябре 1927 года, в связи с последним авантюрным выступлением Джунаид-хана, было изъято 47 человек, в октябре 1931 года было изъято 135 человек, в декабре 1931 года — 94 человека пособников банды[2]).

Далее, во-вторых, в то время, когда буржуазные националисты, стоящие у власти, всячески старались разоружить бедняцко-батрацкие группы населения, сохранить оружие у баев и вооружить басмачей,[3]) сознательные части туркменских трудящихся уже к 1930-31 годам стали выступать за полное изъятие огнестрельного оружия у всего населения, в первую очередь, за полное разоружение эксплоататорских элементов. В частности, партийно-советский актив трудящихся Ташаузского округа понимал, что для того, чтобы ускорить ликвидацию басмачества, надо было полностью разоружить весь эксплоататорский слой населения, у которого за годы гражданской войны и басмачества накопилось много огнестрельного оружия. Каждый бай, каждый ишан имел от 2 до 10 винтовок (в зависимости от экономической мощи и воинственного характера владельца). Почти каждый середняк и даже многие бедняки имели по одной винтовке, не считая холодного оружия.

Если в досоветский период в экономических и политических условиях жизни хивинских туркмен оружие считалось необходимым средством к существованию, то теперь, при советской власти, оружие приобретало другое значение: эксплоататорские элементы держали оружие для борьбы с советской властью, а трудящиеся дайхане — для самообороны от басмачества, от байского насилия.

Благодаря усилиям партии большевиков и советской власти, народное хозяйство районов Северного Туркменистана к 1931 году значитель-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, л. 14, 102.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, от 1, д. 189, л. 30, ф. 1, оп. 3, д. 190, л. 369.
[3]) См. ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 182, л. 61—67 и д. 186, л. 2.

но улучшилось и этим самым была ликвидирована экономическая необходимость дайханам иметь боевое оружие. А в результате успешного проведения военной операции в 1931 году басмачество было разгромлено, вооруженное сопротивление туркменского байства было сломлено. Этим самым была ликвидирована и политическая необходимость для дайхан иметь боевое оружие, как средство самообороны от вооруженного засилия байства.

Вот почему осенью 1931 года, трудовая масса Ташаузского округа приняла самое активное участие в мероприятиях партии и правительства по массовому поголовному изъятию у населения всего огнестрельного оружия.

Лозунгами разоружения были:

«Сдадим оружие — советская власть надежная защита против басмачей-джунаидцев». «Батраки, бедняки и колхозники! Первыми сдадим оружие, поможем советской власти обезоружить врагов трудящихся дайхан-баев и джунаидцев».

«Кто не сдаст оружие — враг советской власти, враг бедняцко-середняцкого дайханства, противник социалистического строительства!».

«Долой Джунаид-хана — врага трудящихся, друга и агента баев и родовых вождей!».

«Организуем отряды красных палочников, разыщем скрывшихся басмачей, спрятанное у врагов советской власти оружие!».

«Трудящиеся женщины! Будьте первыми в борьбе против баев, родовых вождей и джунаидцев! Помогая выявлению спрятанного оружия, вы боретесь за условия мирного труда для дайханства, за дальнейшее успешное социалистическое строительство!»[1]).

Как видно из этих документов, разоружение было проведено, как крупное политическое мероприятие. В течение трех дней на 10 октября 1931 года по Ташаузскому округу было изъято 4 042 единицы оружия, а на 18 октября — 5 113 единиц оружия[2]).

Разоружение происходило одновременно и по Хорезму, и по Кара-Калпакии, откуда на то же время было изъято 3 500 единиц оружия. Изъятием оружия байству и его басмачеству был нанесен сокрушительный удар.

В результате этой всенародной борьбы, как нами уже указывалось выше, к концу 1931 года организованное басмачество в Кара-Кумах и в культурной полосе Ташаузского округа было почти полностью ликвидировано. Громадная роль, которую сыграла трудящаяся масса как в борьбе с басмачеством, так и в разоружении байства в 1931 году, была отмечена в решениях сентябрьского пленума ЦК КП(б)Т 1931 года следующими словами: «В ходе операции, с первого дня основные массы дайхан показали высокую активность. Мероприятия правительства приветствовались. Самыми активными участниками и агитаторами против скрывающих оружие выступали женщины. Бригадники из середняков, бедняков, колхозников подавали заявления на скрывающих оружие, на собраниях открыто их разоблачали.

Весь партийно-комсомольский актив, за единичным исключением, принимал самое живое, активное участие во всем этом деле»[3]).

ЦК КП(б)Т, подведя итоги борьбы с басмачеством и разоружения байства, 18 октября 1931 года отмечал, что «разгром басмаческих шаек и успешное разоружение еще больше укрепили позиции Советской вла-

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 9, л. 99.
[2]) Там же, ф. 1, д. 9-а, л. 7—8.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 9-а, л. 6- 7

сти в районах Хорезмского оазиса, открывает новые возможности развертывания социалистического строительства и обеспечивает дальнейшее решительное наступление на байско — феодально-родовую верхушку аула.

Победа над басмачеством достигнута благодаря небывалой активности колхозников, батраков и бедняцко-середняцких масс дайханства, в особенности женщин, сплочением их вокруг партии и Советов, решительной и самоотверженной борьбе с классовым врагом частей Красной Армии и органов ОГПУ.

ЦК особо отмечает громадную роль в деле борьбы с байско-феодальной верхушкой аула и изъятия скрытого оружия, массового движения «красных палочников», охватившего батраков, бедняков и середняков»[1]).

Туркменский народ с гордостью может отметить огромную роль, которую сыграли трудящиеся женщины-дайханки в борьбе с басмачеством, в ликвидации вооруженной силы классового врага. Свыше половины славной армии «красных палочников» составляли женщины. До сих пор не забывают и долго будут помнить имена женщин — героев краснопалочников: Акджашура Кулиевой, председателя аульного Совета Собет-яба Порсинского района, Огультач Дурдыевой, колхозницы колхоза имени Карла Маркса, аула Алилиой Ленинского района, Энегуль Мамедовой, беднячки из аула Карапарсан Ташаузского района, Таган Союновой, колхозницы колхоза «ГПУ» аула Назар-гулы Тахтинского района, Дови Язовой, председателя колхоза «Эдермен», аула Бедеркент Тахтинского района, Розбике Машариповой и многих других женщин, из которых многие мужественно погибли в борьбе с басмачеством[2]).

И не случайно туркменский народный фольклор, посвященный борьбе с басмачеством, в первую очередь зародился среди женщин и поется в виде женской песни «Ляле». Вот что автор записал из уст колхозницы колхоза «Искра» Куня-Ургенчского района Тагановой Ниязик:

«Ленин бизин атамыз
Саясында ятамыз
Басмачи залымларын
Манлайындан атамыз»

Перевод:

Наш отец великий Ленин,
Мы живем в его тени.
Коль на нас ордой пойдете, —
Смерти ждите басмачи!

Другую песню автор записал из уст колхозницы колхоза имени Кирова Тахтинского района Айсолтан Ашировой:

«Хан-байтал[3]) гачды гитди,
Коп — коп яманлык этди,
Яшасын Гызыл эскер —
Басмачыны ёк этди»

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 9-а, л. 127.
[2]) Из рассказов жителей тех же названных выше аулов и районов.
[3]) Имеется в виду Джунаид-хан.

Перевод:

Удрал хан кобыла Джунаид,
Много сделал народу зла...
Армия Красная на помощь пришла,
Смерть басмачам принесла[1]).

Таким образом мы видим, что, несмотря на контрреволюционную подрывную деятельность буржуазных националистов, несмотря на допущенные левыми загибщиками и великодержавными шовинистами перегибы и искривления партийной линии, несмотря на бешеную байско-ишанскую контрреволюционную агитацию, трудящиеся массы Ташауз-ского округа и всего туркменского народа проявили, под мудрым руководством партии большевиков, величайшую активность в борьбе с байским басмачеством.

В этой титанической борьбе с своим классовым врагом туркменскому народу оказал неоценимую братскую помощь великий русский народ и все другие народы Советского Союза в лице Красной Армии: 82-й, 83-й и 84-й кавалерийские полки РККА и части ГПУ, кровью лучших своих командиров, политработников и бойцов вписали славные страницы в историю боев и побед трудящихся Советского Туркменистана. Туркменский народ не забыл и никогда не забудет имена лучших командиров и бойцов частей Красной Армии, отдавших свою жизнь в борьбе за его счастье, героически погибших в боях с байским басмачеством. Вот имена некоторых из этих героев:

Командир 2-го эскадрона 82-го кавалерийского полка Анджелло, будучи тяжело раненым, был взят в плен и замучен шайкой Джунаид-хана под городом Хива 27 января 1924 года[2]).

Политрук 1-го эскадрона 82-го кавполка Кашманов 2 марта 1924 года был убит в бою с шайкой Джунаид-хана на колодце Чарышлы[3]).

Командир взвода 82-го кавполка Селезнев 24 февраля 1932 года был убит в бою с шайкой Анна Кули в Кара-Кумах[4]).

Их много — отважных бойцов Красной Армии, чьи имена всегда будет чтить туркменский народ.

---

[1]) Обе «Ляле» относятся ко времени 1928—1931 годов.
[2]) ВОЦГАОР УзССР, ф. 626, д. 16, л. 160.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

Глава XV

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ В РАЙОНАХ СЕВЕРНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

На протяжении многих лет советская власть и большевистская партия всячески способствовали подъему единоличного хозяйства батрака, бедняка и середняка. Однако, необходимо было добиться коренного подъема производительных сил сельского хозяйства вцелом, коренным образом улучшить положение миллионных масс дайханства, раз и навсегда избавить батрака и бедняка от байской эксплоатации. Выполнение этих великих задач было невозможно без полной перестройки сельского хозяйства, без введения колхозного строя в ауле.

Это положение в равной мере относилось и к районам Северного Туркменистана. Несмотря на усиленную помощь и поддержку советской власти, подавляющее большинство дайхан этих районов жили еще в бедноте, а батраки жестоко эксплоатировались баями. Если в промышленных и культурных районах Советского Союза батраки и бедняки могли бы находить себе работу в промышленных предприятиях, то здесь, в Хивинском оазисе, в Северном Туркменистане, им некуда было итти в поисках работы. Все дороги приводили их к байской кабале.

Сельскохозяйственные орудия (чигири, арбы, омач и прочее), которыми пользовались туркменские дайхане, были совершенно отсталыми, средневековая техника поливного сельского хозяйства не могла удовлетворить ни нужд дайхан, ни все растущих потребностей нашей социалистической промышленности. Нужно было обновлять сельскохозяйственную технику, нужно было широко применять машины и передовую агротехнику.

Советская социалистическая промышленность, получившая свое развитие на основе решения XIV съезда ВКП(б), увеличивала с каждым годом выпуск тракторов, комбайнов, автомашин и других видов новой совершенной техники сельского хозяйства. Но туркменские дайхане, живя раздробленно и бедно, не имели практической возможности применять новую технику на своих полях, разделенных ябами, межами, древонасаждениями и прочим искусственными заграждениями на мелкие и мельчайшие участки. Передовое механизированное хозяйство, использующее лучшие достижения науки, могло быть создано только на больших полях крупных коллективных хозяйств.

Где же был выход из этого положения у дайхан?

«Выход, — отвечал товарищ Сталин, — в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств на крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники. Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно,

не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. Другого выхода нет»[1]).

Великий Сталин на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года поставил задачу широкого разворота коллективизации сельского хозяйства. На основе исторических решений съезда, было приступлено к практическому осуществлению колхозного строительства.

В районах Северного Туркменистана в 1928 году было 10 колхозов и 3 товарищества по совместной обработке земли — ТСОЗ[2]); в январе 1929 года было 12 колхозов и 3 «машинных товарищества»[3]), в августе 1929 года уже имелось 24 колхоза[4]).

На основе имеющихся в нашем распоряжении данных, можно считать, что в истории колхозного движения этих районов было два этапа: первый этап (1927—1929 годы) характеризуется, как начальный период колхозного строительства; второй этап (1930—1932 годы) является периодом массовой или сплошной коллективизации.

В первом этапе колхозы по социальному составу своих членов являлись преимущественно батрацко-бедняцкими. Это видно из того, что в 238 хозяйствах, объединенных в 12 колхозов, было 173 батрака, 54 бедняка и 11 середняков[5]).

Причина такого явления совершенно правильно объяснена в резолюции V съезда коммунистической партии большевиков Туркменистана в июне 1930 года:

«Если мы обратимся к районам, где еще до сих пор земельно-водная реформа не была проведена, то в этих районах, в основе движения бедноты и батрачества в колхозы, было стремление получить условия для сельскохозяйственного производства, завоевав землю и воду. Так, стремление бедноты и батрачества в колхозы было попыткой произвести частично земельно-водную реформу в свою пользу, землю и воду отобрать у байства, у зажиточной верхушки аула, у которой была сосредоточена основная масса земли и воды»[6]).

В первом этапе колхозного строительства основная масса среднего дайханства еще воздерживалась вступать в колхозы. Колхозы были еще новой и неизвестной формой хозяйства и не только среди дайхан, но даже среди грамотных партийных и советских работников Туркмении было немало людей, которые сомневались в устойчивости колхозов, в возможности введения коллективного хозяйства.

Судьба колхозного строительства в районах Северного Туркменистана решилась в следующем этапе, в период 1930—1932 годов, когда дайхане-середняки, убедившись в правильности колхозного пути, вслед и вместе с беднотой, стали массами вступать в колхозы.

Колхозное строительство в этих районах, как и во всем Советском Союзе, имело ожесточенного противника в лице правых уклонистов, левых загибщиков, байства, духовенства и прочих контрреволюционных элементов. Стоявшие у руководства Туркменской республикой буржуазные националисты вместе с байством оказывали упорное сопротивление

---

[1]) И. Сталин. Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б). Цитируется по Краткому курсу истории ВКП(б), стр. 275, 1945 г.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 10, л. 234—235.
[3]) Там же, д. III, л. 26.
[4]) Там же, ф. 21, д. 22, л. 187.
[5]) Там же, д. III, л. 26.
[6]) Там же, ф. 1, д. 37, л. 26.

колхозному движению и старались всячески дискредитировать колхозный строй. Правооппортунистическая вредительская политика националистов сводилась к тому, чтобы не притеснять и не ущемлять интересы байства, а колхозы ставить в самые невыгодные условия. В 1927—1929 годы бедняцко-батрацкие колхозы в Ташаузском округе устраивались вне расположения аула, ближе к пескам и на хвосте ирригационной сети.

«Отведенные колхозным хозяйствам земельные площади, — говорится в докладе Ташаузского окружного земельного отдела в 1928 году, — расположены на окраинах песков и на хвосте ябов, вследствие чего колхозы ощущают водный кризис»[1]).

Со стороны ряда партийных и советских органов отсутствовало должное руководство колхозами; местами колхозное строительство пускалось на самотек; отдельные руководители сами не верили в успех колхозного движения и передавали это настроение массам.

На пленуме ЦК коммунистической партии Туркменистана в июле 1929 года было отмечено, что многие аульные партийные ячейки не уделяли внимания колхозному движению, хотя они и находились рядом с колхозами, что многие райкомы партии и райисполкомы колхозами руководили плохо, и что руководство часто сводилось к общим фразам[2]). По данным на январь 1929 года, из 2 912 членов и кандидатов ВКП(б), проживавших в аульных местностях республики лишь 29 человек и из числа 8 000 аульных комсомольцев республики, лишь 443 человека, вступили в колхозы[3]).

На местах мало уделялось внимания организационно-хозяйственному укреплению колхозов; во многих колхозах отсутствовал учет труда, доходы распределялись без серьезного учета количества и качества труда, не было культурно-просветительной работы и не было борьбы за то, чтобы колхозы получали более высокие урожаи, чем единоличники, чтобы колхозы стали показательными не только в деле реконструкции сельского хозяйства, но и в деле культурной переделки быта в ауле, в деле борьбы с пережитками средневековья, которые еще так сильны были в ауле. В ряде колхозов распространено было представление о том, что колхозы являются государственными предприятиями и в связи с этим имелись тенденции иждивенчества и уравнительства[4]).

Во всем этом можно было видеть результат подрывной деятельности байских элементов, проникших в колхозы, не без ведома буржуазно-националистического руководства. Дело в том, что под влиянием правооппортунистических, буржуазно-националистических элементов во многих местах считали, что особенности Туркменистана требуют якобы допуска в колхозы зажиточных элементов, «зажиточных середняков», как они стыдливо называли баев.

Это правооппортунистическая, буржуазно-националистическая политика привела к тому, что многие колхозы были засорены байскими элементами, разрушавшими колхозы изнутри. Так было не только в отсталом Ташаузском округе, но и в более передовых районах Туркменской республики.

Так, например, «в Марыйском районе, — говорится в докладе ЦК на V съезде КП(б)Т в июне 1930 года, — беднота и батраки готовы были оказать сопротивление кулацким элементам, когда под угрозой

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, д. III, л. 26.
[2]) Там же, ф. I, д. 37, л. 29.
[3]) Там же, ф. 1, д. 37, л. 30.
[4]) Там же, ф. 1, д. 35, л. 56.

байского террора распадались колхозы, но они оказывались несплоченными, они растерялись и потеряли уверенность в том, что их поддержат»[1]).

Но тот факт, что несмотря на серьезные недостатки колхозов и вредительство националистов, трудовые дайхане все же шли в колхозы, колхозы росли с каждым годом, усилилась активность масс колхозников в борьбе против байства, был показателем правильности генеральной линии партии большевиков.

В партийно-советских организациях Ташаузского округа немало было и таких людей, которые, прикрываясь левыми внешне «революционными» фразами, своими перегибами извращали линию партии, объективно помогали контрреволюционным националистическим кругам. Если правооппортунистические элементы, буржуазные националисты в колхоз допускали баев под маркой «зажиточных середняков», то левые загибщики всячески притесняли действительно середняцкие хозяйства, отталкивали их от колхозов. Левые загибщики открыто выступали против вовлечения середняков в колхозы. В докладе Центрального Комитета КП(б)Т на III пленуме ЦК КП(б)Т в июле 1929 года, отмечалось: «В Ташаузе мы имеем выступления на собраниях за то, чтобы в колхозы входили только одни бедняки, середнякам — там делать нечего»[2]).

Во многих местах создавали внутри колхозов комитеты бедноты и батраков, прямо противопоставляя их середнякам. Эта антисередняцкая политика была на руку байству и помогала ему в отрыве части середняков от советской власти, от колхозов.

Партия говорила, что «Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно. Колхозное движение должно опираться на активную поддержку со стороны основных масс крестьянства»[3]). Партия говорила, что «Нельзя механически пересаживать образцы колхозного строительства в развитых районах в районы неразвитые. Это было бы глупо и реакционно... Надо тщательно учитывать разнообразие условий в различных районах СССР при определении темпа и методов колхозного строительства»[4]).

Товарищ Сталин учил партию и советскую власть: «...не обгонять развитие масс, не декретировать движение масс, не отрываться от масс, а двигаться вместе с массами и двигать их вперед, подводя их к нашим лозунгам и облегчая им убеждаться на своем собственном опыте в правильности наших лозунгов»[5]).

Но левые загибщики из парторганизации Туркменистана в своем административном рвении, в желании «догнать и перегнать» передовые районы СССР, допускали авантюристические попытки «в два счета» разрешить все вопросы колхозного строительства.

В 1930 году товарищ Сталин, критикуя среднеазиатских, в том числе и туркменских левых загибщиков, писал в своей статье «Ответ товарищам колхозникам», что «...туркестанцы, в своем рвении «догнать и перегнать» передовые районы, стали ориентироваться на окончание коллективизации в «кратчайший срок», хотя они имели в своем распоряжении целых четыре года (конец 1933 г.)»[6]).

Обратимся к фактам. В резолюции бюро Ташаузского окружного комитета партии от 11 августа 1929 года о состоянии колхозного строи-

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 37, л. 61.
[2]) Там же, л. 19—20.
[3]) И. Сталин. Вопросы ленинизма; изд. II, стр. 300.
[4]) Там же, стр. 300.
[5]) Там же, стр. 309—310.
[6]) И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. II, стр. 309.

тельства в округе сказано следующее: «Необходимо взять решительный курс на усиление темпа роста колхозного движения, добившись в предстоящий же год вовлечения колхозных единиц не меньше, чем на сто процентов... Поставить ближайшей задачей укрепление колхозных единиц, добившись увеличения числа хозяйств, объединяемых каждой колхозной единицей, путем вовлечения большего количества членов как в существующую сеть, так и во вновь организуемую»[1]).

Конечно, такую директиву в условиях Ташаузского округа без административного нажима нельзя было выполнить. Отдельные уполномоченные партийно-советских органов, командированные в аулы для развертывания колхозного строительства, грубо извращая линию партии, прибегали к методам администрирования, угрожали военной силой, угрожали лишить поливной воды, лишить промтоваров, привлекать к индивидуальному обложению, угрожали раскулачиванием тех дайхан, которые медлили итти в колхозы. Так, например, в аулсовете Второй Бой Ташаузского района 7 марта 1930 года на собрании дайхан райуполномоченный пригрозил, что «с невступающего в колхоз будет взиматься штраф от 50 до 100 рублей»[2]).

Заведующий Ильялинским райземотделом Клычев, приехав в аулсовет Карадашлы № 1 по организации колхозов, потребовал от председателя аулсовета список комсомольцев, партийцев, которых заочно записал в колхоз, ссылаясь на распоряжение по этому поводу райкома КП(б)Т. Организовав колхоз заочно, Клычев назначил секретаря аулсовета председателем колхоза. Таким же путем записал Клычев во вновь организованный колхоз и дайхан. Естественно, что многие дайхане, насильно записанные Клычевым в колхоз, отказывались войти в него[3]).

24 февраля 1930 года в Бедиркентском аулсовете Тахтинского района на собрании по вопросу организации колхоза председатель райисполкома Шихиев (член ЦИК ТССР) во время беседы с дайханами заявил, что вступление в колхоз является для всех обязательным, у невступавших в колхоз земля и скот будет отбираться[4]).

Еще в конце 1929 года ЦК КП(б) Туркменистана наметил районы Чарджоуского округа, как районы, которые можно было бы зачислить в список сплошной коллективизации. Но для очистки совести направили туда комиссию для проверки и по докладу этой комиссии бюро ЦК КП(б)Т 18 февраля 1930 года приняло следующее постановление:

«Имевшие место отдельные случаи извращения носят единичный характер и не опорачивают всего движения в целом. Несмотря на наличие отдельных случаев администрирования при проведении работы по колхозному строительству (применение угроз к колеблющимся вступить в колхозы, составление протоколов, лишение кооперативных и хлопковых книжек, переселение на худшие земли и т. д.), вовлечение масс в колхозы в основном происходило добровольно и факты администрирования в районах, намеченных районами сплошной коллективизации, были исключением»[5]).

Лишь после того, как 2 марта 1930 года была опубликована историческая статья товарища Сталина «Головокружение от успехов» и ЦК ВКП(б) 15 марта 1930 года принял постановление «О борьбе с

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 86.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 24, л. 72.
[3]) Там же, д. 22, л. 86.
[4]) Там же.
[5]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 23, л. 20.

искривлениями партийной линии в колхозном движении», после того, как 3 апреля 1930 года была опубликована другая знаменитая статья товарища Сталина «Ответ товарищам колхозникам», лишь после всего этого бюро ЦК КП(б) Туркменистана, 22 апреля 1930 года и последующий V съезд КП(б)Т 15 июня 1930 года, признали, что: «левые загибы, представляющие весьма распространенное явление в парторганизациях Туркмении, поставили под угрозу союз рабочего класса и бедноты с середняком. Перепрыгивание через низшую ступень коллективизации к высшей, «гигантомания», погоня за бумажными темпами коллективизации, имевшие место в практике работы КП (б)Т вытекали из недооценки социально-экономических особенностей Туркмении, из стремления «догнать и перегнать» передовые районы Советского Союза.

Съезд с удовлетворением отмечает, что благодаря своевременной помощи ЦК ВКП(б), партийные организации Туркмении сумели в основном преодолеть допущенные ошибки, хотя исправление ошибок было начато с значительным опозданием.

Съезд считает, что в руководстве колхозным строительством, Центральным Комитетом были допущены серьезные ошибки.

Съезд подчеркивает, что нельзя считать работу по исправлению ошибок в колхозном строительстве полностью законченной. Еще имеют место рецидивы «левых увлечений», стремление удержать во что бы то ни стало нежизнеспособные колхозы. Съезд считает необходимым мобилизацию всей партийной и советской общественности на действительное большевистское исправление этих ошибок»[1]).

Но, признавая все это, ЦК КП(б)Т, увлекшись успехами борьбы с басмачеством, в 1931 году в своих лозунгах, в момент военной экспедиции против басмачества, включил пункт, призывающий к сплошной коллективизации в Кара-Кумах в то время, когда там еще, как мы говорили выше, даже не было достаточно прочных советских органов необходимо было сначала там провести советизацию, создать кормовую базу, расчистить колодцы, улучшить материальное положение батраков, бедняков и середняков за счет байского хозяйства, организовать показательные очаги коллективных скотоводческих хозяйств, лишь после этого можно было бы призывать скотоводов Кара-Кумов к сплошной коллективизации. Но туркменские руководители поступили иначе. Это было явным перегибом, искривлением политики партии в колхозном строительстве[2]).

Само собой напрашивается, что же тогда обеспечило победу колхозного строительства в районах Северного Туркменистана?

Только правильным проведением в жизнь генеральной линии партии была решена судьба колхозного строительства. Основная масса коммунистов и беспартийного актива Туркменистана, в том числе и Ташаузского округа, оставалась верной генеральной линии большевистской партии. И партия, опираясь на активность этой массы рядовых коммунистов и беспартийных большевиков, в непримиримой борьбе со всякими уклонами, в борьбе с вредительством националистов, обеспечила победу колхозного строительства как во всей Туркмении, так и в районах Ташаузского округа.

Исторические статьи товарища Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам», а также ряд постановлений ЦК ВКП(б) в 1930 году по колхозному строительству убедили дайханство, что генеральная линия большевистской партии не имеет ничего

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 37, л. 55.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 9-а, л. 79—80.

общего с головотяпскими левыми перегибами, допущенными на местах. Эти документы партии, имевшие величайшее политическое значение, внесли успокоение в дайханские массы. На этой именно основе была создана почва для нового роста колхозного движения.

ЦК ВКП(б) и союзное правительство, учитывая недостаточное количество политически грамотных и выдержанных кадров в таких отдаленных районах, как Ташаузский округ, для оказания помощи колхозному строительству направили группу работников, знаменитых двадцатипятитысячников из числа индустриальных рабочих, часть из которых в марте 1930 года прибыла и в Ташаузский округ[1]). Трудовая масса туркмен радостно приняла этих людей, как неоценимую помощь великого братского русского народа. Славные двадцатипятитысячники оказали громадную услугу в деле организационно-хозяйственного укрепления туркменских колхозов.

Далее, постановлением ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР от 2 апреля 1930 года были освобождены от налогового обложения все виды скота, находившегося как в колхозном владении, так и в индивидуальном владении колхозников. Колхозы освобождались от обложения сельскохозяйственным налогом на два года. Были сняты с дайхан, вошедших в колхозы, все числившиеся за ними штрафы и судебные взыскания, связанные с невыполнением сельскохозяйственных повинностей, недоимок и т. д., наложенные до 1 апреля 1930 года.

Было предложено правлениям колхозов не чинить препятствий колхозникам, желавшим в свободное от работы в колхозе время, работать для себя на обобществленных колхозных лошадях, верблюдах, волах, арбах, и т. д.[2]).

В 1930 году в районах Северного Туркменистана были созданы две МТС и крупный хлопководческий совхоз в Ак-Тепе. Дайхане массами приходили в МТС и совхоз, наблюдали за работой тракторов, за работой сельхозмашин и выражали свой восторг. Они убедились, что трактор способен распахать любую твердую землю, любую целину. Людям, в прошлом лишенным сколько-нибудь сносных орудий и тягловой силы, эти машины казались чудесными. Забитые нуждой, предоставленные ранее самим себе, туркменские дайхане увидели, наконец, путь к лучшей жизни — это был путь колхозов. На этом пути дайхан мог окончательно освободиться от кабалы баев.

Мероприятия партии и советской власти обусловили то, что дайхане Ташаузского округа массами стали вступать в колхозы. Так начался переход к сплошной коллективизации.

Само собой разумеется, что переход к сплошной коллективизации основных масс дайханства, был связан с ожесточенной классовой борьбой между дайханством и байством, ибо сплошная коллективизация означала переход всех земель на территории аула и кишлака в руки колхоза, а ведь самая большая часть поливных земель еще находилась в руках баев и духовенства. Баи и духовенство, видя, что колхозы навсегда кладут конец их эксплоатации, еще яростнее стали сопротивляться политике советской власти и стремлению дайхан-колхозников отнять у них землю.

Сопротивление байства происходило в различной форме, прежде всего и больше всего по линии вооруженного выступления, усиления басмачества и широкого распространения антисоветской, антиколхозной агитации, имевшей целью озлобить дайхан и вызвать мятежи про-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 446.
[2]) Там же, ф. 21, д. 24, л. 100.

тив советской власти. При этом баи, ишаны и муллы нередко умело использовали все ошибки и перегибы, допущенные местными партийно-советскими организациями в колхозном строительстве.

Так, например, 6 января 1930 года в город Ташауз из аула Кетли прибыла группа женщин около ста человек с протестом против того, что у них силой отбирают хлеб и насильно хотят организовать в колхоз, чего они не хотят. Впоследствии выяснилось, что эта группа женщин, включавшая в себя жен бедноты и батраков, прибыла в город под предводительством восьми жен баев, мужья которых, в силу состоявшихся решений большинства жителей аула, были поставлены под угрозу выселения. При тщательной проверки было выявлено, что жены бедноты и батраков были спровоцированы женами баев[1]).

В целях выяснения действительных причин, побудивших к коллективному выступлению женщин, а также для разъяснения политики партии и советской власти в области хлебозаготовок и колхозного строительства в аул Кетли прибыла группа ответственных работников. На общем собрании аула сведения о провокации со стороны байских жен подтвердились, и не только беднота и батраки, но и середняки вынесли совместное решение о вступлении в колхоз и о выселении баев из аула, как элемента, мешающего колхозному строительству[2]). Такие случаи имели место и в других районах округа.

В 1930 году отмечалось, что байство, духовенство и бывшие ханские чиновники аулсовета № 3 Куня-Ургенчского района вели в ауле агитацию о том, что дайхане, вступившие в колхозы, превратятся в русских, посрамят звание туркмена и в случае смерти, колхозников будут хоронить, как поганых людей без мусульманских обрядов. Проводя такую агитацию, байство и духовенство предлагало дайханам-середнякам при попытке организации колхозов ставить перед властью вопрос о переселении их из аула, так как, мол, власть считается только с батраками и бедняками.

В аулсовете Кок-Чага Ташаузского района байство и бывшие ханские чиновники распространяли среди дайхан слухи о том, что у всех вступивших в колхозы советская власть отберет все имущество и скот, жены будут принадлежать не мужьям, а всему обществу, и хлеб колхозникам будет выдаваться только по одному фунту на человека. В аулсовете Майли-Джангел того же района байство и бывшие ханские чиновники распускали слухи о том, что все члены колхоза будут обязаны отдавать своих дочерей без калыма за кого попало[3]).

Таких примеров можно привести десятки. Одновременно с открытыми антиколхозными выступлениями байство и духовенство организовали террористические акты против аульного советского актива, уходили сами в басмаческие шайки и стремились увести за собой дайхан. В ряде мест баи забирали весь свой скот, инвентарь и имущество и перекочевывали на территорию Узбекистана или Кара-Калпакии. Местами, в отдельных случаях, туркменские баи и ишаны сами ликвидировали свое хозяйство, чтобы оно не попало в колхозы.

Несмотря на все это, основная масса дайхан, в особенности батраки и бедняки, твердо стояли за колхозы. В ответ на сопротивление баев они стали сгонять баев с земли, раскулачивать их, отбирать у них скот, сельхозорудия и требовать от органов советской власти ареста и высылки баев и духовенства за пределы района, за пределы округа.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 21, д. 22, л. 369.
[2]) Там же.
[3]) Там же, л. 8.

Сплошная коллективизация означала, таким образом, ликвидацию байства и кулачества, как класса.

Советская власть, идя навстречу желаниям народной массы, нашла возможным и нужным перейти от прежней политики ограничения байства, к новой политике — политике ликвидации байства, как класса, на основе сплошной коллективизации.

Старая политика ограничения байства состояла в том, что советская власть лишала баев избирательного права, облагала баев повышенным налогом, требовала от них продажи хлеба государству по твердым ценам, давала им твердое задание сеять определенное количество площади хлопчатника или другую нужную нам культуру и устанавливала над ними контроль бедняцко-батрацких организаций, контролируя договор между батраком и баем, советская власть ограничивала эксплоататорский аппетит баев законом о применении наемного труда в единоличном хозяйстве. Такая политика вела к тому, что задерживался рост байства, вытеснялись и разорялись лишь отдельные группы, отдельные хозяйства баев, не выдержавшие этих ограничений.

Это была политика ограничения байства, а не ликвидация его. Она была необходима до известного времени, когда колхозов и совхозов или совсем не было, или они были еще слабы и не могли заменить байское сельское хозяйство своим собственным производством, да и сознание основной массы дайханства еще не созрело до понимания необходимости полной ликвидации байства, как класса.

В январе 1930 года союзное правительство, в связи с ростом колхозов и совхозов, проведением сплошной коллективизации, опираясь на активность народной массы, требовавшей поголовного ареста и высылки байства, приняло решение перейти к политике ликвидации, к политике уничтожения байства и кулачества, как класса. Это практически означало то, что Советская власть сняла запрет с раскулачивания байства, разрешила дайханским организациям конфисковать у баев скот, сельхозинвентарь, земли со всеми насаждениями и постройками в пользу колхозов, а органам власти было предложено выслать раскулаченных баев со всеми их семействами с территории данного района и округа в другой край, в другую республику.

На 20 сентября 1931 года по Туркменской республике, таким образом, было ликвидировано около двух тысяч байских хозяйств, в том числе по Ташаузскому округу, по неполным данным, около 500 хозяйств[1]).

В практическом осуществлении этого величайшего революционного мероприятия туркменская трудовая масса принимала самое активное участие. На радость трудового дайханства, у туркменского разбойничьего байства были отобраны все средства производства, целиком и полностью перешедшие в руки объединенных дайхан, в руки колхозов.

В жизни всей страны это был глубочайший революционный переворот, который по своему политическому и экономическому значению и последствиям был равнозначен революционному перевороту в Октябре 1917 года. Именно этот глубочайший революционный переворот, уничтожив первый и последний в Туркменистане эксплоататорский класс баев, ликвидировал этим самым социальную опору басмачества и буржуазного национализма и сделал невозможным их дальнейшее существование.

Коллективизация и ликвидация байства перевели многочисленный класс трудящихся дайхан с пути единоличного хозяйства на путь общественного, на путь колхозного строительства, создав, таким образом,

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1. д. 9. л. 61, 91, 139.

новые решающие условия для быстрого развития социалистического строя во всех районах Туркменистана.

Политика ликвидации байства и кулачества, как класс, была закреплена рядом мероприятий партии и советской власти по осуществлению организационного-хозяйственного укрепления колхозов.

В чем заключались задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов?

Дело в том, что баи были разбиты, но они еще не были добиты. В некоторых районах показная работа поглащала работу деловую. Отдельные партийно-советские органы оторвались от жизни колхозов, от их запросов. «Переход от индивидуального хозяйства к колхозам, — говорил товарищ Сталин, — должен был привести к усилению руководства коммунистов в деревне. А на деле в ряде случаев этот переход привел к тому, что коммунисты почили на лаврах, козыряя высоким процентом коллективизации, и предоставили дело самотеку, предоставили дело естественному ходу вещей»[1]).

И действительно, антисоветские элементы в ряде аулов, где они еще не были разоблачены и разгромлены, охотно шли в колхозы для того, чтобы создать внутри колхозов контрреволюционные гнезда, взрывать их изнутри. Классовые враги поняли изменившуюся обстановку, поняли могущество нового колхозного строя в ауле и изменили свою тактику борьбы, перейдя от прямой басмаческой атаки против колхозов, против Советов к работе в них тихой сапой.

Баи, ишаны, муллы и прочие антисоветские элементы, как мы говорили выше, своей деятельностью внутри колхозов наносили огромный вред колхозам, разваливали колхозную трудовую дисциплину, запутывали учет урожая, учет труда, доход делили не по трудодням, а по едокам, лодырям выдавали хлеб и прочие продукты больше, чем старательным, честным колхозникам. Они истребляли колхозный рабочий скот, портили сельхозинвентарь, тракторы, разрушали постройки, вырубали все лучшие древонасаждения и т. д. Они преследовали лучших людей, организовывали террористические акты против колхозных активистов.

Следовательно, для того, чтобы организационно-хозяйственно укрепить колхозы нужно было прежде всего установить твердое большевистское руководство колхозами и вышибить из руководства колхозами антисоветские элементы.

Но кадры колхозных работников только еще создавались. В колхозах сидели вчерашние единоличники. У них был опыт ведения хозяйства на мелких участках земли, но у них не было еще опыта по руководству крупным коллективным хозяйством. Требовалось время для того, чтобы приобрести такой опыт и подготовить колхозные кадры специалистов.

Партия, учитывая, что колхозный аул остро нуждался в людях, которые направляли бы работу колхозов, помогли бы молодым колхозным кадрам советами, воспитывали бы их, пришла на помощь колхозному дайханству. Она в январе 1933 года создала политические отделы при машинно-тракторных станциях, обслуживающих колхозы. Тысячи партийных работников были посланы для работы в политотделах, для политического руководства колхозами в различных районах СССР. Из них 28 человек работали в районах Северного Туркменистана.

Это была серьезная помощь. Большевики-политотдельцы, опираясь на поддержку колхозного и партийно-советского актива, проделали ог-

[1]) И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11, стр. 403.

ромную работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, по выращиванию колхозных кадров, по очищению колхозов от байских антисоветских элементов. В результате чистки колхозов Ташаузского округа были исключены, как антисоветские элементы, 820 человек[1]).

Огромное значение для поднятия активности колхозных масс на борьбу за организационно-хозяйственное укрепление колхозов имел I Всесоюзный съезд колхозников-ударников, состоявшийся в феврале 1933 года в Москве. На этом съезде в числе делегации от ТССР было пять человек из колхозников-ударников Ташаузского округа[2]).

Они с огромной радостью слушали там выступление великого вождя советского народа, друга и учителя колхозного дайханства товарища Сталина. В простых и мудрых словах товарищ Сталин раскрыл глубокое отличие старого доколхозного строя в ауле от нового колхозного строя.

«При старом строе — говорил товарищ Сталин, — крестьяне работали в одиночку, работали старыми дедовскими способами, старыми орудиями труда, работали на помещиков и капиталистов, на кулаков и спекулянтов, работали, живя впроголодь и обогащая других. При новом, колхозном строе крестьяне работают сообща, артельно, работают при помощи новых орудий — тракторов и сельхозмашин, работают на себя и на свои колхозы, живут без капиталистов и помещиков, без кулаков и спекулянтов, работают для того, чтобы изо дня в день улучшать свое материальное и культурное положение. Там, при старом строе, — правительство буржуазное и поддерживает оно богатеев против трудящихся крестьян. Здесь, при новом, колхозном строе, — правительство рабоче-крестьянское и поддерживает оно рабочих и крестьян против всех и всяких богатеев. Старый строй ведет к капитализму. Новый строй — к социализму»[3]).

«Чтобы стать колхозникам зажиточными, — говорил товарищ Сталин, — для этого требуется теперь только одно — работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность»[4]).

Эти мудрые сталинские слова глубоко запали в душу колхозников. Колхозники Ташаузского округа и всего Туркменистана стали работать так, как учил товарищ Сталин, и колхозы быстро пошли вперед по пути зажиточной и культурной жизни.

Вслед за этим, в августе 1933 года, в Ашхабаде происходил I Всетуркменский слет колхозников-ударников с участием 606 делегатов от 475 колхозов республики. В числе делегатов было 79 человек, прибывших из 66 колхозов Ташаузского округа (из них более трети составляли женщины)[5]).

Слет прошел под лозунгом: «Сделать колхозника зажиточным», «Ни одного колхозника без коровы», «За стопроцентное выполнение хлопковой программы»[6]).

Нужно было закрепить победу колхозного строя, нужно было твердо установить основы, на которые опирается коллективное хозяйство сельхозартели.

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 37, л. 69.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 285, л. 14.
[3]) И. Сталин. Речь на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Вопросы ленинизма, изд. XI, стр. 413.
[4]) Там же, стр. 418.
[5]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 285, л. 14.
[6]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 285, л. 14—15.

В 1935 году в Москве собрался II Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Под руководством товарища Сталина съезд выработал примерный Устав. Колхозный Устав получил в народе название Сталинского. В этом наименовании заключен глубокий смысл. С именем великого Сталина связана победа и торжество колхозного строя.

В примерном Уставе говорится:

«Колхозный путь, путь социализма, есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян. Члены артели обязуются укреплять свою артель, трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, охранять общественную собственность, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства и, таким образом, сделать свой колхоз большевистским, а всех колхозников — зажиточными»[1]).

В Уставе записано, что земля, занимаемая артелью, есть общенародная государственная собственность. Она, согласно законам рабоче-крестьянского государства, закрепляется за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно.

В этих словах отражено одно из важнейших завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Успешное осуществление задач организационно-хозяйственного укрепления колхозов всецело зависело от крепости местных органов партии и Советской власти, от активности коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива рабочих, служащих и колхозников. Коллективизация и, в связи с этим ликвидация кулачества, как класса, была важнейшим экзаменом для партийно-советских работников Ташаузского округа, экзаменом, на котором проверялись на практике их политическая выдержка, их закалка.

И основная масса коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива с честью выдержала этот экзамен. Она упорно, в тяжелых условиях, боролась за правильное осуществление генеральной линии большевистской партии. За это время состав партии, комсомола, профсоюзов и других организаций трудящихся значительно вырос за счет рабочих, бывших батраков, бедноты и колхозников. Значительно улучшился состав и увеличилась активность членов аулсоветов. Об этом говорят результаты перевыборов аулсоветов в 1932 году, когда в Ташаузском округе из числа 2 433 членов аулсоветов 2 084 человека составляли члены колхоза, из них 699 женщин. Из общего числа 105 105 избирателей 82,8% явились на выборы, из числа женщин, имевших право голоса, явились по округу на выборы 80,7%[2]).

Эти цифры, а также высокая активность, проявленная трудящимися дайхан и дайханок в борьбе с байством, в борьбе за новую, колхозную, советскую социалистическую жизнь, служили убедительным доказательством того, что в районах Северного Туркменистана победил колхозный строй, победил советский строй.

В результате этой победы колхозное дайханство Ташаузского округа и всего Туркменистана добилось расцвета своей жизни, стало свободным, приобщилось к высокой советской культуре и знаниям, изжило нищету. Все, что оно достигло за годы Советской власти, получило свое яркое отражение в великой Сталинской Конституции Союза ССР.

В феврале 1935 года VII съезд Советов Союза ССР вынес решение об изменении Конституции Союза ССР, принятой в 1924 году. Специальной комиссией под председательством товарища Сталина был выработан проект новой Конституции СССР. В течение более чем пяти меся-

[1]) Примерный Устав сельскохозяйственной артели, изд. 1942 г., стр. 1—2.
[2]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 1290, л. 3—4.

цев проект новой Конституции был подвергнут всенародному обсуждению. 5 декабря 1936 года VIII Чрезвычайный съезд Советов Союза ССР принял эту новую Конституцию.

Как в обсуждении проекта новой Конституции, так и во всенародном празднике, в связи с ее принятием, активное участие приняли и трудящиеся районов Северного Туркменистана, ибо все изменения, которые происходили в их жизни и в жизни всего туркменского народа со времени 1924 года, были ярко отражены в этой Конституции.

Эти изменения были огромны. В аулах Северного Туркменистана, вместо массы мелких единоличных дайханских хозяйств, с их слабой, отсталой, средневековой техникой, с засилием бая, теперь, к 1936 году, выросло более 120 колхозов, вооруженных тракторами, европейскими плугами, сеялками, автомашинами. Байство было ликвидировано, а сектор единоличного дайханского хозяйства с его отсталой дедовской техникой занимал незначительное место.

Основные результаты успехов в области сельского хозяйства, с точки зрения коренного улучшения материального положения трудящихся дайхан, состояли в ликвидации батрачества, в охвате колхозным строительством почти всей дайханской бедноты, в уничтожении нищеты в ауле.

Колхозный строй совершенно изменил лицо туркменского аула, изменил жизнь, быт и характер туркменских трудящихся. Он поднял батрачество, бедноту и низшие слои середняков в колхозах до положения обеспеченных людей, уничтожив тем самым процесс разорения и обнищания дайханства. Большевистская партия и Советская власть, развернув колхозное строительство, дав в руки дайхан тракторы и другие машины, спасла тысячи и десятки тысяч батрацких и бедняцких хозяйств Туркменистана от нищеты и разорения, от байской кабалы.

Следующее достижение, к которому большевистская партия вела туркменский народ, должно было выразиться в том, чтобы сделать всех колхозников зажиточными и культурными. И этого добились трудящиеся туркмены уже к 1936 году. Там, где точно выполнялись указания товарища Сталина, там уже колхозники добились зажиточной и культурной жизни. Укрепление личного хозяйства колхозника было неразрывно связано с обогащением колхоза в целом.

Для подъема общественного животноводства и для ликвидации бескоровности хозяйств колхозников в 1934 году союзным правительством было отпущено Туркменистану 14 миллионов рублей[1]). В результате этой помощи в животноводстве Туркменской республики, в том числе Ташаузского округа, произошел резкий подъем и намного была уменьшена бескоровность и бесскотность колхозников.

Там, где колхозы стали зажиточными, постройка новых амбаров и кладовых стала главной заботой колхозного двора, так как старые хранилища продуктов, рассчитанные на незначительный годовой запас, теперь не удовлетворяли и десятой доли новых потребностей колхозов. Ташаузские колхозники стали получать большую прибыль от производства хлопка. Выросла посевная площадь, улучшилось качество обработки и поднялся урожай хлопка.

Но буржуазные националисты, вопреки указаниям ЦК ВКП(б) о повышении урожайности хлопкового клина, взяли курс на увеличение общей площади за счет вытеснения зерновых и люцерны, а урожай хлопка из года в год снижался.

V съезд коммунистической партии Туркменистана в 1930 году отметил это снижение урожайности хлопка за последние годы и указал, что

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 39, л. 6.

проблема всемерного повышения урожайности должна быть признана важнейшей в выполнении хлопковой пятилетки[1]).

Несмотря на все препятствия буржуазно-националистических и иных вредителей, туркменский народ увидел в хлопководстве свое счастье и залог дальнейшего процветания своей страны. Туркменский народ сделал громадный шаг вперед, объявив всенародную борьбу за выполнение и перевыполнение хлопковой программы. В течение 1934—1936 годов в районах Северного Туркменистана на доходы от хлопководства десятки колхозов превратились в миллионеров. Такие колхозы, как колхоз «8 марта» в Куня-Ургенчском районе, колхоз имени Тельмана в Ильялинском (ныне Ленинском) районе, колхоз «Большевик» в Куня-Ургенчском районе и ряд других колхозов, стали гордостью всего туркменского народа.

Победа советского и колхозного строя в районах Северного Туркменистана вызвала к политической жизни и деятельности десятки, сотни и тысячи знатных людей из числа бывших батраков, бедняков и середняков, которые благодаря своему упорному труду и замечательной способности организаторов масс стали пользоваться в народе огромной популярностью и любовью, которыми никогда не пользовались и не могли пользоваться ханы, беки, сердары, мохердары, кетхуды, аксакалы и другая знать феодально-байского прошлого туркмен. Это рядовые колхозники и колхозницы-стахановцы; это звеньеводы, бригадиры и председатели колхозов; это агрономы, врачи, мирабы, учителя, инженеры, техники, трактористы, чабаны; это рабочие-стахановцы заводов и промартелей; это работники партийно-советских и хозяйственных учреждений. Это новые люди, люди выдвинувшиеся из трудового народа, которых обучила советская школа, которых воспитала и вывела в люди наша великая партия большевиков.

Вот эти новые люди и стали управлять страной. И это было ярко отражено в Сталинской Конституции.

Далее, в Сталинской Конституции получили свое отражение и достижения туркменских трудящихся в области промышленности и торговли. Благодаря развитию в нашей стране тяжелой промышленности, благодаря индустриализации страны Советов, кустарная и местная промышленность Северного Туркменистана, вооруженная новой техникой, получила невиданной мощности развитие. Купцы и спекулянты были полностью изгнаны из сферы товарооборота. Вся торговля, все базары и рынки оказались в руках советского государства, в руках кооперации и колхозов. Старые базары обновились и расширились, возникли новые базары и рынки без спекулянтов, без ростовщиков, без капиталистов. Государственные и кооперативные магазины заполнились хорошими и дешевыми товарами. Дайхане могли приобрести в них все, что им нужно.

К 1936 году ни в районах Северного Туркменистана, ни в окружающих их Кара-Кумах не стало кочевников, не стало кочующих туркмен. Они осели, вступили в колхозы и стали заниматься земледелием и скотоводством. Благодаря этому, там, где раньше была пустыня, где все было заброшено и не было жизни, там появились цветущие поселки, население, образованы новые территориально-административные районы.

В Сталинской Конституции получило свое отражение и такое достижение туркменского народа, как полное раскрепощение женщин-туркменок. Колхозный строй раз и навсегда положил конец феодально-байскому рабству туркменских женщин, превратил их в большую силу в общественной жизни. Среди знатных людей Советского Туркменистa-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 37, л. 56.

на, в том числе и Ташаузского округа, большой процент составляли женщины.

В Сталинской Конституции были отражены крупные достижения трудящихся Туркменистана в области народного просвещения, здравоохранения и культуры. В результате введения всеобщего обязательного начального образования и нового школьного строительства Туркменистан стал страной грамотности, выросло число учащихся в начальных и неполных средних школах, возникли и укрепились интернаты в райцентрах. В окружном центре Северного Туркменистана, в г. Ташаузе, были открыты педагогический техникум, сельскохозяйственный рабфак, фельдшерская школа, совпартшкола. К 1936 году в других городах и вузах Союза обучались десятки и сотни сыновей и дочерей трудящихся Северного Туркменистана. Росло количественно и улучшался качественно состав учителей, агрономов, врачей. В райцентрах регулярно работали кинопередвижки, вечера самодеятельности, читальни при красных чайханах, создавались парткабинеты. В самом Ташаузе было построено два кинотеатра, вырос новый город, очищен, приведен в культурный вид старый город, устроено электрическое освещение, появились колхозный театр, библиотека и гостиница. В райцентрах было построено много новых красивых домов европейского типа. Даже многие колхозы построили поселки с новыми домами и озелененными улицами. В туркменском ауле старая дедовская кибитка стала редкостью. Кроме областной газеты, каждый район стал издавать свою районную газету.

Расцвет народного хозяйства Туркменистана сопровождался развитием туркменской литературы, туркменской поэзии, народных певцов. Из трудящихся Северного Туркменистана выросли такие народные поэты-орденоносцы, как Дурды Клыч — шахир, поэт Беки Сейтаков, бахши Магтым Кули, Назар-бага и другие, которые талантливо воспевали новую, социалистическую жизнь народа.

Значительное развитие получило и народное здравоохранение. Выросли новые лечебные учреждения, усилилась решительная борьба с местными социальными болезнями, увеличилось число врачей. Таким образом был положен конец старым табибским способам лечения и знахарству.

Но самое большое и самое важное достижение туркменских трудящихся, которого они добивались за годы Советской власти и которое получило свое историческое отражение в Сталинской Конституции, это укрепление братской дружбы как между собою (между родами и племенами), так и с узбекскими и другими народами Советского Союза.

Совместная борьба трудящейся массы всех народов Советского Союза против царской и ханской власти, против капиталистов, помещиков и мюлькдаров-баев, против внутренних контрреволюционеров и внешних захватчиков-интервентов, против феодально-байского басмачества, их совместная борьба за победу советского, колхозного, социалистического строя навсегда похоронила былую межродовую и межплеменную ненависть, былые межнациональные вражду и недоверие. Навечно укрепилась нерушимая дружба и братское сотрудничество туркменского народа со всеми народами, населяющими великий Советский Союз.

Об этом свидетельствует хотя бы такой факт, как численный рост в районах Северного Туркменистана национальных меньшинств (узбеков, казахов, кара-калпаков). По неполным данным, на март 1936 года численность национальных меньшинств в Ташаузском округе увеличивалась: узбеков — до 40 248 человек, казахов — до 1 463 человека, кара-калпаков — до 1 520 человек[1]). Они благодаря советской власти

[1]) ЦГАОР ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 142, л. 31.

стали дружно жить совместно с туркменами и работать в одном районе, в одном ауле, в одном колхозе, в одном учреждении; стали совместно бороться против всякого проявления национализма или шовинизма. Это есть результат их совместного труда и совместной борьбы под руководством большевистской партии.

Особенно укрепились у трудовой массы Северного Туркменистана и всего туркменского народа доверие и любовь к великому русскому народу, к его представителям, как представителям старшего, ведущего, руководящего брата в великой семье народов СССР. В 1935 году во время знаменитого конного пробега Ашхабад — Каракум — Москва туркменские трудящиеся Ташаузского округа отправили от себя 6 всадников с поручением передать 6 хороших скакунов иомудской породы в подарок товарищам Сталину, Молотову, Калинину, Ворошилову, Буденному и Кагановичу в знак глубокой любви и благодарности великому русскому народу за его братскую помощь.

Преданность и любовь туркменских трудящихся к русскому народу проявилась и в том, что многим их районам, аулсоветам, колхозам и промартелям были присвоены имена лучших сыновей русского народа. 85-летний старик-туркмен Ашыр-Сапар оглы из Тахтинского района (колхоза «Инкилап») 15 декабря 1936 года на колхозном собрании, где состоялся доклад о новой Конституции СССР, заявил в своем кратком выступлении: «Наше туркменское потомство не может и не должно забыть того, что русские большевики спасли нашу жизнь. Если бы русские большевики во время не пришли бы к нам в Хивинский оазис, то наши иомуды уже вымерли бы или от жестокой междоусобицы, или же от жестокого притеснения и преследования нас со стороны хивинской ханской власти и генералов русского белого царя»[1]).

В этих словах старик высказал все, что лежало на сердце у каждого честного туркмена.

Достижения туркменского народа, как и всех народов Советского Союза, достигнутые ими под руководством партии большевиков за годы Советской власти, получили свое яркое отражение и в новом народном творчестве. Это видно из новых песен, которые пелись и поются туркменскими народными бахшиами. Это видно из новых стихотворений, которые сочинялись их поэтами и декламировались их актерами; это видно из новых женских песен «Ляле», которые пелись девичьим хором.

Вот несколько строк из новой женской песни «Ляле», которые говорят о новой счастливой жизни туркменского народа, о победе и могуществе советского строя, о мудром руководстве партии большевиков[2]):

	Перевод:
1) Советлердир илимиз, Узын болды дилимиз. Байлар аглар хемише, Хошвагт бизин илимиз.	1) Баи горько плачут, Плакать будут вечно, Стала наша родина Вольною советской, Для дайхан настали радостные дни!
2) Бейик максат тутдык биз, Улы багта етдик биз, Ленин экен багынын Гюли болуп битдик биз.	2) Мы, как цветы, расцвели В саду, что Ленин взрастил, Мы до цели великой дошли, Мы счастья полны и сил.

[1]) Записано лично автором.

[2]) Б. А. Каррыев. Хрестоматия по литературе для 8 класса. Туркменгосиздат, Ашхабад, 1945, стр. 58—59.

3) Дагларын гары бардыр,
Советлен зоры бардыр,
Ватан горан йигиде
Хеммелер хырыдардыр.

3) Как вершина горы,
Недоступна, сильна —
Советская наша земля,
Её охраняет джигит удалой,
Все мы любим, гордимся
тобой!

Коренные преобразования туркменского народа, как и всех других народов Советского Союза, полученные ими под руководством партии большевиков за годы Советской власти, нашли полное отражение в великой Сталинской Конституции. В ней, как в зеркале, отражено все, что было добыто и завоевано, все, что осуществлено, сделано народами Союза ССР, в том числе и трудящимся Северного Туркменистана за период от 1924 года до 1936 года. Она явилась итогом пройденного пути, законодательным закреплением того, что добыто и завоевано на деле.

Было приятно и радостно трудящимся Туркменистана иметь Конституцию, трактующую о плодах их побед, знать, что кровь, обильно пролитая ими и всеми советскими людьми, дала свои результаты. Это вооружало их духовно, поднимало их чувство законной гордости и двигало их вперед.

А можно ли было сделать еще больше?

Да, можно было бы достигнуть гораздо большего, если бы не помешали буржуазно-националистические вредители, из-за которых, к сожалению, активность центрального руководящего аппарата республики значительно отставала от уровня активности низовых партийно-комсомольских масс, от уровня активности народных масс.

Успехи туркменского народа в целом, а трудящихся Северного Туркменистана в особенности, достигнутые под руководством большевистской партии, с братской помощью русского народа, на всех фронтах советского социалистического строительства, естественно, все больше и больше озлобляли туркменских контрреволюционных буржуазных националистов, старавшихся своей вредительской деятельностью затормозить расцвет республики, расцвет туркменского народа.

Особенно чувствительно было их вредительство в районах Северного Туркменистана. Именно здесь они больше всего тормозили дело советизации, задерживали проведение земельно-водной реформы, годами поддерживали байское басмачество Джунаид-хана.

Туркменские буржуазные националисты всемерно стремились приуменьшить братскую помощь великого русского народа, помощь союзного правительства, роль ЦК ВКП(б), роль товарища Сталина в расцвете культуры и благосостояния туркменского народа. Это они принимали все меры к тому, чтобы уменьшить эффективность этой помощи в сельском хозяйстве, стремились помешать развитию ирригации, хлопководства, зерновой культуры, агротехники, старались снизить доходность колхозов и колхозников, старались восстановить дайхан против колхозного строя, старались развалить колхозы.

Так, например, националисты сорвали дело ирригации в Ташаузском округе. Они умышленно саботировали выполнение неоднократных директивных указаний союзного правительства и ЦК ВКП(б) о механизации ирригационных работ в районах Северного Туркменистана, они не выполняли также резолюции VI съезда коммунистической партии Туркменистана в 1934 году, где категорически было сказано: «Проработать вопрос о таком переустройстве ташаузской системы, которое обеспечит проведение предпосевного полива в более ранние сроки. До-

биться полной механизации очистки магистральных систем в 1936 году. Наряду с внедрением имеющихся типов снарядов, организовать применение новых конструкций механизмов, приспособленных к условиям работы амударьинских водных систем»[1]).

Буржуазно-националистические вредители не только не выполнили этих указаний, не только не по назначению истратили огромную сумму денег, но и намного ухудшили положение трудящихся Северного Туркменистана, увеличивая из года в год тяжесть хошарных работ. Этим они хотели усилить недовольство среди дайханства и возродить басмачество.

В результате вредительской политики националистов ряд колхозов Ташаузского округа пришел в упадок, многие колхозы развалились. В то же время националисты по личным связям с башлыками (председателями) отдельным колхозам уделяли особенное внимание, давали им неограниченную помощь за счет других колхозов. Эта политика приводила к тому, что большинство колхозов из года в год не выполняли производственного плана.

Националисты создавали неуверенность и неустойчивость в положении колхозов и колхозников, проводя мероприятия, которые противоречили духу законов Советской власти и желанием колхозников. Так, например, в 1934 году, когда около 87% дайхан Ташаузского округа уже прочно включились в сельскохозяйственные артели и работали там без колебаний и уверенно, националисты под видом «учета специфических особенностей» добивались получить разрешение VI съезда коммунистической партии Туркменистана на возвращение ташаузских дайхан к положению товариществ по совместной обработке земли (ТСОЗ)[2]).

Или вот другой пример. Постановлением СНК СССР в 1934 году колхозникам Ташаузского округа было разрешено иметь дополнительно в личном пользовании своего хозяйства одну лошадь или одного верблюда, или двух быков. Это постановление союзного правительства было использовано националистическими вредителями для того, чтобы возвратить колхозникам уже обобществленный скот с колхозной фермы, что и было проведено во всех колхозах Ташаузского округа, хотя в большинстве колхозов сами колхозники выступили против этого возвращения[3]).

Особенно чувствительный вред нанесли националисты в области народного образования, культуры и подготовки кадров.

Народная масса во главе с честными коммунистами, увидев на практике, что буржуазно-националистическое руководство не только до 1931 года, но и в последующие годы не проводило настоящей советской, большевистской политики, «стала брать их за горло», критикуя и разоблачая их вредительство. Опираясь на генеральную линию большевистской партии, на революционные законы, на помощь и поддержку Советской власти, народная масса во главе с честными, преданными делу партии коммунистами, комсомольцами и беспартийным активом стала двигать дело социалистического строительства вперед, вопреки противодействиям националистической, контрреволюционной верхушки.

Националисты, чтобы подавить эту активность народной массы, в 1933—1936 годах, во время чистки и проверки партийных документов, исключили по мотивам «пассивности» из рядов членов и кандидатов партии сотни рабочих и колхозников. А ведь то, что из них многие были и оставались азбучно неграмотными и политически малограмотными,

---

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 37, л. 76.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 37, л. 73—81.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 39, л. 14.

являлось не их виной, а было следствием контрреволюционной, антинародной политики националистической верхушки, которая умышленно не давала лучшим передовым людям из рабочих и колхозников расти как в образовании, так и в работе. Националисты старались сохранить партийное и советское руководство в своих руках, в руках ограниченной группы лиц, состоящих, главным образом, из байских и ишанских сынков с дореволюционным образованием, с дореволюционным воспитанием, с антисоветской, пантюркистской идеологией.

Националисты, например, предпочитали в своих контрреволюционных интересах держать долгое время во главе Ташаузского окружного отдела народного образования Сапарвокил-Агаева, сына бывшего ханского мохердара, активного джунаидца и басмаческого шпиона; Назар Мухаммеджанова, сына крупного ишана, тесно связанного с басмачами и впоследствии ставшего главарем басмачей, националисты долгое время держали во главе Ташаузского окружного суда. Такие примеры не единичны, их можно значительно увеличить.

В то же время, в ответ на указания и требования партии ускорить подготовку и выдвижение кадров из рабочих и дайхан местной национальности, ускорить темп коренизации аппарата за счет роста партийно-советских, хозяйственных и культурных учреждений, националисты с целью разжечь огонь национальной вражды кричали о «засильи» европейцев, о необходимости увольнения и вытеснения европейцев-русских из партийно-советских органов республики[1]). И это было понятно. Ведь честные русские коммунисты и беспартийные неустанно и всемерно помогали неграмотным и малограмотным рабочим и колхозникам Туркменистана проявлять активность на всех участках советского социалистического строительства, помогали устроить новую жизнь, распознавать врагов.

Националисты, в целях задержания роста местных кадров, почти полностью вытеснили из школ Северного Туркменистана русский язык, как предмет изучения, в результате чего туркменская молодежь, окончившая начальную и неполную среднюю школу, не зная русского языка, не имела возможности продолжать свою учебу, не могла углублять свое образование. Даже окончившие техникумы и рабфаки, не зная русского языка, не могли вступить в высшие учебные заведения Союза. Националисты предпочитали в своих контрреволюционных целях преподавать в школах вместо русского языка пантюркистские идеи[2]).

Вытеснением русского языка, этого замечательного, смелого и революционного по духу, прекрасно-выразительного по форме, языка великого русского народа, националисты стремились отгородить туркменскую молодежь, партийно-советский актив от влияния марксистско-ленинской литературы, от трудов Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, которые в то время издавались почти исключительно на русском языке. Литература, воспитывающая молодежь и трудящихся в духе советского патриотизма, в духе большевизма, литература, показывающая достижения советского строительства, как правило, при националистическом руководстве совершенно не издавалась на туркменском языке[3]).

Судебные процессы 1932 года по делу буржуазно-националистической контрреволюционной организации «Туркмен-азатлыгы» («Освобождения Туркмении»), в особенности судебные процессы 1936—1937 годов по делу троцкистско-бухаринских шпионов, убийц и вредителей, пока-

[1]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 151, л. 354—357.
[2]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 39, л. 14—15.
[3]) Архив ТФ ИМЭЛ, ф. 1, д. 39, л. 15.

зали, что буржуазно-националистические негодяи давно уже составляли вместе с троцкистско-бухаринскими извергами одну общую банду врагов народа, что они сообща действовали по заданиям разведок империалистических государств, что они, выполняя волю своих хозяев — иностранных разведок, — ставили своей целью разрушение партии и советского государства, подрыв единства народов СССР и обороны нашей страны, облегчение иностранной военной интервенции, подготовку поражения Красной Армии, расчленение СССР, отдачу нашей родины по частям империалистическим государствам, уничтожение завоеваний рабочих и колхозников, восстановление феодально-капиталистического рабства в нашей стране.

Но эти господа жестоко просчитались. Они забыли, что хозяином советской страны являлись не они, а советский народ, они забыли, что хозяином Советского Туркменистана являлись не туркменские националисты, а туркменский народ. Эти ничтожные лакеи империалистов забыли, что стоит советскому народу шевельнуть пальцем, чтобы от них не осталось и следа. Так и было сделано. Советский туркменский народ под руководством большевистской партии в течение 1936—1937 годов разоблачил и выкинул их, как ненужный хлам.

Очищение руководства республики и местного партийно-советского аппарата от буржуазно-националистических шпионов и вредителей закрепило победу социалистического советского строя в районах Северного Туркменистана, как и во всем Туркменистане, и способствовало быстрому развитию туркменского народа по пути к коммунизму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чему учит советский период истории туркменского народа в целом, трудящихся Северного Туркменистана в частности? Из всего сказанного вытекают следующие выводы:

До Великой Октябрьской социалистической революции Хива (Хорезм) представляла собой фактически колонию русского царизма, в которой господствовали феодально-крепостнические отношения со значительными пережитками патриархально-родовых отношений (особенно у туркмен). Царизм искусственно задерживал развитие производительных сил Хивы в интересах сохранения ее как источника сырья и рынка сбыта товаров российской капиталистической промышленности.

Ленин называл царскую Россию «тюрьмой народов». Товарищ Сталин говорил «что царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме»[1]).

На карте царской империи нельзя было найти даже слово «Туркменистан». Часть туркмен тогда проживала на территории Закаспийской области, часть в эмирской Бухаре, часть в ханской Хиве. Царские колонизаторы и их верные прислужники — местные ханы и баи — беспощадно угнетали и эксплоатировали туркменский народ, держали его в плену суеверий и невежества. Ничего не было в то время у трудящихся туркмен: ни земли, ни воды, ни человеческих прав, ни школ, ни больниц, ни книг на родном языке.

Одним из основных вопросов экономической и политической жизни народов Хивы являлся вопрос о воде и ирригации. Хивинская ханская власть и российский царизм не только не пытались разрешить существовавшие в Хиве острые социальные и национальные противоречия, свя-

[1]) И. Сталин. Соч., т. VI, стр. 74—75.

званные с вопросами использования воды, а, наоборот, они использовали водный вопрос для усиления эксплоатации дайханства и для искусственного обострения межнациональных (среди народов Хивы) и межплеменных (среди хивинских туркмен) усобиц.

Вместе с тем предоктябрьская история туркменского народа показывает, что в связи с усиленным проникновением российского торгово-промышленного капитала, некоторым развитием товаро-денежных отношений, промышленности, торговли, транспорта, городов и городского населения, сопровождавшиеся большим приливом русских рабочих и революционных людей в Туркменистан, туркменские трудящиеся выходили из своей патриархально-родовой замкнутости, сильно диференцировались в классовом отношении, вовлекались в революционную борьбу русских рабочих и крестьян против царизма и его местных слуг.

Следовательно, эпоха господства русского царизма в Туркмении способствовала тому, что туркменский народ тесно связал свою судьбу с судьбой великого русского народа, ставшего затем под руководством партии большевиков любимым старшим братом в великой революционной семье народов СССР. Именно в совместной борьбе с передовым, высокореволюционным русским народом против общего врага туркменский народ видел свое счастливое будущее. Упорная борьба русского пролетариата с царизмом и империалистической буржуазией предвещала туркменскому народу освобождение от национального и социального гнета и объединение его разрозненных частей в единое национальное государство. С таким сознанием и стремлением туркменские рабочие и дайхане стали принимать активное участие во всех революционных событиях 1905—1917 г.г., происходивших в России и Средней Азии под влиянием и руководством русского пролетариата и его авангарда — большевистской партии.

В Туркменистане и Хиве, как и в других колониях царской России, двойной пресс угнетения обострял классовый антагонизм и вызывал ряд открытых выступлений трудящихся туркмен и узбеков против ханской и царской власти (восстания 1912-13, 1915-16, 1917 годов). Эти выступления дайханства и городской бедноты до Великой Октябрьской социалистической революции носили характер национально-освободительной, революционно-демократической борьбы, направленной одновременно и против русского военно-феодального империализма, и против местных эксплоататоров-феодалов и нарождавшейся торгово-ростовщической буржуазии.

Грандиозное восстание 1916 г. подготовило почву для вовлечения туркменского аула в подлинно широкое революционное движение в период февральской и, в особенности, в период Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Накануне февральской революции в туркменском ауле происходила острая классовая борьба. Первые же вести о февральской революции и свержении царя вызвали новую, еще более сильную волну революционного подъема в туркменских массах. Громадное влияние на революционизирование туркменского аула оказывали батраки и бедняки, побывавшие на фронтах империалистической войны и на тыловых работах. Там они были свидетелями и участниками развернувшейся гигантской борьбы российского пролетариата и трудового крестьянства против царизма, против империалистической войны.

Победа русских рабочих и крестьян в февральской революции, свержение ими царизма — опоры феодально-ханской деспотии в Средней Азии — облегчила борьбу туркменских, узбекских и других трудящихся Туркменистана и Хивы против местных ставленников и слуг «белого царя».

Трудящиеся Хивы выступили с требованиями свержения ханской власти. Но они не имели пролетарского руководства и этим воспользовались младохивинцы — партия местной реформистской буржуазии, вступившие в соглашение с феодально-ханской властью Хивы и представителями Петроградского Временного правительства в Туркестане с целью подавления революционно-демократического движения в Хиве.

Предательство младохивинцев дало возможность карательным отрядам Временного правительства и феодально-бандитской шайке Джунаид-хана одержать временную победу над революционным движением трудящихся масс Хивы.

Подобное же предательство контрреволюционных буржуазных националистов в Закаспии и Бухаре, вступивших в «братский» союз с русскими меньшевиками и эсерами, дезорганизовало революционную борьбу трудящихся Закаспия и Бухары в период февральской революции и на время упрочило здесь антинародную власть эмира и временного правительства.

История туркменского народа в целом, трудящихся Северного Туркменистана в частности, наглядно и ярко показывает, что победа Великой Октябрьской социалистической революции в центре России и провозглашенная вслед затем советским правительством свобода колониальных народов бывшей царской империи совершили коренной перелом в жизни туркменского народа, дали ему возможность самостоятельно решать свою судьбу, активизировали его выступления за власть Советов, еще раз укрепили его дружбу и единый фронт с русским революционным пролетариатом-освободителем и трудящимися всех ныне братских народов.

Подготовляя победу Великой Октябрьской революции, Ленин и Сталин учили партию направлять поток национально-освободительного движения угнетенных народов в русло социалистической революции. «Торжество революции — таков единственный путь освобождения народов России от национального гнета...

Либо народы России поддержат революционную борьбу рабочих за власть, и тогда — они добьются освобождения, либо они ее не поддержат, и тогда — не видать им освобождения, как не видать своих ушей»[1]):

От мучений и отчаяния, от угрозы вырождения и вымирания, от рабства, угнетения и эксплоатации туркменский народ получил избавление и спасение от пролетариата, его интернационалистической большевистской партии и гениальных вождей всех трудящихся Ленина и Сталина.

Великая Октябрьская социалистическая революция воплотила в жизнь заветные чаяния туркменского народа, раскрепостила, призвала к жизни его могучие силы.

С первых же дней победы Великой Октябрьской социалистической революции в районах закаспийских туркмен широко организовались местные Советы, формировались красногвардейские отряды, которыми командовали герои гражданской войны: Овез Берды Кулиев и другие — в Теджене, Аллаяр Курбанов — в Каракалинском районе и другие.

Такие же революционные отряды создавались среди хивинских туркмен под командованием славного народного героя Шамми-Келя, а после его гибели — под командованием бедняка Кемине-Шиха и батрака Комек-Гедая и среди бухарских туркмен.

---

[1]) И. Сталин. Соч., т. III, стр. 209.

Эти отряды вместе с красногвардейскими, а затем красноармейскими частями вели упорную борьбу с вооруженными силами туркменского байства, которыми руководили: Азиз-хан — в Теджене и Джунаид-хан — в Хиве, с русскими белогвардейцами, местными буржуазными националистами и английскими интервентами.

В начале 1920 г. созданные большевиками из туркменской бедноты и батрачества красногвардейские и партизанские отряды вместе с частями Красной Армии под руководством великих пролетарских полководцев-большевиков М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева в результате героической самоотверженной борьбы очистили Закаспийскую область от английских интервентов и белогвардейцев, навсегда установив в Закаспии власть Советов.

Освобожденная Туркменская Советская Закаспийская область добровольно вошла через Туркестанскую АССР в состав счастливой советской семьи братских народов РСФСР.

Несколько иначе сложились в первые годы после Великой Октябрьской революции и гражданской войны судьбы туркменских, узбекских и других трудящихся в ханской Хиве и эмирской Бухаре.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России открыла новую эпоху и в истории трудящихся Хивинского ханства, указав им путь к национальному и социальному раскрепощению. Октябрьская революция впервые породила объединение классовых интересов и единство выступлений трудовых масс различных национальностей Хивы против своих эксплоататоров (например, война шаммикельцев с джунаидцами). Это вынудило реакционные силы феодалов и торгово-ростовщической буржуазии различных национальностей Хивы объединиться вокруг Джунаид-хана—агента английских империалистов, для борьбы с влиянием Великой Октябрьской революции на трудящихся Хивы.

Отсутствие в Хиве промышленного пролетариата, чрезвычайная отдаленность Хивы от революционных центров, наличие у трудового дайханства Хивы сильных родоплеменных и националистических предрассудков и ряд других специфических обстоятельств обусловили временную победу хивинской феодальной реакции, диктатуры Джунаид-хана, диктатуры туркмено-узбекских феодалов, поддерживаемых иностранными интервентами.

Диктатура Джунаид-хана была кровавой и разрушительной диктатурой хивинских феодалов, призванной бороться и против революционного движения трудящихся в Хиве, и против большевизма и Советской власти вне Хивы. В упорной борьбе с этой диктатурой погибли сотни и тысячи лучших сынов трудящихся Хивы во главе с народным героем Шамми-Келем.

Диктатура Джунаид-хана, опиравшаяся на поддержку иностранных интервентов, русских белогвардейцев и среднеазиатских буржуазных националистов, не могла быть прочной не только потому, что ее глубоко ненавидела хивинская народная масса, но и потому, что экономические и политические стремления тех разношерстных феодальных групп Хивы, на которые она могла временно опираться, были слишком противоречивыми.

Победа Красной Армии на фронтах гражданской войны и большевистская национальная политика, победившая уже в России и Туркестане, ряд поражений банд Джунаид-хана в борьбе с частями Красной Армии — все эти факторы оказывали глубоко-революционизирующее влияние на трудящихся Хивы, пробуждая классовое самосознание бедноты и батрачества в аулах и городах Хивы, поднимали их на народную революцию, делали их сопротивление диктатуре Джунаид-хана более упорным и организованным. Те же факторы внесли весьма серьезное

разложение и ослабление в ряды контрреволюционной банды Джунаид-хана.

Восставшие под руководством большевиков трудящиеся массы Хивы с помощью частей Красной Армии завершили в феврале 1920 года первый этап хивинской народной революции, что выразилось в свержении феодально-ханской власти в Хиве и установлении Хорезмской Народной Республики. В августе 1920 года такая же революция победила и в Бухаре при активном участии трудовых масс бухарских туркмен.

Однако, из-за предательской политики троцкистов, воспользовавшихся отсутствием в Хиве промышленного пролетариата, слабостью местных большевиков и отдаленностью Хивы от советских центров, у власти Хорезмской Народной Республики оказалась местная торгово-ростовщическая буржуазия во главе с кучкой авантюристов — партией младохивинцев. Так возникла в Хиве диктатура буржуазии — младохивинцев, опиравшихся на политическую поддержку троцкистов, иностранных империалистов и всех среднеазиатских контрреволюционеров.

Диктатура младохивинцев так же, как и свергнутая ханская власть, была глубоко враждебна народу и представляла интересы местных эксплоататоров. Она стремилась к сохранению прежних феодально-байских отношений, всячески боролась против углубления народной революции, продолжала старую ханско-царскую политику разжигания национальной вражды.

Младохивинцы, оказавшиеся у власти, проявляли в отношении трудящихся масс хивинских туркмен шовинизм в самой жестокой и дикой форме (тазабагский погром туркменских добровольцев в сентябре 1920 года, карательная экспедиция Юсупова в туркменские районы и другие).

Молодая большевистская партийная организация Хивы, имея поддержку со стороны широких масс трудящихся населения городов и аулов, беспощадно разоблачала контрреволюционную сущность младохивинской диктатуры, усиливала свою авангардную роль в народной революции.

В результате усилившегося большевистского руководства, при активной поддержке русского пролетариата, хивинская народная революция вступила во второй этап своего развития. В ответ на белый террор младохивинского правительства бедняки, батраки и ремесленный пролетариат, руководимые коммунистами, организовали в марте 1921 года в ряде городов и аулов Хивы восстания с требованиями свержения младохивинской диктатуры и образования в Хиве Советской власти. Так завершилась хивинская народная революция, которая свергла господство феодалов и буржуазии и навсегда установила в Хиве власть Советов.

Так возникла и победила Советская власть на всей территории Туркменистана. Так, в огне пролетарской революции и гражданской войны с оружием в руках туркменский народ не только добился своего освобождения от колониального рабства и феодального гнета, но и создал свою свободную и могущественную власть Советов.

Под руководством большевистской партии, при огромной повседневной помощи братских народов, и особенно своего старшего брата — великого русского народа, туркменский народ разбил, уничтожил оковы колониального и социального гнета, стал полным хозяином своей земли и воды, своей жизни, своей судьбы.

Таким образом великий русский народ и великая партия большевиков сыграли огромную роль в решающий период исторической жизни туркменского народа. Только с помощью русского пролетариата и ге-

роической Красной Армии, • под знаменем партии Ленина — Сталина, революционное туркменское дайханство оказалось в состоянии освободиться от колониального рабства, свергнуть туркменских феодалов, российских капиталистов и белогвардейцев, туркменских буржуазных националистов и английских интервентов и таким образом подготовить почву для воссоединения своих разрозненных частей в единую социалистическую нацию и образования Туркменской ССР.

Советский период истории туркменского народа в целом, трудящихся Северного Туркменистана в частности, конкретно показывает, что советское правительство РСФСР, руководимое Лениным и Сталиным, не ограничилось установлением политического и правового равноправия наций, хотя и это было всемирно-историческим завоеванием.

Под руководством партии большевиков советское государство поставило задачу ликвидации фактического неравенства наций. «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, — указывал И. В. Сталин на X съезде партии, — чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях[1]).

Партия большевиков и советское государство под руководством Ленина и Сталина осуществили эту великую задачу в невиданно короткий исторический срок. В этом также сказывается величайшее преимущество советской демократии, которая в миллион раз демократичней любой буржуазной демократии, не способной и не желающей устранить национальный гнет, ни, тем более, фактическое неравенство наций.

В 1921—1924 годах, в период одновременного существования трех республик в Средней Азии до национального размежевания Советы и большевики туркмен, узбеков, таджиков и казахов, при братской помощи передовых народов страны, в первую очередь, при помощи великого русского народа, успешно восстановили народное хозяйство Хорезмской и Бухарской республик и всех областей Туркестанской АССР, в том числе и Туркменской (Закаспийской) области, еще больше подняли политическую активность трудящихся, ликвидировали байское басмачество, обеспечили вовлечение широких масс трудящихся в органы советской власти, повысили экономическое благосостояние и культурный уровень масс, установили национальный мир и дружбу между народами Средней Азии и, таким образом, подготовили все необходимые условия для национально-государственного размежевания и создания самостоятельных советских республик по национально-территориальному признаку.

В этом великом деле огромную роль сыграли Туркестанская комиссия правительства РСФСР и Туркестанское бюро ЦК РКП(б), направленные Лениным и Сталиным в Туркестан еще в 1919 г. для помощи партийным и советским организациям Средней Азии. Деятельность Туркестанской комиссии, руководимой товарищами Фрунзе, Куйбышевым и Кагановичем, представляла собой важнейшую веху в социалистическом строительстве Средней Азии и явилась ярким свидетельством отеческой заботы великих вождей нашей партии Ленина и Сталина о трудящихся Средней Азии. С именем Фрунзе, Куйбышева и Кагановича, с большевистской энергией осуществлявших директивы Ленина и Сталина, связаны замечательные успехи и победы, достигну-

[1]) И. Сталин. Соч., т. V, стр. 39.

тые в республиках Средней Азии в борьбе против внешней и внутренней контрреволюции, в восстановлении народного хозяйства.

Для успешного разрешения задач социалистического строительства и идя навстречу стремлениям народных масс туркмен, узбеков, казахов, кара-калпаков, таджиков и киргизов, осенью 1924 года было проведено великое преобразование — национально-государственное размежевание республик Средней Азии, образование Туркменской и Узбекской ССР.

Это был новый великий исторический поворотный пункт в жизни народов Средней Азии, в том числе и туркменского народа. Ленинско-сталинская национальная политика партии большевиков окончательно и навсегда обеспечила воссоединение разрозненных туркменских племен с их территориями и создание единого национального туркменского советского социалистического государства.

Советские социалистические нации узбеков и туркмен, таджиков и киргизов, казахов и каракалпаков и их национально-советская государственность возникли на развалинах старых, буржуазных, феодально-байских наций, рождены Великой Октябрьской революцией. Их возглавила и воспитала в духе интернационализма великая партия Ленина — Сталина. Советские социалистические нации развивались в направлении, указанном Лениным и Сталиным, на базе советского, социалистического строя. Советские нации — это социалистические нации, освобожденные от эксплоатации, от классового антагонизма, нации с новым, советским, социалистическим морально-политическим обликом.

Советский период истории Туркменистана конкретно показывает, на примере его северных районов, что освобождение туркменского народа от колониального и социального угнетения, создание и упрочнение его родной власти Советов, его воссоединение и консолидация в единой социалистической нации, образование его самостоятельной союзной республики и его дальнейший бурный рост на пути к социализму происходили не без противоречий и борьбы, ибо были факторы, мешавшие и противодействовавшие таковым.

В числе этих факторов наиболее серьезными и опасными для жизни туркменского народа были местный буржуазный национализм и связанное с ним байское басмачество. Басмачество в условиях советской власти носило характер вооруженного сопротивления местных байских эксплоататорских элементов советскому социалистическому строительству рабочих и дайхан. Это байское басмачество, получая постоянную и всемерную поддержку как со стороны внутренних контрреволюционных элементов, так и со стороны иностранных империалистических государств, около 12 лет просуществовало в Советском Туркменистане, значительно затормозив его советизацию и социалистическое строительство. Басмачество было надежной опорой байско-ишанской реакции и буржуазных националистов в их борьбе против советской власти и социалистического строительства трудящихся.

Но советский строй породил и поднял на невиданную ступень политическую активность и трудовой энтузиазм широкой массы трудящихся Туркменистана. Могущественные организаторские способности партии большевиков объединили и прочно организовали силы туркменских, узбекских, таджикских и других трудящихся вокруг Советов, вдохновили их на решительную борьбу с байской контрреволюцией, на борьбу с басмачеством и его пособниками.

Следует подчеркнуть, что фронт борьбы с байским басмачеством был настоящей революционной политической школой для местных ком-

мунистов, комсомольцев, для всех трудящихся аула и города, школой, где они впервые получили большевистскую закалку, где они по-настоящему научились драться со «своими» классовыми врагами — баями-эксплоататорами. Для туркмен это была подлинная гражданская война. И туркменский народ с честью выдержал все испытания этой войны, вышел из нее с победой и показал тем самым свою верность советскому строю, показал свое замечательное качество, как новой, социалистической нации.

В наступательном ходе социалистического строительства туркменский народ под руководством большевистской партии разгромил и ликвидировал и другого, наиболее опасного своего врага — контрреволюционного буржуазного национализма. Национализм был наиболее опасен не только потому, что он действовал скрыто и прикрывался национальным костюмом, но и потому, что он подрывал важнейший источник силы и побед туркменского народа — его дружбу со всеми народами Советского Союза, в особенности с великим русским народом. «Национализм — указывал И. В. Сталин, это та последняя позиция, с которой нужно сбросить буржуазию, чтобы окончательно победить ее»[1]).

Только создав и сплотив вокруг партии большевиков и Советов крепкие национальные кадры туркменских трудящихся, воспитанные в духе пламенного советского патриотизма и социалистического интернационализма, можно было создать и успешно строить туркменскую национально-советскую государственность, вовлечь в социалистическое строительство широкие массы туркменских рабочих, дайхан, интеллигенцию и добиться великих побед. Над выдвижением и воспитанием этих кадров много потрудились славная партия большевиков и ее великие вожди Ленин и Сталин.

«В борьбе с классовыми врагами, — говорил Л. М. Каганович, — с националистами разных мастей, с троцкистами и правокулацкой агентурой внутри партии, с шпионами империалистических разведок, со всеми врагами народа выросли, закалились, окрепли подлинные коммунисты-большевики — узбеки, казахи, туркмены, таджики, киргизы»[2]).

Советский период истории Туркменистана показывает, на конкретном примере его северных районов, что несмотря на препятствия, учиненные предательством и вредительством контрреволюционных буржуазных националистов, троцкистов, «левых» загибщиков и великодержавных шовинистов, несмотря на байское басмачество и происки иностранных империалистических захватчиков, несмотря на вековую отсталость, несмотря ни на что, трудящиеся массы Туркменистана под руководством партии большевиков уже к 1936 году, ко времени принятия великой Сталинской Конституции, добились мощного подъема народного хозяйства и культуры.

Программой роста и развития туркменского народа и его молодой республики явилось указание товарища Сталина в его знаменитой речи, произнесенной им 15 мая 1925 года в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

Туркменский народ, его партийные и советские организации под руководством ЦК ВКП(б) и при братской помощи великого русского

---

[1]) И. Сталин. Соч., т. IV, стр. 91.

[2]) Л. М. Каганович. Речь на юбилейной сессии Верховного Совета Узбекской ССР, посвященной 25-летию Узбекской ССР, 16 января 1950 г. «Правда» от 21 января 1950 г.

народа энергично и горячо взялись за выполнение величественных задач, выдвинутых великим вождем советского народа. Туркменский народ впервые получил возможность всесторонне проявить свои творческие, созидательные способности. Под руководством большевиков он начал борьбу за ликвидацию в кратчайший срок своей отсталости, за переделку своей жизни на новый, социалистический лад.

В первые годы после образования Туркменской ССР перед партийно-советскими организациями республики, перед большевиками Туркменистана стояла огромная, большой политической важности неотложная задача: принять все меры к коренному улучшению работы всех звеньев советского аппарата, к оздоровлению и очистке состава советских работников от классово-чуждых и разложившихся элементов, приблизить органы советской власти к массам, широко привлечь трудящихся к управлению страной.

И большевики Туркменистана взялись за осуществление этой задачи. Неуклонно и систематически проводились мероприятия по улучшению и развитию советского строительства в самых отдаленных районах и аулах республики. Советская система управления подняла на невиданную высоту политическую активность бедноты, батрачества и середняцкой массы дайханства, таких отдельных и отсталых районов, как районы хивинских туркмен, вошедших с осени 1924 года в состав Туркменской ССР под общим территориально-административным названием «Ташаузский округ» (ныне Ташаузская область), которые впервые с 1925 года стали советизироваться и которых советская власть застала со всем их чрезвычайно отсталым экономическим, политическим и культурно-бытовым укладом.

Комсомол, Советы, батрачкомы и многие другие организации советской общественности пустили глубокие корни в народ и стали подлинными организаторами масс в борьбе за социалистическую переделку жизни туркменского народа.

Молодая партийная организация республики под руководством ЦК ВКП(б) проводила поистине колоссальную работу в массах. Ценой величайших усилий рядовых коммунистов и комсомольцев она в кратчайший срок вывела трудящиеся массы республики из вековой отсталости на путь бурного социалистического развития.

В результате выполнения и перевыполнения планов сталинских пятилеток Туркменистан неузнаваемо изменился: там где лежали мертвые пески, возникли новые города и поселки, выросли фабрики и заводы, шахты, промыслы, рудники, пролегли широкие многоводные каналы. Если старый Туркменистан почти совершенно не имел крупной промышленности и промышленного пролетариата, то в Советском Туркменистане уже к 1942 г. насчитывалось 3 131 промышленное предприятие с механическими двигателями и с 36 600 рабочих, в том числе в крупных предприятиях 28 000 рабочих, а продукция промышленности в производственном балансе народного хозяйства Туркменской ССР в том же году составляла 70%. Численность рабочих в 1938 г. возрасла по сравнению с 1925 г. в 11 раз[1]).

Молодой туркменский рабочий класс, выросший, воспитанный и закаленный в годы сталинских пятилеток, со дня своего рождения становится боевым отрядом активных и сознательных строителей коммунизм-

[1]) «Туркменская искра» от 14 сентября 1949 года Постановление ЦК КП(б) Туркменистана от 12 сентября 1949 г. о 25-летии Туркменской ССР.

ма, для которых труд стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства.

Рабочий класс, заняв ведущее место среди трудящихся Туркменистана, выделил из своей среды сотни талантливых организаторов и руководителей предприятий, целых отраслей социалистического хозяйства, советских, партийных и общественных работников.

Советский период истории Туркменистана и его северных районов наглядно показывает, что коллективизация сельского хозяйства была новым глубочайшим переворотом в истории развития туркменского народа. Раз и навсегда был положен конец существованию эксплоататорских классов в туркменском ауле и уничтожены нарождающие их причины, были выкорчеваны корни феодально-родовых пережитков, ликвидированы обнищание и малоземелье. Колхозный строй навечно освободил туркменских дайхан и дайханок от байской эксплоатации, от нищеты и бескультурья. Благодаря победе колхозного строя туркменский народ перешел с рельс отсталого полуфеодального-полупатриархального общества на рельсы социализма, минуя капиталистическую стадию развития.

Окончательная победа колхозного строя произвела решающие изменения в туркменском ауле. «На месте нищенского, раздробленного сельского хозяйства, с полукочевыми формами скотоводства, сотнями тысяч батраков и бедняков, нещадно эксплуатировавшихся баями, ныне цветут, богатеют крупные коллективные хозяйства, колхозы и совхозы, обеспеченные высокой техникой и агрокультурным обслуживанием, объединяющие свободных тружеников социалистического земледелия и животноводства»[1]).

Если в старом Туркменистане сельское хозяйство страдало от недостатка орошения и в нем широко применялось дедовское чигирное и кяризное орошение, то советская власть уже к 1940 г. построила свыше 1500 ирригационных сооружений. На ирригационное строительство в одном лишь 1941 году было отпущено свыше 254 млн. рублей.

«Десятки новых каналов прорезали бесплодные в прошлом пустыни, превратив их в цветущие сады и огромные поля «белого золота» — хлопка. Ручной труд хошарников по очистке ирригационной сети, особенно тяжелый в аму-дарьинских системах, повсеместно заменяется механизмами. На месте «кровавых водоразделов» прошлого, из года в год вызывавших ранее вспышки межродовой и межнациональной вражды, установлены тысячи гидросооружений и водомерных постов. Свыше 20 тысяч чигирей, приводившихся в движение живой силой, заменены самотечным орошением и машинными установками. Введены в действие и строятся новые водохранилища»[2]).

На базе новой техники и расширения оросительной системы в несколько раз выросла посевная площадь республики, особенно под хлопчатником, а средняя урожайность с одного гектара хлопчатника повысилась с 7 центнеров в 1928 году до 16,3 центнера в 1938 году.

Хлопководство стало ведущей отраслью сельского хозяйства республики. Туркменистан превратился в основную базу советского длинноволокнистого хлопка, в одну из крупных хлопководческих республик Советского Союза, а его северная часть (Ташаузская область) стала выполнять из года в год свыше $^1/_3$ части хлопковой программы республики.

---

[1]) Из письма «Вождю советского народа товарищу Сталину от туркменского народа». «Правда» от 29 января 1950 г.

[2]) Там же.

Туркменский народ увидел в советском хлопководстве свое счастье и залог процветания своей страны. Борьба за выполнение и перевыполнение планов по хлопку, борьба за повышение урожайности хлопка означала борьбу туркменского народа за социализм, за укрепление мощи советского государства, за расцвет культуры и зажиточной жизни трудящихся аулов и городов, борьбу за укрепление братской дружбы со всеми народами Советского Союза.

Советский период истории Туркменистана показывает, на примере его северных районов, что если в деле экономического развития Туркменистана советская власть в течение нескольких лет сделала столько, сколько не мог бы сделать ни один другой государственный строй в десятки и сотни лет, то не менее грандиозной и величественной была работа Советов в области просвещения и оздоровления туркменского народа.

Рост зажиточности колхозников и материального благосостояния трудящихся городов сопровождался невиданным развитием культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Достигнутые в этом отношении успехи выразились в количественном и качественном росте грамотности, в создании массовой школы на родном языке, в росте театрального искусства, в успехах литературы, печати, в росте национально-советской интеллигенции.

Огромные успехи культурной революции в Туркменистане были достигнуты на основе ленинско-сталинской национальной политики — политики равноправия и дружбы народов. Приступая к осуществлению культурной революции в Туркменистане партия большевиков и советская власть ставили своей задачей покрыть страну богатой сетью школ на родном языке, развернуть прессу, театры, кино и другие культурные учреждения на родном языке. Товарищ Сталин писал:

> «Почему — спрашивают — на родном языке? Да потому, что миллионные массы народа могут преуспевать в деле культурного, политического и хозяйственного развития только на родном, на национальном языке»[1]).

Еще в 1923 году на четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей товарищ Сталин говорил:

> «Ты хочешь сделать передовой свою страну в смысле поднятия ее государственности, — подымай грамотность населения, подымай культуру своей страны, — остальное приложится»[2]).

Руководствуясь этими указаниями вождя, большевики и Советы Туркменистана проделали исключительно огромную работу по повышению культуры туркменского народа. «Советский государственный строй за небольшой исторический срок ликвидировал культурную отсталость, которую ряд наций унаследовал от прошлого, дал возможность этим нациям догнать Центральную Россию и итти с нею в ногу дальше, вперед»[3]).

За годы советской власти Туркменистан превратился в страну самой передовой в мире социалистической культуры. Величайшим культурным достижением туркменских трудящихся явилось то, что они овладели и овладевают бессмертными и победоносными идеями Маркса,

---

[1]) И. Сталин. Соч., т. XI, стр. 355.
[2]) И. Сталин. Соч., т. V, стр. 328.
[3]) Передовая «Правда» от 8 октября 1949 г.

Энгельса, Ленина, Сталина, а также основными произведениями классиков русской и мировой литературы и современных советских писателей.

Самым существенным в росте национальной советской культуры Туркменистана, как и других братских республик, явилось ее социалистическое содержание, то, что она воспитывает людей, начиная с детства, в духе беззаветной любви и преданности народу, советской Родине, большевистской партии, великому делу Ленина — Сталина.

Советский период истории Туркменистана показывает, на конкретном примере его северных районов, что вместе с коренными изменениями в области экономики, культуры и общественных отношений в стране за годы советской власти произошло величайшее изменение в составе и характере людей Туркменистана, в составе хозяев и правителей страны.

Старым Туркменистаном управляли баи, ханы, беки, кетхуды и аксакалы — эксплоататоры, враги народа. «Знатными» людьми считалось несколько десятков крупных баев, ишанов, родовых вождей — ханов и беков. Они становились «знатными» лишь благодаря богатству, накопленному путем грабежей и насилий. Трудящие же люди — подавляющее большинство народа — день и ночь работали на баев за кусок хлеба или за клочек поливной земли, жили бесправно, бедно, в постоянной нужде и умирали в большинстве случаев от голода. Великая Октябрьская социалистическая революция раз и навсегда ликвидировала эту старую жизнь и порядок.

Советским Туркменистаном стал управлять сам туркменский народ, стали управлять рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, люди физического и умственного труда посредством Советов депутатов трудящихся. Вся власть принадлежит им. Они диктуют законы жизни Своими упорными трудовыми подвигами сотни и тысячи рабочих и работниц, колхозников и колхозниц и представители умственного труда становились действительно знатными, действительно уважаемыми людьми страны.

Победа колхозного строя вызвала к политической жизни и деятельности десятки, сотни и тысячи людей из числа бывших батраков, бедняков и середняков, которые благодаря своему упорному труду и замечательной способности к организации масс стали пользоваться в народе огромной популярностью и любовью, которыми никогда не пользовались и не могли пользоваться ханы, беки, сердары, махердары, кетхуды, аксакалы и другая знать феодально-байского прошлого — это Герои Социалистического Труда Ага Юсуп Али, Айнабад Бегенчева, Оразгельды Эрсарыев, Аширкакабаев, Баяр Овезов и др.; это Герои Советского Союза Курбан Дурды, Пена Реджепов, Тачмамед Ниязмамедов и др.; это лауреаты Сталинских премий Алты Карлиев, Берды Кербабаев и др.; это заслуженные деятели науки и искусства во главе с народным артистом СССР Аман Кульмамедовым, Мая Кулиевой, Анной Кулиевой, докторами наук Азимовым, Хидыровым, Ага Каррыевым, Чарыевым, Аннаевым и др.; это депутаты Верховных и местных Советов трудящихся во главе с знатным машинистом Мурад Чулетовым, знатным нефтяником Нияз Дурдыевым и др.; это рядовые колхозники и колхозницы-стахановцы; это знатные звеньевые, бригадиры и председатели колхозов: это знатные агрономы, врачи, мирабы, учителя, инженеры, техники, трактористы, чабаны; это знатные рабочие и работницы, стахановцы заводов, фабрик и промышленных артелей; это работники партийно-советских и хозяйственных учреждений. Это новые люди, выдвинувшиеся из трудового народа, которых обучила советская школа, кото-

рых воспитала наша великая партия большевиков. Все эти новые люди и управляют ныне Туркменской ССР.

При этом следует подчеркнуть, что колхозный строй раз и навсегда положил конец феодально-байскому рабству туркменских женщин, превратил их в большую силу в общественной жизни республики. Среди новых знатных людей Советского Туркменистана большой процент составляли женщины. В 1949 году 10 830 женщин-туркменок работали звеньевыми, бригадирами и председателями колхозов. Только за получение высоких урожаев хлопка 45 колхозницам было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, во главе которых стояла Айнабат Бегенчева, известная всему Советскому Союзу как инициатор создания пришкольных ученических участков высокого урожая. В том же году среди депутатов Верховного Совета СССР было 7 лучших дочерей туркменского народа, 72 женщины-туркменки являлись депутатами Верховного Совета республики, 3 473 — депутатами местных Советов. Более 1 000 молодых туркменок работали учительницами в школах. Много женщин-туркменок были на руководящей работе в республике.

Отличительной чертой новых людей нового Туркменистана, новой, социалистической туркменской нации явились их высокий духовный и моральный облик, их замечательные качества советского патриотизма — любовь и беззаветная преданность советской Родине, большевистской партии, великому Сталину, социалистическое отношение к труду и социалистической собственности, чувство дружбы и братского сотрудничества со всеми народами нашей Родины, чувство солидарности с трудящимися других стран.

Все эти грандиозные успехи, достигнутые туркменским народом за годы советской власти, получили свое историческое отражение в великой Сталинской Конституции Союза ССР, проявление и принятие которой для туркменского народа, как и для всех народов Советского Союза, было большим праздником. Новая Конституция Туркменской ССР, базирующаяся на основные принципы Великой Сталинской Конституции СССР, в законодательном порядке закрепила все завоевания трудящихся Туркменистана и вдохновила их на новые достижения на пути к коммунизму.

Советский период истории Туркменистана убедительно показывает, на конкретном примере его северных районов, что все успехи, достигнутые туркменским народом со времени Великой Октябрьской революции, стали возможны только и только благодаря руководству великой партии большевиков и гениальных вождей трудящегося человечества — Ленина и Сталина. Успехи туркменского народа есть результат неуклонного осуществления ленинско-сталинской национальной политики.

В практическом проведении в жизнь этой великой политики большая заслуга принадлежит славному отряду героической партии Ленина — Сталина — коммунистической партии (большевиков) Туркменистана, которая ценой величайших усилий и дерзаний своих членов под руководством ЦК ВКП(б) успешно справилась с гигантскими задачами социалистического строительства в Туркменистане.

Советский период истории Туркменистана наглядно показывает, на конкретном примере его северных районов, что превращение туркменского народа из отсталого, угнетенного, колониального в свободный, богатый, полноправный стало возможно благодаря братскому сотрудничеству его со всеми народами великого Советского Союза, благодаря тому, что он находится в дружной и могущественной семье советских

народов, благодаря огромной помощи со стороны союзного правительства.

Особенно велика заслуга братского русского народа перед туркменским народом. Последовательным проведением ленинско-сталинской национальной политики, братским, чутким, осторожным, снисходительным отношением к национальной особенности, быту, культуре, интересам и потребностям туркменских трудящихся, искренней помощью им, длительной, совместной борьбой против внутренних и внешних врагов, братским сотрудничеством в деле строительства социализма, — всем этим русский рабочий класс и русский народ завоевали к себе безграничную любовь и признательность туркменского народа.

Вполне заслуженно товарищ Сталин охарактеризовал русский народ как наиболее выдающуюся нацию из всех наций, входящих в состав Советского Союза, как руководящую силу Советского Союза среди всех народов нашей страны, как народ с ясным умом, стойким характером и революционным размахом.

Советский период истории трудящихся Туркменистана наглядно показывает то, как братская дружба туркменского народа со всеми народами великого Советского Союза, как его советский государственный строй и все другие стороны его новой социалистической жизни успешно выдержали такие величайшие испытания, как испытание Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков, которого не выдержала бы никакая другая политическая и экономическая система в мире.

История туркменского народа за советский период наглядно подтверждает указание товарища Сталина о том, что «советский государственный строй представляет такую систему государственной организации, где национальный вопрос и проблема сотрудничества наций разрешены лучше, чем в любом другом многонациональном государстве[1]).

Дружба народов СССР — это, — учит товарищ Сталин, — самое ценное, большое и серьезное завоевание большевистской национальной политики, «ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует»[2]).

Могучая сила сталинской дружбы народов особенно ярко проявилась в годы Великой Отечественной войны. «Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков»[3]).

Далее, история Туркменистана за советский период наглядно показывает то, как благодаря трудовому героизму советских людей и братской взаимопомощи народов СССР сталинские пятилетние планы народного хозяйства один за другим, год за годом обеспечивали бурный рост экономики, культуры и материального благосостояния трудящихся национальных советских республик. Успешное выполнение грандиозных задач послевоенной сталинской пятилетки принесло дальнейший расцвет хозяйства и культуры народов Советского Союза, в том числе и туркменского народа.

Великие успехи туркменского народа, достигнутые им за годы советской власти, а также глубокая любовь, безграничная преданность, признательность и благодарность туркменского народа великой партии

---

[1]) «Большевик», 1946, № 3, стр. 4.

[2]) И. Сталин. Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана... 4 декабря 1935 г.

[3]) И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1949, стр. 105.

большевиков, великому русскому народу, всем братским народам СССР, мудрейшему своему вождю и учителю товарищу Сталину, были еще раз ярко продемонстрированы в торжественные дни трудящихся СССР и ТССР, посвященные славному семидесятилетию великого вождя И. В. Сталина, выборам в Верховный Совет СССР и 25-летию образования Туркменской ССР.

В эти дни туркменский народ подвел замечательные итоги пройденного им пути героической борьбы и труда и показал свою готовность и стремление неудержимо итти вперед и только вперед, к новым достижениям, к сияющей вершине коммунизма, которую он достигнет вместе и рука об руку со всеми народами Советского Союза во главе с великим русским народом и под руководством героической партии Ленина — Сталина.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература и архивные фонды, использованные в работе. Труды классиков марксизма-ленинизма

Энгельс Ф. — Происхождение семьи, частной собственности и государства. Изд. 1937 г.

Энгельс Ф. — Россия в Средней Азии. Соч., т. XI, ч. I.

Ленин В. И. — О каррикатуре на марксизм. Соч., т. XIX, изд. 3.

Ленин В. И. — Развитие капитализма в России. Соч., т. III, изд. 3.

Ленин В. И. — О сепаратном мире. Соч., т. XIX, изд. 3.

Ленин В. И. — VIII съезд РКП(б). Заключительное слово по докладу о партийной программе. Соч., т. XXIV, изд. 3.

Ленин В. И. — Разговор В. И. Ленина с И. В. Сталиным по прямому проводу. Ленинский сборник, т. XVIII.

Ленин В. И. — Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч., т. XXV, изд. 3.

Ленин В. И. — Замечания на проекте Туркестанской комиссии. Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 326.

Ленин В. И. — Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики. Соч., т. XXVI.

Ленин и Сталин о Средней Азии и Узбекистане. Сборник статьи и речи. Ташкент. 1940.

Сталин И. В. — Марксизм и национальный вопрос. Раздел — Национальное движение. Соч., т. II, стр. 305.

Сталин И. В. — Одна из очередных задач. Соч., т. IV.

Сталин И. В. — Не забывайте Востока. Соч., т. IV.

Сталин И. В. — Советским и партийным организациям Туркестана. Соч., т. IV

Сталин И. В. — Об объединении советских республик. Доклад на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 года. Соч., т. V, стр. 151.

Сталин И. В. — Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии. Соч., т. V, стр. 181—182.

Сталин И. В. — Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 9—12 июня 1923 г. Речь по первому пункту порядка дня совещания: «Дело Султан-Галиева». Соч., т. V, стр. 306, 308.

Сталин И. В. — О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Жур. «Большевик», № 9, 1941.

Сталин И. В. — Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 9—12 июня 1923 г. Заключительное слово. 12 июня. Соч., т. V, стр. 328.

Сталин И. В. — Октябрьская революция и вопрос о средних слоях. Соч., т. V, стр. 345.

Сталин И. В. — Октябрьский переворот и национальный вопрос. Раздел — Февральская революция и национальный вопрос. Соч., т. IV, стр. 156.

Сталин И. В. — Октябрьский переворот и национальный вопрос. Раздел — Октябрьская революция и национальный вопрос. Соч., т. IV, стр. 159, 161.

Сталин И. В. — Политика Советской власти по национальному вопросу в России. Соч., т. IV, стр. 362.

Сталин И. В. — Наши задачи на Востоке. Соч., т. IV.

Сталин И. В. — Речь при открытии II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока. Соч., т. IV.

Сталин И. В. — О перспективах революции в Китае. Соч., т. VIII.

Сталин И. В. — Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б).

(26/I—1934 г.). «Вопросы ленинизма», изд. XI, стр. 474.
Сталин И. В. — О политических задачах Университета народов Востока Соч., т. VII, стр. 136, 139.
Сталин И. В. — О диалектическом и историческом материализме. В кн. «Вопросы ленинизма», изд. XI.
Сталин И. В. — Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. Раздел — Вопросы руководства внутрипартийными делами. Соч., т. XII, стр. 371.
Сталин И. В. — Вопросы ленинизма. Изд. XI.
Сталин И. В. — Марксизм и национально-колониальный вопрос. Изд. 1937 г.
Сталин И. В. — О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 1949 г.
История ВКП(б) «Краткий курс». Изд. 1946 года.

Опубликованные партийные решения и резолюции

ВКП(б) в резолюциях, ч. I—II, Госполитиздат, 1940.
КП(б) Туркменистана, Съезд I. Резолюции съезда КП(б) Туркменистана. Полторацк (Ашхабад), 1925 г.
Очередные задачи работы в ауле. Тезисы к I съезду коммунистической партии (большевиков) Туркменистана. Полторацк (Ашхабад), 1925 г.
КП(б) Туркменистана. Отчет организационного бюро коммунистической партии (большевиков) Туркменистана. (Декабрь 1924— февраль 1925), Полторацк (Ашхабад), 1925 г.
Отчет о работе Туркменского областного комитета КПТ III сессии. Полторацк (Ашхабад), 1921 г.
КП(б) Туркменистана. Отчет Центрального Комитета коммунистической партии (большевиков) Туркменистана за время февраль—декабрь 1925 г. II съезду КП(б)Т. Полторацк (Ашхабад), 1925 г.
КП(б) Туркменистана. Резолюции II съезда коммунистической партии (большевиков) Туркменистана (3—9 декабря 1925 года). Полторацк (Ашхабад), 1925 г.
Коммунистическая партия (большевиков) Туркменистана. Съезд II. О задачах союза Кошчи. Тезисы ко II съезду КП(б)Т. Полторацк (Ашхабад), изд. ЦК КП(б)Т, 1925 г.
Основные задачи хозяйственного строительства. (Тезисы ко II съезду КП(б)Т. Полторацк (Ашхабад), 1925 г.
КП(б) Туркменистана. Отчет ЦК КП(б)Т и НК РДИ ТССР за время февраль—декабрь 1925 г. II съезду КП(б)Т. Полторацк (Ашхабад), 1925 г.
КП(б)Т. Пленум III. Отчет Исполбюро Центрального Комитета — коммунистической партии (большевиков) Туркменистана III пленуму Центрального Комитета коммунистической партии (большевиков) Туркменистана (16—20 октября 1925 года). Полторацк (Ашхабад), 1925 г.
КП(б)Т. Съезд III. Отчет Центрального Комитета КП(б)Т. Декабрь 1925— ноябрь 1927 г. К III съезду КП(б)Т. Ашхабад, изд. КП(б)Т, 1927 г.
Коммунистическая партия (большевиков) Туркменистана. Отчет Центр. Контрольной Комиссии компартии (большевиков) Туркменистана. Декабрь 1925 г. — октябрь 1927 г. к III съезду КП(б)Т. Ашхабад, изд. ЦК КП(б)Т, 1927 г.
КП(б) Туркменистана. Резолюции III съезда коммунистической партии (большевиков) Туркменистана (15—22 ноября 1927 г.). Ашхабад, 1927 г.
Резолюции IV и V пленумов ЦК КП(б)Т, декабрь 1926 г. — март 1927 г. Полторацк (Ашхабад), изд. ЦК КП(б)Т, 1927 г.
КП(б) Туркменистана. Отчет Центрального Комитета компартии (большевиков) Туркменистана. Ноябрь 1927 г. — декабрь 1928 г. IV съезду КП(б)Т. Ашхабад, 1928 г.
КП(б) Туркменистана. Третий объединенный пленум ЦК и ЦКК. Резолюции и постановления. Ашхабад, 1928 г.
Средне-Азиатские партийные организации в цифрах (1925-1930 г.г.). Изд. Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б). Ташкент 1930 г.
Материалы и документы I съезда компартии Туркменистана. Ташкент, Средазпартиздат, 1934 г.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеенков П. — Что такое басмачество. Ташкент, 1931 г.
Алексеенков П. — Национальная политика временного правительства в Туркестане в 1917 году. В журнале «Пролетарская революция», № 79, 1928 г., стр. 104—132.
Архипов Н. Б. — Средне-Азиатские республики. М—Л., 1930.
Аскоченский А. Н. — Водное хозяйство Туркмении Москва—Ташкент, 1934 г.
Багиров М. Д. — Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана. Госполитиздат, Москва, 1948 г.

Бурджалов Э. — 26 бакинских комиссаров. Госполитиздат, М., 1938 г.
Бахрушин С. — Великая Октябрьская революция и народы Средней Азии. «Исторический журнал», № 10, 1942 г.
Бартольд В. В. — Очерки истории туркменского народа. «Туркмения». Изд. Академии наук СССР, т. I, Ленинград, 1929 г.
Бартольд В. В. — Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926.
Бартольд В. В. — История культурной жизни Туркестана. М., 1927 г.
Борисов А. — Поход конной группы 8-й кавбригады в Кара-Кумы в 1927 г. Москва, 1932 г.
Березкин В. — В Гюргенской долине (очерк туркмено-курдского восстания в 1924—1926 г.г.) Москва—Ташкент, 1931 г.
Восстание 1916 года в Туркмении. Сборник документов. Ашхабад, 1928 г.
Бацер Д. — Очерки экономического развития ТССР. Журн. «Туркменоведение», 1929 г., №№ 8—9, 12.
Волынский С. Г. — Основные вопросы строительства Туркменской ССР. (Беседа о Туркменистане). Туркменгосиздат, Ашхабад, 1928 г.
Всетуркменский учредительный съезд союза Кошчи. Резолюция I Всетуркменского съезда союза Кошчи (25 ноября — 1 декабря 1925 года), Полторацк (Ашхабад), 1926 г.
Гафуров Б., Прохоров Н. Н. — Очерки из истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1944 г.
Гафуров Б., Прохоров Н. Н. — Падение бухарского эмирата. Сталинабад, 1940 г.
Генкина Э. Б. — Образование СССР. Изд. II, М., 1947 г. (См. рецен. в журн. «Вопросы истории», № 14, 1948 г.).
Гуревич А. — Земельно-водная реформа в Узбекской ССР. Журн. «Вопросы истории», № 11, 1948 г.
Декреты Октябрьской революции, т. I, 1938.
Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I, 1941 г.
Додонов И. К. — Февральская революция в Узбекистане. Докторская диссертация, в 1050 стр. хранится в ГПБ им. Ленина).
Дембо Л. И. — Земельный строй Востока, Л., 1927 г.
Джанумянц С. А. — Об ирригационных перспективах Туркменистана, сб. «Советская Азия», 1931 г., № 1—2.
Ефанов Л. — Земельно-водная реформа в Мервском и Тедженском оазисах 1926-27 г.г. Журн. «Народное хозяйство Средней Азии», 1927, № 4.
Житов К., Непомнин В. — От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939 г.
Житов К. — Краткий очерк истории Узбекистана. Ташкент, 1947 г.
Иванов П. П. — Архив Хивинских ханов XIX века. Ленинград, 1940 г.
История гражданской войны в СССР, т. I—II, 1938 г. — 1942 г.
История народов Узбекистана, т. II, ч. III. Ташкент, 1947 г.
История Казахской ССР. Алма-Ата, 1943 г. Главы XXII—XXXI. (См. рецен. в журн. «Большевик», № 6, 1945 г.).
Карпов Г. И. — Очерки истории Туркмении и туркменского народа. Ашхабад, 1940 г.
Карпыч В. — К истории возникновения Туркменской ССР (отрывок из некоторых документов и воспоминаний). Журн. «Туркменоведение», 1928 г., № 10—11.
Курбанов Л., Карпов Г. И. — Прошлое и настоящее туркменского народа. Ашхабад, 1942 г.
Карпов Г. И. — Гражданская война в Туркмении. Ашхабад, 1940 г.
Карпов Г. И., Школьников Е. — Туркменская ССР (соц. экономич. очерки), М., 1945 г.
Кондрашов С. К. — Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса. Москва, 1916 г.
Козлов Г. — Гражданская война в Туркмении, ч. I. Ашхабад, 1934 г.
Козлов Г. — Красная гвардия и Красная Армия в Туркмении. Ашхабад, 1928 г.
Каррыев Б. А. — Хрестоматия по туркменской литературе для 8-го класса. Ашхабад, 1945 г.
Козлов Г. — Зачатки большевизма в революционном движении в Туркмении. Ашхабад, 1928 г.
Конституция (Основной Закон) Туркменской ССР. Ашхабад, 1927 г.
Конституция (Основной Закон) Туркменской ССР, принятая на VI Чрезвычайном съезде Советов ТССР, Ашхабад, 1937 г.
Книжников Л. А. — Бои и будни (Краткий исторический очерк 8-й отд. Туркестанской кавбригады). Мары, 1928 г.
Краеведческая хрестоматия. Советский Туркменистан. Ашхабад, 1930 г.
Летопись печати Туркменистана. Ашхабад, 1930 г.

Коммари М. Д. — СССР — великое содружество социалистических наций. Изд. Академия наук СССР, Москва, 1950 г.
Лобачевский В. — Военно-статистическое описание. Хивинский район. Ташкент, 1912 г.
Материал по районированию Средней Азии. Кн. II, Хорезм, Ташкент, 1924 г.
Материалы по истории ферганского басмачества и боевых операций в Бухаре. Москва, 1924 г.
Материал по районированию Туркестана. Вып. II, Ташкент, 1924 г.
Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, Москва, Ленинград, 1938 г.
Медведев М., Барабаш — По следам Джунаида. Ташкент, 1928 г.
Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 г.г. Сборник документов. Кн. II, Ашхабад-Москва, 1946 г.
«Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 г.г.». Сборник документов. Кн. IV, Ашхабад-Москва, 1946 г.
Контрольные цифры народного хозяйства ТССР на 1927—1928 г.г. Ашхабад, 1927 г.
Отчет 2-го экономического совещания Туркестанской республики, ноябрь 1922 г. Ташкент, 1923 г.
Мор А. — Ирригация Туркменской ССР. К плану работ на 1925-26 г.г., Полторацк, (Ашхабад), 1925 г.
Моргуненков Р. П., Севастьянов И. А. — Новая Туркмения. Ирригационные перспективы ТССР. Ташкент, 1925 г.
Немченко М. А. — Аграрная реформа в Туркмении. Журн. «Новый Восток», 1927 г., № 19.
Немченко М. А. — Динамика туркменского крестьянского хозяйства. Ашхабад, 1930 г.
Никитин В. В. — Богарное земледелие Туркмении, Ашхабад, 1930 г.
Отчет по ревизии Туркестанского края... К. К. Палена, СПБ, 1910 г.
Панкратова А. М. — Великий русский народ — выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза. М., 1947 г.
Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сборник документов. Ташкент, 1942 г.
Примерный Устав сельхозартели. Изд. 1942 г.
Протопопов Д. — Землеводореформа среди нацменьшинства Туркменистана. Журн. «Новый Восток», 1928, № 22.
Ризаев Г. Р. — Краткий очерк земельно-водной реформы в Узбекистане. Госиздат УзССР, Ташкент, 1947 г.
Риценкампф Г. К. — Проблемы орошения Закаспия. М., 1921 г.
Русинов В. В. — Водоземельные отношения и община у туркмен. Ташкент, 1918 г.
Сборник «Год работы правительства ТССР» (материалы к отчету за 1926-27 г.г.). М., 1928 г.
Сборник «Земельно-водная реформа в Средней Азии» под редакцией И. С. Краскина. М.—Л., 1927 г.
Сборник «Проблемы Туркмении». Труды I конференции по изучению производительных сил Туркменской ССР, т. I, изд. АН СССР, Л., 1934, т. II, изд. АН СССР, Л., 1935 г.
Сборник «Средняя Азия в цифрах». Ташкент, 1931 г.
Сборник «Туркмения». Изд. АН СССР, т. I, II, III. Л., 1929 г.
Струдзюмов Н. — Туркменская ССР. Госсоцэкиздат, М., 1940 г.
Субботич Д. И. — Материалы по землеводопользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта Д. И. Субботича. Ашхабад, 1903 г.
Семенов А. — К проблеме национального размежевания Средней Азии. Ташкент, 1924 г.
Соловейчик А. — Басмачество в Бухаре. Москва, 1923 г.
Сытин А. — В песках Кара-Кума. Москва-Ленинград, 1928 г.
Сизоненко Б. — Образование Туркменской ССР.
Стенографический отчет I съезда Советов Туркменской ССР. Ашхабад, 1925 г.
Сельское хозяйство Туркмении на 1 января 1934 г. Ашхабад, 1934 г.
Трайнин И. П. — Великое содружество народов СССР. Изд. II, М., 1946 г.
Токаржевский Е. А. — Бакинские большевики — организаторы борьбы против турецко-германских и английских интервентов в 1918 г. Аз. филиал ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Труды XV. Баку, 1949 г.
Туркменская ССР. Административно-территориальное деление. Ашхабад, 1940 г.
Туманович О. — Туркменистан и Туркмены. (Материалы к изучению истории и этнографии). Ашхабад, (Полторацк), 1926 г.
Фрунзе М. В. — На фронтах гражданской войны. (Сборник документов). Москва, Воениздат, 1941 г.

Филиппов С. Т. — Фрунзе и Куйбышев — организаторы побед на фронтах Средней Азии. Ашхабад, 1940 г.
Чепрунов Б. — Поход Джунаид-хана на Турткуль. В кн. «Сборник статей к 10-летию Бухарской и Хорезмской революции». Ташкент, 1930 г.
Шкапский Ор. — Аму-Дарьинские очерки. (К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье). Ташкент, 1900 г.
Шаумян С. Г. — Статьи и речи. Баку, 1929 г.
Штейнберг Е. Л. — Очерки истории Туркмении. М.—Л., 1934 г.
Штейнберг Е. Л. — Туркменская земля у нас и за границей. Москва, изд. «Молодая гвардия», 1930 г.
Эйде И. — Афганистан — его прошлое и настоящее. Ленинград, 1928 г.
Якубовская С. И. — Объединительное движение за образование СССР (1917—1922). М., 1947 г.

ЖУРНАЛЫ

«Антропология», № 1—2, 1933 г.
«Большевик», № 10, май—июнь, 1944 г., № 3, 1946 г.
«Война и революция», № 6, 1928 г.
«Война в горах и пустынях», № 5, 1933 г., изд. «Красной Звезды».
«Исторический журнал», № 3 за 1941 г., № 10, за 1942 г.
«Исторический вестник», т. Л XXXIX, С.-Петербург, 1902 г.
«Красная Армия», № 10—11, 1922 г. (Вестник ВПО).
«Народное хозяйство Средней Азии» № 2—3, 1924 г. и № 6—7, 1926 г.
«Научная ассоциация Востоковедения СССР», кн. XXIX, Ташкент, 1930 г.
«Новый Восток», № 3, 4 и 18 за 1923 г., № 10—11 за 1925 г., № 29 за 1930 г.
«Октябрь», кн. IX, 1934 г.
«Пограничник», № 1, 2, 1941 г.
«Соловецкие острова», № 4, 5—6, 1926 г.
«Туркмен-или» (орган ЦК компартии Туркестана), № 2 и 3, 1922 г. (на туркменском языке).
«Туркменоведение», № 10—11 за 1928 г; № 6—7 и 12 за 1929 г.; № 1 за 1930 г.
«Этнография», № 4, кн. XII, 1930 г.
«Блокнот агитатора». XV лет ТССР. Ашхабад, 1939 г.
«Блокнот агитатора». XX лет ТССР. Ашхабад, 1944 г.

ГАЗЕТЫ

«Правда», № 178 от 3 ноября 1917 г., № 67 от 9 февраля 1918 г., № 293 от 27 декабря 1919 г., 8 октября 1949 г., 29 января 1950 г.
«Известия ТуркЦИК'а». Ташкент (все номера за 1918 год).
«Жизнь национальностей». Москва (орган Наркомнаца).
№ 14 за 1919 г.,
№ 9 и 24 за 1920 г.,
№ 1 и 18 за 1921 г.,
№ 2, 3 и 4 за 1922 г.,
№ 5 за 1923 г.
«Туркестанские ведомости», № 43 за 1903 г., и № 5 от 9 (22) марта 1916 г.
«Туркменская искра» от 4, 9, 17 и 25 августа 1925 г.
№ 175 и 246 за 1927 г.,
№ 183 и 185 за 1928 г.,
№ 43 за 1929 г.
«Роста». Самарканд, 1919 и 1920 г.г. (все номера).
«Правда Востока» от 17 ноября 1949 г.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Материалы Центрального Архива Красной Армии (Москва)

Фонды «Закаспийского фронта» и «Туркестанского военного округа».
Ф. 110, оп. 1, д. 7, 10, 18, 19, 50, 52, 62, 106, 170, 192.
Ф. 110, оп. 2, д. 114, 193, 689, 743, 793, 816, 920, 924, 928, 929, 1042, 1052.
Ф. 110, оп. 3, д. 935 и 980.
Ф. 110, оп. 4 д. 1080, 1088, 1200, 1641а, 1646, 1809.
Ф. 267, оп. 1, д. 12, 14, 21.
Ф. 267, оп. 2, д. 2, 3.
Ф. 279, оп. 1, д. 3, 4, 6, 8, 9, 11, 13, 17.
Ф. 994-б, оп. 2, д. 236, 233, 234, 245, 248, 264.
Ф. 994-б, оп. 4, д. 25, 26, 27.

Материалы Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции (ЦГАОР). Москва.

Фонд Наркомвнца, 1318, д. 42, 47, 54, 200, 255, 261, 276, 278, 1218, 1231, 1271, 1301, 1319, 1327, 1375 и 1600.

Материалы Архива Октябрьской Революции (АОР) Туркменской ССР

Фонд 1, опись 2, дела: 28, 47, 58, 59, 60, 60а, 63, 69, 69а, 98, 102, 122, 134, 138, 153, 204, 208, 289, 294, 301, 367, 368, 389, 390, 416, 422, 425а, 426б, 433, 448, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 480, 523, 532, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 752, 777, 807, 812, 886, 901, 902, 941, 1030, 1041, 1042, 1044, 1045, 1087, 1140, 1143, 1146, 1147, 1290.

Фонд 1, опись 4, дела: 3, 5, 13, 66, 66А, 67, 68, 89, 91, 109, 110, 131, 134, 135.
Фонд 2, оп. 1, д. 478.
Ф. 54, д. 12, 13, 614.
Ф. 313, д. 16.
Ф. С/Б, д. 169, 256, 270, 323, 329, 333 и 342.

Материалы Центрального Государственного Архива Туркменской ССР

Ф. 1, оп. 1, д. 24, 69, 100, 104, 179, 180, 184, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 267, 268, 269, 272, 284, 285, 286, 304, 344, 428, 562а, 563, 563а, 565, 879, 879а, 885, 887, 889, 890.

Ф. 1/1, оп. 1, д. 180, 181, 182, 186, 192.
Ф. 2/2, оп. 1, д. 79, 81, 82, 83, 292, 410, 437.
Ф. 2/2, оп. 1, д. 79.
Ф. 2, оп. 1, д. 280, 284, 285, 291, 292.
Ф. 3/78, оп. 1, д. 65, 150.
Ф. 27, оп. 1, д. 2.
Ф. 50, оп. 1, д. 149.
Ф. 50/8, оп. 1, д. 84, 149.

Материалы Архива Туркменского Филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

Ф. 1, оп. 1, д. 151, 178, 397, 974а, 2684.
Ф. 1, оп. 2/1, д. 9, 9-а.
Ф. 17, д. 6, 19, 76, 138, 149.
Ф. 19, оп. 1, д. 123, 215, 218, 316, 334.

Ф. № 21, оп. 1, д. 1, 2, 3, 4, 5, 6. 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28.

Материалы Института Истории Компартии (ИИКП) при ЦК КП(б) Узбекистана

Ф. IV, д. 64/8, д. 3-а.

Ф. по Хиве — Хорезму, д. 1, 5, 6, 7, 8, 30, 107, 108, 245, 349, 367, 368, 377, 478, 479, 480, 716, 717, 725, 782, 801, 811, 815, 816, 821, 859, 974, 928, 1021, 1076, 1089, 1166, 1180, 1191, 1222—1223, 1257, 1342.

Материалы Архива Узбекского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

Ф. 361, оп. 1/1, д. 6/7, 13, 33, 34, 63, 64, 66, 67, 68, 69, 86, 95, 96, 108, 125, 127, и 128.

Ф. 361, оп. 2/1, д. 19, 26, 28, 79, 80, 81, 84, 91, 96, 98, 105, 111, 114, 118, 120, 123, 125, 141, 142, 143, 175, 184, 259, 265, 266, 269, 277, 278, 279, 342, 343, 347, 351, 352, 354, 388, 393, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 408, 417, 420 и 423.

Фонд № 57 Туркбюро ЦК РКП(б) и Туркомиссии ВЦИК'а РСФСР, д. 16.

Материалы Центрального Государственного Исторического Архива (ЦГИА) Узбекской ССР

Фонд канцелярии Туркестанского генерал-губернатора:
Ф. 1141, оп. 1, д. 1036, 1104 и 1176.
Ф. XII, д. 1899-а.
Фонд дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе:
Архив № 291, 2819, 2910 и 2918.

Материалы Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции (ЦГАОР) Узбекской ССР

Фонд «Хивинские дела» (за 1916—1917 г.г.):
Д. 28, 126, 127, 128, 129, 153.
Д. 5, (за 1919 г.) «Штаба войск хивинской группы».
Фонд ЦИК'а Туркестанской республики:
Д. 17, 37, 79, 202.
Фонд Правительства Хорезмской НСР:
Фонд ЦИК'а ХНСР, № 71, оп. 1, д. 4, 8, 9, 14, 17, 18, 24, 29, 31, 36, 37, 39, 55, 60, 2, 73, 75, 80, 87, 106, 108, 109, 112, 113, 166 и 178.
Фонд совета назиров ХНСР № 72, оп. 1, д. 6, 7 и 11.
Фонд экономсовета ХНСР, № 73, оп. 1, д. 1, 17, 19, 20, 43, 79, 92, 93 и 94.
Фонд назирата земледелия ХНСР, № 74, оп. 1, д. 19 и 31.
Фонд назирата иностранных дел ХНСР, № 80, оп. 1, д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.
Фонд полпредства ХНСР при Туркестанской АССР, № 69, оп. 1, д. 2, 31-а, 31-б, 32 и 33.

Материалы Военного Отдела Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции (ВО ЦГАОР) УзССР

Фонд Туркестанского военного округа:
Ф. 1, д. 340 и 370.
Ф. 626, д. 16.

МАТЕРИАЛЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ТУРКМЕНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

№№ дел по инв. книге № 1

Стенограмма совещания быв. красногвардейцев и красных партизан . . . 40
Стенограмма вечеров воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении . . . 54
1905 год в Туркмении . . . 56
Материалы о подпольной работе в Ашхабаде в 1918—1919 г.г. . . . 72
О работе первого СНК Закаспийской области . . . 81
Красная гвардия — Красная Армия в Туркмении в 1917—1918 г.г. . . . 82
Воспоминания о Житникове (1918 г.) . . . 86
Воспоминания о Закаспийском фронте (1918—1919 г.г.) . . . 87
Воспоминания участников о Закаспийском фронте . . . 88
Забастовка союза печатников в Ашхабаде в 1918 г. . . . 90
«Правда о чрезвычайном комиссаре Фролове» (1918 г.) . . . 162
Воспоминания о взятии красными Челекена . . . 103
Работа Полторацкого в Закаспии и его расстрел . . . 236
Стенограммы собрания бывш. работников Закаспия для обсуждения книги Козлова «Зачатки большевизма в Туркмении» . . . 242
Воспоминания участников гражданской войны в Туркмении . . . 297
Воспоминания о революции 1905 г. и гражданской войны в Туркмении . 298
Систематическая сводка номеров карточек по важнейшим событиям революционного движения на территории ТССР (за период с 1905 по 1924 г.) . . . 301
Материалы по нац. размежеванию Ср. Аз. республик . . . 303
Закаспийский фронт в документах (подборка документов из ЦАКА), часть I—II . . . 349
Документы револ. периода 1917—1919 г.г. (подборка из материала ЦАКА) часть I—III . . . 350
Жизнь и деятельность товарища Куйбышева в Ср. Азии . . . 363
Материалы о гражданской войне в Ср. Азии и Хиве . . . 427
Гражданская война в Ср. Азии. («26 бакинских комиссаров», перевод с английской статьи ген. Маллесона) . . . 452
Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении (на туркменском языке) . . . 537
Полтора года советского строительства в ТССР . . . 579
К истории революции в бывшем Бухарском ханстве (хроника событий в Керкинском вилайэте 1917—1920 г.г.) . . . 589
Материал по истории хорезмских туркмен . . . 597
Народное образование в Туркмении до и после Октябрьской революции (1882—1935 г.г.) . . . 622

Андрей Фролов в Закаспии 658
Туркмения в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1924 г.г.) 700
Материалы к истории Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Туркменистана 707
Туркменская ССР в период борьбы за восстановление народного хозяйства (1921—1925 г.г.) 709
Туркмения в период социалистической реконструкции 1925—1929 г.г. . 709-а
О национальных меньшинствах (на туркменском языке) 751
Материалы к теме: «Московские рабочие на помощь туркменскому народу» (Воспоминания) 755
Материалы к теме: «Московские рабочие на помощь туркменскому народу». 755-а
Материалы-воспоминания к теме: «Московские рабочие на помощь туркменскому народу» 755-б
Два года революционной работы в Ашхабаде (1905—1906 г.г.) 766
Басмачи в Хорезме и роль их в Хивинской революции 779
Бяшим Сердар — Герой туркменского народа 792
Павел Герасимович Полторацкий 1062
Из прошлого закаспийской печати 1894—1919 г.г. 1063

По инвентарной книге № 2

К истории туркменских национальных формирований Рабоче-Крестьянской Красной Армии (краткие справки) 1262
М. И. Калинин в Туркменистане 1393
М. В. Фрунзе туркменскому народу 1394
Воспоминания руководителя партизанского отряда Аллаяр Курбанова . 1496
Записки Л. М. о походе генерала Галкина в Хиву в 1916 г., инв. книга № 1, д. 776.
Доклад полковника Зайцева о Хиве, инв. кн. 1, д. 427.
Хивинские дела (Штаб войск хивинской группы), инв. кн. 1, д. 177.
Материалы гражданской войны в Средней Азии и в Хиве, инв. кн. 1, д. 427.
Доклады Шайдакова о Хиве, инв. кн. 1, д. 225.
Акатова А. И. — Восстание 1916 года в Туркмении.
О. Кулиев. — Гражданская война и английская интервенция в Туркмении.
Истомин С. С. — Колхозное строительство в Туркмении.
Малышев В. — Вода и борьба за нее в Северном Туркменистане.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие от автора 3
Глава I. Социально-экономическая и политическая жизнь хивинских туркмен накануне 1917 года 15
Глава II. Туркмены в восстании 1916 года и февральской революции 1917 года в Хиве 57
Глава III. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и усиление классовой борьбы в хивинском ханстве . . . 88
Глава IV. Установление диктатуры туркменских феодалов в Хиве . 98
Глава V. Ханская Хива и Советский Туркестан 109
Глава VI. Роль туркмен в свержении ханской власти в Хиве 125
Глава VII. Положение трудящихся хивинских туркмен при правительстве младохивинцев 151
Глава VIII. Туркмены при Хорезмской Народной советской республике (1921—1924 гг.) 178
Глава IX. Басмачество и его движение на территории Хорезмской республики в 1921—1924 г.г. 196
Глава X. Образование Туркменской ССР. Начало советизации районов хивинских туркмен в составе Туркменской ССР 224
Глава XI. Усиление общественно-политической активности трудящихся Северного Туркменистана в первые годы образования Туркменской ССР . 246
Глава XII. Экономические и культурные достижения районов Северного Туркменистана в период индустриализации страны 273
Глава XIII. Разгром басмаческой банды Джунаид-хана в 1927—1928 г.г. . 299
Глава XIV. Туркменские трудящиеся в борьбе с басмачеством 321
Глава XV. Коллективизация и Сталинская Конституция в районах Северного Туркменистана 357
Заключение 376
Библиография 391
Указатели географических названий, имен, местных слов

Редактор проф. С. П. Толстов
Техредактор Л. Т. Петрова
Корректор В. А. Комарова

Сдано в набор 21 апреля 1950. г. Подписано к печати 13/I—1951 г. Печ. лист. 25, Авт. лист. 50. Формат 70×108. Зак. № 618. Тираж 2000. И—01551.

Ашхабад, ул. Энгельса, 90. Типография Туркменского филиала Академии наук СССР

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

В КНИГЕ проф. НЕПЕСОВА Г. Н.

Стр. книги	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано	Следует читать
9		13	к его статье	и его статья
20		12	армычиев	ярымчиев
43	3		имеются:	именуются:
66	25		выхымдаров	вахымдаров
79	3		гарансалакский	гарасалакский
92		18	Кравченко	Коровиченко
109	1 (заглавия)		Туркменистан	Туркестан